Национальная библиотека Республики Карелия

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы XI научной конференции
(16 - 17 февраля 2017 г.)

Петрозаводск
2017

Содержание

Предисловие 1

Раздел 1. Пленарный доклад 2

Е.Е Ициксон Дмитрий Масленников – начальник Управления по делам Архитектуры Карело-Финской ССР 2

Раздел 2. Секция «Государственный человек»: формы репрезентации в исторической памяти..18

О.Ю.Кулаковская Материалы личного фонда Олонецкого губернатора Г.Г.Григорьева из Национального архива Республики Карелия 18

Л.В. Бобикова «Политическая физиономия» г. Петрозаводска в 1917-1918 годах 21

Е.А. Сайконен Руководители органов государственной власти в интернет-ресурсе НБРК «Имена в истории Карелии» 34

А.В. Федосов Томашевич Виктор Леонидович – первый начальник Петрозаводской городской милиции. Март – апрель 1917 года. 41

К.В. Вишневская Деятельность агитаторов и пропагандистов в годы Великой Отечественной войны на Карельском фронте 58

Т.А. Осинина Виталий Александрович Федермессер – хозяйственный деятель, политик, предприниматель Кондопожского края, Карелии конца XX – начала XXI вв. 62

С.В. Карпеченко «Оперативная обстановка – стабильная» Государственный человек в непростые времена. И.М. Прохоров».....83

Раздел 3. Секция Мастера слова в Карелии.....89

И.В. Лазаренко Соловки в жизни и творчестве Сергея Есенина.....89

Е.В. Гороховик Беломорье в жизни Александра Линевского. К 115-летию со Дня рождения (1902 – 2017) 96

О.Н. Степанова, М.А. Степанов «Самый поэтический адрес в мире» (письма Юрия Казакова к Ортьё Степанову).....113

А.Е. Фитисова Борис Кравченко: имя на литературной карте Кондопоги 124

Раздел 4. Секция Социокультурные группы в Карелии : штрихи к истории.....129

А.В. Понуровский Роль представителей городских и земских властей, общественности в социо-культурном развитии Олонецкого уезда (района) XIX - первой половины XX в.в.....129

Д.С. Трофимов Крестьянское движение в Повенецком уезде (1917-1918 гг.).....136

Г.В. Иванова Тема традиционной дорожной культуры в трудах дореволюционных исследователей и путешественников Карелии 142

Ю.В. Литвин, Н.А. Пеллинен Современные способы сохранения и актуализации этнического прошлого карелов: концепции и подходы (на примере этнокультурных центров Карелии).....149

В.В. Федотова Книги отзывов посетителей заповедника «Кивач» как зеркальное отражение своего времени (с 1958 по 2008 гг.) 155

А.В. Чебаковская Образ малолетнего правонарушителя по архивным материалам Карелии первой половины 1920-х гг. 208

Раздел 5. Секция Мир языка и фольклора: исследователи и исследования.....215

В.А. Новоселова Языковые особенности документов Олонецкой губернии конца XVIII века 215

Л.П. Михайлова От А.А. Шахматова до А.С. Герда (о развитии диалектной лексикографии Карелии).....222

А.П. Родионова А.П. Баранцев - исследователь людиковского наречия карельского языка .229

В.П. Миронова Элина Тимонен как собиратель карельского фольклора.....240

Е.Р. Гусева Диалектолог Любовь Петровна Михайлова……252

Д.Д. Абросимова Фольклорные материалы «села Муромля» в записях А.Д. Георгиевского……..258

Раздел 6. Секция Краеведы и просветители Карелии в истории страны и региона.....269

Ю.Н. Кожевникова Е. В. Барсов (1836–1917) как исследователь истории Клименецкого монастыря и Андрусовой пустыни.....269

Д.А. Любимова Владимир Суслов и его «Путевые заметки о севере России и Норвегии»....274

Л.И. Иванова Григорий Харитонович Богданов – общественно-политический деятель и первый северно-карельский собиратель и исследователь народной культуры и языка.....279

Т.М. Анохова Учительская династия Владычинских 298

В.А. Карелин Краеведческая традиция в Кондопожском крае 318

Е.И.Маркова Ушел за горизонт (О Николае Кораблеве) 325

Раздел 7. Секция «Простой советский человек»: персоны и образы в контексте повседневности 332

А.И. Тараканова М.А.Токарский - человек, благодаря которому родился город 332

Т.В. Путешова Односельчане звали его Васей Тёркиным.....351

А.А. Терешкин «Русский «Маки» (об учителе Н. Н. Богатыреве).....361

Ю.Н. Зеленская Социально-бытовые проблемы железнодорожников Кировской магистрали в годы Великой Отечественной войны.....364

В.П. Ершов Памяти А.А. Мартынова.....368

И.Г.Ильина Василий Фаддеевич Багров. Испытание временем 372

О. Ю. Кулаковская Тренер дворовой хоккейной команды – Ю.Г.Сахаров.....382

Раздел 8. Секция Имена в культуре Карелии 386

К.В. Шафранская Комиссия по охране памятников старины, природы и искусства АКССР (1926–1927 гг.).....386

В.Г. Кондратьев Памяти учителя. Георгий Ервандович Терацуянц 395

Раздел 9. Секция Финны в истории советской Карелии: к столетию революций в России и независимости Финляндии 402

Н.А. Басова Э.А. Гюллинг в воспоминаниях современников (по документам Национального архива Республики Карелия) 402

Н.В.Чикина Вейкко Эрвасти – певец революции 409

М.В. Казакова А. И. Мишин - первый поэт-билингв в Карелии: личность и творчество.....414

Заключительное пленарное заседание 420

Е.И.Маркова И.М. Петров (Тойво Вяхя) в истории, искусстве, литературе Карелии и России 420

И.В. Борисов Самуэль Алопеус – первый краевед Приладожской Карелии («Северной Карелии») 429

Национальная библиотека Республики Карелия

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы XI научной конференции (16 - 17 февраля 2017 г.)

Петрозаводск 2016

УДК ББК 908 63.3(2Рос.Кар) – 7я431 + 78.38я431
К 78

Составители: Н.Ю. Кирикова, В.А. Ягодкина
Компьютерная верстка: Н.Б. Семенова

К 78

Краеведческие чтения: материалы XI научной конференции (16 -17 февраля 2017 г.) / Нац. б-ка Респ. Карелия ; [сост. В.А. Ягодкина]. – Петрозаводск, 2017. – 431с.

УДК ББК 908 63.3(2Рос.Кар) – 7я431 + 78.38я431 К 78
© Национальная библиотека Республики Карелия, 2017.

Предисловие

16–17 февраля 2017 г. в Национальной библиотеке Республики Карелия, а также в Карельском научном центре РАН состоялась одиннадцатая научная конференция «Краеведческие чтения». Тема конференции: «Имена в истории Карелии». Организаторами конференции традиционно выступили Национальная библиотека Республики Карелия и Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Партнеры конференции: Национальный музей Республики Карелия, Национальный архив Республики Карелия. В соответствии с названиями секций конференции, статьи объединены в 9 разделов: «Пленарные доклады», «Государственный человек»: формы репрезентации в исторической памяти», «Мастера слова в Карелии», «Социокультурные группы в Карелии: штрихи к истории», «Мир языка и фольклора: исследователи и исследования», «Краеведы и просветители Карелии в истории страны и региона», «Простой советский человек»: персоны и образы в контексте повседневности», «Имена в культуре Карелии», «Финны в истории советской Карелии: к столетию революций в России и независимости Финляндии».

Участники конференции – научные работники, преподаватели, студенты Петрозаводского государственного университета, научные работники и специалисты Карельского государственного краеведческого музея, государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи», Карельского республиканского института повышения квалификации работников образования, Национального архива Республики Карелия, Национальной библиотеки Республики Карелия, аспиранты и студенты учебных заведений республики и др. Сборник материалов по итогам конференции включает 44_ доклада. Тематика докладов и сообщений конференции – краеведческие исследования по истории, культуре, образованию, филологии, краеведению. Публикации адресованы краеведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей края. Все статьи опубликованы в авторской редакции. Составители сборника благодарят авторов статей за предоставленные материалы и участие в работе конференции.

Раздел 1. Пленарный доклад

Е. Е. Ициксон, архитектор

Дмитрий Масленников – начальник Управления по делам Архитектуры Карело-Финской ССР

Дмитрий Масленников в конце 1940-х гг.

Дмитрий Сергеевич МАСЛЕННИКОВ (1912-1983) – архитектор и градостроитель, начальник Управления по делам архитектуры Совнаркома (позднее Совета Министров) Карело-Финской ССР с 1945 по 1952 гг. Это было время, когда всеми архитектурно-планировочными процессами в городе и республике безраздельно руководил профессионал высокого класса, не чиновник, не партийный функционер, а именно архитектор.

Страна переживала тяжелейшие времена восстановления. Послевоенные фотографии Петрозаводска шокируют почти тотальным разрушением городской застройки. Руководство республики и города могло взять на себя ответственность по какому-то частному вопросу: не считаясь с генеральным планом воткнуть «нужный» дом в «нужном» месте, и такие примеры, к сожалению, были и в конце 1930-х. Но в данном случае, для возрождения не просто города, но

столицы союзной республики, нужен был специалист, что местной номенклатурой сознавалось, кажется, вполне ясно. В поддержку архитектуры «в последние годы войны и в первые годы мира» работала и идеология страны.

Вид на Зареку после войны

Остатки жилых кварталов на Онежской набережной

Государственная градостроительная политика военных и послевоенных лет, пожалуй, впервые с Екатерининских времен была так четко сформулирована и неукоснительно и масштабно проводилась, захватывая все уровни власти.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 29 сентября 1943 года был образован Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, а во всех субъектах страны – республиках, краях и областях – были учреждены Управления и Отделы по делам архитектуры. Эти органы существовали параллельно со строительными наркоматами, управлениями и отделами, и на них возлагались обширные функции по урегулированию строительных процессов **в соответствии с законами архитектуры как искусства создания среды** обитания людей. Военный 1943-й год – и искусство архитектуры. Тяжелые бои, бесчисленные потери населения и разрушения – и мысли об идеальных городах для мирной жизни.

Это было именно так, и этому были большие резоны. После Великой Отечественной войны, когда множество городов лежало в руинах, когда страну мог захлестнуть хаос самостроев и поспешного восстановительного строительства без всяких планов, эта мера оказалась единственной, способной преодолеть превращение населенных мест любого масштаба в скопище временных бараков[1].

Идеология Победы должна была явиться в образе прекрасных городов, люди должны были воочию видеть Радость, Победу, новую счастливую жизнь, а материальное воплощение этому могла дать только архитектура.

Управление по делам Архитектуры (именно так, с большой буквы именуется она в документах) при Совнаркоме Карело-Финской ССР было создано в феврале 1944 года[2]. Правительство республики еще работало в Беломорске, Петрозаводск находился под властью оккупационного режима, тем не менее, это постановление СНК КФССР положило начало организации восстановления городов и поселков Карелии. И первым вопросом первого заседания Архитектурного совета Управления стало рассмотрение типового 8-квартирного дома[3], намеченного к выпуску на заводе стандартного домостроения и предназначенного для скорейшего обеспечения людей жильем. Этих послевоенных деревянных домов сохранилось еще очень много в городах Карелии. И в Петрозаводске на улице Луначарского их можно увидеть в нескольких вариантах – и оштукатуренных, и обшитых доской с различным оформлением фасадов.

---

[1] Ю. Л. Косенкова. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. НИИТАГ РААСН. Москва, 2008. Стр. 41-108.
[2] Постановление Совета Народных Комиссаров Карело-Финской ССР №101 от 1 февраля 1944 г.
[3] Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/1, л. 1

Петрозаводск. Ул. Луначарского. Брусчатый дом с оштукатуренным фасадом.

В ведении Управления по делам архитектуры, непосредственно ему подчиняясь, находились Республиканская проектная контора (сейчас проектный институт «Карелпроект»); архитектурно-строительный техникум, первые студенты которого начали обучение уже в ноябре 1944-го; главный архитектор Петрозаводска; а с 1950 года – и научно-реставрационная мастерская[4].

Дмитрий Сергеевич Масленников, направленный из Москвы в Петрозаводск на должность начальника Управления по делам Архитектуры при Совнаркоме КФССР, был назначен решением ЦК ВКП (б) от 8 марта 1945 года.

Дмитрий Масленников родился 10 мая 1912 года в дер. Дятловка Реутовского района Московской области. По примеру старшего брата Владимира (1910-1999) выбрал профессию архитектора. Обучался архитектуре в Московском архитектурном институте (1933-1939), который закончил с отличием. До этого (1930-1933 гг.) работал техником-планировщиком в Мособлпроекте. После окончания МАРХИ – архитектор-художник Выставки сельского хозяйства, в 1939-44 гг. – работал в НКАП (ЦАГИ) Гипроавиапрома в г. Москве, в годы войны – в Молотовском (Пермском) проектно-строительном бюро Гипроавиапрома[5]. С 8.03.1945 по 1952 годы занимал должность начальника Управления по делам Архитектуры СНК КФССР в г. Петрозаводске.

Молодой архитектор Масленников – выпускник Московского архитектурного института, где учился у выдающихся градостроителей Александра Иваницкого (1881-1947) и Владимира

[4] НА РК, ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/7
[5] НА РК, ф. П-3, оп. 6, д. 6777, л. 1-10

Семенова (1874-1960); к моменту назначения в Петрозаводск уже имел хороший опыт работы в проектной организации Гипроавиапрома, в военные годы занимался большими планировочными работами по городу Молотов (Пермь), где закладывалась база советского авиастроения. Волевой и энергичный, творческий и позитивный человек, Дмитрий Масленников очень подходил для решения сложных задач восстановления Петрозаводска, городов Карелии и организации процессов проектирования, направленных на свершение этих больших дел. Полномочия начальнику Управления по делам архитектуры были даны также большие.

Рассмотрение и утверждение проектов застройки городов и населенных мест республики, наблюдение и контроль за архитектурными и планировочными работами, строительством жилых и общественных зданий, разработка и внедрение в массовое жилищное строительство типовых проектов… Это лишь малая часть того огромного развернувшегося фронта работ, который лежал перед Управлением и его начальником, требуя жестких сроков, высокого качества проектирования и строительства, художественных архитектурных решений.

Одна из главных проблем – профессиональные архитектурные кадры[6]. В отсутствие жилья было очень сложно привлекать опытных специалистов, как правило, имеющих семьи, а потому вчерашние выпускники архитектурных факультетов из Москвы и Ленинграда стали тем золотым фондом наших зодчих, которые закладывали и поднимали город будущего – Петрозаводск победный и свободный от недавней оккупации. Архитекторы Эмилия Тентюкова (1925-2005), Нина (1917-1991) и Ростислав (1917-1996) Корневы, Хаим Логинский (1908-1983), Нина Алферова (1914-?), Ляля Мунасыпова (1924-1986), Фарид Рехмуков (1926-2005), Марина Старченко (1924-2016), Лазарь Тарлер (р. 1927) были приглашены сюда Масленниковым и создали тот Петрозаводск, который мы знаем сегодня.

В самом Управлении было всего 6 специалистов-профессионалов, которые рассматривали и экспертировали проекты, контролировали ход строительства в Петрозаводске и республике. Архитекторы и инженеры Управления при дефиците опытных кадров часто брали на себя функции проектировщиков. Начальник сектора проектирования Константин Гутин периодически переводился в Проектную контору «для усиления работы». Заместитель начальника Управления инженер Петр Сырцов на первых порах директорствовал в архитектурно-строительном техникуме, пока на эту должность не была подобрана нужная кандидатура. Архитектор-художник Ростислав Корнев, специалист Управления, часто выезжал в Сортавалу для решения множества вопросов застройки этого европейского по своей архитектуре города. Дмитрий Масленников упорно добивался разрешения ввести в г. Сортавала

[6] НА РК, ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/14; д. 2/22; д. 5/44

(«ввиду большой ценности жилого фонда города»)[7] должность городского архитектора, которая по тем временам дозволялась лишь областным и республиканским центрам с утверждением кандидатур в Совете Министров СССР. С 1947 года Ростислав Корнев уже в качестве городского архитектора переезжает в Сортавалу, чтобы на месте руководить ее восстановлением и проектировать, не нарушая образ этого уникального для Карелии города.

Петрозаводск возрождался по генеральному плану, разработанному Ленинградским отделением ГИПРОГОРа[8] в 1946 году. До этого, уже в феврале 1945-го ЛенГИПРОГОРом была выполнена схема генплана[9], позволившая вести самые первоочередные восстановительные работы, не нарушая правила и логику градоустройства. Предвоенный проект, выпущенный этим институтом буквально накануне войны, в мае 1941 года, не годился в принципе, потому что базировался на той застройке, которая к 1944-му, году освобождения Петрозаводска от оккупации, была уже в большой степени уничтожена.

Новый Петрозаводск строился по классицистическим канонам, при этом полностью сохранялась историческая планировка Екатерининского времени – прямоугольная сетка улиц. Новые 4-5-этажные дома возводились вдоль исторических улиц с отступом внутрь кварталов от старых красных линий[10], так как при увеличении этажности зданий необходимо было сохранить классические пропорции между шириной улицы и высотой её застройки.

Еще до утверждения генерального плана Дмитрием Масленниковым было внесено предложение о переносе нового железнодорожного вокзала[11] с тогдашней окраины Петрозаводска в центр и расположении его прямо на проспекте Ленина с организацией торжественной площади – «городских ворот», композиционно увязанных со всей центральной частью столицы Карелии. Перенос вокзала «дает возможность небольшими средствами достичь парадности въезда в город и создает удобства для пассажиров».

Безусловно, это было красивым решением, но также достаточно затратным для железнодорожного ведомства. Тем не менее, Масленников с привлечением специалистов провел серьезный сравнительный анализ вариантов строительства нового вокзала и убедил все инстанции в целесообразности и необходимости размещения этого объекта именно в центре города. Это предложение начальника Управления по делам архитектуры было одобрено Комитетом по делам Архитектуры при Совете Министров СССР и Министерством путей

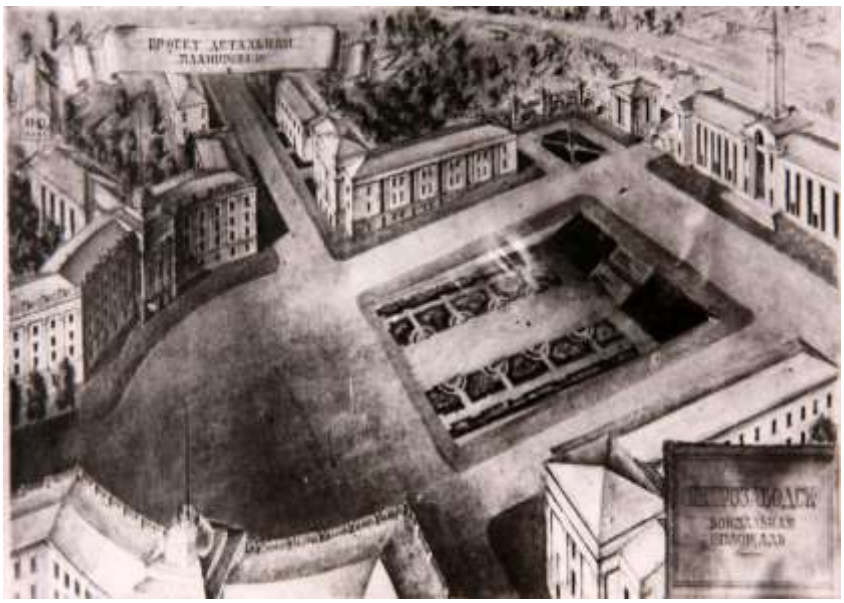
[7] НА РК, ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/7, л. 7-16
[8] ГИПРОГОР – Государственный институт проектирования городов
[9] НА РК, ф. Р-460, оп. 1, д. 471, л. 177-179. Цит. по: Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Книга 3. 1903-2003. Петрозаводск, 2003. С. 316-317
[10] Красная линия – условная граница, отделяющая территорию магистрали, улицы, проезда, площадей от территории, предназначенной под застройку
[11] НА РК, ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/7, л. 1-2

сообщения СССР[12], внесено в новый генеральный план Петрозаводска и в его составе утверждено Совнаркомом СССР[13].

Петрозаводск. Планировка центра 1947 г.

Петрозаводск. Пр. Ленина без вокзала.

[12] НА РК, ф. П-3, оп. 6, д. 6777, л. 7
[13] НА РК, ф. Р-2916, оп. 4, д. 33



Детальная проработка вокзальной площади. 1946. НМРК

В развитие генерального плана Петрозаводска Д. С. Масленников детально проработал этот планировочный узел, располагавшийся на пересечении пр. Ленина с ул. Красноармейской. По проекту ленинградского института «Дортранспроект» на привокзальной площади, кроме здания вокзала, предполагалось построить корпус управления Кировской магистрали (так в 1935-1959 гг. называлась Октябрьская железная дорога) и универмаг, но что-то поменялось в планах, и площадь сформировалась жилыми домами.

В 1955 г. вокзал, автором которого стал ленинградский архитектор В. П. Ципулин, вступил в строй.

Петрозаводский вокзал

Дмитрий Масленников, несмотря на свой статус и имидж всесильного начальника Управления, часто работал как проектировщик, закрывая собой кадровые бреши. Из-под его руки вышел авторский проект планировки райцентра Спасская Губа и другие разработки. Но самым значительным и для Петрозаводска, и для архитектора Масленникова стала его победа в конкурсе на планировку центра столицы Карело-Финской ССР.

По новому генеральному плану Петрозаводска центр города решался как архитектурно-композиционная система площадей и магистралей, связывающая привокзальную площадь с выходом проспекта Карла Маркса к Онежскому озеру. Центр старого города, включавший площади 25 Октября 1917 года (бывшую Петровскую) и Кирова (бывшую Соборную), а также пр. Карла Маркса (бывшую улицу Мариинскую), традиционно сохранявший свою значимость и в послереволюционное время, был положен в основу нового линейного центра Петрозаводска. Но в соответствии с масштабами застройки и грандиозностью задач, новый центр прирастал проспектом Ленина и вокзальной площадью с одной стороны, речным вокзалом на месте старой пристани и величественным зданием Дома правительства на площади Кирова с другой. Генеральный план не мог дать подробных проработок всей системы нового центра города, а потому с подачи Управления по делам Архитектуры Совнарком КФССР в ноябре 1945 г.[14] объявил всесоюзный конкурс на проектирование центра Петрозаводска[15].

К конкурсу были привлечены известные архитекторы и градостроители, среди которых Евгений Левинсон (1894-1968), Валентин Каменский (1907-1975), а также почти полностью группа разработчиков генерального плана из института ЛенГИПРОГОР под руководством В. П. Яковлева.

Молодой амбициозный архитектор Масленников подал на конкурс два проекта – два варианта возможного планировочного развития городского центра. Конечно, начальник Управления по делам архитектуры Карело-Финской ССР мог вполне справиться и сам, сделав свой проект без всяких конкурсов, пользуясь, так сказать, служебным положением. Но, похоже, это было не в характере человека и архитектора, о котором очень много лет потом с добрыми чувствами и уважением отзывались петрозаводские коллеги. Дмитрий Масленников победил в открытом и честном профессиональном споре. Один из его вариантов получил первую премию и был рекомендован к дальнейшей разработке. Здесь необходимо отметить и его помощников – архитекторов Ростислава Корнева (1917-1996) и Константина Гутина (1910-1976).

[14] Постановление СНК КФССР №698 от 18.11.1945

[15] Г. Е. Мищенко. Конкурсные проекты центра Петрозаводска//Архитектура и строительство, №№19-20, 1946

Дом правительства на площали Кирова. Конкурсный проект Д. Масленникова. Архив А. Масленникова

Дом правительства на площади Кирова. Конкурсный проект Д. Масленникова. Архив А. Масленникова

Всесоюзный журнал «Архитектура и строительство» 1946 года опубликовал подробный разбор проектов всех участников конкурса на планирование центра Петрозаводска с иллюстрациями. Очень приятно было прочесть следующее: *«Бесспорно, лучшим решением является проект Д. С. Масленникова. Вся система главной магистрали подчинена в нем единой идее развития композиции, нарастанию значения всей архитектуры по мере приближения к правительственной площади.*

...Большим достоинством проекта является также реальный учет существующей застройки, максимальное сохранение жилого фонда на период реконструктивных мероприятий». По поводу сохранения жилого фонда иначе и быть не могло – начальник

Управления жил в Петрозаводске и буквально «чувствовал» каждый квадратный метр, зная, с каким трудом вводится новое жилье.

Проект Дмитрия Масленникова не осуществлен полностью. Не был построен величественный Дом правительства на площади Кирова, не сложилась на пересечении улицы Энгельса и проспекта Ленина площадь Горсовета, уже никогда улица Энгельса не пройдет широким бульваром к пойме Неглинки, как было задумано в 1945 году…

Но памятником градостроительной культуре неоклассицизма 1940-1950-х останутся полукруглая привокзальная площадь со зданием вокзала в перспективе главного проспекта, хорошо озелененная широкая магистраль проспекта Карла Маркса, улица-бульвар Энгельса на отрезке от площади Ленина до гостиницы «Северная», достойная и гармоничная застройка проспекта Ленина – гостиница «Северная», университет, 119-квартирный дом, жилые дома и кинотеатр «Победа».

Петрозаводский архитектор Владимир Антохин (1929-2003) своим наставником в градостроительстве считал Дмитрия Сергеевича Масленникова, «смело мыслящего и упорного в решениях». По мнению В. И. Антохина, именно Масленникову «обязан Петрозаводск крутым поворотом от захолустья к современному городу», и это мнение разделяется многими. Сейчас трудно себе представить, глядя на фотографии одноэтажного деревянного Петрозаводска, какой мощной энергией созидания обладали те послевоенные зодчие во главе с их руководителем, которые оказались способны в своих проектах увидеть и в большой степени осуществить новый прекрасный Город будущего, так отличающийся от послевоенной действительности.

Ансамбль пр. Ленина. 2005 г. Фото В. Ларионова

Это оказалось возможным и благодаря тому, что начальник Управления по делам архитектуры обладал умением правильно подбирать кадры.

В декабре 1946 года Дмитрий Масленников отстранил от работы городского архитектора Петрозаводска[16]. Основания для этого были серьезными, а промахи совершенно нетерпимыми в сложное послевоенное время: беспорядок в отводе земельных участков для государственных и частных застройщиков, отсутствие согласованных и утвержденных проектов, неспособность остановить самовольную хаотичную застройку…

При быстром строительстве всё это могло поставить крест на том прекрасном новом Петрозаводске, который уже прорисовывался в планах и проектах его восстановления. Начальнику Управления Масленникову, неустанные заботы которого простирались в пределах всей республики, в столице Карело-Финской ССР нужен был очень надежный помощник, в котором он мог быть уверен, как в самом себе. С марта 1947-го главным архитектором Петрозаводска был назначен Лазарь Иванович Чиненов, который фактически стал здесь правой рукой Масленникова.

Лазарь Чиненов в 1946 г.

[16] НА РК, ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/7, л. 17-20

Лазарь Чиненов и Дмитрий Масленников, однокурсники по Московскому архитектурному институту, сотрудники по работе в проектных организациях Гипроавиапрома, знали друг друга, как минимум, с 1933 года – начала обучения обоих в МАРХИ. И, судя по приглашению Чиненова в Петрозаводск на столь ответственную должность, были единомышленниками в творческом плане и видении перспектив вверенного обоим города.

К 1947 году у Л. И. Чиненова за спиной был богатый опыт работы в проектировании и строительстве как отдельных зданий и сооружений, так и градостроительных комплексов – кварталов, жилых районов, заводских поселков в Комсомольске-на-Амуре, Кирове, Молотове (Перми), Москве, Казани, Ташкенте[17].

По приезде в Петрозаводск архитектор Лазарь Чиненов включился в напряженную работу по осуществлению первого послевоенного генерального плана города, положения которого совмещали в себе восстановление разрушенного войной и масштабное, не виданное здесь ранее, новое строительство.

Все проекты сколько-нибудь значимых городских объектов непременно проходили рассмотрения на архитектурных советах сначала у Чиненова, а затем в Управлении у Масленникова. Вот лишь фрагмент перечня зданий, проектировавшихся в конце 1940-х и ставших визитными карточками Петрозаводска, неотъемлемой частью его архитектурного облика. Архитектурно-строительный техникум (ул. Энгельса, 4) и государственная публичная библиотека (ул. Пушкинская, 5), гостиница «Северная» и кинотеатр «Победа» (пр. Ленина, 27), музыкальный театр и железнодорожный вокзал, восстановление и достройка госуниверситета, здание госбанка (ул. Титова, 10) и застройка проспекта Карла Маркса… А наряду с этим – совершенно необходимые Петрозаводску проект реконструкции общегородского водопровода и проект новой хозяйственной канализации, в те же годы появился первый «Проект троллейбусного хозяйства в г. Петрозаводске»[18]… И эта часть городской жизни также лежала на плечах главного архитектора и была заботой Управления по делам Архитектуры и его начальника.

Несмотря на знания, опыт и высокую архитектурную культуру, Дмитрий Масленников часто обращался к выдающимся зодчим страны, приглашая их для решения или обсуждения конкретных задач по строительству в Петрозаводске и городах Карелии. Так в 1949 году мастерская академика Ивана Жолтовского (1867-1959) разработала эскизный проект застройки проспекта Ленина на участке от привокзальной площади до гостиницы «Северная». Частыми

[17] Личный листок члена Союза Советских Архитекторов, 1956 г.
[18] НА РК, ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/1

гостями были ленинградские архитекторы, проектировавшие для столицы Карелии или проводившие консультации по градостроительным вопросам.

Отдельного разговора заслуживает деятельность начальника Управления по делам архитектуры в вопросе охраны и восстановления памятников деревянного зодчества Карелии. Дмитрий Масленников, познакомившись с шедеврами народной архитектуры – Преображенской и Покровской церквями в Кижах, Успенской – в Кондопоге, Успенским собором в Кеми и многими другими церковными и жилыми постройками – принял, как свое личное дело, заботу об этом уникальном пласте культуры Русского Севера. Об этом говорят его распоряжения и циркуляры по организации охраны этих объектов[19], осуществлению постановки их на учет, поддержанию и реставрации всех памятников архитектуры, находящихся на территории Карело-Финской ССР. Об этом свидетельствуют личные письма исследователям деревянного зодчества А. Н. Буйнову (1896-1968), Б. В. Гнедовскому (1914-1998), Л. М. Лисенко (1913-2006), А. В. Ополовникову (1911-1994) с просьбой хотя бы выезжать в республику с экспедициями для проведения обмерных и учетных работ. Об этом свидетельствуют и результаты работ множества этих экспедиций, регулярно, с лета 1945 года, проводившихся в Карелии. Несмотря на то, что штатная должность сектора охраны памятников архитектуры некоторое время была вакантна, за 1945-1946 гг. Управлением по делам Архитектуры было взято на учет свыше 150 памятников архитектуры, составлены по ним паспорта, дефектные акты и исторические справки. По важнейшим из них проведены обмеры и фотосъемка, сделаны зарисовки.

Учитывая большой объем работ по сохранению памятников, Д.С. Масленников в те непростые послевоенные годы сумел доказать и убедить руководящие инстанции в необходимости создания Научно-реставрационной мастерской (НРМ) и создал ее при Управлении по делам архитектуры[20].

Впоследствии Борис Гнедовский (1914-1998) и Александр Ополовников (1911-1994) по настоятельным просьбам Управления по делам архитектуры и лично Дмитрия Масленникова по нескольку лет постоянно работали в Петрозаводске, когда здесь была создана научно-реставрационная мастерская. За лето 1948 года под руководством А. В. Ополовникова была проведена первая в СССР послевоенная реставрация памятника общесоюзного значения — Успенской церкви в Кондопоге, жемчужины русского шатрового деревянного зодчества. В 1951 году — реставрация Успенского собора в Кеми, а затем — ансамбля Кижского погоста.

[19] НА РК, ф. Р-2916, оп. 1, д. 1/7, л. 3; л. 9-10;оп. 1, д. 1/16; д. 3/32; д. 4/37; д. 5/47
[20] Р. И. Каталкина. О Кижах и не только. Листая страницы истории // газета КИЖИ, №4, 2012

Ансамбль Кижского погоста

Неоценима роль Дмитрия Масленникова в создании в октябре 1945 года архитектурного заповедника «Ансамбль Кижского погоста», положившего начало формированию музея-заповедника, который сегодня охватывает территорию около десяти тысяч гектар и является одним из крупнейших музеев крестьянской культуры Русского Севера. При непосредственном участии начальника Управления по делам архитектуры было принято решение о перевозке памятников на остров Кижи в соответствии с ситуационным планом, хотя утвержденного Генплана еще не было. Перевозка памятников с последующими ремонтно-реставрационными работами была экономически обоснована. Так в начале 1950-х гг. были перевезены дом Ошевнева, дом Елизарова, церковь Воскрешения Лазаря и еще четыре памятника.

Дмитрий Сергеевич Масленников уехал из Петрозаводска в 1952 году. Еще через три года пришел печально известный 1955-й, когда на архитектуру обрушился совершенно несправедливый «гнев» власти[21]. Одним из последствий этого «гнева», на мой взгляд, стало вольное отношение к градостроительной дисциплине при застройке городов вообще и Петрозаводска в частности. Кроме того, Петрозаводск пострадал с архитектурной точки зрения

[21] Постановление № 1871 ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»

и при изменении в 1956 году статуса Карелии[22], когда республика перестала быть союзной и перешла в разряд субъекта Российской федерации: в разы уменьшившийся бюджет сократил многие строительные программы. Красивые городские ансамбли, запроектированные после войны, в большинстве своем остались лишь на бумаге…

После отъезда из Петрозаводска Дмитрий Сергеевич работал в Московском инженерно-строительном институте – преподавал на кафедре архитектуры, защитил кандидатскую диссертацию. Умер в 1983 году и похоронен в Москве, в одной могиле со старшим братом-архитектором.

«Золотой век» архитектуры Петрозаводска продлился всего-то десять лет – с 1945 по 1955 год. Большую часть этого времени у руля всех архитектурных и градостроительных процессов города и республики стоял Дмитрий Сергеевич Масленников, большие должностные полномочия которого соответствовали его профессионализму, незаурядному творческому потенциалу и высокой культуре зодчего. За 7 лет работы в Карелии Дмитрием Масленниковым были заложены градостроительные основы возрождения городов республики и, в первую очередь, Петрозаводска. Наш город сумел обрести свое архитектурное лицо, свой человеческий масштаб и вместе с тем необходимую «столичность» и элегантность облика.

И сейчас, как никогда раньше, актуальной задачей является сохранение образа Петрозаводска, того послевоенного города Победы, создававшегося с таким трудом и напряжением сил всех горожан, специалистов, строителей и начальника Управления по делам Архитектуры Дмитрия Масленникова.

Автор благодарит за подготовку этого материала петербургских архитекторов Ирину Леонидовну Воинову, а также Андрея Дмитриевича Масленникова, предоставившего информацию и иллюстрации из семейного архива.

[22] Закон СССР от 16 июля 1956 года «О преобразовании Карело-Финской ССР в Карельскую АССР и о включении Карельской АССР в состав РСФСР»

Раздел 2. Секция «Государственный человек»: формы репрезентации в исторической памяти

О.Ю.Кулаковская, ПетрГУ

Материалы личного фонда Олонецкого губернатора Г.Г.Григорьева из Национального архива Республики Карелия

В Национальном архиве Республики Карелия имеется уникальный по своему составу личный фонд Григория Григорьевича Григорьева (1819-1899), который с 1870 по 1890 гг. состоял в должности губернатора Олонецкой губернии.

Этот фонд (ф.769) включает комплекс таких документов, как, в частности, автобиография Г.Г.Григорьева, свидетельство о его крещении, родословная графов Орловых, прошение на Высочайшее имя о позволении ему и членам его семьи носить фамилию Орловых, дневники с 1861 по 1899 гг., обширная переписка, в том числе его письма детям и письма детей к нему, опись имущества и др.

Из этих документов становятся ясными необычные обстоятельства появления фондообразователя на свет, наложившие отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Дело в том, что он, родившийся в Варшаве 14 сентября 1819 г., был внебрачным сыном дворянской девицы Марты Осиповны Кос, которая была полькой, католичкой. Отцом же его был член принадлежавшей к высшей знати Российской империи прославленной семьи графов Орловых граф Григорий Владимирович Орлов (1776-1826), камергер, тайный советник, сенатор, отцом которого, в свою очередь, был родной брат знаменитого фаворита Екатерины II графа Григория Григорьевича Орлова граф Владимир Григорьевич Орлов (1743-1831), директор Академии наук. Граф Г.В.Орлов был женат на представительнице другого аристократического семейства – графине Анне Ивановне Салтыковой (1777-1824), дочери генерал-фельдмаршала, генерала-губернатора Москвы Ивана Петровича Салтыкова (1739-1805), но этот брак остался бездетным.

Есть основания полагать, что при рождении в Варшаве мальчик был крещен по католическому обряду. Еще в младенческие годы он был разлучен с матерью (очевидно, с ее согласия, причем она, скрывая его существование, вскоре вышла замуж) и далее отвезен в Санкт-Петербург. Вместе с тем он не был официально усыновлен своим отцом – тот называл его своим воспитанником. Однако после смерти своей жены в 1824 г. граф планировал его узаконить, и не случайно в августе 1824 г., когда ему было уже почти пять лет, он был крещен в

православном Спасо-Преображенском всей гвардии соборе в Санкт-Петербурге под именем Григория Григорьевича Орлова, о чем имеется копия свидетельства крестившего его священника. Преждевременная скоропостижная кончина графа Г.В.Орлова в 1826 г. помешала осуществлению планов легализации его сына.

Дед Григория граф В.Г.Орлов поместил своего семилетнего внука в аристократический пансион под фамилией Орлов и тоже планировал со временем его узаконить, однако это намерение он так и не осуществил и умер в 1831 г., когда Григорию было лишь 12 лет. Так или иначе, это поставило точку в вопросе о легализации его происхождения и, тем самым, в вопросе о каких бы то ни было претензиях ни на богатейшее наследство, оставшееся после отца и деда, ни на графский титул. Более того, под нажимом и даже под угрозами со стороны родственников подростку пришлось сменить фамилию, и он стал именоваться Григорием Григорьевичем Григорьевым.

Двусмысленность положения, несомненно, наложила отпечаток на формирование личности молодого человека и на его отношение к государственной службе, на его стремление сделать карьеру и добиться положения, которое соответствовало бы его происхождению.

При явном или неявном содействии родственников, но в основном благодаря собственным заслугам он успешно продвигался по ступенькам служебной лестницы. Окончив Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге в 1844 г., он отказался от карьеры в медицинском ведомстве и уже в 1847 г. был переведен чиновником в Канцелярию Военного министерства, а с 1850 г. стал служить по Министерству внутренних дел, постепенно продвигаясь чинами. Административные дарования Г.Г.Григорьева были замечены, и в 1863 г., состоя в чине действительного статского советника, он был назначен на пост пензенского вице-губернатора, в 1866 г. переведен на должность вице-губернатора во Владимир, а в 1870 г. назначен губернатором Олонецкой губернии (в 1875 г. получил чин тайного советника) и удержался на этой должности в течение долгих двадцати лет.

Судя по имеющимся в архиве документам, Г.Г.Григорьев с самого начала отнесся к порученному ему делу с полной ответственностью, старался вникнуть в самые различные вопросы и проблемы, стоявшие перед Олонецким краем. Вместе со своими ближайшими подчиненными он не только планировал те или иные насущные мероприятия, призванные улучшить положение дел в губернии, но и лично всячески стремился содействовать исполнению задуманного. Так, например, он осуществил поземельное устройство бывших государственных крестьян, способствовал организации дорожного и водного пассажирского сообщения между некоторыми населенными пунктами, по его инициативе были проведены технические и экономические изыскания для постройки Беломорско-Балтийского канала и гидрографическое описание Онежского озера. Большое внимание он уделял развитию

здравоохранения, народного образования, была возобновлена деятельность в Петрозаводске Публичной библиотеки, завершено сооружение нового кафедрального Святодуховского собора, под руководством губернатора в Петрозаводске был организован Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей.

Добавим, что в рассматриваемом фонде сохранился черновик недатированного прошения Г.Г.Григорьева на Высочайшее имя, в котором он испрашивал разрешения ему и членам его семьи именоваться впредь Орловыми. Известно, что такое разрешение ему дано не было.

Хранящиеся в архиве документы дают представление о составе семьи фондообразователя. Он был женат дважды. От первой жены Марии Ивановны, урожденной княжны Одоевской, дочери генерал-майора князя Ивана Сергеевича Одоевского, у него были дети Ольга (род. в 1864 г.), смолянка, и Александр (род. в 1866 г.), правовед; А.А.Григорьев даже лелеял неосуществившуюся надежду на присоединение к фамилии его сына фамилии, титула и герба князей Одоевских. По смерти жены в 1866 г. он женился на Елизавете Владимировне, урожденной Савельевой-Ростиславич (сестре В.В.Савельева, председателя Олонецкой губернской земской управы), от этого брака родились Владимир (в 1866 г.), лицеист, и Вера (в 1873 г.).

Наконец, в фонде хранится документ, свидетельствующий о том, что Г.Г.Григорьев скончался во Флоренции в 1899 г. и был похоронен там, на кладбище Аллори.

Л.В.Бобикова,
н/сотрудник Национального музея РК

«Политическая физиономия» г. Петрозаводска в 1917-1918 годах

Коллекция фотографий от Парфенова В.М.

Выражаю благодарность за помощь при подготовке статьи директору Национального архива О.М.Жариновой, сотрудникам фототеки НА РК, сотруднику НА РК Л.С.Котович, сотруднику Национального музея РК Л.И.Капуста, заведующей библиотекой Национального музея В.И.Галашовой, сотрудникам отдела фондов музея.

Все слои общества г. Петрозаводска с воодушевлением приняли Февральскую революцию 1917 года. Несколько тысяч петрозаводчан стали участниками «праздника свободы», состоявшемся 9 марта 1917, в том числе войска железнодорожной бригады со всеми офицерами и оркестром музыки и местное духовенство во главе с епископом Иоанникием. Епископ в ходе праздника окропил святой водой и благословил «новых граждан новой России». 31 декабря 1917 протоиерей Николай Чуков , будущий митрополит Ленинградский и Новгородский, в своём обращении к жителям Олонецкой епархии писал в «Олонецких Епархиальных Ведомостях»: «В минувшем году наша Родина, вкусивши сладкого... познала и очень много горького. Она освободилась от всего того, что угнетало мысль, совесть, права и политическую свободу населения, - освободилась от того, что с таким упорством защищал старый самодержавный строй, не видевший, что многое из того, что он охранял, уже пережило себя и требовало замены и обновления.»

С признанием советской власти всё было гораздо сложнее. За неделю до Октябрьской революции меньшевик М.Каплан на заседании Олонецкого губсовета констатировал, что в Олонецкой губернии существует лишь беспартийная масса, которая «не определила политически свою физиономию...». Через год, к концу 1918 года, основная часть участников революционных событий в Олонецкой губернии поддерживала большевиков — кто-то сознательно, а кто-то вынужденно в силу обстоятельств. Возможность хоть немного представить «политическую физиономию» жителей Петрозаводска в 1918 году дают фотографии, переданные в музей Валентином Михайловичем Парфёновым. 27 января 1927 года Парфёнов подарил музею 31 фотографию 1918 года и один снимок 1917 года. Фотографии из этой коллекции хорошо известны исследователям, два снимка записаны в книгу поступлений музея под названиями «Группа правительства Олонецкой губернии в период между 25.10.17 — 5.01.1918» и «Группа членов исполкома Олонецкой губернии в 1918 г. на автомашине».

Остальные 30 фотографий были оформлены при поступлении под общим названием «Манифестации в Петрозаводске в 1-ю годовщину революции». 28 октября 1928 в книге поступлений была сделана приписка карандашом: «окантовано 20 штук». Вероятно, 20 фотографий из 32 использовались в выставке к годовщине революции. Как единая коллекция дар Парфёнова никогда, во всяком случаи после Великой Отечественной войны не рассматривался. Цель данной статьи проследить судьбу этой коллекции.

Для начала напомним о сдатчике, имя которого носит одна из улиц города Петрозаводска. Валентин Михайлович Парфёнов родился в 1884 году в Петербурге в семье служащего страхового товарищества «Саламандра», в 1906 году он окончил Санкт-Петербургский университет и получил диплом 1 степени по специальности - преподаватель физики. Во время учёбы на его мировоззрение сильно подействовала расправа над рабочими 9 января 1905 года; молодой человек пришёл к выводу, что самодержавие должно быть свергнуто и заменено более лёгким для народа правлением. После окончания университета Парфёнов 5 лет преподавал в гимназиях родного города, а в 1911 он переехал в Петрозаводск, где также учил гимназистов. По воспоминаниям Х.Г.Дорошина — первого председателя петрозаводского окружного комитета РКП(б) — В.М.Парфёнов был зятем начальника Олонецкого горного округа, согласно архивным данным Валентин Михайлович проживал с семьёй в доме горного ведомства на улице Английской г.Петрозаводска. В 1917 молодой преподаватель примкнул к группе РСДРП, созданной на Александровском заводе. После признания советской власти в Петрозаводске большевик В.М.Парфёнов 5 января 1918 был избран председателем Олонецкого губернского совета, до этого он был в совете казначеем, но особой активности не проявлял. В январе 1935 года Валентин Михайлович вспоминал, что перед февральской революцией 1917 теоретически он не был «подкован» никак и «совершенно не был знаком с партиями, с экономическими учениями, не знал Маркса, Энгельса, Ленина». По мнению Парфёнова меньшевики поддержали его кандидатуру, потому что «...они видели, что это человек из интеллигенции, что та линия, которую он поведёт, будет значительно мягче, если бы повёл кто-то другой из рабочих. Они полагали, что с ним сговориться будет легче и будет возможность провести различные контрреволюционные мероприятия...».

В апреле 1918 Валентин Михайлович стал председателем исполкома Петрозаводского городского совета. Документы 1918 года за подписью Парфёнова навсегда вошли в историю Петрозаводска. Это постановления Олонецкого губисполкома об упразднении дореволюционных губернских учреждений от 20 января , об организации в губернии отрядов Красной Армии от 28 февраля, о создании губернской продовольственной коллегии от 5 марта и решение исполкома Петрозаводского горсовета об аресте в городе всех правых эсеров и представителей буржуазии и офицерства, чтобы держать их под арестом в качестве заложников

и телеграмма от 2 мая 1918 в Совет Народных Комиссаров об упразднении городской думы и большое количество других не менее важных документов. Для борьбы с антисоветскими выступлениями и для наведения порядка в связи с участившимися грабежами, разбоями, нападениями на улицах по предложению Парфёнова была избрана чрезвычайная коллегия, в состав которой кроме него самого вошли Садиков, Кузнецов и два кандидата Балашов и Сидоров. 24 февраля 1918 члены коллегии Парфёнов, Кузнецов, Сидоров по телеграфу распространили распоряжение: «Всех воров, погромщиков, хулиганов, контрреволюционеров, шпионов немедленно арестовывать, предавать революционному суду, отобрать оружие у лиц, не имеющих права ношения».

Судя по документам, первый большевистский председатель исполкома совета действовал довольно решительно. Поэтому вызывает недоумение следующее мнение о Парфёнове: «Человек политически неловкий и растерянный, капитулирующий перед контрреволюционерами, подобострастный к врагам советской власти, грубо и классово — враждебно извращающий линию партии, проводник линии наиболее благоприятной для классовых врагов, элемент советски неустойчивый». Так писал о председателе Олонецкого губисполкома в газетной публикации Славин. Все обвинения в свой адрес Валентин Михайлович попытался опровергнуть в пространном письме от 30.01.1935 в Истпарт¨.

В 1918 — 1920 Валентин Михайлович был комиссаром народного просвещения. В эти годы в Петрозаводске были открыты музыкальная школа, библиотека при губернском народном университете для слушателей университета и лекторов, национализированы кинематографы, реорганизовано школьное образование. 20 сентября 1918 Председатель Олонецкого губернского революционного исполнительного комитета П.Анохин и заведующий губернским отделом народного образования и подотделом искусств, памятников старины В.Парфёнов подписали декрет об охране памятников старины в губернии. Декрет предписывал всем гражданам Олонецкой губернии беречь, сохранять и заботиться о памятниках старины, а лица, виновные в продаже, сокрытии или увозе драгоценных памятников пролетарского народного творчества подлежали суду революционного трибунала и подвергались строгой ответственности.

«Ваше превосходительство от революции», так назвал Парфёнова неизвестный адресат в письме с угрозами в его адрес. В документах архива имеются и другие письма в адрес «негодяя Парфёнова» с обещаниями физической расправы над ним, подписанные: «петрозаводский чёрнорабочий», «совет трёх по борьбе с советской властью». Городской совет вынужден был организовать патрулирование улицы Мариинской милиционерами, пока председатель доберётся до дома после заседаний, часто затягивавшихся до глубокой ночи. «Я отдавал все свои силы, время, здоровье порученной мне работе» - писал Валентин Михайлович в

вышеназванном письме в истпарт, «не боялся классовых врагов и никогда не капитулировал перед ними». После 1920 года Парфёнов работал заведующим педагогическим училищем, заведующим промышленно — экономическим техникумом, директором финансово — экономического техникума, преподавателем педагогического института. В личном деле Парфёнова есть записи о трёх выговорах в период с 1930 по июнь 1932 года: 1. Допустил растрату и не сообщил партии. 2. За пьянку (?, запись читается плохо). 3. Выговор с предупреждением, так как подписал коллективное заявление учителей с антисоветским содержанием. В том же письме в Истпарт от 30.01.1935 Валентин Михайлович пишет: «Я сейчас беспартийный - но беспартийных нет. И потому и сейчас моя «партийность» - большевизм, коммунизм, надо быть идиотом или врагом, чтобы чувствовать, мыслить, действовать иначе».

Сведений о том, что Парфёнов сам занимался фотографией у нас нет, да и найти все 32 фотографии из его коллекции пока не удалось. Под общее название «Манифестации в Петрозаводске в 1-ю годовщину революции» в коллекции музея подходят 5 почтовых карточек (КГМ - 821, 23164-23167), 2 фотографии (КГМ — 14544, 37485) и 1 негатив (Г-5737). На оборотах трёх почтовых карточек с изображением манифестации в Петрозаводске имеется штамп фотографа М.С.Варенцова, ещё на двух подобных карточках по периметру оборота следы окантовки, которые, возможно, скрывают штамп. Автор остальных снимков неизвестен.

Фотография под № КГМ-14544 в документах музея имеет названия: «Проводы новобранцев», «Арка на проспекте Энгельса в первые годы советской власти», «Колонна первого коммунистического полка г.Петрозаводска проходит под триумфальной аркой, устроенной на ул.Энгельса 1 Мая 1918г.».

Арка на улице Соборной. 07-08. 11.1918. Национальный музей РК (КГМ-37485).

Фотография под № КГМ-37485 с изображением арки на Соборной улице возле Братского дома записана в учётные книги музея с датировкой: «1919 год». Четыре почтовые карточки с фотографиями М.С.Варенцова (КГМ 23164-23167), о которых речь шла выше, в каталоге «Коллекция открыток» (1990г., составитель Н.М.Панова), получили название «Первомайская демонстрация 1919г. в Петрозаводске»». По мнению автора данной статьи перечисленные выше 8 фотоизображений в коллекции нашего музея отражают события 7-8 ноября 1918 года.

Празднование первой годовщины революции в Петрозаводске прошло с размахом. Газета «Олонецкая беднота» за 20 ноября 1918 подробно осветила это событие. «Здания красиво изукрашены зеленью и плакатами. Городской совет, кроме зелени, поместил в оконных нишах большие хорошо исполненные портреты Карла Маркса, Ленина. По проспектам Карла Маркса и Фридриха Энгельса выстроены три художественные арки». «Величественное, незабываемое зрелище. Такой грандиозной манифестации никогда не видел Петрозаводск. Все очевидцы сходятся на том, что участвовало около 15 000 чел.». Количество участников торжеств могло быть преувеличено, но судя по фотографиям, оно действительно было огромным. В заметке сообщалось: «Головной отряд РКП уже входил на Абрамовский мост, когда с Советской площади тронулся только конец процессии». И маршрут шествия был грандиозным: «1.Заводской мост 2. Голиковка 3. Заводская площадь 4. Александровская улица 5.Зарека 6.Абрамовский мост 7. Площадь у рабоче — крестьянской школы 2 ступени (б.гимназия) 8. Жуковская улица. 9. Широкая улица 10. Никольская улица 11. Тюремная площадь».

8 ноября «Петрозаводское рабочее население любовалось парадом Красной Армии. Стройные ряды, одухотворённый великой идеей взгляд — вот впечатление от нашей армии. Участвовали в параде отряды коммунистов Александровского завода и Мурманской ж.д.»

Такое массовое участие в праздничных торжествах свидетельствует о том, что большая часть петрозаводчан поддержала преобразования, проводимые советской властью. Прошло всего 9 месяцев с того дня, когда в Петрозаводске 4 января 1918 г. Олонецкий губсовет признал правительство во главе с В.И.Лениным, но за это время были приняты основные постановления по устройству жизни на новых началах: о национализации предприятий и петрозаводского городского общественного банка, о бесплатном и общедоступном образовании, о свободе совести, об отмене навсегда собственности на землю, недра, воды, леса. Члены Олонецкого губсовета понимали, что простое упразднение дореволюционных учреждений ничего не даст, не случайно один из четырёх девизов на билете члена губсовета В.М.Парфёнова гласил: «Дух разрушающий есть и дух созидающий».

Мы знаем, что внедрение в жизнь новых декретов не проходило гладко. Запрет на преподавание «закона божия» привёл к тому, что его стали преподавать во внеурочное время и не в стенах школы. Только декретами привить атеистические взгляды было невозможно. Старые привычные символы последовательно заменялись новыми. Ещё 8 августа 1918 всем гражданам, имеющим трёхцветные национальные флаги предписывалось сдать их в городской совет. И на манифестациях 7-8 ноября повсюду развевались знамёна красного цвета. Часть транспарантов, зафиксированных фотографом, по внешнему виду напоминают хоругви, но вместо ликов Богородицы и святых появились изображения рабочих и революционные лозунги.

На знамени коммунистов 5 полка Олонецкой (?) группы войск сразу 3 лозунга: «Пролетарии всех стран объединяйтесь! Смерть международному империализму! Да здравствует социальная революция!». На других знамёнах демонстрантов лозунги: «Да процветёт Коммуна!», «Мы авангард армии пролетариата всего мира!», « Да здравствуют профессиональные союзы мастеровых и рабочих Мурманской ж/д!». Последний лозунг закономерен, так как именно заказы Мурманской железной дороги позволили военному Александровскому заводу, главному предприятию Олонецкой губернии, перейти на производство мирного времени. Было много предложений о переходе завода целиком в ведение Мурманской ж/д, но общее собрание рабочих и служащих завода 19.03.1918 решило оставить завод самостоятельным.

Две арки из трёх, установленные к годовщине Октября, также имели лозунги. «Да здравствует Совет Народных комиссаров!» - на улице Энгельса; «Пролетариат готовься к бою» - на арке у здания Горсовета на проспекте Карла Маркса. Негатив под названием «Здание Горсовета, украшенное к празднику — годовщине Октября» в настоящее время хранится в Национальном архиве РК, в музее имелась фотография с таким названием, на данный момент

не обнаруженная. На арке возле бывшего Братского дома надписи отсутствуют, но в её навершии - выразительная живописная картина. На картине изображён молодой человек с развевающимся знаменем и толпа митингующих, больше похожих на крестьян, чем на рабочих. Возможно, автор картины хотел подчеркнуть единство рабочего класса и крестьянства в укреплении завоеваний революции. В одном из документов Национального архива говорится, что единственным незаменимым революционным художником являлся в то время Аккуратов, поэтому предлагалось освободить его от военной службы.

Ко дню празднования в Петрозаводске было переименовано 26 улиц, площадей, бульваров, мостов. На торжественном заседании Советов, красноармейских частей и профессиональных союзов в кинотеатре «Триумф» 7 ноября 1918 новые названия улиц и площадей были одобрены, а также было утверждено переименование Александровского завода в Онежский металлургический завод. На заседании 7 ноября были одобрены приветственные телеграммы Питерскому Совету, VI съезду Советов, Карлу Либкнехту, Фридриху Адлеру и приняты предложения об открытии в Петрозаводске памятников. За 3 месяца до этого 8 августа 1918 на заседании исполкома Петрозаводского горсовета было решено снять в самое ближайшее время памятники Петру I и Александру II, что и было сделано.

В 1918 вместо памятников царям предполагалось установить в Петрозаводске памятники Карлу Марксу и Льву Толстому, художнику Собакину было поручено разработать проекты и составить смету.

Фотография, поступавшая в музей от Парфёнова в 1927г. под названием: «Группа членов исполкома Олонецкой губернии в 1918г. на автомашине» в данный момент находится в Национальном архиве РК (под № III-417). В музее имеется копия с этой фотографии, причём перевёрнутая (ВКГМ -11078), под названием: «Демонстрация на пл.Свободы. В машине Парфёнов, Дорошин.» Кто стоит рядом с машиной неизвестно. Также не определены люди, стоящие в машине рядом с председателем Петрозаводского городского совета В.М.Парфёновым и членом Олонецкого губернского исполкома Х.Г.Дорошиным (в шляпе).

Среди членов исполкома Петрозаводского городского совета рабочих и красноармейских депутатов, функционировавшего с апреля 1918 года, была Т.В.Елпединская. Можно предположить, что в машине стоит именно Т.В.Елпединская (возможно, Елпидинская — прим.автора), представлявшая в совете наряду с мужчинами Коммунистическую партию большевиков.

Для иллюстрации «политической физиономии» Петрозаводска в 1917-1918 годах большой интерес представляет фотография «Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» (КГМ — 37483, старые номера - «З» - 888, ПУ — 1499).

На обороте снимка в центре есть надпись карандашом: «Парфёнов», кроме того по верхнему краю оборота имеется дата, написанная чернилами: «1927г. 27/I.», именно в этот день фотография была записана в книгу поступлений музея. В учётных книгах музея в разные годы снимок проходит под названиями: «Группа правительства Олонецкой губернии в период между 25.10.17 — 5.01.1918» - в 1927 году, «Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» - в 1949, «Временный комитет общественной безопасности Олонецкой губернии, организованный буржуазией в Петрозаводске в начале марта 1917г. сразу после разоружения полиции и низложения губернатора» в 1969, «Совет рабочих, крестьянских, солдатских

депутатов» в 1997 году. Подобная фотография имеется и в Национальном архиве РК, где представленные на снимке лица определены следующим образом: сидят - М.П.Лузгин, Новожилов, И.Ф.Прохоров, Пичугин (возможно, Ф.Б.Пичурин — прим.автора), А.Ф.Кожевников, Н.В.Комаров, В.М.Парфёнов, В.М.Куджиев, М.А.Каплан; стоят — неизвестный, Рдутовская (возможно, Рдултовская -прим.автора), К.Алмазов, П.И.Одинцов, М.И.Завадовский.

Представленные на снимке лица сыграли большую роль в политической жизни Петрозаводска после революций 1917 года.

На первом плане за столом сидит А.Ф.Кожевников - представитель Временного правительства, исполнявший обязанности губернского комиссара с июня 1917 до января 1918.

Помощником Олонецкого губернского комиссара Временного правительства являлся Фёдор Ильич Прохоров (сидит 3-й слева) — сын кузнеца Александровского завода. Прохоров (1874-1954) занимал и должность городского головы с 3 сентября 1917 до января 1918. Три месяца после февральской революции Фёдор Ильич состоял в партии социал-демократов интернационалистов, затем вступил в члены ВКП(б). Большую часть жизни он занимался преподавательской деятельностью, первоначально после окончания Череповецкой учительской семинарии обучал детей в земских училищах, затем после окончания в 1900 году С.-Петербургского учительского института в училищах и техникумах Петрозаводска. Интересный факт из жизни Ф.И.Прохорова: в 1919 он вместе с братом Георгием, сестрой, семьёй брата Александра (также учитель) вступает в Петрозаводскую учительскую трудовую сельско-хозяйственную общину. Около десятка учительских семей хотели наглядно показать возможность практической организации сельского хозяйства на социалистических началах с применением в нём всех завоеваний науки и техники.

В центре стола на нашей фотографии поручик Н.В.Комаров (социал - демократ интернационалист) - офицер 7-го железнодорожного батальона, председатель Петрозаводской городской думы с 3 сентября 1917. Именно Комарова считали автором так называемой Олонецкой конституции 1917года.

Представителями социал-демократов интернационалистов были также М.А.Каплан (сидит 1-й справа) и В.М.Куджиев (сидит 2-й справа). Василий Михайлович Куджиев (1889-1976) — юрист по образованию, один из активнейших участников революционных событий в Олонецкой губернии. С 1908 г. он — член Петрозаводской организации РСДРП, в 1917 возглавлял Олонецкий «соглашательский» Губернский совет, в 1919 вступил в РКП(б). «Олонецкую конституцию» подписали председатель Губсовета Куджиев, товарищи председателя Комаров, Каплан и секретарь Завадовский. Важную роль Куджиев сыграл и в Карельской Трудовой Коммуне, он являлся членом Карельского ревкома.

У стены стоит (3-й слева) К.В.Алмазов (эсер)— местный поэт, в годы I Мировой войны выпустивший патриотический сборник «Великая война», посвящённый великому князю Николаю Николаевичу, после февральской революции сочинил «Гимн новой России». В начале января 1918 он был назначен комиссаром Петрозаводского отделения Государственного банка. Алмазов, а также управляющий Петрозаводского отделения Государственного банка А.Бетинг и председатель Олонецкого Губернского совета В.М.Парфёнов подписали в 1918г. редкие банкноты Олонецких денежных знаков, оставшиеся только образцами.

Среди военных и представителей интеллигенции на снимке запечатлены двое рабочих Александровского завода: М.П.Лузгин (сидит 1-й слева) - левый эсер (1887г.р., счетовод ?, расстрелян 08.01.1938, реабилитирован 15.06.1957.), и П.И.Одинцов (1880-1919) — социал-демократ интернационалист (стоит 4-й слева). Пётр Иванович Одинцов был бойцом Коммунистического отряда особого назначения, попал в плен и был замучен белогвардейцами в июне 1919.

В военной форме на снимке кроме Комарова сняты И.Н.Новожилов — эсер (сидит 2-й слева) и Ф.Б.Пичурин - большевик (сидит 4-й слева), в исполком Олонецкого Губсовета был избран от солдатской секции. В.М.Парфёнов называл секретаря совета Пичурина (из 55 железнодорожного батальона) преданным человеком, помощником в работе председателя совета.

М.Н.Завадовский (1891-1941) — меньшевик — интернационалист, с августа 1918 член РКП(б) (стоит 1-й справа) — санитарный врач, возглавил Олонецкий губернский военно - санитарный комиссариат, в декабре 1918 — апреле 1919 — Председатель исполкома Петрозаводского городского совета. Погиб под Медвежьегорском в начале Великой Отечественной войны.

Сведениями о изображённой на снимке женщине автор статьи не обладает.

На двух, представленных выше фотографиях из коллекции В.М.Парфёнова, неизвестным фотографом сняты многие из главных действующих лиц политических событий г.Петрозаводска в 1917 — 1918 годах. По сравнению с дореволюционными «отцами города» они молоды: председателю исполкома петрозаводского совета рабочих и красноармейских депутатов В.М.Парфёнову 34 года, председателю петрозаводского окружного комитета РКП(б) Х.Г.Дорошину — 25, а Губернскому военному комиссару А.В.Дубровскому всего 21 год. Возможно, А.В.Дубровский также представлен среди манифестантов на советской площади (современная пл.Ленина) или же в машине на площади около Гостиного двора (современная площадь Кирова). Общественная и политическая жизнь Петрозаводска в 1917-1918 во многом зависела от политической ситуации в Петрограде. 7 ноября 1922 в газете «Карельская коммуна» Матвеев вспоминал о событиях пятилетней давности: «Революционная волна, захлестнувшая

целиком центры России, после Октября докатилась и до нас, до Петрозаводска. А здесь люди ещё жили под впечатлением бледно — алой февральской революции и только наплыв революционного элемента из Армии и Питера всколыхнул и пробудил рабочие массы Петрозаводска и губернии....»

В данной статье представлено 10 снимков из 32, которые были подарены В.М.Парфёновым в 1927 году музею. В аудиовизуальной и документальной коллекциях музея они относятся к категории «из старых поступлений». Ряд фотографий на тему «Манифестации в Петрозаводске в 1-ю годовщину революции» хранятся в Национальном архиве РК, источник их поступления в архив не установлен. Очень большая вероятность того, что до Великой Отечественной войны они находились в коллекции краеведческого музея. Две фотографии с изображением манифестаций в ноябре 1918 (отсутствуют в коллекции музея) опубликованы в фотоальбоме «Три века Петрозаводска. Иллюстрированная история города. 1703-2003» Надеемся, что все 32 фотографии из коллекции В.М.Парфёнова в будущем будут найдены.

Манифестация на площади Советской. 07-08.11.1918. Национальный музей РК (КГМ-23164).

Литература:

1. Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Под редакцией В.И.Машезерского и Н.Ф.Славина.

   Петрозаводск, 1957.

2. Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы. Книга 3. 1903-2003. Петрозаводск, «Карелия», 2003.

3. Три века Петрозаводска. Иллюстрированная история города. 1703-2003. ПетроПресс,

Петрозаводск, 2003.

4. Карелия. Энциклопедия в трёх томах. Издательский Дом ПетроПресс. Петрозаводск. 2007, 2009, 2011.

5. Твой путь Карелия. 1917-1967. Фотолетопись. Карельское книжное издательство. Петрозаводск. 1967.

6. Профессор, протоиерей Владимир Сорокин. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). Спб. Изд-во Князь — Владимирский собор. 2005.

7. Рядовые революции. Сборник воспоминаний. Составитель В.Н.Верхоглядов. Петрозаводск. 1988.

8. В борьбе за власть советов. Воспоминания участников борьбы за установление советской власти в Карелии. Ответственный редактор Е.С.Гардин. Петрозаводск. 1957.

9. Каталог «Коллекция открыток». Составитель Н.М.Панова. Петрозаводск. 1990г.

10. В.В.Ефимова. Петрозаводское городское самоуправление (1870-1918). Петрозаводск. 2004.

11. Юрий Дмитриев. Место расстрела Сандермох. г.Петрозаводск. 1999г..

Источники. Национальный архив РК:

1. ф. П-14. оп.1. д 1/12. Протокол совещания от 28.10.34, проведённого на Онегзаводе Машезерским, с воспоминаниями участников Октябрьских событий в Карелии.

2. ф. П-14. оп.1. д.6/174. Материалы Парфёнова. Письмо В.М.Парфёнова от 30.01.35 Истпарту по поводу статьи т.Славина о деле гр-на Богданова В.А..

3. ф. П-14. оп.1. д.3/75. Статьи. Истпарт при Карельском обкоме ВКП(б).

4. ф. П-3. оп.6. д.8201. Личное дело. Парфёнов В.М.

5. ф. П-3. оп.6. д.8927. Личное дело. Прохоров Ф.И.

6. ф. Р-108. оп.1. д.26/404. Олонецкий губернский земельный отдел. Устав Петрозаводской учительской трудовой сельско-хозяйственной общины. Состав общины.

7. ф. П-5914. оп.1. д.1/7 Фото. Совет рабочих и солдатских депутатов, эсеро-меньшевистский. 1917г.

8. ф.П-5914. оп.2. д.1/118. Фото (6 ед.) Празднование 1-ой и 10-ой годовщин Октябрьской революции в г.Петрозаводске.

9. ф.Р-2. оп.1. д.14/169. Ходатайство об освобождении художника Аккуратова от военной службы. Выписку из дела любезно предоставила Кап уста Л.И..

10. ф.Р-28. оп.1. д.3/12. Стр.355. О проекте памятников К.Марксу и Л.Толстому в г.Петрозаводске. Выписка предоставлена Капуста Л.И.

Источники.Национальный музей РК:

1.Инвентарная книга музея за 1925 — 1936 гг.

2. Книги поступлений музея. Литер «Б».
3. Книги поступлений музея. Литер «ПУ».
4. Акты приёма на постоянное хранение.
5. Архив музея. Дело № 328. А.П.Подкопаев. История бон Олонецкой губернии.

Источники. Интернет:

1. http://ru.rfwiki./org /wiki/Адлер, Фридрих.

Е.А.Сайконен,
Главный библиограф БУ Национальная библиотека РК

Руководители органов государственной власти в интернет-ресурсе НБРК «Имена в истории Карелии»

Интернет-ресурс Национальной библиотеки Республики Карелия (НБРК) «Имена в истории Карелии» - электронный ресурс, в котором представлена информация о людях, внесших значительный вклад в развитие Республики Карелия**,** чьи имена принадлежат истории, являются национальным достоянием республики и достойны нашей памяти. Это своеобразная энциклопедия известных людей Карелии в электронном виде.

Интернет-ресурс ведет свою историю с 2010 года, когда отмечался 90-летний юбилей создания Карельской Трудовой Коммуны. В рамках этой знаменательной даты в стенах Национальной библиотеки Республики Карелия стартовал проект «Электронная антология Карелии». Именно юбилей республики определил то, что первый раздел проекта был посвящен руководителям высших органов власти Карелии с 1917 года.

Несколько слов из истории появления проекта. О многих известных и достойных нашей памяти людях республики информации в печатных источниках мало, и она разрозненная. На сегодняшний день нет комплексных справочников об актерах, врачах, архитекторах, краеведах Карелии. В то же время на протяжении многих лет в отделе национальной и краеведческой литературы и библиографии Национальной библиотеки Республики Карелия собирается информация об известных людях республики. Она представлена в традиционной тематической краеведческой картотеке «Персоналии». С 2000 года в отделе ведется автоматизированная база данных «Календарь знаменательных дат», которая на сегодняшний день насчитывает более 8 тысяч записей, объем информации в ней постоянно растет. Данные краеведческие ресурсы – важная составляющая при выполнении запросов читателей, представляет большой интерес для пользователей различных групп: школьников, студентов, научных работников, краеведов. В связи с развитием информационных технологий мы стали задумываться о том, чтобы представить эту уникальную и востребованную информацию для широкого круга пользователей.

Причинами для разработки данного проекта послужили:

- актуальность темы исторического краеведения. К истории края всегда стабильный интерес у читателей всех возрастов. Историческое краеведение несет функцию нравственного и патриотического воспитания молодого поколения;

- перспектива электронного краеведения, которое необходимо постоянно развивать. Краеведческие данные являются уникальными и представляют наибольшую ценность для мирового сетевого сообщества.

Цели проекта:

-сохранение культурно-исторической памяти;

-популяризация краеведческих знаний о политической истории Карелии, ее руководителях и политических лидерах.

Задачи проекта:

- развитие краеведческих информационных ресурсов на основе внедрения информационных технологий;

- обеспечение максимальной доступности краеведческой информации для удаленных пользователей путем развития электронного краеведения;

- предоставление информации о значительном массиве краеведческих изданий из фонда Национальной библиотеки Республики Карелия; введение в научный оборот документов из фондов Национального архива Республики Карелия (НАРК), Национального музея Республики Карелия (НМРК), личных архивов.

Партнеры по формированию ресурса:

- Национальный архив Республики Карелия;

- Национальный музей Республики Карелия;

- Центр культуры «Премьер»;

- центральные районные библиотеки Карелии;

- личные архивы персон.

Таким образом, с 2010 года в стенах НБРК собирается коллекция биобиблиографических, полнотекстовых, и других материалов, посвященных руководителям высших органов власти Карелии с 1917 года. В настоящее время в разделе представлен комплексный материал о 37 руководителях.

Руководящие должности, которые они занимали:

- Председатели Олонецкого губсовета, губисполкома, губревисполкома Олонецкой губернии, Карревкома и Кароблисполкома Карельской Трудовой Коммуны;
- Председатели Центрального Исполнительного Комитета, Президиума Верховного Совета, Совета Народных Комиссаров, Совета Министров, правительства Карелии, премьер-министры Республики Карелия;
- Главы Республики Карелия;
- Руководители центральных органов Коммунистической партии;
- Руководители Центрального Комитета комсомола Карелии.

Анализируя в целом собранный материал о руководителях республики, можно отметит, что все эти люди разные. Они – уроженцы Карелии, других регионов России и даже других стран (Финляндия – Э. Гюллинг, О. Куусинен). Различным был образование этих людей. По-разному складывалась их судьба, ведь непростая история станы ярко отражается, в первую очередь, на судьбе политических лидеров, подчас трагически. Они внесли разный вклад в развитие республики. Но их имена объединяет одно – они принадлежат истории и достойны нашей памяти.

Если говорить о периоде с 1917 по 1940 год, то этот период – годы революции, гражданской войны, восстановления народного хозяйства, становления новой системы органов государственной власти - в целом в истории страны сложный, неоднозначный. Часть руководителей республики были репрессированы и реабилитированы посмертно. Этот исторический период характеризуется частой сменой политических лидеров в Карелии. За 23 года на посту руководителя республики сменилось 12 человек. Как правило, это были достойные люди своего времени. Многие из руководителей республики являлись участниками Первой мировой, Гражданской войн. В 1930-е годы 7 из 12 человек были репрессированы, расстреляны или покончили жизнь самоубийством. В дальнейшем - посмертно реабилитированы.

У уроженца Шальского уезда Олонецкой губернии Степана Антоновича Соболева было низшее образование. Но, благодаря тому, что он проявил себя хорошим организатором-хозяйственником, Степан Антонович с 1921 по 1922 год исполнял должность председателя Олонецкого губернского исполнительного комитета. Высокообразованным государственным деятелем, возглавлявшим республику в течение длительного периода времени – 15 лет, с 1920 по 1935 год, являлся Эдуард Александрович Гюллинг. Он имел научную степень – «доктор философии». Именно с его именем связано создание Карельской Трудовой Коммуны. Он внес большой вклад в развитие экономики, науки и культуры края. В дальнейшем в истории Карелии были руководители республики, имеющие научное звание «кандидат философских наук» - С. Л. Катанандов, Отто Вильгельмович Куусинен, «кандидат экономических наук» - Александр Петрович Худилайнен, «доктор экономических наук» - Андрей Витальевич Нелидов.

Собранный и представленный в ресурсе «Имена в истории Карелии» материал можно сгруппировать следующим образом:

- биографические данные по печатным источникам НБРК и архивным материалам НАРК. Была проведена исследовательская работа по раскрытию так называемых «белых пятен» в биографиях руководителей в НАРК. По итогам работы с архивными документами биографии дополнены новыми сведениями, некоторые даты и факты из биографии персон стали исторически достоверными (в связи с тем, что руководители были репрессированы, даты

смерти в литературных источниках не всегда были достоверными). Таким образом, работа в НАРК позволила представить биографии в более полном и достоверном виде.

- библиография. Информация представлена на основе архивных документов из фонда НАРК и литературных источников из фонда НБРК. Подробные списки литературы, в которых представлены: уникальные архивные документы, основные издания опубликованных работ государственных деятелей, литература о жизни и деятельности персон, библиографические пособия, информация об иллюстративном материале и памятных местах, ссылки на Интернет-ресурсы. Представлена информация о печатных источниках, как на русском, так и на других языках мира. Проблема, с которой мы столкнулись, заключается в том, что информации в печатных источниках о государственных деятелях 1920-1930-х гг. крайне мало, не всегда информация в печатных источниках советского периода достоверная.

Архивные документы

- анкеты, личные листки, автобиографии и др. Наибольшую ценность представляют собой документы, заполненные рукой самих руководителей.

- дипломы, приказы о назначениях на различные должности, указы о награждениях. Эти документы представляют этапы профессионального пути персон.

- характеристики, отзывы о работе, по которым мы видим профессиональные качества руководителей.

Экспонаты музейного значения

- членские билеты, удостоверения. Они также представляют интерес с точки зрения полиграфического исполнения документов такого рода в различные исторические периоды.

Вышеперечисленные документы являются официальными. Но проект украшают и документы личного характера:

- переписка, письма, телеграммы, характеризующие личные качества руководителей, их взаимоотношения с другими известными людьми эпохи;

- рукописи стихотворений, написанных персонами, отражающие их творческую сторону жизни;

- уникальные фотографии из фондов НАРК, НМРК, личных архивов. Среди них большое количество групповых фото с известными общественными и политическими деятелями, фотографии, как в рабочей обстановке, так и в семейном кругу, с друзьями, в неформальной обстановке;

- виртуальная книжная выставка книг самих персон и о них. Таким образом, представлен значительный массив краеведческих изданий различных лет из фондов НБРК. Если говорить о книгах, полностью посвященных руководителям республики, то их не так много и далеко не обо всех персонах;

- электронные копии докладов, статей, выступлений, бесед, книг.

- коллекция автографов на книгах из фонда НБРК.

На сегодняшний день собрана информация о памятных местах, связанных с жизнью и деятельностью государственных деятелей. Это фотографии с текстовыми пояснениями. Памятные места можно сгруппировать следующим образом:

- памятники, мемориальные доски;

- дома, в которых жили государственные деятели;

- улицы, набережные, названные в их честь;

- учреждения, организации и другие объекты, названные в честь государственных деятелей.

На сегодняшний день в ресурсе представлены видеоматериалы – это цикл программ «Персона» ГТРК «Карелия». В фонде НАРК отобраны видеосюжеты из киножурнала «Советская Карелия», посвященные государственным деятелям. Данные сюжеты стали бы украшением коллекции. К сожалению, пока мы не можем их представить в Интернете в связи с тем, что фондодержатели видеосюжетов не дают разрешение.

Собранный массив информации в ресурсе «Имена в истории Карелии» представлен в виде текстовых материалов, презентаций, электронных книг.

В этой связи хотелось бы остановиться на материалах из семейного архива Эдварда Александровича Гюллинга. Материалы предоставлены Татьяной Ароновной Кондратьевой, внучкой Э. А. Гюллинга, проживающей в городе Иркутске. В ходе работы над проектом, мы получили письмо от Татьяны Ароновны с просьбой выслать ей список литературы об Э. Гюллинге. Завязалась переписка, в результате которой Татьяна Ароновна любезно прислала в библиотеку экземпляры книги «Эдвард Гюллинг: сборник статей, воспоминаний : к 130-летию со дня рождения, [1881–2011]» (Иркутск, 2011). Составитель книги – Т. А. Кондратьева, перевела материалы книги с финского на русский язык – дочь Э. А. Гюллинга Фанни Елена Гюллинг. На сегодняшний день эта книга является первой и единственной книгой на русском языке об Э. А. Гюллинге. Часть экземпляров книги осталась в фонде НБРК, а часть была выслана в районные библиотеки Карелии. В дальнейшем, благодаря помощи Татьяны Ароновны и коллег из Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского, была получена электронная копия данной книги, выполненная специалистами Иркутской областной библиотеки. Ныне книга в электронном виде размещена в интернет-ресурсе «Имена в истории Карелии». Также Татьяна Ароновна безвозмездно предоставила НБРК электронные копии уникальных фотографий и материалов из фонда архива семьи Гюллинг. Это документы и письма от ее бабушки, супруги Э. Гюллинга – Фанни Карловны Гюллинг из мест лишения свободы в Карагандинской области, которые хранила ее мама, Фанни Елена Гюллинг.

За каждым великим мужчиной стоит не менее великая по духу женщина. И этому изречению яркое подтверждение - Фанни Карловна Гюллинг. Она – уроженка Финляндии, ее отец был врачом. В 1906 г. была обвенчана с Эдвардом Гюллингом. В Карелии она работала редактором финноязычных изданий, в системе народного образования. Являлась кандидатом в члены Коммунистической партии. По воспоминаниям современников, Фанни Карловна была интеллигентной женщиной, писала стихотворения, сама играла на рояле, и дети в семье обучались музыке. Атмосфера в семье была дружелюбная. Жили очень скромно. Фанни Гюллинг не пользовалась транспортом, который был предоставлен ее мужу.

После смещения Э. Гюллинга с поста руководителя Карелии, семья переехала в Москву. В Москве Фанни Карловна работала в Главлите РСФСР.

Вслед за Эдвардом Гюллингом в 1938 г. она была осуждена, как член семьи изменника родины на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Фанни Карловна умерла в Карагандинском лагере в 1944 г. Реабилитирована в 1956 г. (посмертно).

Годы репрессий были годами величайших испытаний для семьи. По словам детей, если бы они не верили, что правда победит, они не выжили бы в эти годы. Это письма троим детям : Фанни Елене, Майи Элизабет, Вальтеру Эдварду. В них – просьбы выслать теплые и самые необходимые в быту вещи, советы, как приготовить блюда, выкройки одежды.

Фанни Карловна писала: «Переехали в новый самими построенный барак, светлый, теплый. Много овощей и хлеба, мне хватает, так что ничего. Не горюй Вальтер о нас и не жди. Тогда время длинней. Приеду может быть вдруг, может быть останется вопрос, но не беда. Когда-то разберутся в вопросе, иначе не может быть. Мы все-таки в советском союзе. Иногда тоска конечно берет, но выгоняю». Поражает стойкость, мужество и вера этой замечательной женщины, разделившей с супругом тяжелые жизненные периоды.

Ресурс сопровождается системой внутреннего поиска по различным параметрам:

- фамилиям персон;
- месту рождения персоны;
- разделу «Общие сведения», где можно осуществлять поиск по любым словам, например, по профессии, географическому наименованию и т.д.;
- библиографии автора;
- библиографии об авторе.

Данные, которые выбираются при поиске в массиве информации, можно сортировать по фамилии и по дате рождения. Полученный список можно отсортировать как по убыванию, так и по возрастанию.

В проекте предусмотрен раздел «Обратная связь», в котором пользователь ресурса может оставить сообщение со своими замечаниями, пожеланиями, комментариями.

Перспективы

В перспективе планируется в данном разделе представить информацию о руководителях Законодательного Собрания Республики Карелия, министерств и ведомств Карелии.

Работа над ресурсом – долгосрочная. Возможно, ресурс станет общереспубликанским, и будет представлен материал о руководителях районов республики.

Достоянием края, в первую очередь, являются люди. Поэтому в результате работы над ресурсом мы сохраняем историческую память о личностях, внесших вклад в развитие республики, и являющихся национальным достоянием Карелии. Также значимость ресурса в том, что - это единственный на сегодняшний день краеведческий электронный ресурс такого рода.

А. В. Федосов,
ведущий специалист – эксперт
Отдела морально-психологического обеспечения
УРЛС МВД по Республике Карелия

Томашевич Виктор Леонидович – первый начальник Петрозаводской городской милиции. Март – апрель 1917 года.

(к 100-летию образования Петрозаводской городской милиции)

До Февральской революции в составе системы исполнительной власти Олонецкой губернии важное место занимала территориальная полиция, выполнявшая сложные функции по поддержанию российского законодательства, местной власти, охраны правопорядка и общественной безопасности.

После Февральской революции в марте 1917 г. губернская полиция была сначала реорганизована во временную, а затем в постоянную «народную» милицию. Однако после событий Октябрьской революции 1917 г. эта милиция вновь подверглась переименованию сначала в Красную Гвардию (1918), затем в Наружную охрану (1918) и далее опять в милицию (1918).

Через 2 года олонецкая милиция была разделена на олонецкую губернскую и карельскую областную (1920), где последняя, организационно видоизменяясь, просуществовала до наших дней и в 2011 г. вновь была реорганизована в российскую полицию. Таким образом, в течение почти 100 лет правоохранительные структуры нашего края прошли весьма сложный путь своего развития в процессе ломки, становления и видоизменения.

Сегодняшнее возрождение полиции в современной России можно воспринимать не иначе как восстановление исторической справедливости в отношении правоохранительных органов страны после ее высвобождения из идеологического плена «парадоксальных иллюзий».

На фоне приоритетов теперь ушедшей советской классовой идеологии и забвения 1000-летней истории России среди населения было сформировано устойчивое негативное отношение к прежней царской полиции и милиции Временного Правительства. Однако и для изучения истории своей же «подлинно народной милиции» также сделано было крайне мало. И сегодня в рамках исторической работы для сохранения историко-культурного наследия МВД по Республике Карелия приходится не только исправить эти «ошибки» прошлого, но также искать пути для восстановления его «родословного древа», начиная с далекого XVI века вплоть до сегодняшнего времени.

Настоящим докладом, подготовленном на основе изучения первоисточников, впервые в истории сделана попытка представить критическую реконструкцию событий, связанных с самым малоизвестным отрезком правоохранительной истории – с созданием временной Петрозаводской городской милиции, заменившей прежнюю полицию после событий Февральской революции 1917 г. Эта история, прежде всего, связана с именем Виктора Леонидовича Томашевича, вскользь упоминаемом в советских источниках без инициалов, где его имя, отчество, биографические данные и отчасти судьба были установленные только в ходе настоящего исследования.

Итак, Томаше́вичи (*белор. Тамашэвіч, польск. Tomaszewicz*) – белорусская и польская фамилия.[1] Ее носили предки нашего героя – потомственные дворяне, родовым гербом которых, вероятно, являлся польский герб Лабэндз, внесенный в 3-ю часть гербовника дворянских родов Царства Польского, в т.н. «Сборник неутвержденных гербов» В.К. Лукомского (*Дело №8 по составлению «Сборника неутверждённых гербов Российских дворянских родов», материалы Гербового Отделения Сената Главного Управления Архивным Делом Гербового Музея*).[2] Родословная нашего героя относится к русской ветви этого рода, вставшего на путь честного служения России после образования в ее составе в 1815 г. Царства Польского.

Томашевич Виктор Леонидович, родился 19 ноября 1880 г. (ст.ст.) в русской дворянской семье военного. Место его рождение связано с одним из военных городков в Новгородской губернии, возможно с селом Селищи, где размещались «Аракчеевские казармы» и дислоцировался 87-й Нейшлотский пехотный полк (1864 – 1918 гг.).[3] После крещения православным полковым протопопом, его родителям было выдано соответствующее метрическое свидетельство за № 87.[4]

Можно предположить, что его отец, Леонид Томашевич, являлся кадровым офицером этого полка. После окончания службы семья Томашевичей перебралась на юг России в Подольскую губернию, поселившись в г. Каменец-Подольский.

Также можно предположить, что эта семья не была богатой, как и все семьи российских военных того времени. Поэтому В.Л. Томашевич мог рассчитывать только на образование по средствам, где единственной возможностью «выйти в люди» становилось получение среднетехнического образования. Для его получения было избрано реальное училище в с.

---

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Томашевич (дата обращения - 14.01.2017 г.).
[2] https://gerbovnik.ru/arms/5132.html (дата обращения - 14.01.2017 г.).
[3] В д. Селищи Чудовского района есть аракчеевские казармы. В царское время деревня называлась Селищенские казармы, представлявшая собой комплекс кирпичных зданий по периметру прямоугольного плаца, строительство которых велось 6 лет с 1818 г. Их строили поселенцы — казённые крестьяне и солдаты. Руководил работами военный инженер Детлов, консультировал архитектор Стасов. С февраля по апрель 1838 г. здесь служил М.Ю. Лермонтов. В октябре 1837 г. он был переведён в Гродненский гусарский полк, который расположился в деревне Селищенские казармы. В Селищенских казармах в 1872 г. родился также и С.П. Дягилев.
[4] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 1, 24-26.

Комрат Бендеровского уезда в соседней Бессарабской губернии (ныне г. Комрат на юге Молдавии, столица АТО Гагаузии или «Гагауз Ери»), в котором ему предстояло учиться 6-7 лет. Годом поступления В.Л. Томашевича на учебу можно ориентировочно считать 1893 или 1894.

По воспоминаниям русского этнографа В. Мошкова от 1894 г. бессарабское село Комрат в то время было большим торговым центром гагаузских колоний с населением более 10.000 человек и представляло собой бойкое и зажиточное местечко с большим кафедральным собором и несколькими сельскими училищами. Значимое место среди них занимало реальное училище, о котором в польских газетах часто публиковались объявления о приеме учащихся, а «многие горожане, не найдя вакансий в Варшаве, присылали своих отпрысков на учебу в Комрат…».[5] Образование, полученное в его стенах, давало выпускникам перспективу поступать в университеты для обучения по технической специальности.

Закончив училище в 1901 г., В.Л. Томашевич получил аттестат, открывавший ему в России достаточные перспективы в условиях начавшейся широкой индустриализации. Годом ранее 20-летний В.Л. Томашевич, как потомственный дворянин, был избран депутатом Дворянского собрания г. Каменец-Подольска, получив о том свидетельство от 13 ноября 1900 г. за № 127.

В документах нет данных, чем мог заниматься В.Л. Томашевич после выпуска в 1901 г., но именно с момента поступления на Юго-Западную железную дорогу в 1905 г. он стал считать себя по профессии железнодорожником.

Во время Первой мировой войны 34-летний В.Л. Томашевич был призван на военную службу в Железнодорожные войска в чине прапорщика. Однако его дальнейшая военная карьера была прервана тяжелым ранением, полученным в ходе боевых действий. Уже 25 июня 1915 г. он был доставлен в военный госпиталь г. Киева вместе с 14 офицерами и военными чиновниками (*газета «Русское слово», 28.06.(11.07.)1915 г. № 148*).[6] Можно предположить, что ранение оказалось достаточно серьезным, ввиду чего В.Л. Томашевич получил освобождение от строевой военной службы с сохранением звания и принадлежности к военному ведомству.

После выписки из госпиталя В.Л. Томашевич получил назначение военным инженером-приемщиком на Трубочный и электромеханический завод Морского ведомства в г. Николаеве (сокращенно «Тэмвод»), где спешно для этих целей приспосабливался местный канатный завод.[7] Это новое производство предназначалось для крупного серийного выпуска гальванических, ударных, патронных и гильзовых трубок и взрывателей для морских снарядов, бомб и мин, в которых крайне нуждался Российский флот. Также на Тэмводе должны были

[5] http://komrat218.blogspot.ru/2009/06/blog-post.html (дата обращения - 14.01.2017 г.).
[6] http://forum.vgd.ru/post/1361/46931/p1706701.htm (дата обращения - 14.01.2017 г.).
[7] http://istmat.info/node/26367 (дата обращения - 15.01.2017 г.).

изготавливаться и приборы управления огнем корабельной артиллерии, рабочий и проверочный инструмент.[8]

С пуском этого завода В.Л. Томашевич в конце ноября 1916 г. был переведен в Петроградский военный округ, где получил назначение на строительство Мурманской железной дороги в Олонецкую губернию, став с 15 декабря 1916 г. смотрителем участковых резервных складов в г. Лодейном Поле с местом службы в г. Петрозаводске при окладе в 1600 руб. в год.[9]

Здесь его и застала Февральская революция 1917 г., внешним поводом для которой послужило «расстройство железнодорожных доставок провианта и топлива столицы».[10]

***

После запоздалого получения известий в г. Петрозаводске о Февральской революции и отречении царствующих особ[11] при отсутствии власти в губернии управление ею перешло к стихийно созданному в г. Петрозаводске т.н. Комитету общественной безопасности. Под его руководством 3 марта 1917 г. была разоружена полиция, началось формирование новой городской милиции, учреждена своя газета – «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности».[12] В состав КОБ вошли представители различных слоев горожан и военных, в т.ч. и преступный элемент, проявивший себя несколько позже.[13]

6 марта 1917 г. была восстановлена и губернская власть после утверждения губернским комиссаром Временного Правительства председателя Губернской земской управы И.Ф. Кучевского[14], получившего права губернатора.[15] В его ведении перешло Олонецкое губернское правление и ряд других губернских учреждений, в т.ч. и милиция. Новая власть совместно с КОБ приступила к восстановлению нарушенного порядка в городе и губернии.

Другим органом общественным власти стал Петрозаводский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, в который вошли представители от всех вновь образованных в губернии структур политических революционных партий. Первое заседание Совета состоялось 15 марта 1917 г.[16] в отведенном ему КОБ помещении бывшего Сыскного отделения при Петрозаводской городской полиции.[17] При этом Совет сразу же взял на себя функции контроля за губернской

---

[8] http://bazar.nikolaev.ua/node/2678 (дата обращения - 15.01.2017 г.).
[9] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 24-26.
[10] Платонов С.Ф. Учебник русской истории. М., «Прогресс-политика», «Вопросы истории», 1992, с. 386.
[11] Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности, 21.03.1917, № 5.
[12] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 16.03.1917, № 1.
[13] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 23.03.1917, № 7.
[14] Кучевский Иероним Феликсович (1855-1921), российский земский деятель, редактор издания «Вестник Олонецкого губернского земства», с 7.03.1917 – Олонецкий губернский комиссар Временного Правительства (1917) – Википедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кучевский,_Иероним_Феликсович (дата обращения – 29.01.2017).
[15] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 11.03.1917, № 25.
[16] Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности, 16.03.1917, № 1.
[17] Газета «Трудовая жизнь», 12.03.1922, № 37 (83).

властью и деятельностью самого КОБ, в т.ч. контроль над арестами, произведенными милицией без его ведома.[18]

В ходе устранения городской полиции от функций охраны порядка и безопасности, она не сразу прекратила свое существование, как было принято считать в советской историографии. Так, в телеграмме председателя Временного Правительства от 6 марта 1917 г., направленной новому Олонецкому губернскому комиссару, было четко определено, что «полиция подлежит переформированию в милицию, к чему необходимо приступить местным самоуправлениям». [19]

Архивные документы косвенно указывают на момент учреждения Петрозаводской городской милиции с 3 марта 1917 г.[20], которая постепенно перенимала профессиональные функции от прежней городской полиции. При этом с первых дней её начальником упоминается поручик В.Л. Томашевич, как представитель от Управления Мурманской железной дороги, вероятно изначально избранный в состав КОБ. Его помощником на то время был Н.П. Бехтер (Николай Петрович), бывший полицейский[21], которому поручалось заведывание канцелярией, приведение в порядок дел и исполнение бумаг, оставшихся после Петрозаводского городского полицейского управления и городского пристава.[22]

Для формирования структуры новой милиции в составе КОБ была учреждена т.н. «милиционная комиссия», которая в период 14 – 16 марта 1917 г. разработала проект ее строительства. При этом новая милиция рассматривалась, как «почетное народное войско, призванное поддерживать порядок и охранять завоеванные народом свободы» на принципах

---

[18] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 28.03.1917, № 10.
[19] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 11.03.1917, № 25.
[20] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/4, л. 55.
[21] НА РК, ф. 1, оп. 2, д. 56/5. Бетхер Николай Петрович (1872 – 1939), сын подполковника Бетхера П.Н., родился 12.11.1872, вероисповедания православного, обучался в Петрозаводском городском училище, но полного курса не окончил, а выбыл из 2-го класса 2 отделения (из аттестата его Императорского Величества Олонецкого Губернаторского Управления от 21.04.1911г.). Постановлением Олонецкого Губернского Управления (1.02.1894) по протекции своего отца и представлению Петрозаводского уздного исправника определен столоначальником Петрозаводского полицейского управления с причислением по происхождению к 2 разряду канцелярских служителей. Постановлениями Олонецкого губернаторского правления назначался: помощником Петрозаводского городского пристава (3.01. – 9.09.1898); полицейского надзирателя в г. Пудож (18.12.1899); причислен к штату Губернского правления (5.09.1900); по прошения переведен столоначальником в штат Петрозаводского уездного полицейского управления (29.12.1901). Приказами Олонецкого губернатора назначался: секретарем Петрозаводского городского полицейского управления (10.02.1904); по прошению – помощником Петрозаводского городского пристава (пр. № 425 от 28.02.1906); полицейским надзирателем в г. Пудож (пр. № 177 от 5.09.1906); приставом 1 стана Петрозаводского уезда (пр. № 75 от 21.09.1907); приставом Каргопольского уезда (пр. № 82 от 16.09.1909); уволен, согласно прошения, по болезненному состоянию от должности и от службы в отставку (пр. № 198 от 22.11.1910). Награжден медалью «В память царствования императора Александра II». Жалование получал по должности пристава в год – 375 руб., квартирных – 180 руб., канцелярские – 500 руб., всего в год – 1430 руб. Жена – Бетхер (Иванова) Евгения Александровна, 1883 г.р. *Дополнение*: В Петрозаводске имел 1-этажный деревянный дом по ул. Малой Слободской д. 27, кв. 1. После революции семья жила за счет сдачи квартиры внаем. В 1933-34 гг. были вынуждены продать дом и больше месяца жили на вокзале в Медвежьегорске без карточек и права трудоустройства. На время переехали в г. Белая Церковь на Украине, где жили у племянницы Валентины Лузгиной, дочери младшей сестры жены. Бехтер Н.П. умер 30.07.1939 г. от истощения и захоронен на Крестовоздвиженском кладбище (*дополнение получено от Мустонен Т.А., внучки Бехтера Н.П.*).
[22] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/4, л. 55.

полного отделения от полицейско-исполнительных функций, где прежние полицейские должности заменялись на т.н. «рассыльных».[23]

Для упорядочения работы новой милиции заведующим канцелярией Петрозаводской городской милиции до 14 марта 1917 г. на основе инструкции для милиционеров г. Петрограда была составлена «Временная инструкция милиционеру».[24] В ней четко определялись основные обязанности милиционеров для противодействия преступлениям и правонарушениям, направленным против жизни, здоровья и достоинства личности, собственности граждан, а также порядка управления, общественной безопасности и общественного порядка.

Выполнение этих задач обеспечивались методом патрульно-постовой службы, где милиционер обязан был «неуклонно выполнять возложенные на него поручения своего непосредственного начальства, а в экстренных случаях – всякого другого чина милиции, предъявившего свое удостоверение». Для отличия от граждан милиционер должен был иметь на левом рукаве белую повязку с буквами «ГМ» и номером, соответствующим номеру его удостоверения, которое всегда должно быть при нем. Находящийся в наряде или на посту милиционер не мог самовольно оставить его до смены. Выдаваемое ему оружие предназначалось для необходимой обороны, а в случае его применения, милиционер должен был помнить, что «о последствиях такового он даст ответ перед судом».

В обязанности милиционера также входило быть вежливым и предупредительным «при сношениях с населением», в т.ч. по требованию граждан предъявить свое удостоверение, которое выдавалось за подписью и.о. начальника милиции В.Л. Томашевича и скреплялось новой милицейской печатью.

В функции милиции постепенно переходило также продолжение правоохранительной деятельности, выполняемой ранее органами полиции.[25]

Окончательное решение вопроса о принадлежности и структуре милиции было принято на вечернем объединенном заседании КОБ и Городской Думы 16 марта 1917 г. после доклада милиционной комиссии.[26] При этом было определено, что «бывшее полицейское управление реорганизуется в милицию, состоящую в ведении органа местного самоуправления», который тогда был представлен Городской Думой. Милиция во главе с начальником, избираемым и увольняемым местным органом власти, подразделяется на 2 части: 1) Наружная милиция – для охраны порядка и безопасности, 2) Канцелярия или Комиссариат – для исполнения поручений различных ведомств. В свою очередь комиссариат подразделяется на 2 отдела: 1) Уголовный (8 чел.), 2) Исполнительный (14 чел.), оба под руководством заведующих, действующих на правах

[23] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 16.03.1917, № 1.
[24] НА РК, Ф-794, оп. 1, д. 1/4, с. 23-24.
[25] НА РК, ф. 325, оп. 2, д. 12/172, л. 180.
[26] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 18.03.1917, № 3.

помощников начальника милиции и приглашаемых органом местной власти по соглашению с ним.

На начальника милиции возлагалось руководство Комиссариатом в целом и наружной милицией, состоящей из кадра постоянных милиционеров, т.н. «платных милиционеров» (25 чел.), избираемых КОБ, а также милиционеров-добровольцев, т.н. «бесплатный милицион»* (200 чел.), являвшийся резервом для «охраны общественного спокойствия в случае на то необходимости». И.о. начальнику милиции В.Л. Томашевичу поручилось составить схему милицейского устава для обеих милиций.[27]

В отношении бывших полицейских, остававшихся на службе в милиции и изъявлявших свое желание продолжать службу в ней, тот же КОБ на заседании 16 марта 1917 г. принял решение в двояком и взаимоисключающем понимании этого вопроса. С одной стороны КОБ не видел препятствий к этому, а с другой полностью исключил принятие полицейских на службу с выработкой предложения губернскому комиссару «о формальном увольнении этих лиц от занимаемых ими должностей».[28] Однако делать этого губернский комиссар И.Ф. Кучевский не спешил, явно ожидая указаний со стороны Временного Правительства.

После формальной передачи милиции в ведение Городской Думы и Петрозаводского КОБ с 16 марта 1917 г.[29], одной из первых совместных акций стало установление с 16 марта 1917 г. контроля за продажей в городе муки по ордерам, выписанным в милиции[30], и введением ограничений на подобную торговлю.[31] Это была вынужденная мера для противодействия массовой скупке хлеба крестьянами Петрозаводского уезда хлеба для спекулятивной перепродажи в соседнюю голодающую Финляндию.[32]

Для организации службы новой милиции и.о. начальника милиции В.Л. Томашевич 19 марта 1917 г. провел собрание милиционеров с выборами старших, на которых «будет лежать обязанность дежурить по милиции и назначение постов и караулов».[33]

Однако губернская власть в лице комиссара И.Ф. Кучевского продолжала влиять на процесс организации новой милиции, где по его указанию было разрешено использовать кредиты, отпущенные по смете МВД на 1917 г. для содержания полиции, однако деньги, предназначавшиеся в виде жалования, шли только для расчета по долгам с полицейскими.[34]

Начало массового увольнения полицейских «за образованием взамен их по городам и уездам Олонецкой губернии милиций» началось по приказу губернского комиссара от 23 марта

[27] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 19.03.1917, № 4.
[28] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 19.03.1917, № 4.
[29] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 18.03.1917, № 3.
[30] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/2, л. 1-2.
[31] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/2, л. 3-4.
[32] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 24.03.1917, № 8.
[33] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 19.03.1917, № 4.
[34] НА РК, ф. 325, оп. 2, д. 12/177, л. 70, 71, 72.

1917 г., ввиду чего от «должности и службы» были уволены все классные чины, надзиратели, становые приставы, в т.ч. из Сыскного отделения.[35] Далее, на основании телеграммы из МВД от 26 марта 1917 г., предписывающей губернской власти окончательно уволить весь состав полиции, следующим приказом от 27 марта 1917 г. в отставку были отправлены все руководители полицейских управлений.[36] Однако в составе городской милиции еще оставались нижние чины – 25 городовых, продолжавших выполнять милицейские задачи.

Следующим указанием от 29 марта 1917 г. губернский комиссар, ссылаясь на телеграмму князя Урусова, потребовал от и.о. начальника милиции В.Л. Томашевича удовлетворить оставшихся полицейских нижних чинов «содержанием по день увольнения или устранения», где еще не уволенных, но и не принятых в состав милиции бывших полицейских предлагалось «считать уволенными со дня получения настоящего распоряжения».[37]

Так В.Л. Томашевич получил прямое указание об увольнении оставшихся 25 городовых, находившихся в его ведении, а также о начале создания т.н. «временной милиции». В результате городские полицейские, выполнявшие милицейские функции вплоть до 30 марта 1917 г., были окончательно уволены со службы 31 марта. И вместе с ними отошла в историю Олонецкая полиция, существовавшая в губернии на протяжении 140 лет, начиная с 1777 г.

После увольнения полицейских в городской милиции осталось всего лишь 8 человек[38], где только двое – и.о. начальника (В.Л. Томашевич) и милиционер (С. Настин) – находились в ее рядах с первых дней, а другие 6 человек были приняты буквально на днях и не имели ни какого опыта работы.

Для организации структуры «временной милиции» в Городской Думе в тот же день, 29 марта 1917 г., на чрезвычайном заседании были одобрены временные ограниченные штаты в составе 23 должностей: начальник милиции, помощник начальника, 2 делопроизводителя, 3 посыльных и 15 милиционеров (всего 22 чел.). На их содержание из городских средств выделялось 21.110 руб. в месяц. Здесь же было возбуждено ходатайство перед Временным Правительством об ассигновании средств на содержание милиции в размере государственных средств, запланированных в 1917 г. на прежнюю городскую полицию.[39]

В тот же день 29 марта 1917 г. в газете появилось первое объявление о наборе желающих поступить на службу в милицию на вакантные должности делопроизводителя, 2-х рассыльных и 15-ти милиционеров (18 чел.) постоянного состава, где указанная служба давала освобождение от военной повинности.[40]

---

[35] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 30.03.1917, № 33.
[36] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 30.03.1917, № 33.
[37] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/4, л. 18-19.
[38] НА РК, ф. 325, оп. 2, д. 12/177, л. 91.
[39] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 31.03.1917, № 13.
[40] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 29.03.1917, № 11.

В тот же день 29 марта 1917 г. губернский комиссар, зная о ничтожных силах милиции, предписал и.о. начальнику В.Л. Томашевичу организовать охрану винных и продуктовых складов, а также магазинов в г. Петрозаводске силами милиции. При этом, в случае обострения беспорядков и невозможности их прекратить путем убеждения, допускалось привлечение в помощь дислоцированных в городе воинских частей и уничтожение запасов спирта.[41]

Помимо отсутствия во «временной милиции» людей, другой серьезной проблемой в деле ее построения стало отсутствие специалистов для работы в канцелярии. Советом рабочих и солдатских депутатов 30 марта 1917 г. для оказания практической помощи было принято решение о привлечении к этой работе В.А. Черныша (Виктор Афанасьевич), бывшего Олонецкого уездного полицейского исправника, пользовавшегося большой популярностью среди местного населения еще с 1905 г.[42] После этого назначения В.А. Черныш сразу же приступил к исполнению указанных обязанностей. Но такой шаг со стороны Совета явно противоречил принципам КОБ, запрещавшего прием на службу бывших полицейских, что, вероятно, и послужило для развития конфликта между ним и Советом.

Ввиду отсутствия в России руководящих принципов для формирования «временной милиции», процесс набора в г. Петрозаводске шел с большим трудом. Ввиду этого губернский комиссар 12 апреля 1917 г. предписал и.о. начальника милиции В.Л. Томашевичу до окончания разработки в стране положения о милиции и её штатов «сформировать временный кадр милиционеров» для охраны личной и имущественной безопасности граждан с назначением вознаграждения его чинам в пределах половины суммы, отпущенных на полицию.[43]

Тем временем в числе задач, возлагаемых на милицию, из полиции в ее ведение перешел и сбор всякого рода налогов с населения: земского, государственного, квартирного и прочих. Ввиду этого и.о. начальника милиции В.Л. Томашевич уже 12 апреля 1917 г. через газету объявил жителям Петрозаводска о необходимости получить бланки заявлений в комиссариате у дежурного милиционера.[44] Однако ни кто не спешил платить налоги, ввиду чего В.Л. Томашевич 14 апреля 1917 г. повторно через газету вновь настоятельно предложил населению не дожидаться принудительного взыскания недоимок, а самостоятельно заплатить их по окладным листам в Городскую управу и Казначейство.[45]

Тем временем 13 апреля 1917 г. из Главного управления Генерального штаба поступило отношение, датированное 29 марта 1917 г., ввиду чего и.о. начальника Петрозаводского

[41] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/4, л. 17.
[42] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 8.04.1917, № 17.
[43] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/4, л. 6.
[44] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 12.04.1917, № 20.
[45] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 14.04.1917, № 22.

городской милиции поручик В.Л. Томашевич был окончательно утвержден в этой должности с выводом из штата военных и зачислением в штат МВД.[46]

Тем временем набор в городскую милицию продолжался. Так в период с 1 по 19 апреля 1917 г. был укомплектован недостающий штат из 20 человек, в т.ч. 4 чел. в канцелярский состав, 2 чел. заведующих арестным помещением и адресным столом, 1 письмоводитель и 3 рассыльных в Уголовное отделение, 16 милиционеров в наружную милицию – всего 22 человека.[47] Вакантной оставалась лишь должность начальника Уголовного отделения, он же помощник начальника милиции.

Ввиду прекращения деятельности полицейского Сыскного отделения, все функции розысков по линии новой милиции полностью взяло на себя Олонецкое губернское правление, действовавшее для этого через газетные объявления. Среди разыскиваемых лиц можно в основном выделить бежавших из мест проживании ссыльных и ратников ополчения, не явившихся по призыву.

Однако отсутствие в городской милиции подобной структуры, где главным препятствием для учреждения Сыскного отделения стало отсутствие подготовленного кандидата, серьезно затрудняло целевую борьбу с уголовной преступностью. Ввиду этого губернский комиссар, ссылаясь на телеграмму от 7 апреля 1917 г. товарища министра князя Урусова, настоятельно рекомендовал 13 апреля 1917 г. В.Л. Томашевичу по этому вопросу на основе штатов от 23 октября 1916 г. «немедленно возобновить деятельность Петрозаводского Сыскного отделения с привлечением в состав служащих отделения людей, вполне отвечающих назначению».[48]

Это стало поводом для КОБ начать процесс избрания своего представителя в число заместителей начальника милиции «на случай его отлучки или болезни»[49], рассмотренный тут же 13 апреля 1917 г. на общем собрании КОБ и Городской Думы. И тут же на не был избран Р.Л. Прушевский (Роберт Людвигович)[50], владелец кинотеатра «Триумф», в отношении которого, вероятно, у начальника милиции В.Л. Томашевича имелось свое отдельное мнение. Возможно, такое избрание в нарушение принципов построения милиции, проведенное без согласия начальника милиции, было продиктовано попыткой взять «реванш» в ответ на назначение Советом В.А. Черныша. Тем не менее, с этого момента полностью проявился «конфликт интересов» между Советом и КОБ, который вступил в свою новую фазу.

[46] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 13.04.1917, № 37.
[47] НА РК, ф. 325, оп. 2, д. 12/177, л. 91.
[48] НА РК, ф. 794, оп. 1, д. 1/4, с. 11-12.
[49] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 12.04.1917, № 20.
[50] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 14.04.1917, № 22.

В ответ на это В.Л. Томашевич на следующий день 14 апреля 1917 г. поспешил известить население, что уже уполномочил помощника начальника милиции В.А. Черныша «решать и подписывать в его отсутствие все исходящие от начальника милиции бумаги».[51]

В ответ на это со стороны КОБ был вынесен на обсуждение вопрос «о принятии на службу в комиссариат бывшего исправника Черныша», рассмотрение которого было назначено на очередном заседании 16 апреля 1917 г.[52] Однако, ввиду неявки членов это заседание было перенесено на 19 апреля.[53] Накануне же, 18 апреля 1917 г., в Петрозаводске отмечался праздник Первое Мая по новому стилю, где милиция была полностью задействована на обеспечении охраны правопорядка вместе с волонтерами из служб железной дороги.

На состоявшемся 19 апреля 1917 г. заседании КОБ вопрос как о В.А. Черныше, так и Р.Л. Прушевском, вероятно, встал наиболее остро. Ввиду этого начальник милиции В.Л. Томашевич мог посчитать невозможным оставаться далее в этой должности и продолжать службу в столь неопределенных условиях. В результате КОБ получил полную свободу действий и с уходом В.Л. Томашевича выставил на должность врио начальника милиции кандидатуру своего выдвиженца Р.Л. Прушевского, который по просьбе собрания тут же принял на себя это руководство. В отношении же бывшего полицейского исправника В.А. Черныша КОБ постановил поручить ему только заведывание милицейской канцелярией.[54]

В день своего ухода, В.Л. Томашевич представил 20 апреля 1917 г. комиссару отчет о сыскных расходах в размере 100 руб., полученных еще 2 марта 1917 г. прежним начальником полицейского Сыскного отделения[55], где все расходы были признаны правильными.[56]

В архивных документах отсутствует упоминание об участии в разрешении данного конфликта со стороны как губернского комиссара, так и Совета рабочих и солдатских депутатов. Несколько позже Совет, учитывая сложившиеся обстоятельства, на своем заседании обсудил новое положение о городской милиции и признал необходимым просить КОБ «вопрос о кандидатуре будущего начальника милиции обсудить при участии представителей от Совета».[57] Тем и закончился выявленный нами «конфликт интересов», заложником которого стал начальник милиции В.Л. Томашевич.

Надо отметить, что подобные конфликты в России происходили повсеместно, возникая, прежде всего, из-за отсутствия выработанных положений со стороны государственной власти о порядке отношений между губернскими и уездными комитетами, комиссарами и начальниками

---

[51] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 14.04.1917, № 22.
[52] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 15.04.1917, № 23.
[53] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 17.04.1917, № 25.
[54] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 21.04.1917, № 28.
[55] НА РК, ф. 2, по. 1, д. 108/2828, с. 33-39, 40, 41-44.
[56] НА РК, ф. 325, оп. 2, д. 12/177, с. 55-56, 57-59.
[57] Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности», 4.05.1917, № 39.

милиций. Для их урегулирования Временное Правительство только в начале апреля 1917 г. попыталось упорядочить порядок управления, подчиненности и назначения должностных лиц, где начальники милиций обязаны были только «исполнять предложения комиссаров, направленные к охране государственного порядка, и безопасности личности и имущества всех граждан».[58]

И только после публикации в губернских газетах от 4 мая 1917 г. постановления Временного Правительства «Об учреждении милиции» от 17 апреля 1917 г., окончательно был подтвержден фактор замены наружной полиции на милицию, а в деле её построения на постоянной основе наметились определенные решения. Прежде всего, содержание милиции определялось из государственных ассигнований, отпущенных на полицию в 1917 г., но только через органы местного самоуправления. Распространяя эти правила на временную милицию, на местах было предложено не выходить по штатам и суммам оплаты из рамок этого ассигнования. Кроме того, также было предложено организовать избрание новых начальников милиции после утверждения самих органов местной власти, легитимность которых могла быть определена только после выборов гласных в Городские Думы и Уездные земские собрания.[59] Забегая вперед необходимо отметить, что назначенные выборы в Петрозаводскую Городскую Думу состоялись со значительным опозданием только 3 сентября 1917 г.

После опубликования «Временного положения о милиции», утвержденного Временным Правительством, в Петрозаводской городской милиции, как органе исполнительной государственной власти, закрепленной за местным самоуправлением, наметились очередные изменения в ее организации. При этом функции милиции определялись применительно к штатам прежней полиции по состоянию на 1 марта 1917 г. с определением порядка их подчиненности в «непосредственном ведении земских и городских общественных управлений».[60]

Ввиду всего этого сложившаяся конфликтная ситуация, связанная с уходом В.Л. Томашевича и избранием на его место Р.Л. Прушевского, как нельзя лучше отвечала указанным требованиям постановлений Временного Правительства, а также занятой позиции со стороны органов общественной и губернской власти. С избранием на должность врио начальника Петрозаводской городской милиции Р.Л. Прушевского уже со следующего дня, т.е. с 20 апреля 1917 г., начался новый этап её формирования сначала как «постоянной», а затем и как «народной» милиции, требующий отдельного исследования.

***

[58] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 6.04.1917, № 34.
[59] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 4.05.1917, № 46.
[60] Газета «Олонецкие губернские ведомости», 6.05.1917, № 47; 9.05.1917, № 48; 16.05.1917, № 51; 18.05.1917, № 52.

После своего ухода из милиции В.Л. Томашевич поступил на работу в Управление строительством Мурманской железной дороги уже как гражданское лицо, где с 25 апреля 1917 г. был назначен ревизором Материальной службы 3-го района с дислокацией в п. Сорока и окладом 2700 руб. в год.

Здесь он познакомился со своей будущей женой Александрой Ильиничной, 10.03.1898 г.р., которая была на 16 лет его моложе. Их венчание состоялось 10 ноября 1917 г., а уже через 3 дня, 13 ноября 1917 г., В.Л. Томашевич получил повышение с назначением на должность заместителя начальника Материальной службы Северной части дороги при окладе 3200 руб. в год, где местом его дислокации определялся Мурманск. Здесь чету Томашевичей и застигли события Октябрьской революции в России. В мае 1918 г. ввиду обострившейся болезни В.Л. Томашевич написал прошение, по которому ему был предоставлен отпуск на 1 месяц.[61]

Вероятно, после этого В.Л. Томашевич вместе с беременной женой выехал на родину в Подольскую губернию, где их и застала Гражданская война (1918 – 1920 гг.), а 4 сентября 1918 г. родилась дочь Лидия. Также можно предположить, что военные события, связанные с немецкой оккупацией этой территории, образованием под их контролем новоиспеченной Украины, с развитием повстанческого движения и успехами Красной Армии на этом театре боевых действий, вынудили семью перебраться в Крым. В Крыму также могли находиться и родственники В.Л. Томашевича – его родные младшие братья, являвшиеся активными участниками Белого движения в России[62]:

- Томашевич Николай Леонидович – окончил Александровское военное училище в 1915г., штабс-капитан Лейб-Гвардии Финляндского полка, с весны 1918 г. находился в своем полку в составе Донской армии и Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР), убит 20 августа 1919г. у Перевальной (*см. Волков С.В. Офицеры Российской гвардии, М., 2002*)[63];

- Томашевич Семен Леонидович – окончил Горийскую школу прапорщиков в 1917 г., прапорщик в Добровольческой армии, с ноября 1918 г. состоял в Сводно-Гренадерской команде 1-го Офицерского (Марковского) полка[64];

- Томашевич Василий Леонидович – окончил 3-ю Московскую школу прапорщиков в 1915 г., штабс-капитан в Добровольческой армии, с ноября 1918 г. состоял в Сводно-гренадерской команде 1-го Офицерского (Марковского) полка.

---

[61] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 24-26.

[62] http://forum.vgd.ru/post/395/70313/p2003490.htm?hlt=томашевич+виктор+леонидович#pp2003490 (дата обращения – 15.01.2017 г.).

[63] http://rosgenea.ru/?alf=19&page=2&serchcatal=%D2%EE%EC%E0%F8%E5%E2%E8%F7&radiobutton=4 (дата обращения – 15.01.2017 г.).

[64] Марковский полк – 1-й Офицерский полк (с 12.02.1918), 1-й Офицерский генерала Маркова полк (с 13.06.1918), 1-й генерала Маркова пехотный полк (с 04.1920). http://swolkov.org/bdorg/bdorg17.htm#1151

В ходе Перекопо-Чангарской операции войск Красной Армии Южного фронта (7 – 17.11.1920 г.)[65] и взятия полуострова Крым, уже с 14 ноября 1920 г. началась реэвакуация эшелонами вглубь страны беженцев, скопившихся там со всей России. Свой контингент специалистов из числа бывших железнодорожников отбирала особая комиссия Наркомата путей сообщения (НКПС), вследствие чего В.Л. Томашевич вместе с женой был направлен в Москву с 4-м эшелоном.[66] О дочери Лидии сведений же больше не встречается.

Прибывшие в Москву бывшие железнодорожники, «извлеченные из пределов Крыма», получали назначение на службу на соответствующие дороги и в отделы НКПС в разные уголки России. И только по прибытию на места они могли быть удовлетворены содержанием «по ныне занимаемой должности содержания, произведенной регистрации их особой комиссией НКПС по Крыму, т.е. с 14 ноября 1920 г.».[67]

В.Л. Томашевич получил свое назначение в г. Петроград, где уже с 28 ноября 1920 г. его утвердили диспетчером Управления Мурманской железной дороги (УМЖД) с окладом по 23 разряду, определенному декретом от 1 января 1920 г. Прибыв к месту службы, В.Л. Томашевич получил вид на жительство в Гражданском отделении милиции 1-го городского района и поселился с женой по адресу: Лиговка, д. 44, кв. 326.[68]

Вероятно, у руководства Материальной службы сохранилась добрая память о его работе на железной дороге в период 1917 – 1918 гг., ввиду чего В.Л. Томашевич уже с 27 января 1921г. получил новое назначение на должность младшего диспетчера этой службы.[69] Здесь же по рапорту ему был предоставлен отпуск на 10 дней по домашним обстоятельствам до 11 февраля 1921 г., после которого он был обязан явиться к месту своей службы.[70]

Уезжал ли В.Л. Томашевич из Петрограда на родину, неизвестно, но прибыл он на службу с некоторым опозданием только 14 февраля 1921 г.[71] По возвращении его удовлетворили содержанием по занимаемой должности с момента отправки из Крыма в г. Москву, т.е. с 14 ноября 1920 г.[72], а 27 февраля 1921 г. получил удостоверение для представления Гражданский отдел и получения трудовой книжки[73], являвшейся в то время в России удостоверением личности.

---

[65] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., изд. «Советская энциклопедия», 1987, с. 454.
[66] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 8.
[67] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 9.
[68] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 24-26.
[69] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 2-3.
[70] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 4-5.
[71] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 11.
[72] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 10.
[73] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 12.

Следующим его карьерным шагом стало назначение через год с 1 февраля 1921 г. агентом для поручений при начальнике Материальной службы по 24 разряду.[74] Однако с 21 мая 1921 г. В.Л. Томашевич по представлению начальника дороги был переведен из г. Петрограда на равнозначную вакантную должность агента для поручений в Хозяйственно-материальную службу дороги в г. Петрозаводск с тем же окладом содержания по 24 разряду.[75]

К концу 1921 г. после обострения тяжелой болезни В.Л. Томашевич был направлен во Врачебно-контрольную комиссию для освидетельствования состояния здоровья и заключения по этому вопросу. В связи с выявленным у него «резким малокровием с истощением малярией», комиссия рекомендовала руководству предоставить больному отпуск на 6 недель, начиная с 23 декабря 1921 г. Однако начальство настаивало только на 2-недельном отпуске в связи с тем, что «агенты крайне нужны» для работы. Тем не менее, В.Л. Томашевич все же был отправлен в отпуск на рекомендованные 6 недель с обязанностью вернуться на службу к 5 февраля 1922 г.[76]

Затем, с образовавшейся вакансией, В.Л. Томашевич был назначен старшим ревизором при окладе содержания по 13,2 разряда уже по новой 17-разрядной тарифной сетке, введенной в стране с 1922 г., где оклад его составлял 1 млн. 900 тыс. руб. в месяц.[77] С 1 мая 1922 г. разряд для оплаты труда был увеличен ему до 14,2 разряда.[78]

Далее, с 15 сентября 1922 г. В.Л. Томашевич был переведен на следующую ступень карьерной лестницы и назначен инспектором-инструктором Охраны в той же службе Материального обеспечения уже по 15,1 разряду оплаты.[79] Но уже 29 сентября он пишет заявление руководству с просьбой о переводе на должность помощника начальника Отдела лесных заготовок, после чего получил это назначение с 1 октября 1922 г.[80] Однако по прибытии на место новой службы выяснилось, что эту должность занимает другой человек, после чего В.Л. Томашевич подтвердил свою готовность принять назначение производителем работ по заготовке дров и материалов на Медвежьегорской дистанции дороги.[81]

Следующим повышением для В.Л. Томашевича стало его назначение с 10 марта 1923 г. на прежнюю должность начальника Материальной части 4-го участка с дислокацией в Мурманске[82], которую он занимал в начальный период Октябрьской революции 1917 – 1918 гг. Для принятия ее он сразу же выехал на место. Однако в этот процесс вмешались органы

[74] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 24-26.
[75] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 14.
[76] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 15-16, 18-21.
[77] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 22.
[78] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 24-26.
[79] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 24-26.
[80] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 32.
[81] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 37.
[82] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 38.

Транспортного ЧК, откуда поступило отношение с рекомендацией об увольнении В.Л. Томашевича, рассмотренное затем 11 апреля 1923 г. на заседании Контрольной комиссии, признавшей свой вариант решения, что «ввиду ликвидации вопроса об увольнении т. Томашевича считать вопрос ликвидированным».[83] Также, вопреки указанию ЧК, была сделана попытка переназначить В.Л. Томашевича с 1 мая 1923 г. помощником начальника Материальной части 4-го участка. Однако, не зная о подоплеке этого внезапного решения, он с обидой подал заявление о своем отказе принять эту должность и об увольнении вообще со службы. Ввиду такого поворота дела, данное заявление со стороны начальства было предварительно удовлетворено.[84]

Вскоре на место начальника Материальной части 4-го участка (Мурманск) прибыл новый назначенец, вступивший в должность с 10 мая 1923 г.[85] Завершив передачу дел по службе, В.Л. Томашевич в своем заявлении от 21 мая 1923 г. просил начальство предоставить ему должность, равнозначную прежнему назначению. При невозможности этого он просил его «уволить по сокращению штатов от службы с выдачей выходного пособия», т.к. отпуском за 1922 г. не пользовался и компенсации за него не получал. Это заявление было полностью удовлетворено руководством.[86] По предписанию от 24 мая 1923 г. В.Л. Томашевич также подлежал откомандированию в Петроград, как увольняемый от службы.[87]

Перед окончательным увольнением в своем заявлении от 14 июня 1923 г., написанном, вероятно, уже в Петрограде, В.Л. Томашевич в последний раз обратился к руководству УМЖД о выдаче документов: «аттестационной карточки, копии послужного списка и удостоверения о службе на дороге с 1916 г., из какового было бы видно, что в течение этого времени я добросовестно исполнял возлагаемые на меня служебные обязанности, необходимые для представления на новое место службы». При этом он отметил, что через 3 дня отбывает к месту нового назначения.[88] Однако приказ о его увольнении был подписан руководством УМЖД только 3 июля 1923 г.[89]

Вскоре, 18 июля 1923 г. из г. Москвы от командира 1-й Отдельной железнодорожной бригады Паниславского поступил запрос о предоставлении послужного списка и аттестации на В.Л. Томашевича, как «состоящего ныне на службе в 13-м Отдельном железнодорожном батальоне» этой бригады.[90]

---

[83] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 41.
[84] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 42-46, 48, 50.
[85] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 53.
[86] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 56.
[87] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 52.
[88] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 59.
[89] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 58.
[90] НА РК, Ф. Р-528, оп. 20, д. 2212, с. 61-62.

В этот период Железнодорожные войска РККА переходили на батальонную структуру, где на отдельные батальоны, помимо боевой подготовки, возлагалось восстановление и ремонт железных дорог, верхнего строения путей и искусственных сооружений, изыскание новых линий, постройка и эксплуатация подъездных путей и узкоколейных дорог небольшого протяжения.[91]

С этого времени теряется и «нить судьбы» нашего героя, Виктора Леонидовича Томашевича, человека своего времени, пережившего две революции и связавшего свою судьбу с органами новой власти в составе «временной милиции» периода Временного Правительства и служб обеспечения Управления Мурманской железной дороги. Многое из его жизни остается не ясным и выходит за рамки нашего исследования. Но одно остается неотъемлемым, что такой же могла быть судьба многих и многих граждан России всех сословий, особенно из числа дворян, шагнувших в начале XX века в «котел событий и подхваченных его кипящими струями».

Тех, кто выжил в огне Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, пережил голод и холод умирающих городов и селений, в будущем ждало не меньше испытаний, определенных для всех без исключения слоев населения и классов новой страны, именуемой с конца 1922 г. как Союз Советских Социалистических Республик.

[91] (дата обращения – 15.01.2017 г.) http://wiki.nashtransport.ru/wiki/Железнодорожные_войска_с_1851_по_1941_год_%28книга,_часть_4%29

К. В. Вишневская,
студентка IV курса ф-та истории и социальных наук
ЛГУ им. А.С. Пушкина

Деятельность агитаторов и пропагандистов в годы Великой Отечественной войны на Карельском фронте

Великая Отечественная война является одной из самых трагичных и героических страниц в жизни нашей страны является . Это война двух систем в ходе которой фашистская Германия ставила целью уничтожение СССР и порабощение его народов. Но планам немецкого командования не суждено было сбыться. С самого начала войны советский народ встал на защиту независимости и территориальной целостности своей страны. Но война- это не только боевые действия. Великая Отечественная война- это война двух непримиримых идеологий: фашизма и коммунизма. Как правило, война идеологий, или психологическая война а начинается задолго до начла боевых действий, но не уступает им в суровости и эффективности. Играя на национальных чувствах, патриотизме, традициях, пропаганда сторон – участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа «образ врага», поднимая все давно забытые конфликты и противоречия[1].

Усиление внимания к проблеме агитационно-пропагандистской деятельности связано в первую очередь со спецификой Карельского фронта. Во-первых, Карельский фронт – самый протяженный фронт, располагавшийся «…от северной оконечности полуострова Рыбачий до истоков реки Свирь и дальше проходил в основном по реке до впадения в Ладожское озеро. Эта линия сохранялась, была неизменной с конца 1941 до 21 июня 1944 года»[2]. Во-вторых, Особое значение имеет тот факт, что противником на данном участке фронта были финны, а как следствие этого, применялись другие методы боевых действий и агитационно-пропагандистской деятельности. И, в-третьих, климатическая особенность: непроходимые болота, студеные озера, скалы, реки, ужасные морозы зимой и сильные дожди летом. «Война в таких условиях не могла быть легкой ни для одной из сторон»[3].

Агитационно-пропагандистская деятельность Советского Союза на Карельском фронте в Великую Отечественную войну крайне отличалась от работы агитаторов и пропагандистов в период «Зимней войны» 1939-1940 гг. В советской пропаганде в годы Великой отечественной войны доминировали убедительные доводы святой войны оборонительного характера. Солдаты

[1] Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне. СПб, 1996. С.25.
[2] Куприянов Г.Н. За линией карельского фронта. Петрозаводск, 1975. С.17.
[3] Гнетнев К. Карельский фронт: тайны лесной войны. Петрозаводск, 2011. С.4.

ожесточенно сражались с врагом за свое Отечество, при этом не различая ни немцев, ни финнов, ни румынских солдат[4].

Цели и задачи пропаганды так же претерпели существенные изменения. Чтобы обосновать правильность своей позиции, необходимо было прежде всего, разъяснить причины войны, разоблачить фашизм во всех его проявлениях, а также мобилизовать людей. Придерживаясь данных целей было обосновано главное направление агитационно-пропагандистской деятельности: «В эти грозные для нашей родины дни наша агитация и пропаганда должны отвечать интересам фронта»[5].

С началом 1941 года в стране, и в Карело-Финской ССР, стали открываться курсы подготовки и переподготовки агитаторов и пропагандистов, что связано в первую очередь с необходимостью эффективного функционирования сферы агитационно-пропагандистской деятельности[6]. Данные курсы стали попыткой преодоления недостатка в профессиональной подготовке специалистов в области агитации и пропаганды, в связи с уходом на фронт опытных обученных кадров. В начале войны на политическую работу в частях армии ушли 982 коммуниста, многие из которых стали политруками, начальниками политотделов, инструкторами в армии. Всего на фронт из Карело-Финской ССР ушло 6500 человек коммунистов[7].

Выявление специфических особенностей Карельского фронта является тем основанием, на котором строятся все остальные аспекты исследования. Важным для исследования является национальная особенность Карельского фронта и, как следствие, осложнение агитационно-пропагандистской деятельности. Порой, солдаты, прибывшие на фронт с национальных окраин плохо, понимали русский язык и приоритетной задачей становилась организация совместной деятельности, направленной на отражение фашистско-финской угрозы. Для активного функционирования агитаторов и пропагандистов в многонациональной среде необходимо было принять ряд мер. Во-первых, стал производиться учет солдат разных национальностей для того, чтобы проводить с нами пропагандистскую работу систематически. Во-вторых, основной формой агитационно-пропагандистской деятельности стали беседы по вопросам единства всех национальностей, о национальной политике Советского Союза. Работа велась планомерно. А для более эффективного результата выбирались лучшие агитаторы и пропагандисты из

[4] Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С.53.
[5] Абросенко К. Агитация и пропаганда в военной обстановке. Красноярск, 1941. С. 2.
[6] Ленинское знамя, 1942. № 109. С.1.
[7] Там же, С.2.

различных национальностей, которые четко, иногда на родном языке вели беседы с личным составом[8].

Здесь уместно обратить внимание на что сложность работы агитаторов и пропагандистов заключалась не только во многонациональном составе. Агитационно-пропагандистская деятельность осложнялась тем, что Советско-Финляндская войны 1939-1940 гг. осталась свой след в умах населения Карелии: не было четких представлений о причинах войны. Целью войны на Карельском фронте правительство СССР ставило помощь борющемуся финскому рабочему народу. Именно эта цель должна была стать фундаментом пропагандистской компании. Многие верили в быструю победу СССР, однако, видя солдат в ботинках с обмотками и в легких шинелях, понимали, что правды не говорят[9]. Это сыграло свою роль. Советско-финляндская война 1939-1940 гг. оставила свой неоднозначный след в умах карельских граждан. Именно поэтому, с началом в июне 1941 г. оккупационного режима, где 200 тыс. человек оказались в подчинении финских властей, одной из причин коллаборационизма населения можно считать воздействие финской пропаганды, все средства которой были направлены на доказательство единства Карелии и Финляндии[10].

Анализ военных брошюр, выпускаемых в помощь агитаторам и пропагандистам позволил выделить «образ агитатора и пропагандиста». Этот человек «…прежде всего не должен быть гордецом и зазнайкой и не должен забывать своих слов. Он не должен быть пропитан духом поучения»[11]. Агитатор и пропагандист должен быть примером чести, отваги, сообразительности. Он не должен быть высокомерен. Не имеет права излагать информацию заумными, непонятными для простых рабочих слов. Задачей агитаторов стал личный пример стойкости и отваги. Ни на минуту не должна была останавливаться агитационно-пропагандистская деятельность. В период боевых действий агитатор должен личным примером подбадривать сослуживцев, вдохновлять их на подвиги лозунгами и речами. В затишье проводить беседы и лекции, разоблачающие злодеяния фашистов, говоря о победах на фронте, рассказывая о великих предках…

Деятельность агитаторов и пропагандистов осуществлялась с опорой на средства агитационно-пропагандистской деятельности: устную пропаганду и печатную (листовки, плакаты, периодическая печать). Устная пропаганда играла важную роль в воспитании чувства советского патриотизма, связанного с героическим прошлым[12]. Партийным организаторам

---

[8] Марков М.Б. Об особенностях пропаганды по национальному вопросу в годы Великой Отечественной войны (по материалам Карельского Фронта) // Вестник Омского университета, 2012, №3. С. 64.
[9] Илюха О.П. Финский фактор в истории и культуре Карелии в 20 веке. С. 266.
[10] Веригин С.Г. Предатели или жертвы войны. Коллаборационизм на оккупированной территории Советской Карелии в 1941-1945 гг. Петрозаводск, 2013. С. 24.
[11] Пропаганда и агитация в условиях военного времени. Сборник. М., 1942. С.5.
[12] Там же. С. 14.

рекомендовалось проводить воспитательные беседы и вкладывать в головы солдат идеи патриотизма и любви к Родине, к партии и к т. Сталину[13], создавались активы из участников Первой Мировой войны, докладчиков из воинских частей. Следующим средством агитационно-пропагандистского воздействия являются листовки. Большим тиражом выходили листовки и плакаты, посвященные национальному вопросу и защите Отечества. Не менее часто на листовках изображались фашисты с искривленные черты, нарушенные пропорции тела, безобразные и жестокими ухмылками, потерявшие человеческий облик от совершенных злодеяний. Листовки, изображающие плачущих жен и матерей использовались агитаторами с целью воздействия на морально-психологическое состояние солдат. Они апеллировали на то, что практически у каждого солдата остались дома семья, возлюбленные, дети и родители Листовки и карикатуры разжигали в сердцах бойцов чувство мести и ненависти к врагу. Еще одним оружием агитаторов и пропагандистов была газета. Основной функцией газет и журналов является формирование общественного мнения, а также исполняла информативную функцию, позволяя солдатам через сводку Информационного бюро, быть в курсе положения на фронте.

Кино как форма воздействия на сознание масс- наиболее эффективное средство в связи с его динамичным и эмоционально-образным видом. Рассчитанное на пассивного потребителя, кино вкладывает в сознание зрителя идеи, готовые образы, оценки, формирует стереотипы и «образы». Главный плюс кинематографа заключается в эмоциональном воздействии, в понижении способности критично оценивать информацию из-за ее наглядности и непрерывного зрительного ряда, который усваивается зрителем на почти бессознательном уровне, потому, что потребитель просто не успевает осмыслить эту информацию. Часто крутили фильмы «Машенька» и «Боевые подруги», используемые агитаторами, как наглядное доказательство жестокости врага.

Результаты проведенного анализа деятельности агитаторов и пропагандистов на Карельском фронте позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, происходит кардинальное изменение целей и задач агитационно-пропагандистской деятельности в связи с изменением характера войны. Во-вторых, изменился сам состав агитаторов и пропагандистов. В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что деятельность агитаторов и пропагандистов была сконцентрирована на фронте, где они, при помощи различных агитационно-пропагандистских средств, создавали условия для патриотического подъема солдат.

[13] Там же. С. 18.

Т.А. Осинина,
краеведческий клуб «ОМА KODI - РОДНОЙ ДОМ»

Виталий Александрович Федермессер – хозяйственный деятель, политик, предприниматель Кондопожского края, Карелии конца XX – начала XXI вв.

Труднее всего писать на тему, приближенную к современности. Еще не устоялись взгляды, не выработалась позиция, еще слишком болезненна обсуждаемая проблема. Но тенденция нашего ускоренного, спрессованного времени такова, что сегодняшнее уже через несколько лет может стать «стариной».

В данной работе использованы материалы архива ОАО «Кондопога», материалы из Выставочного зала ОАО «Кондопога», материалы из семейного архива Федермессера В.А., предоставленные женой Ларисой Константиновной Раевской, материалы местных, республиканских и центральных газет, воспоминания о нем инженерно-технических работников, рабочих и просто жителей Кондопоги.

В настоящем сообщении освещены аспекты деятельности этого удивительного человека, так много сделавшего для предприятия, города, Кондопожского края и Республики Карелия.

Жизнь Кондопоги настолько глубоко связана с предприятием ОАО «Кондопога» и именем его генерального директора Виталия Александровича Федермессера, что кажется, – по иному быть просто не могло.

Виталия Александровича называли по-разному: «Красный» директор, дядя Федя, генерал, самый внимательный и заботливый мужчина озерной республики. Большинство горожан с уважением говорили «Хозяин». Это соответствовало истине. В русских словарях слово хозяин трактуется так: полновластный распорядитель. Отец – хозяин в доме. Хозяин своей судьбы. Хозяин положения (о том, кто может независимо действовать в данной обстановке, распоряжаться, решать сам). Человек, который ведет хозяйство, хозяйственные дела, хороший, расчетливый человек. Хозяин своего слова - человек, который верен своему слову, держит его.

У него была самая большая в городе власть и самая большая ответственность. Виталий Александрович Федермессер навсегда вписал свое имя в историю нашего города и района, республики, целлюлозно-бумажной промышленности. Его знали многие кондопожане, потому что он, как генеральный директор градообразующего предприятия ОАО "Кондопога", был очень влиятельным человеком. Он жил среди нас, знал о том, что происходит в городе и районе. Любой здравомыслящий человек не может не испытывать признательности к

руководителю и его команде за то, что удалось в сложнейших экономических условиях не просто сохранить крупнейшее предприятие республики, но мощно его развивать. . Не случайно у предприятия была репутация надежного и сильного делового партнера.

Родился Виталий Александрович Федермессер 24 сентября 1940 года в городе Душанбе Таджикской ССР. Отец Александр Яковлевич работал заместителем министра по ирригационному строительству в Таджикской ССР. Мать Вера Александровна была детей Константина, Виталия и Аллы[1].

Виталий Александрович закончил десятилетку в Душанбе. Поступать в институт не стал, решил поработать в геологоразведке. В 1959 году поступил в Томский политехнический институт.

В детстве он мечтал стать летчиком, но не прошел медкомиссию. В интервью газете «Пионерская правда», вспоминая о своем детстве, он рассказывал, что мечты были самые возвышенные. Он и в горы ходил, к ледникам поднимался, вершины штурмовал, занимался в аэроклубе. Летал на планерах, - самый дальний полет продолжался три с половиной часа. А сколько друзей осталось с тех пор!

По словам Виталия Александровича, все они смогли реализовать себя в жизни. Видимо, потому что стержень был внутри, воля, характер, знания, умение дружить! Наполнять свой день смыслом, трудом, радостью с самого детства. (2)

И когда в феврале 2002 года в Кондопоге на Токарской пристани проходил очередной этап программы «Небо, открытое для всех», первым полетел на мотопараплана Виталий Александрович. Он не мог не увидеть любимый город с высоты птичьего полета. В этом он весь!

В 1962 году с друзьями побывал в Ленинграде. Город очень понравился. Принял решение перевестись в Ленинградский технологический институт целлюлозно-бумажной промышленности. Виталий был отличником, поэтому проблем с переводом не возникло. В сентябре 1962 года вместе с группой уехал в колхоз на сбор картошки. Там и познакомился со своей будущей женой Раевской Ларисой Константиновной – первой красавицей курса, учились в одной группе.

Лидер по характеру, Виталий Александрович был избран старостой группы и оставался им до окончания учебы. В ноябре 1965 года Виталий и Лариса сыграли свадьбу на Невском проспекте в ресторане «Москва». На свадьбе гуляла вся группа и все преподаватели курса.

Виталий Александрович и Лариса Константиновна были отличниками и при распределении на работу имели право выбора. Была возможность получить направление в Ростов - на- Дону. Лариса Константиновна (она родом с Кубани), очень хотела поехать в этот

[1] Из личного архива В.А. Федермессера.

город, но Виталий Александрович думал по-другому. На комиссии по распределению он сказал, что поедет туда, где больше нужен Родине и Партии. Ему дали направление на целлюлозно-бумажный комбинат в Большую Кондопогу. До последних дней жизни он будет верен своему принципу.

Проходя преддипломную практику на Кондопожском ЦБК в 1965 году Виталий Александрович убедился в том, что этот маленький северный городок ждет большое будущее. Кондопога рождалась и создавалась как город бумажников.

Федермессер, В. // Пионерская правда. - 2002. - 27 дек.- С. 8-9.

В апреле 1966 года он был принят на бумажную фабрику №2 дублером сменного мастера, а в мае уже был назначен сменным мастером.(3) С небольшим карельским городом Кондопога и прославившим его целлюлозно-бумажным комбинатом, куда отправился работать 24-летний инженер-технолог, будет связана вся его жизнь.

Пройдет два десятка лет, и ему суждено будет возглавить один из крупнейших в стране и мире бумагоделательный гигант. В Кондопоге родятся и вырастут трое его сыновей: Юрий, Игорь, Константин.

Кондопога 60-х. была городом созидательного труда молодежи. Вот как пишет о том времени местный поэт Павел Руденко.

Песня о Большой Кондопоге

Где серые скалы стояли веками,
Где морем зеленым шумели леса,
Рабочие строят своими руками
Большой Кондопоги цеха-корпуса,
Растет комсомола ударная стройка,
Все больше и шире ее рубежи.

Крылатая юность упорно и стойко
Возводит красивых домов этажи.
У нас на глазах поднимается город,
Мы все комбинатом бумажным горды,
Кто сердцем сегодня с нами.
Пусть смело становится в наши ряды!

Немного истории. 1922 год… В разоренной и полуразрушенной стране, несмотря на трудности государство нашло средства для строительства бумажной фабрики и электростанции в Кондопоге.

Все прошедшие года, за исключением военного времени, предприятие постоянно боролось за увеличение объемов производства, улучшение условий труда на рабочих местах и строило город. Если проследить историю комбината за восемь с лишним десятилетий, начиная с ввода в бумагоделательной машины №1 в 1929 году и до сегодняшнего дня, можно увидеть, какой огромный путь пройден предприятием в техническом и социальном развитии. Судьбы нескольких поколений бумажников, жителей города и республики связаны с этим строительством.

Газетная бумага была получена в 1929 году. В 1935 году введен в эксплуатацию целлюлозный завод в составе трех варочных котлов. В 1937 году начала свою работу бумагоделательная машина №3 мощностью 14 тысяч тонн оберточной бумаги.

Первая бумага, полученная в Кондопоге, означала, что в строй вступило уникальное специализированное предприятие по выработке бумаги, которое на многие десятилетия определило судьбу Кондопоги[2].

3. Из личного архива В.А. Федермессера. Трудовая книжка В.А. Федермессера от 25.08.1965 года.

В разное время здесь работали выдающиеся специалисты и руководители предприятия. Можно вспомнить имя первого директора Ганнеса Генриховича Ярвимяки, возглавлявшего предприятие с 1929 по 1936 год.

Не легче было и тем, кто принял на свои плечи заботу о дальнейшем строительстве и расширении комбината – Виктору Михайловичу Холопову, руководившему предприятием с 1955 по 1982 года, Виктору Ивановичу Евгеньеву, который возглавлял коллектив до 1989 года.

[2] Из архива выставочного зала ОАО «Кондопога».

На снимках:

В.А. Федермессер и В.М. Холопов *В.А. Федермессер и В.И. Евгеньев*

Комбинат взрастил, дал путевку в жизнь целой плеяде замечательных рабочих, без которых не смогли бы достичь такого высокого уровня качества газетной бумаги, что имеет комбинат сегодня. Люди не жалели времени, сил и здоровья ради того, чтобы крепло предприятие. Они не были потребителями, а были созидателями, и своим трудом гордились. Гордились тем, что благодаря их труду и таланту комбинат стал одним из лучших в отрасли, продукцию которого знают не только в России, но и далеко за ее пределами. Среди таких - Виталий Александрович Федермессер.

В августе 1969 года он был призван на службу в Советскую армию.

На снимке второй слева В.А. Федермессер

(5) Из личного архива В.А. Федермессера

Служил с 1969 по 1971 год в поселке Алакуртти Кандалакшского района Мурманской области.(5)

В армии он неоднократно получал письма из различных регионов страны с предложениями приехать после службы к ним, предлагали высокие должности, но В.М. Холопов настаивал на его возвращении в Кондопогу. Виталий Александрович вернулся в Кондопогу.

Молодой специалист сразу зарекомендовал себя не только как отличный производственник, но активный общественник. Занимается спортом, участвует в организации и работе литературного клуба.

На Доске почета Кондопожского ЦБК

На занятиях спортом (третий слева В.А. Федермессер)

(третий слева В.А. Федермессер)

Из личного архива В. А. Федермессера.

В.А. Федермессер работал начальником смены, заместителем начальника бумажной фабрики. Возглавлял технологическую службу комбината, был заместителем главного инженера по бумажным фабрикам, работал начальником производства. С 1983 года – главным инженером предприятия, а с 16 августа 1989 года – генеральным директором ОАО «Кондопога».

Пройдя все ступени по служебной лестнице, освоив и пропустив через себя все профессии бумажника, Виталий Александрович стал первоклассным,

высококвалифицированным специалистом по производству бумаги. Он хорошо знал смысл, цену и красоту чудесного мира бумаги. Этот мир он постигал ценой невероятного труда и перенапряжения, работал почти круглосуточно. Этого требовала обстановка. Комбинат осваивал новые буммашины, модернизировал старые. Внедрялись новые технологии, системы и одежда буммашин. Все это происходило при постоянном росте выпуска газетной бумаги и при ежегодном росте производительности труда, улучшения качества бумаги.

Характерной чертой и стилем работы специалиста были оперативность, напористость, смелость в принятии решений и осторожность в действиях при их выполнении. Эти качества с особой силой проявились в первое десятилетие его работы генеральным директором. В действиях руководителя сочетались холодный расчет дальновидного политика, душевная щедрость и романтика.

Виталий Александрович в работе многое позаимствовал у своего наставника В.М. Холопова, орденоносца, Героя Социалистического труда. Он так же, как В.М.Холопов, прекрасно знал производство, был хорошим оратором и мог диктовать без какой-либо подготовки тексты писем и телеграмм в самые высокие инстанции. У него была прекрасная память, и он не терпел, если в его продиктованный текст вносились какие-либо изменения.

В, А. Федермессер был избран руководителем предприятия в труднейшее для комбината время. Страна переживала шок гайдаровских реформ. Комбинату удалось не только выжить, но и сохранить численность коллектива (везде шли повальные сокращения), сохранить канувшую в Лету вместе с социализмом заботу о работниках (помощь пенсионерам и молодым семьям, льготное питание в столовой, бесплатные путевки, качественное медобслуживание в ведомственной поликлинике). Предприятие развивалось и развивало город. о Кондопогу, порой, называли государством в государстве.

Через год трудовой деятельности на посту генерального директора Виталий Александрович внес коррективы в программу технического развития предприятия. Планы генерального директора и трудового коллектива совпали.

Началось строительство комплекса самой современной в мире бумагоделательной машины №10 с рабочей скоростью 1350 м/мин и производительностью 157 тыс. тонн бумаги.

Под руководством В. А. Федермессера на предприятии последовательно проводилось техническое перевооружение производства, вводились новые производственные мощности. Виталий Александрович был против, когда утверждали, что все держится на генеральном директоре. Это на его взгляд, легкомысленное заявление. Он утверждал, что существует команда, способная решать задачи, о которых десять лет назад и мечтать-то не могли. Известный писатель Александр Покровский оставил нам запись подробного разговора с Виталием Федермессером:

— Вам не завидуют?

— Бывает. Люди же вокруг разные. Они называют меня «красным директором», говорят, что я собрался здесь строить коммунизм. Абсолютно неправильно. Я очень расчетливый человек. Я деньги на ветер не бросаю. Я вкладываюсь в людей потому, что это правильно. Планы у нас большие, — говорил Виталий Александрович, отвечая на очередной вопрос Александра Покровского, — но осуществимы они только при условии рентабельной работы и большой прибыли. Сегодня мы тратим примерно тридцать процентов прибыли на социальную сферу и около семидесяти – на развитие производства. Я мечтал сделать пятьдесят на пятьдесят, но не получается, потому что без развития производства нельзя даже мыслить свое будущее». (7)

Можно долго перечислять производственные новации и социальные проекты Кондопожского ЦБК. Они абсолютно масштабны для того, чтобы иметь мощный информационный шлейф – сотни статей и видеосюжетов, исследование опыта, социально-экономический анализ и т. д. Но парадокс в том, что ничего этого нет! Жалкая дюжина материалов, из которых половина посвящена посмертной мелкой спекулятивной критике В.А. Федермессера. Дальше — тишина. Его критикуют за то, что дорогие социальные объекты теперь трудно содержать их. Вместо того, чтобы строить их, лучше было бы раздать деньги в виде зарплат.

А ведь руководители государства, другие официальные лица страны неоднократно бывали на предприятии. В городе проводились конференции, семинары, форумы, съезды не только местного (карельского), но и российского значения.

Генеральный директор ОАО «Кондопога» В.А. Федермессер знакомит Президента России Б.Н. Ельцина с производством бумаги.[3]

[3] Покровский, А. 11 встреч. Интервью с современниками. М., 2007. - С. 6-10.

17 марта 1991 года прошел всесоюзный референдум по сохранению СССР, введения поста Президента РСФСР. 29 марта на ПО «Кондопогабумпром» прибыл Председатель Верховного Совета России Б.Н. Ельцин. Это была предвыборная поездка в борьбе за пост.

Б.Н. Ельцин, будущий президент РФ, находился на предприятии в течение двух часов, посетил центральный пульт управления производством, БДМ-7, БДМ-8 и ДМЦ. В беседах с работниками предприятия он постоянно подчеркивал необходимость расширения и совершенствования производства, потому что Россия испытывает настоящий информационный голод. России нужна продукция *кондопожских бумажников*. Он выразил удовлетворение темпами производства Кондопожского объединения и подчеркнул, что бумажники работают стабильно и качественно. Б.Н. Ельцин также отметил, что Кондопоге и Карелии необходимо помогать. Во время беседы в кабинете генерального директора говорилось о необходимости строительства буммашины №10.

Дважды посещал ОАО «Кондопога» Президент России В.В. Путин. Летом 2003 года на готовящейся к пуску бумагоделательной машине №10 Президента встречал генеральный директор В.А. Федермессер. Высокий гость прошел по бумзалу, приветствовал рабочих, мастеров и инженеров, проявив неподдельный интерес к происходящему: « Все вы правильно делаете, - сказал В.В. Путин генеральному директору ОАО «Кондопога» В.А. Федермессеру

Президент России В.В. Путин посетил спортивный комплекс, который находится рядом с Ледовым дворцом. Гости посмотрели тренировку юных хоккеистов, наблюдали за баскетбольным матчем спортсменов предприятия, а в новом гимнастическом зале стали свидетелями мастер-класса для юных гимнастов, который проводили звезды спортивной гимнастики Светлана Хоркина и Алексей Немов.

Глава государства высоко оценил промышленный потенциал ОАО «Кондопога», на базе которого обновляется город, развивается социальная сфера.

В свете нынешних событий положения нашего города и градообразующего предприятия вместо резюме хотела бы привести цитату из интервью Виталия Александровича Покровскому, на вопрос— А вам не мешают?

— Как не мешают? Конечно, мешают. Мы же необычные. Ни у кого ничего не просим. Наоборот, сами можем помочь. У нас же прибыль. И немалая. Существует много структур, которые хотели бы ее отнять[4].

Действительно, попробуем припомнить хоть кого-нибудь из капитанов нашего «бизнеса», кто не пытался бы поправить свое шаткое финансовое состояние за счет бюджетных миллиардов. Да, это нонсенс! Федермессер, зарабатывающий деньги на конкурентном

[4] Там же с. 8

международном рынке и делящий прибыль с обычными рабочими, – это просто верх неприличия с точки зрения бизнесменов того периода.

А на ЦБК хорошая зарплата, социальные гарантии. Комбинат финансирует всю социальную сферу, как в советское время. Кондопожане привыкли уважать себя, свой город, свой труд. Вот результат.

- ОАО "Кондопога" - лидер по производству бумаги
- Кондопога - в числе лучших малых городов России по итогам 2001 года
- ОАО "Кондопога" - в списке 200 крупнейших компаний России по объему реализации продукции
- В.А. Федермессер вошел в сотню самых профессиональных менеджеров России
- Дворец спорта - благодарность Правительства РК.
- Аналитический центр "Информационно-торговой системы "Леспром.ру" публиковал результаты анализа эффективности работы целлюлозно-бумажных предприятий России. ОАО "Кондопога" всегда занимало первое место среди 21 предприятия отрасли по объему производства газетной бумаги. И это на фоне общего спада в отрасли. Несмотря на значительный потенциал российского ЛПК, таможенная политика государства приводит к росту экспорта круглого леса. Следствие этого - перебои в поставке сырья и спад производства. В этой ситуации можно говорить если не об управленческом гении Виталия Александровича, то уж точно - о его высочайшей квалификации специалиста и руководителя.

В.А. Федермессера отличает умение находить оптимальные нетрадиционные пути решения производственных задач в сложной финансово-экономической ситуации. В условиях развала экономики девяностых он сумел не только значительно увеличить объемы производства, но и провести серьезную реконструкцию предприятия. Как результат - 40% газет в России выходит на кондопожской бумаге. Это “Аргументы и факты”, “Комсомольская правда”, “Известия”, “Московская правда” “Спорт-Экспресс”, “Советский спорт”, “Советская Россия”, “Гудок”, “Мегаполис-Экспресс” и ряд других газет и еженедельников[5].

Наконец, выход на международный рынок - самый объективный показатель эффективности управления. Западный потребитель чрезвычайно осторожен и щепетилен в выборе партнеров. Российскому товаропроизводителю требуется очень много времени и усилий, чтобы доказать свою состоятельность. Тем не менее, продукции ОАО "Кондопога" доверяли уже в Европе, Северной Америке, Африке, на Ближнем, Дальнем и Среднем Востоке.

ОАО «Кондопога, вкладывая значительные средства в техническое перевооружение основного и вспомогательного производства, постоянно изыскивало финансовые возможности

[5] Из архива выставочного зала ОАО «Кондопога».

для решения социальных вопросов, направленных для улучшение условий жизни и труда работников предприятия.

За 1993-2004 годы введены в эксплуатацию объекты социальной сферы, построенные на средства ОАО «Кондопога»:

- Творческий центр с конференц-залом и гостиницей (1993 г.)
- Детская музыкальная школа (1994 г.)
- Стадион с современным травяным покрытием (1994 г.)
- Детская библиотека с компьютерным залом (сентябрь 1994 г.)
- Кафе на 62 места на ул. Советов (декабрь 1995 г.)
- Гостиница на 34 места на ул. Советов (1996 г.)
- Шахматный клуб на 48 мест (1996 г.)
- Атлетический клуб на 25 мест (1996 г.)
- 18-квартирный жилой дом в Тивдии (ноябрь 1996 г.)
- Санаторий-профилакторий на 70 мест (июнь 1999 г.)
- Дворец искусств (июль 1999 г.)
- Благоустройство ул. Советов от ул. Пролетарской до ул. Комсомольской (октябрь 1999 г.)
- Площадка для мини-футбола (1999 г.)
- 15-квартирная секция в 45-квартирном доме (2000 г.)
- Благоустройство территории от ул. Комсомольской до канала (сентябрь 2001 г.)
- Башня с карильонами и часами (декабрь 2001 г.)
- Ледовый дворец на 1800 мест (декабрь 2001 г.)
- Поликлиника на 450 посещений (июнь 2002 г.)
- Лыжероллерная трасса (август 2002 г.)
- Певческая сцена на 100 выступающих (сентябрь 2002 г.)
- Спортивный центр с современным гимнастическим и баскетбольным залами (июнь 2003 г.)
- Подъезд на 32 квартиры в 82-квартирном доме (март 2004 г.)
- Кафе и коктейль-бар на ул. Строительной (май 2004 г.)[6]

Виталий Александрович всегда вспоминал с благодарностью город Душанбе, где он родился, своих учителей и школьных друзей. Всегда помнил, доброту, взаимоуважение в отношениях между людьми разных национальностей, которые жили в нашей стране. Эту

[6] Открытое акционерное общество «Кондопога»: фотоальбом / сост.: А.А. Ермилов, В.И. Брагина; фот.: В.В. Ермолин, А.А. Чикулаев, М.С. Скрипкин. – Петрозаводск: Скандинавия, 2009. – 240с.

благоприятную атмосферу он старался сохранять и поддерживать на предприятии и в городе в самые трудные годы.

Не случайно многие, включая средства массовой информации, называли его «Красным директором». По этому поводу он говорил: «Некоторые называют меня «красным директором», я не обижаюсь. Часто бываю за рубежом: в Швеции, Германии, Финляндии. Там социальной сфере, возможностям здорового досуга, развитию и духа, и тела уделяется огромное внимание. Стоит посмотреть на роскошные спортивные комплексы, бассейны, концертные залы – которые есть, даже в самых маленьких городках. Получается, если я «красный», то они там, за рубежом, тогда вообще… «малиновые»….

Люди наделяли Виталия Александровича такими духовными чертами, как совестливость, умение сострадать. Он очень любил детей и многое для них сделал.

Зарплату депутата ЗС РК он перечислял Кондопожскому детскому дому. Все подарки, которые дарили ему, он сразу же раздавал ветеранам, детям или сослуживцам. Он любил людей и как только появлялась возможность что-нибудь для них сделать, делал с радостью.

Так, например, были отремонтированы школы №1, №2, №6. На ремонте зданий в две смены трудились более ста плотников – бетонщиков, каменщиков, электриков, штукатуров-маляров из строительного управления РСЦ и ЖКО ОАО «Кондопога». Ремонт школ всегда был сделан в срок, к 1 сенятбря.

В апреле 2004 года Кондопожский детский дом отмечал свое десятилетие. Силами работников ОАО «Кондопога» за несколько месяцев до юбилейной даты в рекордно короткие сроки здание приюта для обездоленных детей преобразилось до неузнаваемости. Стало по-домашнему светло и уютно, созданы все условия для полноценного развития воспитанников, компьютерный класс, концертный зал, хорошо оснащенная спортивная площадка и детский городок, уютные спальни и игровые комнаты.

Руководство комбината, кроме основного производства не забывало и о здоровом питании своих рабочих, да и жители Кондопоги не были обижены. «Тивдия» - многоотраслевое подсобное хозяйство ОАО «Кондопога», где наряду с земледелием получили развитие такие направления, как молочное и мясное животноводство, свиноводство, крупнейшие в Европе рыбное хозяйство, где выращивают и перерабатывают радужную форель. Продукция подсобного хозяйства поставлялась в столовые комбината общественного питания, часть ее магазины реализовали труженикам предприятия и жителям города. Рыба в замороженном виде и продукция из нее по сей день пользуется спросом у потребителей Москвы и Санкт-Петербурга и других городов.

Кондопога до самого последнего времени оставалась весьма необычным российским городом. Комбинат, которой поставлял 85 % бумаги на экспорт, мог позволить брать на

себя большую часть нужд горожан. Предприятие финансировало ремонт теплотрасс, мостило тротуары, позволяло детям почти даром заниматься в спортивных секциях.

С комбинатом, а точнее, все же с именем Виталия Александровича, связывали появление в городе органного зала, единственного в республике Ледового дворца и дешевого бассейна, чистенькие улочки, аккуратненькие фонарики, бульон в комбинатской столовой за 7 рублей…. Все для людей.

Более 50% жилого фонда города содержал комбинат. Строительство газопровода Петрозаводск-Кондопога, на которое предприятие потратило 12 млн. рублей[7].

Поистине, масштаб личности измеряется не прожитыми годами, а тем, что сумел сделать человек. Виталий Александрович Федермессер из числа тех редких людей, которые, работая с колоссальной самоотдачей, сумели увлечь, зажечь своей энергией окружающих. Он часто повторял, что на предприятии сложилась команда единомышленников. И как опытный командир вел всех вперед, беря на себя ответственность за все смелые решения.

Федермессер В.А. по-военному неприхотлив. В одежде был консерватор В его рабочем кабинете - старая советская мебель, не было даже компьютера. На рабочем месте Федермессер был поглощен работой и не любил отлучаться даже на обед - предпочитал чай с бутербродами.

Да, с управленцев комбината, бывало, жестко «снимал стружку», но к простым людям относился участливо и лояльно, в случае необходимости оказывал им моральную помощь или материальную поддержку. Характерный тому пример: даже несмотря на свою занятость он всегда принимал в кабинете граждан, желающих обратиться с личной просьбой к нему, до последнего человека, пусть даже «финальная» встреча заканчивалась поздно вечером. А если иногда и случались исключения, то они, как говорится, только подтверждали его железное правило.

ОАО «Кондопога» под руководством В.А. Федермессера многое делало не только для своего предприятия, но и для других предприятий и региона. И это, на мой взгляд, являлось главным, почему знали и ценили наш город и предприятие.

Виталий Александрович знал и говорил о недостатках и нерешенных вопросах, но никогда не бросал камни в прошлое страны. Был твердо убежден, что политикой можно заниматься и нужно, но только вне рабочего времени и за территорией комбината.

---

[7] Федермессер, В.А. О результатах работы нашего предприятия и выполнение коллективного договора за 1999 год // Авангард. - 2000. - 11 февр.- с.2.

Он был против очернительства истории страны. Утверждал, что надо извлекать и использовать лучший опыт предыдущих лет. Нельзя отказываться от этого прошлого, оно должно быть востребовано обществом. В интервью газете «Авангард» от 30 октября 1998 года он говорил: «Да, государство ослаблено, и все-таки в нем есть здоровые силы, способные направить энергию молодых на созидание, а не на саморазрушение».

Много внимания Виталий Александрович уделял молодежной политике. Когда отмечали 80-летие комсомола, он говорил, о том, что стоит задуматься над тем, что было утрачено за последние годы в деле организации работы с молодежью. А понять это – значит начать достаточно успешно избавляться от всего негативного, что, к сожалению, еще продолжает накапливаться в молодежной среде. Безучастно смотреть, как страна теряет целое подрастающее поколение, мы не можем. Если хотите получить здоровую молодежь, вы будете вкладывать деньги в ее образование, в физическое и нравственное развитие. И наоборот – эксплуатация порока принесет прибыль, но результатом будет деградация молодого поколения»[8].

В интервью звучит озабоченность, о том, что траты предприятия на молодежь недостаточны: «Вы не представляете себе, насколько мы на самом деле опаздываем с этими тратами. Это уже привело к тому, что сегодня по большинству молодых людей мы вынуждены выносить приговор: не способен к самостоятельной созидающей деятельности. Поэтому работы по строительству новых спортсооружений и объектов культуры должны быть продолжены. Это не прихоть, а насущная необходимость. Нам надо выбирать: если хотим расплодить наркоманов и воров, тогда действительно денег тратить не стоит – хватит грязных подвалов с лежаками. Вот только достойной смены в этом случае нам так никогда и не увидеть»[9].

Его беспокоило активное создание бандформирований, сект, объединение фанатов, как форм организации молодежи и отсутствие молодежных организаций, имеющих позитивно-созидательную направленность. «Словно, кто-то задался целью вырастить поколение, не различающие добра и зла, не умеющее работать, отученных думать самостоятельно. Нам же на производстве нужны образованные, физически здоровые, способные к созиданию, нравственно зрелые молодые люди».

В.А. Федермессер неоднократно избирался депутатом местных Советов, а с 2006 года был депутатом Законодательного Собрания РК по Гирвасскому одномандатному избирательному округу, членом комитета по государственному устройству, вопросам местного самоуправления

---

[8] Растить созидателей (Интервью с генеральным директором ОАО «Кондопога» В.А. Федермессер) // Авангард. - 1998. - 30 окт. - с.3.

[9] Там же. с. 3

и национальной политики, а также членом фракции партии «Единая Россия». Его заботило то, что в стране отмечается новый виток борьбы за передел собственности.

«Способов захвата предприятий достаточно много. Подбираются и к нашему комбинату. Новые собственники качают из предприятия прибыль, не вкладывая средств в модернизацию и реконструкцию, в социальные программы и организацию технической безопасности. Ничего не делают для города и района, в которых функционируют предприятия. Цель одна – за короткий срок извлечь как можно больше прибыли, обогатиться. Предприятия работают на износ, а когда перестают давать прибыль, их перепродают или бросают».

Для Виталия Александровича власть – не самоцель. Он хотел быть уверенным, что в Законодательном Собрании, районном Совете и местной администрации не будут приниматься решения, способные отрицательно сказываться на работе градообразующего предприятия, а, значит, и всего района.

Нельзя было строить планы даже на ближайшую перспективу, если не уверены в том, что ситуация в районе и республике будет оставаться стабильной. Вот и весь интерес. Второй интерес в том, чтобы сделать для города и района еще много добрых дел.

Взаимодействие с Правительством Республики Карелия, депутатами всех уровней и органами местного самоуправления в решении насущных социальных проблем населения трудовой коллектив ОАО «Кондопога» расценивал, как свой посильный вклад в возрождении России.

О нем писали:

- Еще не видя директора целлюлозно-бумажного комбината ОАО «Кондопога» Виталия Федермессера, мы поняли, как относятся к нему горожане: любят, уважают и даже боятся. Он может и собственноручно выволочь пьяницу из зрительного зала, и принять самое деятельное участие в лечении незнакомого ребенка или разрешении семейного конфликта. И... запретить фотографировать свои дворцы или собственную персону журналистам *«Новгородские ведомости», март 2002*

- Кондопога – это Федермессер (а за глаза просто – «Федя»). А «Федя» – это более семи тысяч рабочих мест на ЕГО ЦБК, это городской бюджет, это дороги, освещение, медицина, это спортивные и культурные объекты и сооружения, это… Короче, вся Кондопога – это один «Федя»! Здесь даже на вопрос: «Где работаешь?» – отвечают: «У Феди!» *МОЛОХ, общественно-полит. сайт Северо-запада, ноябрь 2006*

- Карелия во многом повторяет российскую картину. Из наших представителей крупного бизнеса социально ответственными людьми можно назвать единицы руководителей предприятий. Самым ярким образцом такого рода является, бесспорно, генеральный директор АО «Кондопога» В. Федермессер. Поставить кого-либо рядом с Виталием Александровичем из

его коллег – не в обиду им будет сказано – просто невозможно. *politica.karelia.ru, март 2007*

- Ему, поволжскому немцу, родившемуся в Душанбе, Карелия оказалась дороже, чем некоторым местным горе-хозяйственникам... Федермессер – хозяин. Из тех, по ком так истосковалась российская земля, кто не даст растащить накопленное поколениями добро, кто достойно содержит свой дом, имя которому в данном случае – Кондопога. Много ли таких осталось в России?

«Труд», июль 2007

За заслуги перед государством, большой вклад в развитие целлюлозно-бумажной промышленности В.А. Федермессер награжден многочисленными правительственными наградами.

Орден «За заслуги перед Отечеством» II степени (29 июня 1999 года) — *за заслуги перед государством, большой вклад в развитие целлюлозно-бумажной промышленности*

- Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (12 мая 1997 года) — *за заслуги перед государством и большой вклад в развитие использование лесного фонда*
- Орден «Знак Почёта»
- Медаль «За трудовое отличие»
- Заслуженный работник лесной промышленности Карельской АССР (1990)
- Заслуженный работник культуры Республики Карелия (1995)
- Почётный гражданин Республики Карелия (5 июня 1999 года) — *за выдающиеся заслуги и большой личный вклад в научное, культурное и социально-экономическое развитие Республики Карелия*
- Звание «Человек 2002 года Республики Карелия» — *за высокий профессионализм в руководстве предприятием и большой личный вклад в его техническое перевооружение и модернизацию, наращивание объёмов производства, а также за активное развитие социальной сферы города Кондопоги и материальную поддержку ветеранов труда*
- Почётная грамота Законодательного Собрания Республики Карелия (17 июня 2004 года) — *за существенный вклад в обеспечение деятельности органов представительной власти в Республике Карелия*
- Почётный гражданин города Кондопоги
- Почётный доктор Петрозаводского государственного университета

Особо хочу отметить деятельность общественных организаций на ОАО «Кондопога», которые работали в тесном контакте с руководством комбината и на пользу всего коллектива.

Профсоюзная организация ОАО «Кондопога» была и остается самой многочисленной в Карельской республиканской организации профсоюзов. В сорока цеховых организациях и

профгруппах были объединены 96% работающих. Ежегодно на предприятии принимали коллективный договор, предусматривающий социальные льготы и гарантии, порядок оплаты труда, социального страхования и медицинского обслуживания, социальной защиты женщин и семьи, молодежи, организации отдыха.

Продуманная социальная политика в отношении женщин и семьи дала результаты:

2000 год – родилось 160 детей. 2001 год – 186 детей; 2002 год – 249 детей; 2004 год – 241 ребенок; 2005 год – 195 детей; 2006 год – 225 детей[10].

Особое внимание уделялось и помощи труженикам предприятия попавшим в тяжелые жизненные условия и неработающим пенсионерам.

На комбинате активно работал женсовет. Он занимался вопросами материнства и детства, вопросами здоровья женщин.

Виталий Александрович большое внимания уделял здоровью работников комбината. Санаторий – профилакторий ОАО «Кондопога» существовал с 1964 года. В 1999 году было построено новое современное здание. Реабилитация включала доврачебную и терапевтическую помощь, рефлексотерапию, кинезотерапию, мануальную терапию, физиотерапию, диетологию. Ежегодно в профилактории проходили оздоровление 1200 работников и ветеранов ОАО «Кондопога». В летний период проводились детские и студенческие заезды.

Не оставалась без внимания и культурная жизнь города. В марте 2000 года после большой реконструкции Дом культуры бумажников получил второе рождение и стал центром культуры. Здесь был установлен орган, приобретен рояль «Стейнвей». Кондопожане и гости города получили возможность слушать высокую музыку в исполнении лучших музыкантов России, Европы. Во дворце искусств проходили концерты камерной, симфонической музыки, концерты звезд оперной сцены, балетные и драматические спектакли, международные музыкальные фестивали, фестивали хоровой музыки

В концертном зале выступают профессиональные артисты Республики Карелия, Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России, а также зарубежные исполнители. В среднем проходило 12-15 профессиональных концертов в месяц.

Успешно развивались творческие коллективы Дворца искусств. Во в которых занимаются около 500 человек, в том числе 300 детей. Работали академический хор, взрослая и детская студия русского народного оркестра, ансамбль танца «Капель», вокально - хореографический ансамбль «Млада», вокальные ансамбли «Рябинушка» и «Северяночка», хор ветеранов, вокальная студия, клуб любителей поэзии

[10] Федермессер, В.А. Рассчитывать надо на свои силы // Авангард.- 2001.- 28 дек.- с.2.

Заслуженной популярностью среди жителей города и Карелии пользуются спортивные объекты, построенные ОАО «Кондопога». Дворец спорта с отличной хоккейной площадкой и хореографическим залом, спортивный блок с гимнастическим, баскетбольным и тренажерными залами. На спортивных объектах ОАО «Кондопога» занимались спортом 1,5 тысяч детей[11].

Наверное, нынешнее поколение кондопожан назовет четыре знаменательных периода в истории города. Первый - конец пятнадцатого века, - первое упоминание в летописях о поселении, служившим важным перевалочным пунктом варяг на пути в Европу. Второе - постановление В.И. Ленина о развитии бумажного производства в Кондопоге. Третий - Кондопога - Всесоюзная комсомольская стройка.

Четвертый период относится к новейшей истории. За всю историю города не было, пожалуй, такого подъема уровня жизни горожан. Здесь наиболее точно подойдет эпитет "самый". Самый высокий уровень социального развития, самое качественное медицинское обслуживание. По европейским меркам, самый современный "Ледовый Дворец", самый лучший Дворец искусств и орган, самое крупное форелевое хозяйство. Не стоит говорить, что заслуга в этом принадлежит, в первую очередь, Виталию Федермессеру. Забота о тружениках - один из главных приоритетов руководителя преуспевающего предприятия. И можно с уверенностью сказать, что в трудные времена они отвечали ему тем же - доверием и поддержкой.

10 ноября 2016 года состоялась совещание инициативной группы по увековечиванию памяти В.А. Федермессера генерального директора ОАО «Кондопога», хорошо известного за пределами Кондопоги и Карелии. В самом городе его любят и уважают. С предложением сохранить его имя в истории города выступило несколько общественных организаций, в том числе Совет молодых специалистов ОАО «Кондопога».

В августе 2017 года, согласно плану мероприятий по подготовке и празднованию 90-летия Кондопожского муниципального района, пройдут торжественные мероприятия, в том числе посвященные увековечиванию памяти Почетного гражданина Кондопоги В.А. Федермессера. Его именем будет названа площадь у Ледового дворца.

Литература

1. Башакова, М. Их встретила обновленная школа//Новая Кондопога.-2003.- 3 .09.- с.1.
2. Брагина, В. Вернуть детство//Авангард.-2003.-26 сент.-№39.-с.1.
3. Брагина, В. Сказка на звук.//Авангард.- 2003.- 19 сент.- с.5.
4. Газета Губернія № 30 (635) от 23 июля 2008 года

[11] Федермессер, В.А. Основа всего – упорный труд // Авангард.- 2003. - 26 дек.- С.2.

5. Гарлоева, С. Поздравляем! : [В.А. Федермессеру присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Карелия» звание "] / С. Гарлоева // Молодеж. газета Карелии. - 1995. - 26 сент.- с.3.

6. Директором выбрал Федермессера // Авангард. - 1989.- 18 авг. - С. 1.

7. Ермилов, А. Предприятие работает – жизнь продолжается//Авангард.- 2003.- 31 окт.- № 44.- с. 2.

8. Ермилов, А. ОАО «Кондопога»: реалии и перспективы// Авангард.- 2002.- 22 нояб.- №47.- с.1.

9. Ермилов, А. Не останавливаться на достигнутом // Авангард. – 2003.- 26 сент. С.2.

10. Зорина, Е. Дети не скучали// Авангард.- 2000.- 1 июля.- с.24.

11. Иванова, Г. Возвращение детства//Авангард.- 1996.- 26 июля. – с. 3.

12. Казакова, Р. Хозяин : [стихи о В.А. Федермессере] / Р. Казакова // Курьер Карелии. - 2004. - 16 нояб. - С. 4.

13. Карелин, В. Чтоб мечта в глазах светилась// Авангард.- 2005.- №35,- 9 сент.- с.2.

14. Карелин, В. В гостях у военных летчиков// Авангард.- 2006.- 21 июля.- с. 27.

15. Карелина, Н. Пусть же всегда они людям светят в пути! //Авангард.- 2006.-19 дек.- с.8.

16. Карпенко, А. Орден – директору : [орденом "За заслуги перед Отечеством" 2-й степени награжден ген. директор АО "Кондопога" В.А. Федермессер] / А. Карпенко // Новая Кондопога. - 1999. - 3 нояб. – С. 1.

17. Комаров, В. «Настоящее управляется будущим//Авангард.- 2014.- 19 марта.- №10, с. 6.

18. Комаров В. Руководить – значит, предвидеть. //Авангард.- 2014.- 2 апр.- № 12.- с.6.

19. Комаров, В. Несмотря ни на что….//Авангард.- 2014.- 23 апр.- с.6.

20. Комаров, В. Анализ и аудит//Авангард.- 2014.- 18 июня.- с.6.

21. Курашев, П. Дорогой созидания//Авангард.- 2004.- 9 янв.- с.2.

22. Курашев, П. Дружат город и корабль// Авангард.- 2003.- 26 сент. – с.2.

23. Курашев, П. Из «Соркольников» - с дипломом//Авангард.- 2001.- 21 дек.- с.2.

24. Курашев, П. Под румбом взаимодействия// Авангард. – 1997.- 14 марта.- с.2.

25. Курашев, П. Под румбом взаимодействия//Авангард – 1997. – 21 марта.- с.3.

26. Лица Карелии / Рос. фонд культуры. Карел. фил.; ред.-сост.: З.Г. Юсупова, Е.С. Калинин. – Петрозаводск : Verso, 2000. - 104 см. – ISBN 5-85039-131-2. - Из содерж.: В. Федермессер. – С. 90 – 91.

27. Макаров, В. Делать жизнь хоть чуточку лучше // Карелия. - 1995. - 23 сент. - С. 1.

28. Мацкевич, Л. Неба, открытое для всех//Авангард.- 2002.- 22 февр.- с. 21.

29. Мешкова, Н. Его пример - другим наука // Лицей. - 1994. - С. 2.

30. Михайловская, Е. Будни и праздники//Авангард.- 2003.- 26 сент.- с.2

31. Овсянникова, Н. Виталий Федермессер : «Мы – одна команда» / Н. Овсянникова // Молодежная газ. - 2004. – 4 - 10 марта. - С. 3.

32. Петров, А. Хозяин Кондопоги // Семья. - 2005. - Июль (№ 28). - С. 5.

33. Покровский А. 11 встреч. Интервью с современниками. М., 2007. С. 6-10

34. Помним//Авангард, 30 сентября 2015 года. с. 4.

35. Сабуров, Н. Лесная Карелия, апрель 2010 года с. 4.

36. Смирнова, С. За заслуги перед отечеством : [орденом "За заслуги перед Отечеством" награжден ген. директор ОАО "Кондопога" В.А. Федермессер] // Авангард. - 1999. - 5 нояб. – С. 2.

37. Смирнова, С. Служение делу : [о канд. в депутаты Кондопож. гор. Совета, ген. директоре АО "Кондопога" В.А. Федермессере] // Авангард. - 1998. - 3-10 апр. - С. 3.

38. Смирнова, С. Обновление//Авангард.- 2002.- 12 июля.- с.3

39. Смирнова, С. Ступень в будущее. Интервью с генеральным директором ОАО «Кондопога» В.А. Федермессером//Авангард.- 2003.-17 янв.- №3.- с.1-2.

40. Смирнова, С. Будем ходить по мощенным дорожкам // Авангард.- 2005.- 30 сент.-с.2.

41. Смирнова, С. Только учись! //Авангард.- 2006.- 29 сент.- с.3.

42. Солоусова, Т. Будет и на нашей улице праздник!//Авангард.- 2002.- 19 апр.- с.7.

43. Солоусова, Т. Вот это подарок! /Авангард.- 2003.- 12 сент.- № 37. – с.1.

44. Солоусова, Т.Все для комфортного отдыха//Авангард.- 2014.- 16 апр.- №14.- с.5.

45. Терентьев, А. Политэкономия Виталия Федермессера / А. Терентьев // Практич. журн. для учителя. - 2004. - № 6. - С. 35 - 38.

46. Фарутин, А. Здесь ступала нога президента : олигархи из провинции : [о В. Федермессере и В. Преминине] / А. Фарутин // Независимая газ. - 2006. - 17 апр. - С. 12.- (НГ-Регионы; № 7)

47. Федермессер, В.А. Будем счастливы!// Авангард.- 1994 .- 30 дек. №52.- с.1.

48. Федермессер, В.А. Растить созидателей// Авангард.- 1998.- 30 окт.- с.3

49. Федермессер, В.А. Успехов. Здоровья и оптимизма!// Авангард.- 1991 .- 30 дек. - № 51.- с.1.

50. Федермессер, В.А. Труд наш – дело чести// Авангард.- 1999.- 25 июня .с. 2.

51. Федермессер, В.А. Уверенность в завтрашнем дне. // Авангард.- 1999.-31 дек. С.2.

52. Федермессер, В.А. О результатах работы нашего предприятия и выполнение коллективного договора за 1999 год//Авангард.- 2000. - 11 февр.- с.2.

53. Федермессер, В.А. Рассчитывать надо на свои силы. В.А. Федермессер, генеральный директор ОАО «Кондопога»// Авангард.- 2001.- 28 дек.- с.2.

54. Федермессер, В. А. Длинный день счастливого человека // Пионер. правда. - 2002. - 27 дек.- С. 8 - 9.

55. Федермессер, В.А. Основа всего – упорный труд// Авангард.- 2003.- 26 дек.- с.2.

56. Федермессер, В. А. В постоянном развитии//Авангард.- 2004.- 25 июня.- с.1.

57. Федермессер, В.А. Развиваясь, крепнуть// Авангард.- 2005.- 30 дек.- с. 2.

58. Федермессер, В.А. В будущее смотреть с оптимизмом// Авангард.- 2006 года.- 26 дек.- с. 2.

59. Федермессер В.А. Пусть исполняются мечты!//Авангард.- 2007 года.- 28 дек.- с.2.

60. Холопов, В.М. Этапы большого пути (Записки директора Кондопожского ордена Ленина целлюлозно-бумажного комбината имени С.М. Кирова).- Петрозаводск.-1986.- с.229.

61. Шевчук, Ю. Кипит работа на «секретном» объекте ОАО «Кондопога»// Новая Кондопога.- 2001.- 22 авг.- №34.- с.11.

62. Шевчук, Ю. Другого не дано//Новая Кондопога- 2002.- 29 дек.-с.3

С. В. Карпеченко, хранитель фондов Музея истории,
Культурный центр МВД по Республике Карелия

«Оперативная обстановка – стабильная». Государственный человек в непростые времена. И.М. Прохоров»

В наши дни Игорь Михайлович Прохоров, генерал-майор милиции в отставке, возглавляет Совет ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск Республики Карелия. Стаж его активной службы в милиции – с 1970-го по 1994-й – составляет 24 года. Пик карьеры, когда Игорь Михайлович занимал пост министра внутренних дел Карельской Автономной ССР (впоследствии – Республики Карелия), пришелся на очень непростые годы – 1990-1994-й.

Этот период в истории страны памятен, прежде всего, в связи с так называемыми «событиями ГКЧП», с попыткой государственного переворота в августе 1991 года или «августовским путчем».

Недавно в архив Музея истории МВД по Республике Карелия от И.М. Прохорова поступил пакет документов[1], рассказывающих о событиях тех дней.

В должность министра полковник милиции Прохоров вступил в ноябре 1990 года, и работу на новом посту начал с оптимизации кадрового аппарата и укрепления служебной дисциплины. Обстановка была весьма сложной не только в органах внутренних дел, к началу 1991 года вся страна находилась в тотальном кризисе: паралич власти, теневая экономика, рост инфляции, падение жизненного уровня населения, ощущение нестабильности, разгул оргпреступности, центр терял контроль над союзными республиками. Поднимался вопрос о введении чрезвычайного положения.

[1] Документы МВД КАССР по событиям попытки государственного переворота в СССР в августе 1991 г. от И.М. Прохорова. / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-340-367 / Арх-21/1-21/28.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года представителями высшего руководства Советского Союза, несогласными с политикой реформ президента страны Михаила Горбачева был создан Государственный Комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП). Своей основной целью ГКЧП заявлял не допустить ликвидации Советского Союза, которая, по их мнению, должна была начаться 20 августа с подписания договора, превращающего СССР в конфедерацию – Союз Суверенных Государств. Войти в это новое объединение планировали только 9 из 15 союзных республик.

Сопротивление ГКЧП возглавили президент РСФСР Борис Ельцин и руководство России. Ельцин подписал Указы № 59 и № 61, где создание ГКЧП было квалифицировано как попытка государственного переворота; союзные органы исполнительной власти, включая силовые структуры, переподчинялись президенту РСФСР. В своем «Обращении к гражданам России» Ельцин писал: «В ночь с 18 на 19 августа отстранен от власти законно избранный президент страны. Какими бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым антиконституционным переворотом»[2].

Руководители республиканских органов власти в большинстве случаев не вступали в открытую конфронтацию с ГКЧП, но саботировали его действия. В принципе, держа ситуацию в республике под контролем, также поступил и министр внутренних дел КАССР полковник милиции Прохоров.

Какова была хроника событий, и какие решения министр принимал.

19 августа. Информацию о создании ГКЧП и принятых им решениях, как и вся страна, Прохоров услышал по радио в 7 часов утра.

Попытки выяснить обстановку в Совете Министров, в Президиуме Верховного Совета, КГБ республики и штабе 6-й армии оказались безуспешными. В 9 часов в подразделения карельских ОВД от имени министра была направлена телеграмма о необходимости выполнять задачи по охране правопорядка, усилить охрану служебных зданий и оружия, объектов жизнеобеспечения. Выполнять решения органов власти на местах разрешалось только после их согласования с министром.

В 9.15 в министерстве было проведено короткое совещание с членами коллегии, после которого Прохоров принял решение взять на себя всю полноту ответственности, постановления ГКЧП не выполнять, действовать согласно обстановке. В 11.00 министр участвовал в заседании Верховного Совета КАССР, вопрос стоял один: «Что делать?», какого-то определенного решения достичь не удалось.

---

[2] Текст телефонограммы «К гражданам России / Обращение Б. Ельцина, И. Силаева, А. Руцкого, Р. Хасбулатова» от 19.08.1991 г. / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-346-347 / Арх-21/7-21/8.

В течение дня позиция министерства была доведена до корреспондентов радио, телевидения и газет. Сотрудники газеты «Команда» проинтервьюировали респондентов, задавая им следующие вопросы: 1. Когда вы узнали о перевороте? 2. Какие чувства это вызвало? 3. Какие действия вы предприняли как должностное лицо? 4. Получали ли вы какие-либо распоряжения от ГКЧП? 5. Чьи распоряжения будете выполнять – российского правительства или ГКЧП? Кроме министра Прохорова эти же вопросы были заданы С.П. Блинникову, председателю Совета Министров КАССР, В.П. Тольскому, председателю Гостелерадио КАССР, В.П. Артамонову, заместителю председателя Совета Министров КАССР, В.Е. Никифорову, начальнику государственного предприятия связи и информатики «Россвязьинфо» КАССР, Мануилу, епископу Петрозаводскому и Олонецкому. С начальником Петрозаводского гарнизона и председателем КГБ корреспондентам связаться не удалось.

В интервью Игорь Михайлович рассказал, что о перевороте узнал в семь с минутами по радио. Чувства при этом испытал самые противоречивые, положительные или отрицательные однозначно ответить не смог: «…В той части, что в стране требуется наведение организованности, порядка и дисциплины, – чувства только положительные. Однако убежден в том, что организованность и порядок должны наводиться законными методами». В качестве должностного лица, но по собственной инициативе, направил в районы телеграммы с предложением личному составу работать в обычном режиме, обеспечивать правопорядок. Никаких распоряжений от ГКЧП не получал. Указов Ельцина пока тоже никаких не видел. В заключение Прохоров отметил: «Я буду выполнять распоряжения и постановления Верховного Совета Карелии и МВД России, которыми я назначен на эту должность». Листовка с этой публикацией в тот же день была распространена в Петрозаводске[3].

В 12 часов по телефону с помощью народного депутата ВС РСФСР И.И. Чухина было получено обращение президента РСФСР Б.Н. Ельцина «К гражданам России»[4]. Указы президента получены в 17 часов по каналам социал-демократической партии[5]. На министра оказывалось немалое давление, постоянно шли телеграммы, телетайпограммы, телефонные звонки, например, некий депутат СССР требовал опечатать здание обкома КПСС. С одной стороны, требование незаконное, с другой – полномочия у депутата очень велики. И подобный инцидент далеко не единичен.

---

[3] Листовка газеты «Команда» Карельского отделения агентства ИМА-пресс от 19 августа 1991 г. с материалами интервью о событиях попытки государственного переворота в СССР. / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-353-354 / Арх-21/14-21/15.

[4] Текст телефонограммы «К гражданам России / Обращение Б. Ельцина, И. Силаева, А. Руцкого, Р. Хасбулатова» от 19.08.1991 г. / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-346-347 / Арх-21/7-21/8.

[5] Телетайпограммы с указами и постановлениями Президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 19.08.1991 г. / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-349-352 / Арх-21/10-21/13.

Телетайпограммы, поступавшие в МВД КАССР 19 августа большей частью содержали общие документы. Например, со стороны ГКЧП были получены «Заявление советского руководства», «Обращение к советскому народу», «Постановление нр 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР». Правительство РСФСР направило «Воззвание к народу РСФСР», Указы Президента РСФСР № 61 и № 64.

Режим чрезвычайного положения в республике не вводился. Все указания и обращения МВД РСФСР немедленно доводились до личного состава. Во исполнение данных указаний органы внутренних дел были переведены на усиленный вариант несения службы: приостановлено предоставление очередных отпусков, отозваны находящиеся в отпусках сотрудники; усилена охрана служебных зданий и спецучреждений милиции, взяты под контроль важнейшие государственные и хозяйственные объекты. В этот же день в районы отдано указание об организации в подразделениях круглосуточного дежурства руководителей и усиленных следственно-оперативных групп. Связь с коллегами по Северо-западному региону подтверждала, что везде на местах обстановка стабильная. Как вспоминал М.Л. Гольденберг (ныне директор Национального музея Республики Карелия): «… Все шло своим чередом. В гастрономе на Гоголя очередь. Дают плавленые сырки. «Вася, да как ты можешь в очереди стоять? В стране переворот, а ты!?», – это я однокурснику, которого увидел в очереди. «Да успокойся ты», – ответил Вася»[6].

20 августа из Москвы и Ленинграда начали поступать запросы о состоянии оперативной обстановки на обслуживаемой территории[7]. Также, было получено указание за подписью заместителя министра МВД РСФСР В.Ф. Ерина[8], в котором разъяснялась необходимость соблюдения выдержки и спокойствия всем личным составом органов внутренних дел Российской Федерации. Указывалось, что следует постоянно изучать и оценивать складывающуюся оперативную обстановку и не допускать втягивания личного состава в политические разногласия. В любых условиях ОВД призваны решать возложенные на них законами обязанности по охране общественного порядка и безопасности граждан, выявления, предупреждения и пресечения уголовных преступлений. Особое внимание необходимо уделить охране правопорядка в населенных пунктах, на транспортных магистралях и объектах системы исправительно-трудовых учреждений. Принимать дополнительные меры по решительному пресечению проявлений преступности, в том числе организованной – установить режим

[6] Гольденберг М.Л. «Видно в августе сбыться не может…». - https://gazeta-licey.ru/projects/archives-special-projects/memoryaugust1991/2726-vidno-v-avguste-sbytsya-ne-mozhet

[7] Ксерокопия телетайпограммы от 20.08.1991 г. МВД Кар. АССР Вх. № 7171 «ПЕТРОЗАВОДСК МВД КАССР ОРБ НАЧАЛЬНИКУ ТОВ. ТИМОФЕЕВУ Л.Т.» / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-357 / Арх-21/18.

[8] Ксерокопия телетайпограммы от 20.08.1991 г. МВД Кар. АССР Вх. № 7335 «Министрам внутренних дел республик входящих в РСФСР начальникам ГУВД УВД ОВДТ УЛИТУ учебных заведений МВД РСФСР» / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-356 / Арх-21/17.

учащенной связи со спецаппаратом и немедленно проверять всю информацию о намерениях преступных группировок воспользоваться ситуацией.

Утром 20 августа в Петрозаводске появились листовки о митинге, намеченном на 18 часов этого же дня. Установлены организаторы митинга, получена санкция на его проведение. Участники мероприятия поддержали решения правительства РСФСР. В итоге, в митинге приняло участие около 2,5 тысяч человек, нарушений общественного порядка при этом не было.

В течение дня отмечались небольшие волнения граждан. Одна группа собралась напротив административного здания МВД, другая пыталась пройти на территорию воинской части на ул. Пограничной, около 50 человек пришли к зданию КГБ на ул. Комсомольской (ныне ул. Андропова). Никто из начальников ведомств не рисковал «выходить в народ» – звонили министру внутренних дел и просили навести порядок. Игорь Михайлович везде побывал лично, беседовал с людьми, разъяснял. Например, граждане собравшиеся на ул. Пограничной опасались вывода войск на улицы. Министр успокоил, что подобных акций не планируется.

В 18.15 о позиции министерства внутренних дел сообщило карельское радио – Прохоров дал интервью. В 19.20 по предварительной договоренности министр принял участие в передаче карельского телевидения «Актуальный разговор» вместе с Председателем Петрозаводского горсовета А.С. Колесовым и народным депутатом КАССР Ю.В. Смирновым. В ходе передачи они выразили полную поддержку российскому руководству. Вспоминая, Игорь Михайлович назвал эту встречу «круглым столом с острыми углами». В те годы еще не существовало специальных пресс-служб или служб по связям с общественностью, поэтому на все вопросы министр отвечал сам, в прямом эфире.

21 августа МВД КАССР отчиталось о своей работе, были направлены телетайпограммы с докладами на имя министра МВД РСФСР В.П. Баранникова[9] и его заместителя А.Ф. Дунаева[10].

Никаких указаний от руководства КАССР в период 19-21 августа в МВД республики не поступало. Оперативная обстановка в Карелии была сохранена стабильной, не допущено убийств, тяжких телесных повреждений и разбоев. Однако органы внутренних дел готовились к любому повороту в событиях, и эта чрезвычайная ситуация помогла выявить некоторые слабые места. Например, острую нехватку таких спецсредств как наручники. Служебные записки из документов Прохорова рассказывают, что по нормативам на Карелию полагалось иметь в наличии 354 пары наручников. Между тем, из-за дефицита металла и денежных средств, органы

[9] Ксерокопия телетайпограммы от 21.08.1991 г. «МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР ТОВ. БАРАННИКОВУ» / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-359 / Арх-21/20.

[10] Черновик Докладной записки о работе МВД Карельской АССР 19-21 августа 1991 года на имя зам. министра внутренних дел РСФСР генерал-майора А.Ф. Дунаева. / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-360 / Арх-21/21.

внутренних дел располагали только 65 парами (из них 10 – новые, 55 предназначены к списанию в утиль)[11]. В дальнейшем были приняты меры к исправлению ситуации.

Действия министра Прохорова и органов внутренних дел республики получили положительную оценку у руководства Карелии и МВД России. Главный урок, который Игорь Михайлович получил в ходе августовских событий 1991 года и которым руководствуется и по сей день, заключается в том, что структуры милиции/полиции должны быть вне политики, они должны выполнять свои непосредственные задачи по охране законности и правопорядка.

[11] Записка служебная на имя Министра внутренних дел Карельской АССР полковника милиции И.М. Прохорова о заказе и изготовлении наручников для строевых подразделений МВД КАССР; черновик расчета норм положенности и наличия наручников в подразделениях МВД КАССР. / Музей истории Культурного центра МВД по Республике Карелия. – Архив: КП-362-363 / Арх-21/23-21/24.

Раздел 3. Секция Мастера слова в Карелии

И. В. Лазаренко, студент ПетрГУ

Соловки в жизни и творчестве Сергея Есенина

Соловки являются одним из христианских русских центров. Это паломнические места России и ее религиозные святыни поклонения, которые определяются художниками слова как «Русский Афон»[1] (Немирович-Данченко), «Северный Афон»[2] (П. В. Фёдоров), как «Святой страж православия»[3] и «русский национальный»[4] (Львов Е.). «Соловки овладевают нами; поначалу полная ограниченность пространства может казаться недостатком и стеснять, но постепенно романтика уединения и окружения захватывает даже самое возвышенное существо. Вечера обычно так тихи, даже легкий ветерок не прошелестит в листве; гладкую поверхность воды в гавани не побеспокоит пробежавший ветер, и торжественная тишина, кажется, окутывает монастырь – тишина, которую почти можно ощущать»[5], – пишет филолог Людмила Николаевна Сарбаш. По словам Сергея Морозова, историка, философа, сотрудника Соловецкого музея-заповедника, «в Соловках как в капле воды отражается вся Россия со всеми ее проблемами, нестроениями»[6].

Своё отражение Соловки нашли и в творчестве Сергея Есенина. Как известно, Есенин принадлежал к группе новокрестьянских поэтов, куда входили Петр Орешин, Сергей Клычков, Николай Клюев. С Клюевым Есенин имел особую связь, он считал его своим учителем. Николай Клюев не раз рассказывал поэту о красоте Соловецких островов. Он любовно описывал старозаветные обычаи, песни и плачи. «На потух заря пошла… Чуден остров Соловецкий», - писал Н. Клюев в своих стихах. «А в Соловках я жил по два раза, - вспоминал Н. Клюев в автобиографии. – В самой обители жил больше года без паспорта, а во второй раз жил на Секирной горе…»[7]. Хотя в литературе факт пребывания Клюева на Соловках тоже не зафиксирован. Как и поэта Клюева, Сергея Есенина тоже начали манить дали и острова Соловецкие. К тому же его привлекали старинные памятники архитектуры и искусства. Как отмечает исследователь Шабунин: «Так и представлял себе Сергей башни Соловецкого кремля

---

[1] Соловки в литературе и фольклоре (XV-XXI вв.) : сборник научных статей и докладов международной научно-практической конференции // Архангельск ─ Соловки : Соловецкий музей-заповедник, 2015. ─ С. 6.
[2] Там же. С. 6.
[3] Там же. С. 6.
[4] Там же. С. 6.
[5] Там же. С.157.
[6] Морозов С. В. Идея Соловков. [Электронный ресурс] ─ Режим доступа: http://solovki-monastyr.ru/news/public-of-solovki/185/
[7] Клюев, Н. А. Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев. ─ Санкт-Петербург : Росток, 2003. С. 32.

на фоне вечернего неба…Тянуло на Север, в те заповедные края, где сами собой складывались слова стихов и песен»[8]. Заслуживает внимания тот факт, что Есенин уже имел некоторую связь с северным краем. В архангельской газете «Северное утро» было опубликовано его стихотворение «В лунном кружеве украдкой»[9].

В. В. Сорокажердьев в своей статье «Беломорские мотивы Сергея Есенина» указывает на то, что Есенин был заядлым путешественником, много ездил по России и был за рубежом. В автобиографии Есенин писал: «Россию я исколесил вдоль и поперек, от Северного ледовитого океана до Чёрного и Каспийского моря»[10]. В заметках «Сергей Есенин» (1922), «Автобиография» (1923), «Автобиография» (1924) поэт, называя свои поездки, замечал, что «...ездил по России: Мурман, Соловки, Архангельск»; «был... на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках» (СНОСКА, это ведь цитата не из всех работ). Свою поездку на Север Есенин в автобиографиях ошибочно относил к «19—20—21» и «1918—21» годам[11]. Кроме этих автобиографических воспоминаний, а также воспоминаний современников, нет прямых известий о посещении поэтом Севера. Биографы лишь вскользь касаются данного вопроса. Андрей Шабунин в своей статье «Есенин едет на Север» писал о том, что поэт выступал перед слушателями в Архангельске[12]. Следует отметить, что одним из слушателей выступления Есенина в Архангельске был местный зубной врач Ефим Шнейвейс, который хорошо запомнил эту встречу: «Есенин был вместе с женой, которую ласково называл Зиночкой. Читал он очень хорошо, звонким, сильным голосом. Прочел одно стихотворение, потом другое… Стали подходить люди, окружили его… Особенно аплодировали женщины. Есенин улыбался, был доволен»[13].

К сожалению, об этом выступлении поэта в Архангельске летом 1917 официальных документов не сохранилось, кроме воспоминаний очевидцев. Ясно лишь то, что из Архангельска Сергей Есенин и Зинаида Райх поплыли на пароходе. Андрей Шабунин писал, что во время путешествия по Северу Сергей Александрович впервые видел тюленей, выглядывавших из воды, слушал рассказы пассажиров про скиты и «древнее благочестие», про соловецких тружеников, жадно впитывал в себя новые впечатления[14].

Поездка Есенина на Соловецкие острова связана с историей взаимоотношений с Зинаидой Райх. Они познакомились в редакции эсеровской газеты «Дело народа», где Райх работала секретарём машинисткой. Есенин приходил с поэтом Алексеем Ганиным, который был

---

[8] Шабунин А. Есенин едет на Север // Север. 1969. № 1. С.107.
[9] Там же. С.108.
[10] Сорокажердьев В. Беломорские мотивы Сергея Есенина // Мурманский берег : лит. альманах. 2003. №8. С.225.
[11] Там же. С.225.
[12] Шабунин А. Есенин едет на Север // Север. 1969. .№1. С.109.
[13] Там же. С. 109.
[14] Там же. С. 109.

влюблен в Зинаиду. Алексей Ганин предложил друзьям поехать к его родным в вологодскую деревню Коншино. Есенин же мечтал оказаться на Севере[15]. Как вспоминает Мина Свирская, сотрудница газеты «Дело народа»: «Однажды Есенин, влетев в редакцию, крикнул: «Едемте на Соловки. Мы с Алешей едем». Мина отказалась, а Райх вскочила, захлопала в ладоши и побежала отпрашиваться»[16]. Выяснилось, правда, что у поэтов была лишь идея, деньги на поездку дала из какой-то «заветной суммы» как раз Зинаида. Зато, вернувшись, визируя какую-то бумагу, украдкой показала подруге подпись: «Райх-Есенина». «Нас с Сергеем на Соловках попик обвенчал»[17]**...** Посреди Белого моря, на пароходе Сергей Есенин «громким шепотом» позвал Зинаиду Райх замуж. Но не на Соловках обвенчал, а в Кирико-Улитовской церкви Вологодской губернии. Об этом свидетельствует архивная выписка из метрической книги от 4 августа 1917 года, и то, долгие годы она датировалась неверно[18]. В конце шестидесятых литературовед Николай Парфенов нашел в вологодском загсе саму книгу и дату исправил - 30 июля 1917 года. Согласно метрике поручителем со стороны жениха был Алексей Ганин, а со стороны невесты – «купеческий сын» Дмитрий Девятков. Не будь вологодской метрической книги, исследователи рыли бы сейчас соловецкие архивы[19].

Вопрос венчания Есенина и Райх также остается белым пятном. Возникают споры, когда произошло венчание, до или после поездки на Белое море. Исследователь Белоусов в своей «Литературной хронике» факт венчания ставит после поездки на Север[20], а Базанов в «Материалах для биографии С. А. Есенина» сначала пишет о венчании, а затем о поездке на Белое море[21]. Дочь поэта, Татьяна Есенина в своих воспоминаниях пишет: «Уже на обратном пути в поезде Сергей Александрович сделал матери предложение, сказав громким шепотом: «Я хочу на вас жениться». Ответ «Дайте мне подумать» его немного рассердил. Решено было венчаться немедленно. Все четверо сошли в Вологде»[22].

Для нас остается загадкой тот факт, как же Есенин оказался на Соловецких островах. Поездка на Соловки отмечается и предположительно датируется по автобиографиям Есенина серединой августа. Есенин стремился на Соловки. Как указывает В. Сорокажердьев, «на Соловки можно было попасть параходами Онежской линии, отправлявшимися по вторникам и четвергам (1 и 3 августа) и Кемской – по субботам (5 августа). Могли воспользоваться

[15] Письмо Т. С. Есениной, дочери поэта, В. Е. Кузнецовой // Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: [в 5 т.]. Т. 2. / [общ. ред. А. Н.Захаров]. ─ М : 2005. ─ С. 505.
[16] Свирская М. Из воспоминаний. «Минувшее» // Исторический альманах. 1992. С. 51.
[17] Там же. С.51.
[18] Сорокажердьев В. Беломорские мотивы Сергея Есенина // Мурманский берег : лит. альманах. 2003. №8. С.231.
[19] Поэзия соловецкого архипелага: Сергей Есенин: жизнь поэта прошла через Соловки // Соловки —энциклопедия: Международный дайджест-проект [Электронный ресурс] ─ Режим доступа: http://www.solovki.ca/writers_023/023_06.php
[20] Сорокажердьев В. Беломорские мотивы Сергея Есенина // Мурманский берег : лит. альманах. 2003. №8. С.226.
[21] Там же. С.226.
[22] «Проплывать тебе на Соловки». 80 лет назад Сергей Есенин побывал на Беломорье: из записок дочери поэта – Татьяны Есениной // Белый пароход. 1997. №1. С.61.

параходом Кандалашской линии (6 августа) с пересадкой»[23]. В РГАЛИ хранится набросок плана воспоминаний Зинаиды Райх, где есть такая запись: «Белое море – Соловки, рыбачка, чайка, стихи Ганина»[24]. Данная запись потвержает поездку на Соловки и что в ней участвовал Алексей Ганин. «Говорят, в те времена поездка к Мурманскому побережью была бы довольно долгой и трудной, - писала Т. С. Есенина. – А вот по берегам Белого моря «все четверо», вероятно, какой-то путь все же проделали»[25].

В 1997 году в издательстве «Рипол классик» вышло полное собрание сочинений С. А. Есенина. В разделе «Отрывки, неоконченное» было помещено стихотворение **«Райское селение»**[26]**:**

Берег снежен, берег крут,
Беломорский берег крут.
Где ты, где ты, Кандалакша,
Синий берег, тихий день
На холму.
Где ты, белый мой песок.
Север милый, где ты, где?
Вечер библиею красной
Колыхался на воде.
Помню, помню.

В. Кузнецова в статье «Райское селение» пишет о том, что «составитель однотомника, в котором было помещено стихотворение, А. А. Козловский, обошел молчанием этот фрагмент стихотворения, не указав ни даты, ни места хранения»[27]. Возможно, это были заготовки стихотворения, посвященного поездке поэта на Север в 1917 году. Впоследствии выходит в печать 2 - книга 7 - тома академического собрания стихотворений С. А. Есенина. А в ней черновой набросок стихотворения. Однако можно говорить о том, что это стихотворение посвящено поездке поэта на Север. И в черновом наброске, и во фрагменте стихотворения речь идет о Кандалакше. Это и есть то райское селение, о котором хотел рассказать поэт. Побывал ли он там? Судя по фрагменту и наброску – нет. В стихотворении звучит вопросительная интонация, судя по которой, поэт так и не увидел «райского селения»: «Где ты, где ты,

[23] Сорокажердьев В. Беломорские мотивы Сергея Есенина // Мурманский берег : лит. альманах. 2003. №8. С.227.
[24] Письмо Т. С. Есениной, дочери поэта, В. Е. Кузнецовой // Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: [в 5 т.]. Т. 2. / [общ. ред. А. Н.Захаров]. ─ М, 2005. ─ С. 505.
[25] Там же. С.61 – 62.
[26] Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / С. А. Есенин. ─ Москва : Наука; Голос, 1995—2002. ─ Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в "Собрание стихотворений". ─ 1996.
[27] Кузнецова В. Райское селение // Наука и бизнес на Мурмане. 2000. №6. С.81.

Кандалакша»[28]. В связи с этим можно предположительно выстроить путь Есенина на Соловки. В. Сорокажердьев в статье «Он был у нас на Севере» указывает возможный маршрут Есенина на Соловки: «Архангельск – Кузомень – Умба – Ковда – Кандалакша»[29]. Литературоведы считают, что Есенин пересел в Ковде на другой пароход, идущий на Соловки, и так и не увидел «райского селения».

Точно ли был поэт на Соловках, сказать сложно. Сотрудник Соловецкого музея Ю. М. Критский писал, что достоверных и точных свидетельств пребывания С. А. Есенина на островах ни в музее, ни в литературе нет. Сохранилась пароходная книга паломников на Соловки, датируемая августом 1917 года, где есть запись о задержке парохода на 2-3 дня из-за непогоды, но записи о прибытии в монастырь паломников Есенина, Райх и Ганина нет[30].

Но, тем не менее, посещение Соловецких островов нашло отражение в творчестве Сергея Есенина. Им было написано два замечательных стихотворения о Соловецких островах[31].

Небо ли такое белое

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.
Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.
Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно - Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки
Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.

[28] Там же. С. 82.
[29] Сорокажердьев В. Он был у нас на Севере // Полярная правда. 1975.
[30] Сергей Александрович Есенин. Литературная карта Архангельской области. [Электронный ресурс] ─ Режим доступа: http://writers.aonb.ru/esenin-s.a.html
[31] Поэзия соловецкого архипелага: Сергей Есенин: жизнь поэта прошла через Соловки // Соловки —энциклопедия: Международный дайджест-проект [Электронный ресурс] ─ Режим доступа: http://www.solovki.ca/writers_023/023_06.php

Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних ракит.
Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень. 1917.

Отчарь

Ах, сегодня весна, -
Ты взыграл, как поток!
Гладит волны челнок,
И поет тишина.
Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Задружились под гул
Волга, Каспий и Дон.
Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.
Всех зовешь ты на пир,
Тепля клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир.
Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необъемлемый шар!..1917

В стихотворении «Небо ли такое белое» Сергея Есенина называется старинный поморский поселок Умба, где живут рыбаки-поморы. Был ли поэт в Умбе, точно неизвестно. Но его интересовали предания, сказки и песни поморов. А разве можно было при этом обойтись без Терского берега, который всегда манил к себе любителей народной песни? Нужно учесть и то, что суда, курсирующие в те годы между Архангельском, Мурманским побережьем и Соловками, обычно заходили в Умбу… В этом стихотворении мы видим впечатление о поездке

и то необычное, что он мог увидеть на Соловках. Он отмечает, как красиво белое море, и что невозможно проплыть мимо Соловков. Только на Соловках можно увидеть всю прелесть северной природы, именно на Соловках отражается жизнь России. На острове ощущается тоска, Есенин отмечает, *что «Всё равно под стоптанною палубой, видишь ты погорбившийся скит».* Соловки – это место, которое притягивает к себе, как магнит. Здесь настолько остро чувствуется проникновение в русское, как нигде нельзя ощутить. Соловки словно маленькая миниатюра России. В стихотворении «Отчарь» Есенин показывает сакральность этого места. *«Но кадят Соловки в его синий оскал».* Кадить — значит «отгонять злую силу и возносить славу Божию». Есенин усматривает непосредственную связь этих мест с Богом. Это место смирения и святости, соединения с божественными силами. Как мне кажется, эти стихи отразили отношение Есенина к Соловкам. Как было сказано ранее, Есенин очень почитал святые места, его интересовали памятники архитектуры.

Имя Сергея Есенина с Соловками связано также и в контексте творчества соловецких заключенных. Гибель поэта потрясла многих. Но, как рассказывает Э. Мекш в статье «Соловецкие посвящения», «не многим известны публикации журнала «Соловецкие острова», где поэты заключенные публиковали свои стихотворения»[32]. Так, авторами стихотворений, посвящённых Сергею Есенину, были Георгий Русанов и Борис Емельянов. По мнению Э. Мекш, «в стихотворении Русанова глухо упоминается об атмосфере травли поэта: *«не сберегли кудрявого Серёжу»,* хотя и он исходит из официальной версии самоубийства»[33]. «У обоих поэтов наличествует определённый образ: они сравнивают Есенина с Иисусом Христом (Емельянов прямо называет его мессией)»[34].

Как мы видим, в литературе вопрос о посещении Есениным Соловецких островов остается белым пятном. Точных свидетельств пребывания поэта на островах не сохранилось. Тема «Есенин на Севере» требует дальнейшего изучения, внимательного рассмотрения архивов. Но невозможно не заметить этих замечательных стихотворений, в которых упомянуты Соловки и русский Север. В них Есенин отразил всю прелесть и красоту русского Севера, отметил необычайность Соловецких островов.

[32] Мекш Э. Соловецкие посвящения // Наука и бизнес на Мурмане. 2000. №6. С. 86.
[33] Там же. С. 87.
[34] Там же. С. 87.

Составитель Е. В. Гороховик

Беломорье в жизни Александра Линевского
К 115-летию со Дня рождения
(1902 – 2017)

Предисловие

Фото: Национальный архив РК. Подпись под фото: "Помню чем крепче нервы, тем ближе цель". 1930 г.

Александр Михайлович Линевский… Что сегодня школьники знают об этом уникальном человеке? На уроке литературы изучают его повесть «Листы каменной книги». Рассматривают ее как художественное произведение. Говорят о героях, обсуждают их поступки. Но не останавливаются подробно на биографии писателя, не знакомятся с другими его произведениями.

О Беломорских петроглифах сегодня знают и говорят многие. Каждый летний сезон огромное количество туристов и местных жителей торопятся увидеть выбитые на скалах изображения. А началось их изучение в 1926 году. Именно тогда студент Александр Линевский открыл группу петроглифов недалеко от деревни Выгостров и назвал ее «Бесовы следки». Возможно, в то же время зародилось желание написать «Листы каменной книги». В автобиографической повести «Страницы минувшего» Александр Михайлович писал о том, что открытие петроглифов навсегда привязало его к карельскому Поморью. Только ли петроглифы, или само Беломорье очаровало его? Оно не забылось, приворожило навсегда. Не случайно работе над романом – эпопеей «Беломорье» автор посвятил более 30 (!) лет.

Цель данной работы – обобщить разрозненные сведения из разных источников об Александре Линевском: фактах биографии, творчестве, связанны с городом Беломорском (до 1938 года старинным селом Сорокой).

Работа состоит из двух частей. В первой части сделана попытка осмыслить и осветить период жизни А. М. Линевского, связанный с Беломорьем, опираясь на два источника, опубликованные в журнале «Север» в разные годы: автобиографическую повесть А.

Линевского «Страницы минувшего» (№ 4, 1987) и статью доктора исторических наук Ю. А. Савватеева «В поисках достоверности: о жизни и деятельности А.М. Линевского» (№ 7+8, 2010).

Во вторую часть включена история создания романа - эпопеи «Беломорье». На основе фактов, представленных в первой книге романа под названием «Поморье», читатель познакомится с бытом, обычаями и обрядами поморского села Сороки. Работа проиллюстрирована фотографиями и дополнена пояснениями из Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении И. М. Дурова и других источников.

Часть 1. Биография А. М. Линевского

Биографию Александра Михайловича Линевского можно назвать уникальной. Как ладонь, испещренная бесконечным числом пересекающихся линий, его жизнь полна разных событий - закономерностей и случайностей.

Интересно, что его отец, Михаил Адамович Линевский, потомственный дворянин, был руководителем строительства Мурманской железной дороги на участках 3 - 4 Петрозаводск - Сорокская бухта (в наше время железнодорожная станция Беломорск).

Через годы, волей случая студент Ленинградского государственного университета А. Линевский оказался сначала в селе Сорока, затем в деревне Выгостров. Поворот в его судьбе произошел летом 1926 года из-за…случайно совершенной ошибки: деньги, выделенные на этнографическую экспедицию профессора Д. А. Золотарева, перевели не по назначению - Совнарком Карельской АССР перечислил их не Русскому музею, а географическому факультету Ленинградского государственного университета. Началась тяжба, А. Линевскому предстояло доказать преимущество своей экспедиции. И ему это удалось! После сборов он отправляется в село Сорока. Почему именно туда? Вот что пишет Линевский в автобиографической повести «Страницы минувшего»:

«Как известно, старообрядцы больше двух столетий являются хранителями старины… Поэтому наш брат этнограф, словно муха к меду, тянулся к староверам. И из паданского уезда я подался в Сороку».[1]

Но ничего, вызвавшего интерес у студента – этнографа в Сороке не нашлось, и тогда он отправился в деревню Выгостров. На дороге повстречал «человека в черной, поповского вида шляпе…бородатого, в длиннополом пальто».

[1] Линевский, А. Страницы минувшего // Север. - 1987. - N 4. - С. 79.

Фото: Национальный архив РК. А. М. Линевский и Григорий Матросов, показавший ему петроглифы. [1927 - 1928 гг.]

«Бес» — самая крупная фигура, выбитая с краю от основной массы рисунков.

Им оказался старообрядческий начетчик Григорий Павлович Матросов. После щедрого угощения Матросов повез А. Линевского на лодке « к островку Шойрукшину – показывать «диковеньку», о которой ни один сорочанин не знает». Вот как писал о посещении острова А.М. Линевский: «Стиснутая скалами река мчится справа бурным порогом, а слева образует неширокий водопад. Вблизи порога Шойрукша блестела на солнце глянцевая скала багрового, как бы «мясного» цвета, очень густо покрытая рисунками. Главная композиция состояла из горбатого мужчины и ведущих к нему следов человеческих ног, каких – то рыб, водной дичи, оленей, лосей, медведей, нечто вроде морских звезд и ряда иных изображений». В заключение заметил: «Так выявилась для науки скала «Бесовы Следки» с тремястами петроглифами многотысячелетней давности»… так наступил мой непредвиденный «звездный час», когда судьба круто перевела меня на новые рельсы и отдала во власть древностям Беломорья. Эта находка навсегда прикрепила меня к карельскому Поморью».[2]

После открытия началась светлая полоса. А. Линевскому было разрешено не посещать лекции и заниматься только петроглифами, «вчитываться в скалу». Результаты исследований стали публиковаться в московских и ленинградских изданиях. «Находка наскальных изображений наделала много шума, и не только в научных кругах Ленинграда. На отчетной выставке полевых работ студентов за истекший экспедиционный сезон копии «Бесовых следков» заняли целую стену и оказались главным экспонатом выставки геофака за 1926 год. Эта выставка дала толчок развитию исторических дисциплин на Севере. С лета 1927 года А.

[2] Линевский, А. Страницы минувшего // Север С. 85.

Линевский вместе с московским археологом А. Брюсовым исследуют петроглифы на Выгострове и на «Бесовом носу» Онежского озера». После этой экспедиции Линевский поселился в деревне Бесоносовской у Онежского озера, где «очень быстро и легко» была написана повесть« Листы каменной книги».

Время шло, и жизнь вновь преподносила сюрпризы. Из Ленинграда поступила информация, что известный ученый, профессор В.И. Равдоникас, решил опубликовать наскальные изображения Карелии. Приоритет публикации «Бесовых следков» принадлежал А. Линевскому, как первооткрывателю, но Академия наук и Академия материальной культуры (впоследствии археологический институт) предоставили Ленинградскому ученому большие денежные ресурсы. «Мои издательские возможности в Карелии были до предела ограничены. И, «поборов гордыню», я отправился к Равдоникасу и договорился, что буду работать в его экспедиции, а за это он снабдит меня всеми копиями петроглифов». Лето 1935 года мы проработали вместе. Зимой я получил материал только по петроглифам Онежского озера».[3]

На следующий год В.И. Равдоникас продолжил полевые работы в низовье р. Выг на петроглифах «Бесовы Следки», но уже без А.М. Линевского, открывшего это скопление 10 лет назад. Отношения явно не складывались. Более того, с выходом первого тома публикации В.И. Равдоникаса началось их противостояние.

И вот – сенсация! Открытие новой группы петроглифов. «Местный житель Тимофей Матросов, надеясь на значительную награду, показал Равдоникасу скалу Залавругу, которая находилась совсем недалеко от Бесовых следков!

В 1936 году А. Линевский сам отправился на Старую Залавругу, чтобы лично скопировать изображения. Наскальное полотно занимало большую площадь, имело разную сохранность, местами совсем плохую, что создавало определенные трудности при копировании и документировании. Чтобы определить границу между «дикой» скалой и краем выбитых рисунков, в ряде случаев использовал кончик языка, оказавшегося «инструментом» более чувствительным, чем подушечки пальцев.

«Противостояние» А. Линевского и В. Равдоникаса продолжилось… В конце 1936 года, появился первый том публикации В.И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря» (второй том издан в 1938 году). Во введении он весьма резко критикует А.М. Линевского, который воспринял обвинения и упреки в свой адрес как вызов. Ответом стала подготовка монографического исследования «Петроглифы Карелии», изданного в 1939 году. Названные издания и взаимные выпады только закрепили отчуждение между двумя самыми известными на то время знатоками наскального искусства Карелии.

[3] Там же.

Для А.М. Линевского публикации и критика В.И. Равдоникаса стали «отличным побудителем энергично приняться за петроглифы». Пора было браться и за подготовку диссертации. И тогда Линевский вновь отправляется на месяц в Выгостров, чтобы на месте «погрузиться в древнюю эпоху».

«И вот я живу на втором этаже дома; внизу только старуха хозяйка – и больше никого нет. На столе – керосиновая лампа с бумажным абажуром…Газет не читал, радио не было. Я целиком погрузился в исследуемую эпоху. Истек месячный срок. На столе лежала готовая рукопись. В 1939 году местное издательство напечатало «Петроглифы Карелии» под редакцией А. Я. Брюсова. Успех исследования в Москве и Ленинграде был шумным».[4]

В годы Великой Отечественной войны Линевский вновь оказался в городе Беломорске. В конце 1942 года правительство КФССР приняло решение о восстановлении прерванной деятельности КНИИК и переводе его во временную столицу Карелии Беломорск. «В марте 1943 года я переехал в Беломорск, временную столицу Карело-Финской ССР, где прожил по июнь 1944 года. Там мне устроили уютный фанерный домик (2х3 метра), утепленный опилками, крафт-бумагой и толем. Старик финн смастерил отличную печь, а когда пристроили еще сарайчик с запасом реек для отопления, то получилась просто отличная жизнь!» [5]

Кроме А. Линевского еще четыре сотрудника института и его директор М.Х. Дорошин прибыли в Беломорск. Все они занимались в 1943–1944 годах сбором воспоминаний участников партизанского движения.

А.М. Линевский выезжал на партизанскую базу в пос. Лехта. Он агитировал участников партизанских походов самим вести записи происходящих событий.

«Помню, как одно время я жил намерением отправиться с каким-либо партизанским отрядом в поход. Генерал Вершинин руководивший партизанским движением в республике не возражал. Но командиры отрядов наметанным глазом видели мою физическую неподготовленность… и не очень торопились взять с собой. Так и не получилось из меня писателя – партизана».[6]

После войны им было сдано в архив Карельского научного центра института РАН 198 рукописей воспоминаний о партизанских отрядах «Красный Онежец», «Вперед» и «Железняк». Собирал он и материалы по теме «Тыл – фронту» в пос. Гридино и Калгалакше.

В Беломорске пришлось заниматься оформлением выставки «25 лет комсомола Карелии». Курировал ее первый секретарь ЦК ВЛКСМ республики Ю.В.Андропов, с которым велись неоднократные обсуждения.

---

[4] Линевский, А. Страницы минувшего // Север. - 1987. - N 4. - С. 86.
[5] Там же. С. 89.
[6] Там же. С. 90.

В послевоенные годы А. М. Линевский растет как писатель. В 1960 году появляется сборник рассказов «Мужество», а в 1951-1964 годах создается самое значительное художественное произведение – четырехтомная эпопея «Беломорье».

В 1969 году была учреждена Государственная премия Карелии в области литературы и искусства. Первым ее лауреатом стал А. М. Линевский, отмеченный наградой за эпопею «Беломорье» и повесть «Листы каменной книги»

Последний раз посетил Беломорск и «Бесовы следки» А. Линевский вместе с Юрием Савватеевым в 1960 году. Дальнейшая жизнь и научная деятельность была связана с городом Петрозаводском.

В 1977 году Александру Михайловичу Линевскому было присвоено звание Почетный гражданин города Петрозаводска, что является высшим знаком признательности жителей города лицу, внёсшему выдающийся вклад в развитие города и укрепление его авторитета в Республике Карелия и в России.

Александр Михайлович ушел из жизни в 1985 году. Петрозаводск еще не раз после смерти Линевского отметил его заслуги: в 1996 году новая улица в районе «Древлянка» получила имя А. М. Линевского, в 2004 году на доме № 14 по улице Куйбышева была открыта мемориальная доска.

К сожалению, в городе Беломорске заслуги А. Линевского ничем не отмечены. Может быть потому, что звание «Почетный гражданин города Беломорска» было учреждено лишь в 1988 году.

Часть 2. Творчество А. Линевского

«Роман – эпопея «Беломорье»

«В 1930 – 1940 –е годы А.М. Линевский готовится к созданию главной своей книги – исторического повествования «Беломорье», над которым он работал более тридцати лет. Последняя книга «Испытания» вышла в 1968 году».[7]

В романе ярко воссоздана жизнь Карельского Поморья, годы Революции, Гражданской войны и первый период становления Советской власти. Большую роль в ее написании сыграли двухлетняя работа в Центральном Архивном управлении АКССР (1932 - 1933) и записи 1926–1934 годов, сделанные им в Поморье. Книга разошлась тиражом 700 тысяч экземпляров.

Первоначально «Беломорье» было задумано как книга о дореволюционном Поморье. Действие разворачивается в первой половине 1912 года в Сороке, Сумском Посаде, Кеми,

[7] Писатели Карелии: биобиблиогр. словарь. Петрозаводск, 2006. С. 187.

Ковде, Кандалакше. Но когда работа над романом подходила к концу, стало понятно, что будет продолжение. «В те годы Линевский продолжал работать над архивными материалами, относящимися к гражданской войне. Через 4 года вышла в свет вторая книга – «Бушует Беломорье, а в 1965 году был опубликован третий историко-революционный роман «Испытания». При публикации издательству пришлось обратиться к автору с просьбой - разбить роман «Бушует Беломорье на две части. В результате трилогия превратилась в тетралогию. [8]

Для Линевского важна конкретность места действия, которое происходит в основных пунктах Беломорья, главным образом в Сороке, Сумском Посаде, Кеми, Ковде, Кандалакше. Это позволило ему обстоятельно описать экономическое положение края, используя богатейший этнографический и фольклорный материал.

Возможно, во время работы в Карельском научно – исследовательском институте АКССР (в настоящее время Карельский научный центр РАН) с 1934 по 1954 год, А.М. Линевский обращался к рукописям И.М. Дурова и в дальнейшем использовал описания поморских обрядов и традиции в романе «Беломорье». О том, что два этнографа были знакомы, свидетельствует их переписка. Сохранились письма, в которых И. Дуров обращался к А. Линевскому за помощью: «Я, Александр Михайлович, не смею мечтать о том, что я когда-либо буду получать регулярно деньги на жизнь – сидеть и писать. Нет, я такими мечтами никогда не задавался, а лишь горел желанием передать на пользу науки и грядущему поколению все то, что знаю, что имею о своем горячо любимом Поморье. А о том, что я знаю свой край, не хвастаю, и знаю точно его… жизнь … во всех ее многогранных особенностях. <…> У меня одна просьба к Вам, Александр Михайлович, если сумеете как помочь мне, так помогите. Видите, я до чего дошел… Мне стыдно и в то же время горько так клянчить!.. Но иного сейчас в данный период времени у меня выхода нет – сижу между двух стульев обескураженный. И больше не знаю, к кому и обращаться. И если это ничто последнее не поможет, махну на все рукой и продам свой труд куда-либо в "канцелярию". А все, что у меня творческого, предам забвению».[9]

«Беломорье» Александра Линевского, особенно первая книга романа – эпопеи «Поморье», имеет огромную краеведческую ценность, оно воссоздает картины жизни поморских сел Сороки, Сумского Посада и др. начала XX века.

---

[8] История литературы Карелии, т.3 Петрозаводск, 2000. С. 165.
Линевский, А. М. Беломорье : роман : в 2 т., Т. 1. Петрозаводск, 1980. С. 15.

[9] Краевед И. М. Дуров и его "Словарь живого поморского языка" / Кузнецова В. П. // Краеведческие чтения : материалы II научной конференции. - Петрозаводск, 2009. - С. 11.

Описание села Сороки

В романе А. Линевского дается краткое, но довольно точное описание села Сороки, раскинувшегося по многим островам: «Широченное устье реки Выга отделяло старинное рыбацкое село от лесопильных заводов Беляевых. На скалистых островках левобережья серели домишки, между которыми вразброс, то там, то тут высились двухэтажные дома хозяев, обязательно в дощатой обшивке и покрашенные в голубую и желтую краску»[10]

На фотографии С. Прокудина – Горского хорошо видны добротные двухэтажные дома желтого цвета. Тяга к голубому цвету сильна и по сей день - если прогуляться по современному Беломорску сегодня, то можно заметить, что большое количество домов «частного сектора» окрашено голубой краской.

Фотограф С. М. Прокудин – Горский. Село Сорока. Общий вид. 1916.

Село Сорока. Фото Я. И. Лейцингера. Из книги "Северный край. Иллюстрированный альбом Архангельской губернии".1914.

[10] Линевский, А. М. Беломорье : роман : в 2 т., Т. 1. Петрозаводск, 1980. С. 15.

Фотограф С. М. Прокудин – Горский. Этюд сети. 1916.

Фотограф С. М. Прокудин – Горский. Вид на Угольный порог на реке Сороке (Выг). 1916.

Обычаи и обряды

В романе встречается подробное описание обрядов, обычаев и примет. Многие из них бытуют и по сей день. Например, в поморских селах (Сухое, Сумский Посад) можно увидеть подпертые палкой двери домов. На замок не запирают – и так понятно, что хозяина нет дома. Или такая примета – нельзя мыть и подметать пол, если кто – то из семьи уехал. Нужно дождаться, пока он доберется до места, иначе может не вернуться назад.

С первых страниц романа читатель знакомится с обычаями и обрядами того времени. В День смотра женихов вся молодежь села собиралась на гулянья. Запрягали лошадей, украшали сани. Нарядившись во все самое лучшее, парни усаживали в сани по две, по три девушки, среди которых была та, которая нравилась. Вдвоем кататься было нельзя, обычай позволял ездить парами только молодоженам. Не все радовались в этот день, были парни и девушки из бедных семей, которые жались по сторонам.

Линевский подробно описывает обычай, бытовавший в Беломорье - во время Святок девушка на выданье в первый день рождества переселялась в дом своих родственников. В это время она могла сама договариваться о сватовстве с тем парнем, которого сама выбрала, не боясь родительского гнева и не запятнав честь родителей.

Во второй день рождества, с наступлением темноты все девушки на выданье собирались в одной избе за большим столом, покрытым белой скатертью. Места за столом покупались

заранее. Самые дорогие находились в красном углу под божницей, за ними шли места вдоль стен и у самой двери. По обычаю, самые лучшие места отводились девушкам из богатых семей, затем из середняков, и места у двери занимала беднота.

Когда парни и девушки собрались, девушки начинали петь старинные «утошные» (у Линевского) песни, пары начинали танцевать, определялись постоянные пары.

❖ Утушка, -ки,-ок.; утушная – Хороводная с песнями игра на всех беседах и вечеринках, устраиваемых девушками, а также и на свадебных столах и многолюдных гостьбах. Заключается она в следующем: пара – мужчина и девушка (или женщина) – совершают гуляние по комнате, делая три шага вперед и обратно. Это хождение продолжается, пока окончится песня. [11]

Только на четвертый день «столов» парни имели право садиться между девушками, разговаривать, шутить и даже обнимать и целовать. Именно в это время происходили сговоры – парень добивался согласия девушки и отправлял сватов в родительский дом. Родители принимали окончательное решение.

Случалось и так, что девушка шла против воли родителей и самовольно выходила замуж, «самокруткой», не получив благословения и без свадебных обрядов. Это считалось для семьи девушки бесчестьем. Единственной возможностью примирения был обряд «прощения». Молодые должны были заранее предупредить родителей жены, что придут «прощаться» - просить прощения за нарушение родительской воли. Если отец и мать прощали молодых, они оставляли ворота у своего дома открытыми. Если же не было прощения – ворота были закрыты.

Промысел

[11] И. М. Дуров. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 421.

Поездка В. Р. Алеева в ноябре 1912 г. на Онежский и Кемский берега Белого моря. Режим доступа к порталу: http://karjalanmu.ru/kak-lovili-selyodku-v-soroke-bolee-100-let-nazad/

А. Линевский на протяжении всего повествования в первой книге «Беломорья» подробно и обстоятельно описывает промысел - этим словом у поморов обозначается весь известный период времени, в продолжение которого производится морской или звериный лов. Весной артели традиционно отправлялись на традиционный вешной, т.е весенний промысел (У Линевского – «на традиционную «вешню»).

❖ Артель – группа рыбаков, объединившихся на совместный промысел рыбы или зверя на паевых началах. В состав участников артели входят люди, не имеющие собственного промыслового снаряжения, но участвующие своим трудом. [12]

Проводы были долгими, обстоятельными и требовали обязательного соблюдения традиций. Самым мучительным был последний час пред уходом рыбака на промысел. Не все возвращались, поэтому по обычаю с семьей прощались словно навсегда. Домашние плакали навзрыд, причитали. Затем всей семьей провожали рыбака к подводе – из дома полагалось везти вещи на лошади. Больше всего, по приметам, боялись встретить на пути нищего, попа, беременную женщину, и самое страшное – человека, которому никогда не везло в жизни. За околицей вещи перегружали в саночки, вновь начинали прощаться и громко причитать, как на похоронах. После отъезда мурманщиков родственники три дня не подметали в избе, чтобы никого не «вымести» из дома. И с надеждой ждали возвращения рыбаков домой.

[12] И. М. Дуров. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении С. 19.

Часто случалось так, что до начала следующего промысла у рыбаков и их семей не хватало пропитания. И тогда хозяин давал продукты в счет следующего улова. В счет «забора» давались деньги и продукты, и на время, пока рыбак был в море, семья могла не голодать какое-то время.

Зимой женщины Поморья часто отправлялись на проливы для подледного лова корюшки. Исстари повелось, что на него ходили только женщины из бедноты. Из поколения в поколение переходил обычай петь на удебище. Такие песни были жалостными и назывались «удебищными» (у Линевского).

Лов наваги. Поездка В. Р. Алеева в ноябре 1912 г. на Онежский и Кемский берега Белого моря.

Режим доступа к порталу: http://karjalanmu.ru/kak-lovili-selyodku-v-soroke-bolee-100-let-nazad/

❖ «Удбище» - ща, щей, щев. Место, где производится лов рыбы в лесу. Соответственно, песни будут называться «удьбищными».[13] Их даже не пели, а покачиваясь, вопили:

Надь мне-ка удить умножну рыбушку,
Надь выуживать да на казну великую,
Надь выращивать да мне-ка роженых,
Моих деточек да сердечных,
Ты-ка клюй-ка, рыбка, да попадайся –ка,
Эта свежа рыбка трепещуща-а[14]…

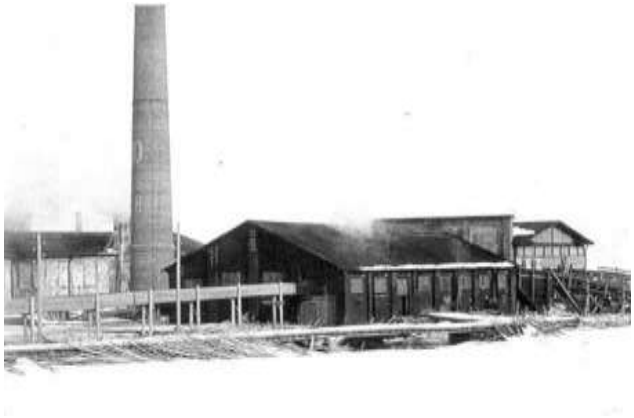
[13]. И. М. Дуров. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 417.

Беляевские заводы

В первой книге «Поморье» подробно описана жизнь рабочих на Беляевских заводах. Указано, что лесопильные заводы Беляевых состояли из многочисленных построек. Постоянно работали пилорамы – в Сороке слышался визг пил, пахло древесной смолой.

Фотограф Я. И. Кривонкин

Завод "Финляндский" Фотограф Я. И. Кривонкин



Завод «Космополит». Фотограф Я. И. Кривонкин

Завод «Феникс». Фотограф Я. И. Кривонкин

Управляющим на заводе был Антон Агафелов, назначенный заводчиком Беляевым, впоследствии он был назначен главноуправляющим фирмы «Беляев с сыновьями». (У

[14] Линевский, А. М. Беломорье : роман : в 2 т., Т. 1. Петрозаводск, 1980. С.33.

Линевского: сыновей Беляев прозвал «дурнями» и считал, что они не смогут грамотно управлять состоянием).

Рабочих на заводе не хватало, и нужно было срочно нанимать. Нанимать разрешалось только местных жителей, чтобы уберечь завод от «забастовщиков». Но поморская молодежь от рождения была предназначена в *покрут* богачам, и не могла добровольно уйти на завод.

❖ Покрут – набор, подбор покрутчиков. Артель покрутчиков – группа промышленников, работающих из пая на промысле у самостоятельного хозяина, промышленника, где этот хозяин предоставляет в распоряжение членов артели орудия лова, промысловые суда, рабочую спецодежду и продовольствие на время сезона промыслов, за что от членов артели требуется их труд по ловле рыбы и зверя. Вся добыча от промысла, за исключением обусловленного пая в пользу членов артели, поступает в распоряжение хозяина, как его собственность.[15]

Только малая часть поморов уходила с родительского согласия, их снабжали необходимыми вещами. Те, кто «отбился от дома силком» оставался ни с чем.

Жилось на заводе несладко. Семьи нанимаемых рабочих жили в домиках при заводе. Заводоуправление разрешало рабочим строить их на территории завода и раз в месяц брались арендные. Но за десятки лет, выплатив не одну сотню рублей, приобрести их в собственность не получалось. Поэтому владельцы этих домиков требовали отмены арендных.

Холостяки и семейные, жившие в бараках платили ежемесячную квартплату. Даже заводская контора содержалась за счет рабочих. Особенно угнетала система штрафов. Они удерживались из заработка рабочих за малейшую провинность и не возвращались в заводскую кассу, а распределялись между служащими. И чем больше была сумма штрафов, тем больше жалованья получали служащие.

Рабочие завода выдвинули свои требования:

10% прибавка к заработной плате

Отмена аренды

Отмена штрафов

Отмена денег на ремонт общежитий

Из Кеми в Сороку прибыл уездный землемер. На заводской земле были установлены столбы с надписью «Земля братьев Беляевых». Откуда-то привезли колючую проволоку, от заводской конторы к Сороке протянули телефонный провод. Из Петербурга пришло решение Беляевых: Если не будет достигнуто соглашение с рабочими – заводскую молодежь отдать в солдаты, а семейных сослать на поселение в Сибирь.»

❖ Исторический факт: Мировой экономический кризис начала XX столетия негативно сказался на деятельности лесопильных заводов Поморья. Начались сокращение производства,

[15] И. М. Дуров. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С.318.

уменьшение заработка, увольнения части персонала. Естественным ответом на это был рост недовольства рабочих. Когда началась революция 1905-1907 гг. рабочие лесопилок Поморья сразу же включились в забастовочную борьбу. Они требовали установить 8-часовой рабочий день, отменить штрафы и вычеты, повысить заработную плату, признать право празднования 1 мая. Администрация завода сразу же пошла на некоторые уступки. Но в 1906 г. произошло новое волнение. Причиной этого было увольнение ряда участников стачки, произошедшей ранее. Недовольство рабочих заключалось в том, что годом ранее администрация завода обещала не увольнять никого из участников стачек. В 1907 г. революция заставила российских капиталистов пойти на уступки рабочим. В том числе и администрация беляевских лесопильных заводов согласилась выполнить некоторые требования рабочих.[16]

Заключение

В данной работе отражена лишь малая часть событий, описанных в романе – эпопее «Беломорье». Внимание читателя акцентировано на интересные факты биографии А.М. Линевского, исторические факты, связанные с поморским селом Сорока. Не затронут огромный пласт истории – становление Советской власти, гражданской войны, интервенции и пр. Есть повод для размышлений и продолжения исследовательской работы.

В заключение хотелось сказать еще несколько слов об Александре Михайловиче Линевском. Он прожил уникальную, насыщенную различными событиями жизнь и сделал столько, сколько не под силу многим из нас. Словно торопился жить, боялся не успеть сделать что – то очень важное. И всегда сомневался в том, что сделал. Ему казалось, что вышло недостаточно хорошо – вот и в интервью с журналистом Валерием Верхоглядовым Линевский сомневается в себе: «Многие пророчествовали, что я так долго пишу, потому что у меня ничего не выходит. А я думал – нет, выйдет. Пока же еще не совсем вышло…» Позволим себе не согласиться с этим…

Список литературы:

[16] Топоров, Д.А. Митрофан Беляев–лесопромышленник и меценат / Д.А. Топоров // Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет. - 2009.- Режим доступа к порталу: http://www.hrono.ru/libris/molod2009/toporov.php

1. Верхоглядов, В. Н. "Когда-нибудь, когда-нибудь... когда?" : беседы за вечерним чаем с Александром Михайловичем Линевским / Валерий Верхоглядов // Север, 1997. - № 9. –С.124 – 129.

2. Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров ; [изд. подгот.: И. И. Муллонен (отв. ред.), В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова]. - Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. - 453, [1] с. : ил. ; 27 см. - В надзаг.: Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. - Библиогр. в подстроч. примеч.

3. История литературы Карелии, Т. 3 / [Ю. И. Дюжев и др. ; редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.), Ю. И. Дюжев, Э. Л. Алто и др. ; ред. тома Ю. И. Дюжев ; рец.: Е. Е. Зубарева, Э. Л. Алто, Е. М. Неелов] ; РАН, Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Карел. науч. центр, Ин-т языка, литературы и истории. - Петрозаводск, 2000. - 458 с. ; 21 см. - Библиогр.: с.445-448. - Имен. указ.: с.449-456.

4. Левитина, А. М. А. М. Линевский : Критико-биографический очерк / А. Левитина ; [ред. В. М. Иванов]. - Петрозаводск : Карелия, 1973. - 144 с. : портр. ; 20 см. - Библиогр. в подстроч. примеч.

5. Линевский, А. М. Беломорье : роман : в 2 т., Т. 1 / Александр Линевский ; [худож. Олег Чумак]. - Петрозаводск : Карелия, 1980. - 614, [2] с., [1] л. портр. : ил. ; 21 см.

6. Линевский, А. Страницы минувшего : [автобиографическая повесть] / Александр Линевский ; авт. предисл. Д. Гусаров ; публ. А. В. Линевской // Север. - 1987. - N 4. – С. 62-92.

7. Писатели Карелии : биобиблиографический словарь / Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории, Министерство культуры и по связям с общественностью РК ; [сост. Ю. И. Дюжев ; ред.-библиогр. Н. В. Чикина ; рец.: А. И. Мишин, Р. Р. Койвисто]. - Петрозаводск : Острова, 2006. - 303 с. : фот. ; 22 см. - Библиография в конце статей. - Алфавитный указатель: с. 297-299.

8. Савватеев, Ю. А. В поисках достоверности : о жизни и деятельности А. М. Линевского : очерк / Юрий Савватеев // Север. - № 7/8. - С. 94-107.

9. Савватеев, Ю. А. О чем скорбят наскальные изображения Онежского озера / Юрий Савватеев // Север. - 2012. - № 11/12. - С. 145-152.

10. Топоров, Д.А. Митрофан Беляев–лесопромышленник и меценат / Д.А. Топоров // Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет. - 2009.- Режим доступа к порталу: http://www.hrono.ru/libris/molod2009/toporov.php

11. Устинов, В. Поэт каменной книги // Сиверко. – 2013. – С. 11-16.

Примечание:

При подготовке работы были использованы фотографии, находящиеся в Интернете в общем (свободном) доступе.

О. Н. Степанова, М. А. Степанов

«САМЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ АДРЕС В МИРЕ»
(письма Юрия Казакова к Ортьё Степанову)

Дом на высоком берегу озера Куйтто стоял всего в каких-то ста метрах от того места, где росла сосна, под которой, по приданию, рунопевцы пели свои песни, а Элиас Лённрот записывал их. Родственники из окрестных деревень приезжали в этот дом на ночлег безо всяких записок. Гости из городов по рекомендации друзей, предварительно списавшись или переговорив по телефону (если удавалось дозвониться), находили тут же приют. Письма приходили от друзей со всех концов страны. Переписка с редакциями газет и журналов, официальные ответы на запросы по многим проблемам – все шло на этот адрес: Ухта (позже Калевала), Калевальский район, ул. Руны Калевалы, дом 13.

В сегодняшнем сообщении мы открываем небольшую часть из личного архива Ортьё Степанова - письма Юрия Казакова[1] Ортьё Степанову.

В конце июля 1961 в селе Ухта встретились два человека: приехавший за новыми впечатлениями, уже известный Юрий Казаков и Ортьё Степанов - **«здешний»**[2] писатель, **«тунеядец» -** (так называла Степанова тогдашняя власть[3]).

Юрий Казаков к тому времени уже написал ряд известных рассказов: «На полустанке», «Некрасивая», «Странник», «Голубое и зеленое», «Тедди», «Северный дневник». Побывав однажды на севере, он постоянно возвращался туда, черпая из природы этого необжитого края вдохновение.

У Ортьё Степанова на тот момент было написано несколько фельетонов, рассказов и очерков, опубликованных, как в журналах республиканских, так и в сборниках карельских писателей. В то время, когда два писателя встретились в Ухте, первая повесть Ортьё Степанова «Suurilla selkosilla» («Лесные просторы») на финском языке[4] была сдана в набор отдельной книгой. Эта повесть вышла в конце 1961 года, в более поздних библиографиях указана под названием «Широкие просторы»[5].

---

[1]Все письма, о которых идет речь в сообщении, хранятся в личном архиве О. Степанова. Авторские пунктуация и орфография сохранены.
[2] Юрий Казаков, «Калевала»
[3] Мишин О. «Там, где дом отцовский славный» // Север. 1990. № 3. С. 157
[4] Ortjo Stepanov. Suurilla selkosilla. Karjalan ASNT:n Vation kustannusliike. Petroskoi. 1961
[5] Писатели Карелии. Ортьё Степанов (Артем Михайлович Степанов). указатель литературы. Петрозаводск.1980. стр.7

Позже, в 1966 году, в своём письме Юрий Казаков просил показать друзьям: «ваши красоты», «свозить к себе в деревню» и «дать возможность послушать какую-нибудь народную сказительницу». Но сейчас он сам был готов впервые это увидеть. Было тепло, самое время окунуться в деревенскую жизнь, послушать природу и калевальских сказительниц. Рядом с ухтинским домом, где жил с 1952 по 1966 год Ортьё Степанов, была пристань. От неё уходили катера в деревни, раскиданные по берегам озера Куйтто.

Отсюда писатели и **«известная хранительница поэтической традиции»**[6] -Татьяна Перттунен двинулись в деревню Алаярви, где жила другая сказительница Мария Михеева. «**Уже с детства Мария Михеева умела рассказывать сказки и петь эпические песни. Со временем она стала сочинять новые песни о советской действительности. В 1952 году была принята в члены Союза писателей.»**[7]

Впечатления от этой поездки к известным карельским сказительницам явились основой очерка Ю. Казакова «Калевала», письма этого периода приоткрывает историю написания этого очерка. Они очень разные не только по содержанию но и по настроению, уточняют маршруты его творческих исканий. Авторы этого сообщения надеются, что факты из эпистолярного наследия будут интересны всем, кто ценит творчество Юрия Казакова - непревзойдённого мастера короткого рассказа. В 2017 году исполняется 90 лет со дня рождения Юрия Казакова и 55 лет, кода очерк «Калевала» был впервые опубликован.

Первое рукописное письмо от 16 сентября 1961 года. Видимо, это была записка, вложенная в бандероль с книгой, посланной Юрием Казаковым Ортьё Степанову.

«Дорогой Ортьё! Посылаю Вам книжку о Матиасе Кастрене, м.б. Вы её не читали.

Очерк о Калевале обязательно напишу. Пойдет он скорее всего в «Крестьянке» в №11 или 12. Привет Т.Перттунен.

Всего доброго. Ю.Казаков

16.IX.61г»

Письмо совсем короткое: работа над «Очерком о Калевале» и публикация в конце 1961 года в журнале «Крестьянка» - была в планах автора.

Юрий Казаков надеется, что присланная книга будет полезна и Ортьё Степанову. Кастрен был одним из первых переводчиков (1841 год) эпоса «Калевала». Для этого он изучил северный диалект карельского языка .

---

[6] Авто Э.Л. Финноязычная литература Карелии.-Санкт-Петербург. Наука. 1997.стр.124

[7] Писатели Карелии. Библиографический справочник.Автор-составитель Ю.И.Дюжев.Петрозаводск. 1994. стр.70

Матиас Кастрен (1813-1852) интересен Юрию Казакову. Исследователь был в местах, которые позже посетил Казаков и много писал о них в «Северном дневнике».

Второе письмо - рукописное, предположительно по тексту – начало 1962 года.

«Дорогой Ортьё!

Жизнь наша идет по пословице: «Не так живи, как хочется…» И так вышло, что в прошлом году не сумел я написать про Т.А.Перттунен и про Вас и про Михееву. А теперь вот только засел за очерк, который выходит у меня похож на рассказ. Я его кончаю, через несколько дней будет готов. Отдам я его скорей всего в «Крестьянку» - там тираж побольше – или в «Советскую женщину». Но там он когда-то выйдет, когда дойдет до Ухты и м.б. несколько экземпляров всего… Так что, когда кончу, я Вам пришлю один экземпляр – распорядитесь им по своему усмотрению. М.б. напечатаете в республиканской газете или в районной или переведете на финский – дело Ваше.

И ещё просьба: если есть хорошие снимки у Вас или Т.Перттунен – озера или самой Перттунен или вообще ваших мест – немедленно шлите их мне по адресу: г.Таруса, Калужской обл. Почта, до востребования Казакову Ю.П. я их отошлю в тот журнал, где будет помещён очерк.

Передайте мой привет Т.А. Напишите, как вообще поживаете. Жду снимков!

С приветом

Ю.Казаков.»

Как он пишет: **«вот только сел за очерк, который выходит похож на рассказ»**, уже заканчивает работу над «Калевалой» и просит **«…если есть хорошие снимки у Вас или Т.Перттунен – озера или самой Перттунен или вообще ваших мест – немедленно шлите их мне…».** Удивительно, что в этой поездке они оба оказались без фотоаппаратов. У Ортьё Степанова в то время была обычная «Смена», без неё он нигде не путешествовал.

И возникает вопрос: почему писатель все время вспоминает Татьяну Перттунен? Может быть потому, что она из знаменитого рода рунопевцев и **«..Казаков наделяет Т.Перттунен сказочной силой…»**[8]?

Казаков приглашает к сотрудничеству: «…**когда кончу, я Вам пришлю один экземпляр – распорядитесь им по своему усмотрению».**

7 ноября 1962 приходит третье письмо, уже напечатанное.

[8] Ю.И.Дюжев. Народный писатель Карелии Ортьё Степанов. 2010. С. 129

«Здравствуйте, милый Ортьё.

Я только что возвратился из разных странствий, и нашёл дома книжку, которую вы прислали и письмо. Спасибо большое.

Насчет моего очерка, м.б. вам будет интересно узнать, что через Агенство Печати Новости он был распространён за границей и печатался где-то в скандинавии, в Канаде и т.д. – где есть финское народонаселение. Я было хотел этот очерк отдать в «Огонёк» или «Крестьянку», но тут вы виноваты, я писал вам, просил фотографии, но так и не дождался.

Рад буду, если очерк передадут по радио, как вы писали – и не столько за себя рад, сколько за Т.Перттунен и М.Михееву и за вас, поскольку о вас всех идёт там речь.

Может быть я что-нибудь напутал в очерке /в названиях или фактах/ - так уж вы не сердитесь на меня, это случается почти постоянно, когда в месте и среди людей, о которых пишешь, пробудешь всего несколько дней.

Теперь о вашей повести /или рассказе?/ - я ещё его не смотрел, т.к. недавно приехал и вряд ли у меня найдётся время сделать это раньше декабря - я делегат предстоящего совещания молодых и потом не был дома три месяца, накопилось очень много дел, переписки, изданий и переизданий - так что не сердитесь и потерпите.

И потом возьмите в соображение тот факт, что журнал «Дружба народов», куда по всей вероятности нужно будет предложить эту вещь, имеет свои планы и может не так быстро эту вещь пропустить.

Дайте срок, все дела схлынут, я укроюсь в Тарусе, засяду работать и тогда на досуге посмотрю и попробую перевести.

Что касается ваших обид и претензий к редакторам, то это естественное положение для писателя. Тут сердиться ненужно, нужно раз и навсегда принять это как закономерность, как условие жизни и тогда будет легче ждать и жить и работать. У вас, конечно, положение усугубляется ещё тем, что нет таких широких возможностей для печатания, как, скажем, у нас в Москве. Но ведь у вас вышла книга… Это большое дело, далеко не каждому так везёт на периферии.

Будьте здоровы!

7 нояб. 1962 Ю.Казаков»

Обращает внимание на себя дата: это день 45-летия Октябрьской революции, но о празднике ни слова.

Из письма мы узнаём, что очерк «Калевала»: « **…через АПН» «был распространен за границей и печатался где-то в скандинавии, в Канаде и т.д. – где есть финское**

народонаселение» и тут же продолжает: **«Я было хотел это очерк отдать в «Огонёк» или «Крестьянку», но тут вы виноваты, я писал вам, просил фотографии, но так и не дождался»**.

Очерк вышел в журнале «Знамя» в №10 за 1962 год, стр. 164-169[9]. В личном архиве Ортьё Степанова мы нашли на одной из фотопленок того времени несколько кадров подряд с Татьяной Перттунен, возможно, снятой специально по просьбе Юрия Казакова. Но почему-то фотографии не дошли до Казакова, хотя адрес писателя в записной книжке Ортьё Степанова за 1962 год был Тарусский.

Во второй части письма уже обсуждает творческие планы Ортьё Степанова, обещает взяться за перевод повести или рассказа Ортьё Степанова, не раньше декабря.

На следующем рукописном письме стоит дата 9 марта 1963 года.

«Дорогой Ортье!

Очень жаль, но я так и не смог приняться за переводы. Я не смогу наверное, потому что заела меня собственная повесть, разные домашние неурядицы, я хандрю, дни проходят без толку и ничего у меня не получается.

Очень жалко, что не могу я ничем Вам помочь.

Передайте Перттунен, что очерк о ней выходил в Финляндии, Норвегии, сейчас переводится в Швеции и еще на английский язык (журнал «Сов. литература» на английском языке). Я очень рад такому обороту дела не зря ездил к Вам в Ухту.

Не сердитесь на меня, ей-богу, я не могу сейчас осилить перевод. для этого нужно светлое состояние души и досуг, а ни того ни другого долго верно у меня не будет.

Всего самого доброго!

Ю.Казаков

9 марта 1963 Посылаю Вам рукопись»

Юрий Казаков делится об успехе «Калевалы» в Финляндии, Норвегии, Швеции и объясняет, что не может осилить перевод, «… **для этого нужно светлое состояние души и досуг, а ни того ни другого долго верно у меня не будет…».**

[9] Летопись литературной жизни Карелии(1962-1966),Петрозаводск 1968, стр.24

Пятое машинописное письмо от 25 сентября 1965 года.

Дорогой Артём Михайлович!

Листал сегодня старую записную книжку и попался мне твой адрес, вспомнил я лето 1961 года и свою поездку за Калевалой, и сердце моё наполнилось грустью, как всегда бывает при хороших воспоминаниях.

Может быть, тебе небезынтересно будет узнать, что «Калевала» моя обошла чуть не весь мир, переведена была на множество языков, и совсем недавно была напечатана во Франции в юбилейном тысячном номере знаменитого литературного приложения «Фигаро литерер». Из иностранных авторов в этом номере присутствуют только два: американец Фолкнер и я. Видишь, какая штука получилась с Калевалой-то. Поистине счастливо было для меня то лето в далёком 1961 году.

А ведь я помню всё – как спал у тебя на диване, как пружины мне в бок проникали, какие бледные прозрачные ночи были над озером, над Куйтто-ярви и как рад был я, что встретил тебя, познакомился с тобой.

И вот теперь думаю – неужто не приеду я больше в Карелию, неужто не попаду в те благословенные места? А ты ведь хотел мне ещё показать свою родину, повезти уже в какую-то совершенную глушь!

Нет, старик, попаду! Я ещё приеду, я ещё выпью воды из прозрачных озёр твоей прекрасной родины, Ортье!

Будь здоров, милый! Напиши мне, что новенького, как твои книги и вообще как живёт – может наша Карелия?

Адрес мой до 10 октября такой: Друскининкай, Литовской ССР, Почтамт, до востребования.

22 сент. 65 Твой Ю.Казаков»

Начиная с этого письма, Юрий Казаков, до этого обращавшийся к Степанову на «вы», переходит вдруг на «ты». И во всех следующих письмах это прослеживается. Через четыре года их знакомства виден поворот в их отношениях – вероятно, Казаков принял его в число своих друзей.

Казаков надеется все-таки попасть в **« благословенные места»,** а воспоминания о том далеком лете: «**..Какие бледные прозрачные ночи были над озером, над Куйтто-ярви…**»,

еще больше усиливает желание вернуться в эти края. В конце послания вопрос: **«…как живёт – может наша Карелия?»**.

Шестое послание – это поздравительная открытка с новым 1966 годом, написанная уже скорее к новому году по старому стилю (отправлена Юрием Казаковым 10 января 1966 г.).

Поздравляя с Новым годом, он отправляет открытку с букетом летних цветов, как желание повидаться летом, по адресу:

«Карельская АССР, п.Калевала, улица Рун-Калевалы 13, Степанову Артему.», а рядом была приписано: **«У тебя самый поэтический адрес в мире!»** Имеется ввиду, что в 1963 году село Ухта было переименовано в поселок Калевала. А повторяющееся в адресе Ортьё Степанова слово «Калевала», «Руны Калевалы» навеяло это поэтическое сравнение.

На оборотной стороне написано:

«Дорогой Ортьё!

Прими, пожалуйста, от меня новогодние поздравления тебе и твоей семье. Поздравляю с выходом повести! Хотелось бы повидаться летом!

Ю.Казаков»

Седьмое письмо (рукописное) написано 10.07.66:

«Дорогой Ортье!

В этом году я так и не смогу наверное приехать – а хотелось бы! Но вот просьба к тебе такая – прими, пожалуйста, моих друзей Фёдора и Люсю Поленовых, покажи им ваши красоты, свози если найдешь время к себе в деревню, возьми на рыбалку, дай возможность им послушать какую-нибудь народную сказительницу и прочее.

Очень буду рад и благодарен, если ты что-то для них сделаешь, я им много говорил о тебе и о ваших местах.

Татьяна Смелякова со слезами на глазах вспоминала тебя и твой край, и я надеюсь, что ты приобщишь к Карелии еще двух друзей.

Будь здоров, дорогой, как только выйдет мой «Северный дневник» отдельной книгой, так пришлю тебе.

Всего самого доброго

здоровья и творческих

успехов.

Ю.Казаков

10.VII.66.»

Воспоминание о летней поездке 1961 года не отпускает Юрия Казакова, и он обращается к Артем Михайловичу: **«Новое просьба к тебе такая – прими, пожалуйста, моих друзей Фёдора и Люси Поленовых, покажи им ваши красоты, свози если найдешь время в себе в деревню, возьми на рыбалку, дай возможность им послушать какую-нибудь народную сказительницу и прочее.»**

«В этом году я так и не смогу наверно приехать - а хотелось бы!» так пишет Юрий Казаков в письме.

Федор Дмитриевич Поленов (1929-2000) - внук Василия Дмитриевича Поленова, второй директор усадьбы-музея «Поленово» - приехал в Калевалу 29 июля 1966 года. Ортьё Степанов к тому времени уже работал в Петрозаводске в редакции журнала «Пуналиппу». Поэтому уже сын Михаил Степанов организовал экскурсию Федору и Люсе Поленовым.

В письме упоминается переводчик Татьяна Валериановна Стрешнева-Смелякова, именно она познакомила Юрия Казакова и Ортьё Степанова. Сама она была в Ухте и Хайколя в 1960 и 1963 году. В качестве переводчика на русский язык Татьяна Стрешнёва работала над стихами Тайсто Сумманена, Яако Ругоева. В личном архиве Ортьё Степанова находится более сорока посланий: писем и открыток от Татьяны Смеляковой. Во многих из них она передавала привет от Юрия Казакова.

Восьмое послание – это открытка, подписанная от руки, с видом и планом «Абрамцево» (музея-усадьбы).

«12 дек 68 г.

Дорогой Артем! Извини, что пишу тебе на союз писателей, потерял твой адрес. У меня до тебя просьба – года два назад ко мне обратилась составительница сборника рассказов, статей, очерков и пр. – о Карелии. Сборник должен был выйти ещё в 67 году. Я послал им «Калевалу» и с тех пор – ни слуху, ни духу. Я к сожалению, забыл фамилию составителя, но если такой сборник появился, то ты бы должен о нем знать. Ответь мне. Я купил себе дом. Будешь в Москве, заезжай в гости!

Обнимаю твой Ю.Казаков

г. Петрозаводск

Карело-Финской АССР

Союз Писателей

Ортье Степанову

Ю.Казаков. Абрамцево,

Московск обл. поселок академиков,

дача 43»

Это было последнее письмо Юрия Казакова Ортье Степанову. Сборника, о котором говорится в письме, мы, к сожалению, не обнаружили, даже просмотрев «Летопись литературной жизни Карелии» за предыдущие и последующие годы.

Все письма, словно приложение к рассказу «Калевала», в них автор продолжает разговор с героями повествования в особой манере письма. Это и внимание к судьбе героев рассказа, и желание быть в курсе всех дел, искренняя радость за успехи пишущего человека, за общие успехи. И готовность поддержать в самые трудные минуты, когда Ортьё сетует на редакторов, на трудности печатания. Честное признание, когда нет возможности помочь, и призыв: **«Потерпи! я не могу сейчас осилить перевод»**.

В письмах автора подводит итоги своей поездки за «Калевалой»:

«Я очень рад обороту дела не зря я ездил к вам в Ухту.» (9 марта 1963 года);

«…и как рад был я, что встретил тебя, познакомился с тобой.» (22 сент.1965);

«Видишь какая штука получилась с Калевалой-то. Поистине счастливо было для меня то лето в далёком 1961 году.» (22 сент.1965)

«Рад буду, если очерк передадут по радио, как вы писали – и не столько за себя рад, сколько за Т.Перттунен и М.Михееву и за вас, поскольку о вас всех идет там речь.» (7 нояб. 1962 года);

Писем самого Ортьё Степанова у нас нет, чтобы ответить на многие вопросы, возникшие при прочтении посланий Юрия Казакова. Мы надеемся, что когда-то встретимся с ними.

У нас есть предположение, что не все письма Юрия Казакова попали в архив Ортьё Степанова. Но уверены – любое замечание такого мастера слова, как Юрий Казаков, очень помогло Ортьё Степанову в дальнейшей работе над своими произведениями. И тем более, он с огромным вниманием отнесся к напечатанному отзыву на свою повесть «Поединок в таёжной деревне», не случайно оказавшемуся в личном архиве писателя. И хотя он не имеет прямого отношения к очерку «Калевала», мы цитируем его здесь. **«…Наконец у меня есть замечание в адрес автора. В повести совершенно не присутствует Карелия! Удивительно, как А.Степанов не заметил этого крупнейшего просчёта. Дело не в том, что пейзаж в современной литературе играет весьма существенную роль…», «…лишний раз подчеркнул бы, что карельская земля, может быть даже больше, чем любая другая земля создана природой для тишины, для мирного труда, что война вторгшаяся в этот тихий край вдвойне преступна – как по отношению к человеку, так по отношению и к природе…»**[10]

У Казакова обостренное чувство изображения природы, именно поэтому обратил на это особое внимание. Ортьё Степанов в своих произведениях более скуп с природным описаниям: **«Обычна пейзажные зарисовки О.Степанова немногословны и лишь пунктиром намечают особенности карельской природы. Но, как правило, они созвучны душевному состоянию героев.»**[11]

[10] ОТЗЫВ о рукописи повести Артёма Степанова «Поединок в таёжной деревне». Перевод с финского Т.Викстрем и В.Машина. Личный архив Ортьё Степанова
[11] Ю.И. Дюжев Народный писатель Карелии Ортьё Степанов 2010 с.122

В заключении можно привести строки Юрия Казакова из очерка «Калевала»: **«…одно не забудется — не забудется Калевала и великий дух Вяйнемёйнена, осеняющий эту прекрасную страну, и имена сказителей, несших этот дух сквозь столетия.»**

А. Е. Фитисова,
МУ «Кондопожская центральная районная библиотека им.Б.Е.Кравченко»

Борис Кравченко: имя на литературной карте Кондопоги

Книги писателей-земляков очень востребованы и всегда находят живой отклик в сердцах людей. Они прививают любовь и уважение к истории и культуре родного края, помогают полнее ощутить и осознать связь литературы с жизнью. Главная задача библиотек в области литературного краеведения состоит в том, чтобы произведения писателей-земляков, живших в разное время на карельской земле, не были преданы забвению.

Кондопога на редкость литературный город. Здесь начинали свою творческую деятельность, такие известные на севере литераторы, как Марат Тарасов, Виктор Сергин, Владимир Данилов, Виктор Пулькин, Борис Кравченко. Но Борис Кравченко – единственный профессиональный писатель, который не только творчески начинал и развивался здесь, а прожил писательскую жизнь и навсегда остался в кондопожской земле. С 2008 года наша Кондопожская Центральная районная библиотека носит имя писателя Бориса Кравченко.

Известный карельский поэт Марат Васильевич Тарасов пишет о нем: «Борис Кравченко пришел в литературу по внутреннему зову: чтобы о тех, кто жил в нем, рассказать всем. И при душевной непосредственности и простоте его рассказы, как одежда, шиты на вырост – каждый по мере духовного взросления будет открывать для себя в них больше, чем сейчас».

Борис Кравченко родился 16 сентября 1945 года в г. Петрозаводске, в семье рабочего. Жизнь не баловала его с детства. Он рано лишился матери. Затем интернат, школа, где закончил семилетку, учеба в строительном училище, служба в армии. Кравченко рано начал свою трудовую жизнь. Работал на лесопунктах Карелии, Урала, монтажником на буровых в Тюменской области, водил грузовик, потом стал бульдозеристом, работа – тяжелая, изматывающая. Писатель много лет прожил в Кондопоге, работал на многих предприятиях города. Все это время, наряду с трудом физическим, он не оставлял труд писательский. Вот что вспоминал о нем журналист газеты «Новая Кондопога» Станислав Уманец: «Я однажды просидел с ним полсмены в бульдозере. Вибрация, грохот мотора, жара в кабине. Он рассказывал, что для того чтобы сдвинуть рычаг, стоит приложить участие в 15 кг, а за смену он проделывал это тысячу раз. Я ушел домой с гудящей головой, а он погнал свой бульдозер на стоянку – ехал на минимальной скорости на этом грохочущем звере», а дома была вторая смена – за письменным столом… Не менее изматывающая, не приносящая никакой пользы семье, но отнимающая все свободное время, которого и без того мало.

Он посылал свои рассказы в различные газеты и журналы, но очень часто получал отказы в публикациях, его критиковали за то, что пишет коротко, просили присылать рассказы страниц на 20-30, получал Борис Кравченко и упреки такого рода: мол стыдно русскому рабочему человеку писать, как какой-то Хэменгуэй…Но он не опускал руки, после очередного разгрома вновь садился за пишущую машинку и писал…

Борис Кравченко, как писатель складывался в 70-е годы. Основной жанр, в котором работал писатель – это рассказ. Его и стали в последствии называть мастером короткого рассказа. Без рассказов Бориса Кравченко невозможно рассматривать современный литературный процесс. Кравченковский рассказ блестяще демонстрирует динамизм, емкость и, перспективность этого жанра. Его рассказы просты и достоверны. Но простота эта обманчива. Он обладал каким-то неуловимым секретом психологического рисунка, что делало его рассказы живыми и пронзительными.

Главный герой его рассказов — человек. Человек добрый и злой, мужественный и слабый, равнодушный и ищущий душевного покоя, человек во всем многообразии характеров и судеб. Пишет Кравченко о том, что сам хорошо знает. Среди его героев – строители, шоферы, бульдозеристы, лесники. Люди, на первый взгляд, незаметные и скромные. В простых судьбах героев Кравченко отражаются проблемы современности, духовное ее состояние.

Первые рассказы молодого писателя были опубликованы в 70-х годах в газетах «Новая Кондопога», «Авангард» и «Комсомолец». Он пишет миниатюры и этюды.

.В апреле 1974 года молодого автора пригласили на совещание молодых писателей Карелии. Его рассказы вызвали интерес и в этом же году появились в 7-м номере журнала «Север».

В 1976 году рассказы Кравченко обсуждались на совещании молодых писателей Северо-Запада в Ленинграде и получили положительную оценку.

В 1979 году его пригласили в Москву на VII Всесоюзное совещание молодых писателей, куда попасть можно было, только пройдя республиканский или региональный отбор. Там, на совещании, Борис оказался в семинаре не менее известного писателя—Сергея Воронина. Успех превзошел все ожидания, Кравченко стал сенсацией! Его назвали лучшим молодым рассказчиком Советского Союза и пригласили на телевидение, и он выступил по первой программе. Издательство «Молодая гвардия» обещано издать книгу его рассказов. На заключительном заседании было принято решение рекомендовать Бориса Кравченко в члены Союза писателей, не дожидаясь выхода первой книги—настолько было очевидно его дарование. Но тогда его в СП не приняли. Своеобразный стиль автора часто не находил

положительного отклика в редакциях журналов. Некоторые «маститые» писатели напоминали ему о том, что у него и образования-то всего ничего — вечерняя школа, что он работает простым экскаваторщиком. Но он всю жизнь жадно тянулся к знаниям, как бы наверстывая упущенное. Интересовало его буквально все, о чем красноречиво говорит собранная им библиотека.

По совету Станислава Уманца, Борис Евгеньевич отправил свои рассказы известному писателю Юрию Нагибину и получил от него одобрительное письмо с просьбой прислать еще, Борис Евгеньевич ездил к нему, советовался. Юрий Нагибин писал о нем так: «Он самобытен до мозга костей, пишет лишь то, что знает по собственному опыту, своими собственными скупыми, точно поставленными фразами. Он долго, даже мучительно долго работает над каждым крошечным рассказом, добиваясь целомудренной краткости и полного соответствия слов сути изображаемого»

Впоследствии Юрий Нагибин станет его наставником и напишет о Борисе Кравченко так: «лаконизм письма» карельского прозаика, «собственный, а не заимствованный у кого-то способ излагать свои мысли и чувства», верность чеховской традиции. Он с энтузиазмом поддержал неизвестного молодого прозаика из провинции. Он поддерживал его личной перепиской, помог выпустить первую книгу «Забытое тепло» и написал в предисловии к ней: «Я верю в будущее короткого рассказа, который продолжает чеховскую традицию. Я верю в писательское будущее Бориса Кравченко». Первая книга рассказов вышла в 1981 году в издательстве «Карелия, включающая в себя 25 рассказов. А затем выходят еще 3 книги: « Такая вот история», была опубликована в 1982 году в Москве с предисловием В. Крупина, «Среди людей» и «Дополнительное расследование».

В середине 80-х годов в Чехословакии в солидном издательстве «Одеон» была выпущена прекрасно оформленная книга «Лучшие новеллисты 20 века» В ней был представлен и Борис Кравченко с рассказом «Объяснительная записка». Среди других авторов сборника – классики мировой литературы, как Джеймс Олдридж, Габриэль Гарсия Маркес и многие другие.

Героями рассказов были его современники. Из событий жизни он стремился выбрать главное, самые характерные приметы своего времени и на их фоне высвечивал характеры и поступки героев. Его палитра чувств и характеристик, которыми он наделял своих героев, была широка — это доброта и совестливость поступков, отзывчивость и человечность. Эти мотивы преобладают в его творчестве. Все его рассказы невелики по объему, за что ему часто доставалось от собратьев по перу, Но буквально на нескольких страницах Борису Кравченко удавалось показать развернутую картину событий, а его герои уже с первых слов и эпизодов становились живыми людьми, со своим голосом, жестами и внутренним миром. Сам Борис

отмечал, что в его рассказах 2-3 действующих лица. «Если больше — мои герои становятся неуправляемыми» - признавался в интервью Кравченко.

В 1987 году Борис Краченко был принят в Союз писателей СССР. Жизненным источником творчества Б. Кравченко стал личный опыт писателя. Рассказы писателя невелики по объему, но на нескольких страницах удается показать целый мир, где есть характеры, судьбы, время. В них уловлены мгновения человеческой жизни с ее противоречиями и неожиданностями. В его произведениях поражает любовь к человеку. Через некоторое время он становиться слушателем Высших литературных курсов в Москве. Но жизнь обрывается на полпути в 45 лет… А сколько бы еще успел… Борис Кравченко умер 28 июня 1990 года.

Борис Кравченко – явление уникальное, За 10 лет активной творческой работы он многое успел, оставил заметный след в карельской литературе.

В 1993 году наша землячка – Людмила Кочеганова, учредила премию имени Бориса Кравченко, которая была вручена трем лауреатам, благодаря усилиями администрации Центральной Районной Библиотеки с 2011 года вновь было утверждено положение о присуждении районной литературной премии имени Бориса Кравченко. Лауреатами премии стали – в 2011г. - Э.Колядич, 2012г. - В.Лопаткин, 2013г. – С.Харитоненко, Е. Теплищева и в 2014 г литературный клуб «Северный ветер», 2015г. – А.Соснова, 2016 г.- Валфрид Тихомиров.

В 1995 году к 50-летию со дня рождения писателя, был издан новый сборник его рассказов «Письмо». Рукопись была подготовлена еще при жизни автора, но так и не была напечатана, благодаря усилиям творческой общественности книга увидела свет. В предисловие к его книге Елена Маркова написала: «Есть бытовая проза. Её герои из глины и навоза, мыльной пены и теста лепят свою и чужую жизнь. Хорошо и как придется. У кого как получается. Есть интеллектуальная проза, герои которой рассуждают о смысле жизни, поднимают вопросы. Те самые, что не поставить нельзя и разрешить невозможно. Кравченко взял да все перемешал. Его герои из этой самой что ни есть простой жизни. Те, кто строит и сеет, варит и стирает. Но писатель застает человека в тот момент, когда его настигают вечные вопросы, на которые он, как ни силился, не сможет найти ответ и мучается из-за этого».

Сотрудники Центральной районной бибилиотеки активно пропагандируем творчество Б. Кравченко особенно среди школьников. Его творчество изучают в некоторых школах города.

2005 год, наша библиотека объявила годом Бориса Кравченко в библиотеке. Была проведена большая работа: мы провели первые Кравченковские чтения, литературный вечер, подготовлены книжные выставки и викторины. Тогда же наша библиотека обратилась к администрации с ходатайством о присвоении нам имени Бориса Кравченко. Затем вышел сборник материалов о жизни Б.Е. Кравченко: «Жил в Кондопоге писатель».

Затем в 2007 вышла в свет еще одна книга «Открытая дверь», в которую вошли ранее не опубликованные рассказы автора, но и лучшее из опубликованного.

Мы ищем современные, интересные сегодняшнему поколению формы работы, которые были бы востребованы. Но не забываем и старые формы работы, например громкие чтения, которые прошли на «Ура».

Особенно актуально, а теперь уже традиционно, стало проведение Малых Кравченковских чтений, посвященных истории и культурному наследию Кондопоги и Кондопожскому району. Интересны и ценны они тем, что при подготовке данных чтений открываются неизученные и неизвестные страницы из истории нашего города и района, судьбы людей, а каждые пятые посвящены Б. Кравченко.

Бориса Кравченко нет с нами уже много лет, но время не умаляет, а только весомость сделанного им. Поистине, большое видится на расстоянии.

Раздел 4. Секция Социокультурные группы в Карелии : штрихи к истории

А. В. Понуровский,
историк-краевед (г. Олонец)

Роль представителей городских и земских властей, общественности в социо-культурном развитии Олонецкого уезда (района) XIX - первой половины XX в.в.

Местное самоуправление и общественность всегда играли важную роль в социо-культурном развитии общества. Представители земства и общественности оставили «свой след» и в истории Олонецкого уезда (района). Благодаря их стараниям в городе появились больница, библиотека, богоугодные заведения (богадельни). Развивалась система уездного образования и здравоохранения.

Одним из таких людей является основатель городской больницы, благотворитель и купец 2-й гильдии Филимон Максимович Метлинский. 16 декабря 2016 года исполнилось 230 лет со дня рождения этого замечательного человека, многое сделавшего для развития города и района.

I. Купец. Городской голова. Благотворитель.[1]

Родился Филимон Метлинский в 1786 году. Скорее всего, Метлинские были выходцами с северной Архангельской губернии. Семья занималась торговлей с центральными губерниями, поставляли туда рыбу, соль, лес. Вывозили с центра - хлеб, инвентарь, ткани, украшения, колониальные товары. Молодой купец женился и перебрался ближе к столице - в г. Олонец. Торговля хлебом процветала. Со временем Метлинский заслужил уважение и признание среди местного населения, он вошёл в число тех, кто был удостоен правом торговли по всей территории Российского государства. Становится купцом 2-й гильдии. Он активно занимается выделением средств «на благие дела».

В середине 1820-х годов Филимона Максимовича избирают Олонецким городским головой. Купец активно стал вникать в городские проблемы и по мере их возникновения решал их.

[1] Понуровский, А. Купец. Городской голова. Благотворитель. К 230-летию со дня рождения Филимона Метлинского / Андрей Понуровский // Олония. - Олонец, 2016. - 14 декабря (№ 49). - С. 5.

Принимал посетителей, посещал учебные и духовные заведения. В этой должности он продолжил заниматься благотворительностью. Так в 1829 году при поддержке и финансовой помощи Филимона Максимовича в г. Олонце была устроена первая больница. Размещалась она в центре города, в одном из купеческих домов. Позже было построено специальное отдельное здание *(это здание не сохранилось, и было разобрано, а в 1895 году на берегу р. Олонки было выстроено новое здание больницы, которое существует до сих пор).* В город был приглашен первый доктор, им стал лекарь по фамилии Ольбрихт. Это стало началом активного развития медицины в Олонецком уезде. Деятельность олонецкого городского головы была замечена нетолько в губернском г. Петрозаводске, но также и в столице. Об активном купце узнал и сам император Николай I. Он посчитал необходимым выделить заслуги Ф. М. Метлинского и своим личным указом наградил купца золотой медалью за службу.

Годы летели быстро, подросла и дочь Ирина, Филимон Максимович нашёл ей такого же как и он активного молодого человека - Василия Кузнецова. В г. Олонце состоялись свадебные торжества, молодая пара получила от родителей хороший новенький дом на берегу реки. *(Василий Фёдорович Кузнецов также будет радеть за родной город, на его средства в 1861 году будет учреждена Олонецкая библиотека, а после отставки тестя с поста городского головы он займёт эту должность).* От этого брака родилась дочь Мария.

В 1830-е годы в городе не был решен вопрос с тем, как необходимо помогать бедным и неимущим горожанам. Вопрос социальной поддержки населения. Пенсий и пособий тогда ещё не было, да и выделяло государство их только высшим и служивым сословиям. Так было принято решение об учреждении Попечительского комитета. 27 июня 1836 года в г. Олонце состоялось первое заседание «Попечительского комитета для раздачи денежных пособий бедным и престарелым местным жителям из капитала, пожертвованного неизвестным благотворителем». К 1840 году сумма пожертвования составила 16 167 рублей 92 $^{6/7}$ копейки. Это были очень приличные по тем временам деньги. Через несколько лет в городе откроется и первое богоугодное заведение - богадельня.

Последние годы городского правления Метлинского также оставили свой след в истории. Было принято важное решение по предложению местных торгующих крестьян, которые просили дать возможность открытия собственных лавок при жилых домах, а не в торговых рядах. 21 мая 1837 года городские власти дали разрешение местным жителям строить в городе 2-этажные дома. Город постепенно стал застраиваться и расширил свои границы. В новых двухэтажных домах стали размещаться не только лавки, но и «номера». Появились первые частные постоялые дворы. В это время для помощи местным заключенным создаётся тюремный комитет, куда вошли и представители местных купеческих фамилий. В 1838 году в г.

Олонце открылась первая частная школа олонецкой мещанки Феоклисты Макаровой. Это была новая страница в истории города.

Но были и свои печали. В 1837 году после 25 лет совместной жизни скончалась любимая жена Стефания. Здоровье Филимона Максимовича тоже постепенно начинало ухудшаться. В 1838 году он принимает решение отказаться от участия в очередных выборах городского головы и слагает с себя полномочия. При этом уже бывший голова выдвигает на этот пост своего зятя молодого купца Василия Кузнецова. При этой поддержке олонецкое консервативное купечество принимает решение избрать головой Василия Фёдоровича (он будет трижды с перерывами избираться на эту должность). Сам Филимон Максимович отходит от городских и торговых дел, он подготовил себе достойного приемника и теперь мог спокойно доживать оставшиеся дни.

Весенним днём 16 апреля 1840 года город облетела печальная весть. В один час по полуночи у себя дома скончался бывший городской голова Филимон Максимович Метлинский. Через три дня состоялись отпевание и похороны, на которые явились практически все жители города. Городской голова был захоронен у Успенской церкви на городском кладбище рядом со своей супругой Стефанией. На надгробном памятнике написано, «он был добрый согражданин и друг человечества, служил обществу градским главою, за каковую усердную службу всемилостивейше награждён от щедрот царских золотою медалью».

В памяти олончан Филимон Максимович остался, прежде всего, как городско голова - благотворитель и один из основателей Олонецкой больницы.

Но на этом история Метлинских не заканчивается, потомки Филимона Максимовича оставили о себе не малый след в истории города и уезда. Внучка купца - Мария Васильевна вышла замуж в Санкт-Петербург за купца Соболева. После смерти мужа продолжила его дела и «сколотила» хороший капитал. Именно благодаря Марии Васильевне в городе появилось женское училище. Размещалось оно во флигеле бывшего купеческого дома Серебряковых, где когда-то останавливался на ночлег император Александр I. Интересно то, что в конце 1920-х годов купеческий дом сгорел, а флигель стоит до сих пор. В XX веке там размещались детские ясли и станция юных натуралистов, а сейчас - вновь жилой дом. Мария Васильевна вышла замуж за молодого петербургского инженера Константина Чертова, который быстро занялся купеческим делом и владел

несколькими пароходами, доставляющими грузы и пассажиров по р. Свири. Дочь Чертовых - Мария вышла замуж за царского офицера полковника Владимира Андреевича Текстера. От этого брака родилась дочь - Елизавета Владимировна Текстер-Проскурякова, работавшая в 1920-е-30-е годы в школах города.

Представители общественности также как и местные власти внесли свой вклад в развитие Олонецкого уезда (района). Среди таких общественников необходимо упомянуть первых библиотечных работников г. Олонца.

II. Первые библиотекари Олонца.[2]

Весной прошлого 2016 года Олонецкая национальная библиотека отметила своё 155-летие. Создана она была в далёком 1861 году. В то десятилетие стране активно шли реформы, радикально изменившие жизнь россиян. Крестьянская, земская, городская и многие другие…

В то же время в стране создаются органы местного самоуправления – земства. Новые органы власти стали курировать решение местных хозяйственных, социальных вопросов. Необходимо было вести пропаганду земских начинаний среди местного населения. В 1861 году при поддержке местного купца Василий Кузнецова в городе появляется первая библиотека-читальня. Первым библиотекарем становится земский учитель Константин Евлентьев.

Земский учитель Константин Григорьевич

В далёком от Олонецкой губернии г. Оренбурге проживала семья Евлентьевых. Это были служивые люди, мещане. Именно в этом семействе в 1824 году родился мальчик, нарекли которого Константином *(перевод с латинского «постоянный, стойкий»).* Мальчик отличался незаурядным интересом вникать во все вопросы целиком и доходить не без преодоления трудностей до их решения. Костя поступил в местную гимназию, затем с переездом в г. Казань продолжил обучение там. Учился он хорошо, в учёбе он постоянно находил что-то новое.

После окончания казанской гимназии Константин Евлентьев получил там же место преподавателя словесности и остался уже в новом качестве. Он начал активно заниматься разными научными изысканиями. В своей деятельности Константин Григорьевич добился

2. Понуровский, А. Первые библиотекари Олонца / Андрей Понуровский // Олония. - Олонец, 2016. - 2 ноября (№ 43). - С. 5.

определённых успехов. Он активно пропагандировал научные знания среди своих учеников. Выдвигал научные гипотезы и теоретические обоснования в области русской словесности. Его заметили в научном сообществе и стали оказывать помощь в публикации статей, в организации выступлений перед студентами и гимназистами. В 1854 году состоялось заседание Казанского императорского экономического общества, одним из вопросов было избрание новых членов организации. Так Константин Григорьевич Евлентьев получил своё научное признание и стал членом-сотрудником этого общества.

В 1857 году его переводят в качестве преподавателя русского языка в столицу - г. Санкт-Петербург. Евлентьев сменил несколько учебных заведений, а через некоторое время получил новое распределение в «подстоличную Сибирь». Нет, это была не ссылка, а возможность продолжать вести научную пропаганду среди жителей северной Олонецкой губернии. Так в 1861 году в уездном городе Олонец появился молодой педагог. Служить он стал в местном уездном училище, где преподавал в течение следующих двух лет. Тогда же руководство Олонецкого земства утвердило на посту первого заведующего народной библиотекой кандидатуру прибывшего из столицы педагога. Константин Григорьевич сразу же принялся за дело, на деньги местного купечества были приобретены первые библиотечные книги и оформлена подписка на столичные издания. В библиотеке также организовывали лектории и проводили вечера.

Время шло быстро, и через два года Константин Евлентьев получил чин коллежского секретаря и был переведён на новое место службы. Он был направлен преподавателем русского языка в Островского уездного училища Псковской губернии. Ещё через год в 1864 был избран действительным членом Псковского губернского статистического комитета. В 1867 году Константин Григорьевич завершил преподавательскую деятельность и поступил служить в Псковский губернский статистический комитет. В 1870 – 1880 годах он трудится архивариусом Псковского окружного суда.

Новые должности не заставили учёного отказаться от научной деятельности. Он постоянно стремился отыскать что-то новое, давно позабытое. В древнем г. Пскове оставалось много тайн и легенд. Константин Григорьевич стал инициатором восстановления деятельности Псковской публичной библиотеки, он устроился работать при ней библиотекарем. Там ему предстояло открыть множество интереснейших древних исторических источников. Так, например, ему удалось обнаружить в собрании Псково-Печерского монастыря «Слово о погибели русской земли» XIII века. Это произведение сейчас является одним из «столпов» древнерусской литературы.

В 1872 году Евлентьева избрали членом объединения ревнителей псковской старины – Археологической комиссии. Тогда же он был награждён бронзовой медалью Московской

политехнической выставки (1872). Константин Григорьевич являлся членом Московского Археологического общества. В 1878 году за свои научные изыскания он получил от великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича в знак признательности награду - золотую булавку с драгоценными камнями. К. Евлентьев является автором 120 научно-популярных, исследовательских публикаций в газетах «Псковские губернские ведомости» и двух монографий: «Археологическая записка о Поганкиных» и «Для исследователей Псковских подземелий».

В 1882 году Константин Григорьевич вновь сменил место жительства и перебрался в г. Санкт-Петербург. Он был женат, имел дочь. Но судьба сыграла с ним злую шутку, и скончался учёный в 1885 году «в бедности и безвестности».

Её звали Ольга

В начале нового XX века в г. Олонце располагались три постоялых двора. Один на Вонгальской улице и два - на Орловской. Владельцы двух из них Мария Осипова и Алексей Сергеев решили породниться и возможно в дальнейшем объединить общее дело. Так состоялась свадьба Ильи Осипова и Натальи Сергеевой. Молодая семья перебралась в дом на центральной Орловской улице. Родились дети - Павел, Александра, Ольга. Как раз в это время Олонецкий уезд был охвачен боевыми действиями, в 1919 году не стало владелицы постоялого двора Марии Осиповой (Алексей Сергеев скончался до начала революционных событий). Таким образом, дело Осиповых-Сергеевых продолжение не имело. Их потомки отметились в других сферах.

Илья Игнатович Осипов занимался ремеслом и крестьянством. За это время дети подросли, старший Павел пошёл по комсомольской линии. Он работал в Олонецкой типографии и предвоенные годы даже возглавил её. С первых дней войны Павел вошёл в группу олонецких подпольщиков и редактировал местную подпольную газету. Финнам удалось взять его в плен, и после пыток он был расстрелян на городской площади, на глазах своей матери. Павла не стало в 1942 году, погиб он, защищая родную Карелию. Александра Ильинична получила агрономическое образование и трудилась агрономом на сельхозпредприятиях Олонецкого района, представляла в г. Москве интересы своих земляков в качестве депутата Верховного Совета.

Ольга Ильинична Осипова родилась в 1921 году. После окончания 8 класса устроилась на работу библиотекарем и скоро стала заведующей Рыпушкальской библиотекой. Спустя год,

Ольгу Ильиничну назначили на должность заведующей Олонецкой детской библиотекой (1937-1941 г.г.). Она очень любила своё дело и активно помогала детям в поисках новых литературных приключений. Но война нарушила весь распорядок вещей.

Погиб брат Павел, серьёзно заболела мать ….

В 1945 году Ольга вновь устроилась библиотекарем, а в мае 1946 года стала заведующей Олонецкой районной библиотекой. Вскоре в г. Олонце Ольга познакомилась с молодым офицером капитаном Яковом Шевелёвым, которого назначают руководить кинофикацией района. Появилась молодая семья. В 1947 году пары рождается дочь Галина. Спустя два года Шевелёвы решают радикально изменить свою жизнь и переезжают на родину Якова Гурьяновича в Алтайский край.

На Алтае Ольга Ильинична вновь устроилась библиотекарем, а Яков Гурьянович продолжил трудиться в сфере кино и культуры. Но счастливая жизнь семьи была прервана болезнью Ольги, в 1960 году её не стало. Яков Гурьянович в 1962 году с семьёй переехал в г. Камень-на-Оби, где и продолжил трудиться в сфере кинофикации. В 1998 году его не стало. Дочь – Галина педагог по образованию всю жизнь проработала в краеведческом музее, заведовала местной картинной галереей.

На протяжении многих десятилетий в истории Олонецкого края встречались люди, которые внесли значительный вклад в развитие и процветание своей Родины. Нам необходимо помнить и не забывать об их деятельности…

Д. С. Трофимов,
Магистрант ЛГУ им. А.С. Пушкина

Крестьянское движение в Повенецком уезде (1917-1918 гг.)

В начале XX века крестьянское движение в Повенецком уезде Олонецкой губернии, как и на всем Европейском Севере России, носило стихийный характер. Крестьянство вело борьбу, прежде всего, за улучшение своего экономического положения, обычно это выражалось в подаче жалоб и прошений, но уже время Первой мировой войны стали преобладать более активные формы борьбы: отказы от уплаты платежей и несения повинностей, лесные порубки, захваты пахотных земель и лугов.

Формы крестьянского протеста в годы революции и Гражданской войны определялись социально-экономическими условиями, сложившимися в уезде к 1917 году. Не смотря на кратковременный период действия столыпинского аграрного законодательства в Повенецком уезде, развитие капиталистических отношений и расслоение крестьянства в 1911-1916 гг. проходило относительно быстро. Зажиточное крестьянство уезда, благодаря близости Финляндии, получало большую прибыль с торговли. К 1917 году, в уезде сложились целые торговые династии. Например, Династия Буториных имела свои торговые точки в Мяндусельской и Поросозерской волостях, оборот их достигал 17 тысяч рублей. Свое хозяйство Н.Т. Буторин и Ф.И. Буторин создали благодаря выгодной скупке и обмену земли у своих соседей. Находясь в трудном экономическом положении, многие крестьяне уезда были вынуждены прибегать к их услугам: обменивали свои хорошие и большие участки земли на неудобные и маленькие ради компенсации хлебом или деньгами [1, л. 98-102; 6, с. 122].

Приграничная близость Финляндии и ее аграрный опыт, в данном случае, играли большую роль. К 1916 г. из общины выделилось 178 хуторов и отрубов, что составило 3,3 % к общему числу крестьянских хозяйств уезда. В Петрозаводском и Пудожском уездах эта доля составляла лишь 0,1%. К 1917 г. 1329 домохозяев Повенецкого уезда получили земли в личную собственность [9, с. 58, 320].

С другой стороны, к 1917 году в уезде возросло число бедняцких хозяйств. Построенный еще в XIX веке, чугунно-литейный завод в с. Святнаволок закрылся и большая часть крестьян (около 100 дворов) остались без средств к существованию. В условиях малоземелья, многие жители были вынуждены батрачить у местных зажиточных крестьян или уходить на отхожие заработки. Развитие капиталистических отношений в деревне, привело к возникновению противоречий внутри крестьянства и разложению общины [1, л. 98-102].

Характер крестьянского протеста в уезде в первой половине 1917 г. менялся медленно – сказывалась удаленность края от социально-экономических центров и крайне низкий уровень развития транспорта и связи. Несмотря на декларацию Временного правительства, в уезде сохранялся дореволюционный состав земских собраний до апреля 1917 г. Неспособность земских органов решить продовольственные и земельные проблемы лишь подталкивали крестьянство к новым выступлениям [2, с. 39].

В апреле началось выступление крестьян Богоявленской волости. Крестьяне деревень Листегуба, Петельнаволок и Кяргозеро отказались выполнять распоряжения волостного правления и земской управы. Также перестали нести какие-либо повинности и выплачивать подати [3, с. 55].

5 апреля состоялся волостной сход крестьян Шуньгской волости, на котором присутствовало 70 человек из 109 имеющих право голоса. На собрании решено было арестовать бывшего земского начальника Рооппа А.А. и члена управы Гайдина С.А. Крестьяне вынесли арестованным обвинения во «вредной для народа деятельности». Без внимания схода не остались и бывший урядник, и стражник: им было предъявлено требование покинуть пределы волости [2, с. 38].

Для борьбы с крестьянскими выступлениями весной в Повенце был создан уездный Комитет Общественной Безопасности. В его обязанности входило следить за соблюдением законности и порядка в уезде, членами КОБа уезда предпринимались попытки «успокоить» крестьянские волнения, заставить вновь нести повинности и платить подати [2, с. 41].

Весной 1917 года крестьянское движение стало принимать организованные формы. В деревни стали возвращаться фронтовики, знакомившие местное население с политической обстановкой в стране. В это время в уезде возникают партийные группы социал-демократов, социалистов-революционеров и кадетов. Таким образом, политическая агитация придавала крестьянскому движению организованность.

20 - 23 мая 1917 года прошел первый съезд крестьянских депутатов Олонецкой губернии, на съезде присутствовало 125 делегатов, большая часть участников съезда были беспартийными. 22 мая 1917 года съездом было принято решение об отстранении губернского комиссара И.Ф. Кучевского от занимаемой должности. Съезд высказался за ликвидацию частной собственности на землю и передачу ее в общественную собственность без выкупа, на основе трудовой нормы. Съезд решил дать местным земельным комитетам и Советам право устанавливать временные земельные отношения и удовлетворять наиболее нуждающихся в земле, до решения Учредительного собрания. Обсуждался вопрос снабжения продовольствием голодающих Ребольской и Поросозерской волостей, особое внимание уделялось деятельности и составу будущих земельных комитетов [3, с. 77].

Летом 1917 года крестьянское движение в уезде продолжало нарастать, основной формой крестьянской борьбы продолжали оставаться покосы на казенных землях, самовольные расчистки лесов и столкновения беднейшего крестьянства с зажиточной его частью [2, с. 78].

Волостные земельные комитеты стали новой формой организованной крестьянской борьбы в уезде. Крестьянами был создан уездный земельный комитет в Повенце, отдельные земельные комитеты действовали в волостях и отправляли своих представителей в уездный комитет, решения этих крестьянских организаций носили форму постановлений.

В августе Ругозерский волостной земельный комитет, а вслед за ним и уездный, приняли решение безвозмездно передать всю надельную, государственную, церковную, монастырскую, частновладельческую, кабинетскую и удельную землю в общественную собственность, не дожидаясь решения Учредительного Собрания. Постановление Ругозерского волостного комитата от 18 августа уравнивало мужчин и женщин в правах землепользования, декларировало бесплатное получение земельного надела для всех крестьян и распределение угодий на принципах равенства, по числу душ обоего пола. Частная собственность и аренда пахотных, сенокосных и других угодий отменялась, а пользование казенными угодьями стало бесплатным [2, с. 83].

Стихийный захват земель, расчистка лесных угодий и покосы в уезде вызывали резкую критику со стороны губернского земельного комитета. Местным земельным комитетам неоднократно предписывалось вести агитацию среди крестьян против самовольных действий и перераспределения собственности. Крестьянам не забывали напоминать, что единственным хозяином, который может распорядиться землей, является Всероссийское учредительное собрание [2, с. 77, 80].

К началу 1918 года в уезде особо остро стоял продовольственный вопрос, полный развал хозяйства создавал реальную угрозу голода для местного населения. Ответом на бездействие местной администрации крестьяне уезда, вначале стихийно, а затем и организованно стали переходить на сторону Советской власти.

Наиболее активно действовали крестьяне Поросозерской волости. 18 января представителями крестьян из деревень: Ушкалы, Ройкнаволока, Гимолы, Клюшиной Горы, Пузамгубы, Острова, Легмалы, Антонова Острова, Васильевой Горы, Кудамгубы, Лубосалмы, Соймогубы и Свиной Горы на общем собрании признали власть Совета Народных Комисаров. Крестьяне волости верили, что именно Совет Народных Комисаров боролся за улучшение положения беднейшего крестьянства [3, с. 188].

Решительности местному крестьянству добавили резолюции, принятые на III губернском съезде крестьянских депутатов, проходившего в Петрозаводске в январе-феврале 1918г. На

этом съезде большинство крестьян приняло решение признать Советскую власть, приступить к формированию советов на местах и, наконец, реализовать земельный передел [3, с. 113-116].

В отличии от Олонецкого и Петрозаводского уездов, здесь, в Повенецком уезде в начале 1918 года продолжали действовать земские органы власти. 30 января было созвано очередное уездное земское собрание, в его работе принял участие уездный комиссар Временного правительства кадет Верховский П.М. Собравшиеся представители волостей не были заинтересованы в скорейших аграрных преобразованиях и не разделяли требований беднейшего крестьянства уезда, но под давлением общественности уездное земское собрание признало Советскую власть 14 февраля 1918 года [10, с. 158].

23 февраля в Повенец вернулась делегация из Петрозаводска, которая доложила земскому собранию о признании Советской власти повсеместно. На следующий день вновь открылось заседание уездного земского собрания, оно приняло решение о созыве съезда представителей карельских волостей Повенецкого уезда. В работе собрания активное участие принимали сторонники «Карельского просветительского общества», их волновало, прежде всего, отношение крестьянства уезда к Финляндии. Для формирования Уездного Совета земское собрание распорядилось выслать волостным управам в Повенец своих представителей, в это же время волостными управами готовилась почва для организации местных Советов [10, с. 158; 7, с. 57].

Первое собрание Повенецкого уездного Совета состоялось 27 февраля 1918 года. Решением собрания было отдать 30 из 50 мест в Совете представителям волостей, а остальные 20 – представителям партий и других организаций. Волостные советы, в соответствии с решением собрания, лишь на половину должны были состоять из рабочих и крестьян, остальные места предназначались интеллигенции, представителям партий и земельных комитетов, фронтовикам в волостном Совете предоставлялось всего 2 места из 50 [11, с. 35-36].

На протяжении 1918 года местное крестьянство вело борьбу за передел земли в рамках волостных советов, созданных в марте-апреле, в которые входили в основном представители сельской буржуазии. Уездные советы были сформированы таким образом, что в них практически не попали представители беднейшего крестьянства. В Повенецком уезде руководство исполкомом уездного Совета до осени 1918 г. оставалось в руках левых эсеров [7, с. 72].

Летом 1918 в Повенец прибыли коммунисты Белгорайского полка, оказавшие помощь местной большевистской организации. Повенецкая ячейка РКП(б) была создана при активном участии В.Т. Гурьева, Н.П. Гарлоева, Ф.Е. Поттоева, С.В. Семенова в августе 1918 года. В числе первых волостных ячеек партии большевиков была Шуньгская ячейка [8, с. 89].

Однако, уже 21 марта 1918 года на территорию уезда вторгся вооруженный белофинский отряд – началась военная интервенция. Ликвидация интервентами советских органов власти на оккупированных территориях вынуждала беднейшее крестьянство становится на защиту своих интересов с оружием в руках. В ответ на вторжение бело-финских войск в Ребольскую волость, весной 1918 года начали формироваться вооруженные крестьянские отряды, в Повенец стали приезжать крестьяне из пограничных с Финляндией деревень с целью получить продовольствие и оружие для организации вооруженных отрядов. Уездный центр под руководством председателя уездного исполкома В.Т. Гурьева оказывал поддержку формирующемуся движению [4, с. 78; 5, с. 32, 54].

К концу 1918 года, в связи с началом иностранной интервенции в крае и ужесточением политики большевиков, крестьянское движение стало принимать форму крестьянской войны, что позволяет выделить последующий период как отдельный.

Таким образом, в 1917-1918 годах кардинально изменился характер крестьянских выступлений. Если в годы Первой Мировой войны крестьянское движение на Европейском Севере России и, в частности в Повенецком уезде, носило стихийный характер: крестьянство вело борьбу за землю и лес, против податного и налогового гнета, против административных и полицейских органов власти, против усиливающейся капиталистической эксплуатации внутри крестьянства [12, с. 42], то в рассматриваемый период крестьянский протест становится политическим и организованным. Крестьянское движение принимает революционный характер благодаря организаторской деятельности партий эсеров, меньшевиков и кадетов в 1917 году, а уже в 1918 году становится одним из главных факторов, повлиявших на политическую жизнь края.

Список использованной литературы.

1. Архив Карельского Научного Центра РАН, Ф. 1, Оп. 20, Д. 52.
2. Борьба за установление и упрочнение Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957.
3. Великий Октябрь в Карелии: хроника, документы, воспоминания, исторический очерк. Петрозаводск, 1987.
4. За Советскую Карелию, 1918-1920: Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.
5. Килин Ю.М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918-1922 гг. Петрозаводск, 2012.
6. Кораблев Н.А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX - начале XX вв. Петрозаводск, 2014.
7. Очерки истории Карелии, Т. 2. Петрозаводск, 1962.
8. Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974.

9. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906-1917 гг.): документы и материалы. Петрозаводск, 2013.

10. Рядовые революции: воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии и рассказы о революционерах. Петрозаводск, 1988.

11. Советы Карелии, 1917-1992: документы и материалы. Петрозаводск, 1993.

12. Чупров В.И. Классовая борьба в северной деревне (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии) в годы нового революционного подъема (1910-1914 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: (социально-экономические проблемы). – Петрозаводск, 1988.

Г. В. Иванова,
аспирантка ИЯЛИ КарНЦ

Тема традиционной дорожной культуры в трудах дореволюционных исследователей и путешественников Карелии[1]

Традиционная дорожная культура карелов XIX – первой трети XX вв. представляет собой широкий комплекс духовных и материальных составляющих культуры этноса, связанных с дорогой и передвижениями. Раскрывая понятие «дорожной культуры», следует обратиться к Т.Б.Щепанской, которая под данным определением предлагает понимать «комплекс этнических традиций - обычаев и норм поведения, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями. Сюда входят: материальная культура (придорожные жилища, дорожная одежда и снаряжение, пища, средства передвижения), духовная (обряды и представления), соционормативная (статусы и нормы поведения дорожных людей, структуры сообществ)»[2].

В качестве самостоятельного направления дорожная культура выделилась в этнографической науке относительно недавно. На сегодняшний день ведущими исследователями данного направления являются – упоминаемая выше Т.Б. Щепанская, осветившая вопросы духовной составляющей дорожной культуры русских, М. И. Васильев, исследовавший сухопутные коммуникации и скользящий транспорт русских в исторической ретроспективе, А.В. Матвеев, подвергший сравнительно-историческому анализу традиционную культуру путешествий русских и татар Среднего Прииртышья, А.В. Головнев, изучающий мобильность арктических народов. Комплексных исследований по дорожной культуре карелов не проводилось, изучались ее отдельные составляющие: в частности, Р.Ф. Тароева представила этнографическое описание способов и средств передвижения у карелов в дореволюционное время[3]; Н.А. Кораблев описал и охарактеризовал традиционные промыслы карелов[4], в число которых входят и дорожные промыслы. Необходимо отметить и научно-популярную работу «Дороги Карелии с древнейших времен до наших дней»[5], в которой представлена история развития дорожного строительства и дорожного управления в Республике.

---

[1] Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН *«Евразийское наследие: новые смыслы»*, проект *«Вепсы и карелы в Евразийском полиэтничном пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей»*.

[2]Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв.-М.:»Индрик».-2003.- 8 – 9 С.

[3]Тароева, Р.Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX-начало XX вв.) / Р. Ф. Тароева // Вопросы истории Карелии. - Петрозаводск, 1959. - С. 39-51

[4] Кораблев Н.А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии, вторая половина XIX – начало XX в.-Петрозаводск.:ПетроПресс, 2009.-64с.

[5]Дороги Карелии: С древнейших времен до наших дней. - СПб. : Лики России, 1999. - 197с.

Одним из основных источников по изучению культуры карелов в XIX – первой трети XX вв. являются труды путешественников и исследователей, посещавших Олонецкую губернию с разными целями и в разные годы. Нельзя сказать, что данный вид источника является неизвестным. Напротив, труды путешественников не раз привлекали внимание этнографов и краеведов Карелии. Например, к ним обращалась Р.Ф.Тароева, считая первыми шагами на пути изучения карелов, а также В.В. Пименов и Е.М. Эпштейн, которые представили историографический обзор трудов русских путешественников и исследователей[6] с подробными комментариями.

В статье ставится задача рассмотреть вклад двух русских дореволюционных исследователей и путешественников Карелии – Н.Я.Озерецковского и М.А.Круковского в изучение традиционной дорожной культуры карелов.

Н. Я. Озерецковский – русский учёный, естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук, летом 1785 года был направлен в экспедицию по Ладожскому и Онежскому озерам[7]. Цель данной экспедиции заключалась в изучении и описании природных богатств. Но, как отмечает В.В. Пименов, основной темой сочинения Озерецковоского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому…» стала «не природа края, а народ, его быт, культура, нужды, занятия»[8].

Маршрут Н. Я. Озерецковского был проложен по водным путям сообщения: из г. Санкт-Петербурга по р. Неве он добрался до г. Шлиссельбурга, далее по оз. Ладожскому посетил о. Коневец, г. Кексгольм, о. Валаам, города Сердоболь и Олонец, по р. Свирь он поднялся до оз. Онежского и посетил г. Петрозаводск, водопад Кивач, города Повенец и Вытегру и через р. Свирь вновь попал в оз. Ладожское и вернулся в г. Санкт – Петербург[9].

М.А. Круковский – русский писатель, фотограф, географ и этнограф, по предложению Академии наук в 1899 году посещает Олонецкую губернию с целью исполнить фотографические работы и составить альбомы видов и типов населения Олонецкой губернии для Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого[10].

Маршрут М.А. Круковского в большей степени проходил по сухопутным дорогам. Из г. Санкт-Петербурга по оз. Ладожскому и по р. Свирь до г. Лодейное Поле исследователь

---

[6] Пименов, В. В. Русские исследователи Карелии, (XVIII в.) : очерки / В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн.- Петрозаводск : Госиздат Карел. АССР, 1958. - 195 с.

[7]Озерецковский, Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / Н. Я. Озерецковский. - Петрозаводск : Карелия, 1989. – 13С.

[8] Пименов, В. В. Русские исследователи Карелии, (XVIII в.) : очерки / В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. - Петрозаводск : Госиздат Карел. АССР, 1958. - 64С.

[9]Ломоносов и академические экспедиции XVIIIв. [Электронный ресурс] /Российская Академия наук.-режим доступа: http://www.ras.ru/lomoexpedition/f58eac8f-58e7-46a5-a238-93fd3c0c698a.aspx .-Свободный.-Загл.с экрана

[10]Лаврентьева Л.С. Край лесов, рек и поэтов (Карельская фотоэкспедиция 2008 г.)/ Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9 / МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред.: Е. Г. Федорова]. - Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009.-7 С.

отправился на пароходе. С г. Лодейное Поле начинается путешествие А.М. Круковского по сухопутным дорогам, в результате которого, он посетил Александро - Свирский монастырь, г. Олонец, с. Видлица, г. Петрозаводск, с. Шуя, г. Повенец, о. Кижи, г. Пудож, г. Подпорожье, откуда он вновь возвращается в г. Санкт-Петербург[11] на пароходе.

Источником послужили сочинения путешественников, опубликованные в жанре описаний Карелии: «Путешествие по озёрам Ладожскому и Онежскому …» Н. Я. Озерецковского, впервые опубликованное в 1792 г.; и книга М.А. Круковского «Олонецкий край: путевые очерки», вышедшая в 1904 г. Необходимо отметить, что в данной книге опубликованы некоторые фотографии, сделанные автором во время поездки по Олонецкой губернии. Вся коллекция фотографий М.А. Круковского хранится в музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

В качестве объекта рассмотрения были выбраны следующие элементы традиционной дорожной культуры карелов: пути сообщения, средства передвижения, средства и способы переноски багажа, дорожная пища и поведение в дороге, которые были выявлены по этим работам и практически не были использованы предшествующими исследователями, затрагивающими данную сферу традиционной культуры.

1. Пути сообщения.

Пути сообщения Карелии подразделяются на две группы: водные и сухопутные. К первым относятся различного рода системы озер и рек, ко вторым – почтовые тракты и проселочные дороги. Путешественники в равной мере пользовались как сухопутными, так водными путями сообщения Карелии. Можно предположить, что водные пути сообщения были комфортнее для путешествий, нежели сухопутные. Но озера и реки между собой связывались или волоком, при близости расположения, или узкими лесными тропинками, проходившими, порою, через топкие болота. Для переправы через болота в Карелии использовались гати из бревен, которые между собой, по описаниям М. А. Круковского, скреплены не были. По этой причине между бревнами зачастую образовывались щели, представляющие собой серьезную опасность для лошадей[12].

Н.Я. Озерецковский приводит описание мостов через реки, используемых в г. Олонце. Данные мосты лежали прямо на поверхности воды, они были узки и изготовлены из сплоченных и скрепленных бревен. С одного конца подобный мост прикреплялся к берегу, а другой конец привязывался на противоположном берегу веревкой. В случае прохождения по

[11] Лаврентьева Л.С. Край лесов, рек и поэтов (Карельская фотоэкспедиция 2008 г.)/ Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9 / МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред.: Е. Г. Федорова]. - Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009.-8 С.

[12] Круковский М.А. Олонецкий край: путевые очерки. Санкт – Петербург.-1904. – 109 С.

реке судна, веревку отвязывали, и мост спускался вниз по течению реки, а после за веревку мост вновь притягивался к прежнему месту.[13]

2. Средства передвижения.

Средства передвижения, используемые в Карелии, путешественники описывают не подробно, чаще всего ограничиваются только названием транспортного средства. Так среди средств передвижения по воде упоминаются гальоты[14] и соймы[15]. Среди сухопутных средств передвижения называются телеги, кабриолеты[16], двуколки и сани.

3. Средства и способы переноски багажа.

Передвижение путешественников по сухопутным дорогам Карелии ограничивалось трудностями проезда по разным типам дорог. Например, по лесным тропинкам и проселочным дорогам зачастую не могла проехать телега с багажом. В таких случаях карелы прибегали к использованию «смычков». Как писал М.А. Круковский, «“Смычки” –это просто две оглобли, прикрепленные к дуге и подседельнику; концы их тащатся по земле, но, чтобы они не разъезжались, соединены перекладиной со спинкой. На эту перекладину – доску настилается солома, на которую ставят кладь. Веревками кладь прикрепляется к доске и спинке. Верхом на лошадь садится мальчуган, смычки царапают землю на ходу и шумят, но кладь в полнейшей безопасности: ничего не разобьется, не растрясется, чем в телеге. Опасны лишь лужи, если они глубоки: тогда кладь достает воды и промокает»[17]. Интерес в этом описании вызывает также извозчик, функции которого выполнял мальчик. Можно предположить, что на долю мальчиков в карельской семье выпадали занятия, связанные с перевозками.

М. А. Круковский у русского населения Олонецкой губернии в «деревушке по Выгу» на пути из Петровского Яма в Даниловский монастырь встречает способ переноски тяжестей в «крошнях», который использовался в отсутствии лошадей. Крошни представляли собой ранец из легких прутьев, связанных лыковой веревкой. Ранец имел три стенки – заднюю, две боковые, и дно. С помощью петель к задней стенке прикреплялись дно и боковые стенки, кладь помещалась на заднюю стенку крошней, боковые стенки и дно, поддерживающие кладь со своей стороны, связывались веревкой. Также задняя стенка с обратной стороны имела лыковые лямки, благодаря которым крошни одевались на спину путнику. Как отмечает исследователь,

[13]Озерецковский, Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. - Петрозаводск : Карелия, 1989. – 95 С.
[14]Озерецковский, Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. - Петрозаводск : Карелия, 1989. – 132 С.
[15]Там же. – 13 С.
[16] Круковский М.А. Олонецкий край: путевые очерки. Санкт – Петербург.-1904. – 140 С.
[17]Там же. – 102 С.

крошни были легки и удобны при длительных пеших переходах[18]. Подобные крошни использовались не только русским населением губернии, но и карелами[19].

4. Дорожная пища.

Дорожной пищей карелов путешественники называют пирог рыбник, приготовленный из свежего сига, который запекался в ржаном тесте. По описаниям очевидцев, данное кушанье представляет собой «необыкновенно вкусное блюдо»[20]. Также в качестве дорожной пищи карелы варили уху из свежепойманной рыбы на месте привала. М.А. Круковский в путевом очерке рассказывает об одном из таких привалов и упоминает о походной ложке, изготовленной рыбаками из березовой коры. Береста нарезалась на небольшие квадратики, которые затем складывались в треугольники, концы треугольника соединялись в одно место, сверху на них нанизывалась расщепленная на концу ветка ивы[21], получилась своеобразная берестяная ложка. Приведенные сведения свидетельствуют о том, что привал делался достаточно длительным.

5. Поведение в дороге.

Согласно описаниям путешественников и исследователей, карелы в пути молчаливы и связанно это с нежеланием разгневать «духа» словом, сказанным в недобрый час. В случае нарушения запрета карелы старались задобрить разгневанного «духа» или устрашить знаменем креста[22]. Под наименованием «дух» авторы путевых очерков, очевидно, понимали духа леса, но не знали его карельского названия. Строгим запретом в пути для карелов было упоминание о возможной опасности, так, например, нельзя вспоминать о медведе, находясь в лесу или на лесной дороге. М.А. Круковский иллюстрирует два случая, произошедших с ним в Карелии, которые подтверждают вышесказанные нормы поведения карелов в пути: «Однажды, едучи лесом, я спросил своего извозчика: “А что, медведя мы не встретим?” – “А чтоб ему камень!” - сказал испуганный карел – “Ты тут всякой беды накличешь, тьфу, тьфу, сгинь он, пропади”».[23] «В другой раз я неосторожным вопросом едва не накликал беды на себя; как-то садясь в лодку, чтобы переплыть довольно широкое озеро, я не подумавши спросил моих гребцов: “А что, не утонем мы в этой лодке в такую погоду?” – Что ты, что ты, барин, всполохнулись карелы, - Господь, нас помилуй, Господь, помилуй! … - и начали креститься. А потом спустя полчаса на середине озера разыгралась такая буря, что действительно едва не пришлось утонуть, и всю вину в этом карелы свалили на меня: “Не надо болтать зря, в неурочное время”»[24].

---

[18]Там же. – 186 С.
[19]Карелы Карельской АССР / сост. А. С. Жербин. - Петрозаводск: Карелия, 1983. – 135 С.
[20] Круковский М.А. Олонецкий край: путевые очерки. Санкт – Петербург.-1904. – 207 С.
[21]Там же. - 138 С.
[22]Там же. – 43 С.
[23]Там же. – 42 С.
[24]Там же. – 42 С.

По свидетельствам путешественников, карелы, находясь в пути, у каждого поклонного креста осеняли себя крестным знамением и читали простую молитву. Кресты могли располагаться у дороги, на перепутье, на берегу реки или озера – с места причала лодок и на лесных тропах[25].

Изредка молчаливость карел прерывалась песней – в долгой дороге карелы запевали длинную песню или молитву[26].

Таким образом, опубликованные труды русских путешественников и исследователей Карелии являются интересным источником, дающим широкий обзор проявлений традиционной дорожной культуры карелов в XIX – первой трети XX вв., но для создания наиболее полного представления по данному вопросу, полученные сведения необходимо уточнить с помощью других источников, например, музейных коллекций и полевых материалов.

Литература и источники:

1. Дороги Карелии: С древнейших времен до наших дней / Ком.Респ.Карелия по стр-ву,эксплуатации и содерж.автомобил.дорог ; Худож.В.А.Буханов ; Сост.:О.А.Ширлин и др. ; Авт.текста:Н.Ю.Семенов и др. ; Редкол.:Е.П.Шелаева (отв.ред.) и др. - СПб. : Лики России, 1999. - 197с.

2. Карелы Карельской АССР / сост. А. С. Жербин. - Петрозаводск: Карелия, 1983. – 287 с.

3. Кораблев Н.А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии, вторая половина XIX – начало XX в.-Петрозаводск.:ПетроПресс, 2009.-64с.

4. Круковский, М.А. Олонецкий край : путевые очерки с 115 рисунками художников Н. Н. Герардова, Ел. Герунг, Д. И. Глущенки, И. В. Журбина, В. М. Маковского и др. по фотографиям автора. - С.-Петербург : Издание Петербургского учебного магазина, 1904. - 260 с.

5. Лаврентьева Л.С. Край лесов, рек и поэтов (Карельская фотоэкспедиция 2008 г.)/ Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9 / МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред.: Е. Г. Федорова]. - Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009.- 6 – 16 С.

6. Ломоносов и академические экспедиции XVIIIв. [Электронный ресурс] /Российская Академия наук.-режим доступа: http://www.ras.ru/lomoexpedition/f58eac8f-58e7-46a5-a238-93fd3c0c698a.aspx .-Свободный.-Загл.с экрана

7. Озерецковский,Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / Н. Я. Озерецковский ; [вступ. ст., подгот. текста и коммент. Б. И. Кошечкина]. - Петрозаводск : Карелия, 1989. - 208 с.

8. Пименов, В. В. Русские исследователи Карелии, (XVIII в.) : очерки / В. В. Пименов, Е.

[25]Там же. – 43 С.

[26] Круковский М.А. Олонецкий край: путевые очерки. Санкт – Петербург.-1904. – 60 С.

М. Эпштейн ; [ред. Д. И. Шехтер]. - Петрозаводск : Госиздат Карел. АССР, 1958. - 195 с.

9. Тароева, Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР) : этнографический очерк / Р. Ф. Тароева ; [отв. ред. В. В. Пименов] ; Академия наук СССР, Петрозаводский институт языка, литературы и истории. - Москва; Ленинград: Наука, 1965. – 222 с.

10. Тароева, Р.Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX-начало XX вв.) / Р. Ф. Тароева // Вопросы истории Карелии. - Петрозаводск, 1959. - С. 39-51

11. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв.-М.: «Индрик».-2003.-528с

Ю. В. Литвин, к.и.н., м.н.с. сектора этнологии
ИЯЛИ КарНЦ РАН (г. Петроазводск);
Пеллинен Н.А., к.ф.н., м.н.с. сектора языкознания
ИЯЛИ КарНЦ РАН (г. Петрозаводск)

Современные способы сохранения и актуализации этнического прошлого карелов: концепции и подходы (на примере этнокультурных центров Карелии)

Статья ставит целью рассмотрение некоторых вариантов сохранения этнического прошлого на примере функционирования этнокультурных центров Карелии (далее – ЭКЦ или этноцентры). Будет представлена методологическая рамка, которая позволит исследовать данный и другие, подобные этому, сюжеты сквозь призму концепции институализации и популяризации этнической истории внутри локальных сообществ.

Прежде чем перейти непосредственно к способам актуализации этнокультурного наследия, необходимо пояснить, что мы понимаем под сохранением прошлого, с помощью каких инструментов прошлое становится частью памяти настоящего.

Сохранению подлежат не все факты истории. Сформированный образ истории («историческая память») отражает современную систему ценностных установок, лежащих в основе идентичности сообществ (в том числе этнической). Социальная и историческая память избирательны – это «…не “дословная цитата”… подлинной истории: с каждым поколением вновь и вновь пропускаемое через фильтр общественного сознания, прошлое причудливо преломляется и даже нередко искажается в нем»[1]. Немецкий культуролог Алейда Ассман исследовала особенности восприятия исторических событий и пришла к выводу о существовании «функциональной» памяти, которая отличается жестким отбором событий прошлого и обеспечивает этим событиям место в активной памяти общества, благодаря «канонизации» определенных исторических фактов – к ним постоянно обращаются в поисках новых интерпретаций, прочтений, толкований[2]. Находясь в поле памяти, события или личности

[1] Бондаренко Д.М. Постколониальный мир: формирование наций и историческое прошлое // Культурная сложность современных наций. М., 206. С. 225. Этой особенности исторической и социальной памяти посвящены ряд исследований: напр., Fentress J., Wickham C. Social Memory. Oxford, 1992; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980; Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 11–32; Арнаутова Ю.Е. От Memoria к «истории памяти» // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С. 171–172; Гуткина И.М. Память в культурном пространстве // Социальная память российской цивилизации. Саратов, 2001. С. 56–62; Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 21. М., 2007. С. 5–21 и др.

[2] Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. С. 33–35. На другом же полюсе культурной памяти находится, по мнению исследовательницы, так называемая

могут стать символом, элементом идейной системы общества[3]. Эта особенность культурной памяти может быть полезна для понимания нашего сюжета: а именно того, почему часть фактов этнической истории карелов припоминается и становится ориентирами для местного сообщества, а часть предается забвению.

Какие существуют способы сохранения и возрождения этнического прошлого? Несмотря на то, что возрождение традиций рассматривается как свидетельство восстановления (в смысле нормализации) состояния культуры, данный процесс охватывает не все сферы традиционного. Группой или сообществом выделяются ценные категории, которым, с ее точки зрения, грозит забвение. Помимо прочего, они включают в себя некоторые «национальные» элементы, которые сохраняются при помощи создания реальных или символических границ, отделяющих одну этническую группу от другой. Сохранность границ поддерживается при помощи набора маркеров, в число которых, например, входят внешние сигналы: одежда (или отдельные ее детали) и в целом внешний облик, языковые особенности, специфика и порядок проведения обрядов, фольклор, особенности кухни, а также ценностные ориентации: нормы нравственности, религия и т.д. Созданный образ «национального» предполагает свои способы воссоздания и представления прошлого. Этнограф и антрополог К.А. Гаврилова сгруппировала направления такой деятельности:

- организация институтов «исторической памяти» в деревне (открытие краеведческого музея, проведение уроков по краеведению в школе);
- проекты мемориализация пространства (создание «мест памяти»: открытие памятников в деревне, изучение местной архитектуры – все, что так или иначе отсылает к этнической и локальной истории деревни);
- проекты популяризации культуры (организация местных, престольных праздников; языковые курсы), индустрия этнических товаров;
- письменная фиксация истории деревни (сбор воспоминаний местных жителей, публикация краеведческих статей в местных периодических изданиях)[4].

Тенденции, наблюдаемые сегодня в учреждениях культуры не новы, а связаны с глобальными, общемировыми процессами коммерциализации и коммодификации[5] культуры. «Усиление экономической составляющей культурного производства и ориентация локальной культуры на туристов, с одной стороны, усилило взгляд на данный процесс как свидетельство

«накопительная» память, которая играет роль хранилища воспоминаний, «час которых уже миновал или еще на настал» (Там же. С. 34).

[3] Гаврилова К.А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области [Электронный ресурс]. Дисс… к.и.н. Санкт-Петербург, 2016. С. 67. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/doc/diss/gavrilova_auto1.pdf (дата обращения 29.01.2017)

[4] Гаврилова К.А. Указ. соч. С. 93.

[5] Коммодификация (англ. *commodity* «товар») – процесс, в ходе которого все большее число различных видов культурной деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами.

общего процесса унификации культурных различий, утраты людьми этнической и прочих идентичностей, а с другой – стало импульсом к изучению всего многообразия форм существования культуры (в пространстве территориального маркетинга и рынка туристических направлений)»[6].

В Республике Карелия с 2013–2014 гг. был запущен проект по созданию сети этнокультурных центров и организаций по сохранению наследия. Реализация идеи по их созданию является уникальным опытом в российской и мировой практике. Сформированная сеть включила в себя учреждения культуры и дополнительного образования, музеи и общественные организации, способствующие сохранению и развитию локальной традиционной культуры. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН входил в число партнеров данного проекта. Несмотря на то, что в разных регионах России функционируют учреждения по сохранению этнокультурного наследия, только в Карелии они образуют единую сеть. Такими центрами становились не только новые учреждения, но и филиалы, и отделы, уже существующих учреждений культуры и образования[7].

Кто же стоял у истоков идеи? По словам одного из координаторов проекта, определить конкретного инициатора непросто. В одном из интервью Маркку Ниеминена[8] назвали «папой», а Елену Викторовну Богданову[9] – «мамой» проекта. Рабочая группа не оставалась неизменной, но наши собеседники упоминали: Сирппу Ниеминен – исполнительного директора Фонда «Juminkeko», Ольгу Зайцеву – координатора проекта (Финляндия), Алину Анатольевну Чубурову – координатора проекта в период его реализации (Республика Карелия), Ольгу Борисовну Власову – в 2013–2014 гг. занимавшую пост директора БУ «Центр национальных культур и народного творчества Республики Карелия», Татьяну Александровну Леднёву – заместителя директора БУ «Центр национальных культур и народного творчества Республики Карелия», Варвару Николаевну Лебедеву – заместителя начальника отдела культурной политики Министерства культуры Республики Карелия и других. В качестве научного консультанта со стороны ИЯЛИ КарНЦ РАН в проекте принимала участие В.П. Миронова. Светлана Николаевна Кольчурина вошла в состав рабочей группы как руководитель образовательной программы и в настоящее время возглавляет Ассоциацию ECHO (Network of Ethnocultural and Heritage Organizations, Ассоциация этнокультурных центров и организаций по сохранению наследия). Организация в настоящее время зарегистрирована как юридическое лицо и является координационным органом. В нее вошли практически все участники проекта.

---

[6] Мельникова Е.А. Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 12–13.

[7] Этноцентры / БУ «Центр национальных культур и народного творчества Республики Карелия» [Петрозаводск]. URL: http://etnocenter.ru/ru/5566/etnocentri/.

[8] Маркку Ниеминен – глава фонда «Juminkeko» («Юминкеко»), финский писатель, исследователь

[9] Е.В. Богданова – Министр культуры Республики Карелия (2010–2015), директор музея «Кижи» (с 2015 г.)

Цели объединения учреждений культуры в единую сеть были разные, но взаимодополняющие: наладить взаимодействие и способствовать развитию этнического туризма. Для достижения этой задачи была создана Концепция развития, уникальная для каждого этноцентра. Она должна была, с одной стороны, служить общей цели проекта, с другой – выявить специфику учреждения для ее дальнейшего развития. Общая цель проекта была сформулирована следующим образом: «…сохранение и популяризация культурных традиций и языка коренных народов Республики Карелия: карелов, вепсов, русских. А также вовлечение традиционной культуры в сферу *современной* (выделено мной – *Ю.Л.*) социальной и культурной активности, социально-экономическое развитие и повышение качества жизни населения на основе использования этнокультурных ресурсов территорий. Сеть этнокультурных центров, созданная в рамках проекта, поможет развить региональные и международные коммуникации: развитие и расширение новых партнерских отношений и *выход на международный уровень*. И что самое главное, проект будет способствовать социально-экономическому развитию территории, а также усилению приграничного сотрудничества в области культуры. Одной из главных задач проекта является инициирование обсуждения современных форм культурной активности этнических сообществ, выявление *современных критериев успешности* этой деятельности с точки зрения самих сообществ и регионального развития»[10]. Как видно из процитированного отрывка, первоочередной целью было собирание местных активистов в рабочую сеть, то есть формирование единого управляемого пространства действий, направленных на решение набора проблем, связанных со следующим этапом проекта, а именно созданием условий для этнокультурного туризма и индустрии развития этнических товаров. Способы сохранения и популяризации языка и культуры предполагают современные риторические стратегии и формы действия – практики выхода на международный уровень коммуникации и усиление приграничного сотрудничества, выработка критериев оценки успешности сохранения и актуализации этнической культуры.

Что касается второй задачи – выявления локальной специфики, процесс поиска описала один из координаторов проекта в интервью: «…и получалось так, что по (такому-то) району там, раз-два… и ничего выделить-то невозможно было. Потому что… это и для всех тоже районов работает. Ну, какие-то традиции общие: рыбалка, там, охота. (…) Но у каждого этноцентра (в итоге) своя тема… Это было куча семинаров, куча анкет… Все изучалось, изучалось, изучалось. Всё практически вручную писалось этими центрами».

Итак, единый подход при создании и перепрофилировании учреждений культуры подразумевал продвижение локального варианта прошлого, бренда, созданного при поддержке

[10] О проекте. Проект «ЕСНО» / БУ «Центр национальных культур и народного творчества Республики Карелия» [Петрозаводск]. URL: http://etnocenter.ru/ru/5566/etnocentri/echo/o-proekte/ (дата обращения 20.01.2017).

организаторов проекта. Многие созданные темы для Центров, представляющих культуру карелов, в настоящее время стали узнаваемы – от «города мастеров» на юге (г. Олонец) до рунопевческих традиций на севере Карелии (д. Вокнаволок). Вместе с тем следует подчеркнуть, что практически все ЭКЦ считают своей задачей сохранение и популяризацию традиционной культуры региона в целом[11].

Перспективным исследовательским направлением представляется изучение функций организаторов, координаторов и, особенно, специалистов ЭКЦ. Принадлежность к этнической группе предполагает наличие у ее членов определенной компетенции в области традиционного и национального – это следует из распространенного понятия «носитель культуры». Роль носителей культуры перекликается с концепцией «феномена культурного посредничества» («brokerage») британского антрополога Энтони Коэна. По Коэну, представителей сельского актива можно назвать проводниками / представителями / посредниками этнической идентичности в рамках сообщества: их роль заключается в опосредовании национального своим личным опытом, в ассоциации себя с национальным через присвоение, репрезентацию и активную трансляцию национальных символов[12]. Антрополог Уильям Мёрфи расширил данное понятие. Так, он пишет о необходимости легитимации статуса посредника и его деятельности за счет утверждения (обладания, присвоения) определенного набора уникальных ресурсов, прежде всего знаний (например, компетенция в области государственного устройства или литературная грамотность). Формирование позиции определяет круг функций, который берет на себя «культурный посредник»:

- Отождествление себя с сообществом при наличии уникальных в масштабах локального пространства знаний и навыков (умение оценить культурный потенциал прошлого; адаптировать чужие идеи с учетом местной специфики; умение грамотно изъясняться, составлять официальные запросы, писать проекты и т.д.);
- Способность описать сообщество /его прошлое (рефлексия)[13].

Культурный посредник одновременно укоренен в сообществе и выполняет набор уникальных социальных функций, таких как формирование официальной версии локальной истории. Активисты могут понимать этничность «инструментально» – как ресурс и способ осуществления мобилизации населения. С этой целью они популяризируют внутри сообщества примордиальную модель этничности[14]. Феномен культурного посредничества на примере

---

[11] Вопрос о соотношении регионального и локального, этнически специфического и общероссийского также представляет поле для научных изысканий.
[12] Cohen, A. Ownership, responsibility, and the rhetoric of nationalism: a Scottish case // Anthropological Forum. 1995. Vol. 7. № 2. P. 179–191.
[13] Murphy, W. P. The Rhetorical Management of Dangerous Knowledge in Kpelle Brokerage // American Ethnologist. 1981. Vol. 8. № 4. P. 667–685. Цит по: Гаврилова К.А. Указ. соч. С. 59–61.
[14] Гаврилова К.А. Указ. соч. С. 56.

этнического активизма в марийских деревнях Кировской области рассмотрен в работе К.А. Гавриловой[15]. Роль такого посредника в нашем случае играют, с одной стороны, специалисты ЭКЦ, которые выстраивают диалог между сообществом и координаторами проекта, с другой стороны, координаторы проекта, которые налаживают связь между специалистами ЭКЦ и администрацией сельского поселения. Особый интерес представляют контексты, в которых представители группы так или иначе апеллируют к этнической культуре. Таким образом, в рамках рассмотренного сюжета перспективным представляется исследовать как способы воссоздания, символы и ориентиры карельского прошлого, так и дискурсивные практики вовлеченных в процесс этнокультурного «строительства» специалистов и местного населения.

[15] Гаврилова К.А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области [Электронный ресурс]. Дисс… к.и.н. Санкт-Петербург, 2016. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/doc/diss/gavrilova_auto1.pdf (дата обращения 29.01.2017)

В. В. Федотова,
специалист отдела экологического просвещения ФГБУ
«Государственный заповедник «Кивач»

Книги отзывов посетителей заповедника «Кивач» как зеркальное отражение своего времени. (с 1958 по 2008 гг.)

В прежние времена книги писали писатели, а читали читатели.
Теперь пишут читатели, и не читает никто.
Оскар Уайльд

Посещая большие и маленькие Музеи, выставочные залы, библиотеки и другие места знакомства и общения с духовным наследием человечества, мы иногда не обращаем внимания на простой, но ставший необходимым атрибут таких помещений. Это журналы обычного канцелярского образца, снабженные шариковыми ручками и скромно лежащие где-нибудь на письменном столике в уголке зала, но имеющие гордое и важное название — «Книга отзывов посетителей». Большая часть посетителей пройдет мимо них, даже не взглянув, но обязательно найдутся те, кто заглянет туда и оставит какой-нибудь «след» в виде благодарности за увиденное и услышанное, или отметку, что «здесь был Вася» или «все клёво». Мы все разные, а потому разн***и***тся и то, что мы пишем… Своим потомкам мы оставляем Память о себе и Слово, несущее информацию о наших чувствах и эмоциях, испытанных в данный момент. Помня о мудрости «Что написано пером…», поговорим о том, *что* именно остается потомкам от пресловутого пера.

Рукописный текст многих сотен, а порой и тысяч людей, объединенных одним местом или событием, может быть интереснейшим по содержанию, т.к. удивительным образом сплачивает и сближает всех пишущих, вдохновленных чем-то единым, выстраивая их записи в единую историческую цепочку на протяжении десятков лет. В основе всего лежит естественное желание человека (как мотивация) — высказать свое личное мнение, дать личностную оценку происходящему, облечь испытанное эмоциональное воздействие в письменную форму. Часто высказывается и коллективное мнение, но опять же посредством одного лица. Вся «пишущая братия» находится в равных условиях, соблюдается принцип добровольности письма, и эта возможность высказаться есть у каждого независимо от пола, возраста, веры, места проживания, национальности и т.д.

В «Истории посёлка Кивач, написанной его жителями» (С.Б. Скороходова, Г.В. Эркко, Э.В. Карпина и др., Труды государственного природного заповедника « Кивач», выпуск 4, стр.169) в «Часть I, век 18-й и век 19-й» среди многих значимых для Кивача дат двух прошлых столетий, есть малозаметная строчка, казалось бы, не заслуживающая пристального внимания: «**1892**. По предложению К.А. Скальковского на Киваче заведена «*Книга для записи имен господ-посетителей Кивача*», далее — уточняющая сноска авторов «Истории…» — «*подобные книги – книги отзывов существуют на Киваче и сейчас*».

Таким образом, в 2017 году Книгам отзывов посетителей заповедника (так они именуются в современном варианте) исполнится 125 лет! Дата заслуживает внимания, жаль, что время, уместившееся в эту дату, частично стёрло и сами Книги, и записи, сделанные «господами-посетителями» водопада Кивач в течении более чем вековой истории. Но об этом чуть позже.

Константин Аполлонович Скальковский (1843-1906), как говорит справочная статья из Интернета, «*административный деятель и писатель, родился в Одессе в 1843 г., образование получил в благородном пансионе при Ришельевском лицее и в институте корпуса горных инженеров. Поступив на службу по горному ведомству, производил геологические исследования в северных губерниях России, на Мангышлакском полуострове и в землях Оренбургского казачьего войска, а также изучал хозяйство горных заводов уральских, подмосковных и олонецких*». Прошёл все основные этапы в карьерной лестнице в отрасли горного дела и в 1891 году стал директором Горного Департамента России, находясь в этой должности до 1896 г.

Если брать во внимание все имеющиеся данные, биография Скальковского изобиловала событиями, путешествиями, великосветскими знакомствами своего времени, о чем с присущим природным остроумием и живостью пишет сам автор. В своей книге «Воспоминания молодости (по морю житейскому)», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1906 г., он лишь вскользь упоминает о поездке на водопад Кивач при посещении Олонецких заводов. Константин Аполлонович нашёл водопад «далеко не похожим на описание Державина» и особенных восторгов, судя по скупости строк, тот не вызвал.

Упоминание о Книге, регистрирующей посещение водопада прибывающими на Кивач путешественниками, встречаем и в книге Николая Ильича Березина «Пешком к карельским водопадам», изданной в 1903 году.

«*Перед нашим отбытием жена сторожа принесла книгу, в которую заносят свои имена посетители Кивача. Мы долго перелистывали её, читая фамилии наших предшественников, нашли несколько знакомых, несколько известных имен и, конечно, стихи.*

«В дороге много неудач

Я перенес. Не каюсь в этом,

Увидя пенистый Кивач,

самим Державиным воспетый», — написал один посетитель с фамилией известного поэта Плещеева, но не тот был Плещеев, потому что здесь стояло имя Александр, а поэта зовут Алексей. Мы начертали в эту книгу и наши имена».

Если раньше в Книгах регистрировались фамилии посетителей и, возможно, чин по службе, то в настоящее время наши гости оставляют эмоциональные отзывы о посещении знаменитого водопада и заповедника, выплёскивая на страницы свои впечатления и высказывая мнение об увиденном вокруг и услышанном как внутри Музея, так и вне его.

Книги отзывов теперь находятся в Музее природы заповедника и открыты для всех посетителей, находятся в свободном доступе круглосуточно и круглогодично. Часто свои отзывы оставляют дети, чего сотню лет назад и представить было невозможно.

Так сложилось, что Музей природы заповедника бóльшей частью является вотчиной отдела экологического просвещения, а сам отдел получил самостоятельность в 1999 году. Сотрудники отдела прежних лет (2000-е гг.) время от времени работали с Книгами отзывов, выписывая необходимые для работы цитаты наших посетителей, будь то благодарственного характера за какое-либо проведённое мероприятие или экскурсию, либо, наоборот, критического, с тем, чтобы с помощью вмешательства руководства попытаться устранить названные туристами недостатки.

В настоящее время в архивах заповедника «Кивач» находится на хранении 23 Книги отзывов посетителей (на сентябрь 2016 г.). Но наша работа затрагивает временной отрезок с 1958 по 2008 гг., более современные Книги будут далее ждать своих исследователей.

Первая Книга отзывов относится к 1958 году, она ведется до января 1961 года. Вторая берет свое начало по окончании первой и ведется до июля 1962 г. Далее между Книгами следует перерыв в 9 лет, а следующая ведется с июля 1979 г. по июль 2002 г., т.е. 23 года! Впоследствии их ведение следует непрерывно до сегодняшнего дня и составляет неотъемлемую составляющую работы Музея. Для удобства работы и ссылки на ту или иную Книгу я пронумеровала их в порядке возрастания по годам:

Номер Книги отзывов по порядку	Сроки ведения
Книга №1	25.06.1958-08.01.1961
Книга №2	08.01.1961-25.07.1962
Книга №3	01.06.1971-08.09.1977
Книга №4	27.07.1979-11.07.2002
Книга №5	12.07.2002-01.07.2004

Книга №6	02.07.2004-29.05.2006
Книга №7	01.06.2006-21.10.2006
Книга №8	21.10.2006-28.08.2007
Книга №9	29.08.2007-09.08.2008
Книга №10	10.08.2008-27.06.2010
Книга №11	27.06.2010-12.06.2011
Книга №12	13.06.2011-14.10.2011
Книга №13	15.10.2011-02.05.2013
Книга №14	03.05.2013-16.08.2013
Книга №15	16.08.2013-12.05.2014
Книга №16	12.05.2014-26.07.2014
Книга №17	26.07.2014-26.08.2014
Книга №18	26.08.2014-06.07.2015
Книга №19	07.07.2015-18.10.2015
Книга №20	20.10.2015-03.04.2016
Книга №21	05.04.2016-11.07.2016
Книга №22	12.07.2016-22.08.2016
Книга №23	22.08.2016 – по настоящее время

В настоящее время сложно назвать причины таких долгих сроков использования первых Книг, в течение которых велись записи приезжающими туристами. Они могут быть и в низкой посещаемости территории (точных статистических данных за это время не сохранилось, лишь известно, что с 1968 г. она составляла приблизительно 12–15 тыс. человек в год против нынешних 123 тыс. за 2015 г.), или Книги были не всегда доступны посетителям. Тем не менее, можно констатировать, что Книги отзывов появились гораздо раньше, чем произошло отпочкование отдела экологического просвещения как самостоятельной единицы, что, безусловно, говорит о том, что это было предпосылкой и одной из «отражающих поверхностей» той просветительской деятельности, которая приобретет размах и масштаб в последующие годы. Появление Книг свидетельствует также о том, что и сами посетители, видимо, проявляли определенную активность и стремились высказать эмоциональные отзывы и пожелания о Киваче и прелестях карельской природы, а также дать оценку работы экскурсоводов заповедника.

Точного ответа на вопрос: «Где же Книги за первые почти 70 лет (с 1892 по 1958 гг.)?» получить, думаю, не удастся никогда. Исторические потрясения не обошли и эту территорию. До сохранности ли старых документов было тем, кто выживал здесь в водовороте жизненных перипетий... Не единожды в Киваче бушевали пожары, горели бухгалтерские документы, архивы, канцелярские книги, справки, словом, всё, что горит в первую очередь. Еще в начале исследования автор питала надежду, что Книги хотя бы более раннего советского периода сохранились в архивах Петрозаводска, но побывав там, убедилась в их отсутствии.

Начало и окончание сроков ведения Книг выставлено автором по начальной и конечной дате написания отзывов нашими посетителями, поэтому не стоит принимать во внимание тот факт, что в некоторых Книгах не совпадают даты окончания и начала следующей и разница между ними составляет плюс-минус 1–2 дня. Эти «разрывные» дни лишь говорят нам о том, что у наших посетителей не было творческого порыва и желания оставить свой письменный отзыв, хотя сами Книги, разумеется, доступны для них всегда. 8 сентября 1977 г. датируется последняя запись, сделанная в Книге №1. Книга №2, как уже было сказано, начинается 27 июля 1979 г., и за этот год наблюдается всего 2 записи. За 1980 г. – записей нет, 1981 г. – записей нет, 1982 – 3 записи.

За 1983 год сделано всего 8 записей посетителями заповедника. За 1984 год – всего 3, 1985 – 4, 1986 – 8, 1987 – 3, 1988 – 3, 1989 – 3, 1990 – 0, 1991- 1, 1992 – 2, 1993 – 0, 1994 – 1, 1995 – 0, 1996 – 1, 1997 – 1, 1998 – 2, 1999 – 13, с 2000 г. вновь становятся систематическими.

Необходимо отметить особенности Кивача как туристического объекта: «присутствие» знаменитого на весь мир водопада, увиденные туристами из окна своего автобуса красóты заповедника в виде густых лесов, великолепных сосновых боров, болот, воды и камня. Всё это вкупе является той «позицией второго плана», на фоне которой перед нами, современными людьми, проходят десятилетия истории, запечатлённые нашими гостями на пожелтевших страницах Книг.

Заранее отмечу, что упоминая о тех или иных фактах, событиях, людях и их профессиях, а также о сотрудниках заповедника, я постаралась по возможности более полно сохранить аутентичность и стилистику записей наших посетителей, дабы, во-первых, сохранить их авторство, а более того — «вкус и цвет» эпохи ушедшей и времени наступившего. За основу были взяты наиболее удачные (по смыслу, логике), читаемые и выразительные (по образности) отзывы наших экскурсантов. Штудируя десяток Книг и анализируя сотни отзывов, я пришла к выводу, что почти все они (за малым исключением) несут различную смысловую нагрузку и, значит, вполне объединяемы в конкретные темы. Весь массив информации был распределен в данной статье по выбранным мной смысловым блокам.

Для удобства и простоты чтения текста решено не упоминать каждый раз порядковый номер той или иной Книги. В случае необходимости легко найти соответствующую запись, процитированную автором, если ориентироваться по обложкам Книг, где проставлены сроки их ведения.

Начало. Первые Книги отзывов

Записи, сделанные в 1958–1959 гг., весьма сухи и отражают лишь название организации и место, откуда она приехала в Кивач, количество человек в группе, фамилию организатора и подпись работавшего с группой со стороны заповедника экскурсовода. В разлинованных от руки графах есть и строчка «Отзывы и пожелания туристов», но она содержит лишь подписи организатора группы и по прямому назначению не использована. Совершенно очевидно, что подобные записи велись, скорее, для учёта посещаемости заповедной территории и были сделаны рукой сотрудника заповедника. Но даже эти немногословные данные любопытны в информативном плане. Например, 9–10.05.1959 г. заповедник посещают 16 человек из «Совнархозпроекта», «Карелпроекта», «Упр. Кир. ж. д.». (Управление Кировской железной дороги существовало до 1959 г., затем дорога была переименована в Октябрьскую. На страницах Книги гостями заповедника зафиксировано старое название солидного советского официального учреждения, по-видимому, доживавшего последние месяцы своей жизни – прим. автора)», руководитель группы – Бойцов.

11 июня этого же года в заповедник приехали учащиеся школы с. Вороново в количестве 15 чел. Об этой школе и многих других (в Киваче, Викшице и пр.), закрывшихся в Кондопожском районе в 60-70-е гг., с грустью вспоминают сейчас старожилы местных деревень, чьи территории близки к границам заповедника. Жители деревень, в основном кормильцы-мужчины, часто находили работу именно здесь, в заповеднике. Закрытие сельской школы автоматически приводило к оттоку молодых семей с детьми, а значит, к будущей бесперспективности деревни. Та же печальная участь постигла и начальную школу д. Сопоха, 14 учащихся которой побывали в заповеднике 19 июня этого же года, экскурсию для детей проводил молодой сотрудник Э.В. Ивантер (ныне академик, член-корреспондент РАН, в настоящее время живёт и работает в Петрозаводске). Приезды детей этой школы зафиксированы и позднее.

Старожилы пос. Кивач (Э.В. Карпина, 2015) вспоминают, что работавший в заповеднике в 1960-х гг. К.А. Андреев (на ту пору и.о. директора заповедника) часто приглашал местных жителей на лекции, организованные для школьников д. Сопоха, на предмет обсуждения различных природоохранных тем. Устные сообщения сельчан подтверждаются архивными

документами. В «Отчёте о научно-исследовательской и научно-организационной и административно-хозяйственной деятельности заповедника «Кивач» Карельского филиала АН СССР за 1960 г.» (Нацархив РК, фонд 3206, опись 2, д. 1/8) рукой К.А. Андреева сделана отметка: «установлено шефство над школами в посёлке Сопоха и Викшица (Кондопожский р-н). В школах проведены беседы с учащимися по охране леса и зеленых насаждений. Школам переданы саженцы древесных пород и гербарий». Заповедник тесно сотрудничал не только с местными общеобразовательными учреждениями, но не забывал и сельчан, не избалованных избытком информации.

Для сотрудников заповедника и взрослого населения близлежащих поселков был организован общеобразовательный лекторий. К его организации привлекались не только сотрудники заповедника, но и приезжие докладчики. Кстати, тематика бесед была весьма многополярна и затрагивала не только тему охраны природы, но и совершенно другие области знаний. Названия лекций говорят за себя сами:

«Впечатления о поездке в США» (лектор Дадыкин В.П.),

«История Карелии (цикл №1 «Карелия»):

А) «Далекое прошлое Карелии» (по археологическим данным) (лектор Панкрушев Г.А.)

Б) «Карелы и их национальная культура» (лектор Тароева Р.Ф.)

В) «Язык карельского народа» (лектор Макаров Г.Н.)»,

«Театр и музыка» (лектор Пахомова М.Ф., Финский Драмтеатр)

«Наука Карелии за 40 лет» (лектор Ермаков В.И.)

«Изобразительное искусство Карелии» (художники Стронг, Нееменен)

«Природные богатства Карелии и их охрана» (лекторы Яковлев Ф.С., Соколов Н.О., Андреев К.А.)

Цикл №2 «Общеобразовательный»

«Происхождение Земли и солнечной системы» (лектор Лукашов А.Д.) и мн. др.

Б. И. Рукавишников

Лекции планировалось проводить в Красном уголке заповедника. В качестве слушателей приглашались лесники и сотрудники заповедника, жители посёлков Водопад Кивач, Сопоха, Викшица.

Несомненно, тесная взаимосвязь и разъяснительная работа с местным населением обеспечивала формирование положительного отношения к заповеднику как природоохранному учреждению.

Судя по этой же Книге, 30 июня произошло весьма интересное событие: территорию Кивача посетил Борис Иванович Рукавишников, известный советский учёный-энтомолог, член-корреспондент Академии

наук СССР, доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии, участник Великой Отечественной Войны, преподаватель Московской Сельскохозяйственной Академии имени К.А. Тимирязева (в настоящее время РГАУ – МСХА). Как следует из записи, сделанной рукой К.А. Андреева и, видимо, лично проводившего для высокого гостя ознакомительную экскурсию по заповеднику, ученый был один. Сделана лаконичная помета: Москва, энтомолог, лауреат Сталинской премии.

Географическая составляющая или Откуда к нам приезжают

Листая страницы первых Книг, невольно отмечаешь обширную географию Советского Союза, представленную нашими посетителями в 50–70-е годы прошлого века. Пожелтевшие от времени листы с написанными чернильной ручкой текстами создают в воображении читателя образ огромной державы, объединяющей в прошлом 16 союзных республик, но уже не существующей в веке 21-м. И только россыпи интернациональных осколков-записей напоминают о былом единстве некогда огромной страны. Замечу, что записи весьма и весьма дружелюбны.

Как уже было сказано, в 1958–1959-х в Книгах (отзывов) полностью фиксировались, к сожалению, только данные по приезжающим группам и отдельным посетителям, получившим на Киваче экскурсионное обслуживание, а отзывы самих гостей единичны. Но даже такая урезанная информация свидетельствует об интересе к Кивачу представителей практически всех регионов Союза. В это время среди посетителей – школьники из г. Светогорска, что под Калининградом (07.08.1958, 10 чел.), жители Ленинграда и его окрестностей (школьники, члены Клуба юных геологов (08.08.1958, 18 чел.), студенты (16.02.1959, 12 чел.), москвичи (редакция газеты «Советская Россия, художники отдела иллюстрации, 26.08.1958, 5 чел.); школьники (3-4.01.1959, 20 чел.), студенты различных вузов (29.01.1959, 10 чел.), конечно же, жители Карелии. В марте 1959 г. в заповеднике побывали сотрудники (возможно, и студенты) Тартусского музыкального училища (9 чел., руководитель Паас Л.В.). Художники из Таллина (5 чел.) прослушали лекцию К.А. Андреева, приезжали жители Харькова (Украинская ССР).

На ломаном русском пишут отзыв туристы из Латвии, на правильном русском учителя и работники колхоза «Узвара» (12 чел., 08.06.1973) из той же республики, оставили свой отзыв и сотрудники Института ботаники Академии Наук Литовской ССР (группа 24 чел., 31.07.1971). Что интересно, указанные записи в Книге сделаны на русском, но большинство подписей (фамилии) на своём, родном языке. Очень позитивен текст туристов из Литвы, привожу его полностью:

«*Туристы из Литвы, совершавшие велотурпоход Клайпеда – Мурманск – Москва – Клайпеда на 6000 км и приехавшие в прекрасный уголок Карелии, восхищены заповедником, музеем и чудесным водопадом. Мы Вам завидуем! Большое спасибо за гостеприимство* (далее – предложение на литовском, без перевода — *прим. авт.*) *Руководитель группы Варнас.* 27.06.1972 г, 6 чел.». Сохранилась запись жителей Эстонской ССР, но, к сожалению, сделана она на эстонском языке и переводу не поддается (25 чел, 10.06.1972). Другая группа экскурсантов из Эстонии на хорошем русском благодарит за «*увлекательную экскурсию, которую мы провели в этом уголке Карелии*» (11.06.1973).

Студенты Усть-Каменогорского пединститута Казахской ССР оставили о себе запись в августе 1972 г. Интересно звучит полное название одного из вузов той же республики, вот что пишут студенты 4-го курса ЕГФ: «*Мы, группа студентов Казахского Педагогического института им. Абая г. Алма-Аты 2.06.1974 посетили заповедник «Кивач» с одноимённым названием водопада. Мы очень благодарны за теплое гостеприимство. Говорим: Большое спасибо!»*

Белорусские студенты и их преподаватели в составе группы численностью 57 чел. из Белорусского Госуниверситета им. В.И. Ленина (наименование учреждения прописано очень чётко и полно, что говорит о законной гордости за свой вуз) оставили о себе отметку 26 июля 1972 г.

Много записей, сделанных представителями Украинской ССР, это харьковчане, например, сотрудники Харьковского Института Метрологии (22.02.1973) и др.

26.03.1973 г. одесситы пишут: «*Здесь была туристическая группа города Одессы. Нам очень понравился музей и его достопримечательности. Нам очень понравились люди этого посёлка».*

6.06.1973 г. в заповеднике побывали «*студенты Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе», которые остались «очень благодарны экскурсоводам и особенно директору… за столь содержательную и интересную беседу…*».

17 студентов «*Московского пед. института им. Крупской посетили заповедник 10.06.1973»* и в соответствии со своей профессией пожелали *«расширить ассортимент литературы о заповеднике».*

30 студентов Чечено-Ингушского Университета посещают «музей во время нашей практики» и, как будто предвидя через десятилетия этот обзор, пишут: «*Теперь вы сможете на карте отметить ещё одну точку нашей необъятной Родины*» (14.06.1973). 24 студента из г. Тирасполь (Молдавская ССР) оставили свой отзыв 03.08.1973 г.

«*Группа студентов Азерб. Пединститута очарована животным и растительным миром Карелии. Руководитель группы Акберба,* 08.07.1975».

«*Туристическая группа студентов Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта им. С.М. Кирова благодарит экскурсовода музея-заповедника «Кивач» за интересный, содержательный рассказ о флоре и фауне. 26 января 1983 г.*».

«*Группа врачей ВМА им. С.М. Кирова и ЛСГМИ благодарит экскурсовода музея-заповедника «Кивач» за интересную и содержательную беседу. Благодарим всех, кто принимает участие в сохранении этого чудесного уголка природы. 26.04.1983, г. Ленинград, 25 чел.»*

Не секрет, что в начале 90-х гг. многие вузы лишились в своих наименованиях «именных» фамилий партийных и советских лидеров, в честь которых они были названы, не обошло это веяние и наш Петрозаводский Университет в Карелии, носивший имя партийного функционера финского происхождения О.В. Куусинена.

«*Мы, студенты 2-го курса биологического факультета ПГУ им. Куусинена…»*, 02.06.1973. Тем не менее, сейчас эти полные названия высших учебных учреждений советской эпохи читаются как экзотика прошлого.

«*С чувством глубокого восхищения и уважения к необыкновенному краю Карелии! Республика Дагестан, г. Махачкала. Шевцов Михаил.* 31.05.2002 г.»

Примета времени советского периода — старое название города на Неве – Ленинград. Привожу лишь начало некоторых записей.

«*Мы, ленинградские геологи*…(25.07.1971), «*Мы, группа ленинградцев* (17.09.1971)», «*470-я школа г. Ленинграда*» (14.06.1972, 16 чел.), «*Ленинград, совхоз «Ручьи»* (15.06.1972, 30 чел.), «*Мы, школьники Ленинграда*» (21.06.1972), «…*группа научных сотрудников из Ленинграда».*

Искренен и доброжелателен текст жителей Латвийской ССР от 16.07.1974 г., которые «*благодарны за хороший приём*». Далее они пишут: «*Радуемся за природу Карелии и за мужественных жителей – борцов за сохранение природы и мы думаем, что жить в такой суровой природе – это героизм. Всего доброго, наши северные друзья»*. Подписи, к сожалению, не читаются.

Очень трогательны слова простых людей, написанные с большой теплотой и искренностью: «*Берегите природу: она вечна и прекрасна! Из Украины с любовью! 27.05.2006*» или такие: «*Украина, г. Мариуполь. Семья Любасовых. Процветания Карелии, дружбы между нашими странами, удачи всем. 27.06.2006».*

«Понравилось всё. Будет, что рассказать на братской Украине. г. Кролевец Сумской обл., Василенко Оля, Витя.11.02.2008»

Спустя годы, в то время, когда пишется статья, пожелания мира, добра и дружбы как никогда необходимы нашим странам, прежде добрым соседям, отношения между которыми проверяются на прочность, к сожалению, уже не первый год.

В первых Книгах встречаются отзывы представителей иностранных государств как капиталистического, так и социалистического лагеря: ЧССР — 14.10.1971 и другие, пока немногочисленные, даты приезда, ГДР — 15.07.1972, 15 чел., (текст предупредительно написан с переводом) и другие даты, Болгарии и Венгрии — 5.08.1986, Индии — 15.06.1973, Финляндии— 31.05.1974 (геологи Калеви Вирккаля и Хенкки Райнио, текст с переводом), Швеции (15.06.1974, как следует из перевода - профессор Щорс с группой). В этот же день зафиксировано посещение «делегатов-териологов (териология – наука о млекопитающих, прим. автора) международного конгресса из США, Канады, ГДР, Израиля, о чем имеется несколько подписей наших гостей, сделанных ими на родных языках. Далее следует Австрия — 20.07.1974. Пожалуй, гораздо чаще, чем остальные встречаются отзывы наших соседей-финнов, эта тенденция сохранилась и по сей день.

В последующие годы количество посетителей из разных стран (и, соответственно число записей) увеличилось. Сейчас уже никого не удивляют послания, оставленные жителями США (в разное время «засветились» штаты Алабама, Детройт, Мичиган, Миннесота, Северная Каролина, Индиана, Орегона и др.), Конго, Канады, Израиля, Англии, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Канады, Шотландии, Бразилии, Польши и др. К сожалению, встречается много записей, сделанных посетителями на своих родных языках, но при этом никак себя не обозначивших: принадлежность стране, профессия, автор. Остается только догадываться о смысле подобных текстов. Основываясь на личном опыте, смею предположить, что далеко не все иностранцы (равно как и наши соотечественники) «отваживаются» на отзыв (или на это просто не хватает отведённого на посещение Музея времени), ограничиваясь лишь экскурсией по территории и внимательным (или не очень) обзором интерьера Музея.

Не берусь перечислять все регионы бывшего Советского Союза, ближнего и дальнего зарубежья, откуда приезжали «наши» туристы. Их много. А значит, некоторые названия географических объектов (стран, республик, городов и т.д.) просто не названы, но они, безусловно, подразумеваются и лишь расширяют границы виртуальной карты Мира, со всех уголков которого стекаются ручейки путешественников в одну вполне реальную точку — заповедник «Кивач».

Кондопога и Кондопожский район в отражении Книг Кивача

С точки зрения местного жителя и краеведа мне интересно находить записи, сделанные нашими земляками. 43 человека из Кондопоги посетили заповедник 2 июля 1960 г., в этом не было бы ничего удивительного, если бы не название их организации — «Клуб смелых и весёлых»! Предполагаю, что если самые смелые и весёлые кондопожане были объединены в

клубовское движение, то, скорее всего, это были дети, а точнее подростки. Руководитель группы – А.А. Назаров, экскурсию для них провела М.М. Романовская. Следующим летом, 13 июня 1961 г., клубовцы также отметились на Киваче, оставив восторженную запись: «*Мы до глубины души любим природу Родины и цветущий карельский край. Побывав в музее «Кивач» мы глубже и всесторонне познаём богатства родного края и ещё-ещё глубже будем изучать родной край и любить природу. Наше пионерское спасибо экскурсоводам, рассказывающих о заповеднике «Кивач» и т.д. Руководитель М. Малышева* (возможно, Малышев, неразборчиво)».

Больше никакой информации о них нет, но даже эти скупые строчки наводят на размышления и вызывают интерес. Было бы замечательно узнать, как долго существовал этот клуб, на базе какой школы действовал, сколько детей там занималось и чем. Вот она, настоящая исследовательская «пища» для кондопожских краеведов – тема летнего детского досуга в 1960-е гг.!

4.09.1960 г. заповедник посетили представители воинской части пос. Гирвас. Данная воинская часть занималась обслуживанием нужд военного аэродрома, базировавшегося в поселке с 1956 г. (Г.И. Яковлева, пос. Гирвас, 2016). 21 военнослужащий под руководством старшего лейтенанта Карпенко выразили общее мнение: «*Очень благодарны директору заповедника «Кивач» Киму Александровичу за доходчивость и содержательное объяснение*».

Тема воинской части, находившейся в Гирвасе, ещё ждет своего серьёзного исследователя. Приходится констатировать, что на сегодняшний день по этому вопросу имеются лишь небольшие единичные работы учащихся Гирвасской школы, подготовленные в качестве докладов для выступления на различных краеведческих конференциях под руководством местной жительницы, педагога и краеведа Гирваса Н.Д. Васильевой.

Я долго колебалась, приводить ли в тексте ещё одну цитату авторов из Кондопожского района. Но фамилия, встретившаяся в коротеньком тексте, развеяла все сомнения. 12.06.1961 г. сделана вполне обычная запись от группы из 3-х человек: «*Благодарим за хороший приём. Желаем сотрудникам заповедника успехов в работе. Зав. отделом РК КПСС — подпись неразборчиво (возможно, Балабанов), Зав. отделом Кондопожского райсовета — подпись неразборчиво (возможно, Прунцев), завуч школы – Пашков*». Именно ради этой подписи, принадлежащей Михаилу Александровичу Пашкову, на тот момент заведующему учебной частью по производственному обучению старейшей Кондопожской школы № 1, и сделано исключение. Михаил Александрович был известным и уважаемым в нашем городе учителем, впоследствии долгое время директорствовал в школе № 6 (эта школа начала свою работу в 1964 г., сейчас её возглавляет дочь Михаила Александровича, Вера Михайловна Слясская). Михаил Александрович является основателем учительской династии Пашковых. Его сын, Александр Михайлович Пашков, доктор исторических наук, преподаёт в Петрозаводском университете и

время от времени посещает заповедник. При нашей личной встрече Вера Михайловна без труда узнала подпись отца. На мой вопрос о его возрасте на момент приезда в заповедник, ответила, что ему было 34 года. Михаил Александрович был уроженцем деревни Мянсельги Кондопожского района. Удивительное совпадение, но оттуда же родом бывший работник заповедника, талантливый карельский писатель Виктор Сергин (1939-1998), он начнёт трудиться в Киваче с 1968 г.

Встречаю отзывы работников Кондопожского сельпо и Райсоюза (17 чел., 4.07.1960), рабочих треста «Кондопожстрой» (10 чел., 23.06.1961), медицинских работников детских яслей №3 г. Кондопоги, коллектива целлюлозного завода (02.06.1972), учителей начальных классов и преподавателей биологии Кондопожского района (05.06.1972), работников КБО г. Кондопоги - 11.06.1972 (Комбинат Бытового Обслуживания – прим. автора), школьников Кяппесельгской школы, совершающих «поход по родному краю» (11.06.1972), учащиеся 7 «А» класса средней школы №1 г. Кондопоги (18.04.1973). 20.06.1972 г. состоялась «экскурсия работников Карельских зверосовхозов», которые пишут: «*Благодарим за возможность посмотреть в натуре на естественных животных…. Может быть они и лучше, но поездка к Вам была полезной*». Не секрет, что Карелия в советское время была прославленной пушной республикой, в арсенале отрасли звероводства имелось порядка 20-ти зверосовхозов. Один из них находился рядом с нами, в Кондопожском районе (племзверосохоз «Кондопожский, пос. Берёзовка). Увы, в настоящее время большинства вышеперечисленных предприятий Кондопожского района не существует, это реалии сегодняшнего дня.

Позабытое сейчас явление – помощь селу в летнюю страду силами горожан – нашло отражение в следующей записи: «*Группа командированных на сенокос из гор. Кондопоги знакомились со всеми богатствами заповедника.* 10 чел. 17.07.1961». Следует пояснить, что упомянутый племзверосовхоз «Кондопожский» имел свои пахотные и сенокосные земли в близлежащих деревнях. Очевидно, «командированные на сенокос» стояли на постое в д. Сопоха, там было отделение и полеводческая бригада совхоза.

Руководитель группы Киселёва (инициалов, к сожалению, нет) оставила свой отзыв 11.06.1973 и пишет, что «*Мы из пионерского лагеря п. Гирвас*», далее следует благодарность: «*Большое спасибо работникам за прелесть собранного в музее и чуткое отношение к людям, т.к. даже в выходной день нам дали возможность посмотреть музей».* Где они сейчас, пионерские лагеря? Это уже история.

«*Группа ребят школы №6 (3-й и 6-й класс) г. Кондопоги посетили музей «Кивач». Экскурсия по Музею очень понравилась. Весь день любовались природой заповедника, водопадом, дышали чистым воздухом. Благодарны за интересные сообщения о редких породах растений, животных. Спасибо!,* 29.05.1974»

Группа учащихся ГПТУ – 22 (г. Кондопога – прим. автора, в настоящее время ГБОУ СПО РК «Кондопожский техникум») пишет: «*остались довольны экскурсией. Большое спасибо за это сокровище*», 30.09.1973, 50 чел.

23.06.1975 г. сделана следующая запись: «*Мы, ученики Спасогубской средней школы, глубоко признательны за интересный, взволнованный рассказ о своём родном крае. Мы узнали здесь много нового и интересного! …Учащиеся стройотряда Спасогубской средней школы*».

2.11.2002 г. сделана запись довольно лирического содержания: «*Среди городской суеты, шума, в условиях тяжелейшего состояния Природы, Кивач это что-то неземное, зелёный островок в пустыне. Музей фантастической красоты…Водопад… красота потрясающая, стоя у него, создается впечатление, что водопад – что-то живое, дышащее. Красота, тишина и гармония, очень приветливые люди…Рыбин, Петр П.*». Удивила не сама запись, а то, кто её сделал – участники Школы практического краеведения, г. Кондопога.

Порадовала ещё одна запись, сделанная 12.01.2004 г.: «*Большое спасибо и огромная благодарность за содействие в фотосъёмке исторических кадров для реферата по истории поселка Кивач. Учащийся лицея №1 г. Петрозаводска Пудышев Артем и его дедушка Пудышев Герус Яковлевич*». Герус Яковлевич на тот момент трудился учителем физики в школе №1 г. Кондопоги, являлся основателем Музея истории своей школы, был признанным краеведом нашего города и собирал информацию о генеалогии и истории многих кондопожских семей. Учитывая его многочисленные заслуги, бескорыстное служение своему делу, важность для города его главного труда — книги «Кондопога изначальная» и в связи с юбилейной датой, в сентябре 2016 г. стараниями кондопожских краеведов на доме, в котором он жил по пр. Калинина, была установлена памятная мемориальная доска.

Проявление патриотических чувств

Неотъемлемой частью жизни советского человека при социалистическом строе, начиная со школьных лет, было военно-патриотическое воспитание. Гордость за свою страну формировалась со школьной скамьи на основе знаний по её истории, знакомства с культурой, достижениями искусства, завоеваниями отцов и дедов, изучением природных особенностей страны и её многообразием. Всё это, воедино связанное, создавало образ огромной сильной державы. Примечательно и, несомненно, волнительно, что заповедник «Кивач» воспринимается нашими посетителями как нераздельная часть огромной страны, одним из многочисленных «кусочков Родины» (процитировано одно из наиболее часто повторяющихся выражений посетителей).

В Книге отзывов встречаем записи весьма высокого слога, сделанные в патриотическом духе и принадлежащие как взрослым людям, так и детям. Например, 27.03.1973: «*Большое СПАСИБО* (так выделено в тексте – прим. автора) *коллективу заповедника «Кивач»! Большого Вам счастья, здоровья! Увидев «Кивач», уезжаю с большим впечатлением и гордостью за красоту природы «Кивача» — частицы нашей*

Р О Д И Н Ы (так в тексте – прим. автора). *Преподаватель биологии-химии школы № 1, г. Покров Владимирской обл.*» Подпись неразборчиво.

Проявления воспитательной работы с молодежью видим далее.

«*Туристы-следопыты школы № 59 г. Кирова»*, так в тексте – прим. автора, (подпись руководителя неразборчиво) пишут следующее: «*Следуя по маршруту боёв нашей 61 МСБ* (МСБ - морская стрелковая бригада, далее стилистика сохранена, количество детей не указано) *мы не могли не посетить заповедник «Кивач» и его Музей природы. Нам очень понравилось здесь, виден большой труд научных сотрудников, и благодарны за проведённую экскурсию,* 22.06.1973». Фронтовой путь 61-й морской бригады, её потери и победы - ещё одна возможная тема для исследований кондопожских краеведов.

9 августа 1973 года была сделана вот такая запись: «*По поручению туристов турбазы «Косалма», после пребывания в Вашем замечательном крае Карелии у водопада Кивач, мы под впечатлением красоты Вашего края, выражаем свою благодарность Вам за всё то доброе, что делаете Вы, пропагандируя и рассказывая о нём, о том крае нашей замечательной Родины, который мне пришлось защищать в 1939 году во время финской кампании и в годы Великой Отечественной войны. Лейтенант-орденоносец 1939 г., рекордсменка Карелии по лёгкой атлетике Ойнонен Ала*». (Остальные подписи неразборчиво).

Совершенно очевидно, что окружающая природа и красота этих мест действует на наших посетителей в самом сильном своем проявлении, пробуждая чувство законной гордости за свою страну и личную принадлежность к ней. Саша, Миша и Сергей из Московской области, города Воскресенска пишут: «*Почему-то испытываешь, находясь у Вас, огромное чувство гордости за страну! Сохраните, пожалуйста, этот памятник для наших детей! 17.08.2003».* Автотуристы из Санкт-Петербурга 5.07.2005 г. подмечают, что «*Природа нашей страны прекрасна, и это надо видеть, чувствовать и обязательно беречь. Спасибо жителям Карелии, работникам заповедника»*. В проявлении любви к своей стране подростки не уступают взрослым, так, «Максим из Москвы» лаконичен: «Славься, Родина-Русь!» (6.07.2005 г.). «Дима из Санкт-Петербурга» признается: «Здесь испытываешь гордость за свою страну!» (27.07.2005).

Подчезерцевы Г.М. и Н.П. из г. Кирово-Чепецка Кировской области 6.07.2007 г. справедливо резюмируют: «*Природа Карелии – это национальное достояние России*».

Поражает найденное нашими гостями количество различных эпитетов, применяемых при описании водопада и заповедника в целом.

Кивач – по мнению наших посетителей: «*чудо, восьмое чудо света, скромность и мощь одновременно, райский уголок, красота и величие, одно из красивейших мест России, превосходное место, настоящее богатство нашей России, удивительное создание природы, грандиозное зрелище, бесподобный уголок нетронутой природы, лесная сказка, потрясающий по своей красоте и неповторимости, одно из самых красивых мест на этой планете, уникальный дар природы, шедевр природы и т.д.».* Длинная цитата, но она заслуживает быть приведенной здесь: «*Нужно было проехать все километры из Петербурга, из Петрозаводска, вымокнуть под дождем и промочить ноги, чтобы обмереть от этой необыкновенной красоты, от падающей воды, от невероятного ощущения, что к этой красоте имеешь отношение потому что, живешь тоже на этой земле, как и он (Кивач). Он изумителен, уникален, совершенно самодостаточен. Просто — стоять около, почти не дыша. Слова отказываются передавать ощущения.7.05.2005».*

«Потрясающие ощущения незабвенной природы, волшебства, красоты, свежести. Горжусь своей страной за такие восхитительные уголочки Земли Русской! 29.12.2008» Подпись неразборчиво.

История Карелии оживает на страницах Книг. Далее встречается целая россыпь записей, сделанных 26 июня 1974 года. Как известно, Карелия была освобождена 28 июня 1944 года. Можно предположить, что спустя 30 лет, в юбилейный год, была организована встреча ветеранов-фронтовиков 313-й стрелковой дивизии, освобождавшей наш район.

В Книге отзывов №3 в этот день появилась целая подборка отзывов ветеранов Великой Отечественной, сделанная на двух страницах, смысл которых весьма значим для нас, жителей Кондопожского района. Как следует из текстов, на Киваче побывали бывшие воины 313-й стрелковой дивизии, освобождавшей Карелию в 1944 г. от финских захватчиков.

Вот она: «*Музей привлекает интерес не только народы Советского Союза, но и друзей природы, в частности Карелии, других государств* (выше шел отзыв на немецком языке - прим. автора). *Желаем работникам музея плодотворного успеха в их благородной работе. Участники освобождения Карельской земли во время Отечественной войны: Кондопоги – Спасской Губы. К-р 1070-го полка полковник в отставке Пильщиков*». В этот же день, и, вероятно, в это же время сделана запись, расположенная чуть ниже: «*Жаль, что такой прекрасный водопад был испорчен взрывом. Но надеюсь, что его былая красота будет восстановлена. Большое спасибо, что работники музея ведут научную работу по изучению фауны района водопада «Кивач». Бывший командир 313-й дивизии генерал-майор Голованов*»

Далее идет размашистая подпись: «*Г. Куприянов*».

С осторожностью предполагаю, что подпись принадлежит Г.Н. Куприянову (1905 – 1979) – крупному советскому партийному деятелю Карелии.

Чуть ниже, очевидно, подписываясь под приведенным выше текстом двух фронтовиков, следуют воинские звания еще трех участников встречи на Киваче: «*Бывший командир 2-го СП батальона 1070 сп 313 СД. Майор запаса Тихонов* (с указанием обратного адреса)». «*Бывший зам. ком. бат. №1 1070 сп 313 СД капитан запаса Касаев* (неразборчиво) *Тимофей Яковлевич* (с указанием обратного адреса)». «*Фотограф 313 СД и Карельского фронта Ленский С.М.*».

Предположения автора о состоявшейся в 1974 году встрече ветеранов-фронтовиков нашли свое подтверждение в архивах. Листаю страницы местной газеты «Новая Кондопога». А. Карпенко в номере от 29.06.1974 г. в статье «Волнующие встречи» пишет: «*Необычной была аудитория у старшего научного сотрудника Карельского государственного краеведческого музея Н. М. Гвоздева, проводившего экскурсию по выставке «Память и время». Его слушателями были люди, делавшие историю 30 лет назад, боровшиеся за освобождение родной земли от чужеземных захватчиков – ветераны Карельского фронта, участники партизанского движения, местные подпольщики. Николай Михайлович останавливался у стендов с фотографиями 30-летней давности, пожелтевшими листовками, воинскими атрибутами того времени, рассказывал о Карелии в годы Великой Отечественной войны. А гости, освободители Кондопоги, бывший член Военного Совета Карельского фронта Геннадий Николаевич Куприянов, бывший командир 313-й краснознаменной Петрозаводской стрелковой дивизии Григорий Васильевич Голованов и их спутники дополняли, уточняли, вспоминали подробности минувших грозных дней. … Рядом с нами оказался автор снимка генерала* (речь идет о снимке генерала Ф. Д. Гореленко, Героя Советского Союза, командующего 7-й Армией — прим. автора) *Сергей Михайлович Ленский. …эта фотография Ленского не единственная на выставке. Митинг в освобожденном Петрозаводске 30 июня 1944 года, выступление Ю.В. Андропова, члена Политбюро ЦК КПСС, председателя Комитета Госбезопасности при Совете Министров СССР, бывшего тогда секретарем Карельской республиканской комсомольской организации, группа партизан у Тихвин-Бора в Медвежьегорском районе, лагеря военнопленных, разрушенные кварталы Петрозаводска – все эти снимки дело рук светописца Карельского фронта С.М. Ленского, находившегося в те годы при штабе фронта…».*

К сожалению, в статье кондопожского журналиста Алексея Степановича Карпенко не упоминается о посещении ветеранами конкретно заповедника «Кивач», но благодаря страницам Книг отзывов посетителей мы с полной уверенностью можем заявить, что и Геннадий Николаевич Куприянов, и фронтовики 313-й дивизии удостоили его своим вниманием. Таким образом, на наших глазах приоткрылся малый эпизод послевоенной истории Карелии.

Следующий раздел будет посвящен людям, когда-то трудившимся в заповеднике и оставшимся в памяти нынешних жителей и сотрудников «Кивача». Но, как выяснилось, их запомнили и те, кто, преодолевая сотни и сотни километров, приезжали сюда в качестве туристов и имели возможность, пусть ситуативно, их видеть, общаться и чувствовать как особую ауру, так и простое житейское гостеприимство. Эти люди своей эрудицией, знаниями, личными человеческими качествами создавали авторитет организации, которой служили честно и преданно долгие годы, а кто-то лишь несколько лет. Добрую память о людях Кивача экскурсанты увозили по разным уголкам огромной страны.

Люди, оставившие след в истории заповедника

Книги отзывов посетителей открывают свои страницы и предоставляют нам возможность встречи через десятилетия с людьми, работавшими в конце 50-х и в 60-70-е гг. в заповеднике «Кивач». Их имена мы помним, они уже в летописи Кивача (научной или просветительской), только теперь появляется прекрасная возможность увидеть некоторые грани их работы, застать, так сказать, на рабочем месте, иногда в не совсем свойственном качестве.

К.А. Андреев, заповедник «Кивач», 1961 г.

Просматривая первые записи Книги № 3, наткнулась на дорогую для заповедника запись, сделанную 29.04.1972. «*Большое берендеевское спасибо Мире Григорьевне за интересный рассказ о животном и растительном мире лесного заповедника «Кивач». Школьники, слушатели Малой Лесной Академии с большим вниманием слушали о Киваче и остались очень довольны*». Далее следует незатейливая, а потому узнаваемая подпись — *К. Андреев.*

Этот коротенький текст связал две фамилии, значимые для заповедника «Кивач». ***Ким Александрович Андреев*** приехал в заповедник ориентировочно в 1958 году и проработал здесь до 1963 года, оставив добрый след в душах тех, кто его знал лично. К сожалению, таковых в заповеднике остается всё меньше и меньше. После переезда в Петрозаводск не потерял связи с Кивачём, часто приезжая сюда со своими воспитанниками из Малой Лесной Академии, основанной им же в 1971 году. Ещё одна запись от 23.07.1973: «*Истинное удовольствие и наслаждение получил от стенда «Берендеи». Особенно поразил план: на 1 странице, а дел на десятки и сотни страниц, чаще же в жизни – планы составлены на десятках страниц, а дела нет и на одной. Молодцы и спасибо за дела. Конечно, чувствуется «душа» руководителя. Нельзя ли получить семена (саженцы) карельской березы и вообще держать связь?*» Обратный адрес – Московская область, г. Химки, Дом пионеров, кабинет

туризма и краеведения; городское пионерское лесничество «Химчанка». Автор — методист Обухов В.П.

Но записи, сделанные непосредственно рукой К.А. Андреева, и позже уже о нём, встречаются еще в Книге, относящейся к 1958 г. Судя по почерку, и сама первая Книга была заведена и заполнялась именно им. 29 мая 1960 г. сотрудники Карельского филиала АН СССР в количестве 21 чел. оставили следующий отзыв: «*Очень довольны остались краткими лекциями о растительности и животных заповедника Андреева и Ивантера. Чувствуется, что товарищи работают с большой любовью к делу и энтузиазмом. Желаем «Так держать!», больших успехов и процветания заповедника.* 10 подписей». Подобными отзывами пестрят многие страницы.

22-я группа харьковчан 3 сентября 1973 года пишет следующее: «*Очень понравился музей. Спасибо за это сокровище. Мы очень-очень довольны. А берендеевцы – просто превосходны! Молодцы ребята!*».

Хочется лишь добавить, что, видимо, особенную связь Кима Александровича Андреева с природой, его тонкое понимание леса и настоящую любовь к нему чувствовали не только люди, окружавшие его, но ощущались эти чувства и на расстоянии незнакомыми людьми, судившими лишь по делам, обозначенным всего лишь на одном листочке бумаги.

В Книге отзывов за 2003 г. с изумлением обнаружила следующие строчки: «*Очень рад развитию Музея природы, привозил московских юннатов, все в восторге. Глубокий поклон хранителям Музея и создателям красоты вокруг него. Желаю дальнейших творческих успехов. Один из создателей Музея – К.А. Андреев.* 11. 07. 2003».

Преподнёс сюрприз и 2005 год. Размашистым подростковым почерком, не размениваясь на знаки препинания: «*Природа Кивача замечательна увидев её она останется в сердце на всю жизнь. Спасибо Вам, что вы сохранили для нас это прекрасное место!!! Юные натуралисты из Москвы, школа №546*». Далее маленькая приписка знакомым четким андреевским почерком: «*с К.А. Андреевым».*

Э.В. Ивантер, заповедник «Кивач», 1960-е гг.

Удивительно светлому и скромному человеку – особая признательность всех бывших и будущих работников Кивача и наша долгая память.

Заповедник «Кивач» дал путевку в жизнь ещё одному крупному карельскому ученому. Фамилия ***Эрнеста Викторовича Ивантера***, упоминавшаяся выше, встречается на страницах первой Книги отзывов впервые в 1959 г., на тот момент он отработал в заповеднике уже 2 года. Запись кратка, только фиксирует приезд группы: «*3-4.01.1959 г., 20 чел. Средняя школа № 123 Советского района г. Москвы. Руководитель В.В. Тетерин*», но справа рукой организатора группы сделана совсем коротенькая приписка: «*Большое спасибо*

работникам заповедника». Принимали школьников Ф.С. Яковлев и Э.В. Ивантер. Старший лаборант Э.В. Ивантер, судя по годовым отчётам, за 1959 г. провёл 5 лекций, в феврале 1960 г. выступал в Кяппесельгской школе с лекцией «Роль заповедника в деле охраны природы», а всего за 1960 г. провёл в музее 8 экскурсий. Благодарственные отзывы посетителей за проведённые им экскурсии встречаем на страницах Книги № 1. В настоящее время Э.В. Ивантер — один из ведущих и авторитетнейших учёных-зоологов в нашей стране, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН. С 1987 г. является деканом биологического факультета ПетрГУ, его имя занесено в энциклопедию «Карелия» (2007, т.1). В далеком 1961 г. экскурсии по музею заповедника проводила и супруга Эрнеста Викторовича, Татьяна Всеволодовна, о чём имеется благодарственная запись студентов Лангуевой, Садчиковой, Ивановой и др. (1.07.1961)

М.Г. Дурягина, 2006 г.

Имя ***Миры Григорьевны Дурягиной*** в Книге №3 встречается очень часто. 15.07.1971: «*При посещении музея нам очень понравилось сообщение экскурсовода Миры Григорьевны. Мы пополнили свои знания о нашем родном крае, увидели удивительные сюжеты*», — пишут учителя республики, отдыхающие в п. Спасская Губа. Им вторят москвичи: «*Группа туристов из Москвы благодарна экскурсоводу Мире Григорьевне за её интересный рассказ по экспонатам музея,* 24.07.1971». «*Туристы № 14 сборной группы выражают свою признательность сотрудникам заповедника «Кивач» и экскурсоводу Мире Григорьевне за обстоятельную и содержательную беседу. Желаем больших успехов сотрудникам заповедника в благородном и нужном деле сохранения природы, 30 чел, 8.07.1972*» В третьей Книге отзывов страница была поделена на 3 колонки, в первой записывалось, когда и сколько человек прослушали экскурсию, во 2-й шло наименование организации и сам отзыв, а в 3-й фиксировалось, кто именно провёл экскурсию. Так вот, часто экскурсанты, не называя имени экскурсовода, тепло благодарят за проведённую экскурсию, но по подписи мы понимаем, кто удостоен столь лестных отзывов. Подпись Миры Григорьевны встречается до 24.07.1974 г.

Ф.С.

Уже упоминавшаяся *«группа сотрудников Института ботаники Академии Наук Литовской ССР (группа 24 чел., 31.07.1971) посетила заповедник «Кивач» и музей, познакомились с очаровательным уголком природы Карелии и с работами, проводимыми здесь с целью изучения и охраны природных комплексов. Особенно сердечно благодарим старшего научного сотрудника* ***Федора Степановича Яковлева*** *за обстоятельный и содержательный рассказ о работах в заповеднике и о самом заповеднике. Желаем*

сотрудникам заповедника успешной дальнейшей работы по исследованию и охране природы». «История поселка Кивач…» (С.Б. Скороходова и др.) даёт о нём такую справку: «Кандидат биологических наук. Самый авторитетный научный сотрудник заповедника. Один из директоров заповедника «Кивач». Последующая статья С. Скороходовой о нём немногословна, но за краткостью изложения, что лишь усиливает впечатление, чувствуется безграничная любовь, верность и преданность этого человека карельскому лесу и природе Кивача.

Продолжим тему персоналий заповедника. 9 мая 1974 года родители, учителя и учащиеся школы № 8 г. Кондопоги сделали такую запись: «*День Победы! 30 лет!* (29 – прим. автора). *Всех работников удивительного уголка Карельской природы поздравляем и желаем здоровья и успешной работы по охране и умножению богатств заповедника «Кивач». Спасибо, Рафаил Александрович, за беседу и подробную информацию об истории «Кивача». Далее перечислены фамилии школьников: Попова, Кузьмичевская, Виноградова, Неточа, Силкина, Иевкова, Морозова, Новикова, Лещёва, Перласова, Панина, Брехова).*

Р.А. Васильев

Рафаил Александрович Васильев на тот момент трудился директором заповедника и возглавлял его вплоть до конца апреля 1977 г. Он был кандидатом биологических наук, лауреатом государственной премии в области биологии. Имя его в анналах заповедника, помнят о нём наши сегодняшние научные сотрудники, те, кто был знаком лично. Так, А.П. Кутенков, ведущий научный сотрудник заповедника, писал в своих воспоминаниях (2006 г.): «человек неуёмной энергии, без тени личной корысти, он вынашивал грандиозные планы превращения «Кивача» в крупный научный центр по изучению естественных процессов, имеющих место происходить в охраняемом от людского воздействия комплексе…».

Группа из 57 чел., представленная студентами и преподавателями Белорусского госуниверситета им. В.И. Ленина географического факультета «*благодарит директора заповедника Васильева Р.А. за изумительную беседу-лекцию. А также выражаем сердечную благодарность сотруднице музея за экскурсию по музею*». Отзыв написан руководителями практики — кандидатами географических наук Галай И.П. и Ерёминой В.А., 26.07.1972. Рядом стоит скромная подпись принимающей стороны: Васильев.

И ещё один весьма показательный отзыв, сделанный 18.04.1973 г.: «*от имени учащихся III курса зооотделения гр. «А» благодарим Р.А. Васильева за интересный, красочный и очень полезный рассказ о заповеднике, «Киваче» и Карелии, которую надо беречь. Мы будем беречь Карелию, обещаем, Р.А. Васильев. Учащиеся III курса г. Сортавала с/х техникум»*. Подписей под данным Рафаилу Васильевичу обещанием поставлено достаточно много, но все, к

большому сожалению, не читаются. После того, как Рафаил Александрович покинул заповедник (конец 70-х гг.), он трудился директором биолого-растениеводческой станции в селе Отрадном Приозерского района Ленинградской области (сообщение А.А. Воиновой, 2016).

25 июля 1974 г. впервые встречается запись об одной из старейших сотрудниц заповедника ***Галине Вернеровне Эркко***, затем эти записи благодарственного характера будут повторяться с завидной регулярностью. Итак, «*Группа туристов с турбазы «Косалма» в количестве 28 чел. попала на обеденный перерыв в музей природы. Несмотря на это администрация заповедника в лице Гали помогла нам и провела интересную беседу. Мы благодарим за чуткое внимание. Инструктор Богатов В.И.*» С этого момента подпись Галины Вернеровны как экскурсовода соседствует с подписью Миры Григорьевны Дурягиной на страницах Книги.

Галина Вернеровна начала трудиться в заповеднике по приглашению Р.А. Васильева с 1973 г., приобретая опыт на разных должностях: секретаря, старшего лаборанта, экскурсовода с исполнением обязанностей библиотекаря. В 1998 г. возглавляла эколого-просветительскую группу при научном отделе, которая позже стала самостоятельным отделом. «На протяжении четверти века была настоящей хозяйкой «алмазной горы» Кивача» («История посёлка Кивач, написанной его жителями» (С.Б. Скороходова и др.).

С 2003 г. по сегодняшний день работает контролером на КПП, но неизменно приходит на помощь в нужный момент специалистам отдела экологического просвещения и отдела науки. До сих пор радует нас своей бодростью, огромным трудолюбием, житейским юмором. Анализируя тексты посланий посетителей прошлых лет, приходишь к выводу, что знания и опыт Галины Вернеровны были обширны и многогранны, она умела найти нужные слова и подход к совершенно разным по уровню подготовки группам, будь то школьники, научные сотрудники или военные. Не секрет, что умение владеть устным словом дано не каждому, умение говорить на публику встречается и того реже, и только гармоничное сочетание двух упомянутых качеств может дать нужный результат и затронуть «за живое» аудиторию. Не последнюю роль в работе экскурсовода играет и любовь в самом широком своем понимании: к своему делу, к своему краю, к природе, а также простое человеколюбие, которого так не хватает нам в последнее время. Всего этого у Галины Вернеровны в избытке.

Добавлю, что все долгие десятилетия добросовестной службы Галина Вернеровна была не только полноправной хозяйкой «алмазной горы», но и «лицом» заповедника «Кивач», потому как первое, что видят приезжающие — это лицо контролера КПП и лицо встречающего экскурсовода. Замечу, что заповедник, судя по отзывам туристов, абсолютно точно не проиграл, так как лицо Кивача все эти годы было весьма приятного вида.

«*Группа туристов 562 маршрута с большой теплотой благодарит экскурсовода Эркко за прекрасное освещение о Карелии. После такого рассказа мы влюбились в Карелию, осознали её красоты,* 21.08.1974»

18 туристов турбазы «Косалма» говорят: «*Огромное спасибо за прекрасный, полный любви к своему краю рассказ экскурсовода тов. Эркко…*28.08.1974»

«*Туристская группа базы «Косалма» представителей со всех концов нашей необъятной Родины с большим удовольствием посетила музей «Кивач» и прослушала великолепный рассказ экскурсовода Эркко Г.В. Сколько в ней любви к природе и краю, в котором она живёт. Спасибо! Набоков О.Н, Климова (г. Можайск), Будыкин*». Остальные подписи неразборчиво. Дата не указана.

«*Мы, туристы турбазы «Косалма» искренне благодарны экскурсоводу заповедника «Кивач» тов. Эркко Г.В. за доставленное удовольствие от экскурсии в музее и на водопаде. Уносим в себе любовь к Вашему краю. Еще раз благодарим за теплоту и сердечие. Пусть будет побольше таких людей, от общения с которыми ощущаешь теплоту. Вечной молодости вам и процветания. 14.12.1983 г. Егорова, Сидорова и др.,* остальные подписи неразборчиво».

«*6 февраля 1986 г. в музее побывали студенты Латвийской сельскохозяйственной академии, гости кафедры лесного хозяйства Петрозаводского госуниверситета. Выражаю признательность экскурсоводу Эркко Галине Вернеровне за подробный рассказ о природе и животном мире заповедника. Доцент кафедры лесного хозяйства, подпись неразборчиво*».

«*Мы, участники Всесоюзного совещания Министерства обороны и Министерства Монтажных и специальных строительных работ СССР, посетили музей природы. Очень много узнали о Карелии и её богатствах. Выражаем глубокую благодарность экскурсоводу музея т. Эркко Галине Вернеровне за интересный и содержательный рассказ о Советской Карелии. По поручению участников совещания полковник В. И.Чернецов, от ММСС СССР С.М. Голуенко*. 12.06.1986».

22 июня 1986 г. «*студенты и преподаватели ПГУ биологического факультета» выражают «наше огромное спасибо орнитологу, старшему научному сотруднику Людмиле Сергеевне за очень интересное ведение экскурсии по птицам – их гнездам, биологии*». Среди подписей читаются лишь: М. Лобкова, Чурилина, Н. Ильина, А. Зайцев, Серова, остальные неразборчиво.

Л.С. Захарова

Людмила Сергеевна Захарова трудилась в заповеднике с 1969 по 1990 г. в должности орнитолога в штате научного отдела. Цитата из «История посёлка Кивач, написанной его жителями» (С.Б. Скороходова и др.): «Проводила исследования по программе «Летопись природы». Осуществляла ежегодный учёт численности птиц всех экологических и систематических групп как гнездящихся в заповеднике

и его охранной зоне, так и пролётных, с применением стандартных и общепринятых методов (учётами были охвачены важнейшие типы леса заповедной территории, безлесные пространства, а также водно-болотные угодья) и сбор материалов для экологических очерков». В 7-м выпуске Трудов заповедника «Кивач» (2016) читаем: «Занималась Людмила Сергеевна и эколого-просветительской работой. Она разрабатывала тексты лекций и экскурсий. В книге «Заповедные тропы зоологов» (А.П. Кутенков, А.Н. Щербаков, Л.С. Захарова, 1988) раздел о птицах написан ею. Вместе с юными друзьями леса из школьного лесничества «Берендей» совершала походы в дальние уголки леса, руководила практикой студентов, ежегодно проводила орнитологические экскурсии. Ездила с лекциями на уроки биологии в школы г. Кондопоги. В 1990 г. переехала в г. Кондопогу, где до выхода на пенсию трудилась мастером цеха на местном ЦБК». Людмила Сергеевна ушла из жизни 14 мая 2015 г.

«*16.07.1989. Очень благодарны ст. научному сотруднику Захаровой Л.С. и экскурсоводу Эркко Г.В. за хорошую экскурсию в природу и музей. Преподаватели ПГУ: доцент Самылин А.Ф., доцент Лобкова М.П., подписи студентов неразборчиво*».

Творческие находки

Не секрет, что наш язык является отражением не только истории народа, но и культуры. В языке отражаются окружающие нас реальности, менталитет, образ жизни, традиции и т.д. И что, как не стих, является вершиной языка?

Хочется обратить внимание на присутствие стихотворных строк в первой Книге. Их наличие, хочется верить, является доброй традицией, заложенной ещё в начале 20-го века. Я имею в виду те четыре строчки Александра Плещеева, которые приведены в тексте Н.И. Березина и упомянуты выше. Любовь посетителей Кивача к лирическим строкам поэтов всех уровней (как наших отечественных, так и иностранных, как широко цитируемых, так и малоизвестных) неизменна. Обращение к поэтическому наследию, по-видимому, выручает, когда нашим посетителям хочется выразиться «высоким штилем».

Перед нами стихотворный ответ А. Плещееву из года 1972-го, 19 августа, 30 чел., группа из г. Северодвинска.

«*Сюда мы ехали без сожаления,*

Мы восхищаемся тобой, Карелия!

Кивач понравился, Музей понравился.

Желаем счастья Вам, желаем здравия!»

Группа № 38 (Турбаза «Косалма», 9.08.1973, 30 чел.), состоящая из представителей Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Ржева оставили свое оптимистическое стихотворение:

«*Говорю я от друзей:*

Очень ценен Ваш музей.

Даже городской повеса

Станет вскоре другом леса.

И от группы от столичной

Нашей лекторше отличной

Шлём поклон и наш привет

- И здоровья на сто лет!»

Экскурсовод (она же «лекторша») – упоминавшаяся выше Мира Григорьевна Дурягина.

30 июля 2001 г. в Книге № 2 встречаем несколько перефразированное стихотворение Максимилиана Волошина, к которому «примкнули гости из Ленинграда»:

«*Я давно уж не приемлю чуда*

Но как сладко видеть – чудо есть!» (в оригинале – слышать).

Далее идёт благодарность: «*Большое спасибо всем подвижникам заповедника «Кивач». Храни вас Бог!».*

«Поклонницами карельской природы» назвали себя Ирина и Дарьяна (21.07.2002) и процитировали две начальные строки стихотворения Николая Рубцова:

«*Тихая моя родина*

Ивы, река, соловьи…».

5.09.2003 были написаны короткие благодарственные строчки, автор - Билаотис:

«*Слава Богу, что слышу*

Слава Богу, что зряч,

Я сегодня и видел

И слушал Кивач».

2004-й год приносит свои поэтические сюрпризы. Волонтёры Общественной природоохранной организации «СПОК» (г. Петрозаводск) приводят такие строки:

«*Я, Жизнь, тебя прошу, дай мне уменье*

Счастливым быть от малости любой

Водопад увидеть – оценить теченье

Цветок найти – прельститься красотой. 5.11.2004».

«Владимир с Поля Куликова (08.07.2005) цитирует наиболее часто повторяющуюся во всех Книгах строчку из песни «Карелия»: «*Долго будет Карелия сниться*» с неподдельной грустью замечая: «*Жаль, что сам не поэт*».

Зверобой 10.01.2005 г. справедливо подмечает: «*Рифмы сразу не приходят…*» и поэтому передаёт «*просто привет*».

О. Славуцкий из Москвы достаточно вольно переделал строки М. Лермонтова:

«*Кивач подо мною,*

Один угрюмо стою у края стремнины…»

В оригинале:

«*Кавказ подо мною. Один в вышине*

Стою над снегами у края стремнины». 13.02.2005 г.

31.07.2006. Авторы Л. Щербакова и К^0 из Москвы философски замечают:

«*А что оставим мы в наследство?*

Чем правнуков мы сможем удивить?

Какой шедевр найдёт в музее место?

Дай Бог, что есть — не погубить»

В этом же 2006-м году, 13 августа, у Ирины Никитиной из Московской области «сложились такие стихи»:

«*Я шла на водопад Кивач,*

На этот звук реки бурлящей.

Я шла на смех, я шла на плач.

А в сердце звук стоял щемящий..»

2008-й год отмечен несколькими поэтическими строчками В. Странника из Украины, 15 августа написавшего:

«Берегите природу

И карельский наш край!

Заповедник Кивач – Богом созданный рай!»

Стереотипы речи советского периода

Несомненно, общественный строй оказывает влияние на язык общения между людьми, привнося свою специфическую терминологию. В Книгах № 1–3 (1958-1977 гг.) встречаются записи, на которых, безусловно, лежит печать своего времени. Обычно употребляемое в советских документах слово «товарищ» придает некоторую официальность отзывам посетителей заповедника, но, к счастью, встречается не часто. Видимо, нахождение наших граждан на отдыхе и на природе всё-таки способствует временному уходу от принятых официально-стандартных норм письма и заставляет мыслить более творчески.

19.06.1961, 18 чел.: «*Мы (группа товарищей) посетили заповедник и музей природы водопада «Кивач». Посещением остались очень довольны, за что благодарим работников заповедника. Группа товарищей».*

5.06.1971: «*Туристы санатория «Марциальные воды» прослушали экскурсовода заповедника «Кивач» — о растительном и животном мире. Лекция очень интересная и поучительная. Остаёмся очень довольны. Большое спасибо*» Подпись неразборчиво и *ряд товарищей.*

Сотрудник госуниверситета г. Праги (ЧССР) пишет 14.10.1971: «*С большим удовольствием я встретил Ваш красивый музей. Большое спасибо, товарищи!*» Подпись неразборчиво.

В отзывах встречаем принятые в ту пору шаблоны благодарственного характера («выражаем благодарность», «выносим благодарность», «успехов в труде» и т.д.). Благодаря имеющемуся переводу, можем прочесть текст гостей из ГДР, написанный 15 июля 1972: «*Наша делегация из Германской Демократической Республики благодарит сердечно сотрудников музея за интересную экскурсию и рассказ. Мы желаем этому музею много посетителей и радости в труде и творчестве его сотрудникам*». Группа 09-02-11 «К северным островам», г. Харьков, 25 чел., 20.07.1972 г. пишет: «*Горячо благодарим дорогого товарища экскурсовода за интересный и содержательный рассказ о жизни заповедника»*. Подпись неразборчиво.

Послание такого рода можно понять и принять от членов официальной делегации, но, как видим, устоявшиеся речевые формы используют и простые обыватели.

Между 3-м и 13-м ноября 1974 г. была сделана следующая отметка: «*Желаем трудящимся больших успехов в своей благородной работе по сохранению природных богатств.* Подпись неразборчиво». «Сухой» и не к чему не обязывающий текст пожелания, слышанный нами в различных вариациях из любого радиоприемника в советское время.

К счастью, надо признать, что подобных формулировок и словесных конструкций в духе советского периода в Книгах далее не встречается, речь наших посетителей освобождается от стандартных клише и становится более живой и непосредственной.

Профессиональная принадлежность экскурсантов

Работая с Книгами отзывов прошлых лет, невольно обращаешь внимание на количество экскурсий, проводимых для различных профильных групп. Школьные и студенческие, семейные и спортивные, экскурсии для военнослужащих, экскурсии для отдыхающих в одном оздоровительном учреждении, профессиональные, когда члены группы объединены общим местом работы или специализированные, в которых туристов объединяет одна специальность. Как правило, представители специализированных групп приезжают со всех уголков страны на какое-либо республиканское мероприятие для повышения квалификации, будь то конференция, съезд, учеба, семинар и т. д. и экскурсия в заповедник является для них частью обязательной культурной программы. Экскурсии для туристов (в своей группе – коллег), объединённых

одним местом работы, наглядно показывают, как были сильны в советское время позиции профкомов — профсоюзных организаций, организующих, как правило, такие поездки. Вне всяких сомнений, такие путешествия сплачивали коллектив, поддерживали в нем дух коллективизма, настраивали на общий позитивный лад, давали пищу для совместных воспоминаний в будущем. В современных Книгах подобные отзывы почти не встречаются, но это не значит, что Кивач перестали посещать коллективы, объединённые одним местом работы. Отнюдь. Думаю, что просто наши туристы реже стали упоминать своё место работы в силу разных причин или предпочитают оставлять отзывы от себя лично, будучи даже в составе группы.

Чего теперь почти не встретишь в Книгах отзывов, так это указания профессий наших посетителей. Конечно, бывают редкие исключения, когда приезжающие группы школьников со своими педагогами или преподаватели вузов со студентами начинают свой отзыв с указания вуза и упоминания своего статуса в нём. Представителей огромного количества других профессий мы уже не встречаем. Не увидеть теперь упоминания о чисто рабочих специальностях, чего не стеснялись люди в 50–70-е гг.

С уверенностью можно констатировать, что традиция советского периода упоминать свою специальность не прижилась в современных документах «Кивача» и ушла в далёкое прошлое.

Возможно, посетителям прошлых лет было легче обозначить себя, приезжая в составе своего коллектива, и тогда появлялись соответствующие записи: «*Ленинградский карбюраторный завод. 8 чел., Горькова Л.В.*» 1.07.1959, «*Краснознаменная ордена Ленина Военно-Воздушная Инженерная Академия им. Н.Е. Жуковского.* 5 чел., 3.02.1960, «*г. Рига. Радиозавод им. Попова*», 5 чел., 3.03.1960, «*сотрудники «Литературной газеты*», 2 чел., гг. Ленинград и Москва. 26.06.1960. Среди посетивших заповедник в 1960-м году военнослужащие и студенты, архитекторы и мебельщики, работники консерваторий и преподаватели. Очень мало записей от просто «жителей» и самоорганизованных групп, все остальные стремятся себя обозначить именно по специальности.

1.07.1961 г. музей заповедника посетили 30 студентов «биологического отделения сельскохозяйственного факультета Петрозаводского Госуниверситета». Будущие преподаватели-биологи желают «*работникам заповедника больших трудовых успехов*». «*Мы, колхозники к-за «Заря коммунизма» Покровского района Днепропетровской области посетили музей Кивач… Мы поражены интенсивной работой работников заповедника.7.10.1961, Моисеенко Т.П., Сердюк А.А..*».

Хочется выделить актуальную для нас запись: «*Сплавная контора Петрозаводск – Сунский бассейн, 21.05.1962, Левкин и еще 4 чел.*».

«*Коллектив Петрозаводского холодильника…, 34 чел., 12.06.1971». «Группа сотрудников института «Аэропроект в составе 60 чел. посетила заповедник «Кивач»…, 17.06.1971., «Группа туристов, учителей Балдонской средней школы Латвийской ССР…», 32 чел, 30.07.1971. «Группа пенсионеров Петрозаводского лесоп. меб. комбината в количестве 32 чел. посетила заповедник 06.08.1971*».

Встречаются и специальности, уже ушедшие из нашей жизни, например, вот такая запись сделана 19.06.1972: «*Мы, группа пропагандистов политического просвещения из Волосово Ленинградской области с большим удовольствием побывали на водопаде Кивач и в музее. Благодарны за интересную и обширную экскурсию, все очень поражены красотой природы Карелии и гостеприимством её хозяев. Большое спасибо за доставленное удовольствие»*, 30 чел.

Группа из 30 чел. 18.06.1972 пишет следующее: «*Мы, группа работников Шуйского лесопункта Петрозаводского леспромхоза уже третий год посещаем заповедник «Кивач» и всегда с большим удовольствием любуемся красотой водопада, заповедного леса. В музее много интересного для нас – работников леса. Благодарны руководителям Музея за то внимание, которое они нам оказывают. А также благодарим нашего экскурсовода Сталину Александровну. Еще раз спасибо за доставленное нам удовольствие! Ст. руководитель группы А. Прокофьева*». В этом отзыве даже имя экскурсовода – уже история.

«*Работники Опытно-конструкторского бюро автоматики из подмосковного поселка Редкино с интересом прослушали беседу о красивом уголке Карелии. Мы долго будем вспоминать поход в этот своеобразный край. 23.06.1972, 10 чел., В. Печатнов».*

«*Мы, 25 хирургов из Москвы (ин-т им. Склифосовского) и наши гостеприимные хозяева – медики Петрозаводска посетили этот сказочный уголок такой прекрасной республики. Еще раз убедились, насколько богата и чудесна наша Родина. Спасибо работникам музея – хранителям и пропагандистам знаний о родном крае. Академик АМН Б.А. Петров, ст. научный сотрудник, врач Дашковская,* остальные подписи неразборчиво*, 25 чел., 24.06.1972»*

«*Группа сотрудников научного института благодарит персонал заповедника за сохранение древних ценностей. После шума водопада как-то по-новому воспринимается мир. 26 подписей, 12.07.1972, Москва*».

30 электромонтажников Москвы «*восхищены природой Карелии. «Долго нам будет сниться Карелия. Выносим благодарность экскурсоводу, который преподнёс нам любовь к своей Карелии. 30 чел., СУ-45, МЭМ-1, Колядная*, другие подписи неразборчиво».

Ю. Кузнец, доктор исторических наук, по поручению группы научных сотрудников из Ленинграда 08.08.1972 г. пишет: «*Большое спасибо сотрудникам заповедника «Кивач» за огромную благородную работу по сохранению жемчужины нашего Севера. Хотелось бы,*

чтобы молодёжь, студенчество, туристы хорошо знали об этой работе, о значении заповедника, лучше знали бы и берегли нашу природу».

«*Мы участники учебно-методической конференции автотранспортных техникумов Минавтотранса РСФСР благодарим организаторов музея за прекрасно оформленную экспозицию флоры и фауны Карелии, 50 чел., 06.06.1973».*

Юные посетители тоже не отстают от взрослых, они объединены в школьные, студенческие, пионерские и другие коллективы. Пример: «*Группа взвода орлят ГПТУ – 6 благодарит за хороший рассказ экскурсовода и людей, которые разводят новые сорта деревьев… г. Сегежа*». Подписей под текстом много, но они неразборчивы.

Представители рабочего класса лаконично пишут 10.07.1974 г.: «*Здесь побывали рабочие рыболовецких колхозов Латвии «Банга» и «Саркана бака». Познакомились с заповедником, осмотрели Кивач. Понравилось. Спасибо*». Подпись автора на родном языке.

«*Большая благодарность за доставленное удовольствие. Живите долго и счастливо. Группа профсоюзного актива Горьковского автомобильного завода – 40 чел. (г. Н. Новгород). 27 июня 2002 г.»*

Обращает на себя внимание плотность записей наших посетителей, сделанных в составе своих профессиональных групп, что видно даже по приведённым выше цитатам, сделанным в календарном порядке. Они встречаются едва ли не чаще, чем все остальные. Кроме того, важно учесть, что здесь не приводятся записи, уже упоминавшиеся выше по тексту и распределенные по другим логическим смысловым темам.

Другие профильные группы

Еще одна черта прошлого – лыжные маршруты, когда-то проходившие по территории заповедника или вблизи его. К.А. Андреев в первом путеводителе «Заповедник «Кивач» (1963) подробно рассказывает о пешеходных, лесных, водных и лыжных маршрутах, проходящих по красивейшим местам Кондопожского края в пределах границ заповедника. Запись, сделанная 11.03.1975 г., к сожалению, очень кратка и не даёт представления о том, где и как был организован маршрут: был ли он чисто кивачским или проходящим по другому разработанному маршруту.

«*Группа туристов г. Таллина, проходящие лыжный маршрут II категории сложности посетила заповедник. Благодарим дирекцию и экскурсовода за объяснения и любезное отношение. Рук. группы И. Степанов, Институт химии АН ЭССР».*

Сделанная в самом начале Книги № 4 запись гласит: «*Группа велотуристов Климовской средней школы и школы № 29 г. Череповца Вологодской обл., совершая велопоход по Югу*

Карелии, побывала в заповеднике «Кивач». За время похода мы влюбились в неброскую, но такую привлекательную природу Карелии: белые ночи, озёра и реки, изумрудные леса. Неизгладимое впечатление произвёл водопад Кивач. Запомнились и приветливые люди, которые всегда с большим вниманием относились к нашим просьбам. Теперь нам ближе и понятнее слова известной песни: «Долго будет Карелия сниться». 14.06.1982. Рук. группы, учитель географии — подпись неразборчиво». Сейчас, спустя 30 с лишним лет, остается лишь удивляться мужеству и личной целеустремленности педагогов, бравших на себя ответственность за многодневные и многокилометровые походы школьников, при этом нёсших неимоверный моральный груз по решению вопросов, связанных со здоровьем, питанием, транспортным снаряжением своих подопечных.

«*3.07.2002. Первый раз увидели водопад, слов не хватает, чтобы выразить красоту! Спасибо природе за это! Участники 35-го шлюпочного похода, студенты С-Пб ГЭТУ* (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет – прим. автора)».

Экскурсионная зона и Музей природы: реакция посетителей

В 1960 г. на территории экскурсионной зоны заповедника «Кивач» был организован музей природы. С момента основания он стал предметом постоянной заботы и внимания администрации, о чём можно судить по имеющимся архивным документам. С уверенностью констатирую, что эта добрая традиция сохранилась до наших дней.

В годовом отчёте за 1960 г. встречаем интересующую нас отметку: «В музее ведётся книга записей и отзывов посетителей». И с тех пор именно здесь наши гости оставляют память о себе на страницах Книг.

7.02.1961 г. группа из 5 студентов МИФИ оставила следующую запись: «*Музей дал очень много полезного. Желаем молодому музею дальнейшего процветания. Может быть, придём в этот район позднее и обязательно сюда зайдем.* Руководитель группы (подпись неразборчиво)».

Посетители музея того времени в доброжелательной форме дают советы по его дальнейшему обустройству, желая видеть внутри его то, что близко им по интересам. 11.06.1961 г. сотрудница Института леса А. Момотова пишет: «*Желательно иметь в музее коллекцию семян тех пород, которые растут в заповеднике, а также на питомнике. Лучше для большей наглядности оформлять на чертежной бумаге на листах по размеру гербарных листов и используя целлофан. Необходимо представить гербарий древесных пород заповедника полностью*». А работники Петрозаводской инспекции рыбоохраны «*рекомендуют музею заповедника иметь отдел рыб, населяющих водоёмы заповедника*. 23.06.1961, 3 чел.». Им же

вторит секретарь Карельского обкома КПСС (подпись неразборчиво), посетивший в одиночестве заповедник на следующий день («*музей желательно пополнить породами рыб»).*

В этот же день сделана любопытная запись: «*С большим интересом осмотрел музей заповедника. Я его помню с тех пор, когда он еще только начинал собираться. Сейчас, хотя экспонатов пока еще немного, но они гораздо разнообразнее, а главное более систематизированы и дают более полное представление о природе заповедника, а также Карелии. Приятно отметить разительные перемены, прошедшие за последние 2 года, когда я здесь не был. Кандидат экономических наук Васильев*».

Кто-то не скрывает эмоций: «*Посетили экскурсию из г. Запорожье, 22 чел. Остались довольны тем, что экскурсовод сумел рассказать о природе Карелии. Пожелания: музей очень беден, хотелось бы видеть большее, т.к. красота природы и богатства Карелии неописуемы...Чипилова А.А.,* 23.06.1961».

Начальник геологической экспедиции дает такой совет: «*В качестве пожелания хочется видеть раздел минеральных полезных ископаемых и кристаллических пород более богатым, тем более объяснения по музею логично сочетать с коренными обнажениями водопада, которые весьма интересны по формам выветривания и выщелачивания и могут служить весьма познавательным материалом. 18.07.1961. 6 чел.».* Тоже весьма интересное замечание, но, скорее, не по сути (об этом судить специалистам), а по его принадлежности. Кондопожская геологическая партия долгое время базировалась в д. Сопоха, что неподалеку от заповедника, и дети геологов посещали существовавший в Киваче детский сад. Об этом помнят местные жители (А. П. Кутенков (2016), Э.В. Карпина, пос. Кивач, 2015).

Московские туристы (28.07.1961, 6 чел.) в качестве пожелания написали, «*чтобы экспозиция была пополнена новыми образцами зайцев и птиц».*

Ученики 4-х и 5-х классов Спасогубской школы Кондопожского района (21.02.1962, 23 чел.) хотели бы «*увидеть маленькие изделия из карельской березы, чтобы действительно узнать, какое ценное дерево карельская береза».*

Пожелания по обустройству Музея встречаются до сих пор: «*Считаю, было бы здорово, если бы вы еще организовали стенд с лекарственными травами, растущими на территории Карелии… 10.09.2000, Петрозаводск*, подпись неразборчиво».

Большинство посетителей, понимая, что они застали лишь становление музея и начальные стадии формирования его коллекций, отзываются о нём весьма восторженно и благодарно.

«*Ребята из пионерского лагеря Кондопожского ЦБК. Музеем очень довольны. Для наших октябрят это очень большое дело. Со многим они встретились впервые. Уходим отсюда полными сознания, как богат наш край. Большое спасибо работникам заповедника. Вожатая Бухрова. 11.07.1961, 40 чел.»*

«*Группа воинов Н-ской части благодарит работников музея заповедника «Кивач» за отличное оформление музея природными богатствами заповедника. 23.07.1961, 30 чел.»*

«*С большим интересом осмотрели заповедник Кивач» и его молодой музей. Почерпнули много новых сведений о флоре и фауне заповедника», – пишут студенты лесотехнической академии им. Кирова и Московского лесотехнического института 29.01.1962, 9 чел., по поручению группы Усольцев С.*

Им вторят туристы группы «Габароны» Московского авиационного института (механик Лавринович С., студенты Булгакова Н., Рожанский В., Микункова и др., всего 10 подписей): «*Музей оставляет очень благоприятное впечатление*».

Кстати, посетители музея замечали не только перемены к лучшему, но и слабые стороны организации обслуживания туристов. В Книге отзывов (1961 г.) 26 марта лаборантка Карельского Филиала АН СССР пишет: «*Посетила заповедник «Кивач» и музей, узнала много интересного, хочу приехать еще раз. Хочется пожелать, чтобы музей был больше и имел штатных сотрудников».*

Критические замечания, например, «*бедный музей, оформлен без вкуса*» (июль, 1972 г.), «*музей невелик*» (02.06.1973), «*очень милый, но маленький музей*» (22.07.1974) были единичными, и оставались без последствий долгие годы в виду недостаточного финансирования заповедника. Подобные замечания, и, в первую очередь, *своё собственное понимание собственной бедности* (курсив мой – В. Ф.) не могли оставить равнодушными специалистов заповедника, осознающих все недочёты организации Музея природы. Такие замечания стали учащаться к концу 90-х гг. Время, заключённое в десятилетия, неуклонно меняло облик музея и всего в нём находящегося. Люди всё чаще обращают внимание на интерьер музея и его обустройство, замечая моральный износ экспонатов, низкий уровень оформления сопроводительной информации и этикетажа.

«*9 июля 1999 г. Посетив музей-заповедник «Кивач» поражены красотой этого участка Карелии. Но в то же время нельзя не обратить внимание на запущенность участка, низкое качество оформления указателей, надписей на бирках и стендах, плохое освещение экпонатов музея. Одним словом большое спасибо за внимание и надежду на изменение указанных недостатков. С уважением …* Подпись неразборчиво».

«*Впечатления от красивейшего места нашей России огромные, но хотелось бы, чтобы были выделены деньги на обновление музея-заповедника, всё, что мы здесь увидели, не реставрировалось похоже, много лет. Очень мало света, нужны подсветки к экспозициям. Всего Вам доброго! А сотрудникам музея-заповедника терпения, надежды и веры в лучшее будущее! Мишаковы, Киселёвы. 25 июля 1999 г., г. Светлогорск, Ленинградская обл., г. Петрозаводск* (указан адрес).

Но в подавляющем большинстве посетители замечают только хорошее, что выливается в различные благодарственные формы. 02.09.2001: «*Благодарим сотрудников музея за радушие. Музей-заповедник впечатляет, жаль видится нехватка средств. С уважением семья Новиковых. Таллин. Эстония*». Все посетители отмечают теплый приём, гостеприимство и чуткость сотрудников музея, старавшихся как человеческим вниманием, так и доступными средствами в виде тематических выставок, подбора фотографий и других средств отвлечь туристов от вида проступающего ветшания. Что, видимо, всё-таки удавалось.

«*Много видели музеев, но этот очень приятно удивил очень интересной экспозицией на такой маленькой территории, замечательным качеством фото, уютом и доброжелательностью персонала. 5.05.2002, Анна, Игорь, г. Самара».*

Несмотря на трудности своего становления в 60-х, безденежье заповедника в 70-80-х, поиск путей развития в 1990-х – 2000-х, наш Музей выстоял, выжил и всё-таки дорос до тех дней, когда стал восприниматься почти одушевленным объектом: «*Дорогой музей! Бригада из Ленгазспецстроя очень поражена красотой вашего музея. Нам очень приятно, что Вы делаете добро и досуг для людей. Огромное Вам спасибо!16.06.2002»*.

«*Как жаль, что за одну поездку невозможно объехать всю Карелию, а музей позволяет, хоть и бегло ознакомиться с природой этого замечательного края. 3 августа 2005.* Без подписи».

Наши посетители не жалеют добрых слов: «*Спасибо основателям, создателям, хранителям музея. Ваша любовь к родной природе передаётся и посетителям. Было очень интересно. Спасибо. Атлинова С.Б., Санкт-Петербург, 13.08.2005*».

Что касается экскурсионной зоны в целом, то продолжавшийся до начала 1970-х гг. сплав древесины по заповедной Суне не приносил ничего, кроме проблем. Касающиеся состояния створа водопада и прилегающей территории, здоровья реки и всего живого в ней, они нарастали с каждым годом и становились всё обостреннее. Ю. А. Смирнов в статье «Из опыта рекультивации нерестово-выростных угодий озерной формы атлантического лосося в останце реки Суна после молевого лесосплава» (Труды государственного природного заповедника «Кивач», выпуск 3, 2006, стр. 129) пишет: «Главное требование – «Лесосплавными организациями ежегодно должна обеспечиваться полная очистка водохранилищ и рек, по которым производится лесосплав, от разнесенной и затонувшей древесины» – ни разу не выполнялось. Хуже того, именно на р. Суне от водопада Кивач до устья допускался так называемый «двухгодичный сплав», когда вместо разборки «пыжей», «заломов» и «зачистки хвоста сплава» эту недоплавленную древесину оставляли под зиму в реке…»

В далёком 1959 г. (19 июля) сделана напористая и энергичная запись: «*Сегодня, мы группа работников сельского хозяйства в составе Перминова А.Е., дир. Кар. с/х опытной станции, Гаврюшова М.С., дир. совхоза «Кончезерский», Штейн (?) С.Р., с/н (скорее, должно читаться как «старший научный») сотр. АН станции и Петрова А.Н. (инициалы читаются плохо – прим. автора), сотр. ФАН (скорее всего, Филиал Академии Наук – прим автора) посетили заповедник и водопад «Кивач» и были немало огорчены его запущенностью, неустроенностью всемирно известного и красивейшего уголка нашей страны. Даже нет подходов к самому водопаду, не снесены сгнившие и сейчас не нужные сплавные сооружения, в самом заповеднике очень много хлама, который на наш взгляд, остаётся напрасно. Мы считаем необходимым филиалу Ак. Наук вместе с представителями партийных и советских органов помимо научных работ, которые ведутся и будут вестись, незамедлительно определить меры благоустройства этого красивого уголка природы и с конкретным планом выйти с предложениями в Совет Министров Республики. Очень больно, что мы до сих пор иногородним и иностранным гостям показываем страшное бескультурье. Начало благоустройства положено, но это надо делать энергичнее. Перминов, Штейн,* остальные подписи не читаются».

Залом сплавного леса на Кивиче в 1961 г. С фотографии К.А. Андреева.

«*Мы, группа научных работников ГеоХИ (Институт Геохимии и аналитической химии АН СССР – прим. автора), работающих в Карелии, получили огромное удовольствие, посетив заповедник «Кивач»… Хотелось бы, чтобы вышестоящая организация приняла меры по охране водопада Кивач от засорения его брёвнами от лесосплава. 28.08.1961, 5 чел.*». Видимо, картинку, похожую на расположенную слева, и увидели учёные из Москвы в далеком 1961 г.

65 человек, «*участники республиканского семинара заведующих кабинетами географии институтов усовершенствования учителей выражают большую благодарность ... за теплый приём, интересно проведенные экскурсии и обстоятельные ответы на наши многочисленные вопросы*». И далее: «*Мы присоединяемся к многочисленным просьбам трудящихся – посетителей заповедника – принять серьёзные меры к охране этого замечательного уголка нашей Родины. Е Рубинштейн, г. Владивосток, Э. Дерябина, г. Воронеж и др. 30.05.1962*».

Помимо риторических призывов наши туристы предлагали и более радикальные меры решения очистки створа водопада: «*Туристы ДСО «Труд» из Петрозаводска и ЛТА г. Ленинграда осмотрели водопад и музей. Всем очень понравилось, за исключением состояния водопада – он варварски загрязнен сплавным лесом. Надо расчистить, может быть небольшими (учебными) гранатами. 18.06.1962, 15 чел.* Подпись руководителя неразборчиво».

Ниже приводятся записи, идущие в Книге № 4 одна за другой.

«*11 июля 1999 г. Очень здорово! «Кивач» - чудо природы. Но… Обязательно надо обустроить лестницу, ведущую к такой красоте, ведь это лицо заповедника. Не посрамим лицо Карелии и её красоты. С уважением супруги Дебелые, г. Суоярви*».

Не ложка, но капля

По своей сути Книги отзывов наших посетителей являются не только отражением окружающей жизни, но и своеобразным «отражателем» жизнедеятельности заповедника, но, разумеется, лишь некоторой, открытой для обозрения её части. Территория экскурсионной зоны, куда входит Музей природы, кафе, торговые точки – самое посещаемое людное место, где «встречаются» интересы как принимающей, так и приезжающей сторон.

Было бы необъективным сказать, что в Книгах отзывов на протяжении многих лет всё было безукоризненно. Череда сотрудников заповедника, встречая на своей территории на протяжении многих десятков лет тысячи людей, причём людей, находящихся в состоянии эйфории отдыха и отпускной расслабленности, видела на своём веку всякое. С другой стороны, и наши гости подмечают недостатки организации работы заповедника, указывая на них в своих отзывах и требуя исправления в лучшую сторону. К счастью, общий тон всех Книг без исключения всегда доброжелателен, позитивен и несёт заряд оптимизма и дружелюбия.

Единственная жалоба, зафиксированная в Книге № 3, относится к 29.06.1976. Пунктуация и стилистика автором сохранены. «*Мы приехали из Ленинграда в 14 ч. Нас было 5 человек, а в объявлении было написано, что экскурсовод проводит экскурсию, если есть 5 человек, однако с нами экскурсию не провели и очень раздражённым тоном разговаривали, не отрываясь от книги. (Название книги не показали). Григорьева, г. Петрозаводск».*

Ниже следует ответ администрации, сделанный незамедлительно: «*Вопрос был рассмотрен. В группе были люди в нетрезвом состоянии. А в нетрезвом состоянии туристы не обслуживаются. Директор гос. заповедника «Кивач» Васильев Р.А. 29.06.1976*». Вот такой диалог состоялся на страницах Книги, остаётся лишь догадываться, что осталось за кадром.

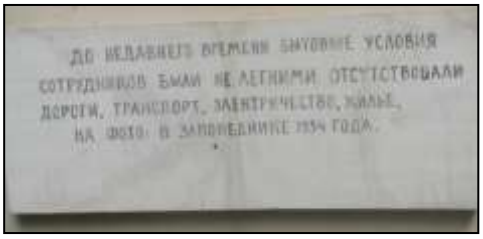
Блики прошлого или Без истории никуда

Уже на первых страницах первой Книги отзывов находим запись от 8 мая 1960 г., написанную с очевидными орфографическим ошибками и без знаков препинания. Привожу её полностью, без исправления неточностей написания: «*Смотрели музей 8 мая 1960 год музей очень пондравился и все нам объяснил деректор тов Андреев Ким Александрович очень*

благодарны. Мы посетили Дийкова». Как следует из пометы, сделанной рукой К. А. Андреева, музей посетили 6 жителей пос. Кедрозеро и Водопад Кивач. Эта малограмотная запись, тем не менее, по-своему весьма ценна и свидетельствует о том, что местные жители (в списке подписавшихся Дийкова, Геппоев – истинно кивачские фамилии) живо интересовались происходящими в заповеднике переменами, и приветствовали появление нового музея.

Ещё одна запись, сделанная в этом же году, вызвала у автора понятное волнение. Собирая материал для Книги памяти заповедника, в процессе своего исследования познакомилась с Альбиной Петровной Кузнецовой (в девичестве Нестеровой), многодетная семья которой с 1946 по 1953 гг. проживала в пос. Кивач. Её отец, Пётр Ильич, был участником Великой Отечественной войны и в указанное время трудился лесником в лесном отделе заповедника. 12 августа 1960 г. на страницах Книги № 1 была сделана запись, глядя на которую понимаешь, что человек, написавший её, привык, скорее, трудиться руками, нежели обращаться с обычной ручкой, причём чернильной (абсолютно все записи в этой Книге сделаны чернилами – прим. автора). Итак, привожу и её без купюр: «*Кивач стал совсем не Кивач посмотрели совсем изменился даже появилось электричество был свет искут..свет* (слово плохо читается, но, возможно, автор хотел написать слово «искусственный», но не смог)…*Нестеров. Бывший лесник заповедника*». Фамилия лесника Нестерова меня опять привела к Альбине Петровне, которая сразу же сквозь навернувшиеся слёзы узнала подпись отца, сказав при этом, что тот был человеком полуграмотным. Своё «опознание» подписи отца и дедушки Альбина Петровна и её дочь подтвердили, найдя принадлежащие ему документы, где стояла точно такая же роспись, в чём мы и убедились все вместе. Теперь наша работа пополнится ещё одной фотографией и это будет Петр Ильич Нестеров, житель пос. Кивач, малограмотный, но неравнодушный к происходящему человек, оставивший свой малый след в Книге отзывов посетителей заповедника.

П.И. Нестеров



Подпись под фотографией на одном из бывших стендов в музее заповедника.

Несколько слов о появлении электричества на Киваче, которое так поразило Петра Ильича. Электрическое освещение, о котором он пишет в августе, видимо, было ещё не стабильным и ненадёжным достоянием для сельчан.

Работы по его внедрению в жизнь и быт жителей поселка велись вплоть до окончания 1960-го г. К.А. Андреев в годовом отчёте за этот год с присущей молодости эмоциональностью описал ситуацию: «Одним из главных хозяйственных мероприятий явилось

подключение заповедника к постоянной электросети. За летние месяцы была прорублена трасса высоковольтной линии электропередачи ЛЭП — 6 Кивач — Вороново, протяженностью 9, 117 км и шириной 5 м. В районе усадьбы заповедника сооружена понижающая трансформаторная подстанция 35 KW и построена низковольтная сеть протяженностью около 3 км. В результате электрифицированы все лабораторные помещения, гидротехнические сооружения, метеостанции «Луг», «Ельник». Полностью заменены на новые все столбы существовавшей ранее низковольтной сети. Освещены улицы и жилые дома. 21 декабря 1960 года в 17 час. впервые в истории «Кивач» получил яркий постоянный свет. «Лампочки Ильича» надёжно и навсегда осветили посёлок «Кивач».

В 1960-м г. сделана ещё одна запись «бывших жителей Кивача», так они себя обозначили в Книге. Это С. и Е. Власковы, посетившие музей 11.09.1960. Власковы – одна из фамилий бывших и нынешних жителей пос. Кивач и, разумеется, хотелось бы узнать о них более подробно.

Кто-то из посетителей старается сделать замечание в мягкой форме, не задевая самолюбия сотрудников заповедника: «*25 июля 1999 г. Сравниваю то, что я видела в 1962 году и то, что я увидела сегодня. Разница громадная, тогда здесь был лесосплав, и водопад выглядел зажатым. А сегодня меня поразила красота свободно падающей воды. Спасибо большое за огромную проделанную работу по обустройству водопада и прилегающей к нему территории. Но у водопада такая слава, поэтому нужно приложить ещё больше усилий по его обустройству, чтобы его красота привлекала ещё больше туристов и оставался бы он в памяти, его прекрасный образ, чтобы он вызывал у нас чувство любви к своей Родине. РК, пос. Амбарный, Лоухский р-н.* Подпись неразборчиво».

10.06.1961 г. сделана любопытная запись (привожу без исправлений): «*Бригада сплавщиков из Белорусской ССР, прибывшие сюда на работу. Нам очень понравилось очень благодарны за интересные рассказы и радушный прием заповедника.* Подпись неразборчиво». Принимал их К.А. Андреев. Факты работы в нашей местности рабочих-сплавщиков из Беларуси подтверждаются местными жителями (В.И. Андронов, д. Шушки, Кондопожский р-н, 2016).

Со временем остается всё меньше людей, видевших водопад во времена молевого сплава древесины (продолжавшегося до конца 1973 г.), поэтому неудивительно, что любое свидетельство тех лет вызывает живой интерес у нас, живущих ныне.

А. А. Грязнов

Отзвуки далёких лет встречаются и далее. «*Я, Нина Павловна, когда-то жила на Киваче по молодости и работала в заповеднике, потом когда дети пошли в школу мы в 1964 году переехали в Кондопогу. Грязнова. 22.04.2001*». Уже неоднократно упоминавшаяся «История посёлка Кивач…» (С.Б. Скороходова и др.) называет фамилию Грязновых,

нашедших последний земной приют на Сопохском кладбище. По свидетельству одной из старейших жительниц поселка Кивач Э.В. Карпиной (2016), скорее всего, это супруги Грязновы, Александр Андреевич и Нина Павловна. В 60-е гг. Александр Андреевич работал в заповеднике лесником-наблюдателем, Нина Павловна (в девичестве Ульянова) трудилась там же в должности препаратора. Нина была уроженкой этих мест – Кивача, возможно, Сопохи. В семье Грязновых росло двое детей, сын Валерий и дочь Елена. Именно Валерия и видела Эльвира Викторовна как-то раз на кладбище в д. Сопохе. В Кивaче семья жила в одном из домов на краю поселка, затем переехала на постоянное место жительства в районный центр, город Кондопогу. Запись в Книге Кивача, сделанная рукой самой Нины Павловны, называет нам причину отъезда в начале 60-х – отсутствие школы для подросших детей.

Весьма любопытную запись видим 8 октября 2002 года. «*Большое спасибо за сохраненную красоту природы и этих мест. Я здесь родилась. Очень приятные воспоминания о детстве. Зимина А.В., г. Петрозаводск*». Как удалось установить, это Алла Владимировна, дочь Владимира Борисовича Зимина, родившаяся в пос. Кивач в 1963 году. Владимир Борисович – учёный – орнитолог, один из тех, кем по праву может гордиться научный отдел заповедника. По сообщению С. Скороходовой, В.Б. Зимин – доктор биологических наук, заслуженный деятель науки Карельской АССР, заслуженный изобретатель России. После работы в заповеднике «Кивач» переехал с семьей в Петрозаводск, где стал трудиться в качестве главного научного сотрудника лаборатории зоологии Института биологии КНЦ РАН.

21.04.2003 г. сделана запись следующего содержания: «*Спасибо! Спасибо за то, что сумели сохранить в своем музее фигуру лося. Её делал мой отец, Анкудинов Гавриил Алексеевич, таксидермист краеведческого музея.* Подпись неразборчиво». Чучело лося, одно из главных украшений диорамы, рассказывающей о животном мире заповедника, радует детей и взрослых до сих пор и, по всей видимости, изготовлено оно было ранее 1961 г. Именно этому персонажу посвящено наибольшее количество восторженных строк наших визитёров.

В августе 2007 года заповедник посетили Харитоновы, написавшие, что «*мы из Сопохи. Здесь родились и выросли, и опять здесь. Здорово! Спасибо всем работникам».* По окончании Великой отечественной войны в Сопохе проживал Иван Васильевич Харитонов, трудившийся лесником в заповеднике «Кивач». Его добросовестный труд был отмечен многими грамотами и благодарностями. В настоящее время в Петрозаводске живут его дети, скорее всего, им и принадлежит эта коротенькая запись.

Зарождение традиций на Кивaче

12 июля 1985 г. «*Молодожёны Локалевы выражают благодарность коллективу заповедника «Кивач» за радость и удовольствие, доставленное при посещении заповедника. Локалёв и Локалёва*». Эта запись является самой первой в длинной череде последующих по смыслу, сделанных *молодожёнами* в День свадьбы в наших Книгах. Разумеется, молодые люди, решившие украсить свой день бракосочетания небольшим путешествием на Кивач, приезжали к нам и ранее, но, к сожалению, никак себя не обозначили письменно. Сейчас традиция приезда свадебных кортежей к Кивачу процветает, и свидетельство тому – наличие ярких свадебных замочков с инициалами брачующихся на металлическом ограждении вблизи водопада. Единственный минус для заповедника как места проведения подобных торжеств – после праздничного фото и обязательного распития шампанского, бутылки после оного летят, как правило, не в мусорную корзину, а в тот же водопад, ради которого и задумывалось путешествие.

1 октября 1999 г. сделана запись: «*От семьи Попутчиковых. Мы очень рады, что здесь побывали в этот знаменательный для нас день. Хотим пожелать для Вас и для нас всего самого наилучшего. Жених и невеста. Свидетель и свидетельница. Всего хорошего*». «*Мы приехали к вам из Москвы, и были удивлены вашими белыми ночами, и красоте и чистоте ваших сказочных мест. Водопад и заповедник наиболее долго оставят след в нашей памяти. Танцоры и молодожёны. 26 июня 2002 г.*»

Есть и лаконичные записи: «*3.07.2002 г. Илья и Наташа из г. Костомукши (в наш медовый месяц*), подписи неразборчиво».

«*Буквально вчера наша семья пополнилась еще одним родственником, т.е. я женился и уже сегодня привёз свою молодую жену на одну из жемчужин Карелии...16.08.2002, С. Вови*»

Галина Дмитриевна Чарыхова пишет: «*В 1967 г., 21-22 октября состоялось моё свадебное путешествие по этому чудесному краю. Сегодня, накануне своего юбилея, я приехала сюда со своей младшей дочерью. Счастлива. Хорошо! Спасибо Земле Русской! До новых встреч. 25.07.2004*».

«Сегодня 29.07.2006 мы приехали праздновать свадьбу, и зашли к вам в музей. Очень интересно и увлекательно! Приедем обязательно с детьми! Спасибо! Подпись неразборчиво.

Редкое женское сердце не дрогнет, если его обладательница прочтёт такие строчки: «*7 января в вашем чудесном месте я сделал своей любимой предложение! Всех с Рождеством. Сергей и Гуля. 2008*»

«Всё здорово!!! Мы с женой сегодня празднуем 10-летие свадьбы и очень рады, что оказались здесь! Дима и Оксана из Санкт-Петербурга. 18.08.2008»

Специалисты, работающие в Музее природы в 1990–2000-е гг., заложили прекрасную традицию, связанную с ***детским творчеством***. На протяжении десятков лет участвуя в

различных российских конкурсах и мероприятиях («Марш парков» и др.) и привлекая в них сотни детей и их родителей, заповедник получал огромное количество детских работ, выполненных в различных техниках. Выставленные в Музее детские работы одновременно и украшали основную экспозицию, и в доступной форме способствовали популяризации основ экологического воспитания. Посетители Музея не раз отмечают удачные работы:

«*Замечательный музей, очень красивые детские рисунки и поделки. 14.06.2003*. Без подписи».

«*Всё было очень интересно! Работы детские просто потрясающие. Дараева Юлия, 13 лет, 8 класс. Без даты».*

«Просто покорена детскими работами!! Маленькое чудо в каждой работе. Зубова Ирина. 05.08.2003».

«*Привет из Грозного. Дети, спасибо Вам за то, что цените природу и за Ваш труд. Очень трогательно смотреть на Ваш труд. Чечня. 30.07.2006.* Подпись неразборчиво*».*

«15.08.2006. Очень радует, что дети воспитываются в любви к родному краю. Это видно по работам и рисункам, оставляющим неизгладимое впечатление. Спасибо Вам. Счастья и процветания музею. Горские Людмила, Николай»

М.И. Фёдоров. Фото из архивов

Сотрудники Музея природы всегда предоставляли возможность для небольших экспозиций работ людей творческих, неординарных. В начале 2000-х в Книгах встречаются записи, полные восхищения произведениями фотографа ***Михаила Ивановича Фёдорова***, давнего друга заповедника «Кивач». Надеемся, что именно здесь Михаил Иванович обрёл своё видение карельской природы, а присущее ему художественное чутьё и «фёдоровский» вкус придают его работам узнаваемость и шарм.

«*Прекрасная выставка М. Фёдорова. Желаем ему дальнейших творческих успехов! Мурманчане. Подпись неразборчиво. 22.06.2003*».

«*Огромное спасибо организаторам выставки, нельзя жить в родном краю, не зная его достопримечательностей. Огромный восторг получили от фотографий Фёдорова М.И. Мы любим свой родной край и гордимся им.* Подпись неразборчиво.*21.07.2003*».

Нулевые

Начало двухтысячных в Книгах отзывов отличается особой размашистостью почерков и самих текстов, иногда доходящих до откровенного хулиганства, появлением иностранных словечек в русскоязычных текстах (cool, super и др.), краткостью и, порой, односложностью высказываний, обилием детских отзывов, частым употреблением слов «прикольный»,

«клёвый», «классный», «супер» и т.д. (по-видимому, в отзывах молодёжи). Всё чаще встречаются рисунки (кораблики, слоник, лось, медвежата и мн.др.), что говорит о том, что Книги перестают быть официальными документами и становятся более демократичными по оформлению.

«*Пока есть такие энтузиасты своего дела, Россия жива. Мурманск.* Подписи неразборчиво. 3.09.2001».

«*Самое великое удовольствие в мире – посетить заповедник «Кивач». С уважением жители Москвы и Московской области. Куи А.А.,* дата не указана, *2002 г.*».

«*25.02.2002. Не в первый раз на водопаде, решил завести своих коллег. Очень понравилось. Замечательное ощущение, когда брызги водопада садятся на лицо. Спасибо. Прекрасный музей. Владимир Буров, г. Санкт-Петербург».*

«*26.05.2002. Слава людям, посвятившим свои жизни такому прекрасному делу, как охрана и спасение чудесного уголка природы со скромным названием «Кивач». Сил вам, здоровья и веры! Марина и Ко».*

Общий тон письменных высказываний остаётся прежним по духу, лейтмотив — восхищение древним водопадом и красотой карельской природы, благодарности за сохранность «красоты живого уголка природы» и людям, их сохранившим, высказывания надежды на скорое возвращение. Удивительно другое: за 50-летний период происходит не одна смена поколений работников музея и заповедника в целом, но приезжающие в Кивач экскурсанты неизменно год за годом, десятилетие за десятилетием, отмечают увлечённость своим делом, глубокую эрудицию, знания и личные качества его сотрудников.

«*Изумительный заповедник! Чудный природный памятник и замечательный музей – небольшой, но умный, чудесно сделан. Приятно, что в нём работают такие увлечённые люди. Научный сотрудник Музея земледелия МГУ Белая Н.И., 28.05.2002».*

«*Мы приехали из с. Толвуя Медвежьегорского района. Здесь очень здорово! Водопад превзошёл все ожидания! Спасибо большое за интересный и обстоятельный рассказ о заповеднике. Хотим ещё сюда приехать. Спасибо. 25 чел., 9»А» класс, 5 июня 2002 г.».*

«*Уважаемые сотрудники заповедника «Кивач»! Искренне благодарим Вас за Ваш большой и столь необходимый труд по сохранению уникальной заповедной зоны и пропаганде знаний, созданию интереснейшей экспозиции в музее. Вы по-настоящему помогаете воспитывать молодежь, прививаете истинную любовь к своей Родине, к России! Больших Вам творческих успехов, здоровья, счастья и терпения…Участники экологической экспедиции – ученики и учителя школы «Гуманитарий» (г. Санкт-Петербург – Пушкин - Царское Село). 16 июня 2002 г.,* подписи неразборчиво».

«*Огромное спасибо за внимательное отношение к посетителям. Две строчки на бумаге, а массу эмоций и восхищение увозим с собой в душе. Семья Павловых, Петрозаводск; семья Бессарабовых, г. Вильнюс, Литва. 13.05.2003».*

Начало появления первых строк о Боге

В Книгах за 1958-80-е гг. мы практически не встречаем упоминаний о Боге и религии. Эра воинствующего атеизма прочно наложила отпечаток на поведение, мысли, творчество большинства людей в советском обществе, хотя, как и в любой господствующей идеологии, всегда найдутся те, кто составляет прочное «исключение из правил» и идёт вперед, руководствуясь собственным представлением о духовном устройстве мира. Атеизм напрочь исключал саму возможность лицезреть и ощущать человеком эти дивные виды природы посредством тонких материй Божьего начала. Начало нулевых говорит нам о том, что в обществе стали происходить перемены в отношениях между государством и церковью, церковь стала ближе простому человеку, а в головах людей стали появляться мысли о Божьем промысле.

«*7.07.2002. Глядя на Кивач, понимаешь величие и силу Бога*».

«*Благодарность Господу за такое чудесное место на грешной земле. Игорь. 16.11.2002.»*

«Помоги Вам Господь хранить это чудесное место ради Славы России! Иеромонах Феоктист (Петров).10.08.2003»

По наблюдениям автора, записи наших посетителей, содержащие слова обращения к Богу и его помощи людям, бывшими единичными в начале 2000-х, стали всё более учащаться с 2004 года.

«Спасибо за Ваше хорошее дело. Дай Вам Бог сил! Группа из Москвы. 22.02.2004»

«25.04.2004. Благодарю за всю красоту Создателя и тех людей, которые предоставили возможность посмотреть эти прелестные места. Санкт- Петербург. Подпись неразборчиво*».*

«25.04.2004.Очень трогает заповедность! Благодарность сотрудникам! Храни Вас Господь! Васильев. Выборг»

«Красота творения Божия! 25.08.2006. Спасибо тем, кто это охраняет! Андрей, Валентина, г. Псков»

Даже люди науки подкрепляют свои слова обращением к Богу. «*Дорогие сотрудники заповедника «Кивач». Вы живёте среди вечной красоты и сохраняете её для людей. Низкий поклон за Ваш самоотверженный труд. Храни Вас Бог. Делегация отделения биологических наук РАН. 7.09.2006.* Подпись неразборчиво».

«Кивач – очень красивое место… Сама вижу прекрасное, т.к. Бог всех нас любит и создал такие удивительные образы! С Божьей любовью, Одуванчик. Подпись неразборчиво. 14.07.2007»

«Фирма «Орёл». Благодарность Господу Богу за красивую природу! 19.07.2007. Подпись неразборчиво*»*

«Спасибо большое за сохранение красоты природы. Помогай Вам Бог в Вашем благом деле. Санкт- Петербург. 16.09.2007. Подпись неразборчиво*».*

«Спасибо Богу за красоту для всех нас, и да благословит Он работников заповедника. Алексей, Ольга Заваровы. 9.06.2008»

«Здравствуйте! Мне очень понравилось! Я уже в 6-й раз еду на Кивач. Он стал ещё красивее, чем в прошлый раз. Люблю всех вас! Да благословит вас Бог! Он — творец всего прекрасного! Даша-Одуванчик. 25.06.2008»

Надо признать, что упоминаний о Боге не так много, но не привести их было бы необъективно.

Философские размышления наших посетителей

Суровая и загадочная природа Карелии, бурные струи седого водопада, покрытые витиеватыми лишайниками древние скалы, таинственный лес, словом, соответствующая обстановка способствует воображению, полёту мысли и фантазии некоторых наших посетителей, что порой выливается в заявления весьма философского оттенка:

«*Будьте милосерднее к окружающему Вас миру, и щедрости его не будет границ! 24.05.2002»*

«*Мы за поддержание чистоты на планете, в частности в заповеднике «Кивач»… 14.09.2002.*

«*Очень жалко бедных животных, которые умерли своей смертью (?). Жизнь жестока, но прекрасна. Пусть все зайчики, лосики, птички и медвежата доживают до глубокой старости. Очень хороший у вас музей. Удачи. Спасибо. Кеша. 02.05.03».*

«Кивач – самое прекрасное место на земле, но, чтобы это понять, нужно прожить здесь, как минимум жизнь. 25.06.2004. Подпись неразборчиво».

«*В Кивач надо приезжать лечить душу, это самое лучшее место на Земле. Анна, г. Санкт-Петербург, 7.07.2004».*

«Бог улыбался и думал о самом лучшем, когда создавал всё это. Спасибо за то, что бережёте. Людмила, 30.09.2004, СПб»

7-го января 2005 года Денис пишет:

«Вернитесь вспять к своим истокам, слезы,

Вы неуместны, данники тоски»,

цитируя бессмертные строки У. Шекспира из «Ромео и Джульетты». Что именно породило смертную тоску при нахождении на водопаде — не упоминается.

«*Пускай каждого, кто приедет в этот заповедный край не покидает Удача, пускай она надует паруса корабля Вашего, чтобы он резво скользил по просторам океана Жизни! Март, 2005.* Без подписи*».*

«Красиво, очень красиво, волшебные места, ведьмачьи места, здесь чувствуешь себя песчинкой малой и понимаешь, что всё суета. 8.11.2005, Москва, без подписи*».*

«Просто сказка. Песня Души сливается с песней Природы. Москва. Полина.2.01.06»

Ирина из Воронежа. 15.08.2006:

«*Если бы душу тут можно омыть*

Если б очистить здесь солнце своё

Я под водою осталась бы жить…

…Я водопадом бы стала…

«Побывав здесь, я поняла, что русская жизнь – это клёво! СПб, Купчино, 9.08.2007, Натусик».

«Обнимаю карельские березы, дышу ионизированным воздухом, хожу по матушке-земле, я — природа! Татьяна Печерская, СПб, 16.09.2007»

Откровения у Кивача

Участники семинара-совещания Госагропрома КАССР пишут: «*Порой, в текучке дел и не замечаешь красот нашей «северной Венеции», и, пользуясь случаем, мы соприкоснулись воочию с красотой Карелии. Про нас говорят, что мы губим природу, но, поверьте, это не так, если бы не было служб в сельском хозяйстве, давно были бы вредители в гораздо большем объёме, как они есть. И мы ещё больше будем стараться применять все нормы внесения и удобрений и пестицидов для хорошего урожая. И вместе с Вами беречь Кивач и Карелию. Одним словом, большое Вам спасибо, товарищи. 30.09.1986,* подписи неразборчиво».

«*Москва. Спасибо! Как в сказке, вспоминаешь детство, становишься лучше, чище, романтичнее. 10.05.2002,* без подписи»

«*Эти места лучшие в мире.* Подпись неразборчиво»

«*Места самые прекрасные в России… г. Приозёрск, Выборг, Ленинградская обл., 7.10.2002».*

«*Здравствуйте, вы очень хорошие. Все у вас класс, девушки прекрасные, тихо, спокойно, с Москвой не сравнить. Одинцово. Андрей, Саша, Вова, 14.06.2003».*

«*Спасибо за то, что показываете, как созидательна и мудра природа. Как помогает она чувствовать свободу и ощущать лишнее в своей жизни и понимать главное. Наташа, г. Пермь, 30.07.2005».*

Красота окружающей природы раскрепощает душу, люди становятся порой очень откровенны, доверяя публичным книгам самое сокровенное: «*9 апреля один из самых счастливых дней для меня. Я + Наташа видели всю красоту природы и чувства от этого были ещё прекраснее. 2006*. Подпись неразборчиво».

В Книгах встречаются мини-рассказы о жизненных путях-дорогах, которые, так или иначе, привели в наши края: *«Привет из Ямала. Жизнь кидала меня как могла. Родилась в Карелии, 15 лет замужества прошло в степях Оренбуржья. Затем Ямал. Но возвращение в Карелию – это самое лучшее, что есть и будет в моей жизни. Спасибо вам. Всё очень здорово. Панина Л.П., 25.05.06».*

«Мы из Апатит. Едем с юга, сделали крюк через Вытегру, на пароме дольше, по жуткой дороге до Петрозаводска. [Речь идет о городе Вытегра Вологодской области, до которого 90 км от ст. Вознесенье (это уже Ленинградская обл.), дорога между этими населенными пунктами действительно крайне плоха. Паром работает на ст. Вознесенье, проходит через реку Свирь — *прим. автора*.] *И всё это ради того, чтобы увидеть знаменитый Кивач. Абсолютно не пожалели!! Как здорово, что есть такое красивое место! Спасибо. 4 чел. 9.08.2006».*

Мечты должны сбываться!

«*Так бросим на прощание в водопад монетку, чтобы вернуться сюда. Романовы, Подмосковье.2000,2001,2002 г.»*

«*Возвращение в прошлое. 1974 г. На душе тепло. В. Никулин. Подольск. 21.06.2002*»

«*Приехала к вам в качестве практикантки, но очень хочу в качестве экскурсовода. Красиво. 24.06.2002. от Ксю».*

«*26.06.2002. Мы проехали пол-России, чтобы добраться к вам из Волгодонска Ростовской области. Необычайная красота! Это впечатление на всю жизнь. Всего вам хорошего. Мамушины».*

«*Вот и сбылась мечта, и я у вас в качестве экскурсовода. Я об этом писала в вашем журнале. 08.07.2002».* Следом приписка: «*Поздравляем! Отдел экопросвещения*».

«*Я давно хотела здесь побывать. И вот я здесь! Большое спасибо за этот заповедник! Юлия из Санкт-Петербурга. 10.07.2002».*

«*Очень сильно устала, но несмотря ни на что я прошла 8 км пешком. У меня только восхищение и восторг. Красота вечна. Марина. 21.09.2002»*

«*В течение трёх лет только сюда. Люди! Берегите природу! Подольск Московской обл., 29.07.2005»*

«*20.08.2005.г. Юрьев – Подольский. Мы очень мечтали побывать на водопаде. Наша мечта сбылась. Бойко /Кеттунен/».*

«*Боже, какое счастье, когда сбываются мечты! Я наконец-то в Киваче! Это потрясающе!... Александра. 17.05.2006».*

Кивач как объект киноискусства

В Год российского кино хочется сказать несколько слов о Киваче как объекте киноискусства. Дикая природа Карелии, мощь необузданного водопада, серые многометровые обрывы и утесы, выступающие над бурлящими потоками воды, издавна привлекали сюда служителей искусства. По сообщению С.Б. Скороходовой, еще в 30-е гг. XX века на Киваче проходили съёмки, по крайней мере, двух художественных фильмов.

В «Отчёте о научно-исследовательской, научно-организационной и административно-хозяйственной деятельности заповедника «Кивач» Карельского филиала АН СССР за 1959 г.» (Нацархив РК, фонд 3206, опись 2, д. 1/6) работавшим на тот момент в качестве и. о. директора К.А. Андреевым в планах работ на 1960-й год была запланирована съёмка научно-популярного кинофильма «Природа заповедника «Кивач».

Уже в апреле 1960-го на Кивач приехали сотрудники киностудии «Моснаучфильм». Вот какой отзыв они оставили в Книге: «*Киногруппа к/ст «Моснаучфильм» в составе тт. Бабаяна, Разумова (фамилия читается плохо), Кнутова посетили Ваш маленький музей, где с большой любовью ведется систематизация и собирание особенностей флоры и фауны здешних мест. С большой грустью мы отмечаем упадок величайшего в Европе водопада, но надеемся, что во время будут приняты меры для его восстановления. С лучшими пожеланиями коллективу сотрудников.* Подпись неразборчиво». Возможно, фильм о природе заповедника и был снят, но с сожалением приходится констатировать, что его копии нет в нашем архиве.

В «Отчёте о научно-исследовательской, научно-организационной и административно-хозяйственной деятельности заповедника «Кивач» Карельского филиала АН СССР за 1960 г.» (Нацархив РК, фонд 3206, опись 2, д. 1/8) К.А. Андреев пишет: «Производится съёмка научно-популярного кинофильма «Заповедник «Кивач» в содружестве с ботаническим институтом им. Вл. Комарова». А в планах работ на 1961-1962 гг. им же обозначено: «продолжать съёмку научно-популярного фильма «Заповедник «Кивач».

В сентябре 2008 года оставлен отзыв Дениса Погребного, занятого на съёмках «фильма с рабочим названием «Диалоги Платона». Некоторые сцены фильма снимались, как пишет Денис, «на территории Вашего заповедника», не скрывая эмоций, он восхищается Кивачём: «Потрясающе! Просто потрясающе!».

И в настоящее время интерес российских и иностранных кинематографистов к Кивачу не иссякает, что радует. В этом отношении был особенно урожайным 2013 год: в июне нашу территорию посетил московский тележурналист Леонид Парфёнов со своей съёмочной группой. Итогом его работы стал вышедший на широкий экран в 2014 году документальный фильм «Цвет нации», посвященный царскому фотографу С.М. Прокудину-Горскому. В том же 2013-м в Кивач приезжают съёмочные группы телеканалов «Моя планета», RTG, «Мир»… Этот список можно продолжить, упомянув январские съемки 2015-го года, сделанные телеканалом «Усадьба».

Каждый из авторов больших и малых кинолент находит здесь что-то своё, но ощущение тонкой гармонии трёх главных стихий – воды, леса, камня, помноженное на творческое вдохновение, подаренное карельской природой в целом, — одно на всех.

Заключительная часть

Первое Положение о заповеднике «Кивач» было разработано в 1952 г. и утверждено постановлением Совета министров КФССР от 14 марта 1952 г. Основной целью создания заповедника согласно Положению являлось сохранение и восстановление природных комплексов, типичных для среднетаёжной полосы европейской части СССР, а также ведение стационарных научно-исследовательских работ. Помимо основных функций: охрана природных богатств, учёт лесного фонда и уход за ним, учёт охраняемых животных и растений, организация проведения научно-исследовательских работ, как своими силами, так и силами других учреждений, заповеднику было вменено и содействие проведению экскурсий для трудящихся, проведение студенческих практик и развитие туризма.

В 1965 г. «Кивач» был передан в состав Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР, получив при этом права самостоятельного научно-исследовательского учреждения (на основании приказа Госкомитета по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству при Госплане СССР от 16.09.1965 г. под № 131, а также приказа № 123 от 23.09.1965 г. по КарНИИЛПХ). Положение о заповеднике было разработано и утверждено в 1968 г. Среди основных задач, возлагаемых на заповедник, снова прописывается популяризация идей охраны природы и содействие развитию краеведческой работы.

В 1977–1978 гг. Научным Советом заповедника было разработано новое «Положение о государственном заповеднике «Кивач». Согласно ему, на учреждение возлагалось выполнение помимо основных задач по обеспечению охраны территории, проведения научно-исследовательских работ и пр., «популяризация идей охраны природы, содействие развитию природоведческой и краеведческой работы всеми доступными средствами, устной, печатной и наглядной пропаганды», а также «проведение научно-исследовательских экскурсий в Музее природы и на водопаде Кивач».

Разумеется, все принятые позже «Положения…» также поддерживали развитие идеи экологического просвещения населения, приняв на вооружение пропаганду природоохранных знаний как одну из составляющих целей создания заповедника.

Сама история становления Музея природы Кивача теснейшим образом вплетена в историю музейного дела в подобных природоохранных организациях в целом по стране. В ряде заповедников музеи были созданы в 30-40–е гг. прошлого века, но пик их образования пришелся на 60-70-е. Соответственно, в конце 80-90–х гг. значительное количество музеев безнадёжно устарело. Сами экспозиции и их экспонаты, этикетаж, освещение, уровень подачи потеряли качественный и соответствующий своему времени и духу вид и, как следствие, привлекательность для туристов. Все эти процессы от рождения до старения Музея природы заповедника «Кивач», и вновь до возрождения, запечатлены в хронологическом порядке нашими посетителями на страницах Книг отзывов в течение многих и многих десятилетий.

Выводы

Пятидесятилетнее течение времени (доступное нам — с 1958 по 2008) чувствуется во всём: меняется тон и стилистика письма, даже размер посланий, почерки, канула в лету советская атрибутика письменной и устной речи, исчез целый набор фразеологических оборотов, присущих советскому периоду. Страницы наших Книг свидетельствуют: на смену прошлому пришел современный, более раскрепощенный, язык и молодёжный сленг, свои мысли мы выражаем более кратко и довольно скудно. Быстротечное время диктует свои правила и в этом нет ничего предосудительного. Меняются времена – меняются люди.

Обобщая написанное, хотелось бы вывести нечто общее для всех Книг отзывов:

– все записи, сделанные нашими посетителями в течение доступного нам 50-летнего периода, неизменно позитивны и дружелюбны

– в оценке увиденного едины все возрасты: дети, молодежь и взрослые.

– на протяжении десятилетий неизменен восторг и восхищение древним водопадом, суровой красотой природы Карелии. Посетители не скрывают, что, видя мощь и величие Кивача, влюбляются в Карелию навсегда. Отдельными туристами выказывается желание «остаться здесь жить». Жители Карелии пишут о чувстве гордости за свой край, приезжие – о своей привязанности к Карелии после посещения водопада. Довольно часто встречаются (не процитированные в статье) сравнения с другими регионами России и дальним зарубежьем. Как правило, результат подобных сравнений всегда один в — пользу Карелии и Кивача.

«*Карелия – бриллиант в короне Российской империи! Москва, Санкт – Петербург, Тверь, 28.10.2005».*

– окружающая природа и сама атмосфера Кивача создают у посетителей чувство единения с Родиной, прививают чувство сопричастности к её истории. В отзывах чётко прослеживается осознание патриотизма и гордости за свою страну.

«Да здравствует Карелия, Кивач и Россия! Декабрь, 2006». «В Восторге от Карелии! Каждый день откладываем поездку домой! Гордимся за Россию в целом! Псковская обл., г. Пыталово, 26.07.2007. Подписи неразборчиво».

– в отзывах посетителей прошлых лет (1950-70 гг.) заметно чувствуется влияние социалистических реалий, подобных оборотов речи в настоящее время уже не встретить. Из отзывов посетителей ушло в прошлое упоминание о своей профессии, то, чем по-настоящему гордились люди в советское время. В настоящее время в Книгах отзывов наиболее часто обозначают себя лишь студенчество, преподаватели, а также коллеги из других ООПТ. Почти всегда называется географическая точка, откуда приехали посетители заповедника.

– окружающая обстановка делает людей, по их словам, более счастливыми и дарит радость (как общения с природой, так и друг с другом) и душевный покой.

– водопад Кивач и окружающие его панорамные виды заставляют ощущать хрупкость природы и незащищённость её перед человеком. Часто встречаются призывы беречь природу (от самих же туристов), ещё чаще – благодарность сотрудникам за сохранённую красоту.

– у посетителей появляется желание приехать сюда снова (на свой день рождения, выпускной, с друзьями и коллегами, на юбилей свадьбы, в сезон, противоположный моменту приезда, и наоборот). Для многих со временем такие поездки становятся регулярными. По выражению одного из посетителей - «пускаем корни» (22.08.2004).

«*Ещё не уехав, хотим снова возвратиться сюда. 26,05.2006, г. Волхов»*

– для некоторых посетителей поездка на Кивач имеет субъективную, личностную окраску и связана с каким-либо событием в жизни. Для одних это – осуществившаяся мечта, для других – юность и молодость, место проживания и работы, для третьих – место, где отмечается день

рождения, день помолвки и годовщина свадьбы, для кого-то – «не ожидая ничего особенного, просто свернул с дороги, а увидел такую красоту»

– в Книгах отзывов прежних лет нашлось много материала для местных краеведов.

– автором сделана попытка осветить тему становления, организации и обустройства Музея природы и территории экскурсионной зоны как основного места приёма туристов. В силу понятных причин (нежелание отклоняться от заданной темы и др.) показаны лишь немногие начальные этапы научно-просветительской и краеведческой работы сотрудников заповедника, позже вылившейся в создание отдела экологического просвещения.

– по отзывам приезжающих в 1950-90 гг. туристов понимаем, как высоко была поднята планка профессионального уровня и мастерства специалистов, работавших ранее. Даётся высокая оценка личных человеческих качеств, как специалистов музея, заповедника, так и жителей Карелии в целом.

– на основе анализа отзывов у автора сложилось устойчивое убеждение в том, что специалисты заповедника должны всегда помнить об огромной ответственности за то, что именно видят наши посетители. Кивач, как и все туристические объекты, является публичным местом, а значит, должен не только соответствовать своему специальному назначению, но и быть площадкой с удобной инфраструктурой. Наши посетители обращают внимание на развитие экспозиции, выставочную деятельность и её качественную составляющую, ухоженность территории, ценовую политику, чистоту, уют, состояние подъездных дорог, туалетов, ассортимент сувениров, состояние табличек в дендрарии, наличие/отсутствие ограждений у водопада. По понятным причинам автор не может процитировать всё многообразие отзывов такого рода, но они присутствуют в Книгах и своим существованием напоминают о «болевых точках» заповедника.

– неизменны пожелания благосостояния, процветания заповеднику, здоровья и удачи его сотрудникам.

«*Мы чувствуем ту любовь, которую вы прикладываете своим старанием, Костомукша, 2005*».

«*Желаем Вечного процветания. Семья Гросс, 13.07.2005*».

«*Вы — хранители души этого заповедника… За доброту и сердечность душевное Вам спасибо! 20.08.2006*»

Считается, что годы выхолащивают историческую память, но благодаря написанному человеческими руками тексту вряд ли это произойдёт быстро и незаметно. Мы понимаем, что людей, отметившихся в первых Книгах отзывов, скорее всего уже нет в живых. Но на наших страницах живут своей жизнью их удивительные и непохожие почерки, различные эмоции, чувства и мысли. Мы видим точное время приезда, и, значит, можем предположить, что

конкретно довелось увидеть человеку – от сезонных изменений в природе в течение года до строительства, ветшания и сноса определенных заповедных объектов (не только Музея, но выстроенных в своё время арок, заборов, стендов, ларьков и т.д.).

Работа над Книгами отзывов – это попытка разглядеть прошлое через горизонтальный пласт зафиксированных на бумаге событий, но даже при малом изменении угла зрения – от поверхностного к вертикальному – они, события, приобретают свои глубинные корни, прочную взаимосвязь и свою смысловую нагрузку.

Безусловно, в суете происходящих событий с годами мы всегда что-то теряем, но при желании общую картину прошлой действительности воссоздать все-таки можно. За исследуемый 50-летний отрезок времени прошло политическое и экономическое переустройство мира, исчезли названия целых государств, в нашей стране прошли глобальные политические перемены, изменился экономический строй со всеми сопутствующими явлениями, растаяли, словно их и не было, фразеологизмы советского периода. Но благодаря старым рукописным Книгам перед нашим взором словно перелистнулись страницы истории общества. И в ней – лишь малая часть истории заповедника «Кивач», невидимыми, но прочными нитями связанная с историей России.

Использованная литература:

1. Березин Н.И. «Пешком к карельским водопадам». Из сборника «Водопад и его окрестности»/ Сост. В.Н. Верхоглядов.— Петрозаводск: Ларионов В.В., 2006.— 96 с.

2. Труды государственного природного заповедника «Кивач», выпуск 3, Петрозаводск, 2006.

3. Труды государственного природного заповедника «Кивач», выпуск 4, Петрозаводск, 2008. С.Б. Скороходова, Г.В. Эркко, Э.В. Карпина и др., «История посёлка Кивач, написанная его жителями».

4. Кекушев В.П., Сергеев В.П., Степаницкий В.Б. «Основы менеджмента экологического туризма», Москва, издательство МНЭПУ, 2001, стр. 28

5. Скальковский К.А. ««Воспоминания молодости (по морю житейскому)», СПб, 1906.

6. Проект организации и ведения лесного хозяйства Государственного заповедника «Кивач» Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР, т.1, объяснительная записка.

7. Газета «Авангард», №34 (3826) от 29.09.2016, статья «Память об учителе и краеведе» (авторы Н.А. Бронзова, И.Г. Ильина).

8. Газета «Новая Кондопога» от 29.06.1974, статья «Волнующие встречи» (автор А. Карпенко).

9. Отчёт о научно-исследовательской и научно-организационной и административно-хозяйственной деятельности заповедника «Кивач» Карельского филиала АН СССР за время 1960 г. (рукопись, на 29 листах). Национальный Архив РК: Главохота РСФСР, Фонд 3206, опись 2, д.1/8.

10. Отчёт о научно-исследовательской, научно-организационной и административно-хозяйственной деятельности заповедника «Кивач» Карельского филиала АН СССР за 1959 г.». Национальный архив РК: Главохота РСФСР, фонд 3206, опись 2, д. 1/6.

11. Энциклопедия «Карелия», Издательский Дом «ПетроПресс», Петрозаводск, 2007, т.1.

А. В. Чебаковская,
аспирантка Института языка, литературы и истории
КарНЦ РАН

Образ малолетнего правонарушителя по архивным материалам Карелии первой половины 1920-х гг.

В современной науке наблюдается интерес к проблемам истории детства в различных областях знаний. Литераторы и литературоведы уже давно обращаются к образам детства и ребенка. Традиция изучения детской литературы обусловлена спецификой этого феномена. Ведь детство всегда являлось важнейшей нравственно-философской темой, поэтому мир ребенка изучался в творчестве как русских, так и зарубежных писателей.

Художественный образ считается одной из самых многогранных и сложных литературоведческих категорий. Небывалый интерес к образу детства наблюдался в русской литературе XIX-XX веков. Писатели делали попытку раскрыть неизведанный детский мир, показать богатство душевного мира ребенка, передать чувства персонажа во всей их полноте. В произведениях русских авторов можно встретить описание жестокого равнодушия родителей к внутреннему миру детей или отсутствие интереса к воспитанию своего ребенка.

Ряд писателей уделили внимание неблагоприятным социальным обстоятельствам в жизни ребенка. Авторы на страницах своих сочинений обращались к теме сиротства и беспризорности в первое десятилетие советской власти. Изображаемые в качестве главных героев повествований дети-сироты становятся отражением резких социальных потрясений: они одновременно воспринимаются как невинные жертвы и в то же самое время символизируют сам факт происходящих социальных перемен.

Число работ по истории детей и детства за последние годы значительно возросло. Тематика данных исследований касается различных проблем, среди которых меньше всего обращается внимание на образ ребенка, особенно малолетнего правонарушителя, беспризорника, ребенка-сироты.

Следствием Гражданской и Первой мировой войн, голода, эпидемий и разрухи стала детская преступность, которая приняла огромные размеры. Сравнивая данные о преступности несовершеннолетних 1913 года и начала 1920-х гг., Маслова О.Б. отмечает ее увеличение по стране в 7,4 раза[1]. Около 75 % преступлений несовершеннолетних совершались беспризорниками. Детская преступность в сложившихся условиях определялась смещением

[1]Маслова О.Б. Система правового воздействия несовершеннолетних правонарушителей в советской России в начале 1920-х гг. / Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №11. С.97.

моральных ценностей у детей вслед за взрослыми и необходимостью добывать средства к существованию. Работа с детскими правонарушениями на территории АКССР дает представление о движении детской преступности. Если взять число правонарушений в 1920 г. за 100%, то движение их в последующих годах выразится следующим образом: 1922 г. – 82%, 1924 г. – 100%, 1925 гг. – 114 %[2]. Повышение числа правонарушений было вызвано объективной ситуацией в крае, а также разрешением свободной торговли спиртными напитками.

Реконструкция образа ребенка возможна через оставшиеся свидетельства. В данной работе источниками выступают документы Комиссии по делам несовершеннолетних первой половины 1920-х гг.

Сотрудники Комиссии заполняли документы, в которых описывали малолетних преступников и их правонарушения. Дела содержали заявления, протоколы, допросы, постановления. Во время расследований Комиссия вела записи обследования несовершеннолетнего в форме опросного листа, позволяющего выделить основные характеристики. Они помогут нам представить образ малолетних правонарушителей. Вопросы, которые фиксировались в опросных листах (см. Приложение), можно объединить в рубрики: путь малолетнего правонарушителя к девиантному (асоциальному) поведению, семья и школа как среда, половозрастные характеристики ребенка, пути и методы исправления малолетнего правонарушителя.

Задача статьи состоит в исследовании образов малолетних правонарушителей в Карелии в первой половине 1920-х гг., созданных на страницах документов Комиссии по делам несовершеннолетних, а также воссоздание образа типичного представителя этой когорты детей.

Специалисты Комиссии отмечали приметы нарушителя только через фиксирования внешнего вида ребенка: какие одежда и вещи, есть ли деньги. Чаще всего это поношенная, старая одежда, нередко рванная. Можно встретить следующие описания одежды детей: «рваное пальто, солдатская серая шапка, рваные отцовские сапоги», «поношенный пиджак, такие же штаны, старая ситцевая рубашка, поношенные сапоги». Денег и вещей обычно у детей при себе не было. Внешний вид многое говорил о той среде, в которой они воспитывались.

Детская преступность определялась условиями жизни детей, поэтому первое место занимали имущественные преступления, в основном, это кражи и соучастие в них. В 1920 г. Комиссией были рассмотрены дела по обвинению в совершении 103 краж разного характера. Основные правонарушения были связаны с кражей продуктов, денег, одежды и разных вещей, но отмечались и кражи топлива, иногда со взломами. С целью кражи несовершеннолетние подделывали документы личности и ордера. Малолетними правонарушителями совершались и

[2] НАРК. Ф.Р.630. Оп.1. Д.10. Л. 62.

другие преступления: порча инвентаря, саботаж по службе, спекуляция, оскорбление личности, нелегальный переход государственной границы. 5% от всех правонарушений составляли убийства людей или животных. Они иногда носили случайный характер, например, в семьях, где было совершено убийство, охотники или красноармейцы оставляли заряженные ружья. Голод заставлял детей попрошайничать, бросать учебу. Единичными случаями среди нарушений закона являлись шпионаж, картежная игра, «национальные выступления».

Количество краж увеличивается в 1921 г., уже 195 несовершеннолетних проходят по делам, связанным с имущественными преступлениями. Причина в большинстве случаев голод, нужда и ненормальные семейные условия, только два случая явились проявлением клептомании[3].

Несовершеннолетние в графе опросного листа «Жизнь обвиняемого до совершения общественно-опасного действия» отмечали те трудности, с которыми они столкнулись. Многие остались без матери или отца еще в дошкольном возрасте, перестали ходить в школу либо по причине болезни, либо в связи с необходимостью помогать семье.

Больше половины малолетних правонарушителей воспитывались в неполных семьях, воспитывались либо отцом, либо матерью. Это положение было вызвано смертью одного из родителей. Гибель кормильца приводила к тому, что за ребенком не осуществлялось должного надзора, так как матерям приходилось выходить на работу. В итоге ребенок оказывался предоставлен сам себе. В целом любая неполная семья способствовала развитию правонарушений среди несовершеннолетних, особенно если она была материально не обеспечена. Были случаи, когда одинокие отец или мать вступали во второй брак. Также присутствовал большой процент тех сирот, совершивших преступление, которых на воспитание брали старшие братья или сестры, бабушки и дедушки, иногда крестные родители.

В полных семьях, как правило, отец работал, а мать занималась домашним хозяйством. Инспекторы при описании семьи обращали внимание на возраст родителей, род занятий, вредные привычки, материальное положение, отношение к ребенку, сведения о братьях, сестрах и родственниках, судимость родственников. Возраст родителей несовершеннолетних преступников колеблется от 45 до 60 лет. Малолетние правонарушители происходили в основном из семей крестьян и рабочих. В отчетах отмечается, что родители заботятся о сыне или дочери. Материальное положение таких семей характеризуется как удовлетворительное, но иногда «бедное». Несовершеннолетние содержались на средства своих законных представителей, но некоторые дети в виду материальных трудностей семьи шли зарабатывать. Подростки помогали в ведении домашнего хозяйства, работали рассыльными, пастухами, конюхами, сторожами, санитарками или уборщицами, служили в типографии, возили дрова или

[3] НАРК. Ф.Р.2. Оп.1. Д.70. Л. 2

вещи пассажиров вокзала. Заработанные деньги они отдавали своим родителям, но некоторые тратили на покупку или починку обуви, одежду, табак, мелкие расходы.

Отметка о судимости родственников позволяет определить, в какой семье воспитывался несовершеннолетний, были ли конкретные примеры для детей в совершении дурных поступков. В 1920 г. зафиксированы только отдельные случаи, когда родители также были привлечены к ответственности, в одном случае отец находился в тюремном заключении за пьянство и кражу, в другом – за побои, нанесенные женщине. Процент правонарушений родственников вырастает на протяжении первой половины 1920-х гг.; за кражи, спекуляции, пьянство, продажу спирта привлекаются теперь не только родители, но и старшие братья.

Правонарушения совершались детьми школьного возраста, так в 1920-1925 гг. все правонарушения в г. Петрозаводске были совершены детьми в возрасте от 8 до 17 лет.

Анализ гендерного состава несовершеннолетних правонарушителей показывает, что основной процент из числа прошедших Комиссию за 1920-1925 гг. составили мальчики. Так за 1920 г. через Олонецкую Губернскую Комиссию прошло 84 дела о 155 несовершеннолетних, из них 120 мальчиков, 35 девочек. За 1921 г. через Комиссию прошло 283 несовершеннолетних, из них 222 мальчика и 61 девочка. В 1925 г. правонарушения, совершенные девочками, составляли примерно треть. Работа с делами Комиссии продолжается, поэтому в дальнейшем еще предстоит выявить причину роста правонарушений, совершенных девочками.

О состоянии здоровья судить по опросному листу достаточно сложно. В основном отмечалось, что правонарушитель здоров или физическое и психическое состояние его удовлетворительное. В отдельных случаях отмечались такие болезни, как малокровие, истощение, что связано, прежде всего, с отсутствием нормальных условий для жизни.

Показательной характеристикой является уровень образования малолетних правонарушителей. В 1920 г. треть задержанных несовершеннолетних была неграмотна, они не умели писать и читать, большая часть считалось грамотной, даже если плохо читали и писали. Такая же ситуация отмечалась и в 1922 г., а вот в 1925 г. зафиксировано около половины неграмотных правонарушителей, которые были либо малограмотны, либо совсем не читали и не писали. Школьники бросали учебные заведения по различным причинам: одни приостанавливали занятия по болезни, другие – «по собственному легкомыслию и лени», третьи – «в виду бедности и отсутствия одежды», четвертые – по болезни или смерти родителей, потому что им приходилось помогать в домашнем хозяйстве или при необходимости идти на заработки. Высокий процент ухода из школы в 1920-1925 гг. был потому, что дети понимали необходимость своей помощи семье. Единичный случай ухода в 1922 г. был мотивирован ребенком тем, что в школе плохо учили. Отношение детей к чтению во многом зависело от их умения читать. Большинство читающих брали в руки книги, которые

находились дома или в школьной библиотеке, читали романы, стихи, фантастические рассказы, сказки, рассказы о путешествиях.

Специалисты фиксировали информацию о владении ребенком ремесла. Единицы правонарушителей могли похвастаться умением что-либо делать (вязание чулок, слесарное или столярное ремесло, крестьянские работы).

Среди малолетних преступников были выявлены такие вредные привычки, как курение, распитие алкогольных напитков, азартные игры. В 1920 г. – треть правонарушителей отметили, что курят, эта цифра увеличилась к 1922 г. и продолжила расти к 1925 г. и составляла около 50%. Распитие алкогольных напитков происходило, со слов правонарушителей, только в отдельных случаях либо в праздник, либо угощал отец или брат. Среди азартных игр отмечались карты.

Около половины малолетних правонарушителей любили посещать кино, другие совсем не ходили. Это связано с отсутствием денег или также с тем, что в некоторых местностях не было таких заведений. 19 октября 1920 г. вопрос о посещении детьми кинематографа обсуждался на заседании Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей. Было решено не допускать детей на фильмы, программы сеансов которых не имели для них воспитательного значения. Некоторые дети посещали театральные представления и танцевальные вечера.

На основе просмотренных дел можно выделить следующие типы малолетних правонарушителей: случайные и социально запущенные. Случайные преступления совершались под влиянием внешних факторов, дети были психически и физически здоровы, их не коснулась социальная запущенность. Правонарушения, которые они совершили, не носили большой общественной опасности, повторных задержаний не было. Социально запущенные дети были неграмотными, не знавшими ремесла, иногда не приспособленными к окружающим условиям, материально не обеспеченными. Такие дети часто замечались в совершении повторных правонарушений.

Итак, на основе документов можно представить собирательный образ типичного малолетнего правонарушителя. Это мальчик-школьник в возрасте 10-16 лет, беспризорный или из неполной семьи. Психическое и физическое состояние здоровья удовлетворительное. Малограмотен или совсем неграмотен в виду того, что бросил школу, чтобы помогать дома по хозяйству или пойти на работу. Ребенок, находясь в условиях неблагоприятной социальной среды, был склонен к восприятию нездорового, нехорошего. Оставаясь же без надлежащего воспитательного присмотра, он постоянно подвергался дурному влиянию улицы. Отсутствие средств или свободного времени не позволяло посещать места зрелищного характера, зато вредные привычки становились частым явлением среди малолетних правонарушителей, самыми распространенными являлись курение и азартные игры.

Приложение.

Список вопросов из опросного листа Комиссии по делам несовершеннолетних:

1. ФИО.
2. Какая одежда на нем, какие имелись вещи, деньги?
3. Пол.
4. Дата рождение (возраст).
5. Где родился?
6. Задерживался ли ранее, кем и за что?
7. Есть ли у опрашиваемого метрика, паспорт и другие документы?
8. Какие имеются письменное документы о деле обвиняемого?
9. Местожительство.
10. Где совершено преступление?
11. Где жил в последнее время?
12. С кем жил?
13. Чем занимался до задержания?
14. С кем и при каких условиях совершил то или иное преступление?
15. Знает ли ремесло или другую профессию?
16. Сколько зарабатывал и на что тратил деньги?
17. Давно ли без места и почему?
18. На какие средства жил?
19. Задерживался властями ранее?
20. Отбывал ли наказание?
21. Замечался ли в дурных поступках?
22. Неграмотен. Читает. Пишет.
23. Учился в школе ли и какой?
24. Жил ли в приютах?
25. Курил ли?
26. Пил ли алкогольные напитки. Почему начал пить?
27. Играет ли в азартные игры. Часто ли?
28. Любит ли посещать кинематографы? Другие зрелища? Какие?
29. Любит ли читать? Что? Не увлекается ли фантастическими рассказами?
30. Здоровье.
31. Сведение о родителях.
32. Сведение о братьях, сестрах, других родственниках.
33. Судились ли родители, сестры, братья?

34. Жизнь обвиняемого до совершения общественно-опасного действия

Раздел 5. Секция Мир языка и фольклора: исследователи и исследования

В. А. Новоселова,

канд.филологических наук,

доцент кафедры русского языка ПетрГУ

Языковые особенности документов Олонецкой губернии конца XVIII века

Становление официально-делового (канцелярского) стиля восходит к началу XVIII в., хотя истории известны деловые бумаги, которые составлялись еще в XI в. Это договорные грамоты, завещания, указы. До настоящего времени сохранился свод законов «Русская правда», датированный XI в. Языком деловой письменности Древней Руси была устная речь восточных славян.

Тексты документов эпохи петровских преобразований в России свидетельствуют о том, что они не отличались стилистической однородностью, в них смешивались черты книжного старославянского языка, устной разговорной речи, областного наречия. По словам В. В. Колесова, деловая речь того времени представляла собой «синтез многих речевых потоков».[1]

Петр I стремился привести канцелярские тексты к стандартизации, единообразию, он считал примером для подражания язык «посольского приказу».

Постепенно под влиянием литературного языка вырабатываются жанровые формы и стандарты, и канцелярские документы теряют разговорно-просторечную окраску, начинает формироваться терминосистема деловой речи.

В конце XVIII века официальный стиль уже выделяется как особая функциональная разновидность языка, характерные черты которого отчетливо прослеживаются в документах Олонецкой губернии.[2]

Обращает на себя внимание широко используемая в деловых бумагах иноязычная терминологическая лексика, пришедшая еще в Петровскую эпоху. Прежде всего это заимствованные слова, обозначающие формы правления (*администрация, магистрат, коллегия, синод, канцелярия*), должности *(прокурор, фискал, губернатор*), названия документов

---

[1] Колесов В. В. К исследованию фонетики старомосковского говора // История русского языка и лингвистическое источниковедение. — М.: Издательство Наука, 1987.- С. 123-130.

[2] Петрозаводск : 300 лет истории : В трех книгах. – Книга 1. 1703-1802 гг. / Сост. Д. З. Генделев. – Петрозаводск : Издательство «Карелия», 2001. – 416 с.

(*журнал, протокол, реляция, табель, рапорт, манифест),* термины сферы судопроизводства и делопроизводства *(акт, иск, ордер, мандат, паспорт*).

Например:

Из ***протокола*** *городового* ***магистрата*** *- о переселении в город купцов и мещан, живущих в уезде* (№ 137,[3] с.108). *Святейший правительствующий* ***Синод****, слушав присланного из оной* ***канцелярии*** *доношения, коим требовано от святейшего правительственного* ***Синода*** *благословения о построении…деревянной во имя Сошествия Святого Духа церкви…(№* 401, с.323). *Как законами повелено в высочайших о управлении* ***губернии*** *Учреждениях…правитель или* ***губернатор*** *отправляет свою должность по данным* ***губернаторам*** *наказам* (№110, с.85). *Из* ***журнала*** *горной экспедиции – о торжественной закладке новой пристройки к доменному корпусу* (№ 169, с. 130). *Из* ***манифеста*** *– о работах, выполняемых на Олонецких заводах* (№ 156, с. 121). *…Без указу городской канцелярии никуда из той волости не выходить и* ***пашпорта*** *старостам не давать…*(№ 278, с. 223). *Из* ***ордера*** *М. Ф. Соймонова А. С. Ярцову – о починке Петропавловской церкви* (№ 404, с. 326).

Специальная лексика представлена и собственно русскими словами. Показательны, например, названия различных документов *(договор, соглашение, прошение, жалоба, доношение* (документ информативного содержания), *челобитная, постановление, распоряжение и др.)*, номинации бумаг, связанных с правом собственности на имущество *(закладные, отказные, наемные, рядные, подрядные, духовные завещания, заемные и верющие письма (доверенности)*:

Договор *государственной крестьянки деревни Козминской Великогубского старощенья Кижской трети Петрозаводского уезда вдовы А. Авдеевой с петрозаводским купцом С. Кондратьевым на обучение сына Авдеевой портновскому мастерству* (№ 147, с. 116). ***Прошение*** *государственных крестьян Кижской трети деревни Прохановской И. Архипова, деревни Грузиловской Т. Михеева с детьми, деревни Потановской Г. Карпова с сыном в Петрозаводский городовой магистрат о принятии в петрозаводское купечество* (№ 129, с. 100). *На сие* ***доношение*** *просим учинить милостивое рассмотрение* (№ 129, с. 100). ***Челобитная*** *петрозаводских мещан К. П. Фирсова и Е. Л. Кулогина о позволении записаться в портновский цех* (№ 135, с. 105). ***Жалоба*** *лютеранского пастора Фенандера Т. И. Тутолмину на командира егерского батальона Шалимова…*(№ 413, с. 332).

Показателем канцелярского стиля является большое количество синтаксических дериватов - абстрактных имен существительных с суффиксами ***–аний-, -ений-, -ний-, -ий-*** и нулевыми, восходящих к глаголам с тождественными значениями: *показать ->****показание****, дознать*

[3] Здесь и далее указывается порядковый номер документа, представленного в книге «Петрозаводск : 300 лет истории».

*(дознавать) -> **дознание**, постановить -> **постановление**, решить -> **решение**, радеть -> **радение**, исполнять -> **исполнение**, рассмотреть -> **рассмотрение**, узаконить -> **узаконение**, распорядиться -> **распоряжение**, заключить -> **заключение**, править -> **правление**, присутствовать -> **присутствие*** и мн. др.:

*Из **указа** Сената с **объявлением** указов Екатерины II – о **переименовании** Олонецкой области в наместничество и об **учреждении** в Петрозаводске губернских присутственных мест, о **назначении** Г.Р.Державина правителем наместничества* (№ 103, с. 80).

Имена существительные *объявление, переименование, учреждение, назначение* восходят к глаголам *объявить (объявлять), переименовать, учредить, назначить.* Производное слово *указ* также является отглагольным, только в качестве дериватора здесь выступает нулевой суффикс имени существительного (*указать - > указ^*).

В документах Олонецкой губернии систематически функционируют архаичные местоимения *сей (этот), оный (тот), таковой (такой), коих (которых)*:

*В именном его императорского величества указе о восстановлении пяти губерний, в числе **коих** находится Олонецкая, высочайше повелено начальникам губерний назначить губернские города и донести о том правительствующему Сенату. В выполнение **сего** высочайшего повеления…назначил я Петрозаводск губернским городом, о чем **сим** почтеннейшее доношу правительствующему Сенату. В Олонецкой губернии…Петрозаводск почесться может почти центром **оной**…* (№ 120, с. 95). *Нижним приказным служителям **таковые** ж, как и столоначальникам, мундиры, но с стоячим синим воротником и с палевыми суконными обшлагами* (№ 109, с. 85).

В сложноподчиненных предложениях часто употребляются устаревшие союзы *дабы (чтобы), понеже (потому что), ибо (так как), буде (если), поелику (поскольку), яко (что, так как)*:

*И **дабы** высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сию нашу челобитную в Петрозаводский городовой магистрат принять…* (№ 135, с. 105). *…Ему, Андреянову, в торговое звание записаться увольняем, **понеже** к тому препятствующих причин не имеем…* (№ 140, с. 112). *Пристаней здесь ... не имеется, **ибо** на оных реках судового ходу нет …* (№ 264, с. 211). *И **поелик**у крайне нужно, **дабы** толикое число пик как наискорее было приготовлено, то и рекомендую…*(№ 463, с. 372). *А **буде** ж, паче чаяния, той должницы Горбушкиной ... приключится смерть, ... наследникам ее дать о сем магистрату знать письменно* (№ 477, с. 383). *… Объявлено, **яко** доподлинно он слышал, что шведское войско намерение имеет следовать к российским границам…* (№ 420, с. 338).

Как показывают наблюдения, архаичные словоформы этих языковых единиц постепенно вытесняются параллельно употребляемыми новыми словами.

Следует отметить, что в распорядительных документах (указах, рескриптах, предписаниях и т. п.) широкоупотребительны инфинитивные глагольные формы, примыкающие к глаголу-сказуемому с семантикой волеизъявления:

...В рассуждении положения Олонецкой области ***повелеваем*** *оную* ***переименовать*** *наместничеством…Всемилостивейше* ***повелеваем*** *действительному статскому советнику Гавриле Романовичу Державину* ***отправлять*** *должность правителя Олонецкого наместничества* (№ 103, с.80). *...****Приказали****: градскому старосте Попову* ***послать*** *указ и* ***велеть*** *в реченном казенном доме, что принадлежит покупкою к нему вновь и починкою* ***исправить*** *в скорейшем времени, а деньги* ***употреблять*** *из градских доходов* (№ 105, с.82).

Инфинитив закрепился в языке административных жанров, поскольку с его помощью наиболее удобно выражать приказы, давать инструкции высших органов власти – низшим, начальников разного ранга – подчиненным. Эта особенность официально-делового стиля является характерной чертой административных документов и настоящего времени.

В деловых бумагах Олонецкой губернии наблюдается обилие повторяющихся устойчивых словосочетаний. Вот далеко не полный перечень таких оборотов*: бить челом, благодарствую вашей милости, ведати надлежит, в том обязуемся, во исполнение того, покорнейше прошу, за сим вручаем, на ваше благоусмотрение, для вящего уверения, руку приложил, того ради, паче чаяния, участие принять изволил, при сем вам посылаем, по получении таковых, со изволения вашего величества, при сем требуем, чинить по указу, надлежащим образом, учинить решение*.

Обращают на себя внимание композиты, образованные способом сращения компаративных наречий *выше, ниже* с полными причастиями: ***вышепоименованный*** *(мастер),* ***вышеозначенные*** *(товары),* ***вышеозначенный*** *(храм), (все)* ***вышеописанное****,* ***нижеподписавшиеся*** *(поручители), (аз)* ***нижеименованный****,* ***нижеследующие*** *(основания), (учинить)* ***нижеследующее****,* ***нижеписанные*** *(материалы).*

В канцелярском языке прослеживается тенденция к употреблению кратких страдательных причастий в функции главного члена односоставного предложения, что придает высказыванию неличный характер и позволяет подчеркнуть значимость факта совершения действия:

*Петрозаводским городским магистратом жительствующим в городе купцам и мещанам…****учинено****…общественное собрание. В здешнем Петропавловском соборе* ***отправлено*** *всенощное бдение... И* ***предложено*** *собранию о начатии выбора в ратманы городового магистрата. По окончании ж сего* ***приступлено*** *к избранию бургомистров… А по избранию оных* ***отсрочено*** *собрание до 20-го числа, в которое по собрании общества* ***читаны*** *из высочайшего Учреждения статьи 73 и от 306 до 316…* (№ 102, с.79-80).

Нередко встречаются сложные сказуемые, имеющие параллельные простые формы в нейтральном стиле:

...А с целовальниками, которые винную ***продажу производили*** *(*продавали*), для учинения наказания ж писать в компанейскую контору* (№ 436, с. 349). *...Многие народы, напившись пьяны,* ***чинят*** *необычное* ***шумство****, а иногда и* ***драки*** (шумят и дерутся)…(№ 435, с. 348). *…В здешнем городе…столь частые* ***происходят воровства*** (воруют)*... и воздух, нечистотою зараженный,* ***причиняет*** *здоровью* ***вред*** (вредит)…(№ 461, с. 370). *Правитель Олонецкого наместничества Гаврил Романович Державин ордером* ***повелеть соизволил*** (повелел)*, чтоб перевесть горную канцелярию в казенный дом № 2*…(№ 382, с. 302). *Того ради прошу реченного магистрата, дабы оный…* ***благоволил уведомить*** (уведомил) *меня*…(№ 387, с. 305).

Вызывает интерес и необычный порядок слов в предложениях: сказуемое располагается в абсолютном конце синтаксической структуры, что нехарактерно для русского языка:

...Того ради магистрату ***предлагаю****, что в сем г. Петрозаводске означенного третьего числа…олонецкие областные присутствия…торжественно* ***откроются****, а притом и все городовые судебные места, как и сей магистрат, в те домы* ***перемещены будут****, то для сведения всем и каждому своим согражданам оный магистрат* ***объявить имеет****, чтоб они для исполнения высочайшей ее императорского величества воли к тому числу никто из города….* ***не отлучался*** *и в то 3-е число поутру в 7 часов как магистратские присутствующие, так городской глава с пристойным числом степенных граждан ко мне* ***явились****…* (№ 98, с.76).

По мнению некоторых лингвистов, такое расположение сказуемого свидетельствует о западноевропейском влиянии на синтаксис русского языка. Например, исследователь Г. И. Багрянцева, анализируя тексты административно-правовых документов разных эпох, полагает, что заметное воздействие на деловую речь оказали переводы с немецкого языка, сделанные еще в Петровскую эпоху, синтаксический строй которого во многих своих чертах напоминает построение языковых единиц латинского языка.[4]

Для официально-делового стиля исследуемого периода характерно функционирование многокомпонентных сложных предложений с разными видами связи предикативных частей:

В IV пункте: губернатор недремлющим оком в губернии своей взирает на то, чтобы все и каждый по званию своему исполнял с возможным рачением свою должность, содержа в ненарушимом сохранении указы и узаконения ее величества, чтоб правосудие, истина во всех судебных подчиненных ему местах обитали и чтоб ни знатность вельмож, ни сила богатства совести и правды помрачить [не могли], а бедность вдов и сирот, тщетно проливая слезы, в делах справедливых утеснена не была (№ 110, с.85).

[4] Багрянцева Г. И. Синтаксис деловых бумаг XVIII века // Вопросы языкознания, 1980. - № 5.- С. 105-112.

В этом тексте, взятом «Из предложения Г.Р.Державина наместническому правлению – о роли и функциях губернатора», пять достаточно распространенных предикативных частей; вторая и пятая осложнены обособленными обстоятельствами, в третьей и четвертой отмечаются однородные подлежащие.

Комбинирование разнообразных синтаксических структур в рамках единого смыслового контекста прослеживаются практически в каждом административно-правовом документе.

Как показывают наблюдения, тексты деловых бумаг, составленные Державиным, свидетельствуют об умении владеть канцелярским слогом не менее искусно, чем поэтическим (№ 110, с. 85-86; № 458, с. 367-368). Поэт имел солидный опыт обращения с государственными документами самого высокого уровня, поскольку 25 лет отдал государственной службе: был экзекутором в департаменте Сената, министром юстиции при правительстве Александра I, губернатором Олонецкой и Тамбовской губерний, статс-секретарем Екатерины II, сенатором, президентом коммерц-коллегии, министром.

В деловых документах Олонецкой губернии государственного значения прослеживается языковая организация высокого стиля, в бумагах же местного функционирования обнаруживается смешение стилей, например:

Из указа Сената: *В именных ее императорского величества указах, данных Сенату за собственноручным ее величества подписанием, написано: от 22 числа сего мая…В рассуждении положения Олонецкой области повелеваем оную переименовать наместничеством, учредя в губернском городе Петрозаводске наместническое правление… Всемилостивейше повелеваем действительному статскому советнику Гавриле Романовичу Державину отправлять должность правителя Олонецкого наместничества*…(№103, с. 80).

Из протокола Канцелярии Олонецких Петровских заводов – *О праздно шатающихся при Петровском заводе бабах и девках*: *…Земским избам подтвердить наистрожайше, чтоб оные впредь таковых ведомства своего девок и женок ни под каким видом никуда не отпущали, а имели над ними крепкое смотрение* (№ 440, с. 351-352).

В присяге, клятвенном обещании или торжественном выступлении, как правило, употребляются слова и выражения книжного стиля:

Я. нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом перед святым его Евангелием в том, что хощу и должен при надлежащем выборе в новоозначенные по высочайшему ее императорского величества для управления губерний Всероссийския империи учреждению и штату присутственные разные места…(№ 93, с. 72).

Челобитные обязательно начинаются с хвалебных слов и прилагательных в превосходной степени по отношению к адресату:

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, государыня всемилостивейшая, бьют челом живущие в городе Петрозаводске мещане… Всемилостивейшая государыня, просим вашего императорского величества о сем нашем прошении учинить милостивое решение (№ 135, с. 105).

В документах разных жанров прослеживается тенденция к стандартному оформлению канцелярских текстов, к единообразному расположению их реквизитов.

Следует отметить направленность на сдержанный характер изложения, в текстах почти не встречаются эмоционально окрашенные языковые средства: междометия, эмоционально-экспрессивные частицы, существительные с диминутивными суффиксами. Слова употребляются только в прямом значении, не наблюдается использование образной речи.

Таким образом, анализ языка документов Олонецкой губернии конца XVIII века показывает, что официально-деловой стиль приобретает свои основные черты, которые прослеживаются в лексике, словообразовании, грамматике. Складываются традиции использования языкового стандарта: тексты имеют определенную композицию, специфическое расположение частей, для каждого жанра свойственны особые формулы-клише.

Единообразие, точность формулировок и стандартизация, нейтральный тон изложения, жанрово обусловленная языковая организация являются особенностями и современного официально-делового стиля, который обслуживает сферу правовой и административной деятельности, реализуется как средство коммуникации в государственных учреждениях, суде, в процессе проведения деловых и дипломатических переговоров.

Л. П. Михайлова,
Петрозаводский государственный университет

От А.А. Шахматова до А.С. Герда
(о развитии диалектной лексикографии Карелии)

Аннотация. В статье обозначены основные этапы лексикографического представления русских говоров Карелии с конца XIX в. до 10-х гг. XXI в. Описывается вклад лингвистов и любителей народного слова в русскую лексикографию Карелии. Обращается внимание на такие вопросы, как ареал описания, источники, методика описания слова, трудности составления диалектных словарей.

Ключевые слова: региональная лексикография, русские говоры Карелии, А.А. Шахматов, Г.И. Куликовский, И.М. Дуров, А.С. Герд.

L, P. Mikhaylova

From A.A. Shakhmatov to A.S. Gerd
(on the development of the dialectal lexicography of Karelia)

Abstract: In article the basic stages of lexicographic submission Russian Karelian dialects from the end of the XIX th century up to 10 years. XXI. Describes the contribution of linguists and lovers of folk words leksikografiju in Russian Karelia. Draws attention to issues such as Habitat descriptions, sources, Habitat descriptions, sources, the difficulties of compiling dialectal dictionaries.

Key words: regional lexicography, Russian dialects of Karelia, A.A. Shakhmatov, G.I. Kulikovsky I.M. Durov, A.S. Heard.

А.А. Шахматов известен как крупнейший отечественный ученый, внесший неоценимый вклад в разработку разных лингвистических проблем, в частности, в историю русского языка и лингвистического источниковедения, историческую и синхронную диалектологию, в русскую историческую лексикологию и лексикографию. Наших современников «поражает разнообразие, глубина интересов и идей А.А. Шахматова, ярких и непреходящих по своим результатам в научных достижениях ученого»[1]. Особо подчеркнем деятельность А.А. Шахматова «в

[1] Котючук Л.Я. К выходу труда А.А. Шахматова «Лекции по русской диалектологии» (о прозордивости и актуальности изей Ученого) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, МюН. Приемышева. – Спб.: Нестор-История, 2015. – С. 730.

лексикографии с теоретически обоснованным подходом к максимально полному отражению в толковом словаре лексического состава языка»[2]. После Я.К. Грота, ушедшего из жизни в 1893 г., А.А. Шахматов возглавил работу над толковым академическим словарем - «Словарем русского языка», расширив источниковедческую базу: «Несомненным нововведением Шахматова было привлечение нового типа источников – записей областных слов»[3]. Расширение списка источников за счет диалектных и фольклорных материалов, безусловно, было связано с диалектологическими наблюдениями А.А. Шахматова, с с его поездками, в частности, в Олонецкую губернию в 1884 и в 1886 гг.

Экспедиционные материалы А.А. Шахматова, в которых представлены уникальные сведения о состоянии русской народной речевой культуры и поэтического творчества конца XIX в., нашли отражение в трудах по диалектной лексикографии. В поездках по Олонецкой губернии ученый записал десятки сказок, причитаний, былин, а также духовные стихи, песни, загадки в Кондопоге, Толвуе, Шуньге и других населенных пунктах[4], входящих в историко-культурную зону *Заонежье*[5]. Важно отметить, что «в отношении точности фиксации звука записям Шахматова нет равных в фольклористике»[6]. Данное положение относится, естественно, и к местной лексике, которая часто сопровождается комментариями рассказчика или замечаниями самого А.А. Шахматова. Лексические материалы сказочных текстов, зафиксированных А.А. Шахматовым, использованы, в частности, в «Словаре русских народных говоров»[7] (СРНГ) с пометами «**Север**., Ончуков», «Ончуков. **Олон**.» в связи с тем, что впервые они были опубликованы в сказочном собрании Н.Е. Ончукова[8]. Однако не все лексические единицы, представленные в записях сказок А.А. Шахматова по Заонежью, отмечены в СРНГ[9].

Усилиями любителей народного слова в XIX – начале XX вв. собрано значительное количество местных слов. Например, в списке печатных источников СРНГ по Олонецкой

---

[2] Там же.

[3] Истратий В.В. Формирование списка источников Большой словарной картотеки ИЛИ РАН в первый период ее существования (1890 годы) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, МюН. Приемышева. – Спб.: Нестор-История, 2015. – С. 924.

[4] Фольклорное наследие А.А. Шахматова / Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. В.И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 71-370.

[5] Карта этой зоны представлена в работе И.И. Муллонен, посвященной Заонежью: Муллонен *И.И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008: 9.

[6] Фольклорное наследие А.А. Шахматова / Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. В.И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 15.

[7] Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1-48. - М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015. (СРНГ)

[8] Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии): Сб. Н.Е. Ончукова.- СПб.: 1908. – С. 201-354.

[9] См.: Михайлова Л.П. Лексика заонежских сказок в записях А.А. Шахматова и материалы Словаря русских народных говоров (сходство и различие) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 746-752.

губернии приведены произведения П.Н. Рыбникова, Н. Шайжина, в разделе «Рукописи Архива АН СССР» в частности, указаны имена: П. Романовский, И.А. Филимонов, И.К. Корехов, А. Геогргиевский, В. Мегорский, А.П. Булатов[10]. Русские говоры Карелии, сформировавшиеся в результате миграционных процессов русского населения в течение веков в условиях тесного взаимодействия с автохтонным финно-угорским / прибалтийско-финским населением, неоднократно были в поле зрения лексикографов. Среди авторов работ конца XIX века отметим П.И. Певина, представившего лексику Заонежья[11], Г.И. Куликовского, описавшего словарный состав Олонецкой губернии[12]. Лексика говоров северной части Карелии, ранее входившей в Архангельскую губернию, описана А. Подвысоцким[13], использовавшим пометы «Кем.» в отношении говоров Кемского уезда, и «Поморье» - «в тесном смысле: часть Беломорского побережья от г. Онеги до Кандалакшскаго залива»[14].

В первой трети XX века житель села Сумский Посад Кемского уезда Архангельской губернии (ныне Беломорского района Республики Карелия) И .М. Дуров, по образованию и роду деятельности далекий от филологии, однако вступивший в Архангельское общество изучения Русского Севера, в 1912 г. познакомился с с программой Отделения русского языка и словесности Академии наук, собрал лексику сел Карельского Беломорья, подготовленный словарь сдал в Карельский научно-исследовательский институт в 1934 г., но автора постигла трагическая судьба[15], а его словарь[16] увидел свет только в 2011 г. Уместно привести краткое авторское предисловие к словарю:

«Словарный материал, входящий в диалектологическое описание Беломорья Карелии, бытует в Сорокско-Кемском районе Беломорского побережья Карелии от села Поньгомы до Нюхчи включительно.

В словаре употреблено до 12000 слов, собранных в результате двадцатилетнего моего опыта

---

[10] Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1965. - С. 76, 95, 127-128.

[11] Певин, П. Словарик Заонежья. Слова из народной речи (Кондопожская, Великогубская, Толвуйская волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии). – Петрозаводск, 1896. – 32 с. Отд. Отт.: Олонецк. губ. вед., 1896.

[12] Куликовский, Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. - СПб., 1898. – 151 с. См. также: Пашков, А.М. Куликовский Герман Илларионович // Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний [Электронный ресурс]. – Код доступа: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=54.

[13] Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. - СПб., 1885. – 198 с.

[14] Там же. С. 181. Помета «Поморье» не дает возможности точно связать то или иное слово с определенным районом современной Карелии или Архангельской области.

[15] Кузнецова, В.П. ИМ. Дуров и его «Словарь живого поморского языка» // Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. V-XIV.

[16] Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.

наблюдений и и изучения бытовой жизни Беломорья. При составлении его я также пользовался и печатным материалом: статьями и заметками, помещенными в до- и послереволюционных краеведческих и других изданиях, в частности, «Словарем Архангельского областного наречия» А. Подвысоцкого (СПб., 1885 г. издания). Кроме того, в состав словаря полностью влит мой труд «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья» (издание Соловецкого об-ва краеведения. О. Соловки, 1929 год).

Весь словарный материал в 1934 году заново был, путем выезда в села районов, проверен и проработан на материалах живой крестьянской речи. ПАроизношение и значе7ние каждого слова в словаре обозначено (*за текстом объяснения) местом его записи, которое, однако, не говорит за то, что что это слово только в данном селе произносится, но оно обозначает то место, где мне удалось его услышать в весьма распространенном произношении»[17].

В послевоенный период перед диалектологами, занимающимися изучением русских говоров, стояла задача создания словаря, охватывающего в целом территорию бытования русской народной речи Карелии, о чем писал проф. Н.А. Мещерский[18]. Эта задача относительно успешно была выполнена большим коллективом ученых, работающих в вузах Северо-Запада России, которых сплотил вокруг себя и, начиная с 1970 г., руководил в течение 35 лет А. С. Герд, проявляя не только внимание к лексикографическим проблемам, но и выдерживая серьезные трудности организационного характера. Не повторяя содержания статьи, посвященной истории создания «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»[19] (далее - СРГК) под руководством А. С. Герда[20] , остановимся на некоторых вопросах, важных в работе над диалектным словарем.

Следуя традициям, заложенным предшественниками в области разработки принципов построения диалектного словаря, А.С. Герд внес большой вклад в развитие региональной лексикографии, стремясь искать новые пути подачи слова, ориентируясь на особенности описываемого материала, его семантический диапазон, географию, развитую вариантность в пределах изучаемого пространства.

Важной задачей было определение территории лексикографирования. По этому вопросу в Предисловии к 1-му выпуску СРГК А.С. Герд писал: «Ретроспективно – это территория бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода, позднее Олонецкой губернии, Карельской АССР,

---

[17] Там же. – С. 17.

[18] Мещерский, Н. А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Ученые записки Карельского пед. ин-та. Т. XIII. 1962. – Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1963. – С. 128.

[19] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1-6. СПб, 1994-2005. (СРГК)

[20] Михайлова, Л. П. О работе над «Словарем русских говоров Карелии и сопредельных областей» под руководством А.С. Герда // Севернорусские говоры. Вып. 15. : Межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 13-20.

Карело-Финской ССР, снова Карельской АССР, Карелии и сопредельных районов»[21]. Определение указанной зоны внимания составителей СРГК продиктовано необходимостью обнаруживать глубокие исторические процессы (миграции русского населения, взаимодействие разных этносов в условиях культурного и лингвистического соприкосновения и т.п.) сквозь призму языка, в частности, региональной лексики. Это позволяет оценивать «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» как памятник исторического и этнокультурного характера.

Начало работы над СРГК было положено в январе 1970 г., когда по окончании конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка, проходившей в ЛГПИ им. А.И. Герцена, А.С. Герд собрал диалектологов, работавших в вузах Ленинграда, Мурманска, Петрозаводска, Череповца с целью создания коллектива составителей словаря. А.С. Гердом был представлен четкий план работы над словарем, рассчитанный на многие годы. Предполагалось совмещение работы по составлению словарных статей с пополнением картотеки СРГК в ежегодных экспедициях по районам Карелии, где проживает преимущественно русское население, примыкающие к ней районы Архангельской, Вологодской, Мурманской, Ленинградской областей и северные районы Новгородской области. К делу привлечены были активно работающие диалектологи из вузов Северо-Запада, и не только. Узнать о составе авторов СРГК можно из 6-го выпуска,в котором помещены сведения о каждом: фотография, вуз, указание отрезков СРГК по буквам, работа в редколлегии[22]. Представлена 61 фотография, но участников реально было больше: 16 фамилий указывается в дополнительном списке при вузах. А.С. Герд сумел объединить усилия почти 80 ученых разных вузов.

Материал Картотеки СРГК был распределен по вузам Северо=Запада, главная роль принадлежала, естественно, ленинградцам. Ежегодно А.С. Герд выезжал в разные города, где работали составители СРГК, особенно в Петрозаводск вплоть до 2003 года, так как коллективу Карельского педагогического института (позднее – университета, затем педагогической академии) достался конечный отрезок словаря, на буквы У – Я; позднее, в связи с гибелью тверского диалектолога Н.Ю. Меркулова в 1985 г., был добавлен отрезок на букву Т. В течение десятилетий происходили разные изменения – менялся состав исполнителей, объем лексики (как правило, в сторону увеличения), вносились некоторые уточнения собственно лингвистического характера. Лично мне пришлось заниматься отрезками на буквы Л, М, О в Череповце, затем отдельными блоками и в целом редактированием отрезка Т – Я с 1976 г. в

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

[21] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В. 1 / Гл. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. – С. 3.

[22] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В 6 вып. Вып. 6: Свинарная – Яшурка / Отв. ред. И.С. Лутовинова, Л.П. Михайлова; Гл. ред. А.С. Герд. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – С. 972–987.

Петрозаводске. В 1991 г. покинула Россию Ф.С. Шапиро, и тогда нужно было решать судьбу отрезка на У–Ф, оставленного в рукописном виде и требующего доработки. Только во второй половине 90-х гг. буквы У–Ф были набраны на компьютере И.А. Кюршуновой, защитившей диссертацию в 1994 г. и работавшей в то время на факультете педагогики начального обучения КГПИ. Вопрос о переводе ее на кафедру русского языка филологического факультета тогдашний ректор, ныне покойный А.Н. Бритвихин, педагог по образованию, хорошо понимавший роль специалиста в какой-либо отрасли знания, ценивший в целом научную работу в вузе, решил положительно. Дорабатывать отрезок по букве Т удалось склонить Т.Е. Рутт (ранее - Т.Е. Провкину).

К составлению словарных статей по буквам Ш, Щ, Э, Ю, Я подключилась и Н.А. Черкасова, с которой мы делили эту часть словаря на двоих до ухода ее с работы на кафедре. В разное время ушли из состава секции СРГК Г.А. Стахеев, переехавший в другой город, не смогли продолжить работу по СРГК привлеченные на короткий срок ныне покойные Н.Ф. Титова и Л.С. Кикинова. Постоянным и неизменным составителем словарных статей по буквам Ц и Ч была Л.А. Воронова, которая продолжала дело даже после ухода на пенсию. Именно с ее помощью и поддержкой в конце 90-х – начале 2000-х гг. была завершена работа над отрезком Т–Я.

А.С. Герд проводил по две консультации ежегодно с каждым коллективом словарников. Ленинградские коллеги шутили: «Поехал Герд по своей епархии». В Петрозаводске был и другой коллектив СРГК, с которым А.С. Герда связывали давние дружеские отношения, – это члены кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета Т.Г. Доля, член редколлегии СРГК, М.Я. Кривонкина, В.С. Суханова, А.Г. Малюткина, Н.И. Скуратова, Е.И. Новикова, Е.В. Маркасова. Они работали над отрезками по буквам Г, Д.,З, К, Л, М, Н, П.

От начального этапа, на котором определялись авторы словарных статей по алфавитным отрезкам и на местах проводилось обсуждение первых статей, особенно многозначных слов, до выхода в свет последнего, 6-го выпуска СРГК прошло 35 лет. Каждый из авторов хотел увидеть последний выпуск, но не всем суждено было это сделать. Светлая память ушедщим из жизни в разные годы составителям СРГК – петрозаводчанам Т.Г. Доля, М.Я. Кривонкиной, Е.И. Новиковой, Н.И. Скуратовой, Ф.С. Шапиро, Н.А. Черкасовой, Н.Ф. Титовой, Л.С. Кикиновой, ленинградцам-петербуржцам Н.Г. Арзумановой, Л.Л.Буланину, В.Г. Ветвицкому, Л.В. Капорулиной, Г.Я. Симиной, Э.Д. Блохинойжителям других городов: Э.В. Лукичевой (Череповец), Ю.И. Чайкиной, П.В. Булину (Вологда), Н.Ю. Меркулову (Тверь), О.Г. Воронковой, А.Д. Ли, Л.Я. Петровой (Сыктывкар). Светлая память главному редактору А.С. Герду, ушедшему из жизни 2 мая 2016 г., оставившему отечественной науке несметное научное богатство, в том числе и лексикографическое, в котором заметное место принадлежит словарю,

посвященному русских говорам Карелии и исторически связанных с ней сопредельных территорий.

Не проводя сопоставительного анализа материалов указанных словарей, мы ограничились на имена конкретных исследователей, внесших значительный вклад в русскую лексикографию Карелии. При этом надо иметь в виду, что имеется значительный список любителей русского слова Карелии и в настоящее время: В.А. Агапитов[23], И.А. Костин[24], Е.Н. Маркова[25], В.А. Росликовой[26] и др. На местах любители родного слова[27] составляют «для себя» словари, тем самым сохраняя историческую и культурную память своей эпохи. Подобные материалы, а также значительное количество слов, представленных в Картотеке Словаря русских говоров Карелии, поступившие после выхода СРГК, то есть в последнее десятилетие, и хранящиеся в Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии в ПетрГУ (Петрозаводск, ул. Ленина, 33), которая регулярно проводит конкурс «Край родной – родное слово», материалы Олонецких губернских ведомостей и других лексикографических источников должны войти в сводный словарь русской лексики Карелии, отражающий не только географию бытования слова, но и динамические процессы в лексической системе региона. Создание такого словаря – задача диалектологов и любителей русского слова, живущих в Карелии, на ближайшие десятилетия.

[23] Агапитов В.А. Заонежский словник // Агапитов В.А. Изотчина. – Петрохаводск, 2012. – С. 108-110.
[24] Костин И.А. Заонежский словарик: местные слова и образцы народных речений. Петрозаводск, 1998. -
[25] Маркова Е.Н. Словарь нигижемского (каршевского) диалекта севернорусского народного говора. – Республика Карелия, г. Пудож, 2011. -
[26] Росликова В.И. Живем на земле квартирантами // Газета «Лицей» , 24.06.2010.
[27] Прошу меня извинить за то, что не назвала многих, кто занимается сбором лексики, записывает фольклор.

А. П. Родионова,
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН

А.П. Баранцев - исследователь людиковского наречия карельского языка[1]

А. П. Баранцев родился 20 апреля 1931 г. в д. Пелдожа Пряжинского района, а после эвакуации в 1945 г. с семьей поселился в г. Петрозаводске. В 1965 г. он окончил заочную аспирантуру и в декабре 1971 г. успешно защитил диссертацию «Фонологические средства людиковской речи» в Тартуском государственном университете[2]. В ИЯЛИ А.П. Баранцев проработал почти 30 лет, с 1963 г. и за время работы в нашем институте опубликовал ряд статей, посвященных исследованию людиковского наречия. В настоящий момент на сайте ИЯЛИ в разделе «Имена и даты» размещена краткая информация о научных трудах А.П. Баранцева[3].

Следует подчеркнуть, что А. П. Баранцев стал первым из отечественных лингвистов, кто опубликовал образцы людиковской речи. Это представляло исключительную ценность, так как в 1970-е гг., несмотря на имеющиеся в ФА ИЯЛИ записи, ощущался недостаток фактического людиковского материала[4]. Он планировал издать серию образцов людиковской речи, но, в итоге был издан только один том. В нем исследователь представил *идиолект*, т.е. продемонстрировал особенности речи отдельного лица, а именно своей родственницы, коренной представительницы тех мест, блестяще владевших родным языком, А. И. Баранцевой — уроженки д. Пелдожа Святозерского сельсовета Пряжинского района Карельской АССР. Материал, собранный в период с 1963 по 1973 гг., занимает значимое место в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН[5]. А.П. Баранцев включил в этот том более ста текстов, которые являются рассказами о д. Пелдожа и ее окрестностях, жителях, о событиях, свидетелем которых информантка являлась. Тексты содержат богатый материал по людиковской микротопонимике и антропонимике

---

[1] Статья подготовлена в рамках бюджетной темы «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»

[2] Подробнее: Родионова А.П. Об исследовании людиковского наречия карельского языка в Карелии // Конференция «Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур. Материалы. Петрозаводск, 6-7 октября» / Редкол.: Н.Г. Зайцева и др. – Петрозаводск, 2016. – С.14-16. [Электронный ресурс]
Ссылка на материалы конференции: https://petrsu.ru/files/user/a022f966948e4d17d94348bf89007dc4/%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0_%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA.pdf

[3] http://illhportal.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=2663

[4] Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Ленинград: «Наука», 1975. С. 3.

[5] ФА ИЯЛИ, 585/1—13, 586/1—7, 587/1—11, 588/1—3, 589/1—5.

святозерского куста деревень и представляют интерес как для языковедов, так и этнографов и историков.

Кроме того, тексты обладают достаточно тонко представленной транскрипцией, что позволяют глубже прочувствовать и познать фонетическую структуру людиковской речи, в чем А. П. Баранцев был и знатоком и глубоким специалистом. Образцы речи, записанные А.П. Баранцев в д. Тивдия в 1980-х годах у информантов 1927 г.р. и 1922 г.р.[6] и в с. Михайловское в 1983 г. у информанта 1901 г.р.[7] были опубликованы в первом томе всем известного сборника «Образцов карельской речи» (Näytteitä karjalan kielestä 1). Изначально предполагалось четырехтомное издание, но свет увидел только первый том. В Научном архиве также хранятся расшифровки текстов нескольких экспедиций в д. Уссуна, д. Койкары, д. Сопоха Кондопожского района, написанные от руки А.П. Баранцевым[8].

Одним из важнейших трудов А.П. Баранцева считается его монография «Фонологические средства людиковской речи», целиком посвященная фонетическим явлениям, а именно анализу фонем, бинарным дифференциальным признакам, типам людиковских слогов, дистрибуции фонем в составе слога и др.[9] Во вступлении к монографии А.П. Баранцев кроме описания методики расшифровки и процедуры записи текстов и их транскрипции дает также общее представление о языке людиков, их ареале расселения, истории изучения, внутридиалектных различиях.

А. П. Баранцев также был одним из составителей «Сопоставительно-ономасиологическом словаря диалектов карельского вепсского, саамского языков»[10], в котором людиковское наречие карельского языка представляют четыре говора следующих населенных пунктов: Койкара и Галлезеро Кондопожского района, Михайловское Олонецкого района и Святозеро Пряжинского района. Этот словарь ценен диалектным материалом, собранным в полевых условиях, иллюстрирующим состояние диалектов и говоров прибалтийско-финских языков Карелии на 1970-1980-е годы.

Для нас особую ценность представляет рукопись монографии «Людиковский диалект карельского языка (фонетика и морфология Святозерского ареала), общим объемом 9 а.л., подготовленная А. П. Баранцевым[11], хранящаяся в архиве КарНЦ РАН. Рукопись является монографическим синхронным описанием фонетики и морфологии людиковского наречия карельского языка на материале святозерского говора.

---

[6] Näytteitä karjalan kielestä I (Образцы карельской речи). Joensuu-Петрозаводск, 1994. С. 349-389.
[7] Там же, 390-450.
[8] НА КарНЦ РАН ф.1 оп. 6. д. № 172-178.
[9] Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Ленинград: «Наука», 1975.
[10] Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков // Под общей редакцией Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.
[11] НА КарНЦ РАН ф.1 оп. 6. д. 164.

Монография состоит из введения, фонетической главы, в которой описаны слоговые структуры слова, базисные звуки (гласные, долгие гласные, дифтонги, трифтонги, согласные и т.д.), главы по морфологии, посвященной описанию именных категорий, их падежной парадигмы, степеней сравнения, категории числа, людиковскому глаголу, и неизменяемым частям речи (наречиям, предлогам, послелогам союзам и частицам).

Как написал в предисловии монографии А.П. Баранцев «Людиковский диалект – наиболее исследованная, на наш взгляд ареальная форма в Карелии. Его научного изучение началось во второй половине прошлого века, приоритет зачинателя принадлежит финскому лингвисту Арвиду Генетцу. За сто лет интерес к людиковским фактам то усиливался, то ослабевал…Тем не менее сделано многое: выявлены людиковско-вепсские и людиковско-ливвиковские схождения и расхождения, установленные главные группы говоров, составлен большой научный словарь[12], написана историческая фонетика[13], опубликованы образцы, исследованы фонологические средства идиолектной речи»[14]. Впрочем, из всех работ, которые упомянул в своей монографии А.П. Баранцев, большая часть была издана финляндскими исследователями, а морфология людиковского наречия была исследована фрагментарно и полноценного описания грамматико-морфологических реалий на тот момент не было. В данной монографии впервые в виде отдельной работы была собрана и тщательно обработана информация о морфологической структуре святозерского говора. По мнению П. Алвре сведения о морфологии в рукописи изложены достаточно лаконично, но в то же время исчерпывающе.

Для нас эта рукопись представляет исключительную ценность, так как содержит в себе большую грамматическую информацию: в том числе парадигмы склонения и спряжения типовых слов. Все эти данные нами были использованы, в том числе при подготовке примеров для карельского подкорпуса «Открытого корпуса вепсского и карельского языков».

Многим известно, что с 2009 г. ведется работа по созданию «Вепсского корпуса»[15], цель которого заключается в создании корпуса оригинальных вепсских устных и письменных текстов и размещение его в открытом доступе в сети Интернет. В 2016 г. корпус стал многоязычным, и на базе вепсского корпуса был создан карельский корпус, включающий в себя деление на три подкорпуса в соответствия с тремя основными наречиями (собственно

[12] Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 с.
[13] Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 89. 338 с.; Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II. Vokaalit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1950. № 99. 266 с.
[14] НА КарНЦ РАН ф.1 оп. 6. д. 164. С. 2.
[15] http://vepsian.krc.karelia.ru/about/

карельским, ливвиковским и людиковским). Этот объединенный корпус и получил название «Открытый корпус вепсского и карельского языков»[16].

В разработанной табличной форме в качестве примера показана падежная парадигма лемм *mečče* (святозерский говор) и *mecc* (михайловский диалект) ’лес’ людиковского наречия карельского языка[17].

Падежная парадигма лемм *mečče* и *mecc* ’лес’

No	грамматические признаки	Михайловский говор	Святозерский говор
1.	номинатив, ед. ч.	mecc	mečče
2.	генитив, ед. ч.	mecan	mečän
3.	партитив, ед. ч.	meccad	meččäd
4.	транслатив, ед. ч.	mecaks	mečäkse
5.	абессив, ед. ч.	mecata	mečätä
6.	эссив-инструктив, ед. ч.	mecan	mečänny
7.	инессив, ед. ч.	mecas	mečäs
8.	элатив, ед. ч.	mecas(piä)	mečäs(piäi)

[16] Примечание: Проект ВепКар является продолжением работ по Корпусу вепсского языка. Корпус карельского языка включает собственно карельское, ливвиковское и людиковское наречия, обладающие в настоящее время собственными младописьменными формами. Корпус включает в себя не только набор текстов, но и возможность поиска и обработки этих текстов. Корпус содержит электронный словарь, неразрывно связанный с текстами и обеспечивающий информационно-поисковые возможности. Такие корпуса и словари разрабатываются в этом проекте. В проекте являются открытыми программное обеспечение (система Dictorpus) и данные (лицензия CC-BY). Над проектом работают сотрудники Карельского научного центра РАН. Данный проект был поддержан грантом РГНФ (проект № 15-04-12006). Создание тезауруса вепсского языка на основе разрешения лексической многозначности в многоязычном словаре (2015-2016). См. подробнее: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru

[17] Открытый корпус вепсского и карельского языков, КарНЦ РАН, CC-BY 4.0: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/2981?search_lang=6

9.	иллатив, ед. ч.	meccaha	meččäh
10.	адессив, ед. ч.	mecal	mečäl
11.	аблатив, ед. ч.	mecal(päi)	mečäl(piäi)
12.	аллатив, ед. ч.	mecale	mečäle
13.	комитатив, ед. ч.	mecanke	mečänke
14.	пролатив, ед. ч.	mecači	mečäči
15.	терминатив, ед. ч.	mecasssuai	mečässuai
16.	аппроксиматив, ед. ч.	mecannu	mečälly
17.	номинатив, мн. ч.	mecad	mečäd
18.	генитив, мн. ч.	mecoiden	mečiden
19.	партитив, мн. ч.	meccid	meččid
20.	транслатив, мн. ч.	meciks	mečikse
21.	абессив, мн. ч.	mecitä	mečitä
22.	эссив-инструктив, мн. ч.	mecin	mečinny
23.	инессив, мн. ч.	mecis	mečis
24.	элатив, мн. ч.	mecis(piä)	mečis(piäi)

25.	иллатив, мн. ч.	meccihe	meččih
26.	адессив, мн. ч.	mecil	mečil
27.	аблатив, мн. ч.	mecil(piä)	mečil(piäi)
28.	аллатив, мн. ч.	mecile	mečile
29.	комитатив, мн. ч.	mecinke	meči-nke(-neh)
30.	пролатив, мн. ч.	meciči	mečiči
31.	терминатив, мн. ч.	mecinnu	mečillyö
32.	аппроксиматив, мн. ч.	mecissuai	mečissuai
33.	адитив, мн. ч.	meccihepiä	meččäh(piäi)
34.	инструктив, мн. ч.	mecin	mečin

И если заполнение таблицы по именной части для исследователя людиковского наречия не вызвало затруднений, то без помощи рукописи[18] заполнить в табличной форме спряжение глагола *astuda* ’идти’[19] было бы крайне сложно, или даже невозможно. Так, например, из таблицы видно, каками лично-числовыми окончаниями обладает глагол в святозеском говоре, так например, окончаниями 1. и 2. лица множественного числа являются- mme, -tte (ср. ливв. -mmo(-mmö), -tto (-ttö), с.-к. -mma (-mmä), -tta(-ttä).

Спряжение глагола *astuda* ’идти’ (1., 2., 3., л. ед. и мн.ч.)

[18] На первоначальном этапе было принято решение заполнить таблицу только по святозерскому говору, опираясь на рукопись А.П. Баранцева «Людиковской диалект карельского языка». В дальнейшем на основе собранного диалектного материала таблица будет дополнена примерами из михайловского говора.

[19] Открытый корпус вепсского и карельского языков, КарНЦ РАН, CC-BY 4.0: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/2982?search_lang=6

No	грамматические признаки	Святозерский говор
1.	индикатив, презенс, 1 л., ед. ч., положительная форма	astun
2.	индикатив, презенс, 2 л., ед. ч., положительная форма	astut
3.	индикатив, презенс, 3 л., ед. ч., положительная форма	astuu
4.	индикатив, презенс, 1 л., мн. ч., положительная форма	astu**mme**
5.	индикатив, презенс, 2 л., мн. ч., положительная форма	astu**tte**
6.	индикатив, презенс, 3 л., мн. ч., положительная форма	astutah
7.	индикатив, презенс, 1 л., ед. ч., отрицательная форма	en astu
8.	индикатив, презенс, 2 л., ед. ч., отрицательная форма	et astu
9.	индикатив, презенс, 3 л., ед. ч., отрицательная форма	ei astu
10.	индикатив, презенс, 1 л., мн. ч., отрицательная форма	emme astu
11.	индикатив, презенс, 2 л., мн. ч., отрицательная форма	ette astu
12.	индикатив, презенс, 3 л., мн. ч., отрицательная форма	ei astuta
13.	индикатив, имперфект, 1 л., ед. ч., положительная форма	astuin
14.	индикатив, имперфект, 2 л., ед. ч., положительная форма	astuit
15.	индикатив, имперфект, 3 л., ед. ч., положительная форма	astui
16.	индикатив, имперфект, 1 л., мн. ч., положительная форма	astui**mme**
17.	индикатив, имперфект, 2 л., мн. ч., положительная форма	astui**tte**
18.	индикатив, имперфект, 3 л., мн. ч., положительная форма	astuttih

Также перед исследователями стояла задача представить в таблице, в том числе, и такие малоупотребительные формы, как, например перфект кондиционала (форма, которая передает прошедшее действие или процесс без детализации его во времени), свойственный людиковскому и ливвиковском наречиям, в собственно карельском наречии встречается лишь в отдельных говорах. Плюсквамперфект условного наклонения также является малочастотной формой, обозначая давнопрошедшее время). В таблице представлены как положительная, так и отрицательная формы.

Спряжение глагола *astuda* ’идти’ (перф. и плюсквамперф. конд. 1., 2., 3., л. ед. и мн.ч.)

83.	кондиционал, перфект, 1 л., ед. ч., положительная форма	oližin astunu
84.	кондиционал, перфект, 2 л., ед. ч., положительная форма	oližit astunu
85.	кондиционал, перфект, 3 л., ед. ч., положительная форма	oliš astunu
86.	кондиционал, перфект, 1 л., мн. ч., положительная форма	oližimme astunu
87.	кондиционал, перфект, 2 л., мн. ч., положительная форма	oližitte astunu
88.	кондиционал, перфект, 3 л., мн. ч., положительная форма	oldaiš astuttu
89.	кондиционал, перфект, 1 л., ед. ч., отрицательная форма	en oliš astunu
90.	кондиционал, перфект, 2 л., ед. ч., отрицательная форма	et oliš astunu
91.	кондиционал, перфект, 3 л., ед. ч., отрицательная форма	ei oliš astunu
92.	кондиционал, перфект, 1 л., мн. ч., отрицательная форма	emme oliš astunu
93.	кондиционал, перфект, 2 л., мн. ч., отрицательная форма	ette oliš astunu
94.	кондиционал, перфект, 3 л., мн. ч., отрицательная форма	ei oldaiš astuttu
95.	кондиционал, плюсквамперфект, 1 л., ед. ч., положительная форма	oližin astunu
96.	кондиционал, плюсквамперфект, 2 л., ед. ч., положительная форма	oližit astunu
97.	кондиционал, плюсквамперфект, 3 л., ед. ч., положительная форма	olnuiš astunu
98.	кондиционал, плюсквамперфект, 1 л., мн. ч., положительная форма	oližimme astunu
99.	кондиционал, плюсквамперфект, 2 л., мн. ч., положительная форма	oližitte astunu
100.	кондиционал, плюсквамперфект, 3 л., мн. ч., положительная форма	oldanuiš astuttu
101.	кондиционал, плюсквамперфект, 1 л., ед. ч., отрицательная форма	en olnuiš astunu
102.	кондиционал, плюсквамперфект, 2 л., ед. ч., отрицательная форма	et olnuiš astunu
103.	кондиционал, плюсквамперфект, 3 л., ед. ч., отрицательная форма	ei olnuiš astunu
104.	кондиционал, плюсквамперфект, 1 л., мн. ч., отрицательная форма	emme olnuiš astunu
105.	кондиционал, плюсквамперфект, 2 л., мн. ч., отрицательная форма	ette olnuiš astunu
106.	кондиционал, плюсквамперфект, 3 л., мн. ч., отрицательная форма	ei oldanuiš astuttu

В заполненной таблице можно увидеть также инфинитные формы и причастия, свойственные людиковскому наречию, уделено внимание и возвратным глаголам. Всего нужно было заполнить 167 строк. Это и изъявительное и сослагательное наклонения, включающие в себя четыре формы времени, возможностное, включающее 2 временные формы, повелительное наклонение, инфинитивы и причастия.

Инфинитивы и причастия глагола *astuda* ’идти’:

131.	I инфинитив	astuda
132.	II инфинитив, инессив	astudes
133.	II инфинитив, инструктив	astuden
134.	III инфинитив, адессив	astumal
135.	III инфинитив, иллатив	astumah
136.	III инфинитив, инессив	astumas
137.	III инфинитив, элатив	astumas
138.	III инфинитив, абессив	astumatta
139.	актив, 1-е причастие	astuva/astuja
140.	актив, 2-е причастие	astuttava
141.	пассив, 1-е причастие	astunu
142.	пассив, 2-е причастие	astuttu

Спряжение возвратных глаголов (святозерский говор):

143.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 1 л., ед. ч., положительная форма	astumos
144.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 2 л., ед. ч., положительная форма	astutos
145.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 3 л., ед. ч., положительная форма	astuheze
146.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 1 л., мн. ч., положительная форма	astumokseh
147.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 2 л., мн. ч., положительная форма	astutokseh
148.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 3 л., мн. ч., положительная форма	astutaheze
149.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 1 л., ед. ч., отрицательная форма	en astude
150.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 2 л., ед. ч., отрицательная форма	et astude
151.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 3 л., ед. ч., отрицательная форма	ei astude
152.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 1 л., мн. ч., отрицательная форма	emme astude
153.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 2 л., мн. ч., отрицательная форма	ette astude
154.	возвратный глагол, индикатив, презенс, 3 л., мн. ч., отрицательная форма	ei astude
155.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 1 л., ед. ч., положительная	astuimos

	форма	
156.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 2 л., ед. ч., положительная форма	astuitos
157.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 3 л., ед. ч., положительная форма	astuiheze
158.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 1 л., мн. ч., положительная форма	astuimokseh
159.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 2 л., мн. ч., положительная форма	astuitokseh
160.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 3 л., мн. ч., положительная форма	astuttiheze
161.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 1 л., ед. ч., отрицательная форма	en astunuheze
162.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 2 л., ед. ч., отрицательная форма	et astunuheze
163.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 3 л., ед. ч., отрицательная форма	ei astunuheze
164.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 1 л., мн. ч., отрицательная форма	emme astunuheze
165.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 2 л., мн. ч., отрицательная форма	ette astunuheze
166.	возвратный глагол, индикатив, имперфект, 3 л., мн. ч., отрицательная форма	ei astuttuheze
167.	возвратный глагол, индикатив, перфект, 1 л., ед. ч., положительная форма	olen astunuheze

Рукопись монографии содержит в себе спряжения типовых глаголов, что помогло нам заполнить данную таблицу для подкорпуса карельского языка. К сожалению, в свое время, рукопись не была доведена до публикации, хотя представила бы большой интерес, поскольку до настоящего момента морфология людиковского наречия должного внимания не уделялось. Возможно, если бы рукопись была доработана автором, то работа в области морфологии людиковского наречия была издана уже в конце 1980-х г.г. В связи с этим исследование именных категорий (их падежной парадигмы, степеней сравнения, категории числа), глагола в

карельско-людиковской диалектной речи является исключительно важным и актуальным, что предпринимается в настоящее время автором данной статьи.

Следует подчеркнуть, что А.П. Баранцев великолепно владел родным наречием, и до сих пор является самой значимой фигурой в области исследования людиковского наречия среди российских языковедов.

Список литературы и источников:

1. Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Ленинград: «Наука», 1975.

2. Родионова А.П. Об исследовании людиковского наречия карельского языка в Карелии // Конференция «Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур. Материалы. Петрозаводск, 6-7 октября» / Редкол.: Н.Г. Зайцева и др. – Петрозаводск, 2016. – С.14-16. [Электронный ресурс]

3. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков // Под общей редакцией Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

4. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944.

5. Näytteitä karjalan kielestä I (Образцы карельской речи). Joensuu-Петрозаводск, 1994.

6. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 89.

7. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II. Vokaalit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1950. № 99.

8. НА КарНЦ РАН ф.1 оп. 6. д. 164, 172-178.

9. ФА ИЯЛИ, 585/1—13, 586/1—7, 587/1—11, 588/1—3, 589/1—5.

10. Открытый корпус вепсского и карельского языков, КарНЦ РАН, CC-BY 4.0: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/2981?search_lang=6

11. Сайт ИЯЛИ КарНЦ РАН: http://illhportal.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=2663

12. Корпус вепсского языка: http://vepsian.krc.karelia.ru/about/

В. П. Миронова, ИЯЛИ КарНЦ

Элина Тимонен как собиратель карельского фольклора[1]

В самом начале становления фольклористической науки в Карелии фиксацией, а в некоторых случаях и публикацией устно-поэтического творчества карелов занимался достаточно широкий круг людей, многие из которых впоследствии так и не стали исследователями по целому ряду причин. К числу таких личностей относятся Ристо Богданов, И. Пожлаков, К. Белова, А. Галактионова, Ф. Титкова, О. Демидова-Пергамент, Т. Кундозерова, Элина Тимонен и многие другие. В настоящей статье остановимся более подробно на жизни и деятельности Элины Степановны Тимонен (Пекки-Гуттари). Имя этой женщины хорошо известно уже нескольким поколениям фольклористов и литературоведов, однако история ее судьбы в большей степени знакома лишь узкому кругу. Во вступлении к сборнику «Карельские сказки. Репертуар Марии Ивановны Михеевой» ее составитель, Н. Ф. Онегина, представила очень краткий биографический очерк об Э. С. Тимонен[2]. В 2014 году вышла в свет книга Ю. И. Дюжева «Народный писатель Карелии Антти Тимонен», в которой автор наряду с описанием жизни и творчества Антти Тимонена впервые наиболее подробно пишет и о его супруге, Элине Степановне Тимонен. В настоящем очерке представлена полная различных перипетий история их отношений, проиллюстрированная личными письмами из семейного архива, воспоминаниями членов семьи и редкими фотографиями[3]. В меньшей степени Ю. И. Дюжев касается ее профессиональной деятельности.

Элина Тимонен родилась 19 сентября 1916 года в деревне Мустилово Токсовского района Ленинградской области в семье Степана и Иды Пекки. При крещении девочка получила два имени Софи-Элина, но своим первым именем она почти никогда не пользовалась. Программу начальной школы она освоила в родной деревне, а затем отправилась в Ленинград, где училась в школе для рабочих железнодорожников с преподаванием всех предметов на финском языке. Во время учебы в вагоне пригородного поезда девочка познакомилась с Гуго Эриковичем и Лидией Германовной Ялава, в семье которых она воспитывалась с 1928 по 1931 год. Своих детей у семейной пары Ялава не было, но в доме всегда было много малышей. Добрая тетя Люли (так называли женщину все детишки) ненавязчиво приучала своих воспитанниц к чистоплотности, порядку в квартире, готовить вкусные обеды, сервировать праздничный стол, печь пироги, торты и разные другие кондитерские деликатесы, вышивать, вязать, шить,

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР «Фольклорные традиции и рукописная книжность в общерусском и финно-угорском контекстах», № 0225-2014-0016.
[2] Карельские народные сказки. Репертуар Марии Ивановны Михеевой. Петрозаводск, 2010.
[3] Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен. Петрозаводск, 2014.

выращивать цветы. Все эти навыки пригодились воспитанникам в дальнейшей самостоятельной жизни. В 1929 году Гюго Эрикович был отправлен на работу в Петрозаводск, в 1931 году вслед за ним переехала вся семья, кроме Элины. Девушка в этом же году поступила в Ленинграде в финско-ижорско-эстонский педтехникум, учебу в котором завершила 1934 году. Так осуществилась первая мечта Элины – она стала школьной учительницей. Сразу же девушка получила направление в начальную школу в д. Ульяновки, где ей пришлось работать не только учительницей, но и заведующей учебной частью. На 1935/1936 учебный год Элину перевели работать в село Войскарово Тосненского района в семилетнюю школу. Коллегой по школе был Тобиас Гуттари (Леа Хело), молодые люди познакомились, полюбили друг друга, и в 1937 году они сыграли свадьбу. В этом же году семейная пара переехала в Карелию, в город Петрозаводск.

Конец 1930-х годов в России было временем многочисленных репрессий. В Карелии эта волна накрыла финнов, приехавших сюда из Канады, США, Финляндии, Ингерманландии. Арестовывались врачи, артисты, журналисты, квалифицированные рабочие. Тобиасу Гуттари удалось избежать ареста, но он был исключен из Союза писателей, уволен с работы, его произведения перестали публиковать. Будучи женой подвергшегося гонениям поэта, Элина не могла устроиться на работу, однако ей удалось в 1937 году поступить на филологический факультет Петрозаводского педагогического института. В 1940 году она перевелась на только что открывшееся финно-угорское отделение Петрозаводского госуниверситета.

Свои коррективы в мирную жизнь внесла война. С первых дней Элина вместе с Тобиасом Гуттари были на строительстве оборонительных сооружений вблизи Петрозаводска. Однако болезнь заставила ее решиться на эвакуацию. В своей автобиографии Элина Степановна пишет: «Единственной возможностью было переправиться из Петрозаводска в Вытегру на барже по Онежскому озеру. Во время переправы поднялась сильная буря, баржа отцепилась от буксира и села на мель около Шелтозера. На берегу оказались оккупанты. Все 750 человек были высажены на берег и нас вернули в Петрозаводск, который к тому времени оказался уже оккупированным»[4].

Эллина Степановна стала искать способ включиться в подпольную работу в пользу своей Родины, она поступила на службу в отдел переписи местного населения. В октябре 1942 к ней был послан советский разведчик для установления связи. Это был Раймонд Лейно. Ему Элина передала ценные сведения, абсолютно не сомневаясь, что он пришел с нашей, «советской» стороны. Девушка приняла от него задание, которое обещала выполнить. Спустя несколько дней Элину Степановну арестовали, поскольку разведчик оказался предателем. Около четырех месяцев она просидела в тюрьме в одиночной камере, а после полевого суда была направлена в

[4] Документы из домашнего архива Э. С. Тимонен.

тяжелом состоянии на бессрочное время в Колвасозерский концлагерь, где и провела все остальные военные годы. Лагерь был строго изолирован от прочего населения. Элина Степановна вспоминала: «Вместе с некоторыми другими советскими учителями я организовала внутри лагеря подпольную комсомольскую ячейку, которая проводила воспитательную работу среди других лагерников. За это я попала под особое наблюдение и каралась неоднократно карцером, подвергалась издевательствам и т. д.»[5].

Лишь в 1944 году, после освобождения Карелии, Элина Степановна вернулась в Петрозаводск и вскоре продолжила учебу в университете. В декабре 1946 года был успешно защищен диплом по теме «Влияние народного творчества на роман “Семеро братьев” А. Киви». Исследование получило высокую оценку литературоведов, после чего ей было предложено продолжить учебу в аспирантуре при университете. В феврале 1947 года Элина Степановна была принята на работу в библиотеку по разбору финской литературы Карело-Финской научно-исследовательской Базы Академии Наук СССР[6]. Вскоре, в марте 1947 года, она была переведена на должность младшего научного сотрудника сектора литературы Института ИЯЛ Карело-Финской научно-исследовательской Базы Академии наук СССР[7].

В Научном архиве хранится личное дело, насчитывающее всего семь листов. В разделе по учету кадров заполненными являются лишь некоторые графы, являющиеся, возможно, к тому времени наиболее важными. К примеру, на вопрос: «Участвовала ли в партизанском движении и подпольной работе (как вступил, где, когда и выполнялась работа)», Элина Степановна отвечает: «Участвовала в подпольной работе на временно оккупированной территории с 1941-1944 г. в гор. Петрозаводске и Ребольском районе»[8]. Далее в пункте 3: «Находился ли на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны, когда и работа в это время», она кратко описывает свою судьбу, указывая на значимые события военного времени: эвакуация, подпольная работа, арест и концлагерь[9].

С самого начала своей научной карьеры Элина Степановна активно включилась в собирательскую работу. Интересы молодого сотрудника были сосредоточены на Северной Карелии, в особенности её привлекали талантливые сказители, носители древних рун и сказок. Тимонен неоднократно в составе экспедиционных групп совместно с опытными коллегами выезжала в Калевальский район. В частности, в 1947 году были обследованы деревни Вокнаволок, Толлорека, Пирттигуба и другие населенные пункты, в которых записывались эпические, лиро-эпические песни, заговоры, детский фольклор и прочий материал. Открытием Элины Тимонен стала Мария Ивановна Михеева, от которой в течение 1947-1948 годов ею

[5] НА КарНЦ РАН, фонд 2, опись 35, дело 2388. Л. 4.
[6] Там же. Л. 5.
[7] Там же. Л. 6
[8] Там же. Л. 3.
[9] Там же.

было записано более 100 текстов, это многочисленные образцы волшебных, новеллистических и бытовых сказок. Кроме того, удавалось зафиксировать тексты причитаний, заговоров, а также другой редкий фольклорный материал. Впоследствии Тимонен делилась впечатлениями о собирательской работе, в одной из журнальных публикаций она отмечала, что «летом 1947 года слушала сказки Марии Михеевой в течение одного месяца с утра до вечера, пока успевала записывать. Через год приехала к ней еще раз. Не все сказки, руны, пословицы и загадки удалось записать и сейчас»[10].

Несмотря на довольно широкий спектр устного народного творчества Северной Карелии, особое внимание исследовательницы привлекли сказочные произведения. По мнению Тимонен, интересные и бесценные карельские сказки образно описывали жизнь карельского народа, ее многовековую надежду на лучшее будущее[11]. В дальнейших планах именно севернокарельская сказочная традиция намечалась в качестве самостоятельного предмета изучения. В роли научного руководителя должен был выступить В. Я. Евсеев.

Однако начавшаяся в 1947 году научная деятельность в Институте закончилась в ноябре 1949 года, Элину Степановну исключили из аспирантуры и уволили с работы, предложив написать заявление по собственному желанию[12]. По воспоминаниям брата А. Пекки, «Элину вызвал к себе ученый секретарь Института и предложил написать заявление об увольнении. Без объяснения причин она была отчислена из аспирантуры. Позднее, узнав об увольнении успешно работавшей молодой научной сотрудницы, известный ученый В. Г. Базанов потребовал разъяснений и получил ответ ученого секретаря: “А что я мог сделать? Было такое распоряжение свыше”»[13].

Причиной увольнения могли стать произошедшие во время Великой Отечественной войны события, ее посчитали политически неблагонадежной. Кроме того, в это же самое время Элина Степановна стала женой Антти Тимонена, который, как утверждали многие, ради нее оставил свою прежнюю семью. Новый брак вызвал огромное количество толков и разборок[14]. Других видимых причин для увольнения не было. Даже в характеристике, приложенной к личному делу, указывается, что у товарища Э. С. Тимонен «отношение к работе добросовестное, <она> принимала участие в общественной жизни филиала АН»[15]. Так, к сожалению, завершилась научная деятельность большого любителя и знатока фольклора.

---

[10] Timonen E. Lahjakas runonlaulajamme // Punalippu, 1964. N 4. S. 83.
[11] Ibid.
[12] НА КарНЦ РАН, фонд 2, опись 35, дело 2388. Л. 7.
[13] Цит. по: Дюжев Ю. И. Народный писатель… С. 197.
[14] Там же.
[15] [15] НА КарНЦ РАН, фонд 2, опись 35, дело 2388. Л. 8.

Еще во время работы в Институте попутно с научной деятельностью, чтобы обеспечить себя и свою семью, Элина Степановна стала активно заниматься переводами. Ее первое произведение – это повесть Э. Грина «Ветер с юга», опубликованное в 1947 году под фамилией Гуттари, в журнале «Пуналиппу» № 4 и 5. Позже, с 1949 года она печатается под фамилией Тимонен.

После увольнения из Института Элина Степановна, будучи женой известного карельского писателя Антти Тимонена, домохозяйкой и матерью двоих детей, активно и довольно успешно продолжала заниматься переводческой работой. В обнаруженной справке в секретариат правления Союза писателей СССР от 18. 12. 1972 года отмечается, что «среди переводчиков художественной литературы с русского языка на финский видное место в Карелии принадлежит Тимонен Элине Степановне»[16]. В переводе Э. С. Тимонен карельскими издательствами выпущены на финском и русском языках следующие книги, газетные и журнальные публикации:

1. Isbach A. Jättiläinen. Kertomus. Suom. E. Timonen // Punalippu, 1941, N 5. S. 42-45.
2. Zoshenko M. Matka maapallon ympäri. Kertomus. Suom. E. Pekki // Punalippu, 1941, N 3. S. 46-49.
3. Grin E. Etelätuuli. Romaani. Suom. E. Timonen // Punalippu, nide 4, 1947. S. 3-51; nide 5, 1947. S. 77-116. Грин Э. Ветер с юга. 1947 г.
4. Grin E. Tuuli käy etelästä. Suom. E. Timonen. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1948. 150 s.

Etelätuuli. Loppu. Alku niteessä 4 ja 5. 1947. Suomen. E. Timonen // Punalippu, nide 6. S. 38-81.

5. Pantelejev L. Kunniasana. Kertomuksia. Suom. E. Timonen P., K-SSNT:n Valt. kust., 1948. 55 s. Пантелеев Л. Честное слово. 1948 г.
6. Timonen E. Kalevalan laulumilla // Punalippu, nide 10, 1949. S. 28-36.
7. Mihejeva M. Karjalaisia kansansatuja. E. Timonen alkulause. P.; K-SSNT:n Valt. kust., 1951. 150 s. Михеева М. Карельские сказки. 1951 г.
8. Gaidar A. Teoksia. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1952. 1 osa, 432 s. 2 osa, 510 s. А. Гайдар. Рассказы в I томе. 1952 г.
9. Käy yksin valkopurren reitti. Suom. E. Timonen P., K-SSNT:n Valt. kust., 1955. 283 s. Катаев В. Белеет парус одинокий. 1955 г.
10. Mitja ja Misha. Suom. E. Timonen. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1955. Н. Калинина Митя и Миша. 1955 г.
10. Miehuiden koulu. Kertomuksia. Suom. E. Timonen. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1956. 76 s. В. Каверин. Школа мужества. 1956 г.

[16] Документы из домашнего архива Э. С. Тимонен.

11. Satakieli ja vaskikäärme. Suom. E. Timonen. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1958. 166 s. А. Якобсон. Соловей и медянка (Сборник сказок. Перевод с эстонского). 1958 г.

12. Venäläisiä kansansatuja. Suom. E. Timonen. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1958. 59 s. Сборник Русские народные сказки. 1958.

13. Auringon vieraana. Kansansatuja. Suom. E. Timonen. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1958. 55 s. Сборник народных сказок «У солнышка в гостях». 1958 г.

14. Sadoveanu M. Kukkasaari. Venäjänkielestä suomentanut E. Timonen. P., K-SSNT:n Valt. kust., 1959. 174 s. М. Садовяну. Остров цветов. 1959 г.

15. Holma Lief a. Poika ja vaari. Kertomus. Suom. E. Timonen. Punalippu, 1961. N. 3. S. 33-37.

16. Titov F. Mielenmuutos. Kertomus. Suom. E. Timonen. Punalippu, 1961, N 2. S. 61-66.

17. Тимонен Э. Встреча за колючей проволокой / Ленинская правда, 1965, 19 августа.

18. У родного порога. Первая картина третьего действия пьесы. Пер. с фин. Э. Тимонен / Ленинская правда, 1968, 13 января.

19. Тимонен Э. Машинист паровоза № 293 / Ленинская правда, 1969, 1 января.

20. Примешь ли меня, земля карельская? Нар. драма в 3-х д., с прологом. Пер. с фин. Э. Тимонен. М., ВУОАП, 1969. 96 с.

21. Тимонен А. Мать. Пер. с фин. Э. Тимонен / Лит. Россия, 1969. 28 февраля. С. 16-17.

22. Тимонен Э. Ручейки большого потока / Ленинская правда, 1969, 16 окт.

23. Ялава Л. Летели искры… Воспоминания. Лит. запись Э. С. Тимонен. Петрозаводск, 1970 г. 95 с.

24. Тимонен Э. Забыть его невозможно. Очерк. (О Г. Э. Ялава) / Север, 1970, № 4. С. 81-86.

25. Сильнее мороза. Очерк. Пер. с фин. Э. Тимонен // Поиск. Очерки о современниках. Петрозаводск, 1972. С. 115-121.

26. Ялава Л. Летели искры… Воспоминания. Лит. запись Э. С. Тимонен. Изд. 2-е, испр. и доп. Петрозаводск, 1973. 96 с.

27. Человек с котомкой: 175 лет со дня рождения Элиаса Леннрота. Комсомолец, 1977.

28. Тимонен Э. Наследница королей рун: (О Т. А. Перттунене) / Север, 1980, № 9. С. 104-105.

В начале переводческой карьеры в основном Э. С. Тимонен переводила рассказы зарубежных и советских писателей для детей. Позже она писала уже свои небольшие произведения, очерки. К ее литературным обработкам относится книга Л. Ялава «Летели искры – воспоминания связной В. И. Ленина». Собственное произведение, имевшее первоначальное название «Встреча за колючей проволокой» и неоднократно переделывавшееся по требованиям цензуры, впервые в отрывке было опубликовано в газете «Ленинская правда» 19 августа 1965

года[17]. Значительно позже, в 1989 году, читатели смогли познакомиться с ним в расширенном варианте на финском языке под названием “Synkäät vuodet” («Мрачные годы») на страницах журнала “Punalippu”[18].

Вынужденный уход с работы не изменил трепетного отношения Тимонен к народным сказкам. Элина Степановна стала заниматься популяризацией фольклорных текстов. На основе имеющихся полевых записей от М. И. Михеевой в 1951 году вышел в свет популярный сборник карельских сказок на финском языке, в который вошло 27 текстов[19]. Сборник был рассчитан на читателей любого возраста, тексты были литературно обработаны. Издание в свое время получило противоречивые отзывы, в частности У. С. Конкка отмечала, что в результате обработки стерся в какой-то степени карельский колорит сказок»[20]. Позже, в 1958 году, на финском языке было опубликовано сразу три сборника сказок (2 сборника русских сказок и один сборник эстонских сказок).

Кроме того, Э. С. Тимонен активно печаталась в местных изданиях периодической печати. В газете «Neuvosto Karjala» («Советская Карелия»), журналах «Пуналиппу» и «Кипиня» довольно часто появлялись статьи об известных современных карельских сказителях и карельской фольклорной традиции в целом. Публикации были приурочены к юбилейным датам поэмы «Калевала», к совещаниям карельских сказителей и другим культурным событиям республики.

Несмотря на то что определенные обстоятельства не дали Элине Степановне возможности всецело заниматься исследовательской работой, интерес к устно-поэтическому творчеству северных карелов сохранился на протяжении всей жизни. При любом удобном случае она выезжала в Калевальский район и записывала все новых и новых информантов. Свои впечатления от этих встреч Тимонен фиксировала в полевых дневниках, заметках. Итогом этой деятельности стал вышедший в 1979 году сборник «Ei mahti maahan juoda» («Живут среди народа руны»)[21], созданный на основе материалов собственных полевых выездов. Переиздание увидело свет в 1984 году. Публикация представляет собой серию очерков о карельских сказителях. В книге даны воспоминания и зарисовки автора о 33 носителях фольклорной традиции Северной Карелии. Автор наряду жизнеописаниями крупных и известных сказителей данного региона впервые обратил пристальное внимание на членов их семей (сестер, братьев, детей), которые, как выяснилось, также являются прекрасными знатоками народной поэзии. Таким образом Тимонен старалась выявить связь поколений и, что на наш взгляд считается наиболее важным, преемственность устно-поэтической традиции. В отличие от собирателей,

[17] Цит. по: Дюжев Ю. И. Народный писатель…С. 467.
[18] Timonen E. Synkät vuodet // Punaalippu, 1989. N 9.
[19] Mihejeva M. Karjalaisia kansansatuja. Petroskoi, 1955.
[20] Карельские народные сказки / изд. подгот. У. С. Конкка. М., Л., 1963. С. 11.
[21] Timonen E. Ei mahti maahan juoda. Petroskoi, 1979.

записывающих только определенные официальные факты из жизни информантов, Элина Степановна ярко описывает личные качества, портреты своих собеседников, не скупясь на изобразительные средства. К примеру, о Татьяне Перттунен она пишет следующим образом:

”Yli kahdeksankymmenen ikävuoden uurtumat Tatjana Perttusen karun kauniit kasvot ja hänen viisautta uhoava korkea otsansa ovat hyvin kuvaavia. Lakkani hänen päässään, silkkupaikka leveillä hartioilla rätsinän ja koston ylle sidottuna kertovat, että Tatjana vaali karjalaiset naisten aitoja tapoja arkisessa asussaankin”[22].

«Морщинки перешагнувшей за 80-летний рубеж Татьяны Перттунен, чертовски красивые черты лица и свидетельствующий о ее уме высокий лоб были очень выразительными. Шапочка на ее голове, шелковый платок, повязанный поверх рубахи и сарафана на широких плечах, показывают, что Татьяна бережно относится к настоящим женским карельским традициям даже в повседневной одежде».

Самая большая глава этой книги посвящена Марии Михеевой, и это не случайно. Дружеские теплые отношения между собирателем и исполнителем продолжались на протяжении многих лет, вплоть до самой смерти сказительницы. Мария Михеева раскрылась как чрезвычайно одаренный рассказчик. Зафиксированные от нее тексты сказок были настолько глубокими и содержательными, что вбирали в себя весь спектр народной карельской культуры. В них, по словам Элины Степановны, описываются обряды карельского народа, мифология, история, поэзия[23]. Работая долгое время со сказительницей, исследовательница отмечала одну очень важную особенность своей информантки: «чем больше она рассказывала сказки, тем больше сказок она вспоминала»[24]. Очевидно, поэтому встречи их были частыми и регулярными.

С течением времени между Марией Ивановной Михеевой и Элиной Степановной Тимонен сложились доверительные близкие отношения, свидетельством этому является то, что сказительница называла Э. С. Тимонен tyttöseni – девочка моя. Во время последней встречи на прощание, как будто чувствуя свою скорую кончину, Михеева подчеркнула: «Olen sanonut Sinulle kaikki sanottavani… Suuni suljen, kieleni panen kiinni, vaipuu hevonenkin pitkän matkan juostuansa…» – «Сказала тебе все, что хотела сказать. Закрою свои уста, замолчу (закрою свой язык), устанет и лошадь, пробежав длинную дорогу»[25].

Публикация Э. С. Тимонен интересна еще и тем, что в ней даны не только биографические рассказы и воспоминания о сказителях, но в книге в художественной форме изображаются деревенские праздники и связанные с ними обряды, дан сценарий карельской свадьбы и представлены описания костюмов девушек и парней. Хорошим дополнением являются образцы

[22] Timonen E. Ei mahti maahan juoda… S. 49.
[23] Timonen E. Ei mahti maahan juoda… S. 86.
[24] Ibid. S. 81.
[25] Ibid. S. 88.

песен, рун, сказок, причитаний, ейг, колыбельных песен, возможно, это тексты, которых нет в Научном архиве КарНЦ РАН. Кроме того, в книге имеется большое количество фотографий, сделанных, по-видимому, самим автором.

Издание получило высокую оценку финляндских исследователей. Академик Пертти Виртаранта писал, что в книге «характеризуются не только рунопевческие династии в их повседневной жизни, но также очень тепло рассказано о собирателях, приходивших в край рунопевцев в разное время»[26]. Позднее Вяйно Кауконен отмечал, что «не найдется, наверное, похожей книги, которая представила бы такую же ясную и разноплановую картину о рунопевцах прошлых десятилетий и об их жизни, рассказала бы также о старинных рунах и их постепенной трансформации, как произведение Элины Тимонен»[27].

Среди литературных деятелей Карелии издание также нашло свой отклик. К примеру, Тайсто Сумманен отмечал, что «книга собирателя фольклора Элины Тимонен содержит личные наблюдения и очерки о хранителях рунопевческой традиции Калевальского района. Она дает представление читателю о бесценной работе собирателя и учит любить фольклор. Рунопевцы представлены обыкновенными людьми, судьбы которых тесно переплетаются с историей и жизнью страны. Очерки Э. Тимонен расширяют знания о современном устно-поэтическом творчестве. Они имеют также и научную ценность. Образцы рун и фотографии делают эту книгу еще колоритнее»[28].

Деятельность Элины Тимонен была многогранной, она, по возможности, старалась сотрудничать с радио- и тележурналистами. В 1975 году на Карельском телевидении по ее инициативе и сценарию был снят фильм на финском языке «Ei ole lakattu laulamasta» («Еще поются песни»). Непростой задачей было убедить жителей отдаленных деревень чувствовать себя непринужденно перед камерой и показать все свои знания. К примеру, в книге «Живут среди народа руны» описан момент съемки Марии Михеевой:

«Kirkaat valot ja ympärillä häärivät filmaajat sekoittivat Maria niin, ettei hän muistanut oikeassa järjestyksessä runoansa. Hän improvisoi koko ajan uusia sanoja. Filmauksen aikana tuli tehtyä taukoja. Se uuvutti Marinkin. Siksi piti alkaa monta kertaa synkroninen filmaus uudelleen. Lopulta hän sanoi: ”Hylätkää pois kiusaamasta vanhaa ihmistä, menkää, miehet, metsätöohin!”»[29]

«Яркие огни и суетящиеся вокруг операторы мешали Марии настолько, что она не могла правильно исполнить всю руну. Она все время импровизировала, придумывая новые слова. Во время съемок приходилось делать перерывы. Это утомляло Марию. Поэтому приходилось

[26] Цит. по: Пекки А. Фольклорист-домохозяйка / Лицей. 1996. № 9. С. 14.
[27] Timonen E. Ei mahti maahan juoda... 260.
[28] Ibid…
[29] Timonen E. Ei mahti maahan juoda…S. 87.

начинать много раз синхронную съемку заново. Наконец она сказала: “Перестаньте мучать старого человека, идите, мужчины, в лес на работу!”»

В фильме можно услышать голоса известных сказительниц Марии Ремшу, Кристины Галактионовой, Татьяны Федоровой, Александры Артемьевой, Марии Маликиной, сказителя Симаны Терво и других. Кроме того, перед зрителем раскрываются пейзажи старинных севернокарельских деревень. Фильм, к счастью, сохранился в архиве ГТРК «Карелия», несколько лет назад он был продемонстрирован жителям Калевальского района на фестивале документального кино в деревне Хайколя.

Несмотря на довольно активную собирательскую деятельность, в Научном Архиве КарНЦ РАН хранятся всего 2 рукописные коллекции, где в качестве собирателя значится имя Э. С. Тимонен (или Гуттари). Это коллекция 18, содержащая фольклорные записи, датируемые 1947 годом. Материалы были зафиксированы в Калевальском районе в ходе комплексной экспедиции, в которую входили Э. С. Гуттари, Е. П. Каллио, В. Меллери. Каждый собиратель работал в поле самостоятельно, причем, экспедиции были продолжительными, обследование района проводилась в течение месяца. Собрание Э. С. Тимонен состоит из 349 страниц (отметим особо, что записи в то время проводились вручную). Было опрошено 5 информантов, среди них Мария Михеева, Матро Леттиева, Анастасия Богданова, Евгения Леттиева, Иван Кондратьев. Большую часть текстов составляют эпические песни (20 номеров), заговоры (17 номеров), сказки (20 номеров) и загадки (16 текстов). Кроме того, записан свадебный обряд со свадебными песнями, церемония медвежьей свадьбы и т. д. Поскольку не хватало времени фиксировать фольклорный материал полностью, Тимонен описывала краткое содержание сказок или делала только список сказочного репертуара сказителей. Попутно она договаривалась с местными учителями, чтобы те проводили запись фольклора от местных жителей. Так, исследовательница обратилась с подобной просьбой к Егору Леттиеву, учителю из деревни Войница. В отчете по командировке по этому поводу отмечено: «Учитывая то, что он грамотный, владеющий местным диалектом, и что он получил мой инструктаж о технике записи, думаю, что он вполне справился бы с работой, и, таким образом, был бы исчерпан весь материал, сохранившийся в Войнице»[30]. Тимонен договаривалась с наиболее талантливыми сказителями об их приезде их в Петрозаводск, где можно было бы более тщательно и полно записать фольклорный материал[31].

Примечательно, что в отчете Э. С. Тимонен пишет не только о своих результатах работы, но и выражает обеспокоенность по поводу местной достопримечательности села Ухты сосны Леннрота: «Сосна, под которой по преданию сто лет назад записывал руны Элиас Леннрот,

[30] НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп.2. Колл. 18. Л. 6.
[31] Там же. Л. 4-7.

хранится небрежно. Если не будут приняты срочные меры по сохранению этого исторического дерева, то оно в ближайшее время свалится. По-моему, было бы хорошо, если бы Институт предложил местным органам села Ухты принять соответствующие меры для сохранения сосны Леннрота»[32].

Коллекция 22, состоящая из двух томов, отражает репертуар известной севернокарельской сказительницы М. И. Михеевой. Тексты первого тома были зафиксированы от нее в течение 1945-1947 годов Э. С. Гуттари (Тимонен), В. Меллери Э. Грином и отражают богатый и разнообразный фольклорный материал, записанный от одного информанта. Среди образцов устного народного творчества первостепенное место принадлежит, несомненно, сказкам. Кроме того, в этой же коллекции есть варианты эпических песен, новин, причитаний, заговоров, свадебных песен, пословиц, поговорок, загадок. Встречаются и некоторые образцы детского фольклора. Второй том данной коллекции представляет собой собрание сказок, записанных в 1941году, в 1947 годах. Собирателями сказочных текстов были В. Я. Евсеев, Э.Грин, В. Миллери и Э. Гуттари (Тимонен). Свод включает в себя 175 сказок, такого количества сказочных текстов не удавалось записать ни от кого больше. Таким образом, коллекция объединяет в себя образцы всех жанров, которыми владела М. И. Михеева.

В конце 1980-х годов, уже после смерти Элины Степановны, в фонограммархив Института ЯЛИ родственниками были переданы звуковые записи, датируемы концом 1960 началом 1980 годов (кассеты 3072-3102, всего 30 единиц хранения). Часть записей была произведена в 1968 году в Петрозаводске от северных карелов И. Н. Тимонен и А. В. Кеттунен, а также ингерманладки К. Лавонен. В карельских записях представлены образцы кумулятивных песен, волшебных сказок, а также этнографический материал (свадебный обряд, пища и т. д.). Ингерманландские фиксации включают в себя в основном песенный фольклор. Следующий блок – это записи 1972-1978 и 1982-1983 годов из д. Вокнаволок, д. Войница, поселка Калевала. Информантами являются Т. Ильина, А. Г. Ремшуева, М. Г. Мелентьева, А. Ф. Лесонен, Е. Р. Ремшу, О. А. Лафьева, П. Т. Ремшу, Е. И. Липкина, У. И. Маликина, М. В. Маликина, Т. Г. Маликин, М. В. Киелевяйнен и другие.

Носители фольклорной традиции исполняют лиро-эпические, свадебные, кумулятивные, рифмованные, современные лирические песни, частушки, новины, причитания, заговоры, ейги, заклички. Удалось записать также образцы сказок, предания о Ворне и о лопарях, мифологическую прозу, загадки. Встречается материал о бытовании рун и сказок. Зафиксированы воспоминания об известных рунопевцах. Этнографический пласт представлен записями о карельской свадьбе (есть инсценировка карельской свадьбы), о праздничной культуре. От О. С. Лежоевой зафиксированы воспоминания о концлагере во время войны, от

[32] Там же. Л. 7.

Е. И. Липкиной – рассказ об эвакуации. Подобного рода сведения было довольно сложно записать в советское время, поскольку необходимо было найти особый подход к собеседнику. Среди материалов находится также копия радиопередачи об Ольге Лафьевой, чья мать в свое время исполняла эпические песни совместно с широко известной севернокарельской исполнительницей Татьяной Перттунен. И это еще неполный перечень звуковых фиксаций Э. С. Тимонен.

Разножанровый материал, охватывающий практически двадцатилетний период, представляет огромный интерес для изучения. По записям одного собирателя, выезжающего на одну и ту же территорию, можно проследить, как трансформировалась и обновлялась фольклорная традиция карелов на примере небольшого куста деревень. В отличие от многих собирателей Института ЯЛИ того времени, Э. С. Тимонен не была нацелена на запись определенного фольклорного жанра. Ее звуковая коллекция в некоторой степени отражает живое бытование севернокарельской фольклорной традиции на определенном временном промежутке. Благодаря увлеченности народной культурой простой «домохозяйки» (напомним, что после увольнения из Института Э. С. Тимонен нигде официально не работала) фонды фонограммархива пополнились, на наш взгляд, уникальным материалом, который в большинстве своем не введен еще в научный оборот. Исключение, пожалуй, составляют тексты карельских ейг, опубликованные в одноименном сборнике[33].

Однако в настоящее время нельзя в полной мере оценить вклад Э. С. Тимонен как собирателя, поскольку вот уже более 20 лет в Научном архиве КарНЦ РАН находится на хранении переданный родственниками ее рукописный личный материал. Всего насчитывается более 15 дел. В настоящее время удалось сделать опись лишь одной папки, в которой обнаружилось несколько вариантов написанных самой Э. С. Тимонен автобиографий, рукописные воспоминания о Леа Хело, датируемые 1977 годом, газетные и журнальные вырезки ее статей, образцы устно-поэтического творчества карелов (отрывки эпических песен, заговоры, колыбельные песни и т. д.), полевой дневник с 1947 по 1984 годы. Всего на 320 листах представлено 72 единицы хранения.

Создание рукописного личного фонда Э. С. Тимонен позволит представить полную картину ее деятельности как большого любителя и знатока карельской народной культуры.

[33] Карельские ейги // изд. подгот. А. С. Степанова, Н. А. Лавонен, К. Х. Раутио. Петрозаводск, 1993.

Е.Р. Гусева,
кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры русского языка ПетрГУ

Диалектолог Любовь Петровна Михайлова

«Без языка нет нации. Он хранитель народной культуры, хранитель знания об этнических особенностях. Сохранение и актуализация народной речевой культуры – золотого запаса языка -помогает лучше и полнее понять историю края и страны и является одной из миссий филологов. Работа диалектолога – кропотливая, требующая внимательного отношения к тексту, точной фиксации слова. Только человек с неподдельным интересом к делу, краю и языку может изучать и сохранять речевую культуру Карелии», - так говорит о языке, о своей любимой профессии диалектолог Любовь Петровна Михайлова.

Л.П. Михайлова - кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка ПетрГУ, научный руководитель Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии филологического факультета ПетрГУ, заслуженный деятель науки Республики Карелия.

Любовь Петровна родилась 3 июля 1939 г. в д. Артём Любытинского района Новгородской области в семье крестьян-колхозников. В 1961 году с отличием окончила Новгородский педагогический факультет, работала в Крестецкой средней школе Новгородской области учителем русского языка, литературы, истории и немецкого языка.

В 1970 году в Ленинградском государственном педагогическом институте под руководством известного историка и лексиколога русского языка проф. Б.Л. Богородского Л.П. Михайлова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах», до сих пор востребованную в научных кругах и являющуюся образцом научного описания тематических групп в диалектологии, о чем свидетельствуют в своих работах академик Ф.П. Филин и профессор Н.А. Мещерский –

признанные авторитеты славянского языкознания. Приложение к работе, подготовленное Л.П. Михайловой, использовано составителями и авторами программы собирания для «Лексического атласа русских народных говоров» в качестве исходного образца.

После окончания аспирантуры Л.П. Михайлова была направлена в Череповецкий педагогический институт, в 1976 г. прошла по конкурсу на должность доцента кафедры русского языка в Карельский государственный педагогический институт.

Любовь Петровна Михайлова – известный в России и за рубежом диалектолог, лексикограф, лингвокраевед. Со студенческих лет она участвует в диалектологических экспедициях (более 50), в ходе которых собран и включен в научный оборот исключительно важный для диалектологии, истории языка, этнолингвистики материал.

Выпуск 1980 г. - любимый курс Л.П. Михайловой (в центре)

В течение 25 лет Л.П. Михайлова руководила работой сотрудников кафедры русского языка над уникальным лексикографическим трудом – «Словарем русских говоров Карелии и сопредельных областей», внесшим, по признанию специалистов, значительный вклад в русскую науку и культуру. Любовь Петровна является ответственным редактором последнего, 6 тома словаря. В 1998-1999 гг. многолетняя лексикографическая деятельность Л.П. Михайловой была отмечена благодарностями администрации Санкт-Петербургского государственного университета и Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

.П. Михайлова (слева) в экспедиции в деревне Челмужи Медвежьегорского района, 1979 год

На протяжении нескольких десятилетий Л.П. Михайлова ведет активную научную работу по изучению лексики русских говоров Карелии. Глубокому анализу подвергнуты древнейшие исторически обусловленные процессы взаимодействия славянских и прибалтийских языков на территории Карелии и Северо-Запада России. Результатом научных изысканий стала монография Л.П. Михайловой «История края в народном слове» (Петрозаводск, 2004). Основное внимание в книге уделяется характеристике говора как источника изучения истории Карелии, различиям русских говоров на лексическом уровне, явлению межъязыковой интерференции, лексике и ономастике в региональных памятниках письменности. Работа получила высокую оценку у диалектологов, ономастов, фольклористов, историков, географов, школьных учителей – специалистов не только Карелии, но и других регионов России.

В 2013 году вышел в свет «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах», над которым Любовь Петровна работала 15 лет. В словаре представлена диалектная лексика преимущественно русского происхождения, отличающаяся необычным фонетическим обликом, что обусловлено воздействием со стороны неславянских иноструктурных языков, в том числе и прибалтийско-финских на территории Карелии и сопредельных областей. Авторский словарь получил положительные отзывы известных ученых России – Ж.Ж. Варбот, доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника Отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва), С.А. Мызникова, доктора филологических наук, профессора, заведующего Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), З.К. Тарланова, доктора филологических наук, профессора (г. Петрозаводск).

В арсенале научных работ Л.П. Михайловой более 200 публикаций, еще больше выступлений на конференциях, совещаниях, симпозиумах различного уровня в научных центрах России и за рубежом. Любовь Петровна – активный участник многих научных начинаний ведущих исследовательских учреждений России, крайне важных для изучения культуры Карелии и Северо-Запада страны. Это не только работа над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ведущая организация – Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург), но и активное участие во Всероссийской программе «Энциклопедия

русских деревень», в работе топонимической группы в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Л.П. Михайлова энергично вовлекает в научно-исследовательскую работу молодежь, под ее руководством выполнены десятки дипломных работ (около 60) и подготовлены многие студенческие публикации и выступления на конференциях разного уровня, в том числе на «Рябининских чтениях», «Краеведческих чтениях» в Петрозаводске и Москве. Под руководством профессора Л.П. Михайловой успешно защищены 3 кандидатские диссертации по региональной ономастике, лексике и грамматике русских говоров Карелии.

На конференции в Санкт-Петербурге, март 2006 г.

Почти 10 лет Л.П. Михайлова руководит научно-методической Лабораторией лингвистического краеведения и языковой экологии (в настоящий момент – при филологическом факультете ПетрГУ, ранее – при историко-филологическом факультете Карельского государственного педагогического института / университета / академии). Профессор Л.П. Михайлова выступила с инициативой проведения Открытого регионального конкурса «Край родной – родное слово». В конкурсе, который с 2009 по 2016 г. проводился в Карелии 4 раза, участвуют школьники, учителя, библиотекари, краеведы Карелии – почти 400 человек в возрасте от 7 до 85 лет (в последнем конкурсе приняли участие представители Вологодской, Ленинградской областей). Под руководством Л.П. Михайловой идет работа над «Хрестоматией русских говоров Карелии». Любовь Петровна является одним из авторов учебного пособия «Историческое краеведение в Карелии» (Петрозаводск, 2012), ответственным редактором Вестника Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии «К истокам» (Петрозаводск, 2012).

Любовь Петровна и сотрудники лаборатории ведут постоянную работу с учителями, представителями культуры и общественных организаций Республики Карелия: проводят

консультации, беседы, читают лекции и т.д. Любовь Петровна всегда занимала и занимает активную гражданскую позицию, она входит в состав правления КРОО «Межвузовский центр межнационального общения и патриотического воспитания» г. Петрозаводска.

Е.А. Илгунова (Пюльзю), Кристиан Саппок (Германия, г. Бохум), Л.П. Михайлова в Лабораториилингвистического краеведения и языковой экологии

Среди наград Л.П. Михайловой:

1. Диплом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР «За научное руководство студенческой работой, отмеченной знаком «Лауреат Всероссийского конкурса» 1984-1985 учебного года на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам», 1986 г.

2. «За заслуги перед Республикой Карелия» присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия», 20 декабря 1996 г.

3. Почетная грамота Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации, сентябрь 1999 г.

4. Благодарственное письмо Министерства образования Республики Карелия за проведение республиканского конкурса «Край родной – родное слово», 28 декабря 2012 г.

5. Благодарственное письмо Главы Республики Карелия А.П. Худилайнена «за многолетнюю научно-педагогическую деятельность, большой вклад в изучение, развитие и сохранение речевой культуры и историко-культурного своеобразия Карелии», февраль 2013 г.

6. Благодарственное письмо Министерства по делам молодежи, физической культуре и спорту «за большой вклад в сохранение речевой культуры и активную деятельность по патриотическому воспитанию молодежи Республики Карелия», декабрь 2013 г.

В 2006 г. Указом президента В.В. Путина Любовь Петровна Михайлова награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени.

Л.П. Михайлова пользуется искренним уважением коллег, учеников, всех, кто ценит и любит народное слово, – как человек, гармонично сочетающий в себе таланты исследователя, педагога-воспитателя и гражданина, который всю свою жизнь без остатка посвятил изучению и обучению родному языку. Как отметила профессор Л.В. Савельева, «именно такие подвижники просвещения и науки, неразрывно связанные духовными корнями с народной почвой, составляют золотой фонд русской интеллигенции и в наши дни позволяют без страха смотреть в будущее России».

Публикации о Л.П. Михайловой

1. Савельева Л. Учитель учителей // Карелия. 1999. № 58 (574).
2. Кюршунова И. «Странные и ветреные люди» // Лицей. 1999. № 11 (ноябрь).
3. Работа меня держит! // Карелия. 2009. № 129. 19 ноября 2009. http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1997/44.html

Д. Д. Абросимова

Фольклорные материалы «села Муромля» в записях А.Д. Георгиевского

В последние годы в российской фольклористике особую актуальность приобрело изучение фольклорного наследия в тесной связи с фигурой собирателя. При этом в круг собирателей включаются не только профессиональные этнографы, фольклористы, лингвисты, но и многочисленные любители, чья фольклористическая работа ограничивалась порой всего несколькими записями произведений устного народного творчества[1].

Эта статья посвящена фольклорным материалам, собранным одним из таких любителей, Александром Дмитриевичем Георгиевским (около 1856–не ранее 1913 г.). А.Д. Георгиевский окончил Олонецкую духовную семинарию, а затем в течение многих лет работал учителем земской (впоследствии министерской) школы деревни Логинова Муромского общества Остречинской волости Петрозаводского уезда[2]. Помимо преподавания в школе, как и многие сельские учителя, он собирал сведения об окружавшей его народной культуре, записывал образцы фольклора. Результаты этой работы нашли отражение на страницах губернской прессы – газеты «Олонецкие губернские ведомости» и издания Олонецкого губернского статистического комитета «Олонецкий сборник». В период с 1899 по 1905 г. в этих изданиях было напечатано семь статей А.Д. Георгиевского (шесть из них в ОГВ и одна – в «Олонецком сборнике»)[3]. Стоит отметить, что на момент первой публикации собирателю было 43 года, то есть он был уже сложившимся человеком, обладавшим жизненным и профессиональным опытом. Как следует из текста статей, опубликованные материалы были собраны в Петрозаводском уезде; иногда место записи указано как «село Муромля Петрозаводского уезда». Селом Муромля назывался куст деревень, расположенных на реке Муромле[4], правом притоке Свири в верхнем течении.

---

[1] Этот принцип реализован в издании: Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII – XIX вв.: в 5 т. Т. 1: А–Г. СПб., 2016.

[2] Иванова Т.Г. Георгиевский Александр Дмитриевич // Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII – XIX вв.: в 5 т. Т. 1: А–Г. СПб., 2016. С. 756–757. С. 756; Пашков А.М. Георгиевский Александр Дмитриевич // Биографический словарь краеведов Олонецкой и Архангельской губерний. Режим доступа: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=13

[3] Георгиевский А. На пароходе // ОГВ. 1899. № 39. С. 2–3; Георгиевский А. Гроза в представлении народа // ОГВ. 1900. № 105. С. 2–3; Георгиевский А. Клад по воззрениям простого народа // ОГВ. 1900. № 106. С. 2; Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 53–61; Георгиевский А. Креснозеро (легенда) // ОГВ. 1904. № 43. С. 3; Георгиевский А. Метеорологические наблюдения и народные приметы к ним (Петрозаводский уезд, с. Муромля) // ОГВ. 1904. № 43. С. 3; № 44. С. 3; № 45. С. 3; № 46. С. 2; № 47. С. 2; Георгиевский А. Грамотность в с. Муромле (Петрозаводского уезда) // ОГВ. 1905. № 107. С. 2.

[4] Пашков А.М. Георгиевский Александр Дмитриевич // Биографический словарь... После революции это была территория Вознесенского, а позже Подпорожского района Ленинградской области. В 1950-е гг. деревни на реке Муромле попали в зону затопления в связи с созданием Ивинского водохранилища.

Названные статьи А.Д. Георгиевского уже не раз попадали в поле зрения исследователей и публиковались. Так, собранные им образцы народной прозы вошли в сборники «Северные предания (Беломорско-Онежский регион)» и «Легенды, предания, бывальщины», подготовленные Н.А. Криничной, и в ее монографию «Мифология воды и водоемов»[5]. Тексты, записанные собирателем, были использованы в качестве сравнительного материала в статье И.А. Разумовой, посвященной текстологическому анализу заонежских поверий П.Н. Рыбникова[6].

Авторы названных работ учитывали в рамках своих тем отдельные публикации А.Д. Георгиевского либо отдельные фольклорные произведения в них. Весь же корпус фольклорных и «полуфольклорных» текстов как целостный плод работы собирателя – представителя сельской интеллигенции исследователями не рассматривался. Фольклорно-этнографические публикации собирателя перечислены и аннотированы в биобиблиографическом словаре «Русские фольклористы»[7], однако формат словаря не предполагает анализа жанрового состава и других особенностей фольклорных текстов в этих публикациях. Одна из задач этой статьи – сделать общий обзор произведений фольклора, опубликованного в статьях А.Д. Георгиевского. Другая задача – осветить ту сторону его фольклористической работы, которая осталась вне страниц губернской прессы.

Всего в статьях собирателя опубликовано примерно 90 фольклорных текстов. Они представляют интерес как с точки зрения содержания, так и с точки зрения жанровой принадлежности. Это, во-первых, народная мифологическая и историческая проза, во-вторых, тексты и сведения по народной метеорологии.

Народная мифологическая проза. В двух статьях А.Д. Георгиевского опубликовано 19 таких текстов[8]. Жанры, к которым они относятся, – это былички (8 текстов), легенды (5), сказочные формы (3); приговоры (5), заговор (1); поверья и сведения о народных обычаях; встречаются местные выражения (1). Среди текстов этой группы достаточно много контаминированных форм, когда быличка, легенда или сказочный сюжет предстают в обрамлении более обширного и рыхлого по структуре текста поверья, логически и сюжетно связаны с ним. Опираясь на

[5] Северные предания (Беломорско-Онежский регион). Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л., 1978. 254 с.; Легенды, предания, бывальщины. Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н.А. Криничной. М., 1989. 287 с.; Криничная Н.А. Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск, 2014. 390 с.

[6] Разумова И.А. «Заонежские поверья» в собрании П.Н. Рыбникова // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 38–55. С. 46, 48.

[7] Иванова Т.Г. Георгиевский Александр Дмитриевич // Русские фольклористы... С. 757.

[8] Георгиевский А. Клад по воззрениям простого народа...; Георгиевский А. Народная демонология…

рекомендации Л.Н. Виноградовой по идентификации таких текстов[9], мы рассматривали их как единое произведение. Приговоры и заговор также приводятся собирателем в составе поверий.

Народная историческая проза. В двух статьях А.Д. Георгиевского опубликованы три предания[10].

Народная метеорология. В статье собирателя, опубликованной в пяти номерах ОГВ, помещено 68 текстов «малых» фольклорных жанров: приметы (56), поговорки (8) и пословицы (4). Кроме того, это поверья (их меньше, чем мифологических поверий), названия природных и погодных явлений (10 наименований), сведения о связанных с ними обычаях, местные выражения (1)[11].

Рассмотрим эти тексты по группам более подробно.

Народная мифологическая проза. При рассмотрении мифологических рассказов мы опирались на классификацию суеверных рассказов, предложенную Э.В. Померанцевой, которая выделяла тематические циклы «о духах природы», «о домашних духах», а внутри этих циклов – рассказы о лешем, водяном, домовом, баннике и т.д.[12] Бóльшая часть быличек в собрании мифологической прозы А.Д. Георгиевского посвящена святочным гаданиям, где действует персонаж Святке, характерный для территории Олонецкого края.

Отдельного упоминания заслуживают еще несколько текстов, в которых фигурируют перечисленные персонажи. Так, в собрании А.Д. Георгиевского есть быличка о домовом, построенная на мотиве «домовой мучает скотину»[13]. Рассказы с этим мотивом, а также с мотивом наказания домового, мучившего скот, есть в современных изданиях мифологической прозы[14] и в публикациях экспедиционных материалов последних лет, записанных на территории бывшей Олонецкой губернии[15].

Особняком в материалах собирателя стоят две былички. Вот сюжет одной из них[16]: мать проклинает младенца, который превращается в представителя нечистой силы с характерными для нее повадками (способность лазать по стенам, кусаться[17]). После смерти младенца в гробу

---

[9] Виноградова Л.Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. 2004. № 1. С. 10–14. С. 13.

[10] Георгиевский А. На пароходе…; Георгиевский А. Грамотность в с. Муромле...

[11] Георгиевский А. Метеорологические наблюдения...

[12] Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. 190 с. С. 14. Как указывает И.А. Разумова, структуризация мифологических текстов по персонажам восходит к традиции, заложенной еще П.Н. Рыбниковым. См.: Разумова И.А. «Заонежские поверья»... С. 46.

[13] См.: Указатель мотивов быличек в сборнике: Предания и былички. Изд. подгот. В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997. 146 с. С. 133.

[14] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. Сост. Черепанова О.А. СПб., 1996. 212 с. С. 42 (№ 97); Предания и былички... С. 89–90 (№ 95); Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004. 1008 с. С. 215, 218-219.

[15] Ипполитова А.Б. Из фольклорного наследия Нигижмы // Живая старина. 2007. №. 1. С. 52-54. С. 52.

[16] Георгиевский А. Народная демонология... С. 56.

[17] См., например, эти проявления нечистой силы в быличках: Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... С. 34 (№ 58), 71–72 (№ 266).

оказывается деревянная чурка (мотив «черт подменяет ребенка чуркой»[18]). Укушенная про́клятым ею младенцем мать впоследствии умирает. Рассказ, где про́клятый матерью ребенок становится представителем нечистой силы (русалкой), помещен в сборнике «Мифологические рассказы и легенды Русского Севера»[19].

Сюжет второй былички опубликован в сборнике «Мифология воды и водоемов» Н.А. Криничной[20]. У женщины рождается ребенок от водяного, который приходит к ней во сне под видом покойного мужа. Водяной похищает у окрещенного новорожденного «свою» половину[21]. Сюжет этой былички осложнен тем, что здесь одновременно присутствуют два образа – водяного и покойного мужа, роли которых в повествовании переплетены. Точного соответствия этому сюжету в современных сборниках мифологической прозы[22] обнаружить не удалось (вероятно, это можно объяснить немногочисленностью записей рассказов о водяном[23]), но есть аналоги отдельным встречающимся в нем мотивам, а именно: «покойник ходит после смерти»[24], «от покойника рождается ребенок»[25], похищение водяным младенца из зыбки[26].

Публикации быличек, наряду с другими произведениями народной мифологической прозы, стали появляться в краевых периодических изданиях с середины XIX в.[27] А.Д. Георгиевский, поместивший в своей публикации в «Олонецком сборнике» образцы быличек стал, таким образом, одним из собирателей, кому удалось распознать в этих текстах нечто представляющее ценность с точки зрения изучения народных представлений.

Жанр легенды представлен в материалах собирателя тремя записями. Одна из них – это сюжет о происхождении демонологических персонажей, населяющих преисподнюю и землю[28]. По сути, он представляет собой часть более обширного сюжета о сотворении мира Богом и

---

[18] См.: Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах С. Айвазян, опубликованный в издании: Померанцева Э.В. Мифологические персонажи… С. 179.

[19] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... С. 55 (№ 171).

[20] Криничная Н.А. Мифология воды... 390 с. С. 238.

[21] Георгиевский А. Народная демонология... С. 58.

[22] Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. 401 с.; Легенды, предания, бывальщины...; Мифологические рассказы и легенды Русского Севера...; Предания и былички...; Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза... Том 1...; Традиционный фольклор Новгородской области: Серия «Памятники русского фольклора»: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры: По записям 1963 – 1999 г. Изд. подгот. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. СПб., 2001. 534 с.; Мифологические рассказы Архангельской области. Сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М., 2009. 304 с.; Криничная Н.А. Мифология воды...

[23] На эту немногочисленность исследователи неоднократно обращали внимание: Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре... С. 65; Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... С. 148; Криничная Н.А. Мифология воды... С. 13.

[24] Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири... С. 275 (№ 395), 276 (№ 397); Традиционный фольклор Новгородской области... С. 304–307 (№ 325 и 326); Мифологические рассказы Архангельской области... С. 174–175 (№ 377). Указанные аналоги являются таковыми лишь частично: покойный «муж» в них является не во сне, а наяву.

[25] Предания и былички... С. 100–101 (№ 108).

[26] Криничная Н.А. Мифология воды... С. 225–226 (№ 174–175).

[27] Криничная Н.А. Русская мифология... С. 16.

[28] Георгиевский А. Народная демонология... С. 53.

сатаной[29]. В то же время этот текст часто бытовал самостоятельно и был чрезвычайно распространенным[30], поскольку именно он, по наблюдению исследователей, представлял наибольшую актуальность для народного сознания, заинтересованного в объяснении происхождения прежде всего наземных нечистых духов[31]. Другая легенда – этиологический рассказ с топонимическими мотивами, в котором объясняется происхождение названий местных водоёмов, естественного (озера Крёснозеро) и рукотворного (канала Чёртовой канавки)[32]. Эта легенда также опубликована Н.А. Криничной[33].

В большом количестве в материалах собирателя представлены мифологические поверья. Далеко не все исследователи признают поверья полноценным фольклорным жанром[34], поскольку, являясь выражением обобщенных представлений, они не имеют оформленного сюжета. Руководствуясь логикой, предложенной в самих текстах, среди них можно выделить две группы: поверья о нечистой силе в аду и поверья о нечистой силе на земле. При дальнейшем разделении мы вновь пользовались классификацией Э.В. Померанцевой.

Среди рассматриваемых текстов есть поверья о лешем и о Святке; о домовом[35] и Гнедке[36]; о баннике и ригачнике. Эти тексты построены по типичной схеме: они содержат описание облика и поведения мифологических персонажей и «предписание из кодекса общения с мифическими существами»[37]. В составе предписаний есть два приговора, обращенные к «лесному хозяину» (в случае ночевки в лесу) и к водяному (чтобы он не мог утопить лошадь)[38].

В массиве мифологических текстов собирателем были выделены поверья о кладах, которым он посвятил отдельную статью[39]. Большей частью они повествуют о способах добывания клада; проступает в них и сам образ клада. Если в преданиях этот образ сочетает в себе порой как мифологические, так и реалистические черты, в поверьях, переданных А.Д. Георгиевским, он предстает исключительно как мифологический: завладеть им можно лишь с помощью магического помощника, магических действий и магических «заветных слов».

---

[29] Легенды, предания, бывальщины... С. 25; Криничная Н.А. Мифология воды и водоемов… С. 150-151.

[30] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера... С. 130. В одном из текстов этого издания сюжет легенды о происхождении локальных демонологических персонажей органично включен в рассказ о домовом (с. 45, № 111).

[31] «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004. 576 с. С. 58.

[32] Георгиевский А. Креснозеро... С. 3.

[33] Криничная Н.А. Мифология воды... С. 171–172.

[34] Виноградова Л.Н. Былички и демонологические поверья... С. 14. Обзор разных точек зрения на поверья см.: Черванёва В.А. Быличка и поверье как разные способы передачи информации // Живая старина. 2014. № 1. С. 33–35. С. 33–34.

[35] Домовой в этих поверьях предстает в ипостаси хранителя скота и хозяина скотного двора и хлевов. См.: Георгиевский А. Народная демонология... С. 59.

[36] Персонаж, во многом сходный с домовым, одно из его проявлений.

[37] Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза... Том 1... С. 12.

[38] Георгиевский А. Народная демонология... С. 57, 58–59.

[39] Георгиевский А. Клад по воззрениям простого народа... С. 2.

Народная историческая проза. Среди опубликованных А.Д. Георгиевским преданий два – о Петре Первом, одно – из истории грамоты в селе Муромле. Петр Первый – один из самых популярных персонажей преданий[40]. В одном из двух преданий о нем в собрании А.Д. Георгиевского можно выделить два самостоятельных повествования[41]. Одно рассказывает о добывании царем коня, второе – об истории создания памятника Петру. Полный текст этого предания опубликован в сборниках «Северные предания…» и «Легенды, предания, бывальщины» (оба текста с названием «Конь Петра Великого»)[42]. Второй сюжет из варианта А.Д. Георгиевского есть в сборнике «Легенды, предания, бывальщины» (под заглавием «Меншиков в Сибири», где он является вкраплением в другое, основное повествование) и в издании «Предания Русского Севера» (два текста, оба под заглавием «Каменный всадник»)[43]. Сюжет, опубликованный А.Д. Георгиевским, выглядит так: шведы сдирают кожу с русского генерала; Петр Первый собирается перескочить Неву на коне, чтобы спасти его; на камне, с которого он собирается совершить прыжок, появляется змея, которая ужаливает коня, отчего конь погибает; из коня изготавливают чучело, а позже по этому чучелу – памятник Петру на коне.

Сравним вариант А.Д. Георгиевского с тремя другими. В варианте «Каменный всадник» (№ 417) намерение Петра совершить прыжок на коне через реку мотивируется тем, что царь был «необыкновенно одаренным и сильным, а в то же время и слишком самоуверенным»[44]. В одноименном варианте (№ 418), такая мотивация отсутствует: желание Петра здесь преподносится как данность: «Петр Первый за Неву ладил перескочить»[45]. В обоих этих вариантах мотив о змее-спасительнице отсутствует; в первом из них Петр окаменевает «как бы в наказание за похвальбу», во втором мотивация отсутствует[46]. Таким образом, второй из двух вариантов (№ 418) является наиболее усеченным. Появление памятника Петру в обоих вариантах мифологизируется, превращаясь в мотив окаменения Петра и его коня.

В варианте предания, которое входит в состав другого предания, «Меншиков в Сибири», сохранены все звенья сюжета, опубликованного А.Д. Георгиевским. Его отличия от текста А.Д. Георгиевского, помимо включенности в другой сюжет, касаются нюансов трактовки отдельных мотивов. Так, намерение Петра совершить прыжок на коне через реку мотивируется бредовым видением, посетившим его во время болезни: «А ему счудилось: шведы и финны идут Питер

---

[40] Криничная Н.А. Предания Русского Севера: реальность и традиции // Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 10–26. С. 24–25.
[41] Георгиевский А. На пароходе...
[42] Северные предания (Беломорско-Онежский регион)... С. 145–147; Легенды, предания, бывальщины... С. 131-133.
[43] Криничная Н.А. Предания Русского Севера... С. 219; Легенды, предания, бывальщины... С. 135-136.
[44] Криничная Н.А. Предания Русского Севера... С. 219.
[45] Криничная Н.А. Предания Русского Севера... С. 219.
[46] Криничная Н.А. Предания Русского Севера... С. 219.

брать». Образ змеи мифологизирован, ее роль спасителя царя подчеркнута: «А тут змей коню ноги обмотал, как удавка. Он там в пещере на берегу жил. Не дал прыгать, спас». Этот эпизод спасения и становится причиной последующего создания памятника Петру: «Вот памятник и поставлен, как змей Петра спас»[47]. Последний рассмотренный вариант наиболее близок тексту А.Д. Георгиевского. В результате сопоставления всех четырех текстов можно сделать вывод, что вариант А.Д. Георгиевского – наиболее полный и сложный.

В другом предании о Петре Первом имя царя лишь упоминается в начале текста, а затем повествование смещается в сторону от фигуры Петра и сосредоточивается на диалоге двух женщин – образце местной речи, который должен производить комический эффект[48]. Здесь представляется уместным вспомнить о том, что предание, словами Н.А. Криничной, иногда может включать в себя элементы других жанров, в том числе анекдота и бытового рассказа[49].

Народная метеорология. В основе народных поверий о ветрах лежат древние мифологические представления о «хозяевах» воздушной стихии[50]. Чтобы лучше охарактеризовать материалы А.Д. Георгиевского по этой теме, сопоставим их со сведениями, собранными на территории Водлозерья. Эти сведения собраны в этнографическом очерке Н.Н. Харузина о Пудожском уезде и в монографии К.К. Логинова, посвященной водлозёрам[51].

Замечания Н.Н. Харузина ограничиваются сведениями об одном, «главном и самом опасном для крестьянина», ветре – северном. К.К. Логинов собрал наиболее полные сведения обо всех четырех ветрах: их названиях, «характере», обрядах по их усмирению, а также фольклорные тексты. У А.Д. Георгиевского приведены сведения о ветрах не только основных направлений, но и промежуточных – всего восемь. Кроме названий он дает и их прозвища (например, южный ветер – «полуденник», «мокрохвостый»), а также названия других погодных явлений (разновидности облаков – «ветреницы», гроз в отдалении – «хлебозрелка») и народные выражения, фразеологизмы («ходить духами» – о ветрах)[52].

Также как из материалов К.К. Логинова, из записей А.Д. Георгиевского вырисовывается «характер» ветров, а кроме того их «взаимоотношения». Однако в отличие от материалов по Водлозерью, описания, данные А.Д. Георгиевским, касаются не столько мифологических, сколько реальных свойств ветров (сила, продолжительность, смена погоды). Результаты собственных наблюдений за погодой на протяжении лет собиратель соотносит с народными

---

[47] Легенды, предания, бывальщины... С. 136.
[48] Георгиевский А. Грамотность в с. Муромле... С. 2.
[49] Криничная Н.А. От составителя // Криничная Н.А. Предания Русского Севера... С. 3–9. С. 3.
[50] Логинов К.К. Обычаи, обряды и поверья, связанные с охраной природной среды в Обонежье // Финно-угорская мозаика: сборник статей к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен. Петрозаводск, 2016. С. 247-254. С. 252.
[51] Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302–346. С. 317-318; Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. 276 с. С. 211-213.
[52] Георгиевский А. Метеорологические наблюдения… № 44. С. 3; № 46. С. 2.

представлениями, отразившимися в том числе в фольклоре. Приводимые им фольклорные произведения все относятся к «малым жанрам». Среди них нет, например, такого жанра, как заклинания[53]. Тематически этот фольклор распределяется так: о погоде (ясной, дождливой) – 17 текстов, о временах года – 13, о севе и хлебе – 9, о ветре – 16 (из них о северном ветре – 8).

При рассмотрении фольклорных текстов, опубликованных на страницах дореволюционной периодики, неизбежно встает вопрос об их аутентичности. Эту проблему поднимает И.А. Разумова в статье, посвященной заонежским поверьям в записи П.Н. Рыбникова. На основании анализа их языка и стилистики она выделяет тексты, которые с наибольшей вероятностью могли быть переданы собирателем дословно, и те, которые, скорее всего, были переданы им в пересказе[54]. Исследовательница отмечает сложность подлинного различения тех и других без наличия черновых записей и возможности осуществить полноценный текстологический анализ[55].

При самом общем взгляде на фольклорные тексты в публикациях А.Д. Георгиевского нужно отметить его стремление передавать их содержание возможно более полно, со всеми подробностями. Где-то, вероятно, не исключена и запись, весьма близкая «оригиналу». Можно предположить, что это касается в первую очередь малых фольклорных жанров, формулировки которых кратки, отточены и передаются практически в неизменном виде. Что касается преданий, известно, что при подготовке их к публикации собиратели нередко вмешивались в народный текст, стараясь придать ему лучшую художественную форму, а также совместить его по возможности с подлинными историческими сведениями[56]. Таким образом, сама постановка вопроса о вмешательстве собирателя в текст предания будет правомерной. Относительно поверий можно предполагать, что эти тексты, в силу расплывчатости формы, были переданы А.Д. Георгиевским в пересказе. Без специального исследования в них бывает сложно отличить то, что в действительности было присуще народному сознанию, от элемента интерпретирования, привнесенного собирателем. Например, описания локальных демонологических персонажей сделаны А.Д. Георгиевским в шутливом, ироничном тоне: из них возникают образы существ, не представлявших для человека особенной угрозы. Ср., например, характеристику, данную им лешему: «Этот леший… между тем добр, не хитрый, да и вреда-то не может человеку сделать»[57]. С одной стороны, отношение к демонологическим персонажам сродни этому встречаем в этнографических записях, сделанных в Новгородском крае в конце XIX в. Вот, например, замечание, высказанное В.Н. Перетцем о мифологических

[53] Обращенное к ветрам заклинание, целью которого было ускорить передвижение по воде, есть в материалах Н.Н. Харузина. (Харузин Н.Н. Из материалов... С. 318.)

[54] Разумова И.А. «Заонежские поверья»... С. 41-45.

[55] См.: Разумова И.А. «Заонежские поверья»... С. 43-44.

[56] Традиционный фольклор Новгородской области... С. 204.

[57] Георгиевский А. Народная демонология... С. 57.

представлениях жителей Тихвинского уезда: «С понятием лешего, водяного <…> самый житель д. Будогощи не связывает представления о чем-то страшном, враждебном Богу и людям»[58]. В то же время тексты многих северных быличек отражают, как представляется, совсем иное мироощущение, распространяющееся и на этот персонаж: ср. вывод К.К. Логинова об отношении крестьянина к миру леса: «Человек трепетал перед лесной стихией, перед *Лесом Праведным*…»[59].

В связи со сказанным можно обратить внимание еще на такой факт. Сообщение собирателя о фольклорной традиции может, с одной стороны, указывать на процесс ее видоизменения[60]. Например, о таком демонологическом персонаже, как ригачник, А.Д. Георгиевский пишет: «Этот живет в риге, но про него ничего не слышно... В настоящее время и старики его не боятся. Рассказов про него не слышно»[61]. Для собирателя здесь актуален момент новизны, вроде бы появившейся в восприятии персонажа недавно. В то же время факт, на который он обращает внимание, может быть признаком не столько изменившегося отношения к персонажу, сколько того, что в мифологических представлениях ему, возможно, изначально принадлежала периферийная роль. На эту мысль наводит утверждение М.Н. Власовой и В.И. Жекулиной о том, что расплывчатость современных народных представлений о нечистой силе, которая встречается в некоторых случаях, сама по себе еще не означает их разрушения, поскольку она в равной степени характерна и для текстов XIX в.[62] Об этом же фактически говорит и Н.В. Дранникова, высказывая предположение, что функция «детских “пугалок”», которую мифологические рассказы выполняют в настоящее время, была присуща этим текстам и в прошлом (наряду с другими функциями)[63]. Таким образом, для того чтобы делать выводы о характере бытования традиции и отдельных ее проявлений на основании материалов, опубликованных в дореволюционной периодике, необходимы дополнительные изыскания.

В завершение обзора фольклорных публикаций А.Д. Георгиевского на страницах олонецких периодических изданий можно сделать вывод, что собиратель стремился изучать местную традицию полно и достаточно глубоко, выделяя в ней темы, которые, очевидно, вызывали у него наибольший интерес. Результатом его работы стало большое количество опубликованных записей разножанровых произведений фольклора, которые характеризуют разные стороны этой традиции. Сведения были им осмыслены и систематизированы: сгруппированы по рубрикам там, где это возможно, и изложены в соответствии с определенной логикой.

---

[58] Цит. по: Традиционный фольклор Новгородской области... С. 18.

[59] Логинов К.К. Обычаи, обряды и поверья... С. 249.

[60] По мысли авторов-составителей сборника фольклора Новгородского края М.Н. Власовой и В.И. Жекулиной, «фольклорная культура не исчезает, она лишь видоизменяется». (Традиционный фольклор Новгородской области... С. 19).

[61] Георгиевский А. Народная демонология... С. 61.

[62] Традиционный фольклор Новгородской области… С. 225–226.

[63] Мифологические рассказы Архангельской области... С. 29–30.

Интерес собирателя к фольклору не исчерпывался лишь прозаическими и малыми фольклорными жанрами. На это косвенно указывает, в частности, его замечание в одной из статей о распространенности «в этих местах» рукописи духовного стиха «Сон Богородицы»[64]. О том, что А.Д. Георгиевский был знаком с местным фольклором на более широком фоне, свидетельствует и один из документов Национального архива. Это вопросный лист Песенной комиссии Русского географического общества, хранящийся в фонде Олонецкого губернского статистического комитета[65]. Он состоит из 17-и вопросов, которые касаются эпической, свадебной, плачевой и календарной поэзии, беседных песен и музыкальных инструментов в селе и наличия среди местного населения исполнителей фольклора. К вопроснику приложены письмо и объяснительная записка, из которых следует, что эти материалы рассылались в деревни с целью составления фольклорной карты местности с помощью представителей сельской интеллигенции. Заполненный А.Д. Георгиевским бланк вопросника датирован сентябрем 1901 г. Это тот период, когда собиратель более или менее постоянно публиковал свои работы в губернской периодике. В своих ответах он указывает на бытование в деревнях на реке Муромле семейного и календарного обрядовых комплексов: свадебного обряда и свадебной поэзии, похоронных и рекрутских песен, «хороводов и гуляний, сопровождаемых песнями троицкими, семицкими или ивановскими». Он называет имена четырех «лиц из местных старожилов, помнящих старинные песни»[66]. По поводу былин и духовных стихов А.Д. Георгиевский отмечает, что их не сохранилось.

В его ответах есть указание еще на один интересный факт его собирательской деятельности. Отвечая на вопрос № 15: «Не можете ли сообщить тексты некоторых песен, былин или духовных стихов для предварительного с ними ознакомления?» – А.Д. Георгиевский пишет: «Текстами песен можно воспользоваться в 1-ом отделении Императорской Академии наук. Песни много [так – *Д.А.*] были отосланы в отделение русского языка и словесности и оттуда переданы в 1-ое отдел[ение]…»[67]. По-видимому, собиратель ссылается здесь на собственные записи. Это означает, что помимо текстов народной мифологической и исторической прозы он записывал и песенный фольклор. Как можно предположить из других его ответов, это могли быть записи свадебных, хороводных песен, а также «вообще песен»[68], то есть не имеющих обрядовой приуроченности.

---

[64] См.: Георгиевский А. Гроза в представлении народа... С. 3.

[65] Национальный архив РК. Ф. 27. Оп. 2. № 19/287. Наряд Олонецкого губернского статистического комитета о собрании песенного материала для Песенной комиссии по вопросным листам Императорского Русского географического общества. 1901 – 1902 г. 14 л. Л. 4–5.

[66] НАРК. Ф. 27. Оп. 2. № 19/287. Л. 4–4 об.

[67] НАРК. Ф. 27. Оп. 2. № 19/287. Л. 5.

[68] НАРК. Ф. 27. Оп. 2. № 19/287. Л. 4.

Опубликованные фольклорные материалы А.Д. Георгиевского, также как и сведения о его собирательской работе, которые известны из архивных документов, позволяют, с одной стороны, реконструировать черты устной традиции в деревнях на реке Муромле и Петрозаводском уезде. С другой стороны, они дают возможность более объемно представить «лабораторию» собирателя-любителя, определить его интересы в области собирания фольклора, приблизиться к пониманию методов и принципов его фольклористической работы.

Раздел 6. Секция Краеведы и просветители Карелии в истории страны и региона

Ю. Н. Кожевникова,

старший научный сотрудник ФГБУ НП «Водлозерский»

Е. В. Барсов (1836–1917) как исследователь истории Клименецкого монастыря и Андрусовой пустыни

Елпидифор Васильевич Барсов – крупнейший досоветский историк и фольклорист. Ученый жил в Петрозаводске с 1861 по 1870 г. и читал в это время лекции студентам Олонецкой духовной семинарии. Обратим внимание на исторические работы Е. В. Барсова, которые посвящены двум карельским обителям – Андрусовой Николаевской пустыни и Клименецкому Троицкому монастырю.

В 1884 г. на страницах солидного журнала, печатавшегося Московским Обществом истории и древностей российских, появляется обширная статья Е. В. Барсова об Андрусовой пустыни, находившейся на восточном побережье Ладожского озера[1]. Исследователь обобщил существовавшие в его время письменные документы по истории древнего монастыря и дополнил повествование народными рассказами о его основателе Адриане Ондрусовском, которые бытовали в крестьянской среде.

Говоря о создателе мужской обители, Е. В. Барсов не сомневается в том, что преподобный Адриан – это московский дворянин Андрей Завалишин, один из персонажей Жития Александра Свирского. Андрей будто бы был сослан царем Иваном III за какие-то провинности в родовое поместье, располагавшееся недалеко от уединенной кельи преподобного Александра. Во время охоты на оленя помещик нечаянно наткнулся на пристанище отшельника и после непродолжительного общения с ним принял решение уйти в монастырь. Надо сказать, Е. В. Барсов – не первый, кто высказал такую версию. Он заимствовал ее из исторического очерка, составленного игуменом Валаамского монастыря Дамаскиным (Кононовым) и опубликованного в 1856 г.[2]

Игумен Иродион, создавший Житие Александра Свирского при земной жизни преподобного Адриана Ондрусовского, трагического погибшего в 1550 г., не вставил в свой текст никаких

---

[1] *Барсов Е. В.* Андрей Завалишин и его пустынь // ЧОИДР. 1884. Кн. 4. С. 1–16.

[2] Ондрусова-Николаевская пустынь. Историко-статистический очерк. Составлен усердием настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина. В пользу пустыни. СПб., 1856.

сведений о монашеском постриге благочестивого охотника после его двух встреч с отшельником. Также он ничего не сообщает и о вступлении Андрея Завалишина в братскую общину Троицкого Александро-Свирского монастыря. Таким образом, Житие Александра Свирского, которое использует Е. В. Барсов вслед за игуменом Дамаскиным, не содержит прямых или косвенных указаний на то, что Андрей Завалишин и основатель Андрусовой пустыни – одно и то же историческое лицо. Когда именно в народном представлении они слились в единый образ, в настоящее время сказать сложно.

Е. В. Барсов сообщает о родовом поместье Андрея Завалишина в Кондушской волости[3] Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. В писцовых и переписных книгах второй половины XVI–XVII вв. остались сведения об этом поместье. Московские писцы Андрей Лихачев и Ляпун Добрынин в 1563 г. упоминают об Андрее Завалишине, жившем в Кондушах[4], но это явно противоречит общепринятой датировке мученической гибели преподобного Адриана Ондрусовского от рук местных крестьян в середине XVI в.

Поместье в Кондушах досталось трем родным братьям – Андрею, Василию и Богдану – от их родителя Никифора Завалишина. Его имя встречается в платёжной книге Ладожского наместничества и Оштинского стана 1555/1556 г.[5] Во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг. XV в. эти земли были пожалованы великим московским князем Иваном III Васильевичем (1462–1505 гг.) отцу Никифора, Ширяю Завалишину. В писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв. они именовались «Микифоровской волосткой» или «Никифоровским поместьем Завалишина».

По версии Т. П. Амелиной, «*из всех известных нам пока исторических лиц рода Завалишиных, с основателем Андрусовского монастыря можно было бы связать лишь Ширяя Завалишина*»[6]. Действительно, при сопоставлении Жития Александра Свирского и других источников нетрудно прийти к выводу, что только Ширяй мог встречаться с великим старцем в конце XV в. Биографических сведений об этом помещике осталось крайне мало[7]. Мы не знаем, каким было его крестильное имя, поэтому не можем с полной уверенностью отождествлять Ширяя с Андреем Завалишиным.

---

[3] В XIX в. в Кондушском приходе Олонецкого уезда была деревня Андреевщина.
[4] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930.
[5] Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. СПб., 1999. Т. 2. С. 48.
[6] *Амелина Т. П.* К вопросу об основании и основателях монастырей Прионежья и Онежско-Ладожского перешейка в XV–XVII вв. // Православие в Карелии: материалы 2-й международ. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 64.
[7] Ширяй Завалишин упоминается в документе начала XVI в. См.: *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 275–290.

Все известные в настоящее время скудные письменные сведения о преподобном Адриане Ондрусовском явно противоречат друг другу и не складываются в единую цельную картину. Отсутствие дополнительной информации не позволяет нам с полной уверенностью опровергнуть или подтвердить выраженную Е. В. Барсовым версию о том, что основателем Андрусовой пустыни был московский дворянин Андрей Завалишин, дважды упоминаемый в Житии Александра Свирского. Между тем в отечественной научной и краеведческой литературе по умолчанию принято считать, что преподобный Адриан Ондрусовский до монашеского пострига принадлежал к знатному московскому роду Завалишиных[8].

Чтобы восполнить недостаток письменных известий о трудах преподобного Адриана по устройству мужской обители, Е. В. Барсов приводит в примечании к основному тексту любопытные фольклорные материалы – записанные им карельские предания о раскаявшихся разбойниках-пиратах, обратившихся к Богу благодаря молитвам преподобного Адриана Ондрусовского. Однако автор не располагает новыми данными по истории Андрусовой пустыни во второй половине XVII – первой половине XVIII в. и только сообщает читателю, что она «*малоизвестна*»[9]. Ранее, в своем алфавитном указателе монастырей и пустыней Олонецкой епархии Е. В. Барсов категорично утверждал о пребывании мужской обители «*в развалинах и совершенном запустении с 1612 по 1782 год*»[10]. В настоящее время нам известны письменные источники, которые позволяют не согласиться с именитым ученым.

Благодаря обнаруженным в недавнее время в Архиве СПбИИ РАН документам мы знаем, что происходило в Андрусовой пустыни в последней четверти XVII в., как выглядел монастырь, кто в нем жил и молился, в каком состоянии находилось его хозяйство. В 1685 г. мужскую обитель посетили с ревизией четверо влиятельных в крае человек – настоятель Александро-Свирского монастыря игумен Гермоген, упоминавшийся выше протопоп Троицкого собора в Олонце Лев Иванов, олонецкий священник Григорий Павлов и новгородский подьячий Иван Викулов[11].

Сведения, отраженные в переписной книге 1685 г., говорят о том, что приладожский монастырь в то время крепко стоял на ногах, если не процветал. Святые храмы радовали глаз внешним и внутренним благолепием, монастырское хозяйство велось рачительно и житницы не пустовали. Несомненно, большая заслуга в этом принадлежала тогдашнему настоятелю Иосифу, который добросовестно управлял монастырем и опекал вверенную ему братию.

---

[8] *Герасим (Дьячков), иеродиакон, Соловьева И. Д.* Адриан Ондрусовский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 320.

[9] *Барсов Е. В.* Андрей Завалишин и его пустынь... С. 6.

[10] *Барсов Е. В.* Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упразднённых и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. Ч. 3. С. 3–29.

[11] *Чернякова И. А.* Андрусов монастырь на пороге Нового времени: К истории старообрядчества в Карелии // Ученые записки ПетрГУ. Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2008. № 4 (97). С. 15–30.

Хочется подчеркнуть, что для последующих поколений отечественных исследователей огромная заслуга Е. В. Барсова заключается в том, что в приложении к своей работе он опубликовал жалованную грамоту царя Василия Шуйского (1608 г.). Ее копия хранилась в монастырском архиве[12]. Современное местонахождение этого ценного документа нам неизвестно, поэтому благодаря именно этой публикации историки имеют прекрасный источник уникальной информации по истории Андрусовой пустыни во второй половине XVI – начале XVII в.

В 1871 г. выходит в свет труд Е. В. Барсова, посвященный Троицкому Клименецкому монастырю на Онежском озере[13]. Ученый воспользовался кратким житием Ионы Клименецкого, составленным не ранее XVIII в.[14] Красной нитью в книге проходит тема нескончаемых споров клименецких монахов и живших по соседству с ними крестьян Сенногубской и Кижской волостей из-за смежных земельных территорий и рыбных угодий. Исследователь уделяет много внимания именно земельным тяжбам, что легко объясняется составом источников, которые были в его распоряжении – в основном челобитные клименецких монахов (особенно часто они составлялись при строителе Иоасафе, управлявшем обителью в 1664–1675 гг.) с жалобами на крестьян. Обильные цитаты, приведенные Е. В. Барсовым, содержат много красочных подробностей об опустошении монастырских лесов и рыбных тоней, жестоких драках, убийстве скота. Тем не менее, исследователь справедливо отмечает, что, несмотря на враждебное отношение окрестных крестьян к монахам, подавляющая часть монастырских вкладчиков была родом из Сенной Губы и Кижей.

Е. В. Барсов сообщает о том, что по настойчивым просьбам клименецких монахов с 1639 г. царем Михаилом Федоровичем им выдается ружное содержание на 19 человек деньгами и хлебом. В действительности руга стала выдаваться в XVI в. Как сообщается в «записи о ружных церквах и монастырях», уже при игумене Мисаиле чернецы получали 5 рублей 29 алтын и 2 деньги[15]. Этот документ был опубликован в 1856 г., но по неизвестной причине не попал в поле зрения исследователя.

Увлеченно работая над книгой по истории Клименецкого монастыря, ученый провел большую изыскательскую деятельность. Он тщательно разбирал старинный архив обители с разрешения правящего олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова). Е. В. Барсов опубликовал наиболее ценные на его взгляд старинные бумаги – 15 царских грамот XVI – первой четверти

---

[12] *Барсов Е. В.* Андрей Завалишин и его пустынь... С. 17–19.

[13] *Барсов Е. В.* Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами. М., 1871.

[14] Житие Ионы Клименецкого опубликовано в кн.: *Пигин А. В.* Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. С. 214–218.

[15] Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI веке при Новгородском архиепископе Александре (1577–1589 гг.) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1856. Кн. 24. С. 36

XVIII вв. и 6 грамот новгородских митрополитов XVI в. Также он составил подробную опись всех документов монастырского архива, включая памяти и наказы воевод, росписи о приходах и доходах, челобитные, с кратким описанием их содержания. Опись сама по себе является важным историческим источником. Примечания Е. В. Барсова говорят о плохой сохранности многих грамот в середине XIX в.[16] Почти все эти документы бесследно исчезли. Лишь небольшая их часть отложилась в отдельном фонде Клименецкого монастыря (Ф. 69) в Архиве СПбИИ РАН и доступна современным исследователям. Вкладная книга Клименецкого монастыря ныне хранится в личном собрании Е. В. Барсова (Ф. 450) в ОПИ ГИМ (Москва).

Среди разрозненных бумаг, хранившихся в притворе монастырской Троицкой церкви, именитому археографу удалось также найти несколько уникальных документов по Яшезерской, Машезерской и Соломенской пустыням, которые во второй половине XVIII в. были приписаны на недолгий срок к Климецкому монастырю. Е. В. Барсов решил включить в книгу особые разделы о трех приписных обителях. Эти работы долгое время оставались единственными исследованиями по истории перечисленных монастырей.

Е. В. Барсов успешно использовал все доступные ему источники: привлекал сведения из древних рукописных синодиков, писцовой книги Ивана Долгорукова и Постника Ракова 1628–1631 гг., частично опубликованной в «Олонецких губернских ведомостях», консисторских дел, связанных с возрождением монастырской жизни на Клименце и Яше-озере во второй половине XIX в. Ссылался на «Историю Российской иерархии», а также документы, опубликованные к тому времени Императорской Археографической комиссией. Кроме того, Елпидифор Васильевич приводит услышанные от жителей вепсского края предания о преподобном Ионе Яшезерском.

Е. В. Барсов в совершенстве владел методами работы с источниками, скрупулезно разбирал старые документы, не пропуская даже самого маленького клочка бумаги. На страницах своих работ он приводит и анализирует старинные надписи на колоколах, антиминсах, алтарных крестах. Безусловно, успешному изучению истории монастырей способствовало то обстоятельство, что ученый пользовался поддержкой правящего архиерея Олонецкой епархии Аркадия и беспрепятственно допускался в архивы Олонецкого архиерейского дома, Клименецкого монастыря и Андрусовой пустыни.

[16] Опись древних письменных памятников, находящихся в Климецком монастыре и послуживших материалами для настоящего исследования // *Барсов Е. В.* Олонецкий монастырь Клименцы... С. 105–121.

Д. А. Любимова, ПетрГУ, студентка

Владимир Суслов и его «Путевые заметки о севере России и Норвегии»

С древнейших времён, наряду со строительством всевозможных многообразных каменных храмов и церквей, на Руси начали сооружать и деревянные памятники народной архитектуры, отличавшиеся особой композиционной планировкой и техникой построения. Изучению деревянные памятники зодчества подверглись сравнительно позднее, нежели каменные, что было отмечено Владимиром Васильевичем Сусловым – известным российским архитектором и реставратором, внёсшим незаменимый вклад в изучение и сохранение памятников деревянного зодчества.

Владимир Васильевич Суслов родился 13 июля 1857 года во Владимирской губернии (с. Палех) в крепостной семье. Его отец был крепостным крестьянином-живописцем, но, благодаря реформе 1861 года, ему посчастливилось открыть личную иконописную мастерскую в Москве, куда и перебралась семья Сусловых в дальнейшем[1].

Несмотря на переезд, большую часть времени в детстве В. Суслов проводил у родных в селе Палех, но уже в 13 лет он зачислился в училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. Владимир Суслов окончил училище с серебряной медалью и затем в 1878 году поступил в Академию художеств в Санкт-Петербурге[2].

Несомненным является тот факт, что именно в эти годы у Суслова начинают формироваться ключевые взгляды, которые определят вид его деятельности в будущем, ведь уже в годы обучения в Академии художеств, он работает у архитекторов – Шестакова С. И. и Резанова А. И., а именно помогает при строительстве церкви на набережной Калашникова. Занятия в Академии преподносились в рамках, отвечающих художественным направлениям того времени – в соответствии с эклектизмом[3]. Эклектика была чрезвычайно популярна во второй половине XIX века в Европе, эти тенденции распространились и на Россию. Такое направление подразумевает смешение разных идей, стилей и взглядов.

После окончания Академии он принимает решение о том, чтобы связать свою деятельность с изучением архитектуры.

В 1883 году последовало обращение В. Суслова в Совет Академии с просьбой предоставления разрешения на поездку с целью изучения памятников искусства. Кроме разрешения от Академии, полученного Сусловым, было предоставлено и небольшое количество

[1] Вехов Н. В. Архитектор Владимир Суслов // Архитектура и строительство Москвы. 2010. № 1. С. 26.
[2] Суслова А. В., Славина Т. А. Владимир Суслов. Л., 1978. С. 10.
[3] Там же. С. 10.

денег на поездку. И поэтому уже летом того же года архитектор отправился в самую первую поездку в Архангельскую и Вологодскую губернии с целью изучения памятников[4]. Владимир Суслов, несомненно, желал внести значительный вклад в развитие искусства России, о чём он сам неоднократно упоминал. Уже с самого начала поездок архитектор обратил внимание преимущественно на церковную деревянную архитектуру на севере России. В. Суслов полагал, что памятники деревянного зодчества хранят в себе олицетворение «народного гения»[5].

Поездки Владимира Суслова (1883-1887 гг.) охватили немалое количество территорий Южной, Центральной и Северной части России: архитектор побывал в Донской области, где изучал донские церкви и сравнивал их планировку с северными, Малороссии, Кубанской области, Костромской, Московской и Ярославской губерниях; на Русском Севере он исследовал памятники Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний. В. Суслов посетил также Норвегию и Швецию. В 1888 году, собрав значительное количество материалов, В. Суслов сделал краткий обзор результатов своих поездок в «Путевых заметках о севере России и Норвегии». Наибольший интерес из данных, собранных В. В. Сусловым, представляют фотографии памятников деревянного зодчества, запечатлённых на Русском Севере.

Для специальной деятельности В. Суслов запланировал поездку в отдельные пункты Олонецкой и Архангельской губерний, но выбрал путь в эти края через Норвегию и Швецию[6], так как желал познакомиться с искусством соседних стран – сравнить с северным искусством, получить полное представление об обоих и впоследствии определить степень взаимовлияния.

После изучения предметов народного творчества Швеции и Норвегии В. Суслов отправился в Архангельскую губернию, а вслед за тем и в Олонецкую. По «Путевым заметкам о севере России и Норвегии» можно проследить, по какому маршруту продвигался архитектор в Олонецкой губернии. Стоит отметить, что изначально академик посетил Каргопольский уезд, после которого отправился в г. Пудож и его окрестности, затем в Вытегорский уезд (Кондушский погост), далее побывал в некоторых поселениях Лодейнопольского уезда (Шаменский погост), в Александро-свирском монастыре и г. Олонце.

Во время поездки Владимир Суслов сделал снимки, увиденных им предметов народного мастерства, а также памятников каменного и деревянного зодчества. Он запечатлел не только деревянные и каменные церкви, но и множество других предметов: избы, звонницы, вышивные изображения, деревянные кресты и образа.

Г. Каргополь привлёк академика интересными памятниками древнего зодчества. В. В. Суслов пишет: «*В Каргопольских церквях чувствуется некоторый особый, местный оттенок*

---

[4] Славина Т. А. Исследователи русского зодчества: русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX века. Л., 1983. С. 105.
[5] Суслов В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества. Спб., 1889. С. 20.
[6] Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. Спб., 1888. С. 5-6.

архитектуры XVII ст.[7]». Суслов обозначил одну особенность каменного зодчества этого уезда – он заметил, что многие храмы сделаны из белого камня, но при этом другие церкви России того времени были построены из кирпича. Академик исследовал и деревянное зодчество уезда (снимки деревянных церквей и колокольни 1678 года в с. Бережно-Дубровском).

По тракту из г. Каргополя в г. Пудож В. Суслов сделал снимки деревянных церквей в с. Агафоновском, церкви в с. Красная-Ляга и деревянной церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Колодозерском погосте (XVIII в.).

Архитектор отмечает, что увидел в пути немалое количество старинных деревянных церквей XVII века, правда большинство из них сохранило лишь общую форму, а прочее было переделано[8]. Самым распространённым типом церквей того времени в Пудожском уезде явился шатровый тип (например, церковь на Колодозерском погосте). Как замечает В. Суслов, колокольни уезда в большинстве своём состоят из единственного восьмигранного сруба, на котором располагается навес (звонница), завершенный высокой крышей шатровой формы[9].

Однако Владимир Суслов обратил внимание не только на церкви Олонецкой губернии, но и на местное жилище (избы). В Пудожском уезде архитектор встретил «рудные» и «чёрные» избы, а в Каргопольском уезде запечатлел «двужирную избу» (состоит из двух этажей) в с. Гавриловском. В «Путевых заметках…» подробно описывается внешний вид и основные составляющие местных жилищных построек конца XIX века.

Типичная изба того времени состояла из длинного сруба, который разделялся на «дворище» и жилое помещение, покрытые двух-скатной крышей. Существовал «подклет», который отводился для мелкого скота и кладовых. В домах больших семей – «двужирных» избах строился особый балкон – «галдарейка»[10].

Деревянные церкви, увиденные в г. Олонце, не так сильно заинтересовали архитектора, поскольку уже были переделаны.

Подробно В. Суслов описывает церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, построенную в 1677 году и находящуюся на Шаменском погосте Лодейнопольского уезда. Церковь состоит из восьмиугольной колокольни, лавочек, притвора (большого помещения), откуда люди могут попасть в саму церковь и трапезную. Архитектор делает предположение, что подобный характер церквей распространён по всей западной части Олонецкой губернии[11].

После неглубокого разбора древних церквей Русского Севера Владимир Суслов приходит к выводу о том, что «*искусство…Северного края возрастало среди чисто-русской народной*

[7] Там же. С. 62.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 63.
[11] Там же. С. 65.

жизни»[12], что оно возникло вместе с христианской общинной жизнью, но развивалось своими собственными силами на протяжении долгих лет.

Также академик концентрирует внимание на основных проблемах искусства своей эпохи: он считает, что в искусстве начинают появляться новые (пришлые) формы, которые, по его мнению, не понятны для народа. Владимир Суслов пишет о постепенной утрате исконных традиций, о переходе к «*варварскому искажению западных форм*»[13].

В. Суслов выделяет весомое место исследованию памятников деревянного зодчества, полагает, что при углублённом изучении возможно совершенствование искусства родной страны.

Благодаря поездке, архитектор собрал значительный багаж материалов, связанных с памятниками и Олонецкой губернии, и всего Русского Севера.Сведения, собранные Сусловым, были опубликованы не только в «Путевых заметках о севере России и Норвегии», но также и в других произведениях: Истории русского искусства И. Грабаря[14], ещё одной книге В. В. Суслова под названием «Очерки по истории древнерусского зодчества»[15] и т. д. В 1911 году академиком был выпущен альбом, связанный с архитектурной фантазией и включающий более ста рисунков и акварелей[16].

Владимир Суслов затронул важную проблему, связанную с сохранением архитектурного наследия России. Данный вопрос является актуальным в историко-культурном русле и в настоящее время – период, когда важно сохранять культурную идентичность среди процессов глобализации.

Список использованных источников и литературы:

Источники:

1) Грабарь И. История русского искусства в 6 т. Т. 1: Архитектура. До-Петровская эпоха. М., 1910. 508 с.

2) Суслов В. В. Жемчужины русского зодчества по преданиям старины. М., 2003. 57 с.

3) Суслов В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества. Спб., 1889. 124 с.

4) Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. Спб., 1888. 72 с.

Литература:

[12]Там же. С. 66.
[13]Там же. С. 67.
[14] Грабарь И. История русского искусства в 6 т. Т. 1: Архитектура. До-Петровская эпоха. М., 1910. 508 с.
[15] Суслов В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества. Спб., 1889. 124 с.
[16] Суслов В. В. Жемчужины русского зодчества по преданиям старины. М., 2003. С. 4.

1) Вехов Н. В. Архитектор Владимир Суслов // Архитектура и строительство Москвы. 2010. № 1. С. 26-31.

2) Славина Т. А. Исследователи русского зодчества: русская историко-архитектурная наука XVIII– начала XX века. Л., 1983. 190 с.

3) Суслова А. В., Славина Т. А. Владимир Суслов. Л., 1978. 88 с.

Л. И. Иванова

Григорий Харитонович Богданов – общественно-политический деятель и первый северно-карельский собиратель и исследователь народной культуры и языка[1]

Имя Григория Харитоновича Богданова практически неизвестно даже в кругу краеведов. Между тем, этот человек, проживший совсем короткую, но очень яркую и трагическую жизнь, достоин того, чтобы его знали и помнили. Он был уроженцем северной Карелии, первым из земляков начал собирать карельский фольклор и исследовать родную культуру. В качестве параллели в культурологическом плане можно привести не менее значимое имя южного карела Николая Феофилактовича Лескова, статьи которого публиковались в «Живой старине» в конце XIX-го века. Но, в отличие от него, Григорий Харитонович Богданов внес заметный вклад и в общественно-политическую жизнь Карелии. Он стоял у истоков не только образования нашей республики и ее правительственных органов, но и становления карельской гуманитарной науки и журналистики. Ю.Ю. Сурхаско назвал его первым карельским этнографом[2]. А. С. Степанова и Н. А. Лавонен – первым фольклористом. Его имя и краткая биография есть в сборнике, посвященном историкам СПбГУ[3]. Его перу принадлежат уникальные, самые первые записи как северно-, так и южно-карельского фольклора, сделанные в двадцатые годы прошлого века и хранящиеся в рукописном фонде Научного архива КарНЦ РАН.

У истории, конечно же, нет сослагательного наклонения, но судя по биографии, немногочисленным опубликованным научным работам и собранным им фольклорно-этнографическим материалам, Григорий Харитонович мог сделать блестящую карьеру не только в карельской, но и в российской науке или политике. И не смотря на это, его жизнь до сих пор является практически неизвестной страницей в историографии Научного архива КарНЦ РАН и в целом истории Карелии.

Когда я начинала готовить статью, сведений о биографии Г. Х. Богданова было немного, их приходится собирать по крупицам, подчас они противоречили друг другу. Не были известны ни место, ни дата, ни причины смерти. Некоторые загадки остались неразгаданными и сегодня.

---

[1] Доклад и статья подготовлены в рамках плановой темы: «Фольклорные традиции и рукописная книжность Карелии в общерусском и финно-угорском контекстах». № 0225-2014-0016.

[2] Сурхаско Ю. Ю. Козичендашаува – жезл колдуна на карельской свадьбе // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 28. Из культурного наследия России. Л., 1972. С. 201.

[3] Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII-XXвв. СПб., 2012. Электронный ресурс: bioslovhist. history.spb.ru

В Научном архиве КарНЦ РАН хранятся фольклорные материалы, собранные Ристо Богдановым в Южной и, в основном, Северной Карелии в конце двадцатых годов XX-го века. Здесь же находятся рукописные подлинники его статей, немногочисленные дневниковые записи, посвященные фольклорно-этнографическим экспедициям[4], а также автобиография[5]. Кое-что удалось обнаружить в документах Архива РАН[6]. В статьях и книгах некоторых земляков и исследователей встречаются упоминания о Григории Харитоновиче. Весной 2017 года удалось найти его родственников в Финляндии (внучатый племянник Симо Каннелсуу) и в г. Апатиты (правнук Ю. В. Иванов), которые прислали неизвестные до этого архивные документы и биографические сведения.

В 1963 году известный карельский писатель Н. М. Яккола, который был лично знаком с Богдановым, в журнале «На рубеже» опубликовал небольшую статью об Ухтинской республике и партизанской деятельности совсем молодого Ристо[7]. В 1987 году Дарья Шахтарина, правнучка знаменитого рунопевца Онтрея Малинена, в статье, посвященной одному из центров рунопения, деревне Войнице, вспомнила и о земляке, успевшем за свою короткую жизнь многое сделать для родной Карелии[8]. А. Афиногенов на сайте, посвященном Войнице, также разместил имеющуюся у него информацию[9]. Весь этот материал использовался при написании статьи.

Григорий Харитонович Богданов родился (по старому стилю) 1 декабря 1900 года в д. Войница (в Теппанниеми) Ухтинского (ныне Калевальского) района Вокнаволокской волости Кемского уезда. Эта официальная дата фигурирует во всех документах. Но как стало известно, реальной датой рождения является 12 апреля 1901 года. Вот как пишет правнук о причине смены даты: «Как следует из дневника моей бабушки, он родился 1 декабря 1900 года. К сожалению, причина неизвестна, но факт изменения даты его рождения был. Я помню, что бабушка мне говорила об этом факте, но причины она сама не знала».

Земляки звали его Хариттананан Рийко или Ристо. В Теппанниеми на Лонккалан Тёрмя стояла небольшая избушка Харитона Богданова, рядом были дома двух братьев, а напротив, на холме, располагалась церковь. Д. Шахтарина пишет, что в конце восьмидесятых годов от избы, в которой жил Григорий, «осталась лишь замшелая груда печных камней, вокруг которой росла трава, красивые березы и сосны»[10].

Символично, что теперь совсем рядом, на том месте, где в своё время была изба Ваасилы Киелевяйнена, стоит памятный знак «Камень Ваасилы Vaasilan kivi», посвященный северно-карельским рунопевцам (автор М. Айха). Памятник установлен 18 сентября 1995 года Карельским Просветительским обществом (Karjalan Sivistysseura) в сотрудничестве с обществом "Калевалы" (Kalevalaseura).

Нам удалось получить из Финляндии генеалогическое древо семьи Богдановых. Как следует из него, Ристо происходил из старинного рода карельских рунопевцев Карьялайненых-Киелевяйненых. Его прапрадед Филипп, 1785 года рождения, и его брат Мартын, 1783 года рождения, известный как Martiska из Lonkki, были знаменитыми исполнителями и сочинителями эпических песен. Как пишет А. Р. Ниеми, их по всей северной Карелии знали как «лучших певцов»[11]. От них записывали руны и Э. Леннрот, и А. Борениус, и другие финские собиратели. Их отец переселился из Хухмарнаволока (Куусамо) в Войницу, где и женился. Но, не поладив с односельчанами, он основал деревушку Лонкка, которая получила свое название по его большой лошади. Сыновья Мартына, Максим и Степан, а также его дочь тоже знали и

[4] НА КарНЦ РАН. Фонд 1, опись 2, коллекции 1, 11, 50, 91, 154.
[5] НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1-2.
[6] Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225
[7] Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 98-101.
[8] Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987. №1. С. 92-107; Электронный ресурс: http://www.voinitsa.ru/pages/art7.aspx.
[9] Электронный ресурс: voinitsa.ru / войница.рф, 2014
[10] Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987, № 1. С. 92.
[11] Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki, 1921. S. 1136. О Мартыне есть информация и в книге Lotte Tarkka “Rajarahvahan laulu”.

эпические песни, и заклинания. Записи от всех них хранятся в Фольклорном архиве Финского литературного общества (SKS) и опубликованы в многотомном собрании эпической поэзии «Старые руны финского народа» (SKVR).

У деда Григория Луки была трагическая судьба. Он коробейничал, и в мае 1885 года по пути в Финляндию был ограблен и убит рядом с Viitasaari, у водопада Huopankoski. Сейчас на месте его гибели стоит памятный крест, поставленный родственниками.

Отец Ристо Харитон Лукич Богданов родился в 1865 году. В тридцать пять лет он женился на восемнадцатилетней Агафье Андронникой, происходившей из известного рунопевческого рода Киелевяйненых. От ее деда Ваасилы Киелевяйнена тоже записывал руны Э. Леннрот.

Семья была бедной, с четырьмя детьми: старший сын Рийко и трое младших: Михаил, Семен и Арсений. Мать умерла молодой во время родов, когда Григорию было 13 лет. Новорожденная девочка Анни тоже вскоре умерла. Отец женился второй раз на Матрене Никитиной из рода Леттиевых, которая была на 11 лет старше его. Жизнь была очень тяжелая, голодная.

По воспоминаниям односельчан, Ристо с большим желанием учился в деревенской школе, очень много читал, что тогда встречалось нечасто в карельской глубинке. Вот как вспоминает это Ольга Лехтинен: «Да, этот Хаританнан Рийко был умным и смелым. Он никак не хотел подчиняться палочной дисциплине учителей. Чтение и правописание он учил жадно, но молитвы батюшки не воспринимал. И удивительно, что он уже тогда мог рассказать нам о значении свержения царской власти, о чём мы вообще ничего не знали. Откуда он мог знать такие политические вещи? Наверняка вычитал из книг, он ведь всегда ходил с книгой под мышкой. А книги он, вероятно, принёс со стороны Мурманки»[12].

Как следует из автобиографии, написанной 16 сентября 1929 года, Ристо после окончания народной школы «малолетним попал в Финляндию, где окончил высшее народное училище»[13].

С 1914 по 1919 года Ристо вместе с младшим братом батрачили у зажиточных односельчан, работали на лесозаводах и строительстве Мурманской железной дороги, пилили шпалы и дрова. Ристо успел поработать и чернорабочим, и грузчиком, и кочегаром, и машинистом. Именно работая на железной дороге, Ристо увлекся идеями большевиков. Он, как сам пишет в автобиографии, участвовал в двух забастовках, после которых его увольняли с работы[14].

В первые послереволюционные годы обстановка на севере Карелии была очень сложной. Власть менялась иногда дважды в год, новости из Финляндии сюда доходили быстрее, чем российские.

Зимой 1919-1920 годов жаждущий знаний Ристо Богданов учится на краткосрочных курсах Финской учительской семинарии, организованных Ухтинским правительством[15]. Но он не был согласен с идеологией профинского национализма. Поэтому весной 1920 года, когда стали подходить войска Красной армии и курсантов вооружили, он сбежал из семинарии в родную Войницу, собрал мужиков и организовал партизанский отряд. Партизанские отряды под командованием Г. Богданова и Г. Лежеева «начали сами освобождать приграничные волости от отрядов самообороны Ухтинского правительства»[16]. Об этом пишет не только Н. Яккола и Я. А. Балагуров[17], но и сам Григорий Христофорович в одной из своих статей: «Когда в конце апреля красные военные части (6-ой финский полк) продвинулись на Ухту, то крестьянство Вокнаволокской волости деревень Войницы, Суднозеро, Ладвозеро и Каменное Озеро сорганизовалось в тылу у войск "Ухтинского правительства" в Красные партизанские отряды под руководством Лежеева Григория и Богданова Г. Х.»[18]. Примечательно, что про Григория

---

[12] Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987. № 1. С. 92.
[13] Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225.;
НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.
[14] НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.
[15] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.
[16] История Карелии. С древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 425.
[17] Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 128.
[18] Богданов Г. Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда. (Годы 1918-1921) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10-11. С. 11.

Лежеева Ристо здесь же делает примечание, которое ярко характеризует и его самого: «тоже собирал фольклор, т.е. привлекали к работе по идейной составляющей в том числе»[19]. Это было весьма показательно для тех лет.

Вместе с Ристо встал на защиту октябрьских завоеваний и его младший брат Мийхкали. В июне партизаны своими активными действиями способствовали освобождению Вокнаволока 6-м финским полком Красной армии и изгнанию отрядов Ухтинского правительства в Тихтозерскую волость.

Позже, по сведениям родственников, Мийхкали принял участие в восстании лесных партизан и погиб 5 февраля 1922 года под Понкалахти. Партизаны устали и уже отдыхали, когда их настигли красные курсанты-лыжники из отряда Т. Антикайнена. Михаил был застрелен во время попытки скрыться через окно.

В тот же день 5 февраля Харитон с двумя братьями, с женой и двумя младшими сыновьями Семеном и Арсением из Войницы через Лонкку бежали в Финляндию. На родину они уже не вернулись. Харитон с семьей поселился в Soini, занимался торговлей в разнос и мелким земледелием.

Участвуя в изгнании вторгшихся в Беломорскую Карелию добровольческих финских отрядов, командир партизанского отряда Ристо Богданов (по некоторым сведениям под его командованием находилось около 40 человек) в конце июля под Хирвисалми был тяжело ранен и отправлен в Петрозаводск на лечение[20]. В своей статье Н. Яккола вспоминает Григория очень молодым «темноволосым круглолицым юношей», который с маузером наперевес во главе партизан врывается в деревню Кивиярви[21].

Как сообщил Ю. В. Иванов, правнук Григория, за успехи в боевых действиях он был награжден золотыми часами. Часы, к сожалению, не сохранились, во время Отечественной войны были обменяны на продукты. Но в семье хранится наградной лист Григория Харитоновича. В грамоте на русском и финском языках написано: «Дорогой товарищ Богданов Г. Х. В годы борьбы трудящихся Карелии с белобандитами, пытавшимися задушить молодую советскую республику, Вы, будучи активным участником красных партизанских отрядов, оказали существенную услугу власти Советов и во многом способствовали ее победе над агентами мировой буржуазии. В пылу пожарищ, овеянный порохом в жесточайших битвах с белогвардейцами и насильниками-интервентами, Вы стойко боролись за право автономной советской Карелии, за великое дело пролетарской революции. Ваша работа вписана блестящей страницей в историю великих классовых битв за национальное освобождение трудящихся Карелии от посягательств буржуазных наймитов. В ознаменование Ваших заслуг Карельский Центральный Комитет Советов в день десятилетнего существования автономии Карелии награждает Вас часами». Подписана грамота была в Петрозаводске 4 августа 1930 года председателем и секретарем ЦИК КАССР.

Об этом времени большую статью «Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда» написал и сам Г. Х. Богданов. В 1927 году она была опубликована в журнале «Карело-Мурманский край». Безусловно, в статье есть некоторые исторические неточности, она написана в духе того непростого времени. Как пишет А. Афиногенов, это статья «сложной судьбы… в своё время статья Богданова была сочтена «недостаточно советской», тогда как сегодня она кажется «избыточно советской»[22]. Прочитаем ее заключительный абзац, ярко отражающий идеологию тех лет. Обратим внимание, в первую очередь, на то, что Григорий Харитонович выступает как патриот Карелии и родного народа: «Трудовое крестьянство Ухтинского уезда прошло суровую политическую школу: оно являлось орудием в руках

[19] См. про дневники Г. И. Лежеева в статье: Иванова Л.И. Архивная коллекция записей экспедиции 1956 года в Северную Карелию (по материалам прибалтийско-финского фольклорного фонда Научного архива КарНЦ РАН) // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Материалы VI научно-практического семинара. Петрозаводск, 27-28 марта 2013 г. Петрозаводск, 2013. С. 46-57.

[20] Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 100; Афиногенов А. Ристо Богданов и его статья // Электронный ресурс: voinitsa.ru / войница.рф, 2014.

[21] Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 98-101.

[22] Афиногенов А. Ристо Богданов и его статья // Электронный ресурс: voinitsa.ru / войница.рф, 2014.

различных империалистических акул, оно вело борьбу против собственной карельской буржуазии. В этой школе оно поняло, что только в тесном союзе с трудящимися СССР можно поднять своё хозяйство, можно улучшить свою жизнь. И пусть не думают финские империалисты напасть больше на Карелию, карельские труженики все, как один, уже давно на своих собраниях и съездах сказали: "Руки прочь от Советской Карелии!"»[23].

Молодой стране Советов были необходимы такие горячие, убежденные и умные защитники революционных завоеваний. Именно благодаря этому сочетанию коммунистических убеждений, природной одаренности и образованности, знанию финского и карельского языков перед Григорием Харитоновичем Богдановым открылась, как тогда говорили, «широкая дорога в светлое будущее».

Вот как описывает еще одну встречу с Ристо Н. Яккола: «Спустя три или четыре месяца мне тоже представилась возможность побывать в Петрозаводске, где я снова увидел Ристо Богданова. Вокнаволокский волостной исполком командировал меня на учительские курсы. Однажды в двухэтажное здание бывшей духовной семинарии, где готовились первые учительские кадры Советской Карелии, пришёл секретарь Карельского обкома комсомола Черных. С ним был Ристо Богданов. Они созвали собрание, и Ристо произнёс перед нами на финском языке речь. После этого началась запись в комсомол. Выстроилась целая очередь, ибо почти все выразили желание вступить в комсомол. Это было 12 декабря 1920 года»[24]. В 1920 году стал комсомольцем и Григорий.

В начале 1921 года (по другим данным – уже в 1920 году) Г. Х. Богданов (как организатор партизанского отряда, сформированного во время Гражданской войны из крестьян Вокнаволоцкой и Тихтозерской волостей) был избран в ревком Карельской трудовой Коммуны от карельских волостей Кемского уезда. В высшем органе власти недавно образованной Карельской трудовой коммуны он работал до Первого Всекарельского съезда Советов[25].

В Петрозаводске в 1922 году Ристо вступил в Коммунистическую партию (ВКП(б), билет № 0957793)[26].

После этого Григория по личной просьбе отправляют в Москву на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока[27], лекторский курс которого окончил в 1924 году[28]. Во время летних каникул он «привлекался на партийную и советскую работу как член Ухтинского Уездревкома»[29]. Также в этот период он занимался организацией школ на севере Карелии, руководил отделом народного образования Ухтинского уезда[30].

В начале двадцатых годов предпринимались первые шаги по организации литературного процесса в Карелии. Начинают работать первые литературные кружки. Ристо так же входил в один из них (его организовал в Ухте Арви Нумми) и участвовал в выпуске рукописного журнала “Nuori raataja” («Молодой труженик»)[31].

---

[23] Богданов Г. Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда. (Годы 1918-1921) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10-11. С. 7-13.

[24] Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 100.

[25] История Карелии. С древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 432; НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

[26] Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 100; Сведения от родственников.

[27] Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина (КУТВ) действовал в 1921–1938 годах. Это было учебное заведение Коминтерна, созданное при Наркомпросе РСФСР и предназначенное для подготовки партийной номенклатуры в советских национальных республиках и для идеологической подготовки иностранных студентов из стран Азии. КУТВ был в большей степени партийным, чем научным учебным заведением. Студенты КУТВ проходили военное обучение в летних лагерях. Многие сотрудники и студенты КУТВ подверглись репрессиям в 30-е годы.

[28] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

[29] Балагуров Я.А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 128; Курочкин М. И, Реттиев В. М. Калевала. Города и районы Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 62.

[30] Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

[31] Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск, 1969. С. 65.

После окончания Коммунистического университета Г. Х. Богданов вернулся в Карелию. Он преподавал в Школе II-ой ступени, Совпартшколе. В 1924-1925 годах был редактором газеты “Punainen Karjala”, затем до 1927 года – заведующим орготделом Укома ВКП(б) и Уполномоченным Областной контрольной комиссии, то есть совмещал партийную и педагогическую деятельность[32].

Двадцатые годы были временем ожесточенных дискуссий и разногласий как в политической, так и в культурной жизни Карелии. Григорий Харитонович не оставался в стороне от них. Он принимал участие в создании первой писательской организации в Карелии – Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП)[33]. 8 июля 1926 года на организационном собрании петрозаводских литераторов был обсужден и принят ее устав, что положило начало «широкому развитию литературного движения в республике»[34]. В КАПП первоначально входило только 14 членов, в том числе Ристо Богданов. Богданов рассматривал создание КАПП как одно из звеньев, связующих устное народное творчество с будущим литературным рассветом, в наступлении которого он не сомневался[35].

Впоследствии Г. Х. Богданов, по всей видимости, сам сознательно предпочел научную карьеру политической, хотя и в дальнейшем много занимался общественной работой и никогда не забывал о родной Карелии.

В конце двадцатых годов в Петрозаводске Григорий на одном из концертов знакомится с молодой девушкой, певшей в хоре, Надеждой Николаевной Мартыновой. Она родилась в г. Выборг. Как пишет правнук, «она окончила гимназию и еще какое-то учебное заведение в Санкт-Петербурге для мещанских детей. В результате преподавала в различных учебных заведениях русский и финский языки».

Стремление к новым знаниям и научной работе у Григория все возрастало. Как он сам пишет в автобиографии: «Фольклором и родным языком начал интересоваться уже в 1916 году, тогда мною было собрано довольно большое количество фольклорных материалов, которые во время бандитизма пропали. Но, не имея специальной школы и соответствующих условий для работы, не имел возможности что-либо сделать до тех пор, пока в 1927 году не поступил в Северо-Западную этнологическую экспедицию Академии Наук СССР. После чего я был оставлен при КИПСе Академии Наук СССР практикантом»[36]. Таким образом, в апреле 1927 года Г. Богданов становится практикантом Русско-финской секции КИПС АН СССР (Комиссия по изучению племенного состава СССР).

Вскоре Григорий Харитонович женится на Надежде, и они переезжают в Санкт-Петербург. В 1928 году у них родилась дочь, которую отец назвал Эльгой. Как пишет мне правнук, Эльга очень гордилась отцом и «рассказывала о нем очень восторженно».

С 1928 года он является ассистентом ЛГУ и читает там курс лекций по карельскому и финскому языкам, а в Педагогическом институте им. Герцена - по финно-угорскому фольклору.

В течение 1927-1928 годов он участвует в трех Северо-западных этнологических экспедициях, предпринятых русско-финской секцией КИПС. Их основной целью было исследование современного состояния материальной и духовной культуры северной Карелии. Сохранилось одно из удостоверений под № 3894, которое было выдано 30 мая 1929 года. В нем написано: «Предъявитель сего практикант Комиссии по изучению племенного состава населения СССР АН Григорий Харитонович Богданов командирован Академией наук СССР в Карельскую АССР для участия в работе Карельской экспедиции с 1 июня по 15 июля сего года. Академия Наук СССР просит все правительственные, государственные и ученые учреждения, а также должностных и частных лиц не отказать Богданову Г. Х. в содействии как в пути

[32] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.
[33] Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.
[34] Летопись литературной жизни Карелии (1917-1961) / Сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963. С. 42.
[35] Bogdanov G. Uuden uran uurtajille // Punakantele. 1928. N 1. S. 2; Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 45.
[36] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

следования, так и при исполнении возложенного на него Академией научного поручения». Как покажет практика, экспедиционные выезды проходили в нелегких условиях: не хватало денег, не всегда представители государственных органов шли навстречу, порой считая эту работу маловажной.

Но на деле в эти годы была проделана огромная работа. Это можно представить на примере одной из экспедиций. В марте-апреле 1928 года Олангский отряд, в который входили научные сотрудники Л. Л. Капица, Г. Х. Богданов и фотограф-кинооператор С. П. Иванов, на лошадях и оленях проехал по маршруту: Кестеньга - Оланга – Вартиолампи Рувозеро – Вартиолампи – Зашеек – Кундозеро – Хирвинаволок – Княжая Губа. Богданов отвечал за сбор фольклорного и лингвистического материала, а также сведений по молодежному быту и досугу. Иванов сделал 160 фотографий и снял 400 метров кинофильма. Научное руководство и режиссуру осуществлял Л. Л. Капица[37]. В этой экспедиции, как пишет сам Г. Х Богданов, он записал два заговора (от укуса змеи и от ранения железом), лиро-эпическую песню на сюжет «Сваты (женихи) из-за моря» и другой фольклорный материал[38].

Ристо родился в сокровищнице карельских рун, в детстве он застал последнюю стадию активного бытования традиционных фольклорных жанров, когда они еще служили не для развлечения публики, а были неотъемлемой частью повседневной бытовой жизни карелов. Поэтому интерес к фольклору и родному языку был у него неслучаен. Он был первым местным жителем северной Карелии, который начал сперва по собственному почину, а затем под руководством известных ученых (в первую очередь, профессора Д. А. Золотарева) собирать и исследовать фольклор родного народа. Основной фольклорно-этнографический материал он записал на севере Карелии, но одна поездка состоялась и в Пряжинский район (д. Святозеро). Тексты, собранные им, уникальны. Это не только эпические песни и сказки, жанры вызывавшие основной интерес как у собирателей, так и у исследователей. Он первым из карельских собирателей записал детский фольклор, около двадцати обрядовых (свадебных и похоронных) плачей, заговоры. Те причитания, которые записал Григорий Харитонович «ценны для нас как первые, самые ранние записи. Некоторые из них, например, свадебные плачи брату и патьвашке в позднейших записях по этому ареалу уже не встречаются[39]. Поездки Г. Х. Богданова были своего рода разведкой, давшей хорошие результаты, позволившей выявить состояние и формы бытования народной поэзии в крае[40]. Ему принадлежат самые ранние и подробные записи свадебного обряда Ухтинской Карелии. Богданов первый из отечественных ученых записал ёйги, бытовавшие только на севере Карелии, и начал готовить статью об этом уникальном жанре. В Пряжинском районе (Святозеро) он собрал прекрасную коллекцию частушек, а позднее первый написал интереснейшую статью о них, но не успел опубликовать ее. Он единственный, кто в эти годы обратился к жанру мифологической прозы и записал около двадцати быличек. Эти сюжеты сами по себе бесценны и некоторые из них нигде больше не будут записаны. Этот жанр не будет никого интересовать вплоть до семидесятых годов, поэтому его коллекция несказочной прозы оставалась единственной в Научном архиве КарНЦ РАН на протяжении почти полувека. Г. Х. Богданова очень интересовала именно заклинательная поэзия и различные верования, что было нетипично для собирателей и исследователей того времени. Он не только как знаток фольклорной традиции, но и человек, выросший в творческой атмосфере, впитавший с молоком матери традиционную ментальность, понимал, что карельские верования, обряды и представления – это основа народной жизни, квинтэссенция народного мировосприятия.

В книге K. Paajaste “Vuokkiniemen historia” на странице 176 есть фотография, на которой изображен Ристо Богданов, записывающий Кузьму Ахо в Ладвозере в 1927 году.

---

[37] Песенный фольклор кестеньгских карел / Издание подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 15; Карело-Мурманский край. 1928. № 6. С. 28; Экономика и статистика Карелии. 1928. № 1. С. 132-133.
[38] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 1.
[39] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 1, ед. хр. 37а, 38с.
[40] Карельские причитания / Издание подг. А.С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976. С. 9.

Полевые материалы, фольклорные и этнографические, собранные Ристо Богдановым, частично еще при жизни публиковались в научных сборниках[41], «Трудах КИПС», журналах («Карело-Мурманский край», “Punakantele”) и газетах («Punaine Karjala»). В 1928 году был издан «Список населенных мест КАССР». Для этого издания Г. Х. Богданов сначала собирал материал вместе с другими учеными, а затем транскрибировал топонимы и составлял фонетические замечания к ним[42]. Позже сотрудники Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН постоянно обращались к собранному Григорием Харитоновичем материалу и публиковали его в сборниках эпических и лирических песен, причитаний, ёйг, частушек и мифологической прозы[43].

Многие образцы текстов во время подготовки к публикации им самим были переведены. То, что это перевод самого Богданова доказывает, например, лист 57 из коллекции 11, на котором и подлинник и перевод записаны не только схожим почерком, но и одинаковыми чернилами. Но как он сам пишет в автобиографии, «эти материалы полностью не обработаны. Только незначительная часть их появилась в печати»[44].

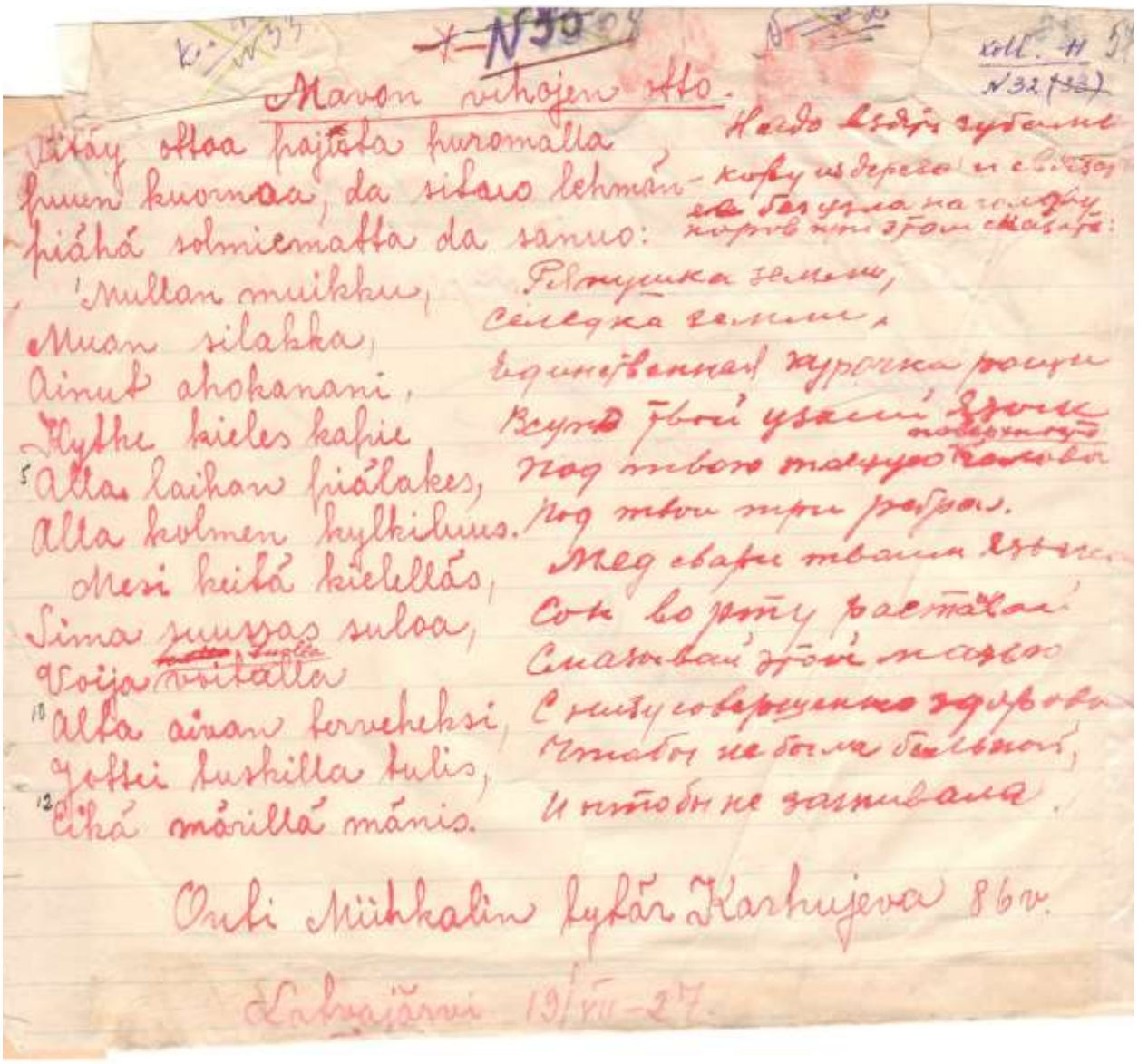
---

[41] Богданов Г. Х. Свадьба Ухтинской Карелии // Карельский сборник. Л., 1929, с. 36-64; Богданов Г.Х. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии: по материалам Северо-Западной этнологической экспедиции Академии Наук // Карельский сборник. Л., 1929. С. 65 – 106; Капица Л., Богданов Г. Забытая могила (памяти народного певца-сказителя Михаила Архиповича Пертуева) // "Карело-Мурманский край", 1927. № 9. С. 24 – 26; и другие статьи.

[42] Список населённых мест Карельской АССР (по материалам Переписи 1926 года) / Karjalan A.S.N.T:n asuttujen paikkojen luettelo. (Vuoden 1926 väenlaskun ainehiston mukaan). Петрозаводск, Издательство Статистического Управления, 1928. 160 с.

[43] Карелиан эпическойт паёт / Составления и литературной обработка И. В. Пажлакован. Общой редакция В. С. Королеван. Петрозаводска, 1939. С. 37-48, 79-81.; Сампо. Сборник эпического фольклора / Ст., перевод и комм. В. Евсеева. Ред. Ф. Егорова. Петрозаводск, 1949. С. 8-11; Карело-финские эпические песни / Под ред. академика Ю. М. Соколова. Петрозаводск, 1941. С. 30-40, 64-74; Karjalan Kansan runot. I. Kalevalanaiheiset kertovaiset runot / Kokoonpannut. V. Evseev. Tallin: Eesti Raamat. 1980. S. 27-48; Karjalan Kansan runot. II. Muite kertovaisia runoja / Kokoonpannut. V. Evseev. Tallin: Eesti Raamat. 1980. S. 5-13; Карельское народное поэтическое творчество // Подг. и перевод текстов В. Я. Евсеева. Отв.ред. В. М. Сидельников. Л., 1981. С. 20-22, 103-104, 158, 178. Карело-финский народный эпос. Кн. 2. / Сост. и вст. ст., перевод, прим В. Я. Евсеева. Отв. ред. тома У. Б. Далгат. М., 1994. С.34-35, 53-55, 72, 158-159; Карельские причитания / Издание подг. А.С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976. С. 80-82; Карельские ейги / Изд. подгот.: Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск, 1993; Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М., 2012.

[44] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.



Следует отметить наличие, чаще всего, полной паспортизации записанного Г. Х. Богдановым материала: указано место записи, дата, имя и возраст исполнителя. Это встречается далеко не у всех собирателей.

В конце автобиографии в 1929 году Григорий Харитонович пишет: «Получил от Финского литературного Общества награду за высланный ему Академией сборник собранных мною рун. Остальные материалы находятся отчасти в рукописях, отчасти напечатаны в разное время в журналах и газетах… Языковые материалы отчасти использованы в моей работе по транскрибированию списка населенных мест Карелии и при составлении фонетических замечаний к нему»[45]. Что это был за «сборник рун», где он сейчас? Что за награду получил Григорий Харитонович? Ответов на эти вопросы у нас пока нет. Но известно, что в Фольклорном архиве Финского Литературного общества (SKS) хранятся материалы, собранные им, а также его письма К. Крону.

Г. Х. Богданов не только пешком обошел многие деревни северной Карелии, записал от жителей уникальные образцы фольклора. Он проводил собрания и умело объяснял неграмотным крестьянам, не знающим русского языка, политику Коммунистической партии, проводил беседы о международном положении, что было актуально в те годы. Ристо не забывал и родную Войницу. Последний раз он побывал в ней летом 1928 года. Вот как об этом вспоминал Сийри Малинен: «В нашей деревне всё больше говорили о получившем образование войничанине Ристо Богданове и гордились им. И теперь этому человеку удалось вырваться к нам домой! Видный, немного кудрявый темноволосый тридцатилетний мужчина. Он говорил с отцом и мачехой, записал от них много рун и преданий. Потому что мои родители, видишь ли, были сочинителями рун. Гость так увлёкся, что остался на ночь. На следующий день Ристо собрал деревенскую молодежь в клубе и рассказывал о Советах, комсомоле и задачах молодежи в строительстве новой жизни. Он призывал молодежь отправляться учиться. В заключение все вместе пели революционные песни»[46].

Таким же горячим и заинтересованным Григория вспоминает Н. Яккола во время их последней встречи: «Последний раз мне удалось встретиться с Ристо в 1928 году в Ленинграде, у него дома, на Петроградской стороне, по улице Красных Зорь, 26/28[47]. Мы пили кофе, вспоминали прошлое и говорили о будущем. Ристо был по-прежнему непосредственный и пылкий. Он горячо говорил о "тайнах языковедения"»[48].

По результатам трех экспедиций Академией Наук были изданы «Карельский сборник» и «Западно-финский сборник», в которых были опубликованы ценнейшие материалы по этнографии и фольклору карел. Но это только маленькая частица того обширного материала, который успел записать Григорий Харитонович и который хранится в Научном архиве КарНЦ РАН.

Хорошо зарекомендовав себя во время этнологических экспедиций, в 1929 году Г. Х. Богданов был командирован в Петрозаводск по делам Карельской экспедиции: «для работ по изучению карельского языка»[49].

Ристо Богданов, увлекшись изучением карельских диалектов и почувствовав, что для этого нужны профессиональные знания, решил продолжить обучение в аспирантуре по языкознанию. Как указано в личном деле, «1 декабря 1929 года Г. Х. Богданов поступает в аспирантуру при АН СССР по Яфетическому институту[50]»[51], которая была именно в этом году официально

---

[45] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

[46] Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987. № 1. С. 99.

[47] В Научном архиве КарНЦ мы обнаружили несколько петербургских адресов Г. Х. Богданова. Статья по материалу, хранящемуся в Научном архиве КарНЦ РАН готовится к печати.

[48] Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

[49] Королькова Л. В. Из истории создания вепсской письменности (лингвистическая экспедиция Г. Х. Богданова 1931 г.) // Вепсы на рубеже 20-21 вв. Петрозаводск, 2008. С. 154.

[50] Яфетический институт с 1921 года располагался в Петербурге в одной из комнат квартиры Н. Я. Марра (перед войной – на Университетской набережной, 5). С 1931 г. – Институт языка и мышления АН СССР, в 1933 г. ему присваивается имя академика Марра, ныне – Институт лингвистических исследований РАН. Занимался теоретическим языкознанием и изучением отдельных национальных языков и диалектов. Яфетический – прилагательное, связанное с учением Н. Я. Марра о едином глоттогоническом процессе, переживаемом всеми языками в их стадиальном развитии. Теория происхождения, истории и «классовой сущности» языков подверглась жесткой критике, но в современной науке частично реабилитирована, так как Марр в какой-то мере предсказал основы тогда еще не существующей науки генетики.

учреждена[52]. Как написано в выданном удостоверении, аспирант «получает обеспечение в размере 170 р. в месяц».

Сохранились два отзыва на аспиранта. Первый напечатан на машинке и 19 сентября подписан академиком Н. Я. Марром: «Про практиканта АН по русско-финской секции КИПСа Г. Х. Богданова, в котором я нашел неожиданного помощника в мою первую поездку в страну северно-прибалтийских финнов, именно к карелам, как имел о том случай печатно высказаться, с полным убеждением могу высказать не только по наблюдениям в процессе работы, в котором он принял участие в Петрозаводске за время этой поездки, но и по прекрасному в пределах общепринятых требований изданию лично им собранного финского текста Калевалы, и мое мнение таково, что если бы он разгрузился от чрезмерной общественной повинности и материально был поставлен в мало-мальски сносные условия, в нем получили бы редко подготовленного, учитывая его и общественное мировоззрение, и книжную начитанность кандидата в аспиранты, с исключительным материальным знанием живых наречий карельского и суоми, да и живого быта этого же мало исследованного района. Конечно, при выборе специальности, будет ли это этнология, фольклор или лингвистика, ему придется пройти хороший искус по усвоению теоретических знаний под твердым руководством соответственных специалистов».

Вторая рекомендация написана рукой Д. В. Бубриха 14 октября: «Г. Х. Богданов является выдвиженцем Карельской Республики. Как единственный у нас знаток карельских говоров Карельской Республики он является молодым и для нас чрезвычайно нужным. Он уже успел зарекомендовать себя рядом удачных устных выступлений и удачной экспедиционной работой. В настоящее время он также удачно читает лекции в Ленинградском государственном университете (карельский язык, финский язык) и в Ленинградском государственном педагогическом институте им. Герцена (финно-угорский фольклор). Надежды с Г.Х. Богдановым можно связывать большие».

Правление Ленинградского Областного отдела Профессионального Союза Работников Просвещения СССР тоже дало рекомендацию в Президиум Академии Наук СССР. «Г. Х. Богданов в течение двух с половиной летнего пребывания в АН СССР, ведя научную работу и занимаясь учебой, участвовал в работе коллектива ВКП(б), Месткома АН и в различных комиссиях по профлинии. На этой работе он зарекомендовал себя как активный общественник, сумевший сочетать свою учебу и научную работу с работой общественной. Учитывая это, Президиум Облпроса считает Г. Х. Богданова вполне подходящим кандидатом в аспирантуру Академии Наук СССР и всемерно поддерживает его кандидатуру».

Еще одна рекомендация от Совнаркома КАССР подписана 21 октября Г. Гюллингом как на члена Ревкома Карельской трудовой коммуны и сотрудника «различных политико-просветительных учреждений».

Сохранился план научной работы, написанный Г. Х. Богдановым 20 марта 1930 года и одобренный Н. Я. Марром 23 марта. Целью было «подготовиться к научной деятельности в области финно-угорских языков и фольклора». При этом на первом месте «стоят методологические проблемы». С другой стороны, как он пишет, «я не могу не принимать участия в культурном строительстве Карелии». В 1930 году планировалось написать работу о карельских частушках (в Научном архиве сохранилась рукопись) и о народной поэзии Карелии (эта статья опубликована). В 1931 году он должен был заняться написанием грамматики финского языка для карельских школ «с учетом особенностей карельских говоров и достижений яфетической теории» и в целом заниматься вопросами языкознания. 1932 год отводился на изучение рун «западных финнов», стадий их развития и становления их содержания и формы. В том числе для «определения характерных особенностей мировоззрения западных финнов, поскольку они выражены в изучаемых рунах». В 1933 году Григорий

---

[51] Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225

[52] ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А. Н. Анфертьева. СПб., 2013. С. 21.

Харитонович должен был написать квалификационную работу по теме «Руны о сотворении мира у западных финнов», привлекая труды зарубежных и российских ученых. При этом основной целью была «критика сравнительно-географического метода скандинавской школы фольклористов с точки зрения марксизма и яфетодологии». Как показало дальнейшее развитие науки, с годами критике подверглись все три направления: и сравнительно-географическое, и марксистское, и яфетодологическое.

Поражает количество языков, которое должен был освоить аспирант. «Овладеть окончательно немецким языком до января 1931 года. Французский язык изучается мною до конца учебного 1931 года. В 1932 году теоретическое усвоение армянского и мордовского языков. В 1933 году продолжение изучения армянского языка и теоретическое ознакомление с грузинским языком». Сохранилось письменное заявление Г. Х. Богданова с просьбой разрешить поездку в Грузию с целью изучения языка. На нем стоит резолюция Н. Я. Марра: поездку «считаю весьма целесообразной и ходатайство всецело поддерживаю».

Н. Яккола с гордостью за земляка писал, что конкурс в аспирантуру «был большой, но его приняли, что говорит о его исключительной одаренности»[53]. Григорий занимается изучением фольклора и финно-угорских языков под руководством профессора Д. В. Бубриха, академика Н. Я. Марра, языковеда Н.Н. Поппе, слушает курсы общей теории языкознания, теории литературы. Он является секретарем лингвистической секции ЛОИКФУ. В это время Григорий Харитонович прочитал ряд научных докладов в КИПСе, ИЛЯЗВе[54], Обществе изучения Карелии[55]. Он становится преподавателем кафедры финно-угорской филологии филологического факультета ЛГУ, которой заведовал профессор Д. В. Бубрих[56].

Г. Х. Богданов продолжает активно заниматься общественной работой. Например, с апреля 1929 года по 8 января 1930 года он является председателем месткома АН СССР с зарплатой 150 рублей. В Архиве Российской Академии Наук сохранились некоторые документы с подписями Богданова. В частности, это Письмо от 17 декабря 1929 года с просьбой обсудить вызов на социалистическое соревнование Украинской АН работникам Всесоюзной АН с приложением вызова, за подписями председателя Месткома работников АН СССР Богданова и секретаря Шауро[57]. На сайте Архива РАН есть архивный скан данного письма.

Одновременно Григорий Харитонович уделяет большое внимание культурным и образовательным процессам, проходившим в Карелии. Он продолжает писать и публиковаться в периодической печати. Появление литературно-художественных журналов “Soihtu” (1927) и “Punakantele” (1928), объединенных в 1930 году в один журнал под названием “Punakantele” («Красное кантеле»), сыграло важную роль в развитии литературы Карелии. Григорий Харитонович был сторонником создания новой литературы Карелии на уже разработанном финском литературном языке. Он считал, что северно-карельский язык чрезвычайно схож с финским и является одним из диалектов финского литературного языка, но при этом указывал на гораздо большее своеобразие южных диалектов олонецкой Карелии. Отдельным языком он считал и вепсский язык. Рукописи статей по языковедению хранятся в Научном архиве КарНЦ и будут подробно рассмотрены в ближайшее время[58].

В развернувшейся в конце двадцатых годов дискуссии, на какие традиции должны опираться писатели Карелии и какие темы освещать, он однозначно занял свою позицию. В. Аалто и его сторонники считали, что молодая литература писателей, пишущих на финском языке, должна носить интернациональный характер, «что фактически вылилось в отрицание национальной самобытности литературы, в отрицание национальной формы вообще… Некоторые участники дискуссии отрицали плодотворность использования богатых

[53] Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.
[54] Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) — научное учреждение при ЛГУ, существовавшее в 1919-1930 годах.
[55] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.
[56] Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Справочник. СПб., 1995. С. 24; НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.
[57] Архив РАН. Фонд 2. Опись 1 – 1930. Дело 62. лист 1.
[58] НА. Ф. 1, оп. 2, колл. 11.

фольклорных традиций, опасаясь проявления “консерватизма”»[59]. Г. Х. Богданов им противостоял, уверенно пропагандируя свою точку зрения. В 1928 году в первом номере журнала “Punakantele”, органа финской секции КАПП, была напечатана его статья, в которой он призывал «опираться в развитии национальной литературы на богатые традиции устного народного творчества»[60]. Богданов был уверен, что именно это приведет к будущему литературному рассвету[61]. В “Punakantele” печатались фольклорные тексты, ставились вопросы о развитии народной культуры карелов, о возрождении кантеле в качестве национального инструмента. Сам Григорий Харитонович неоднократно обращается к значению кантеле в карельской музыке и культуре[62]. Он пишет о карельских рунопевцах[63], о состоянии народного творчества и о тенденциях его развития[64].

В одной из своих многочисленных газетных статей Григорий Харитонович «ставил вопрос о необходимости основания в Карелии своего университета и подробно излагал, каким он, по его мнению, должен быть»[65].

И в это же время, начиная с 1927 года Григорий Харитонович поддерживает контакты с Хельсинкским университетом, ведет активную переписку с профессором Карлом Кроном. Он отправляет ему собранный материал и просит совета в своей исследовательской деятельности. К несчастью, Григорий Харитонович не имел доступа к карельской эпической поэзии, которая ранее была записана финскими коллегами. В российских библиотеках не было никакой исследовательской литературы по теме финно-угорского фольклора. Он понимал, что без всего этого невозможно написать качественную научную работу. Поэтому в 1928 году он пытается получить разрешение на учебу и работу в архиве в Финляндии, но его не дают.

19 января 1928 года он пишет Карлу Крону письмо, в котором сообщает, что собрал много рун и хотел бы понять, как они изменились. Но он не имеет этой возможности, так как в его распоряжении нет ранее записанных текстов. Григорий жалуется на то, что у него нет возможности заказать научную литературу из Финляндии, и просит выслать необходимые книги, обещая взамен прислать все, что сам напишет и запишет. Это письмо отправлено из Ленинграда, улица Большая Пушкарская, д. 59, кв. 4.

В 1930 году он предпринимает еще одну попытку получить разрешение на командировку в Финляндию (сохранилось его заявление). На этот раз он получает согласие и в результате с 20 по 25 июня 1930 года командируется в Петрозаводск «для выяснения вопросов, связанных с заграничной командировкой». Затем он едет в Хельсинки. Оттуда 12 июля он пишет письмо Крону, в котором сетует на отсутствие знакомых в Финляндии и нехватку денег. В результате профессор приглашает Григория пожить и поработать у него в Корпилахти.

25 июля 1930 года Григорий отправляет письмо в Комиссию по аспирантам АН СССР. В нем он сообщает, что из Хельсинки переехал жить в «деревню к К. Крону». Туда, по распоряжению профессора, ему были предоставлены для изучения архивные материалы и литература по скандинавской фольклорной школе. Он пишет, что «работа идет очень продуктивно», но «в ходе работы выяснилось, что придется поменять тему диссертации». Он собирается пробыть у Крона еще две недели и вернется в Хельсинки, «если не придется

---

[59] Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск, 1969. С. 90.

[60] Bogdanov G. Uuden uran uurtajille // Punakantele. 1928. N 1. S. 2; Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск, 1969. С. 90.

[61] Bogdanov G. Uuden uran uurtajille / Punakantele. 1928. N 1. S. 2; Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 45.

[62] Bogdanov G. Karjalan tyttärien kanteleen sontuja // Punainen Karjala. 1927. Joulukuu. S. 17; Bogdanov G. Karjalan nuorison kanteleen sointuja /| Punakantele. 1929. N 2. S. 9-11.

[63] Bogdanov G. Paras Keski- ja Pohjois-Karjalan runonlaulaja // Punakantele. 1929. N 2. S. 3-4; Капица Л., Богданов Г. Забытая могила. Памяти народного певца-сказителя Михаила Архиповича Перттунена // Карело-Мурманский край. 1927. № 9. С. 24-26.

[64] Богданов Г. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии // Карельский сборник. Л.: Изд. АН СССР. 1929; Богданов Г. Карельская народная поэзия // Десять лет советской Карелии. Петрозаводск: Изд. ЦИК АК СССР, 1930. С. 275-296.

[65] Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

обратно вернуться в Ленинград, так как Карелия до сих пор не высылает денег. Пришлось занять в Полпредстве СССР». Дата окончания командировки неизвестна. Судя по его письмам, он планировал поработать в Финляндии около года, но вернулся гораздо раньше.

Неизвестны на данный момент и причины, по которым Григорий Харитонович решил изменить тему диссертационной работы. Он вырос в Беломорской Карелии, в Ухтинском районе, там, где было больше всего записано эпических песен. В детстве он застал время их активного бытования, и сам был из рунопевческого рода. Он знал и любил фольклор родного народа. Но он был и коммунистом, защитником завоеваний Октябрьской революции. Исходя из всего этого, каково ему было изучать миграционную теорию К. Крона о финском и даже германском происхождении рун, которую полностью поддерживал и его учитель Д. В. Бубрих[66]? Каково ему было писать работу с критикой сравнительно-географического метода скандинавской школы фольклористов с точки зрения марксизма и яфетодологии? Можно ли было все это сочетать?

23 января 1931 года Григорий Харитонович получает от Академии Наук СССР разрешение на командировку и проездные документы в Петрозаводск «для участия в Карельской конференции пролетарских писателей». Это была II конференция и проходила в Петрозаводске с 28 января по 4 февраля. В ее работе приняли участие 33 члена организации. На конференции был избран новый состав правления КАПП, в который вошли девять человек: В. Аалтонен, Ристо Богданов, Я. Виртанен, Ф. Ивачев, О. Иогансон, Ф. Трофимов, Д. Хело, а также В. Аалто и Ю. Лебединский от ленинградских писателей[67].

Но разногласия между КАПП и ЛАПП разрастаются все шире. Одним из спорных вопросов было отношение «к устному народному творчеству, в том числе к “Калевале”, иначе говоря, к наследию прошлого. Этот вопрос также представлял одну из сторон проблемы художественного метода»[68]. Г. Х. Богданов на конференции карельской секции КАПП снова заявил, что, развивая карельскую национальную литературу, следует опираться на богатые фольклорные традиции. Более того, он утверждал, что поэзия в Карелии станет национальной, если она будет создаваться на основе калевальской метрики[69]. Члены финской секции ЛАПП сочли эту точку зрения ошибочной и активно выступили против[70]. В одной из статей они утверждали, что «Калевала» не отвечает современному содержанию пролетарской литературы; ее форма и содержание националистичны, поэтому эпос не может влиять на новую литературу[71]. «Эти мысли перекликались с унаследованными от Пролеткульта убеждением, что фольклор – это творчество “классово несознательных” (крестьянских), то есть мелкобуржуазных масс»[72].

В 1932 году выходит постановление партии о ликвидации КАПП и других писательских групп. Начинается процесс искоренения «буржуазного национализма» из культуры и создание единой советской литературы в духе социалистического реализма. Новый союз писателей был организован в 1934 году.

Среди архивных документов Института яфетидологических изысканий хранится протокол совещания Учебно-методического сектора ЛОНО, посвященный «вопросам выработки письменности для бесписьменных народов Ленинградской области». На нем «от ИЯМ [Институт языка и мышления – Л. И.] выступил аспирант Г. Х. Богданов, изложивший “фактическое состояние вопроса”»[73]. В «Отчете о работе Института за 1931 год» дважды

---

[66] Сойни Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М., 2009. С. 80-82.
[67] Летопись литературной жизни Карелии (1917-1961) / Сост. М. Ф. Пахомова, Н.С. Полищук. Петрозаводск, 1963. С.73.
[68] Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 55-56.
[69] Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 55.
[70] Punakantele. 1931. N 22. S. 17.
[71] Nuori kaarti. 1931. N 11(241). S. 3.
[72] Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 56.
[73] ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А. Н. Анфертьева. СПб., 2013. С. 275.

упоминается имя Григория Харитоновича. В частности сказано: «По предложению ЛООНО, ЯИ в конце 1930 года взял на себя задачу создания алфавитов и составления букварей для двух бесписьменных до сих пор народов, проживающих в Ленинградской области – вепсов и ижор. С этой целью ЯИ снарядил в ударном порядке две экспедиции, имевшие целью собрать и разработать необходимые лингвистические материалы в их родном общественном и материальном окружении. Экспедицией к вепсам руководил аспирант Г. Богданов, экспедицией к ижорам – В. Дубов. Обе экспедиции выполнили свои задания блестяще и точно в срок. На основании собранных экспедициями разнообразных материалов (по языку, фольклору, экономике, быту и т.д.) были составлены вепсский и ижорский алфавиты, а также буквари по указанным языкам, представленные к напечатанию (к 1 августа 1931 года)»[74].

В экспедиции к вепсам в лингвистическом отряде участвовали, кроме Григория Харитоновича, студент нацменотделения пединститута им. Герцена А. М. Михкиев, ученик Д. В. Бубриха финн-ингерманландец М. М. Хямяляйнен и курсант совпартшколы вепс И. М. Гирькин[75]. Д. В. Бубрих поехать не смог, хотя его участие тоже планировалось[76]. Г. Х. Богданов был назначен руководителем неслучайно. К началу тридцатых годов он имел уже богатый экспедиционный опыт и был разносторонним специалистом, прекрасно знавшим фольклор, материальную и духовную культуру карело-финского населения, языковое состояние и карелов, и вепсов. Как пишет в своем отчете Г. Х. Богданов, отношение местных властей к сотрудникам экспедиции было неоднозначным. Председатель Винницкого райисполкома считал, что работа по созданию вепсской письменности – бесполезная «трата общественных денег». При этом население оказывало «всемерную поддержку» в сборе словарного материала. В результате на латинской основе был создан алфавит вепсского языка, состоящий из 28 букв[77]. Подготовленный букварь назывался “Первая вепсская азбука и книга для чтения Ezmäne vepsiden azbuk i lugendknig” и был издан в Ленинграде в 1932 году. В качестве авторов на обложку вынесены три фамилии: Г. Богданов, М. Хямяляйнен и А. Михкиев.

Г. Х. Богданов, учитывая его происхождение из беднейшего северно-карельского крестьянства, был очень образованным человеком. Он писал в автобиографии: «Языки знаю: финский, русский; читаю по-немецки; знаю все карельские говоры; теоретически знаком со всеми западно-финскими языками и диалектами. В данное время изучаю английский язык»[78]. Судя по архивным записям, он был безупречно грамотен, писал без ошибок как по-фински, так и по-русски.

30 ноября 1931 года правительство республики вынесло постановление об организации в Петрозаводске Карельского научно-исследовательского института, в котором будет шесть секций (теперь Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН). Директором был назначен Э. Гюллинг (через несколько лет он будет расстрелян), его заместителем – С. А. Макарьев. Г. Х. Богданова назначают руководителем лингвистической секции[79]. Поработать он в этой должности не успел, в Научном архиве КарНЦ даже нет его личного дела.

К сожалению, на этом яркая биография нашего земляка обрывается. До последнего времени дата, место и причина его смерти были неизвестны.

---

[74] ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А. Н. Анфертьева. СПб., 2013. С. 312.

[75] Королькова Л. В. Из истории создания вепсской письменности (лингвистическая экспедиция Г. Х. Богданова 1931 г.) // Вепсы на рубеже 20-21 вв. Петрозаводск, 2008. С. 153-157.

[76] Строгальщикова З. И. М. М. Хямяляйнен и вепсская письменность // Материалы научной конференции "Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». Петрозаводск [Электронный ресурс]. 2016. С. 25.

[77] Строгальщикова З. И. М. М. Хямяляйнен и вепсская письменность // Материалы научной конференции "Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». Петрозаводск [Электронный ресурс]. 2016. С. 25-26.

[78] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

[79] Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Очерки и материалы. Петрозаводск, 2012. С. 32.

Д. Шахтарина писала: «через некоторое время войничане узнали, что их земляк, гордость деревни Ристо Богданов, скончался в Ленинграде от приступа тяжёлой болезни»[80]. Н. Яккола: «он тяжело заболел и вскоре умер»[81]. В документах Архива РАН значится, что Г. Х. Богданов «являлся аспирантом АН СССР по Яфетическому институту по 1 октября 1932 года». В причинах отчисления значится: «отчислен по болезни»[82].

В «Словаре историков Санкт-Петербургского университета» так же есть фото и краткие данные о Григории Харитоновиче[83]. Здесь он числится как «Богданов (Богданов Ристо) Григорий Харитонович. Годы жизни: 1900-1931. Место рождения: д. Войница, Карелия. Место смерти: Петрозаводск. Образование: Коммунистический университет трудящихся востока в г. Москва (1924). Годы работы в СПбГУ: 1929-1930; преподаватель на кафедре угорской филологии историко-лингвистического факультета. В 1921 г. избран ревкомом Карельской трудовой коммуны. После окончания университета и до 1929 года работал в Карелии. В 1931 году назначен руководителем лингвистической секции КНИИ (г. Петрозаводск). В 1931 году тяжело заболел и скончался. Область научных интересов, значение в науке: История Гражданской войны в Карелии. Специалист по финно-угорской филологии». В качестве его основных трудов по истории петербургские историки называют статью «Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (годы 1918-1921)», опубликованную в 1927 году в журнале «Карело-Мурманский край»[84].

Как мы видим, в этом словаре датой смерти назван 1931 год, а местом смерти - г. Петрозаводск.

В книге Я. А. Балагурова годы жизни Григория Харитоновича отмечены как 1900-1941[85].

Благодаря тому, что удалось найти родственников Григория Харитоновича и связаться с ними, появилась возможность установить дату и место смерти, а так же поставленный диагноз.

В начале 1932 года Григория Харитоновича отправляют в санаторий в Крым. Как сообщил правнук, прямо оттуда его переводят в Ленинград во Вторую психиатрическую больницу.

Нам была предоставлена копия письма от 22 апреля 1932 года, в котором Комитет по подготовке кадров АН СССР обращается к гражданке Н. Н. Богдановой. «Комитет по подготовке кадров АН СССР просит освободить комнату, прежде занимаемую Вашим мужем Богдановым Г.Х., ныне находящимся в психиатрической больнице, для заселения ее аспирантом Академии Наук гр. Карташовым. Комитет кадров обязуется по получении от Вас извещения о возвращении Вашего мужа из больницы комнату освободить. Вам надлежит предупредить комитет кадров АН о возвращении гр. Богданова за две недели».

В одной из анкет, Григорий Харитонович написал, что он разведен. Но вот что сообщил правнук: «Да, они действительно были в разводе, но продолжали жить вместе до самой смерти Григория Харитоновича. Бабушка моя [дочь Григория, Эльга Григорьевна – Л.И.] мне говорила, что это было связано с получением отдельной жилплощади в Санкт-Петербурге. Поэтому был оформлен развод, а так они жили вместе. И даже когда Григорий Харитонович заболел, прабабушка с моей бабушкой постоянно ездили к нему в больницу. Но случилось так, что однажды он ее не узнал и напал на нее. Спасли санитары. После этого Надежда Николаевна перестала его посещать. Скончался он там же, в больнице. После его смерти его дочери Эльге Григорьевне была назначена персональная пенсия в связи со смертью отца. Прабабушка с дочерью уехала из Санкт-Петербурга в Петрозаводск, к своим родственникам, где она стала преподавать в Финском техникуме, так она это учебное заведение называла».

---

[80] Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987. № 1. С. 99.

[81] Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

[82] Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225. Дана ссылка на дела: Ф. 222. Оп. 002. Д. 54, 948.

[83] Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII-XXвв. СПб., 2012. На электронном сайте Сетевого биографического словаря уже более 560 персоналий, и он продолжает пополняться. Электронный ресурс: bioslovhist. history.spb.ru

[84] Архив, личные фонды: ОА СПбГУ. Ф.1. Опись личных карточек профессорско-преподавательского состава ЛГУ за 1920-1930-е годы. Л. 110-110 об.

[85] Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 128.

Согласно справке о смерти Григорий Харитонович Богданов скончался 9 июня 1938 года в возрасте 37 лет в Лиговском сельском совете Красносельского района Санкт-Петербурга. Диагноз: язвенный туберкулез кишечника.

Похоронен Григорий Харитонович был 14 июня 1938 года на кладбище в Красносельском районе на улице Стачек. Но место захоронения его дочь Эльга Григорьевна не смогла найти уже в восьмидесятых годах XX-го века.

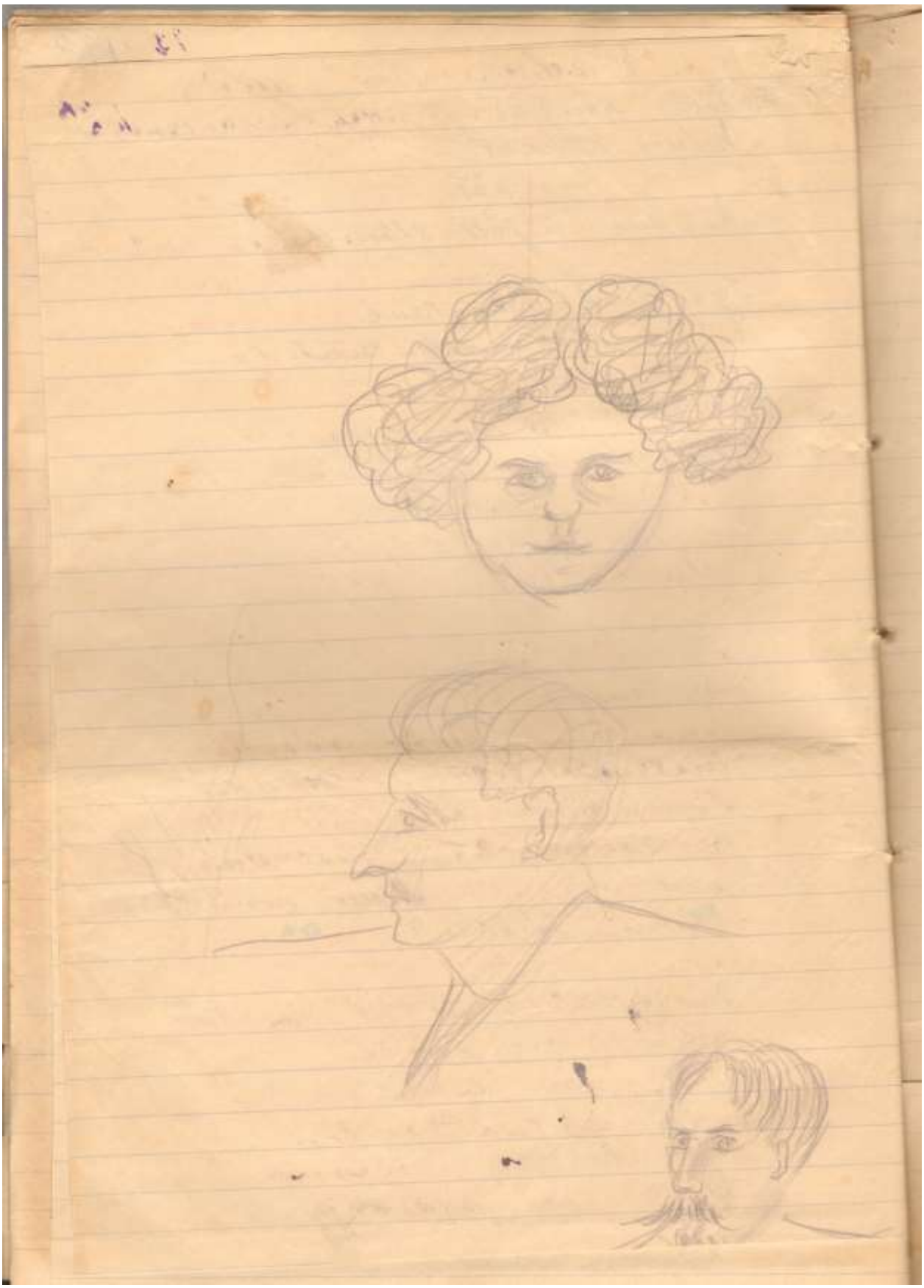
Супруга Григория Харитоновича Надежда Николаевна незадолго до второй мировой войны познакомилась со своим вторым мужем. Он ушел на войну, где пропал без вести, а Надежда родила вторую дочь. В войну они попали в эвакуацию в Чувашию. После войны вернулись в Карелию, где Надежда Николаевна преподавала русский язык. Затем в Чупе она заведовала школой. Потом они перебрались еще севернее в Мурманскую область в г. Кировск, а затем в Апатиты. В 1986 г. Надежда Николаевна скончалась от сердечной недостаточности в г. Апатиты, там же в 1999 г. умерла ее дочь Эльга Григорьевна.

Работая в Научном архиве КарНЦ с рукописными записями Ристо Богданова, я обнаружила две интересные находки, представляющие личность Григория Харитоновича новой стороны.

В архивной коллекции под девяносто первым номером хранятся материалы, собранные Богдановым в Пряжинском районе (встречается название только одной деревни – Святозеро) в 1927-1928 годах[86].

Под единицей хранения № 1 записано 50 частушек. На обратной стороне девятого листа, записи на котором датированы 27 февраля 1928 года, обнаружены три портретные зарисовки простым карандашом. На двух нижних рисунках изображены двое зрелых мужчин интеллигентного вида, а на верхней части листа – кудрявая круглолицая голова.

[86] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 91, л. 9.



Два нижних изображения, возможно, посвящены учителям Григория: Николаю Яковлевичу Марру (1865-1934) и Дмитрию Владимировичу Бубриху (1890-1949).

А верхний рисунок – это, возможно, автопортрет. Именно таким, кудрявым, темноволосым и круглолицым земляки вспоминали самого юного Ристо[87]. Правда, глядя на фотографию Григория, сделанную во время учебы в аспирантуре, трудно предположить, что изображение простоватого парнишки и фото молодого интеллигентного красавца – это одно лицо.

Как сообщил правнук, он ничего не знает о способностях прадеда к рисованию.

Вторая находка в **пятидесятой коллекции.** В ней только два текста записаны Богдановым, номера 46 и 47[88]. Они записаны в Кимасозере 17 августа 1927 года от 68-летней Дарьи Тимофеевны Лазаревой. Это две эпические песни. Одна о ранении Вяйнямёйнена железом (топором), когда он делает лодку “Oli vanha Väinämöini”. Вторая – о рождении огня “Iski tulta ilman ukko”. Им здесь же сделаны переводы на русский язык.

Любопытная запись обнаружилась на обратной стороне первой записанной руны. Лист большого формата, в линейку. На нижней половине листа - отпечаток от поставленной кастрюли или сковороды. А на верхней половине, вероятно, письмо к любимой девушке, написанное карандашом. В первую очередь, поражает удивительно высокий стиль послания: «Что за вечное дрожание и трепетание перед будущим! Неужели нельзя любить и быть счастливым по-настоящему, а надо непрестанно выстраивать крепости и обводить каменные стены вокруг любимого существа. Поверь, что самые лучшие крепости это сознание обоюдной свободы.

Ты не подозреваешь, какая во мне богема, какая назойливая жажда жизни, какая неугомонная натура. Чья кровь бурлит во мне? Чьё наследие дало мне эту дерзость ума и воли, эту энергию и веру в свои силы и эту страстную натуру, которую я не мог победить? Иногда я с горечью думаю, что [ты – Л.И.] была бы счастливее, если бы судьба поставила меня несколькими ступенями ниже на лестнице увлечения»[89]. Таким удивительным образом слегка приоткрывается тайная завеса и перед личной жизнью Ристо, перед его характером, устремлениями и мечтаниями.

Все это говорит о том, что парень, родившийся в глухой карельской деревушке, был разносторонне развит и одарен природою многими талантами. Он двадцать лет из своей недолгой жизни прожил в Войнице, а следующие семнадцать, стремясь к новым знаниям, разделил между Петрозаводском, Москвой и Петербургом.

Г. Х. Богданов достоин того, чтобы о нем помнили. Ристо совсем юным во время гражданской войны командовал партизанским отрядом на севере Карелии. В двадцатых годах Григорий Харитонович работал в высших органах государственной власти Карельской трудовой коммуны, принимал участие в строительстве Советской Карелии, особенно много занимаясь вопросами народного образования и просвещения, а также журналистской и общественной деятельностью. Он стоял у истоков создания в 1926 году первой писательской организации Карелии (КАПП), а в 1931 вошел в состав правления. Он учился в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда, в аспирантуре АН СССР; преподавал в ЛГУ и Педагогическом институте им. Герцена. Григория Харитоновича Богданова с полным правом можно назвать первым уроженцем северной Карелии, который начал планомерный сбор и исследование фольклора и языка родного народа. По сути, он является первым карельским этнографом, фольклористом и лингвистом.

---

[87] Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987. № 1. С. 99; Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 98-101.
[88] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 50, л. 177-178.
[89] НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 50, л. 177

Т.М. Анохова, краевед

Учительская династия Владычинских

Мой дед и моя бабушка, по линии моей мамы, Лии Дмитриевны Владычинской, в замужестве Фроянц, были Владычинскими. Эту фамилию мы унаследовали от деда-Дмитрия Владимировича, кадрового офицера, красного комбрига участвовавшего в освобождении от интервенции Архангельска, воевавшего на Карельском фронте в годы Гражданской войны и интервенции, тот от своего отца, священника Владимира Павловича, а он от своего отца, диакона Павла Александровича. Фамилию эту наш род носил примерно с 1830 года, когда Павлу, ученику Пошехонского духовного училища, сменили фамилию Успенский на Владычинский(1).В начале Х1Х века в духовных учреждениях России часто меняли фамилии и это приводило к большой путанице.

Наша учительская династия стала формироваться еще в дореволюционной России, когда мой прадед Владимир Павлович Владычинский, отец моего деда по материнской линии, после окончания Ярославской духовной семинарии был направлен в родное село Карповское, что в Пошехонском уезде Ярославской губернии, в качестве псаломщика и учителя церковно-приходской школы. Другого места не было и приходилось довольствоваться тем, что было. Он был младший , третий сын в семье диакона Карповского прихода и единственный, кто закончил обучение в семинарии. Это был 1888год, умер его отец Павел Александрович, диакон Карповской церкви и у прадеда на руках осталась младшая сестра Елизавете 9 лет и вдовая сестра Александра с маленьким ребенком. В дальнейшем опеку над Елизаветой взял старшей брат Яков, диакон Ярославской градской Петромитрополитской церкви, положение его было более стабильно и предсказуемо, да и жил он в Ярославле уже много лет. Он ходатайствовал об опредилении ее в Епархиальное Ионафановское женское училище в Ярославле, которое она успешно закончили в 1894году.(2)

Школа, где начинал свое служение прадед, была небольшая при церкви, но ему очень повезло, рядом с ним служили Зиновьевы, отец и сын, старший заведовал школой, а младший был помощником учителя. Оба из известной семьи образованного духовенства Ярославской губернии.

В марте 1891 года, он был переведен на место умершего священника, благочинного пятого округа Угличского уезда, Стефана Иоанновича Грандилевского в село Дмитриевское, что на Кистьме и женится на его дочери, Марии Стефановне. Таким образом, он получил место своего тестя и принял на себя заботы о теще, Марии Васильевне и ее сыне Иване, который был не дееспособен. 24 октября 1892 году у них родился первенец - мой дед, Дмитрий Владимирович

Владычинский. В честь рождения сына прадед на церковные деньги открывает, вместе со старостой приходской церкви Орловым, ЦПШ в своем селе и назначается заведующим и законоучителем этой школы, где и работает до 1917 года. (3)А в 30 годы его младший сын Владимир становится учителем этой школы. Три дочери моего прадеда, его племянницы, Анна Михайловна Воскресенская и Апполинария Алексеевна Преображенская, его младшая сестра Елизавета, заканчивают Епархиальное Иоанофановское женское духовное училище в Ярославле и становятся учителями. В Ярославском архиве хранятся заявления деда, копии аттестатов и свидетельств об окончании учебного заведения. Интересно заявление, поданное относительно Натальи, о получении ею 7- летнего образования в училище.(4)

Старшие Наталья и Екатерина уезжают и живут в Петербурге и погибают во время блокады в ВОВ. Младшая, Нина, остается с родителями и в 1918 году уже служит в школе, ее след я нахожу в документах Микляевской волости Угличского уезда, в списках служащих волости, она учительница Лытковской школы.(5)

Школа, созданная моим прадедом, работает до сих пор и в 2013 году она праздновала свой юбилей -130 лет. В архиве Углича хранится дело, повествующее о работе школы.(6)

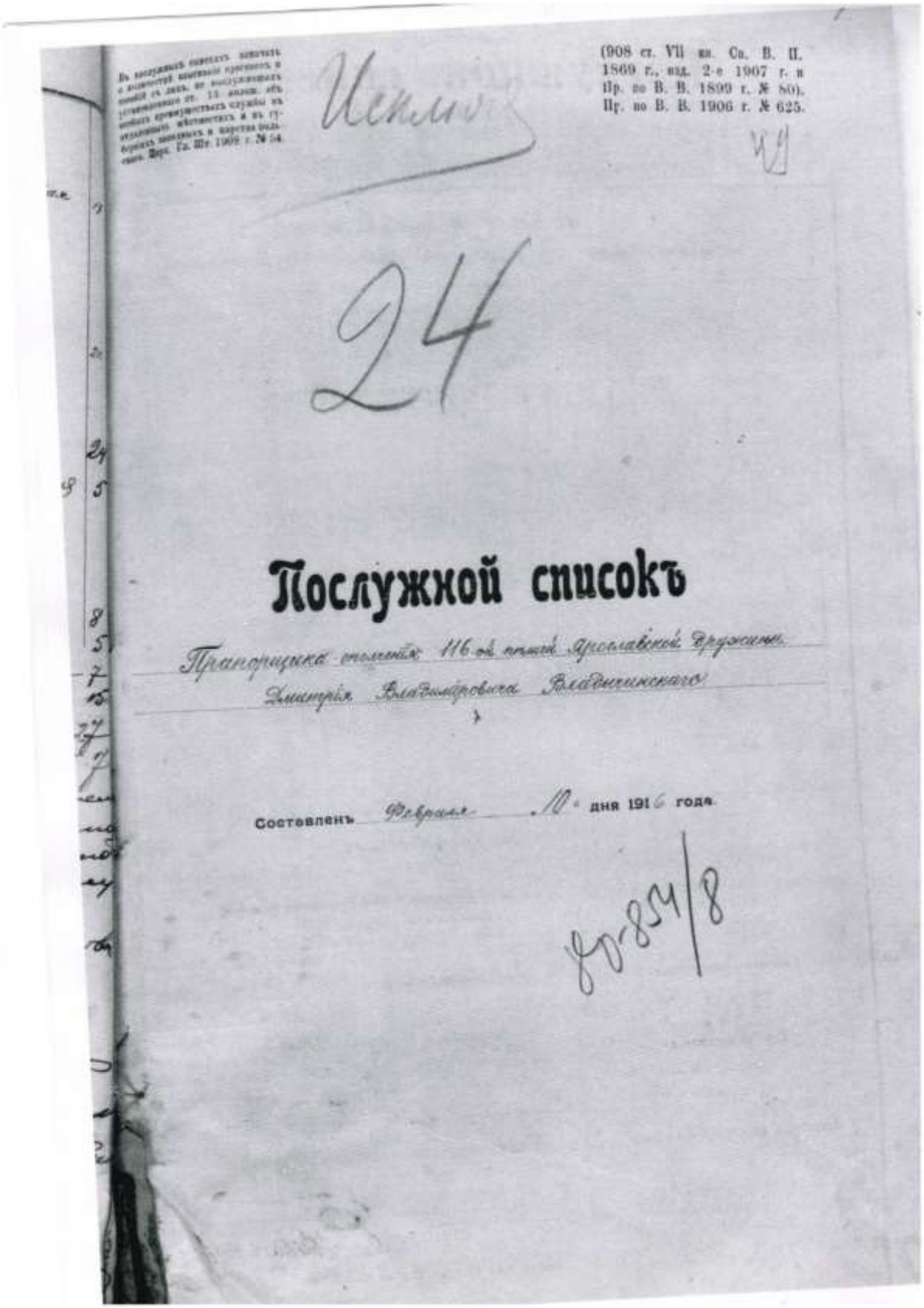
В нем вся история создания школы, ее описание, полная характеристика прадеда, как основателя и заведующего этой школы, все его заслуженные награды, ведомости выплат учителям школы, которые он представил инспекции от Епархии в 1908\09 учебном году, когда они изучали работу школы. В школе, в то время, работало 5 учителей.

Мой дед, Дмитрий Владимирович, учился в этой школе и позднее поступил в Ростовское Дмитровское Духовное училище, одно из лучших тогда в России, а затем после его успешного окончания в 1906 году был направлен в ЯДС. Обучение в семинарии было прервано, 10 декабря 1909 года, среди 200 семинаристов исключенных из семинарии был и мой дед. Им было предложено покинуть Ярославль в течение 24 часов.(7) Дмитрий был одним из членов тайного студенческого общества «Касса взаимопомощи», числилась оная, как семинарская организация партии социалистов-революционеров(8) Как потом писал дед в анкетах, был изгнан «…за вольнодумство и связь с рабочим движением». Это был период, когда в 20 семинариях России проходили волнения студентов недовольных уровнем преподавания, ограничениями личной свободы и практически невозможности получения, после семинарии, высшего образования в светских вузах, но это другая история…

В семейном архиве хранится только одна фотография деда, датированная примерно 1917 годом, это памятная фото бежавших из немецкого плена русских офицеров.

Фото №1.Дмитрий Владимирович Владычинский первый слева.1917год

Дед был начитанным, грамотным и инициативным человеком, во время Первой Мировой войны он был отправлен в школу прапорщиков в Псков и получил, после ее окончания, младший офицерский чин, его личное дело хранится в Российском военно- историческом архиве. (9)



(908 ст. VII кн. Св. В. П. 1869 г., изд. 2-е 1907 г. и Пр. по В. В. 1899 г. № 80). Пр. по В. В. 1906 г. № 625.

Исключ

24

Послужной списокъ

Прапорщика отличія 116-ой пѣшей Ярославской дружины Дмитрія Владиміровича Владычинскаго

Составленъ Февраля 10 дня 1916 года.

80-854/8

Но судьба его была непроста и, пройдя ряд испытаний, он появляется у нас в Карелии. Тогда, по телеграмме Молотова, к нам прибыло для организации работы в армии 15 специалистов, в том числе и мой дед, он был назначен помощником командира батальона ВЧК.

В домашнем архиве сохранилась его полевая книжка с копиями распоряжений и записок по отправке и сопровождению отряда до Медгоры. Там он был назначен начальником штаба третьего участка дороги.

В это время Ольга Тимофеевна Войцеховская(Сидорова), была учительницей 2 Советской школы первой ступени города Петрозаводска и работала в гарнизонной школе по ликвидации неграмотности среди бойцов. (10)Здесь они и познакомились и летом, 06 июля 1921года, поженились в городе Петрозаводске. В литературном альманахе Боевой клич за 1922 год напечатано два рассказа моего деда, один из них - «День жизни маленькой марки», повествует о первых днях работы моей бабушки. Трогательный рассказ о том, как она переживала и готовилась начать работу в новой должности, в новом месте. (11)

День жизни Маленькой Марки.

(РАССКАЗ)

На сильное в эту ночь, Маленькой Марке, каждая минута приближала ее к заветной цели, каждая минута эти мечтой, крепче обнимала с ним. Давала возможность не только быть любимой женщиной, но быть другом, товарищем. Вместе шагать, делить радости, невзгоды не только личной, но и общественной жизни.

Она рисовала себе картину за картиной ее новой работы. Молилась, кладьте отдать все, выполнить все наказы сказанные ей, чтобы тот, кто будет выполнять их, не стонал, не гнул спины под тяжестью жизни и не был правильным на каждом пиру ее.

Все робость, сомнения отлетели куда то и ушли и она чувствовала себя сильной. Это настроение, как весенний разлив, охватывало ее, несло все дальше, в глубь, гущу работы в этих серых рядах.

Под сладкие грезы суровой действительности, не знав, не видя ее Марка заснула крепким сном.

Голос Мишки прервал сон. Он знал, требовал к трудовой жизни. Она как молния, скорее пушинка, в этом виде, вскочила быстро с постели и торопливо, стала одеваться. Взяв поводившее платье, нахмурилась. Было это не любимое дневное платье, так оно шло к ее милому, нежному личику, девушки невесты, так рельефно теняло молодость, силы, что мне считала ее этим платье красивой безвозвратной решимостью. Но теперь оно было тяжко ей, оскорбляло, так взрослую учениц, которую по капризу, проказнику наставницы одели в короткую юбку—форму младших учениц. Марке хотелось быть синяной, стоячей одеждой цвета, серьезным лицом покупать их, новых людей работы. Она бережно сложила дневной наряд, достала из чемодана другой, который оставался ею только в торжественные дни выходы в свет, где должна была считать взрослой, полуаристократической барышней.

Она не боялась, что этот наряд тяжел, шикарен для такой обыкновенной жизни и будет показывать ее, как иностранцев, чуждое в этой обстановке. Она и здесь упрекнула прошлое, прошлое прозябание. Даже в простых платьях, думала Марка, они продавали ее, показывали на прилавках, как выгодный товар.

Противно, брезгливо стало от всех этих тряпок. Но делать было нечего. Марка надеялась не сейчас, потом, когда ближе узнаем, рассказать им почему она пришла в таком модном, пестром платье на работу в первый день службы.

Этот день был лучший, великий день не жизни, день общественной свадьбы с ним милым, дорогим, любимым Колей, первым наставником и мудрым учителем.

Отличенная своими мыслями Марка не заметила, как встала Поля и внес Мишка кипящий самовар.

Только бодрый веселый окрик Коли отогнал ее от нахлынувших мыслей.

Она мигомъ умывалась, одевшись кончать незатейливый туалет. Теперь надо себя, в маленьком зеркале, такую нарядную, в этой серой обстановке, рядом с теми, для которых она шла работать, казалась ей преступлением.

Грустно, виновато взглянула к ему, и как провинившаяся детка ребенок спросила его „Ведь ничего?" если она пойдет в этом платье. Горько, чуть-чуть не со слезами на глазах, рассказала ему о своих тяжелых мыслях.

Он остановился на ее действительно красивой, стройной фигуре. Вся она, казалось, была согнана из любимой глины с сильным отливом стали. Эти миндалевидные личико с складкой тяжкого мягкого чулата, взрослой девицы с грустными глазами, как синее море, говорило о другом, великом, красивом. Говорило о песни жизни, счастье, а не о днях труда ночной борьбы.

Коля нежно улыбнувшись, догадался подошедшей к ней, прижался к себе и шепчу ей чудные мои-слова. Милая Марка, кто не поинтересуется своим прошлым и кто не бьет себя за эту изысканность и шикарно-прошлый тон нашего уборов. Разве мы виноваты в этом? Нас обкрадывали кругом, обокрали с детства! Вместо прорехи, заплаты дали нам эфектно убранную рамку и мы ходим в бутафорских костюмах, чужие, далекие всей жизни.

С этими тяжелыми мыслями сели за чай. Мишка в ее любовался милой барышней. Ему хотелось бросится к ней сказать: «не ходи туда, там не только труд, но и опасность, разврат». Эти гадкие, развращенные комиссары, которые так цинично, нахально подходили, брали женщину, а он это видел не раз, видел мольбы, слезы женщины, но слова не дал о помощи, только глаза горели добрым светом жалости. Сравнивши ее с новой полупонятной для него жизнь. Он знал они мужчин борцов, если же и сжалят они женщин, ризом с этими великими именами, то они, кажется ей тусклыми, бледными, потому что жизнь прежняя, отцы сожрали ему в кровь, видеть в женщине только рабу, лишнюю рабочую силу.

Он видел ее и не верил, что Марка Нисифоровна такая воспитанная барышня, будет работать там, вместе с мужчинами, за одним столом.

Наскоро пили чай, обменяющись далеко не шальными вопросами, вышли из дома и направились в толкучку шкаф, где помещался Культ-просвет, шагая мерно через улицы. Все останавливали взоры на этой странной паре, за ее здесь среди грубой военной жизни. Одни видели в ней щегольную игрушку, другие смотрели на нее, как на выдающегося отпрыска из теплого гнезда матери.

А они шли вперед и вперед по пыльным улицам, спеша спешить скорей к этому каждому борьбы.

Коля порой оглядывал ее и не верил, что она, эта Марка, идет вместе с ним на работу, в его жизнь, подготовленной для него, среди.

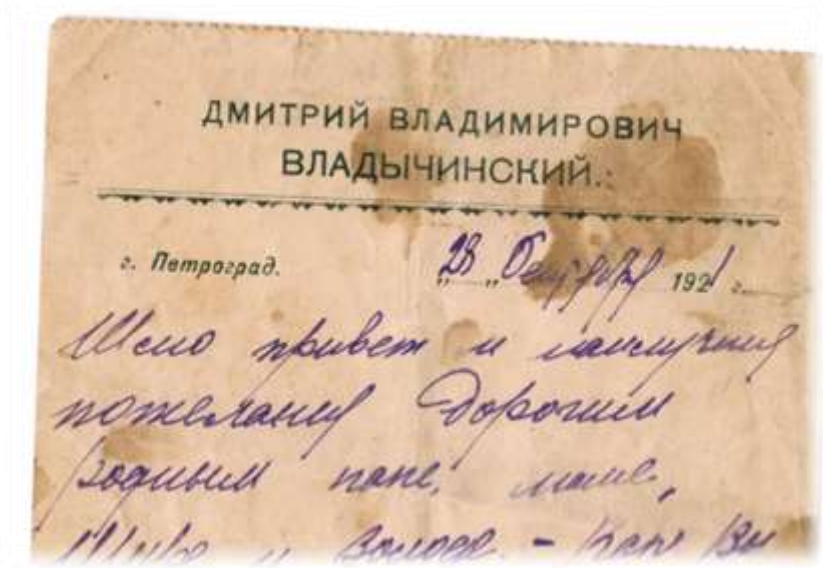
Остановились около двухэтажного каменного дома, обклеенного какими-то странными плакатами и печатными листками с резкими черными буквами на красно-белом фоне. Что говорили Марке эти буквы трудно сказать, скорей были таинственные иероглифы, смысл которых она хотела угадать, понять. Она не знала, не видела, как зачем гипнотизер, тянуло к себе всех, кто шел, хотя ра. понимания плода добра и зла и ждо хотел сделать добро.

На окна выглядывали изможденные головы, оглядывая подозрительно прошедшую пару. Кто не знал суровых суровых комиссара Николая Васильевича Мирского.

Ему кивали головой, широко улыбаясь, зовя к себе. Вопросы глазами, а это зачем с тобой? Или нужно лучше понять для себя и бросить нас? Они дрожали за, боялись этой красивой женщины, как бы она не стала у них такого стойкого борца.

Комиссара в помещении не было. Заняв место, молодой культ-просветов тихо, но веку ранее противоположность комиссару. Как тот был сам в жизнь, так этот, убежденный небольшими сединами, с тонкими, умными, проницательными глазами, мягким дыханием, тихим голосом и всей своей фигурой дышал Комиссар и говорил: возьмите посмотрите, изучите, так и мы сейчас, почему мы такие тихие, сильные вмешались в стаи потребить. Запаниствовало иначе, заглянем как такой уже жизни. Проч, так жизнь замедлившись, тихо

Сохранилось в семейном архиве и два письма, датированные 1921годом и отправленные в сентябре из Петрограда, обычная семейная переписка, но в ней есть детали, рассказывающие о трудностях и особенностях ежедневной жизни. Так, понятно, что у деда был вестовой, который по делам бывал в Петрозаводске и мог доставить письмо домашним. Жили холодно и голодно и потому болели. Не было теплой одежды, которая позволила бы сделать маленькое путешествие на Родину. На месте службы была библиотека и театр, в который Ольга ходила со своей подругой Машей Лучкиной, « …вот и сегодня были в своем театре…», Маша в это время училась в Петрограде. Интересна, что сама бумага для писем была с типографской печатью фамилии, имени, отчества, места и времени написания(12)


ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ВЛАДЫЧИНСКИЙ.

г. Петроград. 28 „Сентября" 1921 г.

Шлю привет и наилучшие пожелания дорогим родным папе, маме, Шуре и Волосе. – Папе Вы

Дмитрий Владимирович не был педагогом, но он был просветителем. Много печатался в газетах и журналах Карелии и Петрограда, в автобиографии при вступлении в партию в 1931 году бабушка пишет : »Муж писал в газеты, журналы и ему пророчили имя пролетарского писателя, а меня уговаривали поддерживать его.»(13)Работая на профсоюзной работе в Карелии в 1923 году, он инициировал и помог открыть ни одну библиотеку в леспромхозах и деревообрабатывающих предприятиях республики. Выступил инициатором открытия среднего учебного учреждения по деревообработке, за свою жизнь, неоднократно, инициировал и создавал агитбригады, и самодеятельные народные театры. Кроме того он был рабкором и часто печатался в Красной Карелии или под своим именем или под псевдонимом «Дмитрий Волжский».(14)

В 1923 году он был уволен из армии, последовало возвращение в Петрозаводск. В 1925 году переезд в Кондопогу, где жили и работали, дед работником финансового отдела Кондостроя(15), а затем Бухгалтером и зав. Столовой Лукинского кирпичного завода, а бабушка, Ольга Тимофеевна, учителем, директором школы, инспектором ,а через несколько месяцев заведующей Кондопожским РОНО.

А начинала Ольга Тимофеевна Сидорова учительствовать в 1916 году, после окончание двуклассного Юргильского училища. Вот она стоит в первом ряду выпускниц, в самом центре, чуть улыбаясь, энергичная, мечтающая начать свою новую жизнь. Из шести выпускниц Юргилевской второклассной школы.

Ф

Фото №2. Выпускницы Юргильской второклассной школы, декабрь 1915 года.

Из шести выпускниц только Александра Стефановская получила место в Пидьмозерской ЦПШ, остальные остались ждать распределения на освободившиеся места.(16) Шла 1 мировая война, снабжение школ было очень трудным и молодые учителя могли рассчитывать только на помощь семьи. Ольга только зимой, в декабре1916 г, попадает по распределению в Заонежье, в ЦПШ деревни Поля, затем переходит к подруге, в Комлевскую начальную школу и перед революцией возвращается в Петрозаводск.(17)

Фото №3. Ольга Тимофеевна Сидорова, Петрозаводск, 1917год.

К сожалению, об этом периоде ее деятельности я знаю только из запомнившихся с детства рассказов, домашних легенд. Например помню, что уезжала на работу она зимой, ждали, когда встанет озеро и дед на лошади, в санях, через замерзшую белую пустыню, повез ее на первое место работы. Жена священника, была женщиной образованной, говорили столичной и потому общение, несомненно, обогатило мою бабушку, приучила ее к хорошему чтению, к классической литературе.

Ольга Тимофеевна была из простой крестьянской семьи, к моменту появления ее на свет в июле 1897 года, семья уже жила в Петрозаводске. Анна Павловна Сидорова (Ульяшова), моя прабабушка не работала, содержала дом, а прадед-Тимофей Иванович Сидоров , занимался частным извозом. Училась Ольга хорошо, но в гимназию ее не приняли, семья не смогла за нее заплатить и отправили в Юргильскую второклассную школу, которую она успешно окончила в декабре 1915года. Но уже в 1918 году я нахожу сведения о ней в документах по народному просвещению города Петрозаводска. Работала она первое время без четкого определения

школы, на заменах и освободившихся вакансиях. Вот документ, который показывает структуру оплаты труда учителя в этот период.(18)

Ведомость об уплате труда учащих г.Петрозаводска из расчета 830 рублей за 36 часов в сентябре, октябре, ноябре 1918года.

№5 Сидорова Ольга Тимофеевна(6 школа)

Число часов	классный наставник	президиум	зав. хозяйством	зав. Учебными пособиями
17	12	9	------	6

В январе 1919 года Ольга Тимофеевна вступает в партию большевиков и получает билет за № 87073.Военная опасность и угроза голода заставили в 1919 г. лидеров партии согласиться на организацию в рамках ЦК РКП(б) и в парткомах на местах женотделов, они обладали относительной самостоятельностью. РКП(б) активно использовала энтузиазм женщин в разного рода мероприятиях, преследуя цель упрочения собственной власти. Наиболее действенной формой их политического и идеологического воспитания, а также привлечения к советской работе были делегатские собрания. Вот на такой форум и была командирована молодая, энергичная и ответственная молодая учительница, Ольга Тимофеевна. Выступления Луначарского, Крупской, Троцкого и многих других лидеров революции произвели на мою бабушку сильное впечатление. Будучи активной, исполнительной и ответственной работницей, она старалась все услышанное не только передать своим коллегам, но и выполнить наказы съезда и это будет просматриваться на всем протяжении ее трудовой деятельности. А уже в мае 1919 года ее , как она писала в своей автобиографии «эвакуируют на юг, я работаю в Полтаве в качестве технического секретаря в Укоме партии у председателя Б….».(19) Именно в годы Гражданской войны появилась схема перемещения ответственных работников из региона в регион, власти признавали такую переброску «с целью освежения и поднятия работоспособности организации» принципиально необходимой и целесообразной. Но это только мое предположение, причины такой миграции предстоит еще изучать.

Вернулась Ольга Тимофеевна в Петрозаводск только в октябре 1919 года, отступали при приближении фронта и прихода в Украину армии Деникина и Врангеля.

Именно в этот период она выходит замуж и становится Войцеховской. Мне неизвестно кто был первый муж моей бабушки, я узнала о его существовании только в самом конце 20 столетия, совершенно случайно обнаружив подпись на фотографии тех лет. Мне пояснили, что Ольга была замужем дважды и, что первый муж был офицер и больше никто и нечего не знал или не хотел говорить.

После возвращения , Ольга Тимофеевна переходит на работу во 2Советскую школу первой ступени, где и работает несколько лет до отъезда в Петроград. В архиве сохранилось ее заявление. (20)

Городской отдел народного образования г.Петрозаводска

Учительницы Ольги Тимофеевны

Войцеховской

Заявление.

Прошу зачислить меня на должность учительницы в одну из школ 1 ступени г.Петрозаводска.

20 октября 1919г *О.Войцеховская*

Постановлением отдела она была принята с 20 октября:

«Назначить во 2 Советскую школу 1 ступени с 20 октября с.г..

Выдать заимообразно до возврата денег из полставки оклада жалования».*

Время было трудное, голодное и ей выдали часть жалованья вперед.

Интересно, что представляла из себя школа. Сохранился статистический отчет на 1 декабря 1918\1919 учебного года.(21)

2Советская школа 1 ступени, г. Петрозаводск, угол проспекта Ленина и улицы Зиновьева

- Год основания 1900
- Смешанная
- Русская
- Церковно-приходская
- В каком ведомстве находится - в Духовном
- Обучение три года
- 3 отделения
- Ежегодный прием
- 1 учитель и две учительницы
- Законоучитель один
- Всего 141 учащийся, из них мальчиков-61, девочек-80

К следующему учебному году, когда туда поступила на работу Ольга Тимофеевна, в школе было уже 6 учителей и только двое из них, моя бабушка и Косенкова Раиса Александровна, были после учительских курсов, остальные закончили гимназию и единственный мужчина , Иванов Николай Тимофеевич, был выпускником семинарии.

И началась активная жизнь. Классы были большие, до 50 человек. Сохранилась фотография тех лет, бабушка в окружении школьников, она сама кажется еще старшеклассницей, скромная молодая учительница сидит среди малышей.

Жизнью школы управлял совет, и Ольга Тимофеевна председательствовала на этом совете. Заседали часто, практически каждый день, решали все вопросы, связанные с жизнью и проблемами школы, готовили новые инициативы:

- Приобретение семян и рассады,
- Наведение порядка в библиотеке,
- Выборы санитарной тройки,
- О дисциплине среди учащихся, о правильном, ежедневном дежурстве в классе,
- О соблюдении порядка в уборной

Были и серьезные вопросы, например о хулиганстве, преследовании словесном детей другой национальности. Школьное собрание обращалось в школьный совет с просьбой перевести ученика в другую школу. Есть и обращения о переводе осиротевших детей в интернат.

Интересны инициативы по организации познавательного отдыха школьников. Ольга Тимофеевна, в конце мая 1920 года, инициировала вывоз детей на водопад Кивач, и отдел образования выделил 30 тыс. рублей для того, чтобы нанять автобус. Экскурсия состоялась. (22)Праздновали начало и конец учебного года, работали по графику в огороде, назначался учитель, ответственный за эту работу. Школа не переставала работать и летом.

«…помещения 2школы 1 ступени может быть занято под Гарнизонную школу на время летних каникул т.к. препятствий никаких не встречается…» и далее следует отчет школы за подписью О.Т.Войцеховской от 7 сентября 1920года:

«Доводится до сведения УГОНО, что в помещении 2Советской школы 1 ступени с июня месяца производятся учения с красноармейцами в вечерние часы.» (23)

Несомненно, обсуждались и вопросы формирования учебного плана и преподавания дисциплин.

Интересна выписка из протокола заседания Коллегии отдела народного Образования при Петрозаводском городском совете рабочих и Красноармейских депутатов от 3 января 1920года(24)

«Слушали: прошение 2 Советской школы 1 ступени от 20 января 1919г за №12 о разрешении введения преподавания немецкого и французских языков **на средства учащихся.**

Постановили:

Отказать, ибо коллегия не выделяет одной школы от другой, к тому-же эти старые замашки интеллигенции давно ушли в область предания. Учение новым языкам введено в школах 2 ступени».

Но жизнь в школах кипела! И школьную жизнь нельзя было отделить от жизни города, его проблем и нужд. Революционный порыв охватывал не только членов партии, но и простых тружеников.

В конце 1919 года на партийном собрании ячеек РКПб г.Петрозаводска слушали вопрос «…упадок партийной дисциплины среди товарищей коммунистов, что выражается в совершенной недеятельности существующих профсоюзов…» и собрание постановило:

«Организовать фракции коммунистов при всех профсоюзах, которых обязать собраться в ближайшее время»

Уже в документах 1921 года Ольга Тимофеевна секретарь фракции Союза РП и С.К.(25)

Любое важное событие в жизни страны затрагивало коммунистов того времени. Собрание коммунистов – учителей постановил:»…Вычесть из месячного оклада коммунистов 10% в пользу «западного фронта», в числе названных и Войцеховская Ольга Тимофеевна.(26)

Это был период формирование активного женского сообщества участников новой жизни.

После выхода замуж за Владычинского Дмитрия Владимировича, в июле 1921 года, переезд в Петроград, работа по ликвидации неграмотности в полку, заведование в библиотеке, затем возвращение в Петрозаводск.

Очень трудный период в жизни молодой семьи, работы не было, пилили дрова, ходили по дворам. Родился первенец – Владимир, Ольга Тимофеевна устраивается на работу в детприемник для детей сирот и трудновоспитуемых детей, служит социальным работником, но работа ее не удовлетворяет. С января 1924 года и по декабрь 1925 она работает корректором газеты Красная Карелия. В декабре 1925 года они переводятся в Кондопогу, где она становится учителем неполной средней школы.

На территории Кондопожского района с 1924 по 1928 год работала всего одна семилетка- в Суне при лесопильном заводе и тридцать школ начальной ступени, вот в одной из таких школ и начала свою деятельность Ольга Тимофеевна. В 1928 году на средства родителей и при их участии было построено двухэтажное здание школы. В 1930 году начальная Кондопожская школа была преобразована в семилетку, в 1933 году ее назначают директором этой школы. Вот она сидит во втором ряду, вторая справа, на общей фотографии коллектива 1936г.

Фото№4. Средняя школа появилась в Кондопоге только в 1936 году.

В марте 1936 года ее переводят в инспектора, а в декабре заведующей Кондопожским РОНО.

Поселок Кондопога в 20-30 годы был не просто городом новостройкой, родиной первого крупного отечественного ЦБ комбината, но и культурным центром. На этой земле собралось большое количество образованных людей, представителей разных культур, опыта и знаний и это, несомненно, отражалось и на развитие отрасли образования на данной территории. Ольга Тимофеевна, всегда вспоминала какой замечательный, высокообразованный и культурный коллектив работал рядом с ней. Она искренне восхищалась, наблюдала и училась у этих людей: ШежемскийС.В., ВинустовВ.А., Линник В.С., Кожина Н.П. и много других соратников и товарищей по работе.

Фото№5. Ольга Тимофеевна Владычинская, ее сын – Владимир Дмитриевич и завуч школы Н.П.Кожина в Доме учителя в Кондопоге.

В 1933 году последовал арест мужа.

Жизнь, после ареста мужа была тревожной, тогда в доме из 8 квартир не было семьи, из которой не забрали хотя бы одного человека. Но жизнь продолжалась и была работа, заботы о семье и отдых. В домашнем архиве сохранились несколько довоенных фотографий бабушки на курортах. Вот одна из них.

Фото№6. Крым, 1936 год, Ольга Тимофеевна стоит на ступеньках лестницы….

В 1938 году Ольгу Тимофеевну переводят на партийную работу в Кондопожский райком партии и ее школьная биография на этом завершается. Началась Великая Отечественная война и Ольга Тимофеевна была призвана в армию, она оказалась на Карельском фронте в Беломорске, политработником банно-прачечного отряда госпиталя, и закончила войну в звании капитана , это звание было присвоено в феврале 1943года.Победу встретили в Ярославле, ожидая отправки госпиталя на восточный фронт.

Фото№7.Ольга Тимофеевна – политработник 1943 год.

В декабре 1943 года она потеряла сына – Владимира Дмитриевича Владычинского, он комсорг лыжного батальона, молодой лейтенант, погиб в боях под Витебском.

После войны она работала инструктором Обкома партии в г.Петрозаводске до 1958года, когда и вышла на пенсию.

А уже в 1951 году в 3-ей мужской школе города, что на Зареке, появилась выпускница университета, исторического факультета, моя мама-Лия Дмитриевна Фроянц (Владычинская).

Фото№8 Лия Дмитриевна Фроянц, четвертая справа.

Она прослужила в образовании более 36 лет. Практически всю жизнь проработала в 10 средней школе города, которая открылась в 1954 году и сначала существовала в здании современной школы искусств и только в 1954 переехала в нынешнее здание на улице Анохина.

Фото№9. 10 школа, Лия Дмитриевна стоит крайняя справа, молодая учительница истории.

Начинала она учителем истории, а с 1961 года и до выхода на пенсию по инвалидности в 1979 года, завучем старших классов. Они работала в одной дружной команде управленцев: Галина Александровна Андерсон и Лия Дмитриевна Фроянц.

Фото№10. Май 1974 года, 10 средняя школа Галина Александровна Андерсон и Лия Дмитриевна Фроянц.

Лия Дмитриевна была не просто грамотным историком, прекрасным управленцем, но и активным учителем. Долгие годы она, вместе с географом Одоевской Галиной, водила школьников в большие походы по своей малой родине, причем это были не только летние путешествия, но и зимние , лыжные походы .Кроме того она много лет руководила, создавала Ленинский зал школы, где были собраны интереснейшие материалы о жизни и труде Великих ленинцев, переписывалась с женами революционеров, музеями и библиотеками страны и зарубежья. Тогда это был школьный высококультурный исторический центр. Была награждена знаками Заслуженный учитель Карелии и СССР. После небольшого перерыва, после перенесенного инфаркта, она работала в педагогических классах при школе, преподавая историю. До конца жизни оставалась активной общественницей.

В 1972 году и я пришла молодой учительницей в 10 среднею школу города и прослужила в образовании от учителя до директора школы 19 лет. Затем заместителем начальника комитета по образованию, председателем комитета, а затем с 2005 года директором Национального архива Республики Карелия, но это уже другая история……

Наша большая разветвленная семья , по неполным данным, прослужила в образовании более 160 лет…..

Список документов:

1. ГАЯО ф.230, оп.2,д.17,л9об
2. ГАЯО ф.570, оп.1,д.66,л49,49об, 50
3. ЕВ ОЦ 1890г., стр.214-215
4. ГАЯО ф.570,оп.1,д.66,л77
5. ГАЯО фУ ф.72,оп.1,д.136,л59
6. ГАЯО фУ ф.25,оп.1,д.102,л14
7. ГАЯО ф.912,оп.1,д.173
8. ГАЯО ф. 912,оп.3,д.13,л4
9. ЦВИА, Москва, ф.409,оп.1,д.132275/1-35
10. НАРК ф. п-6253,оп.1,д.8,л22
11. НАРК ЛА «Красный клич» ,1922
12. СА письма
13. НАРК ф. п-33,оп.1,к3,д.5,л164об
14. НБРК «Красная Карелия» 1922г
15. НАРК ф.р-571,оп.1,д.88\706,л4об
16. НАРК ф.256,оп.1,д.14/273,л28

17. НАРК ф.п-33,оп.2,д.180,
18. НАРК ф. р-581,оп.1,д.2\13,л6об
19. НАРК ф.п-33,оп.1,д.56,л16
20. НАРК ф.р-581,оп.1,д.1,л90
21. НАРК ф.р-581,оп.1,д.31,л31об
22. НАРК ф.р-579,оп.1,д.2/16,л20,21
23. НАРК ф.р-579,оп.1,д.2/16,л27.37
24. НАРК ф.р-581,оп.1,д.1,л9
25. НАРК ф.п-7,оп.1,к13,д211,л35
26. НАРК ф.р-597,оп.1,д2/5,л112

Список сокращений.

- ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
- ГАЯО фУ – Государственный архив Ярославской области филиал Углич
- НАРК – Национальный архив Республики Карелия
- НБРК – Национальная библиотека Республики Карелия
- ЦВИА – Центральный военно-исторический архив
- СА – семейный архив
- ЛА – литературный альманах
- РКПб – Российская Коммунистическая Партия большевиков
- ЦК РКПб – Центральный комитет Российской Коммунистической Партии большевиков
- ЦПШ – церковно приходская школа
- Уком – Уездный комитет партии
- Фракция союза РП и С.К. – фракция союза Работников Просвящения и Социалистической Культуры
- ЕВ – Епархиальные ведомости

В.А. Карелин, Кондопожская СОШ № 1

Краеведческая традиция в Кондопожском крае

Думается, что краеведением люди занимались всегда. Вначале оно носило чисто практический характер. Надо было выбрать место для жилья, отметить приметы удачного лова рыбы, найти наиболее удобный путь передвижения. Не случайно, что первое письменное упоминание о крае находится в дорожнике Ионы Соловецкого (родился в 1561 году).[1] Это был монах Соловецкого монастыря. Считается, что свою поездку он совершил в конце 1610-х-начале 1620-х годов. Это была зимняя поездка по наезженному торговому пути из Поморья в Новгород. Среди прочих населенных пунктов торговые люди миновали Борково (Бардово), Мело (Мело-Губу), Колгостров, Чеболокшу, Вашезеро.

В XVIII веке занятие краеведением уже востребовано государством. Достаточно вспомнить указы Петра Первого, требующие описывать и собирать диковинные вещи. При Екатерине Второй от наместников, а затем губернаторов требовалась обязательное знакомство со вверенным им краем, с подробным описанием оного. Так появляются «подённые записки»[2] Г. Р. Державина – первого губернатора края, в которой подробно описан каждый из пяти дней пребывания в Петрозаводском уезде, куда входила Кондопожская волость. Первые научные записи о крае сделал Н. Я. Озерецковский[3], который путешествовал в том же, что и Державин 1785 году, но другим маршрутом. Обязательные записи о крае делали сельские священники. Об этом в частности пишет Л. А. Плотников (1883-1980), отец которого возглавлял Лижемский приход. Записки эти не сохранились, но сохранись воспоминания самого Плотникова, с которого правомерно начинать историю краеведения в Кондопожском крае. Если иметь ввиду рубеж XIX – XX веков, то Лижма «подарила» целое созвездие краеведов. Это А. Л. Плотников, А. И. Шошин, Ф. Ф. Кашпанов, которые много и обстоятельно писали о ней. Причину подобного феномена автор подробно описывает в статье «Люди деревни Лижма».[4]

История семьи Плотниковых освящена подробно в статье К. Б. Калашниковой «Священники Плотниковы из Лижемскго прихода Петрозаводского уезда».[5] Жизненный путь

---

[1] Пашков, А. М. Дорожник Ионы Соловецкого как исторический источник по истории Кондопожского края в конце XVI - начале XVII веков. Кондопожский край в истории Карелии и России. – Петрозаводск-Кондопога. – 2000. – с. 60-62.
[2] Эпштейн, Е. М. Державин в Карелии. – Петрозаводск. - 1986.
[3] Озерецковский, Н. Я. Путешествия по озерам Ладожскому и Онежскому. – Петрозаводск. - 1989.
[4] Карелин, В. А. Люди деревни Лижма (Смотри данный сборник). – Кондопога. - 2016.

Плотникова вобрал в себя все трагедии XX века – закрытие церкви в Лижме, где служил Лев Аполлонович, раскулачивание, работа на лесозаготовках, смерть трех сыновей, старший из которых репрессирован и расстрелян, двое других погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Свою жизнь он доживал с единственной дочерью. При этом оставался добрым и мудрым, не сказавшим о своих земляках ни одного дурного слова. В ней она в частности говорит о рукописи Льва Аполлоновича Плотникова «Я и моя деревня». Эта рукопись находилась у дочери священника Татьяны Львовны Козловой. Первыми, кто прочел, переписал и представил ее читателям, были мать и дочь Лебедевы, также лижемские уроженки, проживающие в Кондопоге. В своей статье «Лев Аполлонович Плотников»[6] они целый раздел посвятили краеведческому наследию Льва Аполлоновича. Это подробное описание церковного прихода и сельских праздников, жизни и быта односельчан, их занятий и судеб, а также всего того, что мы сегодня называем инфраструктурой – почтовая станция, медицинское обслуживание, школа.

Л. А. Плотников с женой Капитолиной Ефимовной

Л. А. Плотников с дочерью Т. Л. Козловой

Об этом же с той или иной степенью подробности пишут Андрей Иванович Шошин, Федор Федорович Кашпанов. Шошин и Плотников писали «в стол», т. е при жизни их краеведческие записки не были опубликованы. Краеведческое наследие А. И. Шошина (1903-1977) шире и разнообразнее. Он составляет «Словарь обонежского говора», а также ведет подробный

[5] Калашникова, К. Б. Священники Плотниковы из Лижемского прихода Петрозаводского уезда. Кондопожский край в истории Карели и России. - Петрозаводск-Кондопога. - 2005. – с.54-69.
[6] Лебедева, М. И., Сергеева, А. В. Лев Аполлонович Плотников. - Там же. - стр. 72-79.

дневник «Семейных и служебных событий», который содержит много краеведческих материалов. Главный же его труд - это подробное «Воспоминание о деревне Лижма»[7], отвечающее всем требованиям краеведческой работы. Секретарь комсомольской ячейки в Лижме во время гражданской войны, недолгая служба в армии, заочная учеба в промышленно-экономическом техникуме, работа бухгалтером, ожидание репрессий в 1937 году. Дневниковая запись: «Черный 1937 год. Собранный чемодан, убирают большинство знакомых». В годы войны сержант отдельной истребительной противотанковой роты. Участвовал в боях за Свирь, в освобождении Заполярья, Венгрии. Награжден Орденом Красной звезды и медалями. После войны - главный бухгалтер ОРСа Целлюлозно-бумажного комбината. Известный на весь город цветовод и садовод.

Первым, кто публикует свое краеведческие материалы, был Ф. Ф. Кашпанов (1916-2001), также уроженец Лижмы. Он вряд ли знал о записях Плотникова и Шошина, во всяком случае он нигде на них не ссылается. Материалы Кашпанова из номера в номер публикует газета «Новая Кондопога».[8] В них - рассказ о жизни Лижмы и лижемцев. В своих статьях Кашпанов использует научные публикации по истории Лижмы. Работая учителем географии Кедрозерской школы, он организует вместе с учащимися краеведческие экспедиции, создает в школе краеведческий музей. Члены краеведческого кружка четыре раза приезжали в Апатиты, где по приглашению Кольского филиала Академии наук участвовали в научной конференции. Так Ф. Ф. Кашпанов был принят в члены Географического общества СССР.

[7] Карелин, В. А. Андрей Иванович Шошин. Там же. С. 5-12.
[8] Кашпанов, Ф. Ф. Лижма // Новая Кондопога. – 1994. - № 86, 88, 89, 100, 102 . – 1995. - № 19.

Татьяна Ивановна и Федор Федорович	**Ф. Ф. Кашпанов, 80-е годы** **Кашпановы, 40-е годы**

Ровесником Кашпанова был другой краевед Кондопожского края А. П. Востряков (1917-2003). Вся его жизнь была связана со словом. Работал в районной конторы связи, учился в Ленинграде на «Всесоюзных курсах редакторов радиовещания». В 1942 году закончил Военно-политическое училище, литсотрудник газеты «Меткий артиллерист». Дошел до Берлина, был ранен. После войны работал в школе, а также на советско-партийной работе. Всю жизнь писал стихи. Заочно закончил ПГУ. Создал музей Трудовой и боевой славы в Тресте «Кондопожстрой». Он стал автором первой опубликованной книги о Кондопоге.[9] Затем из-под его пера вышли еще две книги под общим названием «Кондопога – жизнь моя».[10] Будучи уроженцем деревни Горка и ее патриотом, он опубликовал цикл краеведческих статей под общим названием «Горка»,[11] в которых несмотря на атеистические времена, в том числе ратовал за сохранение горской Никольской церкви.

В 1967 году в Кондопоге появился краеведческий музей, за создание которого ратовал Сергей Васильевич Шежемский (1892-1969). Широко мыслящий, стоящий у истоков народного образования края, он приложил немало усилий, чтобы музей этот появился. Непосредственно создателем его стала Людмила Федоровна Лопаткина, человек умный и энергичный.

[9] Востряков, А. П. Кондопога. – Петрозаводск. - 1975.
[10] Востряков, А. П. Кондопога – жизнь моя. – Кондопога. - 1992.
[11] Востряков, А. П. Горка // Новая Кондопога. – 1993. - № 20, 37, 38.

Особое место в ряду краеведов занимает Герус Яковлевич Пудышев (1936-2008). Учитель физики по своей основной специальности, он глубоко изучил и опубликовал родословие коренных жителей деревни Кондопога, обнаружил дату первого упоминания о ней. Результатом его сотрудничества с Петрозаводским университетом стала статья, опубликованная в журнале «Краевед -10 лет».[12] Уже после смерти Геруса Яковлевича вышла его объемная книга «Кондопога изначальная».[13]

С. В. Шежемский	**Г. Я. Пудышев**

[12] Чернякова, И. Шевцов, В, Пудышев, Г. Успенская церковь в Кондопоге: день нынешний и век минувший // Краевед – 10 лет. Из-во Петрозаводского университета. – 1999. - с. 36-50.
[13] Пудышев, Г. Я. Кондопога изначальная. Скандинавия. - 2011.

2013 открыл имя нового краеведа – Георгия Никифоровича Акатова. Его родственники передали две амбарные книги, исписанные хорошо читаемым почерком, это были воспоминания, которые охватывают период с начала 20 столетия по 1918 год. Указана точная дата начала работы над воспоминаниями – декабрь 1961 года, но множество точных дат и деталей говорят о том, что записи велись и ранее. Родился Георгий Никифорович Акатов в 1898 году. Он был седьмым ребенком из 13 детей. О своем образовании он пишет: «Академии я не кончал. Не то было время, а всего окончил кокоринскую приходскую школу. Затем он крестьянствовал, работал на промыслах, несколько лет жил и работал в Питере, в мальчиках. Был взят в армию. Служил в Луге. Здесь, во время службы его застали Февральская и Октябрьская революции, свидетелем и пассивным участником которых он был. Служил в Красной Армии с апреля 1928 года. Работал на Кондострое. В годы войны работал на бумкомбинате в Архангельске, а затем снова в Кондопоге. Многие страницы его воспоминаний посвящены жизни и быту его родной деревни. Он много пишет о связях с Петрозаводском и Санкт-Петербургом. Множество страниц воспоминаний посвящена работе в мальчиках. Акатов обладал несомненным литературным талантом. Его воспоминания легко и с интересом читаются.

В 1996 году вышла книга «Кондопога. Очерки истории и культуры края».[14] Ничего подобного по оформлению и содержанию тогда в республике не было. В авторский коллектив под руководством В. А. Карелина вошли А. С. Карпенко, Г. Я. Пудышев, В. М. Яковицкий. Надо особенно подчеркнуть заинтересованность местной власти в этой книги. Руководители района Кригер А. А. Бессонов А. Г. сделали все, чтобы эта книга появилась.

Эти годы можно считать временем расцвета и признания кондопожского краеведения. Кондопожский православный приход по инициативе Льва Николаевича Большакова проводит конференцию, посвященную юбилею Успенской церкви, на которой выступают ведущие российские ученые, занимающиеся деревянной архитектурой Севера. По итогам конференции выходит сборник «Успенская церковь в Кондопоге».[15] В 2000 и 2005 годах также в Кондопоге проходят две краеведческие конференции, где выступают ученые из Петрозаводска и кондопожские краеведы. По их итогам выходят два объемных сборника «Кондопожский край в истории Карелии и России».[16] В 2006 году выходит книга учителя

[14] Карелин, В. А., Карпенко, А. С., Пудышев, Г. Я., Яковицкий В. М. Кондопога. Очерки истории и культуры края. Петрозаводск. - 1996.
[15] Успенская церковь в Кондопоге. - Кондопога – Санкт-Петербург. - 1994-1996.
[16] Кондопожский край в истории Карелии и России. - Петрозаводск – Кондопога. - 2000-2005.

истории и краеведа Виктора Анатольевича Карелина «Очерки истории Кондопожского края».[17] Книга вобрала в себя дореволюционную историю края, а также историю его сел и поселков. Книга вышла при самом деятельном участии тогдашнего руководителя района О. А. Панова.

Эту работу успешно продолжает созданный в 2011 году краеведческий клуб «Oma kodi – Родной дом» под руководством И. Г. Ильиной. Достаточно сказать, что на XI республиканской краеведческой конференции клубом представлено шесть докладов практически на всех секциях конференции.

[17] Карелин, В. А. Очерки истории Кондопожского края. – Петрозаводск. - 2006.

Е.И. Маркова, ИЯЛИ КарНЦ РАН

УШЕЛ ЗА ГОРИЗОНТ…
(О Николае Кораблеве)

«А всё-таки есть в этом мире Лисс…» Почему, почему этот стих отзывается далеким неслышным аккордом в памяти. Отзывается, когда слушаешь воспоминания о Николае Александровиче Кораблеве других, когда пытаешься сам найти слова о нём…

А всё-таки есть в этом мире Лисс,
Да только пути к нему нет…

Но ты так молод и так силен, что не можешь не найти легендарного капитана… Знаешь – плыть тебе под алыми парусами…

Конечно, те, кто находился 1 сентября 1965 года в актовом зале Петрозаводского университета, стихов этих не знали. Каждый – прозой или стихами – думал о том, что первый барьер преодолен, и путь в другую (взрослую) жизнь открыт, потому и запомнилось приветствие профессора И.И. Сюкияйнена, обращенное к новоявленным студентам: «Первый шаг сделан. Вы прошли по конкурсу. Другие остались там…» Сочувствуя тем, *другим*, все же рад, что ты здесь: слушаешь профессора, так похожего на своего «киношного» двойника. Седой и стройный, в светло-сером костюме и очках.

Кажется, он назвал число принятых – 1000 человек. Это набор на все факультеты, на наш, историко-филологический, всего 75: 25 – на историческое отделение, 25 – на филологическое, 25 – на финно-угорское. На последнее отделение конкурса практически не было, на филологическое – 2 человека на место, на историческое – 5. Так что выпускнику пудожской школы Николаю Кораблеву надо было сделать достаточно высокий прыжок. Но кому, как не сыну историка-краеведа, его осилить. Кому, как не Кораблеву (сама фамилия обязывает), потомку пудожских судовладельцев, не пуститься по волнам познания в далекое плавание до станции «Наука».

Видишь – каплей крови повис
Над горизонтом
Корвет.

Этот корвет никого из нас, увы, не минует, а пока нам маячит другой горизонт: на доске объявлений – приглашение ко всем желающим стать корреспондентами факультетской стенгазеты «Горизонт» прийти в такую-то аудиторию в заветный день, в заветный час. Туда пришел Коля Кораблев с его однокурсниками Ваней Болдыревым и Вадимом Яшковым. Туда пришли мы с Олей Щеплинцевой, впоследствии корреспондентом газеты «Водник Карелии»

(ну, как не вспомнишь корвет, если у всех по жизни «вода–вода…»). Был ли с нами Женя Неёлов, или позже принес свои стихи, не помню.

Помню точно, что встретили нас опытные «акулы пера». Этого слогана тогда не было, но для нас, первокурсников, уходящий в многотиражную газету «Петрозаводский университет» редактор Людмила Апанасюк (3 курс) и ее преемник Маша Михкиева (2 курс) были теми самыми рыбами. Особенно строга была Маша: и здесь штамп, и тут штамп. Читатели тоже далеко не всегда привечали, могли и такое выдать: «Никто в университете хуже тебя никогда не писал».

Коля, худощавый, выше среднего роста, в обычном по тем временам и деньгам неброском костюме. Запомнился, потому что в споры не пускался, командовать не любил, а вот поострить умел. Шуток как таковых не помню, но впечатление от колких, но необидных наблюдений осталось.

Если ты делаешь «Горизонт», то, конечно, во весь горизонт. На газету уходил не один кусок ватмана, поэтому она не помещалась на столе, а расстилалась на полу. И здесь царствовал Вадим Яшков, что-то рисовал, что-то подклеивал. Ему помогали, пока это было необходимо. Потом они с Ваней Болдыревым, ставшим редактором, оставались в университете допоздна.

А утром, занимая чуть ли не всю стену, на 3-м этаже висела газета «Горизонт», которую читали все: студенты, преподаватели и те, кто почему-то оказался в этом месте. Критика, конечно, была, но была и гордость: наша газета самая большая, самая лучшая: в чем-чем, а в этом никто не сомневался.

Я в газете проработала полтора года (три семестра) и занялась другими делами. С Колей пересекались крайне редко. Годы его учебы пали на время, когда историки в отличие от филологов и финно-угров учились не 5, а 4 года. Если сначала лекции по общественным дисциплинам читали всему потоку, то потом историкам, учившимся по ускоренной программе, преподавали отдельно.

Только после кончины Николая Александровича я узнала, что он был членом поэтического кружка «Синяя кляча», осталась рукопись его стихов, изданная малым-премалым тиражом дирекцией Института ЯЛИ.

Возможно, тогда и всплыли в памяти строки из стихотворения Валерия Ананьина «А все-таки есть в этом мире Лисс», напечатанного в студенческом сборнике «Синий меридиан» в 1968 году[1]. В него вошли стихи 14 поэтов, участников одноименного студенческого поэтического клуба. Назову их по имени: кого-то Николай Александрович знал, кого-то не знал, но уж сборник-то читал: Валерий Ананьин (тот самый, что представил русскому читателю новый перевод «Гамлета»), Т. Кожевникова (Т.И. Сенькина, будущий коллега Н.А. Кораблева в

[1] Синий меридиан. Стихи студентов / Предисловие Л. Резникова. Петрозаводск, 1968. 47 с.

ИЯЛИ), А. Солоходинов, В. Ханнолайнен, Ю. Воробьев, В. Рогачев (впоследствии доцент Тюменского университета), О. Егоров, В. Кикинов (сын известного карельского поэта Г. Кикинова), Л. Кирьякова, П. Уваров, В. Федоров, Е. Неёлов (будущий профессор ПетрГУ), П. Пёлля (Пека Пёлля – в будущем профессиональный поэт, член Союза советских писателей с 1983 года), Г. Петров.

Случайно, где-то на рубеже 1966–1967 годов, я оказалась на заседании клуба «Синий меридиан». Вел его доктор филологических наук Леонид Яковлевич Резников. Речь как раз шла о надежде увидеть, наконец-то, свой сборник. Из студентов помню неистового Володю Рогачева, сдержанного Женю Неёлова, Олю Щеплинцеву. Запомнился Вяйно Ханнолайнен. Маленький, подвижно-суетливый. Что-то говорил, доказывал. Люда Курчина, по окончании заседания сказала, что Ханнолайнен, обидевшись на замечание Резникова, сказавшего, что над стихами надо много работать, будто в ответ бормотал: «Я ему покажу черновики… Я ему принесу черновики…»

Коли Кораблева среди собравшихся не было. Являлся ли он членом клуба «Синий меридиан», не знаю, но точно знаю, что ощущал эту поэтическую атмосферу второй половины 1960-х годов. Да, поэты уже не собирали стадионы, но стихи еще были чуть ли не главным чтением молодых и далеко не молодых людей. Ведь ранняя-ранняя юность наша пала на время, когда свершился полет Гагарина, когда романтическим (для нас!) пламенем вспыхнула кубинская революция, когда кумиром был поэт Евгений Евтушенко. Вот и «Синяя кляча» Николая Кораблева – это своеобразный диалог с «Синим меридианом». Совсем в духе ироничного, тогда такого молодого Коли Кораблева.

По окончании университета пути наши разошлись. Встретились мы вновь в 1984 году, когда я пришла на работу в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне Карельского научного центра РАН). Конечно, комфортнее чувствуешь себя на новом месте, когда видишь знакомые лица: Неонила Артемовна Криничная (читала на нашем курсе методику преподавания литературы, руководила студенческой фольклорной экспедицией), Татьяна Ивановна Сенькина (подруга по аспирантуре), Юрий Иванович Дюжев (руководитель секции детской литературы при местном отделении Союза писателей, которую я посещала с 1982 года), Елена Григорьевна Сойни (Лена Бондаренко, которую я, аспирантка, приглашала прочитать доклад на занятии кружка юных литературоведов). Не была знакома, но пересекалась по жизни с Армасом (Олегом) Иосифовичем Мишиным, Ниной Александровной Лавонен, Эйно Генриховичем Карху, Александрой Павловной Разумовой. Еще в студенческие годы знала, что в нашем городе живет подающий большие надежды археолог Юрий Александрович Савватеев.

И еще одно знакомое лицо – Коля Кораблев, теперь Николай Александрович, теперь кандидат исторических наук. Где-то видела еще одного сотрудника сектора истории. Этим знакомым незнакомцем оказался одногруппник Кораблева, кандидат исторических наук Василий Григорьевич Макуров.

Через год работы в Институте меня назначили редактором стенгазеты «Сампо». Как-то сложилось, что и здесь собрался коллектив единомышленников. И здесь была, правда, не такая большая, как «Горизонт», но тоже весьма протяженная в пространстве газета. и здесь ее читали все: наши сотрудники и наши посетители. Вот только собирать заметки было труднее. Институт, где все пишут и публикуются, не спешил оставить свой след в стенной печати.

Поскольку номер, как правило, выходил к очередному празднику, то его надо не только, так сказать, идеологически осветить, но и оживить это событие личностным взглядом кого-то из сотрудников. В какой-то год камнем преткновения стал День Советской Армии. Шла перестройка, никто не боялся говорить о том, как плохо служить в нашей армии. Даже добрый Карл Раутио не согласился что-то написать: служил, дескать, в музыкальной роте, не солдат, а музыкант в шинели.

Обратилась к Коле, и он написал, что служил в железнодорожных войсках, выдал ироничный экспромт про карела с лопатой на железнодорожных путях. Тогда-то и узнала, что рифмовать он умеет. В общем, номер благодаря ему был спасен.

Что я могу сказать о Николае Александровиче Кораблеве как о моем коллеге?.. Для начала опять стихи:

… … …
Над горизонтом
Корвет.
Кричи, зови…
Грохочет прибой.
Старайся до хрипоты –
Все равно капитан
Не возьмет с собой.
Ассоль для него – не ты.

Свою-то Ассоль, жену Светлану Сергеевну, Николай Александрович нашел и прожил с ней в любви и согласии до самых последних дней.

Но в контексте жизни и судьбы Кораблева можно эти романтичные образы истолковать так: Ассоль – твоя книга (твоя жизнь в науке), а Лисс, символическое воплощение научного сообщества, которое либо тебя принимает, либо – кричи, зови… – отвергает.

Я пришла в Институт после одиннадцати лет педагогической деятельности (3 года в школе, 8 – в вузе), поэтому далеко не сразу разобралась в специфике академического учреждения. Субъективно (ни в коей мере не настаиваю на своей объективности) складывалось впечатление, что сектор истории, мягко говоря, не любят. Мол, они уже сто лет пишут и никак не напишут историю Карелии. Тогдашний зав. сектором А.С. Жербин оптимистически заявлял, что все идет по плану. Однако в коллективе думали по-другому. В нашей газете об этом затянувшемся творческом процессе было сказано предельно кратко, но точно: «бриллиантовая строка».

Тем не менее Колина судьба складывалась совсем неплохо: он получил должность старшего научного сотрудника. Когда поздравила его, то в ответ услышала «Зачем дали, если собираются отнять». Дело в том, что в 1986 году двухступенчатую иерархию (старший – младший) заменили на пятиступенчатую: сотрудники могли получить статус главного, ведущего, старшего, научного и младшего. Одних младших тогда повысили до научных, кое-кого из старших (например, Э.С. Киуру, Н.С. Кораблева) понизили до научных. Довольно быстро их восстановили в прежней должности, но, как говорится, осадок остался.

То ли у исследователя шел период накопления, то ли что-то не ладилось (ученый не конвейер: не может постоянно работать хорошо и споро), но на аттестационную комиссию (кажется, последнюю советскую) Николай Александрович пришел с весьма скромными результатами, поэтому голоса о понижении в должности звучали. Как член комиссии, я придерживалась противоположного мнения, которое, к счастью, победило.

А потом будто плотину прорвало… За историческими штудиями следуют краеведческие работы, статьи, книги… Востребованность стопроцентная. До докторской ли диссертации… Может, были и другие причины ее не защищать. Если ты – настоящий ученый, то далеко не обязательно подтверждать это званиями и названиями. Во всяком случае для Николая Александровича это было именно так.

Сектор истории, которым в 1990-е годы руководил Василий Григорьевич Макуров, решил возобновить работу над историей Карелии, причем не реанимировать прежние наработки, а написать с позиции только формирующегося Новейшего времени. Задача архисложная, ибо тогда чуть не каждый в стране считал себя не только носителем исторического знания, но и исторической концепции. Зная, как мучительно тяжело писать обобщающий труд в эпоху перемен, я, один из основных исполнителей «Истории литературы Карелии»: в 3-х томах, даже осторожно попыталась отговорить Василия Григорьевича и Николая Александровича от их решения. Были и совсем неосторожные голоса, высказывавшихся «против». Но Василий Григорьевич не сдался. Коллектив исследователей сектора, для которого мнение Кораблева было всегда весомо, совместно с приглашенными

учеными выполнил поставленную задачу. Конечно, споры идут по сей день, что, думаю, только на пользу науке, как бы ее не называть: Клио, Лисс или просто История. Как же мне было приятно, когда в день моего полу-юбилея (2002) Василий Григорьевич и Николай Александрович подарили мне «Историю Карелии с древнейших времен до наших дней»[2] с дорогой моему сердцу дарственной надписью.

Сейчас в быту ученого характеризуют одним словом «ботаник», имея в виду человека, который копается то ли в червях, то ли в пыльных папках со старыми документами: и ему нет ни до кого дела, и тем более никому нет до него дела.

В реальности наука – это постоянное столкновение идей и страстей. Отстаивая свою позицию, платишь за нее здоровьем, даже жизнью. Воистину: «…каплей крови повис Над горизонтом Корвет…»

На том корвете и ушел от нас Николай Александрович Кораблев. Небесный Лисс забрал его, оставив нам его труды и вечную память о нем, настоящем ученом и достойном человеке.

Постскриптум.

Как-то в разговоре с Зинаидой Ивановной Строгальщиковой я сказала, что наш курс дал 6 дипломированных исследователей. Ее это удивило, так как ни один курс, кажется, не мог похвастаться этим. Были достойнейшие учителя, уважаемые библиотекари и сотрудники издательств, журналисты и даже поэты. Один ученый на курс – уже «ого-го».

Назову имена исследователей нашего курса, уже покинувших нас: Тамара Ивановна Старшова (Петрова) (1947–2013), кандидат филологических наук, декан факультета прибалтийско-финской филологии и культуры ПетрГУ (Тамара умерла, и факультет закрыли); Евгений Михайлович Неёлов (1947–2014), доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики ПетрГУ; Николай Александрович Кораблев (1947–2016), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ИЯЛИ КарНЦ РАН.

И сегодня по мере сил работают на науку: Юрий Алексеевич Тополь, доктор исторических наук (работает на Украине); Сергей Иванович Шубин, доктор исторических наук, профессор Северного Арктического Федерального университета (Архангельск); Василий Григорьевич Макуров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ИЯЛИ КарНЦ РАН; Елена Ивановна Маркова, доктор филологических наук, заведующая сектором литературоведения ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кораблев всегда дополнял этот список именем не дипломированного, но очень интересного исследователя Копанёва Виктора Николаевича, преподавателя Северо–Западного филиала Московского государственного

[2] История литературы Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общей редакцией Н.А. Кораблева, В.Г. Макурова, Ю.А. Савватеева, М.И. Шумилова. Петрозаводск: «Периодика», 2001. 944 с.

экономического университета (Петрозаводск; ныне он на пенсии). Следует также включить Людмилу Борисовну Галанину (Героеву), ведущего архивиста Научного архива КарНЦ РАН; филолога-краеведа Николая Петровича Кутькова (в прошлом редактора издательства Петрозаводска, ныне преподавателя ПетрГУ). Уже 10 имён!

Почему время выбрало нас? Во-первых, к моменту нашего поступления преподаватели университета имели достаточно высокую квалификацию, чтобы подготовить новую плеяду ученых[3]. Во-вторых, острый интерес к ученым-физикам в 1960-е годы (вспомните, например, кинофильм «Девять дней одного года») изменил свой вектор в сторону гуманитариев. Интеллигенция и все любознательное сообщество независимо от профессиональной принадлежности читали труды М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана и других корифеев той эпохи.

Гуманитарии нужны были времени, начавшему свой отсчет с 1969 года, и мы, сами не ведая того, выполнили социальный заказ.

И все-таки есть в этом мире Лисс,
Да только пути к нему нет…

Как нет? Мы же ищем и находим в пространстве Науки свою тропинку.

[3] Как-то в беседе с одним выпускником ЛГУ я сказала, что нас всего в группе было 25. Когда он услышал, сколько преподавателей учили этих 25, то заметил: «Вы получили элитарное образование». Того же мнения поддерживается и Е. Ганопольская, автор статьи о выпускнике 1968 года Владимире Рогачеве, характеризуя Петрозаводский университет как «элитный вуз». См.: Ганопольская Е. Владимир Рогачев: представление во многих действиях (без антракта) // В. Рогачев. Такая культурная жизнь. Тюмень. «Тюменьский курьер», 2004. С. 491.

Раздел 7. Секция «Простой советский человек»: персоны и образы в контексте повседневности

А.И. Тараканова,
Дом творчества детей и юношества (Кондопога)

М.А.Токарский - человек, благодаря которому родился город

Первое упоминание о поселении Кондопога встречается в «Писцовой книге Обонежской пятины» за 1495 год[1] потому принято считать, что Кондопоге белее 500 лет, но в данном случае речь идет о деревне Кондопога, а вот к городу Кондопога это имеет опосредованное отношение. На сегодняшний день деревня Кондопога переименована в улицу Кондопожскую, а территориально располагается в 5 километрах от самого города. Город же возник на месте скал, лесов, болот и крестьянских пожней благодаря строительству фабрик и электростанции.

«26 апреля 1921 года… Совнарком принял развернутое постановление о перспективах хозяйственного развития Карелии и оказании ей необходимой помощи. В постановлении говорилось: «Признать срочными следующие работы по восстановлению народного хозяйства в Карелии: а) постройка и оборудование бумажной фабрики, целлюлозной фабрики, деревообрабатывающего завода и центральной электростанции в Кондопоге на реке Суне…» [2]

«С 1923 года ЦСНХ АКССР приступил к практическому осуществлению плана электрификации Карелии и начал постройку Кондопожской гидроэлектрической установки… Общее количество энергии после осуществлению всех работ…будет 125 миллионов киловатт-часов. Вся эта энергия предназначена для … бумажной и древесно-массовой фабрики, производительность которой намечена на ближайшее время в 25 000 тонн бумаги в год»[3] «Строительство бумажной фабрики и электростанции началось летом 1923 года. В Кондопогу прибывают рабочие»[4]

И только 5 июня 1938 года Председатель ВЦИК М.И.Калинин подписывает Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: «Преобразовать рабочий поселок

---

[1] Кондопога изначальная / Г. Я. Пудышев.-Петрозаводск : Скандинавия, 2011.
[2] Красная Карелия. Сборник материалов официального характера, относящихся к истории Карелии со времени образования Карельской Трудовой Коммуны до преобразования ее в Автономную Советскую Социалистическую Республику. Петрозаводск, 1925, с. 29.
[3] Никольский, И. М. Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики / Наркомпрос АКССР ; Сост. И. М. Никольский. 1-я часть краеведческой хрестоматии "Карел. край". - Петрозаводск, 1929. стр. 136-137
[4] В.М.Яковицкий «Социально-экономические преобразования после революции стр.51 «Кондопога. Очерки истории и культуры края»/Карелин В.А, Карпенко А.С., Ермолин В.В., Яковицкий В.М., Пудышев Г.Я.-Петрозаводск:АО «Карпович сизарексет», 1996

Кондопога Кондопожского района Карельской АССР в город, сохранив за ним прежнее наименование». О чем свидетельствует мемориальная доска, расположенная в Кондопоге на одном из домов по ул. Пролетарской.

Проекты строительства гидроэлектростанции и бумагоделательного завода были реализованы при Советской Власти, а придуманы, просчитаны и начато их строительство еще до Октябрьской Революции. Много различных имен осталось в истории этих строек:

– Председатель экономического совещания Карельской Трудовой Коммуны Коммуны - Александр Васильевич Шотман.

– Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин. Его визит был необходим, чтобы поднять моральный дух строителей, а главное - давал надежду на поддержку. Впоследствии она оправдалась.

– Руководитель сначала Карельской Трудовой Коммуны, а потом автономной республики – Эдвард Александрович Гюллинг. Именно он способствовал продвижению в жизнь кондопожской бизнес – идеи Токарского. Будь на его месте другой человек, всё было бы иначе.[5]

Но был тот, кто первым увидел в небольшом селении Кондопога будущий промышленный центр Карелии это - инженер-технолог Михаил Антонович Токарский. Он не только придумал, составил и экономически обосновал проект развития этого района, но и реализовывал задуманное.

Михаил Антонович Токарский 1868-1941(1942)гг.

Михаил Антонович Токарский родился 3/18 апреля 1868 года в Новгородской губернии в дворянской семье. [6]

Родовая усадьба Спирово Новгородской губернии с землями вокруг досталась в наследство отцу Михаила Антоновича - Антону Даниловичу Токарскому, где он проживал со своей женой Прасковьей Федоровной Токарской (мать Михаила Антоновича - прим. автора).[7] Михаил Антонович рос в большой семье, у него был родной брат Вячеслав и сводные: Валентина, Ольга и Сергей [8] Семья была образованной «В доме находилась «большая библиотека, состоявшая из новых книжных изданий, появившихся после 60-ых годов» (19 века прим. автора) [9]

---

[5] М.Бошакова «Праотцы бумкомбината» газета «Новая Кондопога» от 20 июня 2014г.
[6] Источник http://rodoslovnaya.org/ru.
[7] Аничков, И.В. «Обзор помещичьих усадьб Новгородской губернии» – стр.50-52. Новгород, Губернская типография, 1916г.
[8] Источник http://beckman.ru/personi/sell_AY_LY.htm#tokarskii_SA.
[9] Аничков, И.В. там же стр.50-52.

Михаил в жены взял выпускницу Смольного института благородных девиц Марию Васильевну Александрову. У них родилось двое детей: сын Николай и дочь Нина. Она (М.В. Токарская) занималась воспитанием детей, преподавала им некоторые дисциплины, способствовала развитию театральной жизни.[10]

"В 1914 году Михаил Антонович покупает усадьбу Заветное. Расположена она на 37-м км автодороги Окуловка - Крестцы, в полукилометре от деревни Малый Борок. Она была известна ещё со времён царствования Екатерины II и представляла собой тогда небольшой хутор в лесу.. Михаил Антонович Токарский …предпринял основательную перестройку усадьбы, широко применив в художественных целях тонкостенный железобетон… Он в короткий срок выстроил здесь 2 двухэтажных дома в романтическом стиле, 2 флигеля, оригинальную часовню, въездные ворота, пруд, фонтаны, водонапорную башню, ступеньки, спускающиеся к воде, железобетонную плотину с водохранилищем, беседку на острове, парк, аллеи , оранжерею, баню, купальню, прачечную, кукольный домик и проч. Со временем появился и летний театр на 100 мест, в котором выступали петербургские артисты. В усадьбе имелись водопровод, электрогенератор, гидротаран для подъёма воды, паровое отопление, электроосвещение. Сооружения усадьбы сделаны по чертежам М.А.Токарского мастером из Вологодской губернии Андреем Ногтевым с сыном. В те времена Заветное называли «маленьким Версалем». Её следует рассматривать как вариант паркового павильона, рыцарский замок в миниатюре» [11]

Усадьба Заветное. Фото 1915г.

«Жемчужиной усадьбы является миниатюрная часовня из тонкостенного железобетона, стоящая на насыпном островерхом холме. Отлитое из бетона до мельчайших деталей в лепке интерьера и рустовке наружных стен, сооружение не имеет ни единого шва…

[10] М. Паскуль личный архив члена Союза писателей России, зав. отделом инновационной деятельности и массовой работы Окуловского библиотечно-информационного центра

[11] Усадьба М.Токарского «Заветное» источник http://okulovka.com/node/29

В 1920 году имение «Заветное» было обследовано обществом Главнаука и предлагалось для присоединения к художественному фонду Петродворца. Созданная в подражание Версалю или Петергофу усадьба представляла большой архитектурно-художественный и технический интерес как один из редких образцов усадебного строительства из железобетона в России…

Усадьба Заветное. Часовня. Фото 2013г.

Мир усадьбы - это судьбы людей, семей, иногда целых поколений. Понять характер усадьбы - значит узнать, каков её хозяин» [12]

Из воспоминаний Ксении Николаевны Усовой и Лии Николаевны Командировой (дочери Николая Михайловича сына М.А.Токарского) и Татьяны Викторовны Тарадиной (дочь Нины Михайловны дочери М.А. Токарского) « Из рассказов мамы мы знаем (пишут внучки Токарского М.А.), что в семье дедушки было много молодых людей, их дети, племянники и со стороны Марии Васильевны тоже. В большие праздники, на Рождество, с окрестных деревень собирались парни и девушки, было гулянье и игры. Там наша мама и познакомилась с отцом». «Перед революцией дедушка (Михаил Антонович Токарский) занимал весьма солидное положение. Был директором акционерного общества с весьма процветающим делом по освоению земель на Туруханских островах в Санкт-Петербурге. Был он очень деловым человеком. Однако многие его начинания перечеркнул 1917 год»[13]

Усадьба Заветное Въездные ворота.Фото 2013г.

Михаил Антонович Токарский человеком был незаурядным, весьма образованным. Еще в конце XIX века он путешествует по Олонецкой губернии и в результате издает несколько книг, в которых подробно описывает возможности края для развития экономики России. Большинство из них хранится в Российской Государственной библиотеке.

– В 1895 г. выпущена книга с иллюстрациями « Кустарное смолокурение в России из смолья-подсочки»;[14]

---

[12] М. Паскуль личный архив члена Союза писателей России, зав. отделом инновационной деятельности и массовой работы Окуловского библиотечно-информационного центра

[13] Там же.

– 1898 г. «Краткий очерк деятельности Отдела топлива Акционерного общества "Сталь"; [15]

– 1899 г. «Озерные руды окрестностей Сямозера и Кончезера как материал для сталелитейного и железоделательного завода в селении Кондопога, Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда»;[16]

– 1899 г. «Водяная сила близ селения Кондопога Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда»;[17]

– 1902 год статья в Олонецком сборнике «Руды Кончезерского завода», в которой приводит данные по состоянию рудников Кончезерского завода на период с 1882 по 1897годы;[18]

– 1911г. « Ладожские каналы и проекты улучшения их судоходных условий»; [19]

– В 1913 г. в журналах Особой комиссии и Технического совещания при Управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог рассматривается ходатайство предпринимателей д. с. с. Филипьева и инж. Токарского о разрешении им сооружения Ладожской жел. дороги с введением на приладожских каналах паровой тяги судов и гонок [20]

Михаил Антонович был очень деятельным человеком. Осенью 1896 года М.А. Токарский в составе специальной комиссии, которая определяет место для расположения Тулмозерского железоделательного завода, в 1897 году становится на нем заведующий отделом топлива.[21]

Благодаря Михаилу Антоновичу, 19 декабря 1901 года в Петрозаводске заработала телефонная станция емкостью в 50 номеров. Об этом он сам объявил на общем собрании участников-акционеров Петрозаводской телефонной сети.[22]

В 1902 году на соединенном заседании отделов Императорского русского Технического общества он выступил с инициативой электрификации Николаевской железной дороги за счёт

---

[14] Кустарное смолокурение в России из смолья-подсочки / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Санкт-Петербург : Лесной деп., 1895.

[15] Краткий очерк деятельности Отдела топлива Акционерного общества "Сталь". Токарский М.А. СПб, 1898.

[16] Озерные руды окрестностей Сямозера и Кончезера как материал для сталелитейного и железоделательного завода в селении Кондопога, Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Петрозаводск : Губ. тип., 1899.

[17] Водяная сила близ селения Кондопога Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда : Технические данные, размер, экономические условия и доступное применение ее в заводском деле / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Петрозаводск : Губ. тип., 1899

[18] Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края.Вып.4/Сост.[И.Благовещенский]. - Петрозаводск: Губ. Тип., 1902. – стр 53

[19] Ладожские каналы и проекты улучшения их судоходных условий / М.А. Токарский, инж. - Санкт-Петербург : тип. В.А. Лесман, 1911.

[20] Россия. Упр. внутренних водных путей и шоссейных дорог. Журналы Особой комиссии и Технического совещания при Управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог по рассмотрению ходатайства предпринимателей д. с. с. Филипьева и инж. Токарского о разрешении им сооружения Ладожской жел. дороги с введением на приладожских каналах паровой тяги судов и гонок / М.П.С. - Санкт-Петербург, 1913.

[21] А. Потравнов Т. Хмельник «Как разорялась сталь…» источник: http://regionavtica.ru/articles/kak_razorialas_stal_ili_djeklondonovskie_pohojdeniia_memuarista.html

[22] А.Озолина « Все начиналось с ГТС.» источник http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=5374

мстинских порогов. Проект инженера получил одобрение самого императора, под него выделили средства, но осуществить задуманное помешала русско-японская война.[23]

Его доклад: «Электрические часы системы Меллера» был напечатан дважды в 1903 и 1905годах на разных типографиях. [24],[25]

В 1907 году Михаил Антонович произносит речь на Четвертом Всероссийском электротехническом съезде, проходившем в Киеве.[26]

В 1908 году, будучи заведующим делами Совета съездов металлоразработчиков Северных и Прибалтийских районов, Михаил Антонович Токарский выступил на съезде Совета на совещании по пересмотру положения о промысловом налоге, состоявшемся 21/V 1908 г с докладом: «Реформа части земского обложения торгово-промышленных предприятий»[27]

В 1911 году М.А.Токарский закончил перевод с немецкого книги инженера Георга Мейера «Тяга судов на каналах механическая и электрическая»[28]

При усадьбе Токарских действовала небольшая фабрика по химической переработке древесины и смолы. Здесь гнали скипидар, деготь, а в годы Первой мировой войны изготавливали фугасные и шрапнельные пробки.[29]

«Помимо управления фабрикой Токарский был директором акционерного общества с процветающим делом по освоению земель на Туруханских островах в Санкт-Петербурге»[30]

Михаил Антонович оставил весомый след в истории России, а в развитии промышленности близ селения Кондопоги был первопроходцем.

В статье кондопожского крестьянина С. Юпланова сделан подробный обзор хозяйственных занятий крестьян Кондопоги конца XIX – начала XX веков. «Кондопожане занимались исключительно хлебопашеством, ремесленников совсем мало. Обработка земли производилась сохой и бороной, удобрялась земля только навозом, других сельскохозяйственных орудий и удобрений не было. Хлеба вырастало “у редкого на год" - у большинства своего хлеба хватало

---

[23] С Курдюкова «Там на неведомых дорожках» источник http://raionka.org/okulovskiy-vestnik/2326-tam-na-nevedomyih-dorojkah

[24] Токарский, Михаил Антонович. Электрические часы системы Меллера : Докл., чит. в 6 Отд. имп. техн. о-ва 24 окт. 1903 г. / Технол. М.А. Токарский. - Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1903.

[25] Токарский, Михаил Антонович. Электрические часы системы Меллера : Докл., чит. в 6 Отд. имп. техн. о-ва 24 окт. 1903 г. / Технол. М.А. Токарский. - Санкт-Петербург : тип. Монтвинда, 1905.

[26] Всероссийский электротехнический съезд (4; 1907; Киев). Труды Четвертого Всероссийского электротехнического съезда 1907 г. в Киеве / Под ред. Н.Н. Георгиевского и П.П. Дмитренко. Т. 1-. - Санкт-Петербург : Постоян. ком. Всерос. электротехн. съездов, 1908.

[27] Реформа части земского обложения торгово-промышленных предприятий : Речь зав. делами Совета инж. М.А. Токарского : В совещании по пересмотру положения о промысловом налоге, состоявшемся 21/V 1908 г. под пред. т. М-ва финансов д. ст. с. Н. Покровского / Сов. съездов металлозаводчиков Сев. и Прибалт. р-нов России. - Санкт-Петербург : тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1909.

[28] Тяга судов на каналах механическая и электрическая / Д-р Георг Мейер (Берлин); Пер. с нем. под ред. инж. М.А. Токарского. - Санкт-Петербург : тип. В.А. Лесман, 1911.

[29] Усадьба М.Токарского «Заветное» источник http://okulovka.com/node/29

[30] С Курдюкова «Там на неведомых дорожках» источник http://raionka.org/okulovskiy-vestnik/2326-tam-na-nevedomyih-dorojkah

на полгода и меньше. От этого крестьяне старались заработать дополнительно на хлеб и другие расходы»[31] «Основным занятием крестьян Кондопожской волости было, конечно, земледелие, кроме того, практически ни одно хозяйство не обходилось без определенного количества рогатого скота (коров, коз), мелкого скота (свиньи, овцы). Кроме основных занятий в сельском хозяйстве и производстве крестьяне были заняты отхожими промыслами»[32]

В журнале «Олонецкие губернские ведомости» № 13 за 1842 г. указано, что Рыболовство играло значительную роль в жизни поселян. Жители занимаются также охотой на зверей и птиц: медведи, волки, олени, лисицы, белки, куницы, рыси, росомахи, зайцы, норки; дикие гуси, утки, тетерева, рябчики и кулики.[33]

Крестьяне Кондопожской волости поддерживали свое существование отхожими промыслами на судоходных путях и на лесных промыслах и некоторыми промысловыми заработками на местах жительства. Кроме отхожих промыслов занимались кустарной промышленностью: смолодектярное курение, столярное и колесно-экипажное дело, столярное дело, кузнечный промысел и другие. Однако кроме традиционных крестьянских промыслов в Тивдийском приходе крестьяне могли заниматься кустарным промыслом - заниматься изготовлением поделок из мрамора, который добывался на Тивдийских мраморных ломках.[34]

«Олонецкий мрамор стал пользоваться известностью с середины XVIII в. Открытие его относится к 1757 г. По преданию первые мраморные ломки были заявлены правительству новгородским купцом Мартъяновым, уроженцем села Лычный остров, что на оз. Сандал. Добыча производилась бурением и порохостроительною работою. Изделия из Тивдийских мраморов и других цветных камней Олонецкой губернии являются украшением царских дворцов, главных храмов обеих столиц»[35]

В февральском номере журнала «Олонецкие губернские ведомости» за 1880 г. помещена статья указывающая на то, что в течении двадцати лет (примерно с 1860 г) Тивдийские мраморные ломки бездействовали. До 1880 г. они, принадлежали ведомству министерства государственных имуществ, а в январе 1880 г. были отданы в арендное содержание на 24 года камер-юнкеру В.В. Савельеву. В этом же году он построил вододействующий завод для

---

[31] Юпланов С. Село Кондопога Петрозаводского уезда/Сообщение из уездов//Вестник Олонецкого Губернского Земства, 1909. № 4, С. 15.

[32] «Жизнь и быт крестьян Кондопожского края в конце XIX - начале XX вв. по материалам периодики Олонецкой губернии» Дипломная работа студентки Vкурса Петр.ГУ Шулиной Е. Ю., науч. рук. доцент, канд. истор. наук А. М.Пашков

[33] Олонецкая летопись // Олонецкие губернские ведомости, 1842. № 13.

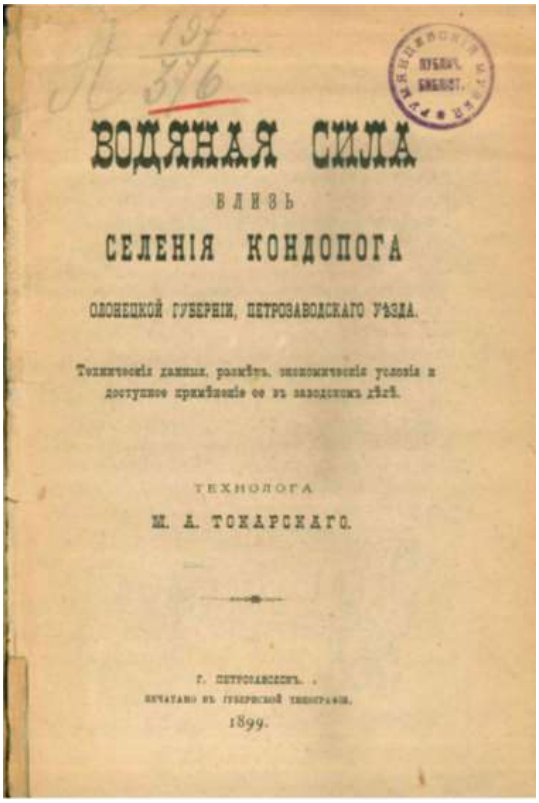
[34] «Жизнь и быт крестьян Кондопожского края в конце XIX - начале XX вв. по материалам периодики Олонецкой губернии» Дипломная работа студентки Vкурса Петр.ГУ Шулиной Е. Ю., науч. рук. доцент, канд. истор. наук А. М.Пашков

[35] Олонецкий мрамор. Исторические сведения // Олонецкая неделя, 1911. № 28. (подпись: Н.Ш.)

распиловки и шлифовки мрамора.[36] В 1893 году…В. В. Савельев отказался от аренды каменоломен, завод перешел к новому арендатору, однако к 1895 году Тивдийские мраморные ломки находились в полном упадке. [37]

Самым близким к деревне Кондопога предприятием был Кончезерский чугунно-литейный завод. «В одном из июльских номерах журнала «Олонецкие губернские ведомости» за 1874 г. был опубликован краткий исторический очерк горнозаводского дела. В нем описываются все литейные заводы Олонецкой губернии, в том числе и Кончезерский. Он был построен в 1707 г., при озере Кончезеро… Этот завод сначала занимался как выплавкой чугуна, так и меди из руды, находящейся около него, а так же выделкой кричного железа»[38] Кончезерский завод был остановлен в 1905 году, так как качество чугуна перестало удовлетворять потребности головного предприятия - Александровского завода в Петрозаводске.

Так выглядел Кондопожский край в конце XIX - начале XX века. И в это непростое время у Михаила Антоновича Токарского были грандиозные планы экономического развития Карелии.


ВОДЯНАЯ СИЛА
ВЛИЗЬ
СЕЛЕНІЯ КОНДОПОГА
ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ, ПЕТРОЗАВОДСКАГО УѢЗДА.
Техническія данныя, размѣры, экономическія условія и доступное примѣненіе ее въ заводскомъ дѣлѣ.
ТЕХНОЛОГА
М. А. ТОКАРСКАГО.
г. Петрозаводскъ.
Печатано въ Губернской типографіи.
1899.

Одним из важных проектов М.А.Токарского, для воплощения которого, он вложил немалое количество усилий, была организация промышленного центра близ селения Кондопога. Еще в конце XIX в он обращает свое внимание на удачное расположение рек и озер близ деревни Кондопога, а в 1899 году издает книгу: «Водяная сила близ селения Кондопога Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда», где приводит технические данные, размеры и экономические условия для применения в заводском деле.[39]

В книге М.А.Токарский пишет: «В настоящее время какого-либо потока, обладающего непосредственной видимой силой близ деревни Кондопога не имеется… Описываемая нами сила может возникнуть путем производства двух гидротехнических работ.

[36] «Жизнь и быт крестьян Кондопожского края в конце XIX - начале XX вв. по материалам периодики Олонецкой губернии» Дипломная работа студентки Vкурса Петр.ГУ Шулиной Е. Ю., науч. рук. доцент, канд. истор. наук А. М.Пашков

[37] Борисов И.В. «Тивдийские мраморные каменоломни (1769-1979гг.)» Краеведческие чтения Материалы VII научной конференции. стр. 42

[38] «Жизнь и быт крестьян Кондопожского края в конце XIX - начале XX вв. по материалам периодики Олонецкой губернии» Дипломная работа студентки Vкурса Петр.ГУ Шулиной Е. Ю., науч. рук. доцент, канд. истор. наук А. М.Пашков

[39] Водяная сила близ селения Кондопога Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда : Технические данные, размер, экономические условия и доступное применение ее в заводском деле / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Петрозаводск : Губ. тип., 1899.

1. Прорытие канала между озером Нигозеро, отстоящим от Кондопоги около 3 верст и озером Онежским и

2. Устройство плотины на реке Сандалке у деревни Сопохи, расположенной к северу от Кондопоги в расстоянии около 30 верст. Работы эти дают возможность запереть единственный выход (через реку Сандалку) вод, протекающих с разных мест в озеро Сандал, отвести последнюю путем Нигозерского озера, сообщающегося с Сандалом в направлении к Нигозерско-Онежскому перешейку, арендуемом у крестьян как прорытие для турбины канавы, так и устройства самого завода»[40]

Далее описан подробный план для осуществления задуманного. Причем приводятся расчеты с учетом данных главной метеорологической обсерватории на основе проведенных практических гидротехнических работ. Далее М.А.Токарский отмечает, что благодаря проведенным исследованиям и подсчетам.. « является полная возможность исчислить ту водяную силу, каковая при наличии этих данных может быть развита на Кондопожском берегу Онежского озера»[41]

Среди технической документации чувствуется проявление заботы к окружающим людям более низкого сословия даже, вероятно, в ущерб будущей прибыли: «… при этих расчетах не должно упускать из виду следующего обстоятельства: крестьяне отдавая в арендное пользование свою воду, выговорили себе обязательства арендатора, оставить в заграждающей речку Сандалку плотине проток воды достаточный для проведение в действие мельницы с 2 поставами и 2 толчеями.». Далее по тексту приводится подсчет водяной силы будущей электростанции с учетом этого обстоятельства. Таким образом получалось, что «если взять полезное действие турбин 80%, то число эффективных сил Кондопожских двигателей будет 5000 лошадиных сил.»[42]

В разделе «Гидротехнические работы» подробно описаны возможные затраты, необходимые для сооружения канала между Нигозером о Онежским озером, плотины, турбин и прочих приспособлений необходимых для обустройства электростанции.[43]

Среди экономических условий, необходимых для организации производства, М.А.Токарский выделяет очень удобное расположение выбранного места. «Место предназначающееся для организации Кондопожского предприятия расположено в северном конце Кондопожской губы Онежского озера представляет из себя тихую, обширную гавань, защищенную с юга от открытого Онежского озера рядом небольших островов. Это обстоятельство особенно важно,... потому как позволяет ставить здесь на зимовку заводские

[40] Там же, стр.3
[41] Там же, стр.10
[42] Там же стр.11
[43] Там же стр. 11-16

суда.» Транспортное сообщение с Санкт-Петербургом, Москвой и другими городами предполагается в навигационный период водным путем. Независимо от водного сообщения существует почтово-телеграфный тракт Санкт-Петербург-Петрозаводск-Повенец. Кроме того, место предполагаемого завода «…лежит на линии утвержденной и предполагаемой к постройке Санкт –Петербург-Кемской железной дороги. Заводской участок может занимать до 140 000 квадратных сажень.» (около 640 000 м2-прим. автора). В качестве топлива для будущего предприятия предполагается использовать дрова или торф. Далее по тексту следует подробный подсчет, в каких конкретно лесничествах и сколько будет необходимо закупать какого именно топлива и по каким ценам. Определены затраты с учетом доставки.[44]

Следующая глава «Заводские предприятия доступные к организации в Кондопоге» привлекает к себе особым вниманием. В ней приведены бизнес-планы будущих Кондопожских заводов.

Благодаря тому, что с 1 января 1890года и до 1 января 1904 года арендатору Кондопожской водяной силы предоставлено право неограниченной в количественном отношении выломки мрамора из Тивдийских мраморных ломок, предполагается возможным организация производства мраморных изделий. Планировалось производить мраморные ступени, плиты, подоконники общим весом по 150 тысяч пудов в год. В этом случае расчетный доход составляет 135 000 руб. в год или 30% по отношению к вложенному капиталу.[45]

Мраморный зал Российского этнографического музея г. Санкт-Петербург

В 1908 г. в журнале “Вестник Олонецкого Губернского Земства" М.А. Токарский опубликовал статью с изложением своих предложений по развитию этого промысла. Предметы кустарного производства очень дорогие, т.к отделка, шлифовка и изготовление ведется вручную в банях, когда за границей все ведется механически на жерновах. Большие памятники крестьяне не могут делать, т.к нечем и никак завалить огромный булыжник в баню, и вручную практически не возможно изготовить памятник огромной величины. Т.о. все упирается в техническую неоснащенность. Инженер-технолог М.А. Токарский подал главному управляющему землеустроительства

[44] Там же стр.16-20
[45] Там же стр.20-22

докладную записку о мероприятиях по улучшению кустарного промысла в районе Тивдийских мраморных ломок.

Он предложил для устранения неудобств в работе построить специальную мастерскую-сарай с необходимыми техническими приспособлениями как для операций с крупными кусками мрамора, так и для более легкой отделки (мостовой кран, две пары жернов, рама для распилки мрамора). При мастерской, он считал, должна быть элементарная школа, чтобы подготовить молодое поколение местных крестьян к пониманию рисунка и даже его воспроизведению. Содержание мастера должно быть 10-12% от продажной стоимости изделий или 10-15 коп. за день работы на станке.[46] М.А.Токарский считал, что крестьяне с охотой ухватятся за такое предложение, и просил помочь в устройстве своего проекта.[47] Михаил Антонович возрождает мраморные ломки и поставляет мрамор для отделки Этнографического отделения музея императора Александра III. Позже этот музей стал называться Русским, а созданное Этнографическое отделение мы теперь знаем как Этнографический музей (1901–1915 гг., архитектор В. Ф. Свиньин).[48]

Еще одно предприятие, которое должно было возникнуть в Кондопоге - это сталелитейный и железоделательный завод. Условия организации этого предприятия приведены в брошюре М.А.Токарского «Озерные руды окрестностей Сямозера и Кончезера как материал для сталелитейного и железоделательного завода в селении Кондопога, Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда». На организацию этого производства предполагалось потратить до трех миллионов рублей, при этом чистая прибыль составляла бы не менее 18%.[49]

Благодаря легкой доставке в Кондопогу известяков и мраморов, полагалось открыть завод по производству карбида. Здесь же приводятся сравнительные данные по организации аналогичного завода за границей. Из расчета становится понятным, что производить карбид в Кондопоге очень выгодно: прибыль составляет 48% от вложенного капитала, в сравнении с 12% в случае организации аналогичного завода за границей. При этом предполагалось, что произведенный в Кондопоге карбид, должен был идти на экспорт в Англию.[50]

Планировалось открыть в Кондопоге алюминиевый завод на привозных материалах. «Если сравнивать заграничный алюминиевый завод, устроенный при самых благоприятных условиях

---

[46] Токарский М.А. К улучшению кустарного мраморного промысла в Петрозаводском уезде / Земская хроника // Вестник Олонецкого Губернского земства, 1908. № 3. С. 24-25.

[47] «Кондопога. Очерки истории и культуры края»/Карелин В.А., Карпенко А. С., Ермолин В.В., Яковицкий В.М., Пудышев Г.Я.-г. Петрозаводск: АО «Карпован сизарекс»,1996/ стр. 42

[48] Борисов И.В. «Тивдийские мраморные каменоломни (1769-1979гг.)» Краеведческие чтения Материалы VII научной конференции. стр. 43

[49] Озерные руды окрестностей Сямозера и Кончезера как материал для сталелитейного и железоделательного завода в селении Кондопога, Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Петрозаводск : Губ. тип., 1899

[50] Водяная сила близ селения Кондопога Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда : Технические данные, размер, экономические условия и доступное применение ее в заводском деле / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Петрозаводск : Губ. тип., 1899. стр.23-30

совмещения водной силы с месторождением алюминиевых руд, когда не требуется почти никакой подвозки последних, то и тогда дешевая сила Кондопоги дает преимущества фабрикации здесь алюминия на…привозных рудах.» По расчетам М.А.Токарского преимущества Кондопожского завода перед заграничным 25%.[51]

На той же территории близ Кондопоги намечалось запустить бумажное производство на основе местной древесины. «Доходами своими должно быть обязано с одной стороны, изобилием здесь леса, а с другой удобному расположения Кондопожского заводского участка, как по отношению к водным путям сообщения, так и к железнодорожному пути после постройки… С.П.Б.-Кемской железной дороги»[52]

« Даже при первом ознакомлении (с текстом) понятно главное: кроме обстоятельности выводов и аргументированности суждений есть в нем настоящая сыновняя забота о России....сэкономить средства, облегчить труд... Читаешь и понимаешь, что всю свою жизнь человек трудился не только во благо свое. И сейчас, столетие спустя, этот документ поражает своей научной строгостью, исключительной самостоятельностью и точностью расчетов по всем аспектам проблемы, логичностью и доказательностью делаемых выводов, масштабностью мышления… и государственным подходом к делу.»[53]

Перспективой больших прибылей предприниматель увлек главу Товарищества Красносельской писчебумажной фабрики К.П. Печаткина Петра Михайловича Горбунова. В то время Красносельская писчебумажная фабрика представляла собой динамично развивающееся предприятие. Здесь выпускались в основном высококачественные сорта бумаги, а также первая российская телеграфная лента собственной разработки. П.М.Горбунов много способствовал развитию фабрики в области технического усовершенствования и ее расширению, и экономическому подъему.[54]

В 1903 году товарищество получает лицензию на использование водяной силы в Кондопоге, а Токарский, как его полномочный представитель, - право на 90-летнюю аренду крестьянской земли Кондопожской волости, при условии возведения в течение 5 лет плотины у Сопохи и канала в Кондопоге (позже срок был продлен до 15 лет).

[51] Там же стр.30
[52] Там же стр. 30-31
[53] М. Паскуль личный архив члена Союза писателей России, зав. отделом инновационной деятельности и массовой работы Окуловского библиотечно-информационного центра
[54] Керзум А.П., Иванова т.к. «П.М. Горбунов - создатель Фабричного поселка в Красном Селе» источник:http://krasnosel.info/publ/kerzum_a_p_ivanova_t_k_p_m_gorbunov_sozdatel_fabrichnogo_poselka_v_krasnom_sele/1-1-0-47#ixzz4Y8LaF6nJ

Пристань М.А.Токарского.
Фото С.М.Прокудина-Горского 1916г.

Пристань М.А.Токарского.
Фото С.М.Прокудина-Горского 1916г.

Токарский начинает строить плотину в Сопохе и пристань в Кондопожской губе Онежского озера. Сюда по только-что отстроенной конно-рельсовой дороге с побережья Нигозера доставляют на вагонетках Тивдийский мрамор. С этой пристани груженые мраморными плитами корабли отправлялись в Санкт-Петербург. Эта пристань в Кондопоге до сих пор носит имя основателя «Токарская». За использование покосов и урочищ выплачивает местным крестьянам деньги, а в будущем обещает провести электричество в село, бесплатно молоть муку и пилить бревна, а также ежегодно предоставлять денежные пожертвования церкви.[55]

Воплощению этого проекта в жизнь помешала грядущая Первая мировая война.

В 1910 г в Кондопожской волости Олонецкой губернии Главное артиллерийское управление Военного министерства Российской империи начало подготовку строительства завода азотной кислоты, необходимой для производства пороха. Для энергоснабжения завода было предусмотрено строительство Кондопожской гидроэлектростанции.[56] Подробно об этом написал Владимир Поликарпов в своей книге «Русская военно-промышленная политика. 1914-1917. Государственные задачи и частные интересы»

«10 марта 1910 г., предложение соорудить завод Мощность ГЭС была определена в 20 МВт (25000 лошадиных сил - авт.), предусматривалась переброска стока Суны в озеро Сандал, поступило к военному министру от инженера М.А. Токарского - председателя Совета съездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов. Он представился как "единственное лицо, могущее организовать скорое получение азота внутри страны". Сделать это, заявил Токарский, способен "только я, в силу особого высочайше утвержденного за мной права на пользование Кондопожской водяной энергией в Олонецкой губернии". По его словам, достигнуть той же цели "путями, предположенными военным ведомством", удастся не раньше

[55] М.Бошакова «Праотцы бумкомбината» газета «Новая Кондопога» от 20 июня 2014г.
[56] Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%93%D0%AD%D0%A1

как через 6–7 лет (что и оправдалось), тогда как "я имею возможность осуществить снабжение армии отечественным азотом лет на пять скорее". Он брался приступить к сооружению завода "немедленно" и, по его уверению, "без затрат со стороны военного ведомства". Однако тут же он сам обязательным условием такого шага выдвигал "подписание договора на предмет поставки азотной кислоты" Свое ходатайство Токарский подкрепил сообщением, что "сейчас в Гамбурге образовался синдикат… во главе с Морганом и Немецким банком" и с участием в нем "шведских заводов электрохимического изготовления азотной кислоты", а потому теперь "обеспечение русской армии порохом находится всецело в руках иностранцев…

О ходе собственных вялых переговоров, закончившихся отказом, Токарский позднее рассказывал так: "Я и два инженера из Варшавы сделали предложение в артиллерийское ведомство учредить на нашей водной энергии в Олонецкой губернии завод азотной кислоты" - за свои средства, "на свой риск и страх", не требуя никакого содействия от казны, кроме гарантированного десятилетнего заказа на азотную кислоту по существующей рыночной цене. "Дело поступило в разные комиссии артиллерийского ведомства, разбиралось там в течение около года, и [в 1912 г.] резолюция одного из последних заседаний была такова: так как предприниматели говорят, что ими вопрос изучен досконально, а по мнению комиссии он изучен недостаточно ясно и точно, то это предоставление им заказа и невыполнение ими, в случае неудачи, может дискредитировать в России постановку частного изготовления азотной кислоты. А посему полагается отклонить это предложение. Ну хорошо, - подытожил свое сообщение Токарский, - мы ведь 800 000 так, на воздух, не хотели кинуть. Мы ведь уже 70 тысяч на изыскания израсходовали. (Смех.) Это курьезно… В частной практике никто бы не сказал лицам, предлагающим тратить свои деньги на дело, что, господа, вы с ума сходите, там ничего нет, вы тратите зря. Частные предприниматели, может быть, покачали бы головой, но отговаривать во всяком случае не стали бы"

Обескураженный прожектер уступил землю под Кондопогой, предназначавшуюся для сооружения завода, "Красносельской писчебумажной фабрике наследников К.П. Печаткина".[57]

Строительство Кондопожской ГЭС началось в 1916 году, но в конце 1917 года в связи с Октябрьской революцией и началом Гражданской войны строительство было прекращено и в 1919 году эвакуировано. К этому моменту был выполнен значительный объём подготовительных работ — построен посёлок, кирпичный завод, железная дорога, была возведена плотина у Сопохи. В строительных работах участвовали военнопленные (турки, чехи, венгры и хорваты), а также вольнонаёмные рабочие из числа местных крестьян

[57] В. Поликарпов «Русская военно-промышленная политика. 1914-1917. Государственные задачи и частные интересы» изд. Центрполиграф, 2015г. стр. 48-49.

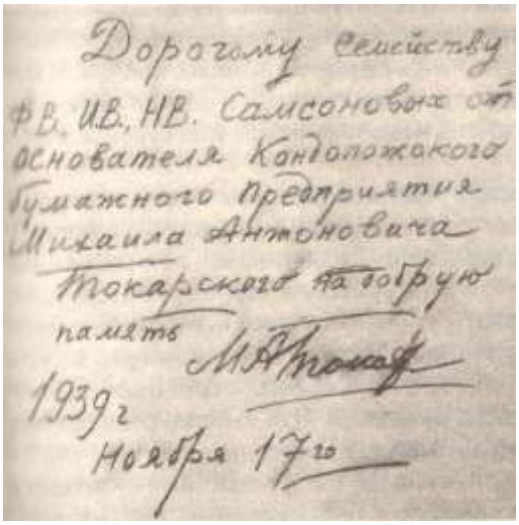
К проекту строительства Кондопожской ГЭС вернулись в 1921 году — 26 апреля Совнарком РСФСР принял постановление, санкционирующее строительство в Кондопоге целлюлозно-бумажного комбината и гидроэлектростанции. Позже строительство ГЭС было включено в план ГОЭЛРО, проект гидроэлектростанции был разработан институтом «Ленгидпроект». Строительные работы были развёрнуты в 1923 году и велись преимущественно вручную… Пуск первой очереди Кондопожской ГЭС (2 гидроагрегата мощностью 4 МВт и 1,5 МВт) состоялся 29 января 1929 года. Таким образом, Кондопожская ГЭС стала одной из первых гидроэлектростанций, построенных в СССР.[58] Пуск первой бумагоделательной машины Кондопожской бумажной фабрики- первенца индустрии Карелии состоялся 26 июня 1929года.

В книге В. Самсонова «Записки кондопожанина» приведена фотография, сделанная еще в 1905 году. У стены их фамильного двухэтажного дома уместились более трех десятков жителей деревни Кондопоги, а на обратной стороне фотокарточки - дарственная надпись от 17 ноября 1939 года: "Дорогому семейству Ф.В., И.В. и Н.В. Самсоновых от основателя кондопожского бумажного предприятия Михаила Антоновича Токарского на добрую память". Давнюю карточку Токарский преподнес Самсоновым, когда приехал в Кондопогу хлопотать о документах к пенсии.[59]

Группа жителей Северного Конца. Справа снизу — трое Перласовых (хозяйка Екатерина и ее невестка Анастасия и стоящий за ними глава семейства Федор Перласов). Левее весь первый ряд занят семьей Самсоновых. 1905 г., фото М. А. Токарского.

[58] Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%93%D0%AD%D0%A1

[59] В А.Самсонов «Записки кондопожанина. Очерки о людях, о жизни, о природе», Кондопога,1997г.


Дорогому семейству
ФВ. ИВ. НВ. Самсоновых от
основателя Кондопожского
бумажного предприятия
Михаила Антоновича
Токарского на добрую
память
М.А.Токарский
1939 г
Ноября 17го

Основатель кондопожского бумажного предприятия - величать себя так Токарский имел полное право.

После февральской революции М. А. Токарский передал свою усадьбу Заветное вместе с (расположенной рядом - прим. авт.) фабрикой крестьянам соседней деревни Борок. Помимо имущества на полмиллиона в золотых рублях он раздал им ещё 300 тысяч рублей наличными.[60]

После октября 1917 года все, принадлежащие Токарским, фабрики национализировали, а усадьбу он безвозмездно передал государству. Сам же инженер занимался изучением угольных залежей под Боровичами и Шереховичами, вёл прокладку Неболчской железной дороги.[61]

Из воспоминаний внучек М.А.Токарского: «Михаил Антонович отдал усадьбу «Заветное», катушечную фабрику рабочим и вернулся в Петербург. Его уважали, и в первое время приезжал управляющий делами, предлагал вернуться и быть директором. Родину он не покинул, работал по профессии, как представитель трудовой интеллигенции»[62]

Во время Советского периода творческий потенциал инженера-технолога отображается в изобретательской деятельности. В этот период на имя М.А.Токарского зарегистрировано множество патентов на изобретения.

Вот, некоторые из них:

– «Печи для выжигания угля». В этом изобретении предлагается усовершенствованный вариант углевыжигательной печи.[63]

– «Описание пресса для изготовления строительных камней» Предлагаемый пресс предназначается для изготовления без разбирания формы строительных камней из масс с любой степенью усадки последних при прессовании.[64]

– «Описание способа обработки пробковой массы» Это изобретение позволяет ускорить термическую обработку пробковых плит в закалочных печах пробковых производств.[65]

---

[60] Усадьба М.Токарского «Заветное» источник http://okulovka.com/node/29

[61] С Курдюкова «Там на неведомых дорожках» источник http://raionka.org/okulovskiy-vestnik/2326-tam-na-nevedomyih-dorojkah

[62] М. Паскуль личный архив члена Союза писателей России, зав. отделом инновационной деятельности и массовой работы Окуловского библиотечно-информационного центра

[63] Патент на изобретение «Печи для выжигания угля» Класс 10а,38 №4158 заявлено 5 января 1925г Источник: http://patents.su/patents/4158-pech-dlya-vyzhiganiya-uglya-1.png

[64] Патент на изобретение «Описание пресса для изготовления строительных камней» Класс 80а,4301 №2343 заявлено 27 января 1925г. Источник: http://patents.su/patents/2343-press-dlya-izgotovleniya-stroitelnykh-kamnejj-1.png

[65] Патент на изобретение «Описание способа обработки пробковой массы» Класс 39b,26 №6354 заявлено 8 февраля 1926г. Источник: http://patents.su/patents/6354-sposob-obrabotki-probkovojj-massy-1.png

– «Описание раздаточной плиты для кухонь при общественных столовых» Облегченная конструкция плиты и «…предназначена для хранения до момента отпуска кушаний, изготовленных на других очагах»[66]

– «Описание способа изготовления подушек для подачи смазки к вагонным осям и трансмиссиям». Этот способ предполагает использование сфагнумовых пластин для производства подушек для подачи смазки к вагонным осям и трансмиссиям [67]

– «Описание способа и аппарата для изготовления плит» Здесь описывается способ изготовления плит из торфа, сфагнума, древесных опилок и еловой коры, а так же представлены аппараты для этих производств.[68]

– «Описание способа брикетирования опилок» В нем подробно описывается, как используя отходы кожевенного или бумажного производства можно сделать топливные брикеты.[69]

Из воспоминаний внучек М.А.Токарского стало известно, что «умер М. А. Токарский в возрасте 72 лет зимой 1941-1942 года во время эвакуации из Ленинграда по дороге в Вятку. Когда они с Марией Васильевной (его супругой) уезжали из блокадного города, Михаил Антонович был очень болен и слаб. Его сняли с поезда где-то перед Вяткой. Так что неизвестно, где он похоронен. Мария Васильевна Токарская (урожденная Александрова) его супруга с семьей дочери была в Усть - Каменогорске и вернулась из эвакуации в Ленинград в 1944 году.»[70]

Личность инженера весьма и весьма интересна. Михаил Антонович Токарский – один из тех деятелей России, который сделал весомый вклад в развитие страны. Один из тех, которому, к сожалению, так и не удалось реализовать все свои планы. Михаил Антонович, один из таких людей, которые больше делают для России, чем для себя. Имя такого человека обязательно нужно знать и помнить.

Приложение

Труды М.А.Токарского:

---

[66] Патент на изобретение «Описание раздаточной плиты для кухонь при общественных столовых» Класс 36b,6 №1255 3заявлено 5 января 1929г. Источник: http://patents.su/patents/12553-razdatochnaya-plita-dlya-kukhon-pri-obshhestvennykh-stolovykh-i-t-p-1.png

[67] Патент на изобретение «Описание способа изготовления подушек для подачи смазки к вагонным осям и трансмиссиям» Класс47е,33 №19714 заявлено 21 июня 1929г. Источник: http://patents.su/patents/19714-sposob-izgotovleniya-podushek-dlya-podachi-smazki-k-vagonnym-osyam-i-transmissiyam-1.png

[68] Патент на изобретение «Описание способа и аппарата для изготовления плит» Класс 80а,5620 №24823 опубликован 31 декабря 1931г., является зависимым патентом №17695 от 30 сентября 1930г. Действительный изобретатель Токарский М.А. Источник: http://patents.su/patents/24823-sposob-i-apparat-dlya-izgotovleniya-plit-1.png

[69] Авторское свидетельство на изобретение, класс 10b,2 № 31411 заявлено 16 марта 1932г. «Описание способа брикетирования опилок» Источник: http://www.findpatent.ru/img_show/3383814.html

[70] М. Паскуль личный архив члена Союза писателей России, зав. отделом инновационной деятельности и массовой работы Окуловского библиотечно-информационного центра

- Кустарное смолокурение в России из смолья-подсочки / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Санкт-Петербург : Лесной деп., 1895.
- Краткий очерк деятельности Отдела топлива Акционерного общества "Сталь". Токарский М.А. СПб, 1898.
- Озерные руды окрестностей Сямозера и Кончезера как материал для сталелитейного и железоделательного завода в селении Кондопога, Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Петрозаводск : Губ. тип., 1899.
- Водяная сила близ селения Кондопога Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда : Технические данные, размер, экономические условия и доступное применение ее в заводском деле / [Соч.] Технол. М.А. Токарского. - Петрозаводск : Губ. тип., 1899
- Ладожские каналы и проекты улучшения их судоходных условий / М.А. Токарский, инж. - Санкт-Петербург : тип. В.А. Лесман, 1911.
- Токарский, Михаил Антонович.
- Электрические часы системы Меллера : Докл., чит. в 6 Отд. имп. техн. о-ва 24 окт. 1903 г. / Технол. М.А. Токарский. - Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1903.
- Токарский, Михаил Антонович.
- Электрические часы системы Меллера : Докл., чит. в 6 Отд. имп. техн. о-ва 24 окт. 1903 г. / Технол. М.А. Токарский. - Санкт-Петербург : тип. Монтвинда, 1905.
- Реформа части земского обложения торгово-промышленных предприятий : Речь зав. делами Совета инж. М.А. Токарского : В совещании по пересмотру положения о промысловом налоге, состоявшемся 21/V 1908 г. под пред. т. М-ва финансов д. ст. с. Н. Покровского / Сов. съездов металлозаводчиков Сев. и Прибалт. р-нов России. - Санкт-Петербург : тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1909.
- Тяга судов на каналах механическая и электрическая / Д-р Георг Мейер (Берлин); Пер. с нем. под ред. инж. М.А. Токарского. - Санкт-Петербург : тип. В.А. Лесман, 1911.
- Токарский М.А. К улучшению кустарного мраморного промысла в Петрозаводском уезде / Земская хроника // Вестник Олонецкого Губернского земства, 1908. № 3. С. 24-25.

Патенты на изобретения:

- Патент на изобретение «Печи для выжигания угля» Класс 10а,38 №4158 заявлено 5 января 1925г. http://patents.su/patents/4158-pech-dlya-vyzhiganiya-uglya-1.png

- Патент на изобретение «Описание пресса для изготовления строительных камней» Класс 80a,4301 №2343 заявлено 27 января 1925г. http://patents.su/patents/2343-press-dlya-izgotovleniya-stroitelnykh-kamnejj-1.png
- Патент на изобретение «Описание способа обработки пробковой массы» Класс 39b,26 №6354 заявлено 8 февраля 1926г. http://patents.su/patents/6354-sposob-obrabotki-probkovojj-massy-1.png
- Патент на изобретение «Описание раздаточной плиты для кухонь при общественных столовых» Класс 36b,6 №1255 3заявлено 5 января 1929г. http://patents.su/patents/12553-razdatochnaya-plita-dlya-kukhon-pri-obshhestvennykh-stolovykh-i-t-p-1.png
- Патент на изобретение «Описание способа изготовления подушек для подачи смазки к вагонным осям и трансмиссиям» Класс47e,33 №19714 заявлено 21 июня 1929г. http://patents.su/patents/19714-sposob-izgotovleniya-podushek-dlya-podachi-smazki-k-vagonnym-osyam-i-transmissiyam-1.png
- Патент на изобретение «Описание способа и аппарата для изготовления плит» Класс 80a,5620 №24823 опубликован 31 декабря 1931г.,

  http://patents.su/patents/24823-sposob-i-apparat-dlya-izgotovleniya-plit-1.png
- Авторское свидетельство на изобретение, класс 10b,2 № 31411 заявлено 16 марта 1932г. «Описание способа брикетирования опилок» http://www.findpatent.ru/img_show/3383814.html

Т.В. Путешова,
клуб "Ota kodi - Родной дом"

Односельчане звали его Васей Тёркиным

Имя Василия Тёркина, главного героя поэмы А.Т. Твардовского, давно стало нарицательным, ведь повествование о нём- это рассказ о тяжёлых солдатских буднях, а вымышленный герой - один из миллионов рядовых участников Великой Отечественной войны.

...Парень сам собой
Он обыкновенный...

Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе. [1]

- говорится в поэме.

Так было во время войны, а после её окончания возвратившиеся с фронта Тёркины мирно трудились в каждом селе и в каждом городе. И на моей родине, в посёлке Волдозеро Сегежского района, жил человек, которого односельчане звали Васей Тёркиным. Причём делали это от души, с явной симпатией, с огромным уважением к его боевым заслугам и человеческим качествам. Продолжают называть так и сейчас, хотя его вот уже четыре года нет в живых..

Рассказывать об этом человеке- для меня дело одновременно и несложное, и в то же время очень ответственное и почётное по той простой причине, что этот человек- мой отец.

Богданов Василий Александрович, родившийся и проживавший до войны в посёлке Кирасозеро Сегежского района, вступил добровольцем в ряды Красной Армии в январе 1943 г. и прошёл в боях от г. Казатина, что на Украине, через Закарпатье, Польшу, Восточную Померанию- до Берлина в составе легендарной 20-й Гвардейской Краснознамённой Залещицкой ,четырежды орденоносной механизированной бригады 1-ой Гв.ТА , входившей в разное время в состав Воронежского , затем - 1-го Украинского, а после - 1-го Белорусского

[1] *Твардовский А.Т.* Избранные сочинения. М.- Художественная литература, 1981.С.313

фронтов, которым командовал Г. К. Жуков. Василий Александрович форсировал Днестр, Буг, Сан, Варту, Вислу, Одер, Шпрее.

5 лет после подписания акта о капитуляции фашистской Германии он нёс службу в советских оккупационных войсках, дислоцировавшихся в Саксонии, в г. Вурцене. Демобилизовался лишь в июле 1950 г

Военная специальность- связист, в конце службы- радист, начальник радиостанции.

Василий Александрович награждался медалями« За Отвагу»- дважды, « За освобождение Варшавы», « За взятие Берлина», « За победу над Германией», Орденом Великой Отечественной войны. В нашем семейном архиве хранятся его Почётные грамоты, подписанные маршалами М. Е. Катуковым и В. И. Чуйковым. Много юбилейных медалей и подарков получил мой отец уже после войны.

И всё-таки мой отец одной из самых почётных наград, считал звание, данное ему земляками. И причина этого состояла не только в том, что Василий Богданов воевал и что был тёзкой любимого литературного персонажа, а в том, что слишком многое сближало его с героем поэмы А. Твардовского!

Прежде всего, это второе имя стало наградой за оптимизм, искромётный юмор и неистребимую любовь к жизни, которые мой отец пронёс через всю жизнь, несмотря на все ужасы, страдания и потери, пережитые на войне.

Василий Тёркин из поэмы А. Твардовского говорил:

-Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой любитель жить
Лет до девяноста.[2]

Вот и папа не дожил до 90 лет всего 2 с небольшим года, и поддерживал его в этой жизни прежде всего жадный интерес ко всему живому, несмотря на то, что здоровье было подорвано из-за ранений, контузии, тяжелейших физических и моральных испытаний .

Кстати, даже и одно из двух ранений, как и у Тёркина, у Василия Богданова было в плечо.

На полу в холодной яме
Неохота нипочём
Гибнуть с мокрыми ногами

[2] *Твардовский А.Т.* Там же. С.328

Со своим больным плечом. [3]

В архивах телеканала « Культура» хранится запись интервью с народным артистом РФ Юрием Норштейном, который замечательно читал поэму «Василий Тёркин». О поколении молодых людей, прошедших войну, он говорил так: " Я этих Тёркиных встречал потом во дворе у нас... Я застал это какое-то совершенно непонятное веселье. Это были люди невероятной красоты и абсолютного бесстрашия. Они не боялись ничего...».[4]

Могу подтвердить с полной уверенностью, что это сказано и о моём отце. На вопрос: « Как дела?»- он неизменно, в любой жизненной ситуации отвечал: «Отлично!» В точности, как его любимый литературный герой:

Всё худое он изведал,
Он терял родимый край
И одну политбеседу повторял:
-Не унывай! [5]

Такое отношение к жизни сказалось и на воспитании нас, детей. Родители учили нас противостоять жизненным трудностям и не падать духом ни при каких , казалось бы, безвыходных жизненных обстоятельствах.

О моих родителях, Богдановых Василии Александровиче и Валентине Илларионовне, проживших вместе почти 63 года и в 2008 г. награждённых медалью Святых Петра и Февронии Муромских, много раз писали в прессе. Были и телевизионные съёмки.

Вот выдержка из статьи Алины Сергеевой « Награда за верность» (газета « Комсомолец» №15 за 2008 г): « Валентина Илларионовна и Василий Александрович- необычайно открытые и светлые люди, никогда не пройдут мимо чужой беды, поддержат добрым словом. Соседи платят Богдановым неподдельным уважением и любовью».[6]

Невольно вспоминаются строки из поэмы:

… люди

[3] *Твардовский Т.А.* Там же. С.336
[4] Юрий Норштейн читает главу "Гармонь" из поэмы А. Твардовского " Василий Тёркин" URL:http://tvkultura.ru 21.02.2017
[5] *Твардовский А.Т.* Там же. С.423
[6] *Сергеева А.* Награда за верность //Комсомолец.2008.21 октября

Ладят с Васей, как ни с кем,

Потому что любят.[7]

Все мы помним, что герой поэмы А.Твардовского был отличным гармонистом:

Только взял боец трёхрядку,
Сразу видно - гармонист...[8]

Недаром ему была подарена, а, лучше сказать, доверена танкистами гармонь погибшего командира.

В связи с этим я расскажу об одной из фронтовых фотографий отца, хуже всего сохранившейся, но от этого не менее дорогой. Конец войны. На опушке леса, среди боевых друзей, мой папа запечатлён с аккордеоном.

Приведу выдержку из записей внештатного корреспондента Сегежской районной газеты « Доверие» Надежды Карелиной, собиравшейся написать о моих родителях книгу. Планы , к сожалению, не осуществились из-за тяжёлой болезни папы , а свои записи Надежда передала мне, понимая, какой это для нашей семьи драгоценный подарок. О боевом пути отца ей больше говорила мама, явно гордившаяся своим героическим мужем. Она рассказывала: « Начальник связи роты услышал, что Василий хорошо играет на гармошке. А аккордеон ему купили старший лейтенант и старшина. Они увидели, что боец Богданов не ходит в кино даже, а старается уединиться и всё время подбирает что-то на гармошке».[9]

Вскоре гвардеец Василий Богданов, отличавшийся прекрасным музыкальным слухом, был направлен на курсы радистов, затем стал начальником радиостанции .

Кстати, ещё до войны мой папа самостоятельно выучился играть на балалайке (первая была сделана своими руками) , на гитаре и на гармони. Валентина Богданова, корреспондент газеты « ТВР-Панорама», встречавшаяся с моими родителями в 2010 г., так написала в своей статье « В гостях у тёти Вали» , опубликованной 11.08.2010 г. : « Желая покорить сердце красавицы Валентины, он вернулся домой с войны с двумя чемоданами книг, которые потом читала вся деревня, и с аккордеоном. Но Валентина ждала его любого: и с инструментом, и без него".[10]

---

[7] *Твардовский А.Т.* Там же. С. 623
[8] *Твардовский А.Т.* Там же. С.343
[9] *Карелина Н.Г.* , внештатный корреспондент газеты "Доверие".Записи о встречах с Богдановыми из Волдозера./Материал передан 8 января 2015 г.
[10] *Богданова В.*В гостях у тёти Вали//ТВР- Панорама.-2010.-11 августа.

Однако два Василиями- Тёркин и Богданов- отличались не только любовью к музыке. Были в их характерах черты, которые были присущи миллионам советских людей, победивших в той страшной войне: находчивость, смекалка и мужество.

Прочту выдержку из наградного листа к медали «За отвагу», которой был награждён мой отец за подвиг, совершённый во время Берлинской наступательной операции:

« 20.04.1945г. Гвардеец Богданов, работая связистом, показал образец мужества и героизма и отвагу с немецко-фашистскими захватчиками. Товарищ Богданов был послан устанавливать связь и местонахождение отставшей машины с орудием и расчётом в лесу. По пути тов. Богданов встретился с немцами, но, не растерявшись, открыл по ним огонь из автомата, в результате чего троих убил и двоих взял в плен".[11]

Наверняка, возвращаясь с той разведки, мой отец чувствовал то же, что и Вася Тёркин, ведущий в родную часть взятого в плен « языка».

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору-
В батальон идти обратно
Из разведки поутру.

По земле ступать советской,
Думать- мало ли о чём!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом ...[12]

Надо сказать, что и с географической точки зрения в боевом пути двух Тёркиных много общего. Даже две реки, в форсировании которых они участвовали, протекают по одной земле и впадают рядом в одно Чёрное море. Герой поэмы Твардовского переправлялся через Днепр в марте 1943 г., а мой отец- спустя 4 месяца - через Днестр. Оба события относятся к операции 1943-1944 годов по освобождению Украины. Оба происходили в тяжелейших условиях, при жесточайшем сопротивлении врага, постоянных бомбардировках, острой нехватке плавсредств, необходимых для переправы боевого состава, орудий и техники.

Но и здесь простые советские солдаты проявили и мужество, и находчивость.

Вот что об этом сказано в произведении А. Твардовского (глава « На Днепре») :

[11] "Подвиг народа".Информационный ресурс. База данных о награждениях. URL:www.podvignaroda.ru 15.02.2017
[12] *Твардовский А.Т.* Там же. С.363

Под огнём не ждёт пехота
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота;
Доски, брёвна- за ладьи.

К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты. [13]

А вот как о форсировании Днестра пишется в книге воспоминаний военачальников 1-й Гвардейской танковой армии: А.Х.Бабаджаняна, Н.К. Попеля, М.А. Шалина, И.М. Кравченко «Люки открыли в Берлине»: «Под покровом тумана бойцы около часа спешно собирали рыбачьи лодки, бочки, брёвна, доски, строили плоты. Ещё стлался над Залещиками дым боя и чадили горевшие машины огня, а 20-я Гвардейская механизированная бригада уже приступила к форсированию.

Днестр, бурный, сердитый, вздулся от снега и дождя... В холодной воде захватывало дыхание. И всё же бойцы смело шли вперёд...» [14]

Именно за этот героический подвиг- стремительное и умелое форсирование Днестра - 20-я Гвардейская механизированная бригада, в которой и служил В.А. Богданов, была удостоена почётного звания « Залещицкая».

Победоносное и стремительное наступление Красной Армии в 1944- 1945 годах нарисовано А. Твардовским в главах « Про солдата-сироту»и « По дороге на Берлин»:

А война пошла такая-
Кухни сзади, чёрт их где!

Позабудешь и про голод
За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки-город,

[13] *Твардовский А.Т.* Там же. С.435
[14] *Бабаджанян А.Х. Попель Н.К. Шалин М.А. Кравченко И.М.* Люки открыли в Берлине /ред. А.А.Фруктов/ М,1973. С.146-147

Двое суток- областной .[15]

В записях Надежды Карелиной есть такие слова моего отца о последнем этапе войны: « Далее шли по Германии... С 14 апреля- готовились, с 26- го- началось наступление. Шли безостановочно. Ни пить, ни есть не было времени». [16]

Гвардейцы 1-ой ТА только за 1 день, 18.04.1945 г., взяли 3 немецких города: Фридерсдорф, Дольгелин, Либбенихен; через 2 дня форсировали реку Шпрее и вошли г. Буххольц. На следующий день был взят г. Эркерн , и через 3 дня- г. Кеппениг. Впереди оставался только Берлин.

По дороге на Берлин
Вьётся серый пух перин.
…..
Поздний день встаёт не русский
Над немилой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной. [17]

Наступление началось 26-го апреля.

И вот уже идут ожесточённые уличные бои во вражеском логове. Фашисты яростно сопротивляются, обстреливая наших бойцов из окон, с крыш домов, из-за углов и развалин разрушенных зданий. Полк, в котором служил мой отец, сражался в районе Берлина Тиргартен (Зоосад), где за мощными укреплениями находился вход в бункер Гитлера.

В наградном листе В.А.Богданова читаем: « 27.04.1945 г. В боях за Берлин , устанавливая связь с пехотой, был обстрелян из дома с автомата. Товарищ Богданов, устанавливая связь, рискуя своей жизнью, одновременно выслеживая автоматчика , выследив его, подошёл к дому и , выстрелив из автомата, убил двух автоматчиков, тем самым дал возможность беспрепятственного продвижения по улице»[18] .

Прямо как у Твардовского! Ведь главный герой поэмы был связистом!

Вслед за ротою стрелковой
Тёркин дальше тянет провод.

---

[15] *Твардовский А.Т.* Там же. С.442
[16] *Карелина Н.Г.* Там же.С.1
[17] *Твардовский А.Т.* Там же. С.443
[18] Подвиг народа".Информационный ресурс. База данных о награждениях. URL:www. podvignaroda.ru 15.02.2017

Взвод- за валом огневым,
Тёркин с ходу- вслед за взводом.
Жив, здоров и невредим[19].

Надежде Карелиной отец рассказывал:

«2 мая вошли в Берлин. Его сильно бомбили. Забежал в подвал, а там- печи , и мёртвые люди ...уже затолканы, приготовлены сжигать.

Здания были очень разрушены бомбёжкой, дыры в стенах понаделали сапёры. Полез в дыру , а автомат мешал . ППШ зацепился коробкой. В это время снаряд рванул рядом, меня оглушило и отбросило в сторону, а потом завалило обломками. Друзья помогли...»[20]

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои- дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даёшь отсрочку».
И, вздохнув, отстала Смерть.[21]

« Большой любитель жить», мой отец выжил и встретил Великую Победу в Берлине.

Корреспондент газеты « Доверие» В.Свинцов в очерке «Гвардеец из Волдозера», напечатанном в номере от 7 мая 2007 г., цитирует моего отца : «Сначала вдруг появилось огромное белое полотнище, а за ним- сдающиеся фрицы: ряд, ещё ряд, ещё и ещё...»[22]

А это- из записок Н. Карелиной: « О том, что закончилась война, я узнал в 2 часа ночи. Вдруг осветилась дорога, и по сторонам всё стало белым. Это столько пустили ракет! Все закричали: «Война кончилась! » -и стали обниматься друг с другом, петь, танцевать!»[23]

Тёркин, Тёркин, в самом деле
Час настал, войне отбой ...[24]

---

[19] *Твардовский А.Т.* Там же. С.332
[20] *Карелина Н.Г.* Там же. С.3
[21] *Твардовский А.Т.* Там же. С.413
[22] *Свинцов В.* Гвардеец из Волдозера // Доверие. 2007. 7 мая
[23] *Карелина Н.Г.* Там же. С.4

[24] *Твардовский А.Т.* Там же. С.456

* * * * *

Без сомнения, эта поэма Твардовского -о моём отце! О нём, и о миллионах таких, как он, рядовых тружениках войны, обыкновенных героях!

И чтоб знали, чем силён,
Скажем откровенно:
Красотою наделён
Не был он отменной.
Не высок, не то, чтоб мал,
Но герой героем...[25]

Давно отгремели последние залпы войны. Уходят от нас и ветераны. Уходят, но не забываются. В том, что они останутся в памяти людей навечно, был уверен и А.Т. Твардовский. Он через десятки лет наперёд увидел колонны « Бессмертного полка»:

День придёт- ещё повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны-
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населённый пункт Борки.

И Россия-мать родная-
Почесть всем отдаст сполна. [26]

[25] *Твардовский А.Т.* Там же. С.313

Плечом к плечу , в одном строю « Бессмертного полка» идут миллионы детей и внуков участников Великой Отечественной войны: и маршалов, и генералов, и рядовых солдат, таких, как мой отец, Василий Александрович Богданов, названный односельчанами Васей Тёркиным. И хочется верить, что эти колонны будут строиться всегда, что не умрёт память о подвиге советского солдата, воина-освободителя, «простого и грешного русского чудо- человека».

[26] *Твардовский А.Т.* Там же. С.391

А.А Терешкин,
сотрудник НМ РК

«РУССКИЙ «МАКИ» (об учителе Н. Н. Богатыреве)

Маки - одно из названий отрядов французских партизан во второй мировой войне (1939-1945), название дано по наименованию зарослей, в которых часто скрывались партизаны

Словарь иностранных слов М. 1980

В 1946 году в Париже в печать вышел альбом «Документы о маки провинции Лимузен». На обороте обложки можно было прочитать: «В знак признательности славным солдатам Красной Армии, советским партизанам, которые нас вдохновили в нашей борьбе. Никогда не забывая легендарного Антея, мы смогли, таким образом, защитить население провинции Лимузен. С дружеским приветом - префект маки Жорж Гэнгуен». Жорж Гэнгуен - бывший подполковник ФТПФ-ФФИ (французские франтиреры и партизаны; французские внутренние силы), командующий партизанским движением и префект маки в департаменте Верхняя Вьенна в период оккупации Франции во время второй мировой войны. Еще в апреле 1941 г. он вместе с товарищами вырыл в лесу Гран-Буа первую партизанскую землянку, а уже в декабре 1942 г. здесь действовало несколько групп. В январе 1943 г. им удалось вывезти с шахты Вольфрам де Пюи-ле-Винь (в Сен-Леонаре) под носом у гитлеровцев 1772 килограмма динамита.

Среди партизан были советские и испанские патриоты, разными путями попавшие во Францию. Одним из них был Николай Николаевич Богатырев. По национальности карел, он родился 18 января 1916 года в Тверской области. До Великой Отечественной войны работал учителем и заведующим Алексейковской начальной школы, инспектором районо, директором Никольской средней школы. В феврале 1940 г. был призван в Красную Армию, служил в должности старшего телефониста. Накануне войны его батальон стоял у самой границы - в селе Рыжково-Воля Ляшковского района Львовской области. Воевал в составе 38-й армии Юго-Западного фронта. Утром 9 июля 1942 года при выходе из окружения Николай был ранен в ногу и попал в плен. За два года он прошел семь концлагерей, восемь раз совершал попытки бежать. В конце апреля 1944 года пленных перебросили во Францию, в г. Маньяк-Лаваль (департамент Верхняя Вьенна). Разместили их в лагерном госпитале, в четырех двухэтажных каменных бараках, обнесенных бетонной стеной высотой около трех метров. Обслуживали лагерь французы.

Сразу по прибытии в лагерь майор Петр Оборин, капитан Филипп Плющев, лейтенанты Вартан Айвазян, Василий Алмин, рядовые Иван Сычев, Владимир Зенин, Василий Ваньшев и Леонид Сергеев создали подпольную группу. Айвазян владел французским языком. Он и

Плющев связались с французскими коммунистами Эваристом Ле-Карре и Андре Эрвом («Жаном») - представителями местной подпольной организации движения Сопротивления, центр которого находился в ресторане француза Жоржа. Подпольная группа стала готовить массовый побег советских людей. Это была целая операция. Первыми бежали из лагеря Айвазян, Оборин, Плющев и еще семь человек. Вместе с французскими франтирерами им удалось выследить и захватить в городе начальника лагеря. По приказу патриотов гитлеровец дал охране распоряжение впустить партизан на территорию лагеря. На трех крытых грузовиках в ночь с 5 на 6 июня 1944 года из госпиталя бежали еще 56 человек. Все они были переброшены в партизанский лагерь, располагавшийся в лесу, в районе городов Сен-Жюньен и Беллян. Среди беглецов был и Николай Николаевич Богатырев.

Из советских людей был сформирован отряд, который вошел в состав 2-го и 5-го батальонов ФТПФ, а позже превратился в советский партизанский батальон (4-й батальон). Совместно с французами они начали вооруженную борьбу с фашистами в департаменте Верхняя Вьенна, входившем в знаменитый пятый военный район - колыбель вооруженного Сопротивления. Первое боевое крещение русских франтиреров произошло 13 июня 1944 года. Случилось это на третий день после того, как фашисты стерли с лица земли мирный французский городок Орадур-сюр-Глан. Партизанская разведка донесла, что по дороге должна пройти крупная немецкая автоколонна: немцы срочно перебрасывали свои войска в Нормандию, где уже высадились союзники. Около ста пятидесяти маки - французы и советские люди - замаскировались в засаде. Первым на дорогу выскочил мотоцикл, за ним - легковая машина, потом - колонна грузовиков с солдатами. Сначала запылали грузовики. Фашисты в панике стали выскакивать из машин, попадая под меткий огонь партизан. Однако из хвоста колонны, который оказался вне зоны обстрела, успели открыть минометный огонь. Немцы, потеряв больше десяти машин, повернули назад. Они ушли в Лимож, увозя с собой 96 убитых и около 200 раненых. Партизаны потерь не имели. Франтиреры с каждым днем усиливали удары по врагу. Они разрушили шесть железнодорожных мостов и три виадука в районе городов Лиможа, Пуатье, Ангулема и Юсселя, 22 раза взрывали железнодорожное полотно. Гитлеровцы пытались разгромить партизан. 14 июля колонны бронетанковой бригады пошли в наступление на маки. Уничтожив 400 фашистов, взяв 170 пленных, партизаны сорвали замысел врага. Бригада танков ушла в Лимож. В этой схватке погибли 60 партизан. 17 июля 1944 года гитлеровцы крупной колонной вновь пытались атаковать маки в лесу. Партизаны контратаками отбросили врага. 22 июля танковая бригада фашистов вновь пошла в наступление на партизан. Бригаду поддерживало соединение в пять тысяч гитлеровцев. Но народные мстители в районе Эймутье снова контратаковали врага, затем отошли, разрушив за собой все мосты. Немцы

пустили в ход артиллерию и авиацию. Три дня шли жаркие бои в районе Мон-Гардана, Сен-Жиля и Сюссана.

Свой боевой путь во Франции советские патриоты завершили освобождением Лиможа - главного города департамента Верхняя Вьенна. Город был сильно укреплен, превращен в крепость. Осада Лиможа началась 10 августа. Вместе с французами в первых рядах шли и советские партизаны. В ночь с 21 на 22 августа 1944 года после жестоких боев Лимож был взят. За активное участие в этой операции и освобождение провинции Лимузен мэр города Лимож, бывший начальник штаба ФТПФ-ФФИ и командующий партизанским движением в департаменте Верхняя Вьенна префект маки подполковник Жорж Гэнгуен наградил советских партизан медалями «Маки Лиможа», а также знаменем в виде трехцветного французского национального флага с вышитыми на нем золотом изображением медали и словами: «Бывшие маки провинции Лимузен в знак братства по оружию вручают знамя доблестным советским партизанам, принявшим активное участие в освобождении района Лимузен». Кроме того, французское командование вручило каждому советскому патриоту отпечатанный список советских партизан, в заголовке которого были повторены те же слова, что и на знамени.

После Победы Николай Николаевич Богатырев некоторое время работал во Франции по делам репатриации. Вернувшись в СССР, он работал в Карелии - учителем в Кондопожской восьмилетней школе. С 1976 года вышел на пенсию. За свой ратный путь Николай Николаевич был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Киева», «За победу над Германией». Был он также отмечен и за свой мирный послевоенный труд, получив звания «Отличник народного просвещения РСФСР» и «Отличник просвещения СССР».

Ю. Н. Зеленская, ПетрГУ

Социально-бытовые проблемы железнодорожников Кировской магистрали в годы Великой Отечественной войны

Прифронтовое положение Кировской железной дороги, захват противником части железнодорожной инфраструктуры летом-осенью 1941 г. и сообщение с центром страны по Сорокско-Обозерской железнодорожной линии отразились на условиях труда и быта работников магистрали.

С первых дней Великой Отечественной войны работники Кировской магистрали столкнулись с серьезными жилищно-бытовыми проблемами. В результате военных действий, налетов авиации противника на узлы и станции и захвата противником части железнодорожного полотна произошло резкое сокращение жилой площади, находившейся в ведении жилищного отдела Кировской магистрали. За первое военное полугодие жилой фонд Кировской магистрали сократился почти в 2 раза с 306 800 кв.м. до 169 600 кв.м.[1] Только на железнодорожном участке Кандалакша – Лоухи были разрушены и сожжены жилые здания на 12 станциях[2]. Свыше 450 семей работников железной дороги остались без крыши над головой. Они жили в землянках, стандартных щитовых сборных домиках и товарных вагонах.

В тяжелейших бытовых условиях оказались работники Кировской магистрали, эвакуированные на Сорокско-Обозерскую линию. Только 25 % железнодорожников было обеспечено жильем[3]. Остальные же вместе с семьями проживали в вагонах, в которых «по возможности устанавливали печки»[4], бараках и рядом расположенных деревнях[5].

В 1942 г. на Кировской железной дороге в эксплуатацию не ввели ни одного квадратного метра нового жилья. В 1943-1944 гг. осуществлялось постепенное строительство нового жилья, восстановление разрушенного жилого фонда. Однако произведенные ремонтные работы не отвечали требованиям качества. Так, на станции Кемь в доме №22 все печи оказались непригодными для использования и требовали вторичной перекладки. На станции Лоухи в общежитии и домах №5, 7 печи были сложены без соблюдения технических правил, рамы и двери не отличались качеством[6] и т.д.

В 1944 г. большинство работников магистрали продолжали жить в землянках, приспособленных ветхих служебных зданиях и сараях. В вагонах проживали 709 чел., 2373 чел.

---

[1] Национальный архив Республики Карелия (далее - НАРК). Ф. Р-528. Оп.13. Д. 4/29. Л. 155.
[2] Государственный архив Мурманской области (далее – ГАМО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 486. Л. 10.
[3] НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 155.
[4] Из воспоминаний Н. Крутовского/Из коллекции музея Петрозаводского филиала ПГУПС.
[5] НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 473. Л. 99.
[6] НАРК. Ф. П-6158. Оп. 8. Д. 19. Л. 2.

вовсе не имели крыши над головой. Появление людей, не имевших жилья, было вызвано критической ситуацией на линейных станциях, находившихся на освобожденных участках дороги, где жилой фонд был практически полностью разрушен[7].

В сложившейся ситуации на Кировской магистрали распространилась практика возведения жилых помещений своими силами. Например, работники Медвежьегорской дистанции связи построили здание под общежитие для связистов. Силами коллективов новые дома были построены на Малошуйском отделении, в депо Мудюга и Лодейное Поле. В Кандалакше практиковалась система заключения договоров с квартиросъемщиками на ремонт квартир. В 1943 г. в восстановлении своих квартир участвовали 965 чел, в 1944 г. – 1090 чел., в 1945 г. – 1120 чел.[8] Работники Кировской железной дороги оказывали посильную помощь железнодорожникам освобожденных от оккупации участков. В свободное от работы время они изготавливали ведра, умывальники, чайники и другие предметы бытового пользования[9].

Для улучшения положения работников железнодорожного транспорта СНК СССР и ЦК ВКП(б) выпустили постановления, в которых обязали Центральный коммерческий банк коммунального хозяйства и жилищного строительства выдавать ссуды железнодорожникам прифронтовых дорог на индивидуальное жилищное строительство до 10 тыс. руб. с рассрочкой до 7 лет (постановление от 21 августа 1943 г[10].

Однако, несмотря на принятые меры, жилищная проблема на Кировской железной дороге так и не была решена. Протекавшая крыша, холодные стены, промерзшие углы были обычным явлением в жизни железнодорожников.

Не менее сложной проблемой на Кировской железной дороге в годы войны была продовольственная. Ориентированная в своей работе на нужды фронта, магистраль оказалась на грани продовольственной катастрофы.

Несмотря на введение 20 августа 1941 г. карточной системы, работники Кировской железной дороги не получали установленной государством продовольственной нормы. Н. Крутовский, начальник депо Сумпосад, вспоминал, что по карточке можно было получить 500 гр. хлеба и тарелку супа, «сделанного в виде подболтки из муки»[11]. Рацион строителя Сорокско-Обозерской линии в 1941 г. составлял кусок хлеба и несколько картофелин[12].

Обеспечение работников продовольственными товарами в рассматриваемый период осложнялось серьезным ущербом, причиненным хозяйству дороги за время войны. Были разрушены жилые здания, магазины, скотные дворы, овощехранилища, склады и т.д., выведены

[7] НАРК. Ф. П-8. Оп. 1 Д. 1632. Л. 45.
[8] НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1750. Л. 54, 54об.
[9] Для восстановления железных дорог//Беломорская Трибуна. 2 мая 1944 г. №18. С. 2.
[10] Решения партии и правительства … С. 163, С.205-206.
[11] Из воспоминаний Н. Крутовского/ Из коллекции музея Петрозаводского филиала ПГУПС.
[12] Прокконен П.С. Обозерская ветка//Север. 1977. №6. С. 83.

из строя оборудование и транспортные средства, уничтожены инвентарь, строительные материалы и топливо. В ходе налетов вражеской авиации был утрачен рабочий и продуктивный скот, сельскохозяйственные продукты и т.д. Общая сумма ущерба составила 2 137 272 руб.[13]

Требовалось в короткие сроки восстановить собственную продовольственную базу и добиться максимального получения продукции. Работа по восстановлению системы продовольственного снабжения Кировской железной дороги проводилась в двух направлениях: восстановление совхозов и мелких подсобных овощных и животноводческих хозяйств, а также откорм свиней при столовых, вылов рыбы, организация охоты, сбор ягод и грибов [14].

В военные годы важным подспорьем для железнодорожников стали огороды.

Массовое выделение земель под огороды началось после выхода постановления ГКО №1626 «О развитии огородничества и животноводства на железных дорогах» от 21 апреля 1942 г., в соответствии с которым работники железнодорожного транспорта освобождались от сдачи государству картофеля с индивидуальных огородов с 1 января 1942 г.[15]. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» железнодорожники были освобождены от поставок сельскохозяйственных продуктов государству на 1943, 1944 гг.[16].

В 1942 г. огороды возделывали 3689 работников Кировской железной дороги, в 1943 г. – 8904 чел., в 1944 г. – 18956 чел.[17] Если в 1942 г. под огороды было занято - 250 га земли, то в 1943 г. – 500 га, в 1944 г. – 823 га, в 1945 г. – 1137 га[18].

Работники железнодорожного транспорта, получившие огороды, порой не владели элементарными навыками ведения хозяйства, что, естественно, отражалось на урожае. Например, в 1942 г. были случаи, когда лук сажали росткам вниз или пытались вырастить овощи в непригодном грунте[19]. Поэтому в помощь огородникам в газетах печатались статьи на агрономические темы. К примеру, в газете «Кировская магистраль» появилась рубрика «Советы агронома», в которой выходили статьи о правилах выращивания рассады, ухода за овощами, подкормке растений[20] и т.д. Позднее рубрика была переименована в «Беседы агронома».

---

[13] Российской государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 69. Д. 40. Л. 30.
[14] НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 148, 149.
[15] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1.Д. 31. Л. 93.
[16] Решения партии и правительства… С. 65, 162.
[17] НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 150.
[18] НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1749. Л. 52об.
[19] НАРК. Ф. П-8. Оп.1. Д. 1749. Л. 51об.
[20] Как самому выращивать рассаду//Кировская магистраль. 13 мая 1943 г. №58. С. 2; Уход за овощами//Кировская магистраль. 10 июля 1943 г. №83 13 июля 1943 г. №84. С. 2; Спешите с подкормкой капусты//Кировская магистраль. 4 сентября 1943 г. №107. С. 2; Не то урожай, что в поле, а то, что в закромах//Кировская магистраль. 16 сентября 1943 г. №112. С. 2.

Однако, несмотря на постепенное восстановление работы совхозов, появление огородов и подсобных хозяйств у работников Кировской магистрали, производимые продукты могли удовлетворить лишь малую долю потребностей работников магистрали. Сбор ягод и грибов, отлов рыбы и добыча мяса зверя и птицы также не решили продовольственную проблему. Н. Крутовский вспоминал: «Были случаи, когда машинист не мог сам залезть на паровоз, т.к. ноги были распухшими и кровоточили, его подсаживали, и он ехал в поездку».[21]

В годы войны оперативного решения требовал также вопрос вещевого снабжения работников Кировской магистрали.

Резкое сокращение снабжения одеждой и обувью отразилось на профессиональной деятельности и быте работников железной дороги. По приказу НКПС 533/ц на Кировской железной дороге была образована группа мобилизации внутренних ресурсов. Она открыла мастерскую для пошива брезентовой спецодежды. При каждой хозяйственной единице организовала пункты ремонта обуви и зимней одежды[22]. В 1943 г. на станции Мурманск, где пожар на промтоварных складах уничтожил всю спецодежду и обувь, открылась сапожная мастерская. Материалы для пошива обуви изготавливались из местных ресурсов[23]. Для ремонта и пошива обуви, мастерские использовались старые резиновые рукава, автомобильные покрышки и т.д., что, естественно, не могло обеспечить высокого качества изготавливаемой продукции[24]. В 1944 г. швейные и сапожные мастерские работали на станциях Питкуль[25], Мурманск, Кандалакша и Малошуйка[26].

Точечное открытие мастерских по пошиву одежды и обуви не могло восполнить отсутствовавших, особенно зимних, вещей. В зиму с 1944 г. на 1945 г. 30% рабочих Мурманского и Кандалакшского отделений (составители, сцепщики, стрелочники и др.) не имели теплой спецодежды. Рабочие вагоноремонтных колон №6 и №48 депо станции Мурманск, в связи с отсутствием зимних вещей, работали в условиях полярной зимы 1944-1945 гг. в летней одежде. В годы войны на Кировской железной дороге бывали случаи, когда железнодорожники отказывались отправляться в поездку из-за отсутствия обуви и теплой одежды[27].

Таким образом, утратив в начале Великой Отечественной войны связь с государственными фондами, эвакуировав совхозное имущество и скот, коллектив Кировской магистрали был вынужден выживать и обеспечивать эвакуационные, воинские, а затем импортные перевозки.

---

[21] Из воспоминаний Н. Крутовского/ Из коллекции музея Петрозаводского филиала ПГУПС.
[22] НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 154.
[23] Новая сапожная мастерская//Кировская магистраль.15 июля 1943 г. №84. С. 2.
[24] ГАМО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 316. Л. 21.
[25] Новая мастерская//Кировская магистраль. 19 марта 1944 г. №35. С. 2.
[26] Новые производственные и бытовые предприятия//Кировская магистраль. 28 января. 1944 г. №12. С. 2.
[27] ГАМО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 316. Л. 8, 21.

В. П. Ершов, краевед

Памяти А.А. Мартынова

Сегодня снова у нас сбор стариков-разбойников. Вечерами в уютной комнатке, стилизованной под крестьянскую избу, музея Духовной культуры Педагогического университета, которую мы любовно называли наша «конура», мы собрались, каждый со своими разносолами и напитками. Мы – это Ю.А. Саватеев, В.С. Каликин, И.А. Костин, В.Н. Водолазко, И.П. Тюриков, А.А. Мартынов и я – хозяин этой избушки. Иногда на огонек забегали Э.И. Ципкин и Е.Н. Сенюшкин. Раз в месяц выпадало нам это счастье спокойно посидеть за карельским низеньким столом, приобщиться к дарам природы, посмотреть друг на друга, поговорить…Пыхтел самовар, соленые грибки, отварной картофель, огурчики, помидорчики…. Анатолий Анатольевич частенько опаздывал - обстоятельства… Мы знали их: который год он ухаживает за больной женой. Приходил усталый, замотанный. Но постепенно отходил душой, появлялась улыбка. Больше всего говорил, конечно, Владимир Николаевич Водолазко – наш философ, как его называл Ю.А. Савватеев. У него была необыкновенная память, несмотря на возраст, а было ему уже за 85. И, конечно, первый тост поднимали за него. После исторических и политических тем следовал этап, поэтический. Но это уже после третьего-четвертого тоста, когда уставали от политики. Св. Петр, доселе равнодушно смотревший с иконы на наши разглагольствования, благосклонно закрывал глаза, как бы напоминая, что, «ребята, только до пяти чаш разрешаю это дело». Стихи умеряли споры. Иван Костин читал плохо, зрение катастрофически падало, и тогда он протягивал мне листы бумаги и просил прочитать меня. Стихи были о Заонежье, его любимой Родине, но душа его болела не только о ней. В них была боль о большой Родине. И это объединяло нас всех. У каждого наболело. Я любил слушать стихи Анатолия Мартынова. В них он раскрывался… Это был раненный войной человек. Многое в его стихах о войне было созвучно моим воспоминаниям. «Военное детство //Я всем не желаю // Такого наследства…». И о хлебе: «Я режу хлеб, но крошки не бросаю, // Сметая их ладошкою в ладонь, //Потом с ладони в рот их собираю, //Да так, что б не упало, ни одной». Он видит, как дети пинают на асфальте горбушку хлеба, и душа его протестует: «Как же можно топтать ногами // Хлеб насущный бросать на помойку!»? Этого понять мальчишка из военного детства не может! Как не может простить себе, что не успел сказать маме всех добрых и ласковых слов: «Ты прости меня, мама, //Я опять не успел - // И в наряд самый лучший// Я тебя не одел». Наверное, каждый из нас, сидящих рядом, это мог бы сказать о себе. Я видел, как у некоторых увлажнялись глаза… Память – тяжелое наследие.

А когда он читал стихи о Хибинах, о знакомом мне со студенческих лет перевале Расвумчорр, разговор пошел совсем в другую сторону – о далекой студенческой жизни, походах, и современных студентах. У каждого было что вспомнить. И вспоминали.

«Я хочу очень жить,// Без надрывов души. // Мне так надо спешить,// В этом маленьком «жить». Он был жизнелюб. Правда, как мне кажется, «без скачков и без мук» у него не получалось «жить». Ему до всего было дело - он помогал больным друзьям, его беспокоили неустройства в нашем обществе, грязный Петрозаводск, бомжи на помойках. Он оставался коммунистом, как впрочем, и все мы. И при том, он понимал, что распад страны был результатом не только деятельности таких руководителей как Ельцин, Горбачев, Яковлев… Власть предала честных, порядочных рядовых коммунистов. И потому он не сжег свой партбилет, как многие… «Душа болит» - так назвал он свой последний поэтический сборник. Ни в какой автобиографии не расскажешь лучше о себе. Журналист и поэт Александр Валентик определил поэзию Анатолия Анатольевича как гражданский подвиг, Иван Костин видел в его стихах «неподдельный патриотизм». Действительно, читать их спокойно не получается. Болит душа за потерянную Родину: «Ненавистный духовный слизень, // Обнаглев, стал хозяином жизни,// Алчно хапает все, словно гризли,// Называя все это «бизнес»… Продолжают страну калечить, // Деньги разум затмили – тьма!// Власть! Отправь их куда-то далече, //Так скучает по ним Колыма». Это написано еще до скандала с министром экономического развития Улюкаевым. Но диагноз поставлен точно: «Накопительство – вор без страха.// Зная общую нашу пассивность,// Он ведет Отечество к краху». Не знаю, как насчет общей пассивности населения, но, наверное, каждый задает вопрос, почему мы так плохо живем? Риторический вопрос… Поэт отвечает: … «Бездарность рвется к власти,// Шумит Госдума, словно балаган…. Я не пророк, но горькие напасти // Бездарность может приготовить нам!». Конечно, поэт не экономист, но беду он чувствует своим больным сердцем: … К власти пришел государь бесшабашный - // Лишь разрушить державу хватило ума. // Все пошло с молотка - и заводы и стройки, // Зарастают в России бурьяном поля, // Поредели деревни от дикой попойки, // И тоскует, и стонет, и плачет земля». Сейчас читаю журнал «Конкуренция и рынок» (2016, №5), серьезный аналитический журнал: «Только ненавидя свой народ лютой ненавистью, можно было предложить и внедрить в России идеи «шоковой терапии»,… Отношение наших прозападных либералов к России всегда было презрительным: это отсталая страна с пьющим и безграмотным населением» (С.5). Мартынов - поэт-провидец: « Для них народ российский – быдло,// Рабы в законе, чернь и рвань…// Мне не завидно, мне обидно:// За что в почете эта дрянь?». Кто они – эта дрянь? «Губернаторы, министры, олигархи,// Все схватившие сегодня деньги, власть…». Так и вспоминаются: губернаторы: Белов, Нелидов, Гайзер, министры - Улюкаев, Сердюков и олигархи – Ходорковский, Полонский и пр.…

Не ведает поэт, что на таком надрыве сердце может долго не выдержать. Хотя знает, что и Пушкин, и Лермонтов, и Кольцов, и Дельвиг, Языков, Рылеев и многие другие замечательные поэты-патриоты не дожили до сорока лет… Это те, «кто дел своих ценою злата не взвешивал, не продавал…» (Н. Языков). Но Мартынов – кардиолог, он знает, как болит сердце, и знает, что и кто «метит сердце рубцовой сеткой», и знает, что «не помогут лекарства, нет,// Если каждый день видишь такое, \\ Как Россия стонет от бед, // И как я становлюсь изгоем».

Но больное сердце Мартынова умело не только ненавидеть, но и любить. «Откройте сердце для любви,// Когда приходит это чувство, //Любовь – и подвиг, и искусство, //Откройте сердце для любви». А какие прекрасные строки он посвящает своей, безвременно ушедшей жене: «Дороже нет у меня, чем ты, // Я это понял лишь теперь, не скрою, // Всю жизнь хотел я простоты // В любви моей, не знающей покоя». Вот такой он был, Анатолий Анатольевич.

Теперь мы уже вместе не собиремся. Нет у нас нашей уютной «конуры», нет института, нет музея, и нет уже многих из нас. Первым ушел В.С. Каликин, затем И.А. Костин, В.Н. Водолазко, А.А. Мартынов… «Все в землю ляжем, все прахом будет - // Так мудро кто-то сказал про нас. // Любить давайте друг друга, люди!// Любить не завтра, любить сейчас!». Это завещание - Поэта, ученого, доброго доктора и друга… Трудно писать «был» об Анатолии Анатольевиче. Но поэт, если он востребован, если муза его живет - он жив, он с нами, и стих его еще долго будет бить по обнаженным нервам.

Пришла бродячая собака
И села рядом. Я сказал:
«Откуда ты явилась, Вака?» -
Я так бездомных называл.
……
Я дал ей с рук кусочек хлеба,
И в затуманенных глазах
Вдруг засветилась просинь неба
И благодарная слеза

Скатилась медленно в ладони
……
Я прошептал ей: Вака, Вака,
Держись подальше от людей…
……
А может, Вака, быть иначе –

Средь злобы, грязи, дурноты
Вдруг улыбнется миг удачи,
Нужна кому-то будешь ты.

В этом весь А.А. Мартынов.

В.Ершов, к.пед. н., з.р. к. РК, действительный член Петровской академии наук и искусств СПб.

И.Г. Ильина, главный библиотекарь по массовой работе
МУ «Кондопожская центральная районная
библиотека им. Б.Е. Кравченко»,
руководитель клуба «Oma kodi – Родной дом».

Василий Фаддеевич Багров. Испытание временем

Мой рассказ посвящен человеку, которого хорошо знают многие кондопожане. Это Василий Фаддеевич Багров. Участник Великой Отечественной войны, капитан 3-го ранга, с 1943 по 1950 годы служил на Северном флоте. Он известный в нашем городе журналист, более 30 лет посвятил газетному делу, работал заместителем редактора районной газеты «Новая Кондопога», редактором газеты «Авангард». Василий Фаддеевич – автор книги очерков и воспоминаний «Встречи на круглой Земле».

Человек неравнодушный, интеллигентный и очень порядочный. И что еще подкупает в нем – его природная скромность. Весной 2015 года мы пригласили Василия Фаддеевича на встречу в краеведческий клуб «Oma kodi – Родной дом», где он поделился своими воспоминаниями о незаурядных людях, с которыми встретился на жизненном пути, исторических событиях, происходивших на кондопожской земле. И что особенно поразило всех – его уникальная память – он помнит многие отдаленные события до мельчайших подробностей. Его воспоминания – это ценный краеведческий клад, которым он щедро делится со своими земляками.

У него действительно интересная судьба, о которой хочется рассказать. Но почему еще остановила взгляд именно на этом человеке? Согласитесь, в жизни каждого из нас встречаются люди, влияющие на его судьбу, меняющие взгляды, поступки, а, возможно, переворачивающие и всю его жизнь. Василий Фаддеевич Багров - один из таких значимых людей для нашей семьи. Именно с его легкой руки наша семья поменяла место жительства – мы переехали из Питкяранты в Кондопогу. Он помог моей маме Поляковой Татьяне Ивановне устроиться корреспондентом в газету «Авангард», с которой она связала всю свою дальнейшую жизнь, была редактором газеты 17 лет. Дружба с этим замечательным человеком продолжается до сих пор. Он все время звонит, беспокоится, интересуется нашими делами и здоровьем. А такие люди на жизненному пути встречаются не часто…

Детство.

Чеболакша – Илемсельга – Кондопога

Василий Фаддеевич родом из старинной деревни Чеболакша Кондопожского района. Впервые эта деревня упоминается в 1563 году в Писцовых книгах Обонежской пятины. Сведения о ней удалось найти карельскому историку Александру Пашкову, он разыскал в архиве запись, сделанную одним монахом, который шел с Соловков по соляному пути.[1] Также Чеболакша знаменита тем, что там долгое время жил известный писатель, автор исторических романов Дмитрий Балашов.

Через несколько лет семья переехала жить в Илемсельгу. На тот момент Василию было уже 7 лет (авт.- родился в 1926 году). Здесь он пошел в первый класс. В своей книге «Встречи на круглой Земле»[2] В. Ф. Багров тепло вспоминает о своей первой учительнице Анне Яковлевне Филипповой. Вместе с ней они выращивали картошку на полянке, которую местные власти предоставили школе, поскольку во многих регионах страны в те годы свирепствовал голод. Сажали, убирали картошку, тут же на угольках пекли ее – и все это сопровождалось песнями.

Наряду с учениками в сельской школе иногда занимались грамоте и взрослые. В Илемсельге жили тогда три тетушки Василия Фаддеевича, двое из которых не умели ни читать, ни писать. Учительница А. Я. Филиппова всегда просила свои учеников помогать взрослым – таким способом в стране решали задачу по ликвидации безграмотности.

В 1935 году семья переехала в Кондопогу. Отец Фаддей Васильевич всю жизнь был бухгалтером. Мама Ольга Егоровна занималась домашним хозяйством, воспитывала детей. Кроме Василия в семье росли сестра Анастасия и брат Петр. Анастасия стала учительницей, кстати, перед войной она выпустила 1-й класс, в котором училась дочь знаменитого балетмейстера Хельми Мальми. Брат Петр работал на кондопожском ЦБК.

Василий учился в неполной средней школе, находилась она на горочке, чуть выше нынешнего «дома-леспромхоза» (авт. – в этом доме находится ОАО «Кондопожский леспромхоз» по адресу ул. М. Горького, 13-а). Здание этой школы поглотила война.

В. Ф. Багров вспоминает о том, как осенью 1936 года развернулось патриотическое интернациональное движение в защиту республиканской Испании.[3] В их школе также проходил сбор средств для испанских детей. На тетради, учебники вносили деньги – кто, сколько может – по 20-40 копеек. Некоторые классы завязывали переписку с испанскими детьми, уже вывезенными в Советский Союз.

---

[1] Бошакова, М. «Счастье – это когда тебя понимают» // Новая Кондопога. – 2003. – 15 янв.
[2] Багров, В. Встречи на круглой Земле. – Кондопога, 2006. – с.3
[3] Там же, с.4

В восьмой класс Василий пошел 1 сентября 1941 года в новую отстроенную среднюю школу №2 (авт. – нынешнее здание Лицея им. А. С. Пушкина по ул. Советов, д.36). Правда, учиться в ней пришлось всего одну неделю.

Эвакуация.

Кировская область – Беломорск

Осенью 1941 года семья Багровых вместе с другими кондопожанами была эвакуирована в Кировскую область. 23 октября на станции Шабалино у отца Фаддея Васильевича случился сердечный приступ. Он умер прямо в вагоне на глазах у всей семьи. Дедушка Василий Алексеевич онемел от горя и 2 января 1942 году его тоже не стало. А надо было устраиваться на новом месте, обживаться, работать. Семью отправили в деревню Протасы. Василию пришлось пойти на работу в колхоз. За ним закрепили трехлетнего жеребца Ганнибала, на котором он боронил, пахал, возил зерно, сено, лен, заработал 100 трудодней, получил 10 кг сырой ржи.

Летом 1942 года семья получила печальные вести о гибели Петра и мужа Анастасии, Михаила Ульяновича Кулешова (они поженились 1 мая 1941 года).

В ноябре 1942 года по деревням Кировской области ходили представители республики Карелии и предлагали вернуться обратно. Василий с мамой и сестрой решили возвратиться на родину, правда, Кондопога в то время была оккупирована финнами, поэтому путь лежал в Беломорск. Единственное, что тревожило - в селе Новотроицком оставались могилы папы и деда… Когда удастся и удастся ли вернуться в эти места?..

В годы Великой Отечественной войны Беломорск был столицей Карело-Финской ССР, там находился штаб Карельского фронта, штаб партизанского движения, размещались различные воинские соединения. В городе работал лесозавод, авторемонтные мастерские и другие предприятия. По воспоминаниям В. Ф. Багрова, город был перенасыщен людьми. Местное население хоть и было частично эвакуировано в 1941 году, но сюда приезжали люди из других городов и сел Карелии, возвращались люди из эвакуации. Требовалось значительное количество продуктов.

Приехав в Беломорск, Василий сразу же устроился грузчиком на республиканскую базу «Заготзерно». Работа оказалась тяжелой. Каждый день к складам приходили вагоны. Сложнее всего было выгружать мешки с мукой весом по 60-65 кг, мешки с пшеном по 80-85 кг и рисом по 90 кг.[4] В этом плане американские мешки с фасолью и мукой весом по 35 кг казались игрушками. А надо учитывать еще, что тогда на базе не было никаких транспортеров, выносили

[4] Там же, с.13.

все на плечах и спине, укладывали в штабель, порой трап ставился на него под углом 45 градусов. В основном работать приходилось вдвоем с напарником Иваном Семеновичем Кичигиным, пожилым моряком. Ну а если поступало несколько вагонов одновременно, то приходилось вызывать подмогу. За помощью директор базы Ильин обращался к коменданту города, подполковнику Дзерашвили, который в свою очередь набирал грузчиков из праздногуляющих по городу военных, за что солдаты прозвали его Забиришвили.

Таким образом, Василий Багров трудился изо дня в день на базе «Заготзерно», пока его не призвали в 17 лет служить на флот.

Северный флот.

Верхняя Ваенга – Соловки – Заполярье

Служба на Северном флоте началась в ноябре 1943 года в Верхней Ваенге (авт. – сегодня город Североморск), где новобранцев учили строевой ходьбе, стрельбе, а в декабре они приняли присягу и их направили в Мурманск. Там начинающим военнослужащим пришлось разгружать американские транспорты, и только в мае 1944 года молодых матросов отправили на Соловки. К слову, за несколько дней до отправки на Северный флот Василию Фаддеевичу удалось встретиться с одним из своих близких родственников – дядей Павлом (авт. – Павел Васильевич Багров), который настойчиво советовал учиться на радиста.

Учебный отряд Северного флота дислоцировался на Соловках с 1939 по 1957 годы.[5] В состав отряда входили пять школ: Электромеханическая, Школа оружия, Школа связи, Объединенная школа и Школа юнг ВМФ. Последняя была создана в 1942 году и действовала по всем нормативам УО СФ (авт. – учебного отряда Северного флота). Всего за годы существования на Соловках учебного отряда Северного флота здесь было подготовлено 55 тысяч квалифицированных военных специалистов. Школа юнг выпустила более 4 тысяч специалистов.

Почти год молодой матрос Школы связи учебного отряда Северного флота Василий Багров провел на Соловках, где готовились кадры для всех флотов страны. Школа связи находилась в двух километрах от Кремля. «Все лето 1944 года мы жили в палатках, а вечерами строили большую землянку на всю роту, – вспоминает ветеран. – Обучали нас в большом кирпичном здании, построенном когда-то под тюрьму». Проектирование и строительство нового здания тюрьмы на Соловках было начато в 1936 году и рассчитано на содержание 3000 тысяч заключенных.[6] В 1939 году строительство здания тюрьмы в 2-х километрах от поселка в

[5] Учебный отряд Северного флота и гарнизон «острова Соловецкие» // СМ.Вестник. – 2005. – февраль.
[6] С.Л.О.Н. / [сост. М. Луговая]. – Архангельск : Правда Севера, 2011. – 60 с.

районе бывшего монастырского кирпичного завода было практически завершено. Однако по назначению это здание так и не было использовано, т.к. в ноябре 1939 года тюрьма была закрыта, заключенные перевезены во Владимирскую и Орловскую тюрьмы. И в том же году Соловки с находящимися на них строениями и подсобным хозяйством были переданы Народному комиссариату ВМФ СССР.[7]

«Флот, конечно, здорово выковывает людей, преображает их. Делает из парней настоящих мужчин. Здесь один за всех и все за одного, - говорит В. Ф. Багров. – Ошибись радист в одной только цифре, и координаты окажутся неверными, а это может означать гибель всего экипажа». [8] По воспоминаниям ветерана, в Школе связи были сильные педагоги, с уважением относились к краснофлотцам. В апреле 1945 года обучение было закончено, и молодых специалистов выпустили с Соловков. Василий Багров попал служить на тральщик.

В течение лета 1945 года он участвовал в траленіи по разминированию Кандалакшского залива Белого моря. Работа была опасной – каждый день как на войне. Не случайно морякам полагалось даже по 100 граммов боевых, как на фронте. Осенью, кода траление было завершено, по приказу командующего Северным флотом тральщик был возвращен рыбакам в Архангельск. Старших моряков демобилизовали, а молодых передали в полуэкипаж.

В конце сентября 1945 года Василия Багрова вместе с товарищем вызвали в штаб тыла Беломорской флотилии в Соломбале, где они получил приказ - доставить на ледокольном пароходе «Мурман» продукты (картошку, овощи, сыр, спирт) на Новую Землю и остров Вайгач.[9] Пароход «Мурман» был к тому времени известен на Северном флоте тем, что снимал полярников со льдины в 1938 году, а также тем, что сумел во время войны утопить немецкую подводную лодку.

В течение двух лет, с 1945 по 1947 год ему пришлось служить в Карских воротах. Именно там Василий Фаддеевич полюбил читать хорошую классическую литературу. В соседней полярной станции, созданной еще до революции, имелась богатая библиотека, и морякам посчастливилось перечитать много хороших книг.

На пятом году службы, в конце 1947 года, Василию Багрову был дан первый отпуск. Как он рассказывает, это было долгожданное событие: «Быстро, без каких-либо проволочек, выдали все необходимые документы на бесплатный проезд, денежное содержание (из расчета 260 рублей в месяц как командиру отделения радистов) и продовольственный аттестат. Наконец-то он увидит родных! Ехал отпускник в Петрозаводск, там жили родные. В республиканском

---

[7] Соловки – острова Преображения : Путеводитель по Соловецким островам / [авт.-сост.: М. и В. Музыкины]. – Архангельск : Ваня Датский. - с.32.
[8] Шитова, Е. Встреча с историей // Новая Кондопога. – 2003. – 9 января.
[9] Багров, В. Встречи на круглой Земле. – 2006. – с.9

военкомате работал муж Анастасии (авт. – второй муж сестры В.Ф. Багрова), подполковник Михайлов Сергей Михайлович. Летом 1949 года его назначили заонежским военкомом.

Вернувшись из отпуска на Северный флот, Василию довелось послужить на радиоцентре, а в последний год службы в 1950-м ему, как и многим другим военным, пришлось переквалифицироваться – из радиста в электрика по судоремонту. В Архангельске рядом с заводом «Красная Кузница» был развернут военный судоремонтный завод, где давали вторую жизнь пострадавшим во время войны кораблям.

Семь лет Василий Багров служил на Северном флоте – с 1943 по 1950 годы. «2 сентября 1950 года товарищи проводили меня домой, - вспоминает ветеран. – Но ехал я не в родную Кондопогу, а в Великую Губу, где уже более года жили родные». Так судьба забросила его в Заонежье.

Профессия – журналист.
Великая Губа – Беломорск – Кемь

Приехав в Великую Губу, Василий, как и полагается, отправился в райком, чтобы встать на партийный учет. Здесь он встретился с редактором районной газеты «Заонежская правда» Павлом Васильевичем Барановым. Познакомились, разговорились, и редактор предложил Василию поработать в газете. За плечами только семь классов образования, семь лет службы и воинская специальность радиста. Правда, небольшой журналистский опыт все же имелся. Еще во время службы на Северном флоте он написал в местную флотскую газету свои впечатления о пребывании на острове Мудьюг, где англичане в 1919 году устроили концентрационный лагерь. Побывав там на экскурсии в 1950 году, военный моряк был потрясен увиденным, - заброшенным островом, где погибли тысячи ни в чем не повинных советских людей.[10] А потом было написано еще несколько заметок во флотскую газету…

Так что Василий Багров долго не думал – согласился работать в местной газете. Его устроили на должность ответственного секретаря. Потом он уже узнал, что на этом месте работал талантливый журналист Михаил Ульянов, которого уволили из редакции по стечению обстоятельств. Пока он был в командировке, его жена тайком окрестила ребенка, из-за чего отцу семейства пришлось расстаться с любимой работой и пойти в участковые милиционеры…

Накануне выпуска надо было по ночам записывать по радио передачи ТАСС. В субботних номерах необходимо было публиковать международные обзоры, которые также передавались по радио. Газета набиралась и печаталась вручную. Верстать газету было сложно. В этом деле первым учителем В.Ф. Багров считает директора заонежской типографии Е. А.

[10] Багров, В. Встречи на круглой Земле. – 2006. – с.19

Терюшкову. Находилась типография на первом этаже деревенского дома, редакция занимала комнату на втором этаже.

Работу приходилось совмещать с учебой в вечерней школе. Свое первое боевое крещение в газетном деле он получил уже через две недели.[11] Редактора вызвали на семинар в Петрозаводск. А тут как раз подготовка к выборам. Решения райсовета надо опубликовать – о комиссиях, избирательных участках. Списки получались длинными, только в Толвуйском сельсовете было до 40 деревень. Приходилось увеличивать размеры полосы на несколько строчек.

По воспоминаниям В. Ф. Багрова, в 1954 году районные газеты преобразовали в четырехполосные. Увеличился штат сотрудников. В типографию пришла электроэнергия. Но большая проблема была с иллюстрациями. «Однажды к нам приехал в командировку фотокорреспондент Фотохроники ТАСС Н. А. Успенский, который обслуживал весь Северо-Запад страны, - рассказывает Василий Фаддеевич. – Три дня путешествовали с ним по району, где на случайной попутке, где пешком. Побывали во многих населенных пунктах, после чего Николай Алексеевич прислал нам целый ящик цинковых клише. Газет, конечно, преобразилась».

В 1956 году обком рекомендовал В. Ф. Багрова на учебу в Ленинградскую высшую партийную школу, где он отучился четыре года. На отделении занятия вели преподаватели партийной школы, университета, редакторы ленинградских газет. Особенно была приятна встреча с Б. А. Вяземским, автором учебного пособия «Оформление и производство газеты», которое Василий Фаддеевич штудировал, работая в «Заонежской правде».

После окончания ЛВПШ работал ответственным секретарем в «Беломорской трибуне». Связано это было с тем, что в 1958 году Заонежье было присоединено административно к Медвежьегорскому району, и В. Ф. Багрову предложили на выбор работу в нескольких газетах. Он остановился на Беломорске. Для Василия Фаддеевича это были счастливые дни. Особенно вспоминается день 12 апреля 1961 года, когда первый космонавт Ю. А. Гагарин полетел в космос. Два дня в редакции не умолкали телефоны. Люди делились переполнявшей их радостью, гордостью. Днем 12 апреля с 19 шлюза, находящегося от Беломорска почти в 3 километрах, прибежал молодой врач. На ходу он сочинил стихотворение.[12] Вот тогда журналисты поняли, как они нужны людям!

В Беломорске Василий Фаддеевич внедрил ускоренную верстку газет, минуя измерения гранок, вместе с набором по точному расчету сдавался в типографию макет на все четыре полосы.

---

[11] Бошакова, М. Для журналиста день выхода газеты – всегда праздник // Новая Кондопога. – 2011. – 12 янв.
[12] Багров, В. Встречи на круглой Земле. – 2006. – с.23

Осенью 1961 года В. Ф. Багров переезжает в Кемь, на партконференции его избрали редактором районной газеты «Советское Беломорье». В Кеми начал с того, что буквально раньше всего он позвонил в Петрозаводск Николаю Успенскому со словами: «Выручай, друг, в редакции нет своих клише…» Через несколько дней получал посылку. В ней – клише из разных районов Карелии, в том числе из Кемского.

В конце 1962 года к Кемскому району присоединили Калевальский и Лоухский, а к газете «Советское Беломорье» - тиражи упраздненных районок. Возникали большие проблемы с доставкой газеты: в Калевалу газету возили с почтой на машине, в Лоухи только поездом. Поэтому приходилось часть тиража печатать к вечернему поезду, чтобы люди смогли получить свежий номер газеты.

А в марте 1964 года Василию Фаддеевичу вместе с женой и сыновьями удалось вернуться в Кондопогу, откуда в войну был эвакуирован подростком. Только через 23 года он снова встретился с родным и любимым городом…

Возвращение домой.
Кондопога

В марте 1964 года бюро Кондопожского РК КПСС утвердило В. Ф. Багрова в должности заместителя редактора «Новой Кондопоги». Путь домой – волнительный и долгожданный. Изменился ли город за два десятка лет? Безусловно! Полюбить Кондопогу предстояло и семье Василия Фаддеевича: жене Анне Николаевне, с которой он познакомился в 1950 году в Великой Губе, трем их сыновьям Петру, Павлу и Александру.

В «Новой Кондопоге» В. Ф. Багров отработал пятнадцать лет, а в 1979 году ему предложили возглавить газету бумажников «Авангард». Многотиражная газета - производственное издание, а значит, задачи как у руководителя стояли совсем другие.

«Обратился к директору комбината В. М. Холопову, договорились встречаться раз в месяц и определяться по основным направлениям работы, - вспоминает В. Ф. Багров, – решили обязательно предоставлять слово руководителям цехов, специалистам. Виктор Михайлович и сам показывал хороший пример. Например, в конце 1981 года редактор зашел к директору с просьбой написать передовую статью в новогодний номер. Через сорок минут статья была готова!

Летом 1980 года завершился монтаж восьмой буммашины. На комбинат приехала выездная редакция «Правды». В.Ф. Багров обратился к редактору ее В.И. Молчанову: «Виктор Иванович, у вас такая солидная команда. Может быть, позволите нам выйти в отпуск?» На что Молчанов строго ответил: «Нет. Первый секретарь обкома Сенькин распорядился, чтобы ты

работал вместе с нами». И правдисты доверили Багрову быть ответственным секретарем выездной редакции. Работа с правдистами, по словам Василия Фаддеевича, была, конечно, интересной и полезной.

В декабре 1982 года на Кондопожский ЦБК прилетела из Сибири необычная гостья – редактор газеты «Байкальский целлюлозник» Ольга Яковлева. Дело в том, что в 1982 году газета была признана победителем смотра-конкурса отраслевых многотиражек. И вот сибирячка Яковлева два дня изучала кондопожский опыт.

«Как приятно сознавать, - говорит В.Ф. Багров, - что были тогда среди директоров предприятий такие внимательные к прессе личности, как наш Виктор Михайлович Холопов и тот байкальский директор».

Коллектив в «Авангарде» сложился дружный и творческий. Е. К. Михайловская, приехавшая в Кондопогу из Беларуси, устроилась корреспондентом в газету. С ее слов, редактор Багров был добрым, заботливым, внимательным. Он терпеливо, тактично помогал осваивать газетное дело, не скупился на доброе слово, на всех хватало душевного тепла.[13]

Выйдя в 1986 году на пенсию, Василий Фаддеевич не порвал связи с общественной жизнью. Когда в Кондопоге вручали медали «300 лет Российскому флоту», в Кондопожском районе 49 человек были награждены ими. В.Ф. Багров взял всех на учет. Так возник Клуб моряков. Связались с Советом ветеранов и штабом Северного флота. Были получены знаки ветеранов Северного флота, юбилейные значки. Проводились городские праздники по дням 23 февраля. Сегодня осталось всего трое ветеранов из награжденных. В 2002 году с группой ветеранов флота Василий Фаддеевич ездил на подшефный корабль «Кондопога».

Человек активный и энергичный, он не привык сидеть без дела. Его, как участника Великой Отечественной войны, постоянно стали приглашать на встречи со школьниками с просьбой рассказать о военной юности, о службе на Северном флоте. А ведь это живые уроки истории, так необходимые нынешнему поколению. Рассказы людей, непосредственных очевидцев событий, позволяют по-новому взглянуть на историю.

Для Василия Фаддеевича очень важно, чтобы не рвалась нить, соединяющая прошлое и настоящее. Именно поэтому в 2001 году вместе с ветеранами-земляками он принял активное участие в установке памятного знака, на котором высечены имена всех чеболакшан, участников Великой Отечественной войны.

В 2006 году, к своему 80-летнему юбилею Василий Фаддеевич решил сделать кондопожанам подарок – издал за свой счет книгу «Встречи на круглой Земле». Это сборник очерков и воспоминаний об интересных людях, с которыми он встречался на протяжении

[13] Михайловская, Е. Ветеран печати // Авангард. – 2006. – 13 янв.

разных лет жизни, об исторических событиях, происходивших на кондопожской земле. В книгу вошли газетные публикации разных лет.

«Встречи на круглой Земле» - нужная и полезная книга. В ней ветеран-журналист собрал материалы о людях, судьбы которых тесно переплетены с судьбой нашего города и страны. Героями его очерков стали первый Почетный гражданин города Я. П. Окушков, принявший активное участие в восстановлении города и комбината в послевоенные годы; Герой Социалистического Труда В. М. Холопов, руководивший целлюлозно-бумажным комбинатом 27 лет, за эти годы предприятие прошло несколько этапов расширения, были построены жилые дома и социальные объекты, город значительно изменился.

В своем сборнике В. Ф. Багров рассказывает об известном кондопожском учителе, краеведе С. В. Шежемском, именем которого названа одна из улиц нашего города. Сын священника из деревни Горка, Сергей Васильевич окончил духовную семинарию в Петрозаводске, учился в Петербургской императорской академии. После революции пошел работать учителем, оставил после себя краеведческие записи.

Несколько страниц книги посвящены встрече в Кондопоге с известным диктором Советского Союза Юрием Левитаном, голос которого слышала вся страна во время Великой Отечественной войны. Эта незабываемая встреча произошла в 1965 году. «Перед нами стоял стройный, среднего роста мужчина. Совсем не богатырь. Откуда же он брал этот невероятно могучий голос?», - вспоминает В. Ф. Багров.[14]

Интересно описывается в сборнике приезд в Кондопогу в 1938 году И. Д. Папанина, знаменитого героя-полярника. Произошло это событие 4 июня. По воспоминаниям автора, день был ветреный и холодный, но на площади собралось много людей. Митинг был долгим. Иван Дмитриевич был весел, шутил, а закончил речь историческими для города словами: «Кондопога – полсапога! Я верю, что скоро будет полный сапог!»[15] Он знал, о чем говорил, т.к 5 июня 1938 года рабочий поселок стал городом.

По словам автора, сборник выпущен с целью заронить искру любопытства к истории нашего края, страны в сознание школьников и молодого поколения.[16] Эту книгу он посвятил его друзьям и потомкам.

В январе 2017 году В. Ф. Багрову исполнился 91 год. У него непростая судьба, много жизненных тягот и испытаний выпало на его долю. Но он стойко держится, не сдается, принимает жизнь такой, какая она есть. «Пока я дышать умею, я буду идти вперед», - эти слова из песни очень точно подходят к сильной личности Василия Фаддеевича Багрова….

[14] Багров, В. Встречи на круглой Земле. – Кондопога, 2006. – с.28.
[15] Там же, с. 7.
[16] Курашев, П. Адресованная другу // Авангард. – 2006. – 3 марта.

О.Ю.Кулаковская, ПетрГУ

Тренер дворовой хоккейной команды – Ю.Г.Сахаров

Краеведческие чтения, проводимы национальной библиотекой Республики Карелия давно стали традиционными и объединяют интеллигенцию, специалистов, молодежь и людей пенсионного возраста. Выражаю искреннюю благодарность организаторам чтений за возможность участия в настоящем мероприятии. Особая благодарность за тематику Краеведческих чтений 2017 года: Имена в истории Карелии!

Кроме государственных деятелей, фольклорных, этнических групп, сегодня должное внимание уделено простому советскому человеку в контексте истории. О легендарных людях нашего края всегда интересно узнать дополнительную информацию, несмотря на то, что известно в их истории достаточно много. Внимание к простому человеку полезно и изысканно, поскольку редко.

Вашему вниманию предлагается сообщение о самом простом советском человеке «Ю.Г.Сахарове - тренере дворовой хоккейной команды». Удивительное заключается всего лишь в том, что СЮГ на самом деле железнодорожник – машинист тепловоза Локомотивного Депо, и поверьте на слово, это весьма сложная профессия и тяжелый, ответственный труд. Несмотря на свою занятость, он в тоже время волонтер – доброволец, которому не безразличны были судьбы простых мальчишек и большой любитель спорта. По доброй воле на протяжении почти 15 лет тренировал хоккейную команду. Волонтер – поскольку делал он все это бесплатно, на общественных началах и личном энтузиазме и собственном примере.

Несколько слов о специфике спорта, для тех, кто мало с эти был знаком раньше. Хоккей с шайбой - командная спортивная игра на льду, заключающаяся в противоборстве двух команд на коньках, которые, передавая шайбу клюшками, стремятся забросить её наибольшее количество раз в ворота соперника и не пропустить в свои. Побеждает команда, забросившая наибольшее количество шайб в ворота соперника.

Знаменитая, знакомая нам всем песня «Трус не играет в хоккей!» является своеобразным гимном и девизом хоккея.

Сегодня известна Детская Дворовая Хоккейная Лига (ДДХЛ) – и ее девиз «Вернем хоккей во дворы!» С распадом СССР ушло из нашей жизни и много хорошего: доступное образование, бесплатная медицина, многообразие секций и кружков для детей и молодежи. В настоящее время, возобновляется некоторое из утраченного: оборудуются дворы для отдыха и детских игр, восстанавливаются спортивные площадки, даже строятся, некогда разрушенные, Церкви и часовни. Все идет своим чередом.

В настоящее время существует настоящий конкурс на должность детского хоккейного тренера, организована ДДХЛ, предъявляются серьезные требования к тренерам, создаются качественные хоккейные площадки. Но и стоит это тоже не дешево для семьи и родителей, как сами занятия, так и спортивная экипировка.

Цель Детской Дворовой Хоккейной команды - дать возможность заниматься хоккеем детям, не попавших в профессиональные хоккейные школы, развить у них лидерские качества, сформировать адекватный круг общения и обеспечить для них занятия хоккеем там, где они живут.

«Спорт в каждый двор – вот основная идея проекта «Дворовый тренер», стартовавшего в последние годы по инициативе партии «Единая Россия». С мальчишками и девчонками несколько раз в неделю занимаются тренеры. Ребятишки все разные, разновозрастные. Команды собраны по дворам, по месту проживания. Проект рассчитан на адресную работу с мальчишками и девчонками, которые не станут профессионалами, они просто будут вести здоровый образ жизни. И, что греха таить, они будут убраны с улицы – с ее социальными и криминальными проблемами.

Сахаров Юрий Георгиевич сам является по духу и физическим данным спортсмен, с детства занимался разными видами спорта: лыжи, футбол, хоккей, бокс. Ему было дано быстро бегать, прыгать, метко стрелять, играть в теннис, плавать, играть в шашки и шахматы - своего рода многоборец. Несмотря на то, что сам рос без отца, который пропал без вести во время Великой отечественной Войны, сам стал наставником многих мальчишек.

Дети как лакмусовая бумага. Они впитывают все, что им вложишь, что преподнесешь. Если дети принимают тренера, то идут той дорогой, которую им показали. Да, конечно, тут и нагрузка, и ответственность своя присутствует. Переходные возраста те же, свои характеры… Проблема одна - вовлечь детей, чтобы им было интересно, искренне заинтересовать, показать. Не приходить отбывать часы, а конкретно работать с ними.

Супруга Юрия Георгиевича, Людмила Александровна заведующая дошкольным образовательным учреждением, разделила стремление мужа к здоровому образу жизни, к спорту приучали с малолетства и двух своих детей. Возможно влияние супруги, как профессионального педагога, позволило герою моего рассказа, не только заинтересовать ребят со двора, но и найти к каждому индивидуальный подход.

Предназначение Дворового тренера является обеспечение спортивного досуга школьников, подростков и молодежи, формирование здорового образа жизни, развитие массового спорта, пропаганда занятий физической культурой и спортом, как основы воспитания здорового и социально активного подрастающего поколения.

Кроме непосредственной тренерской работы, он взял на себя многое: построить хоккейную коробку, заливать лед морозными ночами, чистить снег с катка, проводить освещение, оборудовать в подвале своего обычного пятиэтажного дома раздевалку, затачивать коньки своим подопечным, доставать спортивную форму, закупать хоккейные клюхи и многое другой.

Команда называлась «Радуга», но первым названием бело «Локомотив» и Локомотивное Депо выделило первую спортивную форму для игроков.

Хоккейная команда, естественно, тренировалась не с утра до вечера, а по определенному расписанию, которое зависело в первую очередь от основной работы на железной дороге, и наличие ледяного катка позволяло всем желающим взрослым и детям кататься на коньках, потому в нашем районе на Голиковке даже все девчонки умели стоять на коньках и устраивали свои фигурные катания.

Видя такой самоотверженный труд «Дяди Юры», так его называли хоккеисты, стали помогать и родители: сколачивать и разбирать коробку, чистить снег, сопровождать детей на соревнования. Поставив на коньки и научив играть в хоккей первую группу, подрастала новая смена, и приходили маленькие мальчики, некоторых приводили родители. Часто хоккеистами команды были хулиганы и двоечники, но спорт помогал выравнивать и налаживать учебную деятельность. Обязательным условием допуска к тренировкам был школьный дневник без двоек. Учителя и директор Хютте Вера Ивановна 37 школы, в которую в основном ходили все ребята в округе, поддерживали контакт с тренером и порой сетовали повлиять на того или иного ребенка.

Автор статьи помнит лишь некоторые имена и фамилии: Леонид Харчиков, Алексей Егоров, Алексей Печенкин, Анатолий Захаров, Александр Голубев, Дмитрий Журавлев, братья Колгановы Александр и Николай, братья Дякины Сергей и Александр, Александр Сазонов, в команде занимался и родной сын Сахаров Анатолий.

Летом хоккей заменял футбол и настольный теннис. Футбольное поле тоже приходилось поддерживать своими собственными силами, а в том же подвале дома, где была хоккейная раздевалка, пришлось построить еще один отсек для настольного тенниса. Очень многие мальчики и девочки дома № 17-А по ул. Лесной (ранее адрес дома значился проспект Урицкого, ныне проспект Александра Невского, дом № 163 и соседних домов умели не только кататься на коньках, но и играть в теннис. Теоретические занятия, без которых невозможно одолеть хоккейную науку, Юрий Георгиевич проводил у себя на квартире, где попутно еще учил играть в шашки и шахматы.

Подрастая и взрослея, первые питомцы мужали и уже сами помогали своему наставнику в тренировках и соревнованиях. Наряду с профессиональными хоккейными клубами

Петрозаводска, команда «Радуга» занимала призовые места, выезжала на первенство Карелии, не раз мальчишки и тренер награждались похвальными грамотами, дипломами и подарками.

Тем не менее, даже при успешных результатах, можно представить себе всю сложность и масштабность осуществляемой Юрием Георгиевичем работы, а ведь профессиональная деятельность железнодорожника требовала особых сил и времени. Как хватало одного человека на все, трудно теперь даже представить. «Белые вороны» в природе встречаются редко, но именно на таких уникальных людях и их жизненном подвиге для других людей, детей и семей стоит задержать свое внимание.

В настоящее время Юрию Георгиевичу Сахарову 77 лет, он находится на пенсии и увлеченно занимается шашками и шахматами, как с компьютером, так и шахматном клубе, который к великому сожалению, закрыли для посетителей в апреле 2016 года, посчитав его не рентабельным. Супружеская чета Сахаровых уже вместе 57 лет и порой вспоминая и перелистывая страницы своей жизни, супруги обязательно вспоминают хоккейное детское настроение.

Раздел 8. Секция Имена в культуре Карелии

К. В. Шафранская, ПетрГУ

Комиссия по охране памятников старины, природы и искусства АКССР (1926–1927 гг.)

Вопросы охраны культурного наследия АКССР в 1920-е гг. решались в русле мероприятий, предпринимаемых Советской республикой в области культуры и искусства. 21 марта 1918 г. в Петрограде при Народном комиссариате просвещения РСФСР (*далее Наркомпрос*) была создана Коллегия по делам музеев и охране памятников. Петроградская коллегия стала региональным отделом по северу и северо-западу России[1]. Сотрудники коллегии направлялись в качестве «эмиссаров» по губерниям: Петроградской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской и Череповецкой. За период весны – осени 1918 г. в губерниях происходил процесс создания местных органов по управлению музейным делом и охране памятников: секций, подотделов, комиссий по охране памятников искусства и старины. К выявлению и учету памятников в губерниях планировалось привлечь краеведов. Программное выступление в этом направлении произнес 13 декабря 1921 г. в Москве на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края искусствовед А. В. Бакушинский[2].

Краеведение – «салонное», любительское занятие, популярное среди образованных слоев населения царской России: чиновников, священнослужителей и педагогов после октябрьского переворота 1917 г. уступило место краеведению нового образца – массовому культурно-просветительному движению, взятому под контроль партии. Основные направления деятельности и степень участия краеведов в хозяйственном и культурном развитии РСФСР определялись теперь на съездах РКП(б). С 18 по 23 марта 1919 г. в Москве прошел VIII съезд РКП(б), рассматривавший в том числе и вопросы состояния культуры[3]. В соответствии с принятой на съезде программой, краеведам рекомендовалось начать деятельность по выявлению и научной оценке обнаруженных ими памятников старины и истории, участвовать в

[1] Грицкевич В.П. История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб., 2009. С. 11.

[2] Бакушинский А.В. Искусство и краеведение // Вопросы краеведения: Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. Н. Новгород, 1923. С. 22.

[3] О мерах по сохранению культурного наследия. 18–23 марта 1919 г. Москва // КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. 1917–1922. М., 1983. С. 75.

передаче этих объектов под охрану государства, а при необходимости содействовать реставрации и превращению «движимых памятников» в музейные экспонаты, а «недвижимых» – в музеи.

Первоочередной задачей, вставшей перед большевиками в области охраны памятников, стал запрет вывоза ценностей за границу и их национализация. Об этом свидетельствуют первые декреты, разработанные в 1918 г. Наркомпросом РСФСР: «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» (19.09.1918) и «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (05.10.1918 г.).

20 сентября 1918 г. вышел декрет Олонецкого губернского ревисполкома «Об охране памятников старины в губернии»[4]. 28 сентября 1918 г. в Петрозаводске была создана секция по охране памятников. Характеристика, очевидно, не долгой, работы секции следующая: «поверхностная реогранизация губернского музея и проведение учета памятников древнерусского зодчества»[5]. Причины, вероятно, заключались в напряженной внутриполитической ситуации в крае в период 1918–1920 гг. Интервенция, угроза аннексии территорий на севере Карелии, военные действия, финансовый кризис – сопровождали установление советской власти в Олонецкой губернии.

Проведение дальнейших действий по охране памятников было отложено до стабилизации ситуации в крае. В 1920 г. большевики взяли под контроль большую часть территории Карелии. 7 июня 1920 г. декрет ВЦИК провозгласил образование Карельской Трудовой Коммуны (*далее КТК*), являвшейся автономной областью в составе РСФСР и предназначавшейся для компактного проживания преимущественно финно-угорских народов. В Петрозаводске начала возрождаться общественная жизнь, началась подготовка к воссозданию, закрывшегося в 1918 г. общества краеведения. Вместе с тем, за несколько лет государственная политика в области культуры и искусства претерпела изменения, связанные с изменением курса внутренней политики страны.

В 1921 г. в связи с переходом к новой экономической политике, начались сокращения расходов на государственные органы, сократилось финансирование Наркомпроса РСФСФ. Начался перевод памятников с государственного бюджета на местные, что означало резкое сокращение финансирования. Определилась линия на утилитарное отношение к охране культурного наследия, что продемонстрировал декрет «О составлении государственного фонда

[4] Декрет Олонецкого губернского ревисполкома об охране памятников старины в губернии // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 476–477.
[5] Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989. С. 178.

ценностей для внешней торговли», датированный 7 февраля 1922 г., опровергавший по сути предыдущий нормативно-правовой акт о запрете вывоза и торговли культурными ценностями.

В январе 1924 г. вышел декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы»[6]. Охранные функции были возложены на губернские и областные исполнительные комитеты и музеи, у которых не было средств на должное сохранение памятников. Соответственно, имело место формальное отношение к организации охраны памятников. А ведь среди культурно-исторических объектов бывшей Олонецкой губернии находилось много уникальных произведений искусства, относившихся к «очень глубокой старине» – XVII и XVIII вв.[7] Например, постройки деревянного зодчества – «памятники церкви», как их стали называть после революции, еще в первые два десятилетия советской власти были самой многочисленной, но и уязвимой категорией недвижимых объектов материального наследия края.

25 июля 1923 г. Постановлением ВЦИК и СНК СССР № 51 от 25.07.1923 г. КТК была преобразована в Автономную Карельскую Социалистическую Советскую Республику (*далее АКССР*). В связи с образованием АКССР, стабилизацией политической обстановки и началом культурной модернизации научный интерес к Карелии возобновился. В середине 1920-х гг. Карелию посетили ведущие исследователи в области этнографии и истории искусства тех лет: Р. М. Габе, Д. А. Золотарев, Ю. М. Соколов, К. К. Романов, И. Э. Грабарь. Экспедиции собирали материалы по фольклору, этнографии и народному искусству, выполняя важную задачу документирования памятников, большинство из которых ранее не было известно науке. Например, интерес Московский научной экспедиции 1926 г., проходившей по деревням Заонежья под руководством профессора Ю. М. Соколова, вызвали старинная шатровая церковь в деревне Яндомозеро 1656 года и две церкви в селе Космозеро, датированные 1720 и 1769 гг[8].

События экспедиционных дней освещались на страницах газеты «Красная Карелия», но широкого общественного резонанса, материалы, по объективным причинам, тогда не получили, а большая их часть осталась в архивах, где «их никто не видел, никто не знал»[9]. Состояние памятников вызывало тревогу членов «Общества изучения Карелии». В журнале «Вестник Карело-Мурманского края» в рубрике «Краеведение» и газете «Красная Карелия» появилась серия публикаций на тему сохранения церковного деревянного зодчества АКССР, автором

[6] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 07.01.1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1916.htm

[7] Крылов В. И. Пробел // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 16. С. 9.

[8] Изучение Карелии. Путевые очерки Прионежской экспедиции. Краевед [авторский псевдоним В.И. Крылова] // Красная Карелия. 1926. № 174. Л. 2.

[9] Крылов В. И. Пробел … С. 9.

которых был директор Губернского музея Виктор Иванович Крылов[10]. Автор отмечал, что общество пребывает в неведении относительно состояния культовых построек деревянного зодчества. Не смотря на то, что «старинные сооружения» были взяты на учет и под охрану Главнауки Наркомпроса РСФСР, но эта охрана носила «чисто платонический характер». В. И. Крылов считал, что «в центре не знаю о состоянии этих памятников» и выражал небезосновательные опасения, что «старина нашего интересного края может безвозвратно погибнуть»[11]. Со страниц журнала он обращался к согражданам: «две основные задачи встают пред местным краеведением: – музейное собирание документов природы и жизни и учет и охрана памятников природы и старины»[12]. Очевидно, что вторая задача не исполнялась. Об этом В. И. Крылов писал, – «У нас нет ни отдельного органа, который взял бы на учет эти памятники и оберегал бы их от разрушения, нет и как будто даже интереса к вопросам об этих памятниках»[13].

В октябре 1926 г. в Петрозаводске при Наркомпросе АКССР начала работу Карельская Комиссия по охране памятников старины, природы и искусства. Деятельность Комиссии подчинялась Ленинградскому отделу по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР и Наркомпросу АКССР. Комиссия создавалась во исполнение декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», обязывавшего местные власти принять «энергичные и действительные меры» к охране наследия. Из примечания к пункту 1 декрета следовал порядок «фактической охраны» памятников зодчества, осуществляемой Губернскими и Областными исполкомами при непосредственном участии Губернских музеев. В пунктах 7 и 9 определялось, что распоряжения по охране памятников издаются Губернскими и Областными исполкомами по соответственным представлениям или при непосредственном участии губернского отдела народного образования. Речь шла также о необходимости издания инструкции по охране памятников[14].

Таким образом, фактической целью создания Комиссии была подготовка нормативно-правовой документации: «Постановления СНК АКССР об охране памятников старины, искусства и природы на территории АКССР» и инструкции к Постановлению, что и было

---

[10] Крылов В. И. (1874–1928 гг.) – учитель, краевед, кооператор, популяризатор изучения Карелии в 1920-е гг. С 1913 по 1918 гг. член первого краеведческого общества в Карелии – «Общество изучения Олонецкокой губернии», редактор «Известий» общества. С 1923 г. – член «Общества изучения Карелии». С 1925 по 1928 гг. – директор Карельского областного музея г. Петрозаводска. Автор более 50-ти научных публикаций по краеведению. Использовал авторские псевдонимы «Краевед» и «В.И.К.».

[11] Крылов В.И. Как организовать охрану памятников природы и искусства // Красная Карелия. 1926. 14 сентября. № 208. С. 2.

[12] Крылов В.И. Пробел … С. 9.

[13] Там же. С. 9.

[14] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 07.01.1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» … Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1916.htm

сделано за период с октября 1926 г. по май 1927 г. После чего деятельность Комиссии завершилась.

В состав комиссии вошли представители местных советских органов и учреждений культуры: И. П. Гришкин (Карполитпросвет), В. И. Крылов (Карельский областной музей), И. М. Никольский[15] (Центральная публичная библиотека), Н. В. Хрисанфов[16] (Центральное архивное бюро) и представители от Наркомпроса республики. Подготовка к разработке нормативно-правовой документации по охране памятников в АКССР началась на заседании Комиссии, состоявшемся 9 октября 1926 г.[17] Кроме этого, на заседании был представлен информационный доклад о состоянии памятников старины в Карелии, составленный по экспедиционным материалам.

На заседании комиссии решилась судьба двух памятников императорам Петру I и Александру II, демонтированных в 1918 г. и выставленных в 1926 г. на «реализацию», что подразумевало переплавку на металл. Комиссия постановила: «памятник Александра II-го передать для реализации, а Петра I-го оставить, приняв меры к сохранению (сделав для памятника деревянный футляр-чехол) до выяснения о нем вопроса в местном «Обществе изучения Карелии»[18]. Через два месяца, в декабре 1926 г. на заседании СНК АКССР было принято решение о взятии памятника Петру I под охрану. Так был сохранен один из символов Петрозаводска, установленный в 1873 г. по инициативе губернатора Г. Г. Григорьева и до сих пор представляющий собой ценный культурный и экскурсионный объект столицы Карелии.

Начался учет памятников зодчества, «памятников церкви» и обследование некоторых из них. Председателем Главнауки Наркомпроса РСФСР профессором И. Э. Грабарем была осмотрена «знаменитая Кижская церковь в селе Кижах в Заонежье» и получены средства на ее ремонт от Совнаркома АКССР. Первоочередное внимание сосредоточилось на памятниках деревянного зодчества, датированных до начала XIX в. Таких памятников во всех уездах АКССР насчитывалось к 1925 г. до шестидесяти. Приведем несколько примеров: только в Петрозаводском уезде находилось 5 церквей постройки XVII в., например, Лычноостровская – 1620 г. (церковь Петра и Павла на Лычном острове, Кондопожский район, РК), Гиморецкая – 1659 г. (церковь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Гимрека, Ленинградская область,

[15] *Никольский И. М.* (1886 год рождения – год смерти неизвестен) – учитель, библиограф, краевед. С 1922 по 1929 гг. – заведующий Центральной публичной библиотекой в г. Петрозаводске. Составитель «Справочной книги по АКССР» (1929 г.) и уникального библиографического указателя по Карелии «Природа, население, экономика, история и культура Карелии» (впервые опубликован в 2009 г. издательством ПетрГУ).

[16] *Хрисанфов Н. В.* (1898–1938 гг.) – учитель, краевед, архивист. Окончил архивные курсы в Петрограде. С 1924 по 1934 гг. – заведующий Центрального архива АКССР. С 1933 г. – научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института (КНИИ). 26.10.1937 г. был арестован органами НКВД по делу о т.н. контрреволюционной группировке в КНИИ. 80.01.1938 г. расстрелян. Место расстрела – место захоронения – ст. Медвежья Гора (Сандармох). Реабилитирован 21.07.1956.

[17] Протоколы заседаний Комиссии по охране памятников старины, природы и искусства (1926–1927 гг.). НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. Л. 2.

[18] Там же. Л. 36.

Подпорожский район), Деревянская – 1685 г. (Деревянский приход, утрачена), 8 церквей – XVIII в., в том числе и Преображенская церковь Кижского прихода[19]

15 старинных построек культа находились в Повенецком уезде, среди них: Челмужская Богоявленская церковь 1606 г. (Медвежьегорский район, РК; проведена реставрация), Яндомозерская Варваринская церковь 1656 г. (Медвежьегорский район, РК; церковь разобрана и перевезена в д. Типиницы), Космозерская Успенская церковь 1720 г. (Медвежьегорский район, РК; утрачена в 1942 г.). В Кемском уезде – 15 старинных деревянных церквей, из них: Успенский собор 1711 г. (Кемский район, РК), Кемская Троицкая кладбищенская церковь 1696 г. (Кемский район, РК, утрачена), Шуерецкая Николаевская церковь 1595 г. (Беломорский район, РК, утрачена в 1947 г.), Шуезерская Ильинская церковь 1619 г. (Беломорский район, РК, утрачена в конце 1920-х гг.), церковь Петра и Павла в селе Вирма – 1659 г. (Беломорский район, РК), Николаевская церковь в Сумском Посаде – 1767 г. (Беломорский район, РК, утрачена), Подужемская церковь Параскевы Пятницы – 1666 г. (Беломорский район, РК, утрачена в 1947 г.) и другие[20].

В. И. Крылов составил список памятников старины, природы и искусства, нуждающихся в охране (информация из этого списка использована выше). Он же стал автором проекта Постановления СНК АКССР и инструкции об охране памятников[21]. В 1929 г., уже после смерти В. И. Крылова, список памятников был опубликован И. М. Никольским в «Справочной книжке автономной Карельской социалистической Советской республики»[22]. Объекты, подлежащие охране, перечислялись В. И. Крыловым по каждому уезду АКССР, но дальнейшая их классификация не проводилась. В одном перечне находились и здания, и водные объекты, и животные, и места старинных производств. Все это в дальнейшем подлежало учету и охране на основании присвоенного «охранительного свидетельства». Комиссия запрещала самовольную «сломку», «переделку», ремонт, создание пристроек, загораживающих памятники зодчества. Нарушения карались законом согласно ст. 99, 102 и 107 УК РСФСР (в редакции 1926 г.). Комиссия приняла решение и об ограничении вывоза за пределы АКССР исторических и культурных ценностей, обнаруженных учеными в ходе экспедиционных работ. Уездным комитетам предписывалось воздерживаться от «выдачи разрешений на изъятие из пределов уезда памятников старины и вещей, имеющих музейное значение»[23] без специального разрешения Комиссии.

---

[19] Список памятников старины в Карелии, требующих учета и охраны. НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. ЛЛ. 41–42.
[20] Там же. Л. 42.
[21] Крылов В. И. Как организовать охрану памятников природы и искусства … С. 2.
[22] Никольский И. М. Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики. Петрозаводск, 1929. 250 с.
[23] Протоколы заседаний Комиссии по охране … Л. 3.

Вместе с тем, в сфере фактической охраны, например, памятников зодчества работа Комиссии была малоэффективной. В протоколах Комиссии отсутствуют сведения о выезде ее представителей на места. Работа проводилась, в основном, с помощью переписки: принимались распоряжения Главнауки Наркомпроса РСФСР, составленные на основании экспедиционных отчетов, вопрос рассматривался на заседании Комиссии, где принималось решение, в свою очередь, о направлении писем на места, с просьбой подтвердить необходимость помощи по охране памятника. Связь осуществлялась через общины верующих или уездные исполнительные комитеты. В Комиссию также могли писать неравнодушные граждане[24].

Так, например, происходила работа по охране двух старинных церквей Повенецкого уезда: Яндомозерской церкви Великогубской волости и Даниловской церкви Даниловской волости. В письме от 13 сентября 1926 г., направленном из Ленинградского отделения Главнауки в Петрозаводск сообщалось о необходимости принять меры к ремонту этих деревянных церквей, согласно декрету ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 7 января 1924 г. Вопрос о ремонте «памятников церкви» слушали на заседаниях Комиссии 9 октября 1926 г. и 15 января 1927 г.. В. И. Крылову было поручено выяснить через общины верующих, в каком состоянии находятся церкви. Ответ был получен только от прихожан Даниловской церкви. В ответ на сообщение о необходимости срочного ремонта, комиссией было решено, со своей стороны изыскать «некоторые средства» на ремонт, о размере которых умалчивается, а также ходатайствовать о бесплатной выдаче бревен для ремонта, все же остальные средства волостному исполнительному комитету и общине верующих предлагалось «изыскать на месте»[25].

Причины подобного положения дел, по сути формального подхода к проблеме охраны памятников, неоднократно озвучивались В. И. Крыловым. В отчете Карельского Областного музея за октябрь 1925 – сентябрь 1926 гг. можно прочитать следующее: «выполнение же мер по охране памятников и организация охранных действий, ограничивались отсутствием у неё «особых уполномоченных на местах, как и особых специальных средств»[26]. Разрушив, существовавшую до 1917 г. традицию общественной деятельности по охране наследия, уничтожив церковное краеведение, одной из задач которого было изучение и сохранение памятников, советское государство оказалось не способным в должной мере организовать деятельность по сохранению памятников, ограничившись первыми шагами и сбросив груз «фактической охраны» на места.

[24] Письмо инженера Н. Караулова о состоянии деревянной часовни в селе Ухта // Протоколы заседаний Комиссии … Л. 35.
[25] Протоколы заседаний Комиссии по охране … Л. 35.
[26] Отчет Кар. Обл. Музея за время с 1 октября 1925 по 30-е сентября 1926 г. // Протоколы заседаний Комиссии … Л. 27.

Создание и деятельность Комиссии по охране памятников старины, природы и искусства АКССР – это важный опыт в области охраны наследия республики Карелия. А также, благодаря замечательному составу Комиссии, – это важный эпизод в истории развития краеведческого движения в нашем крае. Деятельность Комиссии не была идеальной и зависела от политической обусловленности своего времени, но краеведы смогли внести необходимый и полезный вклад в процесс сохранения культурного наследия АКССР. Придание гласности ситуации с пренебрежением памятниками истории и культуры, попытка общественного контроля с помощью «Общества изучения Карелии», создание нормативно-правовой базы, составление списка памятников Карелии, датированных до XIX в., спасение отдельных памятников, сбор сведений об их состоянии – в этом необходимо отдать должное петрозаводским краеведам 1920-х гг.

Источники

1. Бакушинский А. В. Искусство и краеведение // Вопросы краеведения: Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. Н. Новгород, 1923. С. 23–29.
2. Декрет Олонецкого губернского ревисполкома об охране памятников старины в губернии // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 476–477.
3. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 07.01.1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1916.htm
4. Изучение Карелии. Путевые очерки Прионежской экспедиции. Краевед [авторский псевдоним В.И. Крылова] // Красная Карелия. 1926. № 174. Л. 2.
5. Крылов В. И. Пробел // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 16. С. 9.
6. Крылов В. И. Как организовать охрану памятников природы и искусства // Красная Карелия. 1926. 14 сентября. № 208. С. 2.
7. Никольский И. М. Справочная книжка автономной Карельской социалистической Советской республики. Петрозаводск, 1929. 250 с.
8. О мерах по сохранению культурного наследия. 18–23 марта 1919 г. Москва // КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. 1917–1922. М., 1983. С. 75.

9. Отчет Кар. Обл. Музея за время с 1 октября 1925 по 30-е сентября 1926 г. // Протоколы заседаний Комиссии по охране памятников старины, природы и искусства (1926–1927 гг.). НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. Л. 27.

10. Письмо инженера Н. Караулова о состоянии деревянной часовни в селе Ухта // Протоколы заседаний Комиссии по охране памятников старины, природы и искусства (1926–1927 гг.). НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. Л. 35.

11. Протоколы заседаний Комиссии по охране памятников старины, природы и искусства (1926–1927 гг.). НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. ЛЛ. 2–42.

12. Список памятников старины в Карелии, требующих учета и охраны. НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 36/305. ЛЛ. 41–42.

Литература

13) Грицкевич В. П. История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб., 2009. С. 11.

14) Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989. С. 178.

В.Г. Кондратьев, старший научный сотрудник

Карельского института развития образования

Памяти учителя. Георгий Ервандович Терацуянц

1. Краткая биографическая справка

Георгий Терацуянц (15.07.1929 – 23.08.2007гг) родился в в семье инженера-строителя и врача-педиатра. Блокадник Ленинграда. В 1953 окончил отделение психологии философского факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. Там же стал членом студенческого хора, а позже 2-м хормейстером хора ЛГУ (руководитель Г. М. Сандлер). В 1953—1956 годах работал в школах Ленинграда.

В 1956—1957 годах руководил хорами философского, восточного и филологического факультетов Ленинградского университета. В 1958 году Георгий Ервандович закончил дирижёрско-хоровое отделение Ленинградского музыкального училища при Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова. С 1958 по 1962 годы Г.Е. Терацуянц руководил студенческим хором Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена.

В 1962 году он переехал в Петрозаводск. Здесь Георгий Ервандович организовал Академический хор ПетрГУ и стал его художественным руководителем. Работал преподавателем хоровых дисциплин в Петрозаводском музыкальном училище (ныне колледже) имени К. Э. Раутио. С 1963 года — председатель правления хорового общества Карельской АССР.

В 1971—1989 годах — методист, директор методического кабинета Министерства культуры Карельской АССР. Член правления Всероссийского музыкального общества (1976).В 1989—1999 годах — преподаватель, доцент, профессор кафедры культурологии Петрозаводского государственного университета.

В 1992—2007 годах — преподаватель кафедры хорового дирижирования Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова. Отмечен многочисленными наградами и званиями: Заслуженный деятель искусств КАССР (1967г), Заслуженный работник культуры РСФСР (1978г), Лауреат Государственной премии КАССР за концертные программы 1987-1988гг. многими другими.

Почётный гражданин Петрозаводска (2005).

Множества призов и наград (в том числе международного уровня) удостоен Академический хор студентов ПетрГУ.

Умер Г.Е. Терацуянц в Республиканской больнице Петрозаводска после тяжёлой болезни.

2. За строкой биографии

В русской традиции было отмечать две даты в жизни человека: день рождения и день смерти. В этом году исполняется десять лет со дня смерти Г.Е. Терацуянца и это повод для того чтобы отдать дань его памяти.

О Георгии Ервандовиче сказано и написано много. Иначе и не может быть, ведь он является знаковой фигурой – замечательным педагогом, замечательным музыкантом, прекрасным человеком. О нём можно говорить только в превосходных тонах. Его знают и помнят его коллеги, его друзья, его ученики. Но просто изложить его биографию значит очень мало сказать о нём.

Для меня Георгий Ервандович стал прежде всего учителем. Не только учителем в плане освоения премудростей хорового пения, но человеком, во многом определившим мою дальнейшую судьбу и, я думаю, не только мою судьбу, но и судьбу многих бывших хористов. Он был потрясающим, он был мудрым, он был страстным, он был сильным и несгибаемым, но он же был и ранимым и, порой, сомневающимся, неуверенным в правильности того, что делает. Главным в его жизни для Георгия Ервандовича была работа. Он говорил, что он живёт, пока работает. Он всего себя без остатка отдавал своим воспитанникам. Жизнь его была отнюдь не безоблачной. Были и взлёты, были и неудачи. Так, в одной из своих книг, рассуждая о концертной деятельности, он написал такие вот пронзительные строчки: «Такова наша концертная жизнь. То счастливая и лёгкая, то тягостная как крест. Но это и есть жизнь»[1] Ему часто приходилось непросто, учитывая то, что с молодости он руководил студенческими хорами, где практически каждый год приходят и уходят новые участники, а через 5 лет имеешь дело уже с новым коллективом.

Хор, хоровое пение – это совершенно особый вид музыкального искусства. Вот сказал и сразу показалось банальным, но ведь подлинное искусство нельзя объяснить и разложить по полочкам! Позволю себе вновь привести цитату, обнаруженную на просторах Интернета «Хоровое пение - основной показатель здоровой нации. С его помощью человек выражает те чувства и эмоции, которые порой не решается выразить в повседневной жизни. При регулярном посещении хоровых занятий развиваются творческие способности, формируется творческое мышление, закладываются основы вокально-хоровых умений и навыков (вплоть до профессиональной постановки голоса)»[2]. Эти слова принадлежат директору «Музыкальной школы для взрослых, руководителю Академического хора «Модерато» Е.И Заборонок. Георгий Ервандович на репетициях всегда обращал внимание на то, чтобы хористы не только попадали

в ноты, но и тщательно произносили слова. Позже на страницах своей книги он пояснил суть дела: «Если музыку считать чудом – настолько сильно её влияние непосредственно на эмоциональную сферу человека, то вокальную музыку – сольную и хоровую – следует считать чудом вдвойне, т.к. она неразрывно связана с другим, не менее потрясающим жанром – с поэзией»[3] Работая с материалами фонда Г.Е. Терацуянца в Национальном архиве РК я среди прочих обнаружил замечательную фразу, ему принадлежащую: «Хоровое пение – искусство особенное, демократичное и т.д. Оно включено в быт, вплетено в историю народов. Это такой инструмент, посредством которого можно общаться с Богом»[4]Соединение музыки и слова и делает хоровое искусство настолько своеобразным и привлекательным. В отношении роли текста в песне, Георгий Ервандович предъявлял самые высокие требования к руководителю хорового коллектива: «Хормейстер должен быть литературоведом, должен уметь анализировать стихотворный текст не меньше чем музыкальный. Хоровое произведение – органическое единство системы, сплав слова и музыки. Что важнее, что первично?»[5]

Я помню сколь сильное впечатление произвело на меня замечательное произведение Петра Ильича Чайковского «Был у Христа младенца сад»! Здесь великолепная музыка соединилась с замечательными, красивыми стихами русского поэта Алексея Плещеева. Можно ещё много рассуждать о чуде хорового пения, но оно, это чудо создаётся людьми, многими людьми, хористами, причём у каждой хоровой партии своя важная, а, порой, определяющая роль; концертмейстером или оркестром и, наконец, дирижером - главным действующим лицом, главным организатором всего процесса.

Детство у него получилось коротким, Георгий родился в1929г., а в 1941- война и страшная блокада. И одно из сильнейших воспоминаний о Блокаде – воспоминание о концерте в Ленинградской филармонии 9 августа 1942г., когда прозвучала знаменитая Седьмая симфония Д. Шостаковича. Вот несколько строчек из его воспоминаний: «Почему-то у меня осталось впечатление о том, что в зале и на улице было холодно. Может быть потому, что после страшной зимы 1942 года самым яростным впечатлением того времени так и остался холод».[6] О себе он говорил, что по национальности ленинградец. Он навсегда сохранил любовь к прекрасному городу на Неве.

Биография Г.Е. Терацуянца широко известна и растиражирован, поэтому не имеет особого смысла ещё раз повторяться, тем более, что всё, что он **хотел** рассказать о себе, о своей творческой жизни он рассказал в своих книгах, да ещё и не поскупился на добрые советы, связанные с работой руководителя хора, как он её понимает. Главное, на что он постоянно обращает внимание своих читателей то, что в этой работе в работе, руководителя, педагога, воспитателя нет мелочей. Каждая новая победа даётся только общими усилиями всего певческого коллектива, а успехи скоротечны и быстро забываются. О том, как трудно бывает

поймать птицу-удачу, как трудно достичь идеального исполнения Георгий Ервандович писал «И вот на первом концерте меня вдруг пронзило поразительное чувство – я услышал тот звук, к которому мы безрезультатно стремились вот уже второй год – свободный, непрерывный, наполненный, льющийся звук, вызывающий у слушателей ощущение радости и покоя, Это длилось очень недолго, какое-то мгновение, потом этот звук пропал надолго, ещё на многие месяцы утомительной работы».[7] Читая его книги, обращаясь к архивным документам я всегда удивляюсь, насколько развитым было у него чувство ответственности и насколько важным было для него одобрение того, что он делает. Вспоминая один из конкурсов, участником которого был хор университета он пишет: «Это жёсткое, заскорузлое чувство ответственности, которое как кандалы не выпускает меня из своих цепких объятий, наверное, я слишком волновался на этом конкурсе, мне казалось, что на карту поставлено нечто значительно большее, чем то, что на неё поставлено на самом деле, почти в каждом концертном выступлении мне видится подтекст, которого на самом деле просто нет… А потом, сразу после выступления, там, за сценой я весь – открытая рана, обнажённый нерв, такой же беспомощный, как устрица, вынутая из раковины. В эти первые минуты безумно хочется услышать слова поощрения и сочувствия и ничего другого. Любое же самое дружеское замечание, в котором есть хоть малейшая тень критики причиняет боль… Такие вот дела». [8] И вместе с тем, он считал себя счастливым человеком, потому что всю свою жизнь занимался любимым делом, у него было это главное Дело жизни: «Поистине, я счастливейший из людей! Я счастлив не только потому, что моя профессия, призвание и хобби полностью совпадают, что я бесконечно люблю свою работу. Главное, что я счастлив содержанием своей профессии, она представляется мне чем-то вроде деятельности врача, возвращающего людям физическое здоровье, исцеляющего верующих от духовных невзгод»[9]

Я видел его на репетициях и на концертах. Это единственное в своём роде и непередаваемое впечатление. Я видел его поистине титанический труд. И пот, низвергающийся потоками по его челу, и мощный взлет руки, и горящий взгляд. Работая сам с полной отдачей, он и от других требовал того же. И имел на это полное право. Но он не только требовал, он понимал тебя глубоко, по-человечески, понимал твои сложности (а их у студента ох как немало!) и твои беды. И решая творческие задачи, стоящие перед хором, Георгий Ервандович видел прежде всего воспитательные задачи. В этом важном деле всё играло свою важную роль, поэтому особое внимание он уделял формированию репертуара. Он писал: «Мы стараемся найти в первую очередь такие произведения, содержание поэтического текста и музыкальные образы которых дают максимальные возможности для воспитания в участниках хора таких человеческих качеств, как пытливость, гуманизм, эмоциональную открытость, умение радоваться прекрасному, удивляться таинственному, любить и дорожить тем, что в конечном итоге мы

называем Родиной».[10]Научить умению радоваться прекрасному, воспитать вкус, научить удивляться, нащупать некую струну, которая превращает академический хор в самый совершенный музыкальный инструмент, удержать это удивительное состояние единства, сделать хор тем, чем он должен быть в идеале – коллективом личностей (или коллективной личностью). Для того, чтобы это свершить, нужно самому постоянно работать и совершенствоваться. А как относиться к чужой музыкальной культуре? Кстати, сам Георгий Ервандович предпочитал термин «иной» культуре, Как интерпретировать, например, народные песни других народов? Выступая на научной конференции в Петрозаводском университете он высказался и по этому поводу: «Освоение других культур требует большой компетентности, осторожности. Внимания и чуткости. Иначе грань между положительными тенденциями и уродованием «чужого» станет очень хрупкой».[11] Предъявляя высокие требования к себе, он особенно высоко ценил в людях умение держать слово, не подводить. Он высказал в одном из своих многочисленных интервью очень важную вещь: «Я бы хотел видеть их (участников хора) людьми, которые умеют держать слово. …Самое плохое, что есть в человеке, по моему идёт оттого, что он необязателен»[12] Он умел оценить сделанное тобой, каждый твой маленький шажок в творческом развитии. Он все подмечал. Он мог тебя разругать в пух и в прах, а мог похвалить, и как дорого стоила эта похвала! Как окрыляла! Как заставляла поверить в себя! А чувство юмора Георгия Ервандовича, в сочетании с философским складом ума, с умением находить такие необыкновенные сравнения, оперировать такими литературными и историческими примерами.

Его работа в Петрозаводске собственно и начиналась с создания хора, создания коллектива, нацеленного на выполнение самых сложных творческих задач. В этом ему помогали и коллеги музыканты и хоровое самоуправление – совет хора во главе со старостой. Позднее его опорой стали ветераны хора, способствовавшие передаче традиций. Он создал замечательный коллектив, он нашёл надёжных соратников и помощников в этом деле. Исключительное значение он отводил формированию традиций коллектива, творческой преемственности. Его любили хористы в Ленинграде и в Петрозаводске, о чём говорят тёплые добрыее прозвища – для ленинградцев он на всю жизнь остался «Гошей», а для петрозаводчан –«Тером».

Я помню один из последних концертов, когда наш Тер дирижировал хором. Это было, как мне помнится, в зале Детской музыкальной школы на Московской. Вышел и построился хор, а потом как-то медленно, неуверенно, едва ли не держась за стену на сцену вышел такой родной и такой постаревший Тер. И тут произошло чудо преображения: он встал перед хором, а потом взмахнул руками и стал прежним, энергичным, яростным, увлечённым. Меня это пробило едва

ли не до слёз, хотя я человек отнюдь не сентиментальный. Это было так неожиданно и это было чудо!

Мы никогда не были в каких-то особо доверительных отношениях. Я никогда не забредал к нему на огонёк в его квартиру, не писал ему писем и даже не поздравлял с праздниками. Иногда мы с ним встречались случайно в городе, довольно часто в Национальной библиотеке, где он тоже часто бывал. И всегда у него находились какие-то добрые слова для меня, он всегда не из вежливости только интересовался моими делами. И мне было интересно с ним.

Он получал многочисленные письма от бывших хористов с всех концов страны и из-за границы. Письма эти поражают тем, что они как будто адресованы самому близкому, родному человеку, с которым можно поделиться не только радостями и успехами, но и проблемами и неприятностями. Вот строчки некоторых писем, авторов которых я даже не собираюсь называть, так как эти письма очень и очень личные: «…Вы очень счастливый человек и делаете других счастливыми…[13]

…Мне очень хочется, чтобы когда-нибудь мой мальчик, встретился с таким человеком как Вы. Той жизненной энергии, которую я получила на репетициях, мне хватает и теперь…[14]

… Не могу жить без хора, так сжился с ним, что считаю его частью себя самого…»[15]

Он всем отвечал, давал дружеские советы, подбадривал в сложной жизненной ситуации, хотя иногда и сами авторы с ответами на его послания не торопились. Большой теплотой и искренним дружеским чувством проникнуты и письма коллег по цеху.

В двухтысячных две мои дочери пели в хоре. Им это безумно нравилось и они всегда восторгались Тером, его обаянием, его добротой, его открытостью, его энтузиазмом, его страстностью, его дьявольским темпераментом. Они не обладали серьёзными данными (как, впрочем, и я) редко выезжали на гастроли, но их тянуло в хор и они были в хоре, пока был Тер.

Уже много лет нет в живых Георгия Ервандовича а хор поёт, и это хороший хор. Я не часто бываю на концертах, хотя люблю хоровую музыку и кое-что в ней понимаю. Когда выходит хор и выстраивается на сцене, у меня появляется ощущение, что вот сейчас Тер выйдет, поклонится залу, взмахнёт руками и польётся песня…

Хочется поблагодарить за помощь в моей работе сотрудников Национального архива РК. Отдельные слова благодарности хочется высказать в адрес Натальи Михайловны Хузиной, которая поделилась со мной своими воспоминаниями о Георгии Ервандовиче.

Литература и источники.

1. НАРК Ф Р529

2. Живёт в народе песня. -Петрозаводск, 1983.

3. Терацуянц Г.Е. Кое-что из опыта хормейстера / Г.Е. Терацуянц. – Петрозаводск , 1995.

4. Терацуянц Е.Г. Повесть о том, как я стал хормейстером / Г.Е. Терацуянц. - Петрозаводск, 1992.

5. Очерки музыкальной культуры Карелии / составитель Жукова В.А. - Петрозаводск, 1990 – С.101-103.

6. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D1%83%D1%8F%D0%BD%D1%86,_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%95%D1%80%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

7. http://www.forumklassika.ru/entry.php?b=7596

Раздел 9. Секция Финны в истории советской Карелии: к столетию революций в России и независимости Финляндии

Н.А. Басова, ведущий архивист отдела использования и публикации документов НА РК, к.и.н.

Э.А. Гюллинг в воспоминаниях современников (по документам Национального архива Республики Карелия)

В 1995 г. в Национальный архив Республики Карелия поступил на хранение архив народного писателя Карелии Я. Ругоева, на основе которого был сформирован его личный фонд Р-3716. Среди многочисленных материалов личного фонда писателя содержится обширная и разнообразная переписка, его адресаты — известные деятели культуры, ветераны Великой Отечественной войны, простые жители республики. Письма отложились в результате работы Я. Ругоева над литературными произведениями различной тематики.

На протяжении двадцати лет, с конца 1960-х гг., Я. Ругоев записывал интервью с теми, кому лично довелось встречаться с главой первого карельского правительства, он общался и состоял в многолетней переписке с детьми Э.А. Гюллинга, Вальтером и Майей. В результате писателем был накоплен большой документальный материал — воспоминания о жизни Эдварда и Фанни Гюллинг в разные периоды их жизни, фотографии из семейного архива, свидетельства современников.

Жизни Э.А. Гюллинга писатель посвятил очерк «Посев» («Kylvös»), который опубликовал в своей книге «Прокладывая пути» на финском языке в 1985 г. Туда вошла лишь часть документальных свидетельств, прежде всего, это воспоминания современников — учителей, врачей, рабочих. Среди них — М. Мелентьев, М. Пирхонен, Э. Корхонен, К. Луото, О. Пае (Грибанова). Воспоминания из писем Вальтера и Майи Гюллинг вошли в книгу лишь частично. Благодаря эпизодам, оставшимся в памяти людей об Э.А. Гюллинге, перед нами предстает не только опытный политик, руководитель, хозяйственник, но и простой, демократичный в общении человек, обладавший жизнерадостным нравом, чувством юмора, добротой и, вместе с тем, твердым характером, несгибаемой волей, огромной трудоспособностью.

В 1966 г. сотрудник ЦГА КАССР В. Рунов, журналист А. Шурупов и участница финского социал-демократического и коммунистического движения А. Кийскинен подготовили

к 85-летней годовщине со дня рождения Э.А. Гюллинга статью «Энтузиаст социалистической Карелии». Материал не был опубликован, но впоследствии оказался в архиве Я. Ругоева. В этой статье собраны уникальные свидетельства не только сына, Вальтера Гюллинга, которые впоследствии Я. Ругоев частично опубликовал, но также тех, кто лично знал Э.А. Гюллинга или встречался с ним.

Описывая наиболее яркие моменты из жизни отца, Вальтер, в частности, вспоминал: «Помню, как отец радовался, когда вышли в свет первые изделия вновь возрождаемой промышленности. Это были простые бруски для точки кос. И их брали нарасхват во все концы Советской Страны»[1].

Еще одно свидетельство — воспоминания бывшего секретаря КарЦИК Т.Я. Золотовой, хорошо знавшей Э.А. Гюллинга, т.к. с 1927 г. она работала в республиканском партийном аппарате[2]. В 1936-1938 гг. Т.Я. Золотова заведовала приемной ЦИК и СНК КАССР, а также являлась членом партийной коллегии комиссии партийного контроля по республике[3]. 1 ноября 1937 г. на заседании VIII сессии КарЦИК X созыва ей пришлось проводить голосование среди делегатов за исключение бывшего председателя СНК КАССР Э.А. Гюллинга и других «врагов народа» из состава КарЦИК. А 1 апреля 1938 г. она сама была арестована и впоследствии осуждена по ст. 58-10-11(«контрреволюционная деятельность») на срок 10 лет, который отбывала в лагерях Коми республики[4]. Причиной ареста, как считала сама Т.Я. Золотова, послужило ее критическое выступление на заседании Карельского обкома ВКП(б) в адрес НКВД о массовых арестах коммунистов. Присутствовавший на этом заседании нарком внутренних дел КАССР К.Я. Тенисон ответил ей угрозой, и вскоре последовало снятие с работы и арест Золотовой[5]. Спустя три недели после ее ареста сам нарком оказался под следствием как участник «латышской контрреволюционной организации и агент латышской разведки»[6]. Т.Я. Золотова, отбыв девять лет в лагере, была освобождена и осталась работать в качестве вольнонаемной по месту заключения, но затем последовали новый арест и ссылка. Только в 1954 г. ей удалось вернуться в Карелию, где она добилась своей полной реабилитации в судебном и партийном порядке[7]. «Татьяна Яковлевна, — пишут авторы статьи, — много и с такой любовью рассказывает о замечательных качествах карельского премьера. — Это он требовал, чтобы каждое письмо, каждая жалоба в тот же день рассматривалась лично руководителями КарЦИКа и по ним принимались срочные и неотложные меры и о результатах

1 НАРК. Ф. Р-3716. Оп. 1, д. 1033.Л. 71.
2 Там же. Ф. П-3. Оп.6. Д. 3615. Л.2.
3 Там же.Ф. П-3. Оп. 6. Д. 3614. Л. 6.
4 Там же. Л. 5.
5 Там же.Ф. П-3. Оп. 6. Д. 3613. Л. 11.
6 Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941.[Электронный ресурс] // «Мемориал»: [сайт]. URL:http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb481.htm (дата обращения: 16.02.2017).
7 НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 3613. Л. 1, 5, 10.

тут же сообщалось трудящимся. Забота о трудящихся, особенно о рабочих и беднейшем крестьянстве, всегда была отличительной чертой характера Эдварда Александровича». По воспоминаниям Т. Золотовой, во время ее заключения по тюремным камерам стремительно разнеслась новость о появлении там Э.А. Гюллинга. «По всей тюрьме через толщу стен слышен был гул: "Наш московский Гюллинг в нашем нынешнем дворце. Он тяжело больной. Совсем больной...". Люди плакали навзрыд. Много дней слышны были всхлипывания во всех камерах. По неизвестной для следователей причине осужденные не могли в эти дни ни слова произнести на допросах. Тюрьма словно была в трауре»[8]. К сожалению, авторы не уточнили, о каком месте события идет речь. По всей видимости, Т. Золотова имела ввиду кратковременное пребывание Э.Гюллинга в петрозаводской тюрьме, куда его привозили во время «следствия».

В той же статье приведены воспоминания еще одного современника — И.М. Кирппу, жителя п. Сондалы. И.М. Кирппу, рабочий из Тампере, бывший «красный финн», знал Э.А. Гюллинга еще в период его пребывания в Швеции. «А по-настоящему пришлось мне встретиться с этим чудо-человеком здесь, в Петрозаводске, — вспоминал Иван Матвеевич в 1966 г. — И никогда не забуду такого душевного приема... Эта встреча состоялась в Совнаркоме. У меня тяжело заболела жена. Привез ее из района, а в Петрозаводске ни одна больница не принимает. Долго думал, что делать. "Идите к Гюллингу, он всем помогает", — посоветовал кто-то.

1. Это не тот ли Гюллинг, который был в Швеции после революции?
2. Он самый. Идите. Он непременно все уладит.

...В приемной было несколько человек, но все уступили мне дорогу. Видно, взгляд потускневший моей жены их «попросил» сделать уступку... За столом в кабинете сидел чуть с просединой на висках темноволосый и красивый человек. Скромный. Он сразу распорядился по телефону, чтобы нас приняли в больнице. "Вижу, у вас молодая жена, о таких особенно заботиться надо", — на всю жизнь запомнили слова дорогого нам теперь человека. Были люди в приемной, и жаль, что не поговорили и о Финляндии, и о Швеции, где нам обоим довелось жить и работать... Приезжайте непременно, у нас Гюллинга помнят почти все взрослые в Сондалах, дети знают по рассказам. После Ленина первый памятник должен быть сооружен Гюллингу»[9].

Интересные и ценные сведения содержатся в воспоминаниях детей Э.А. Гюллинга, Вальтера и Майи в их письмах Я. Ругоеву начала 1970-1980-х гг. (на финском языке). В них запечатлены и радостные, и тяжелые моменты жизни семьи. По свидетельству Майи, в родительской семье всегда разговаривали на шведском языке, поскольку у матери, Фанни

8 НАРК. Ф. Р-3716. Оп. 1. Д. 1033.Л.72.
9 Там же. Л.72-73.

Гюллинг, были шведские корни, финский стал для детей вторым, русский они выучили только после переезда в Советскую Россию. Майе запомнился арест матери в г. Турку в Финляндии в конце 1918 или начале 1919 г. в доме у родственников, где им пришлось остановиться, когда глава семьи, захваченный водоворотом революционных событий, находился в г. Выборге. Фанни Гюллинг арестовали ночью, но во время ареста она успела отправить детей к бабушке, чтобы те сообщили ей обо всем. Квартиру обыскивали в поисках нелегальной литературы, но Фанни успела ее сжечь[10].

Немало ярких воспоминаний было связано у Майи и Вальтера с периодом жизни в Петрозаводске. В связи с болезнью мужа в 1921 г. Фанни была вынуждена приехать к нему без детей, которые некоторое время оставались жить у родителей Э.А. Гюллинга в усадьбе Калмаа близ г. Икаалинен в Финляндии. Вальтеру, проучившемуся в г. Стокгольме один год, в Финляндии снова пришлось идти в первый класс, т.к. он плохо владел финским языком. В 1922 г. семья воссоединилась — дети приехали в г. Петрозаводск. Первое время они жили на Зимнике, глава семьи, по воспоминаниям Майи, часто сам ходил в лес за грибами. Здесь дети немного начали осваивать русский язык[11]. В результате болезни Э.А. Гюллингу ампутировали ногу, поставили протез, с тех пор он ходил с тростью. Майя вспоминала, что ни разу домочадцы не слышали от отца ни слова жалобы. В тяжелый для Э. Гюллинга период болезни в Россию приезжал его отец, У.А. Гюллинг. По свидетельству Вальтера, Эдвард был самым любимым сыном у отца. Неизвестно, разделял ли Уно Александр его взгляды, но, во всяком случае, он пытался его понять. В Петрозаводске он посетил школу, где учились внуки[12].

После операции Э.А. Гюллингу пришлось заново учиться ходить, каждый день он тренировался, несмотря на то, что было очень тяжело. При этом руководитель республики никогда не прерывал работу. За все годы жизни в Петрозаводске, по свидетельству Майи, родители ездили на отдых всего три раза. Один раз они были в Сочи, два раза, в 1934 и 1935 гг., отдыхали в Косалме. Фанни Карловна, как звали в России супругу Э.А. Гюллинга, всегда работала: в детском доме, в системе социального обеспечения, помощником редактора журнала «Советская женщина» («Neuvostonainen»), издававшегося на финском языке в г. Ленинграде[13]. В доме главы карельского правительства постоянно звонил телефон. Майя, не очень хорошо владевшая русским языком, выучила две фразы, чтобы самой отвечать на звонки: «Товарища Гюллинга нет дома» и «Подождите»[14]. Яркими событиями юности, оставшимися в ее памяти,

10 НАРК. Ф. Р-3716. Оп. 1. Д. 1039. Л. 63-63об.
11 Там же. Ф. Р-3716. Оп.1. Д. 1034. Л. 92.
12 Там же. Л. 43об.
13 Там же. Л. 155; Смирнова Т. М. **Кадры финской советской печати Петрограда-Ленинграда [Электронный ресурс] // «Рабкрин. Некоторые актуальные вопросы реорганизации»: [сай]. URL:** http://rabkrin.org/finskaya-kommunisticheskaya-pressa-v-petrograde-leningrade-statya/ **(дата обращения: 16.02.2017.)**
14 НА РК. Р-3716. Оп. 1. Д. 1034. Л. 155.

стали общегородские субботники, которые всегда проходили весело. В пойме р. Лососинки горожане высаживали деревья, приводили в порядок прилегающую территорию. Запомнилась Майе и живая очередь за конфетами в саду у здания обкома — их давали детям в одни руки, второй раз очередь занимать было нельзя, при этом дети главы правительства не имели никаких привилегий перед остальными[15]. После школы Майя окончила финский педтехникум и работала учителем.

Вальтер, младший сын Э.А. и Ф.К. Гюллинг, оказался в России, когда ему было десять лет. Первоначально в финской школе, куда он пошел учиться, были организованы лишь первые и пятые классы. Вальтеру пришлось пойти сразу в пятый класс, но, начиная с седьмого он уже учился с ровесниками. Окончив школу в 1930 г., он поступил по направлению в Ленинградский автомобильно-дорожный институт. Вальтер знал, что его отец придавал огромное значение дорожному строительству в республике. Однажды он взял его с собой в командировку — целые сутки на грузовике они добирались из Кеми в Ухту, при этом машина часто застревала в дороге. Эта поездка ярко запечатлелась в его памяти.

В 1934 г. Вальтер женился на студентке своего института украинской девушке Парасковье. Ему запомнилось, как отец, приехав в г. Ленинград, повел их с женой на спектакль «Егор Булычов и другие», который был поставлен в Ленинградском Большом драматическом театре. Окончив институт в 1935 г., Вальтер вернулся в г. Петрозаводск, начал работать по специальности инженера-строителя и преподавать в техникуме дорожного хозяйства[16]. В это время его отец был снят с поста председателя СНК АКССР и направлен на работу в г. Москву в качестве рядового сотрудника Института мирового хозяйства и мировой политики. Таким образом, Э.А. и Ф.К. Гюллинг оказались в г. Москве, их средняя дочь Елена жила с мужем в г. Ленинграде, Майя и Вальтер остались в г. Петрозаводске, у каждого были свои семьи. Вальтер в одном из своих писем Я. Ругоеву вспоминал, что отец пытался перевести его и устроить на работу в Москве, но эта попытка оказалась безуспешной[17].

Один из самых трагичных эпизодов, описанных Вальтером — его последняя встреча с отцом и разговор, состоявшийся между ними в августе 1937 г.[18] К 1937 г. Э.А. Гюллингу пришлось пережить не только снятие с поста председателя СНК КАССР, но и многочисленные снятия с должностей своих бывших коллег и соратников, происходившие в конце 1935-1936 гг. После небольшого затишья в конце 1936-начале 1937 гг. в республике развернулись массовые репрессии, в том числе против т. н. «финских буржуазных националистов». В Петрозаводске и

15 НА РК. Ф. Р-3716. Оп.1. Д. 1034. Л. 156-157.
16 Там же. Л. 44-45об.
17 Там же. Л. 53.
18 Очевидно, В.Э. Гюллинг ошибся в месяце, т. к. Э.А. Гюллинг, согласно данным «Мемориала», был арестован 17 июля 1937 г. (База данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс] // «Мемориал»: [сайт]. URL: http://http://lists.memo.ru/index4.htm (дата обращения: 16.02.2017.)).

районах республики началось переименование улиц, колхозов, названных в начале 1930-х гг. именем Э.А. Гюллинга. В начале июня 1937 г. НКВД КАССР начал «операцию» по «вскрытию в Кондопожском, Петровском, Кестеньгском районах, в системе Кареллеса, Наркомземе ряда контрреволюционных шпионско-вредительских повстанческих организаций». Бывший глава республики прекрасно знал об этих арестах. По свидетельству сына, отец во время их последней встречи сильно нервничал. Он никак не мог понять причины этих массовых арестов. Э.А. Гюллинг, как вспоминал его сын, присутствовал в Кремле на заседании ЦИК КАССР (видимо, незадолго до своего ареста). Ему удалось поговорить с И.В. Сталиным. Отец посчитал нужным сообщить Вальтеру, что лично просил Сталина в случае собственного ареста не трогать его детей[19].

Несмотря на то, что дети Э.А. Гюллинга не подверглись репрессиям, им пришлось пройти через многие испытания. Супруг старшей из детей, Майи, погиб в годы репрессий. Всем им пришлось менять места жительства, работу. Ф.К. Гюллинг была репрессирована в 1938 г. как член семьи изменника Родины и приговорена к восьми годам лагерей[20]. До своего освобождения она не дожила. Вальтер неоднократно обращался в различные органы с просьбами об освобождении родителей, посылал запросы о судьбе отца. Но получил только два ответа — от Т. Антикайнена и из секретариата Л.П. Берии. Что в них содержалось, он не уточнил в письме Я. Ругоеву. Писал он и И. Сталину, упомянув широко растиражированную советскими газетами фразу вождя «сын за отца не отвечает», зная о личной просьбе своего отца. Это было связано с препятствиями, которые чинили ему при попытках устройства на работу, куда бы он не приехал (ему пришлось сменить много городов — семья Вальтера жила в г. Иркутске, г. Вязники Московской области, в Ярославской области, г. Ульяновске, в Удмуртии, в г. Туле). В период зимней войны он совсем остался без работы, в годы Великой Отечественной войны просил, чтобы его отправили на фронт или дали возможность работать[21].

Завершая обзор воспоминаний современников об Э.А. Гюллинге, необходимо упомянуть и несколько писем Эйолфа Матсона, бывшего командира Карельской егерской бригады, созданной Э.А. Гюллингом в 1925 г., адресованных Вальтеру. Э.Г. Матсон являлся дальним родственником Ф.К. Гюллинг, бывал у них дома. Как и большинство «красных финнов», в 1937 г. он не избежал репрессий, но выжил после десятилетнего заключения в лагерях. Последние годы жизни он провел в г. Краснокамске Пермской области. В личном фонде Я. Ругоева отложились письма Э. Матсона Вальтеру Гюллингу конца 1950-сер. 1960-х гг. Он находил много общего в характере Вальтера с отцом. «Особенно мне нравится твоя честность и прямота,

19 НА РК. Ф. Р-3716. Оп.1. Д. 1034. Л. 54об.
20 База данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс] // «Мемориал»: [сайт]. URL: http://lists.memo.ru/index4.htm (дата обращения: 16.02.2017).
21 НА РК. Ф. Р-3716. Оп.1. Д. 1034. Л. 55.

в которых я узнаю черты характера Эд. Ал.», — отмечает он в одном из писем. «Меня сильно порадовало, что у вас такая спайка с Леной и, очевидно, с Майей. Особенную радость вызвали успехи — большие успехи Эди[22]. Он, как видно, унаследовал светлую голову дедушки...»[23]. Из писем очевидно, что Вальтер, добиваясь в сер. 1950-х гг. реабилитации своего отца не только в судебном, но и в партийном порядке, искал поддержку у друга семьи и бывшего соратника Э.А. Гюллинга.

Народный писатель Карелии Я.В. Ругоев собрал в своем архиве не только редкие и интересные свидетельства современников об Э.А. Гюллинге, но и фотографии. Несмотря на то, что человеческая память — не самый надежный источник информации, воспоминания современников обладают большой ценностью для наиболее полного, насколько это возможно, понимания личности известного человека.

22 Имеется ввиду Э.В. Гюллинг, внук Э.А. Гюллинга, сын Вальтера.
23 НА РК. Ф. Р-3716. Оп. 1. Д. 1809. Л.3-3об.

Н.В. Чикина, ИЯЛИ КарНЦ РАН

Вейкко Эрвасти – певец революции

В литературе Карелии 1920-1930-х годов отмечалось положительное влияние революции 1917 года в России на все сферы жизни. О положительной роли Октябрьской революции в жизни народа писали не только карелы-сказители в своих биографиях[1], но и финны-эмигранты. В качестве примера приведем творчество В. Эрвасти.

Вейкко Эрвасти (1913-1947) родился в семье заготовителя в Финляндии, в губернии Оулу, местечко Куусамо. В сборниках «Писатели Карелии» за разные годы указывалась разная дата рождения и смерти поэта. В выпусках за 1994, 2006 годы Ю.И. Дюжев писал: «Точная дата рождения [В.К. Эрвасти – Н.В.Ч.] установлена В.И. Вальякка по церковным книгам г. Куусамо (Финляндия)»[2]. Однако в очерке “Elämää ja runoutta” («Жизнь и поэзия») об Эрвасти, опубликованном самим В. Вальякка, указаны даты рождения и смерти отличные от биобиблиографического словаря.

Согласно очерку Вальякка, Эрвасти родился в 1913 году. Кроме него в семье было еще 4 брата и сестра. В детстве Вейкко приходилось вместе с отцом уходить в леса на заработки. Даже начальную школу мальчику не удалось окончить. Уже в 11 лет он начал работать на лесозаготовках.

Старший из братьев Вильям, как вспоминает Вейкко, входил в какую-то подпольную революционную организацию. Он распространял тайно политическую литературу, и попал под наблюдение. Ему пришлось уйти из дома. И летом 1931 года Вильям пересек границу и бежал в Советскую Карелию. Позднее он напишет младшему брату: «В Советском Союзе есть все возможности для учебы. А так как у тебя есть большое желание учиться, попытайся перебраться сюда»[3].

В 1931 году восемнадцатилетним юношей Эрвасти бежал из Финляндии и нашел в Советской Карелии свою новую родину. Сначала он работал в совхозе, затем учился на рабфаке Петрозаводского педагогического института на отделении языка и литературы после окончания которого В. Эрвасти работал несколько лет учителем.

---

[1] Иванова Л.И. Особенности фиксации и интерпретации биографических материалов о сказителях Карелии // Культура повседневности карельской семьи конец XIX – первая треть XX в. Петрозаводск, 2014. С. 377-398.
[2] Годы жизни Эрвасти (18.04.1914-4.3.1947) // Писатели Карелии: биобиблиографический словарь / сост. Ю.И. Дюжев. Петрозаводск, 2006. С. 275.
[3] Valjakka V. Lehdenlähtö: kertomuksia ja hupailuja. Petroskoi, 1988. S. 39.

Еще учась в институте, он пробует свои силы в поэзии и прозе. Первые стихи и рассказы Вейкко Эрвасти были опубликованы в 1935 году под псевдонимом Валтер Вуокси[4]. Их и можно считать началом его творческого пути. Они получили хорошие отзывы читателей и критики. В 1940-1941 гг. он работает в редакции литературно-художественного журнала “Punalippu” («Красное знамя»).

В начале Великой Отечественной войны Эрвасти эвакуировался в Пермскую область. Но вскоре возвратился в Карелию в прифронтовой Беломорск, где был назначен литературным сотрудником республиканской газеты «Totuus” («Правда»).

Несмотря на тяжелое состояние здоровья (туберкулез легких), он выезжал в журналистские командировки в прифронтовые районы, работал в ударной бригаде лесорубов, заготовлявших лес для нужд железной дороги. В эти годы Эрвасти написал много патриотических стихов. В его поэзии звучала твердая уверенность в победе правого дела.

В 1944 году В. Эрвасти продолжил учебу в госуниверситете Карело-Финской ССР и был принят в члены Союза писателей СССР после выхода его первой книги. К сожалению, нам не удалось найти информацию об этом издании. В 1948 году уже после смерти поэта вышла его вторая книжка стихов “Laulu onnesta” («Песня о счастье»), а третий сборник “Säteitä” («Лучи») был издан в 1964 году. Многие произведения Эрвасти переведены на русский язык.

Эрвасти занимался и переводами художественной литературы на финский язык. Им переведены стихи А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, С. Михалкова, М.В. Исаковского, а также поэма Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Пробовал он свои силы в прозе и драматургии.

Карельская тема звучит в целом ряде стихотворений В. Эрвасти. Это и “Soi, kanteleeni” («Пой, мое кантеле»), “Synnyinmaa” («Родина»), “Karjalalle” («Карелии») и другие. Интересен тот факт, что в издании 1964 года из стихотворения «Пой, мое кантеле» исчезли последние четыре строки:

Soi, kanteleeni, heläkämmin, pauhaa,	Пой, мое кантеле, звени, шуми,
Ja Kansan kuulla sointujasi anna,	и услышать народу твои аккорды дай,
Kun onnen sampo kultajyvää jauhaa,	как сампо счастья золотое зерно мелет,
Sä Stalin-taatollemme suuri kiitos kanna![5]	Ты Сталину – отцу нашему, большое спасибо неси![6]

Также имя Сталина исчезло и из других стихотворений этого сборника. Можно предположить, что это было связано с развенчанием культа личности. Однако В.К. Кельмаков отмечал о недопустимости такого «редактирования» произведений поскольку они ведут к

[4] Hetki karjalaisessa kylässä: kertomus // Kevätvyöry. 1935. Osa 7. S. 132-135; Kevätvyöry: runo // Kevätvyöry. 1935. Osa 7. S. 151-152; Sua odotan: runo // Rintama. 1935. N 12. S. 54; Rakennuksella: runo // Nuori kaarti. 1935. 9. syysk.; Tikkipojan laulu // Nuori kaarti. 1935. 18. lokak.

[5] Ervasti V. Laulu onnesta: runoja. Petroskoi, 1948. S. 6. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте.

[6] Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод с финского Н.В. Чикиной.

«запутыванию» и читателей и исследователей творчества поэта[7]. Даже по этому небольшому отрывку можно увидеть лирический талант Эрвасти, которому удавалось соединить гражданское и лирическое в одном стихотворении.

Интересно в этом отношении и стихотворение “Lokakuu” («Октябрь») (С. 10):

Lokakuu.	Октябрь.
Ma silloin synnyin.	Я тогда родился.
Ma silloin ensi kerran päivävalon näin,	Я тогда первый раз увидел дневной свет,
Kun ruudinsavu peitti suuren maamme	когда пороховой дым накрыл нашу большую страну
Ja kuula kaatoi isän, kalleimpamme,	и пуля убила отца, нашего дорогого,
Ja minä maailmahan orvoks’ jäin.	И я остался в мире сиротой.
<...>	<…>
Lokakuu.	Октябрь.
Ma sulle laulan.	Я тебе пою.
Ma kasvatti oon Suuren Lokakuun.	Я вырос в Великий Октябрь.
Vaikk’ isä kaatui, orpo ole en,	Хоть отец погиб, я не сирота,
Oon lapsi maamme suurten sankarten.	Ребенок нашей земли великих героев.
Siks sydän puhkee riemulauleluun.	Поэтому сердце разрывается радостной песней.

Можно предположить, что Эрвасти родился в октябре 1913 года. Но, возможно, здесь поэтом использована аллегория и под словом «родился» он понимает «родился как поэт» вместе с Октябрьской революцией 1917 года. Его возможности для учебы, работы и жизни реализовались именно в СССР. Идеи революции прочно вошли в сознание поэта, и нашли отражение в творчестве. Свое «рождение» Эрвасти связывает с революцией, и здесь позиция художника совпадает с позицией гражданина, т.е. когда бы не родился поэт, свое настоящее рождение он связывает с революцией. С нее начинается его жизнь и до конца принадлежит именно ей. Завершается стихотворение четверостишием:

On maamme parhaat minun veljiäni	Лучшие нашей страны мне братья
Ja muusat mulle siskoiks sopeuu.	И музы годятся мне в сестры.
On Lenin-puolue mun isäni	Партия Ленина - мой отец,
Ja äitini on Suuri Lokakuu.	И моя мать - Великий Октябрь.

[7] См.: Кельмаков В.К. К текстологии Герда VI: неточности в воспроизведении стихотворений удмуртского поэта в трудах литературоведов // Филологические исследования-2014: источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. Сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (14-17 окт. 2014 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2014. С. 101-106.

В поэзии Эрвасти звучит тема страны, декламирующей равенство народов и наций. Он уже не чувствует себя сиротой. Семью ему заменили товарищи, партия и Октябрь. Внимательный читатель заметит, что Эрвасти пишет: партия – отец, октябрь – мать. Хотя в действительности по нормам русского языка «партия» (существительное женского рода) должна быть матерью, а «октябрь» (существительное мужского рода) – отцом.

Это возможно обусловлено тем, что в финском языке нет родовых окончаний, поэтому очень часто эта ситуация вызывает комичные случаи. Финноязычные писатели в своих произведениях не раз отмечали это. Например, О. Степанов в романе «Максима, сын Прокко» так написал о своем герое: «С русским он был не в ладах. <…> поэтому Лесонен вполне мог сказать: «он хорошая девушка», «она – хороший парень»[8].

Э. Алто, анализируя сборник стихов В. Эрвасти «Песня о счастье», отмечала: «будучи, как и все общество, «у времени в плену», поэт воспевал девушку-лесоруба (“Nastja” («Настя»)), жизнерадостных колхозников (“Syksyn sanelmia” («Осенние слова»)), славил моральную стойкость советских людей (“Yhdymme suureen kuoroon…” («Включаемся в общий хор»)). <…> Но в карельской поэзии имя Эрвасти связывается, прежде всего, с его вкладом в лирику»[9]. Действительно, лиризм, естественность, звучность, вот главные характеристики его поэтического слова.

Социально-идеологические и классово-политические условия 1930-1940-годов предполагали стихи, посвященные вождям (Ленин, Сталин), изображению подвига советских людей на полях сражений и в деле социалистического строительства. Все эти темы присутствуют и в поэзии Эрвасти, однако он уделял внимание и братьям нашим меньшим “Varpunen” («Воробей») и неброской красоте северной природы ”Kotiseudulla” («В родном краю»), “Syksyn piirteitä” («Штрихи осени»), “Marraskuu” («Ноябрь»).

Ему удавалось совместить христианский гуманизм и пафосную гражданственность. В стихотворении «Карелии» он обращался к читателю со словами, что именно в семье народов страны Советов, он сможет найти новую жизнь.

Революционная поэзия 1920-1930-х годов использовала фольклорные слова-эмблемы, обладающие метафоричностью. Э. Алто писала: «В образно-семантическом отношении названные словесные единицы со временем также оскудевают, т.к. именно повторяемость мотива превращает их в штампы, содержащие обедневшую, «статичную» метафору»[10]. К сожалению, такие символы содержат лишь характер стилизации под фольклор.

---

[8] Степанов О. Максима, сын Прокко: роман / Пер. с фин. В. Машина и Э. Машиной. Петрозаводск, 1990. С. 154.
[9] Алто Э. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3 т. Т. 2. С. 129-130.
[10] Там же. С. 189.

Из публикаций В. Эрвасти в XXI веке следует отметить включение отрывка из стихотворения «Карелии» в хрестоматию на карельском, вепсском и финском языках для обучающихся 5-11 классов «Поэзия родного края» (Петрозаводск, 2016).

Похоронен В. Эрвасти в Петрозаводске на Зарецком кладбище (ул. Правды). Могила с четырех сторон обнесена многоступенчатым бетонированным поребриком, образующим небольшой цветник в центральной части. В изголовье на бетонированном основании укреплен тщательно отшлифованный цилиндр, изготовленный из малинового мрамора. Текст мемориальной подписи отсутствует[11].

В некрологе, который подписали Т. Гуттари, Н. Клименко, Ф. Трофимов и другие, отмечалось: «Смерть вырвала из наших рядов молодого талантливого поэта карело-финского народа – Вейкко Эрвасти. Только в советской стране ему удалось удовлетворить свою страстную жажду к знанию. Эрвасти был поэтом, который со всей душой отдался делу социалистического строительства в нашей республике. В стихах В. Эрвасти карельский лесоруб находил вдохновляющие на самоотверженный труд слова, колхозник чувствовал прилив новых сил и родные поля казались ему еще более близкими его сердцу»[12].

В эпоху революционных потрясений меняются человек, общество и власть. Девизом поэзии Эрвасти звучит мысль «о дивный новый мир» и это совершенно обосновано, т.к. именно в СССР реализовались все его мечты, связанные с учебой, работой и счастливой жизнью. Его взгляд на мир всегда был оптимистичным, он чувствовал себя полноправным членом советского общества, а идеи революции глубоко вошли в его сознание.

[11] Руханен У.Н. Могила поэта В.К. Эрвасти // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977. С. 97.
[12] Гуттари Т. и др. Вейкко Эрвасти // Лен. знамя. 1947. 5 марта.

М. В. Казакова,
ПетрГУ, ИЯЛИ КарНЦ РАН

А. И. Мишин - первый поэт-билингв в Карелии: личность и творчество

Литературная традиция Карелии в первой половине XX века в силу исторических, территориальных и культурных условий складывалась на двух языках: русском и финском.

Э.Г. Карху пишет, что «после поражения рабочей революции 1918 года в Финляндии свыше пяти тысяч её участников нашли убежище в СССР, часть обосновалась в Петрограде и ингерманландских деревнях, большинство в Карелии» [Карху 2000: 435]. Во многом благодаря стараниям творчески одарённых финнов-эмигрантов, которые активно участвовали в культурной жизни Карелии, создавая первые финноязычные произведения, организовывая газеты и журналы на финском языке, финский литературный язык стал языком, объединившим писателей: этнических карелов, выходцев из северных районов Карелии (А. Тимонен, Н. Яккола, О. Степанов, Я. Ругоев, П. Пертту), финнов-ингерманландцев (Т. Гуттари (псев. Леа Хело) и финнов-эмигрантов (В. Эрвасти, Л. Летонмяки, Х. Тихля, Э. Паррас, Р. Нюстрем (псев. Р. Руско).

После образования в1920 году Карельской трудовой коммуны финский язык становится вторым литературным языком наряду с русским. Официальный статус двуязычной республики, тем не менее, не способствовал распространению художественного билингвизма среди творческой интеллигенции Карелии.

Первым поэтом-билингвом Карелии по праву считается Армас Иосифович Мишин, (Олег Мишин – Армас Хийри), который стал использовать в своём творчестве два языка: русский и родной финский. Армас Иосифович – поэт, переводчик, исследователь, заслуженный работник культуры Карелии и России, член Союза писателей с 1964 года, с 1985 года возглавлял Карельское региональное отделение «Союза писателей России», лауреат Государственной премии Карелии имени Архипа Перттунена (1986), награждён орденом Дружбы (2005), а в 1999 году А. И. Мишин и Э. С. Киуру за новый перевод «Калевалы» были удостоены премии «Сампо» Республики Карелия, а в 2011 году звания народного писателя Республики Карелия.

Армас Иосифович Мишин родился 15 февраля 1935 года в деревне Пустошка Мгинского района Ленинградской области в семье финнов-ингерманландцев.

Отец Армаса умер в результате несчастного случая, когда мальчику было всего 4 года. В начале войны в 1941 году практически всех жителей деревни, в основном это были женщины, старики и дети, эвакуировали в тыл, таким образом, Армас с матерью и младшим братом

Феликсом оказались в селе Усть-Заостровск Омской области, где будущий поэт учился в русской школе.

Оказавшись в русскоязычном окружении, Армас Иосифович забывает родной финский язык, а имя Армас, непривычное для русского человека, зазвучит по-новому, по-русски, - Алик (для друзей) или Олег. Фамилия отца Хийри, вследствие того, что мать-финка, плохо говорившая по-русски, не смогла чётко произнести М*ы*шин («hiiri» в переводе с финского «мышь»), будет записана как М*и*шин.

В интервью от 02.08.2016 года на вопрос о том, помнит ли он, как проходила адаптация к русской среде, Мишин ответил: «Дело в том, что мне сейчас трудно всё это оценивать, но, во всяком случае, когда моя мать пробовала говорить со мной на ингерманландском наречии, я старался не отвечать. Я говорил по-русски, я стал омским русским, целиком…» [Интервью с Мишиным от 02.08.2016]

В 1949 году их вынудили уехать из Омска, где Армас вместе с матерью проживал последние годы. Финнам-ингерманландцам запретили возвращаться к себе на малую родину, да и проживание в крупных городах было под запретом. Таким образом, Мишин оказался в Карелии, где он окончил Пудожское педагогическое училище, а в 1959 году историко-филологический факультет Карельского педагогического института по специальности учитель русского языка, литературы и истории.

Свои первые стихи Мишин публикует на русском языке с середины 1950-х годов в местных газетах и журналах. А уже в 1960-е годы свет увидели русскоязычные сборники стихов «В дорогу» (1961), «Голубая улица» (1963), «Бессонница» (1966).

Характеризуя лирику Мишина 1960-х годов Э. Г. Карху пишет: «Оттого что к душевной молодости прибавляется оттенок рефлектирующего переживания, герой умеет дорожить каждым мгновением жизни, самыми обыденными её проявлениями. Впрочем, нужна известная смелость, готовность идти на определённый эстетический риск, чтобы с такой настойчивостью отыскивать в самом прозаическом таинство, как это любит делать Олег Мишин» [Карху 1974: 118]

Уже в первых сборниках стихов 1960-х годов Мишин заявил о себе как о талантливом и подающем надежды поэте, творчество которого было представлено наряду с признанными поэтами и писателями Карелии (Я. Ругоев, Н. Лайне, Т. Сумманен, Ю. Линник, Н. Яккола, А. Тимонен, О. Степанов, У. Викстрем) в критическом очерке о литературе Карелии в «В краю «Калевалы» (1974), написанном Эйно Генриховичем Карху.

В русскоязычной лирике 1960-х годов Мишин воспевает красоту и созидающую силу человеческого труда, где даже восхищённое созерцание природы подчинено пульсирующему биению трудового сердца народа. Уже в ранних стихах его лирический герой предстаёт перед

нами вечным странником, смотрящим на мир сквозь призму своих воспоминаний, но точно подмечающий все оттенки проносящихся мимо мгновений. Е. И. Маркова отмечает, что «мотив пути, сюжеты и образы путешествий становятся определяющими в лирике Мишина». Далее исследовательница пишет, что «маргинальный человек, как правило, очень тяжело, порой трагически ощущает свою бездомность, неукорённость, чего не скажешь о герое Мишина 60-70-х годов, который нашёл своё средство защиты от бездомности. Осознав значимость каждого мгновения жизни, он делится с читателями впечатлениями о том, что он ощутил в таинственный миг встречи с природой – той опорой, которую никто у человека отнять не может». [Маркова 2000: 372]

Своеобразным гимном неукорённости лирического героя звучит стихотворение Мишина из сборника «Голубая улица» (1963).

Жить хочу я везде:
В городах и в селеньях,
На лесных полустанках,
У озёр и у рек.

Но и здесь лирический герой осекается, пытаясь познать цель и суть своего бытия в мире, нащупать связующую нить поколений, тем самым обрести корни.

Жить и жить я хочу …
Даже, впрочем,
                согласен:
Не везде, не всегда –
Только жить бы для всех!
[Мишин 1963: 58]

Живя в Карелии, где ещё сохранялось мощное влияния финской культуры, где многие выдающиеся писатели и поэты творили на финском языке, русский поэт Мишин начинает ощущать утрату родного языка, культуры своих предков, и именно это подвигло его к изучению финского языка во второй половине 1950-х годов.

В первые русские сборники Мишин включает свои переводы с финского на русский стихов Ялмари Виртанена, Тобиаса Гуттари (творческий псевдоним Леа Хело), Николая Лайне, Тайсто Сумманена, Яакко Ругоева.

Знакомя русскоязычных читателей с творчеством классиков карельской литературы, Мишин одновременно учит финский язык и осваивает особенности стихосложения на родном языке.

Именно желание снова говорить на родном, некогда забытом языке, узнать культуру своих предков, приводит Мишина в 1967 году в аспирантуру Института языка, литературы и истории

Карельского филиала АН СССР. Здесь под руководством известного ученого Э. Г. Карху, Мишин приступает к изучению литературы Финляндии.

В личном листке по учёту кадров от 1967 года Мишин пишет о владении иностранными языками: «Читаю и могу объясниться на финском языке». [Мишин Армас Иосифович [Личное дело] // Архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 3296. Л. 5], а в автобиографии подчёркивает: «Постоянно перевожу стихи финских поэтов». [Мишин Армас Иосифович [Личное дело] // Архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 3296. Л. 7]

А уже в 1968 году поэт публикует под именем Армас Хийри в периодической печати два стихотворения на финском языке, одно из которых ”Toisinaan minun on sääli...” («Временами мне жаль») войдёт в первый финноязычный сборник 1976 года ”Ikkunani katsoo maailmaan” («Мои окна смотрят в мир»).

Первые его финноязычные стихи – это зарисовки, подчас в 3-4 строки, впечатлений и ощущений. В них поэт фиксирует увиденное и прочувствованное, каждое мгновение и явление становятся объектами осмысления и анализа.

Лирический герой Мишина-Хийри стремится к гармонии с окружающим миром и самим собой. Его билингвальной лирике этого периода свойственно чуткое созерцание, присыпанное до конца неосознаваемой тоской и печалью. Но его грусть – созидательна, её сила кроется в осознании себя частью этого мира: мира природы и людей, мира двух культур и языков.

Через открытые окна лирический герой наблюдает мир во всех его проявлениях.

Ikkunani katsoo maailmaan	Мои окна смотрят в мир,
aurinkoiseen tai sateiseen,	в ясный день
sen päiviin ja öihin.	или ночную мглу.
[Hiiri 1976: 45]	[Мишин 1978: 102]

Армас Мишин продолжает работать над художественными переводами лирики поэтов Карелии и Финляндии. Оттачивая мастерство переводчика поэзии, он одновременно занимается научной деятельностью: изучает творчество писателей Карелии и Финляндии, карельский фольклор, знакомится с трудами, посвященными исследованию и переводам «Калевалы», что в итоге послужило толчком приступить к собственному переводу «Калевалы», который был осуществлён совместно с карельским фольклористом Э. Киуру.

А. И. Мишин пишет: «Перевод фольклора представляет большие трудности. Он требует глубокого знакомства с историей и культурой народа – творца этого фольклора. Наиважнейшее значение здесь играет хорошее знание языка оригинала, в частности, его архаики. Только

терпеливое изучение подлинника и многократная сверка перевода с ним помогают избежать искажений и ошибок». [Мишин 1982: 36]

В подтверждение этих слов, Мишин продолжает активно изучать историю создания поэмы. Из-под его пера выходит книга «Путешествие в “Калевалу”» (1988), посвященная процессу создания эпоса, её особенностям как художественного произведения, в 2001 году издана монография «Фольклорные истоки ”Калевалы”, написанная совместно с Э. С. Киуру и посвящённая фольклорной основе «Калевалы», этапам её создания, авторству и собственному опыту перевода эпоса.

В 2000 году свет увидел третий том «Истории литературы Карелии», где впервые предметом изучения стал билингвальный контекст в истории литературы Карелии. Армас Иосифовия Мишин стал одним из авторов раздела «Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей», где представил свой взгляд на проблематику. Соавторами Мишина выступили Е.И. Маркова, написавшая статью, посвящённую Армасу Иосифовичу и И. Л. Савкина, рассмотревшая с точки зрения опыта билингвизма творчество И. М. Петрова (Тойво Вяхя).

Это раздел действительно стал первым опытом подобного рода, поэтому в данный контекст было включено не только творчество писателей, работавших на двух языках (О. Мишина – А. Хийри, Р. Такала), но и литераторов, писавших только на русском языке, но, тем не менее, ярко продемонстрировавших свою *иную* национальную идентичность (Э. Кононов, Т. Вяхя) или попытавшихся вспомнить свои финно-угорские корни (Эд. Алто, А. Пуйкконен, Р. Мустонен).

Говоря о художественном билингвизме в Карелии, надо отметить, что, заявив о себе в 1970-е годы творчеством О. Мишина – А.Хийри и Р. Такала, художественный билингвизм стал популярным явлением во второй половине 1980-х и 1990-х годах, и связано это с периодом национального пробуждения, когда многие авторы стали использовать в своём творчестве родной язык, а некоторые создавать произведения сразу на двух языках (А. Волков (русский и ливвиковское наречие карельского языка) и Н. Абрамов (русский и вепсский языки).

Для А. И. Мишина же творчество на финском языке - это возможность вернуть позабытую культуру предков, покаяться перед ними за то, что не смог сохранить родной язык. Особенно остро мотив утраты родины зазвучит в финноязычной лирике Хийри 1990-х годов, он будет оплакивать судьбу Ингрии и ингерманландцев, сильных и трудолюбивых людей, развеянных не по собственной воле по миру, оторванных от своих корней и малой родины.

Символично, что сборник избранных финноязычных стихов Хийри, вышедший в 2015 году к юбилею поэта, назван «Neljä kotimaata» («Четыре родина»). Здесь Мишин-Хийри однозначно и окончательно определяет свою идентичность и свою принадлежность к двум культурам.

Сердце и душа поэта– билингвальны: его финские родины – Ингерманландия и Финляндия, русские – Сибирь и Карелия.

Список литературы:

1) Интервью с А. И. Мишиным от 02.08.2016 года // личный архив Казаковой М.В. (автор статьи)

2) Карху, Э. Г. В краю "Калевалы" : (критический очерк о современной литературе Карелии) / Эйно Карху. - Москва : Современник, 1974. - 221,

3) Карху Э.Г. Послесловие к "Истории литературы Карелии" в 3-х томах // История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 433-444.

4) Маркова, Е. И. Олег Мишин (Армас Хийри) // История литературы Карелии. Т. 3. - Петрозаводск, 2000. - С. 371-376

5) Мишин, А. И. Весомость слов простых : сборник статей / А. И. Мишин ; [рец. Л. Я. Резников]. - Петрозаводск : Карелия, 1982. – 172

6) Мишин, А. И. Голубая улица : стихи / Олег Мишин. - Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1963. - 90 с.

7) Мишин А. Тревожность: стихи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 119 с.

8) Мишин Армас Иосифович [Личное дело] // Архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 3296.

9) Hiiri A, Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976, 95 s

Заключительное пленарное заседание

Е.И. Маркова, ИЯЛИ КарНЦ РАН

И.М. ПЕТРОВ (Тойво Вяхя) в истории, искусстве, литературе Карелии и России[1]

«Кто он, Иван Михайлович Петров, он же – Тойво Вяхя?» – на этот вопрос с середины 1960-х и до середины 1980-х годов ответили бы многие граждане Советского Союза. Боюсь, что сегодня ответ бы дали единицы.

Обратимся к справочной статье в энциклопедии «Карелия» и выпишем данные по И.М. Петрову (Тойво Вяхя), разместив их на странице для удобства восприятия столбиком.

Иван Михайлович Петров (Тойво Вяхя) 12.04.1901 г., г. Хельсинки, Финляндия – 18.06.1984 г., г. Петрозаводск. В Петрозаводске проживал с 1967 года.

Рабочий (начал трудовую деятельность с 14 лет) в Финляндии и Петрограде.

Участник Финляндской революции 1918 г.

Участник Гражданской войны (особо выделено его участие в рейде лыжного отряда Интернациональной военное школы под руководством Тойво Антикайнена в 1922 году).

Узник ГУЛАГа (Минск, 1938–1939).

Участник советско-финляндской войны (1939–1940)

Участник Великой Отечественной войны.

Пограничник (особо выделено его участие в чекистской операции «Трест», в аресте агента английской разведки С.Д. Рейли в 1925 году.

Военнослужащий.

Сотрудник хозяйственных предприятий.

Писатель. Член Союза советских писателей с 1973 г..

Награды: кавалер орденов Ленина, Красного Знамени (трижды), Октябрьской революции, Красной Звезды, Дружбы народов и многих медалей.

Почетный гражданин города Петрозаводска (1976).

Лауреат Государственной премии в области литературы (1979)[2].

---

[1] Работа подготовлена в рамках плановой темы «Место литературы Карелии и Финляндии в художественном контексте XX–XXI веков». № 115 02240013.

[2] Дюжев Ю.И., Савкина И.Л. Петров Иван Михайлович (Тойво Вяхя) // Карелия. Энциклопедия. Петрозаводск: Изд. Дом «Петропресс», 2009. Т. II. С. 363.

Даже простое перечисление этапов жизненного пути Петрова–Вяхя говорит, что его судьба является отражением судьбы России XX столетия. Как позднее скажет писатель О. Тихонов в романе «Свидетель», посвященном жизни и судьбе Петрова–Вяхя: «…частности судьбы обретали характер этапа. Жизнь невольно очерчивала рамки эпохи»[3]. На языке символов о нем можно сказать: *Человек с молотом – Человек с ружьем – Человек с пером.*

С одной стороны, биография Петрова–Вяхя для человека его поколения типична, с другой – далеко не ординарна. Первый вопрос, который возникает у непосвященного: почему у человека два имени. Коли он родился в Финляндии, то является финном, и, очевидно, его паспортное имя Тойво Вяхя. Почему же оно дано в скобках? Это характерно для литературной среды: псевдоним писателя становится для тысяч и даже миллионов (если автор широко известен) его подлинным именем и, естественно, статью о его жизни и творчестве в любом справочном издании следует искать по первой букве псевдонима, а не по фамилии, полученной при рождении (например, Горький М., а не Пешков А.М.). но наш герой начал писать только в 1960-е годы, когда во всех анкетах и документах значился под именем: И.М. Петров. Под чужим именем работают многие разведчики, участие в чекистской операции «Трест» указано в биографии нашего героя. Но оно было так давно…

Почему Петрову вновь не стать Вяхя?

И, наконец, почему Петров–Вяхя жил в двух странах? Напомним, что до 1809 года Финляндия входила в состав Шведского королевства. В результате русско-шведской войны по Фридрихсгамскому мирному договору (1809) была включена в состав Российской империи на правах автономного Великого княжества Финляндского и обрела государственную независимость только в декабре 1917 года.

Как подданный Российской империи, Петров–Вяхя мог свободно перемещаться по стране, поэтому, найдя работу под Петроградом, поселился там, как многие финны. Примеров было предостаточно.

Он не мог не принять участие в Финляндской революции, потому что был финном, потому что был молод и жаждал действовать во имя справедливости, потому что был пролетарием, не могущим мыслить иначе. После поражения Финляндской революции тысячи финнов эмигрировали в Советскую Россию. Но Петров–Вяхя эмигрантом себя не считал (он не успел пожить в независимой Финляндии, стать официально ее гражданином), поэтому, уходя с поля боя побежденным, убеждал себя в этом: «"Что я? Я *домой* (курсив мой. – Е.М.) возвращаюсь. В Питер, на Пороховой, в Дубровку и мало ли куда. Может, еще вернусь вскорости? Может, я и в России нужен, русским рабочим?"» (105). Внутренний монолог юноши свидетельствует о том,

[3] Тихонов О. Свидетель. Петрозаводск: «Карелия», 1990. С. 241. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках номер страницы.

что Россия стала его домом. В то же время он не может забыть, откуда он родом, поэтому в душе его теплится надежда о возможном возвращении.

Если Петров–Вяхя не чувствовал себя эмигрантом, то в Советском Союзе он воспринимался как иностранец и не только в страшный год Минского ГУЛАГа. Известное выражение «свой среди чужих, чужой среди своих» следует в его случае подкорректировать: он далеко не всегда ощущал *своим* среди *чужих* (советских, партийных; сам – он член компартии с 1920 г.) и, конечно, он был *чужим* среди *своих* (финляндских соплеменников). Это не могло больно отзываться в душе Петрова–Вяхя, воевавшего за советскую страну, охранявшего ее границы, воспитавшего будущих офицеров, служившего и на «гражданке». Одна только география впечатляет: Гельсинфорс (Хельсинки), Тампере, Териоки, Петроград, Москва, Невская Дубровка, Кронштадт, Мга, Сестрорецк, станция Колония (Тобольская губерния), Петропавловск, Новониколаевск (Новосибирск), Барабинск, Омск, бухта Дюрсо, Джугба, Туапсе, Нерчинский завод, Ветрин, Минск, Мамадыш, Старая Русса, Златоуст, Чуднов, Калининград, Петрозаводск… Можно перечислять и перечислять…

Как ни сложна и замечательна судьба этого человека, все же поражает другое: казалось бы, один маленький эпизод… Но он навсегда изменил его жизнь, сделал «человеком из легенды». Учитывая, что сегодня мало кто знает об этом знаковом событии, напомним, что произошло с командиром погранзаставы Т. Вяхя в октябре 1925 года.

В том далеком году по заданию руководителей ОГПУ С.А. Мессинга и Ф.Э. Дзержинского он становится участником операции «Трест». В его задачу входило осуществление перехода через границу белоэмигрантов, контактировавших с членами МОЦР (Монархической организации центральной России). К роковому дню 25 сентября 1925 года она была под контролем ОГПУ, стремящегося во что бы то ни стало заманить в нее английского разведчика Сиднея Джорджа Рейли, к которому у советского правительства был свой счет. Опытный разведчик не учуял провокации и дал свое согласие на переход границы. Он был переправлен через советско-финляндскую границу начальником погранзаставы Тойво Вяхя, исполнявшего роль предателя. В прямом смысле на своих плечах он перенес шпиона через Сестру-реку, довез на телеге до станции Паргалово, где тот в сопровождении другого «предателя» отправился в Ленинград – прямо в удушающие объятия чекистов. На границе же инсценировали якобы нападение на Рейли, в ходе которого он якобы убит, о чем появились сообщения в советской и западной прессе, которые и поставили точку в судьбе знаменитого разведчика. За мертвого хлопотать в Лондоне не будут.

Как ни парадоксально, но этот факт поставил точку и в судьбе Вяхя. Как сказал О. Тихонов, «в ночь на 29 сентября 1925 года прекратил существование Тойво Вяхя» (64). Для достоверности факта «ликвидации» Рейли ему было недостаточно выступить на суде, где его

приговорили к расстрелу, где, как рассказывал нам, студентам историко-филологического факультета в 1968 году, бывшие товарищи по службе плевали ему в лицо. Ему надо было исчезнуть навсегда, оставаясь при этом живым. После мнимого расстрела бывший командир погранзаставы получил благодарность Дзержинского и орден Красного Знамени, высшую награду страны, и был переведен на черноморскую заставу под именем Ивана Михайловича Петрова. Он навсегда должен был отказаться от семьи, родных, друзей, бывших сослуживцев, памяти о прошлом и родного языка. О том, что операция в начале 1960-х была рассекречена, его не оповестили, и Петров продолжал хранить молчание до 19 августа 1964 года, когда случайно в газете «Неделя» прочитал о событиях далекого 1925 года и главы из романа Льва Вениаминовича Никулина, посвященного МОЦР, его реальным и мнимых членам, его западным руководителям и, безусловно, поимке английского разведчика. Газетный материал так и назывался «Конец Сиднея Джорджа Рейли». Здесь было названо, казалось, навсегда утраченное имя – Тойво Вяхя.

Когда пойдут одна за другой газетные публикации, то, прежде всего, речь пойдет об эпизоде на Сестре-реке. Как ни значительна была операция, как ни важны были сведения, полученные от С.Д. Рейли (поняв, что для британской разведки он мертв, он был вынужден пойти на сотрудничество с чекистами), думается, что подвигом было другое: принять позор и обречь себя на 39-летнее молчание. Так и сказал он тогда, в том достопамятном 1968 году: «Если Родине необходимо, то нужно и помолчать». Обретение права на имя и слово свидетеля, будто плотину прорвало: Петров–Вяхя мало того, что заговорил, он начал писать.

Ни одному писателю Карелии советская пресса не уделяла столько внимания. Этого мало: его имя как участника операции «Трест» появилось в литературе и кино. Кроме того, как человек, чья память, чем дальше, тем больше, восстанавливалась, он не мог не заинтересовать ученых: свидетель и участник стольких событий, лично знавший не только знаменитых чекистов, но и таких известных деятелей советского государства, как Эдвард Гюллинг, Густав Ровио, Тойво Антикайнен, Эйно Рахья, Геннадий Николаевич Куприянов и других.

Петрову–Вяхя важно было рассказать о красных финнах, лыжном походе Тойво Антикайнена. Поэтому, еще будучи И.М. Петровым, он написал в 1951 году письмо в Карело-Финский филиал Академии наук СССР, не согласившись с «вольным изложением» (16) этого рейда. В качестве ответа на него он получил приглашение в Институт языка, литературы и истории КФ АН СССР с просьбой рассказать о том, как это было. Петров–Вяхя был чрезвычайно благодарен карельским ученым и всегда с уважением отзывался о Якове Алексеевиче Балагурове и Ефиме Семеновиче Гардине. Последний еще в 1947 году издал монографию «Разгром бело-финской авантюры в Карелии 1921–1922 гг.». Незримо на страницах этого исследования присутствовал и курсант Петроградских финских командных

курсов. Следуя представлениям исторического времени, особо выделялись в их трудах руководители и герои сражений, все остальные олицетворяли народные массы.

Сражение в деревне Кимасозеро в Карелии было признано легендарным, оно стало показательным на уроках по патриотическому воспитанию. Сотни комсомольцев прошли по маршруту, получившему имя «Лыжня Тойво Антикайнена». По словам очевидцев и участников, это была действительно уникальная операция.

Посмотрим, как она прокомментирована в современной «Истории Карелии с древнейших времен до наших дней» (2001) в главе VII-й «Карелия в годы нэпа и первых пятилеток (1920-е – 1930-е гг.). Как явствует из заголовка главы, наше представление о столкновении красных финнов с белофиннами как эпизоде Гражданской войны было ошибочным и, к сожалению, не опровергнутым в энциклопедии «Карелия».

На деле засуха в Поволжье и других хлебородных районах страны спровоцировала социальную напряженность в ряде регионов, в том числе и на севере, где прекратился подвоз хлеба. Этим обстоятельством воспользовались антибольшевистские силы Финляндии: численность отрядов, пересекших границу, составляла 7,5 тысяч человек. Чтобы придать своим действиям легитимность, белофинны организовали в конце ноября 1921 года так называемый «Ухтинский съезд представителей карельского народа», принявший решение о независимости Карелии[4].

Естественно, что советское правительство подготовило ответный удар: «В Карелию были спешно переброшены войска и военная техника. В феврале 1922 г. группировка Красной армии в Карелии насчитывала более 30 тысяч человек»[5]. В это число и входили бойцы из отряда Тойво Антикайнена, и именно они, как наиболее успешно и ярко проявившие себя в этом конфликте, закрепились в массовом сознании.

Профессиональный историк, исполнитель этого раздела С.Н. Филимончик посвящает этому факту всего 2 предложения. Приведем их полностью: «Важную роль в ходе операции сыграл рейд в тыл противника лыжного отряда Интернациональной военной школы под руководством Т. Антикайнена. 20 января 1922 года в деревне Кимасозеро «красные финны» разгромили штаб южной группы противника»[6].

Безусловно, этот героический подход – лишь эпизод не только в истории огромной страны, но и Карельской трудовой коммуны. Историки подчеркивают, что рейд под руководством Т. Антикайнена сыграл в ходе операции «важную роль». Пропаганда, для которой значимо, что на удар финнов ответили их соплеменники, высветила этот эпизод. Может, он с течением времени

---

[4] Филимончик С.Н. Карелия в годы нэпа и первых пятилеток (1920–1930-е гг.) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: «Периодика», 2001. С. 443.
[5] Там же.
[6] Там же.

забылся, но здесь сыграло свою роль искусство. В 1932 году выходит в свет журнальный вариант рукописи Геннадия Фиша «Падение Кимас–озера», в 1933 – отдельной книгой. В 1937 по его сценарию был снят фильм о рейде на Кимас–озеро, получивший на экране название «За Советскую Родину». Конечно, засекреченный разведчик Тойво Вяхя не мог быть информатором писателя, не мог увидеть себя на экране под своим именем. Он был опять среди тех, кто представлял героические народные массы.

Когда он выйдет из тени, он не только попытается передать свое представление об операции «Трест», но и о рейде Тойво Антикайнена. Выяснилось, что и финны, и книга забыты: о Тойво Антикайнене помнят лишь в Карелии. Чтобы восстановить справедливость, он стал писать.

Если операция «Трест» пробудила в Петрове–Вяхя публициста и рассказчика, то операция «красных финнов» под руководством Тойво Антикайнена – писателя. В 1969 году в номере 3-м журнала «Север» вышла в свет повесть И.М. Петрова «Красные финны». Здесь еще не значилось его природное имя, и жанр произведения был скромно обозначен «воспоминания».

Общим в повестях Г. Фиша и Петрова–Тойво Вяхя является опора на воспоминания участников события и документы. В отличие от известных повестей о Гражданской войне («Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича и др.), написанных по горячим следам о событиях, непосредственными участниками которых были сами писатели, «Падение Кимас–озера» стало одним из первых произведений об этом времени, написанных *«с исторической точки зрения»*[7]. Дело не только в том, что писатель анализировал события с позиции временной дистанции, но и участники боев, делясь с ним своими воспоминаниями спустя десять лет, не могли не ощущать поход Тойво Антикайнена как *«свое прошлое»*[8].

Что касается И.М. Петрова–Вяхя, то он ведет повествование о событиях сорокалетней давности, что не могло не наложить на автобиографическую повесть определенный отпечаток. Книга, хотя написана от первого лица и отражает те звенья операции, в которых автор участвовал лично, дана сквозь призму осмысления им тех далеких событий, не утративших для него своей актуальности. То, что для Г. Фиша было *интернациональной* темой, для Петрова–Вяхя было фактом его жизни. Писатель показал чувство человека, сражающегося *за нашу и вашу* свободу, в его становлении и развитии. Кульминационной точкой в его судьбе стала операция на Кимасозере. Этому ключевому событию посвящена последняя глава. Как ни значима была военная операция для советской республики (что автором не отрицается, но и не преувеличивается), важнее другое: понять интернационализм как феномен. Таким образом, из незримо присутствующего Петров– Вяхя становится центром произведения, ни в коем случае не вожаком (командиром), ни особо отличившимся героем, но человеком, осознавшим свое

[7] Жак Л. Геннадий Фиш. Очерк жизни и творчества М.: «Советский писатель», 1976. С. 91.
[8] Там же.

право не только поставлять информацию писателям и ученым, но и самому ее осмыслять и представлять читателям.

Заметим, что тема «красных финнов» не оставляла писателя. Он был консультантом У. Викстрема, автора документальной повести «Тойво Антикайнен» (1970), рецензентом его книги[9]. Вместе они встречались с приехавшими в Петрозаводск в сентябре 1975 года писателем Ханнесом Томпури и режиссером театра Пеккой Мандартом в связи с предстоящей подстановкой о Тойво Антикайнене в Финляндии[10].

Что касается сотрудничества Петрова–Вяхя с писателем Львом Никулиным, написавшем о деятельности (реальной и ее имитации) Монархической организации центральной России роман, то здесь он выступил сначала в функции эпизодического персонажа, позже – в роли консультанта. Прочитав публикацию Л. Никулина в газете «Неделя», о чем сказано ранее, Петров–Вяхя написал автору. Ему надо было сообщить, что описываемый в книге Тойво Вяхя жив, объяснить его роль в операции «Трест». Чувство внутреннего достоинства не позволяло Петрову–Вяхя низводить ее до функции кучера, о чем красноречиво рассказано О. Тихоновым в главе «Кучер Сиднея Джорджа Рейли».

Переход Рейли через советско-финляндскую границу, который он осуществил с помощью Тойво Вяхя, занимает в романе 6 абзацев. Описан он в начале 60-й главы. Поскольку в книге 82 главы, это означает, что многоходовая операция советской разведки близилась к финалу, который мог быть в полной мере результативным только при условии ареста Рейли. Несколько часов, проведенных Тойво Вяхя с Рейли, были лишь мгновением в истории операции «Трест», но от него, этого мгновения, зависел ее исход.

Если в романе Льва Никулина «Мертвая зыбь» образ Тойво Вяхя эпизодичен, то в поставленном по нему четырехсерийном телевизионном фильме «Операция "Трест"» (1967) образ пограничника приобретает особое значение. Режиссер Сергей Колосов, с одной стороны, повторяет сказанное в книге: эпизод перехода через границу; сопровождение английского разведчика до железнодорожной станции, с другой – вводит Петрова–Вяхя сегодняшнего в киноповествование.

Как единственный живой участник «Операции "Трест"», он был приглашен на съемочную площадку в качестве консультанта. Однако личность Петрова–Вяхя, его дальнейшая судьба настолько заинтересовали постановщика, что в фильм о 1920-х годах он вводит дополнительную вставку – свое интервью с советским разведчиком. Если переход через Сестру-реку длится на экране 40 секунд, то на интервью уходит 4 минуты, большое по кинематографическим меркам время. Если в кадре перехода внимание зрителей больше

[9] См.: Петров И. Живой Антикайнен // Север. 1971. № 5. С. 119–122.
[10] Летопись литературы Карелии. 1972–1076 / Сост. Е.И. Такала, Х.П. Кабанова. Петрозаводск: «Карелия», 1978. С. 128.

приковано к Рейли (поймают–не поймают), то в интервью – к самому исполнителю операции, разработанной ОГПУ. Появление в картине реального человека 1960-х годов, только что увиденного на экране в исполнении актера Ивана Власова, позволяет не просто подтвердить подлинность происходящего, но и создать ощущение связи времен. Главное: интервью работает на символический смысл фильма – на «миф» о революции и Гражданской войне, на мифологизацию самого Тойво Вяхя. И хотя его рассказ об участии в операции, о своей жизни в дальнейшем был предельно фактологичен, на экране он был высвечен так, что вырастал до символа: вот он, герой невидимого фронта. Не случайно спустя десять лет С. Колосов напишет о работе над фильмом книгу, которой даст название–оксюморон «Достоверность легенды».

Благодаря связке – образ пограничника / образ человека сложной судьбы – Петров–Вяхя приобретает черты героя не одного-единственного подвига, а героя по жизни. Образ человека, преданного идее революции, достойно служившего ей, должен сохраниться в памяти потомков – таков нравственный императив фильма.

Статус Петрова–Вяхя как героя по жизни получил дальнейшее закрепление в романе Олега Тихонова «Свидетель» (1990). Биограф не констатирует этот факт, а показывает *процесс* рождения из обычного пролетарского паренька легендарной личности. Для раскрытия своего замысла О. Тихонову потребовалась доказательная база: интервью с Петровым–Вяхя и его близкими, друзьями, личные письма и фотографии тех лет, документы, интерпретации событий в мемуарах, в трудах ученых и в художественных текстах. Автор проанализировал трагические (роль предателя, долгое молчание, ГУЛАГ) и вершинные (доверие первых лиц ОГПУ, неожиданно обрушившаяся на него слава) моменты его жизни и судьба. Он показал путь Петрова–Вяхя от юного пролетария к солдату и, наконец, к писателю. Книги И.М. Петрова (Тойво Вяхя) задействованы в романе О. Тихонова в качестве исторического источника и, в определенной степени, проанализированы как художественные тексты. Он попытался понять, почему Петров–Вяхя, чей путь уже описан учеными, писателями, журналистами, принимает, подобно В. Маяковскому, решение: «Я сам расскажу о времени и о себе».

Дело не только в том, что как свидетель и участник описываемых событий, Петров–Вяхя поправлял ранее сказанное и обогащал имеющиеся наработки новыми фактами, главное в другом: на собственном примере он показывает рождение человека, преданного идее. Да, построенный социализм не соответствовал тем романтическим идеалам, которые вдохновляли его поколение на борьбу. Он, как ни тяжело, признал этот факт и призывал работников Карельского обкома партии начать созидательную работу во имя реализации великой мечты на практике. Как бы он отреагировал на «перестройку», организованную М.С. Горбачевым, неизвестно: Иван Михайлович Петров (Тойво Вяхя) ушел из жизни годом раньше.

Произведения И.М. Петрова (Тойво Вяхя) были удостоены многих рецензий и ряда аналитических статей (одна из них названа в энциклопедии «Карелия»),[11] а также отдельной главки в 3-м томе «Истории литературы Карелии». Ее автор, И.Л. Савкина, рассматривает его основные мемуарно-автобиографические повести «Красные финны», «В чекистской операции "Трест"», «Ильинский пост», «Мои границы» как единый «документально-автобиографический цикл», интрига которого – «это интрига познания времени через человека и в человеке»[12]. Поскольку главка о И.М. Петрове (Тойво Вяхя) входит в раздел второй «Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей», исследовательница, зная, что, будучи билингвом в жизни, Петров–Вяхя пишет книги только на русском языке, тем не менее ощущается финский «акцент» в его произведениях. Важно отметить, что с 1969 года имя И.М. Петрова (Тойво Вяхя) появляется в выпусках «Летописи литературной жизни Карелии», где зафиксированы его публикации на русском языке и в переводах на финский, рецензии и статьи о его произведениях, интервью с писателем и ряд фактов, отражающих его работу в Карельском отделении Союза советских писателей[13].

И, возвращаясь к началу, скажем, что вполне закономерно, что имя И.М. Петрова (Тойво Вяхя) стоит в ряду тех, кто удостоен «олимпа» – статьи в энциклопедии «Карелия».

Примечания:

[11] См.: Рогощенков И. Обаяние правды // Север. 1974. № 1

[12] Савкина И.Л. И.М. Петров (Тойво Вяхя) (1901–1984) // История литературы Карелии: в 3-х томах. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С.381.

[13] Летопись литературной жизни Карелии // Сост. Е.И. Такала, Х.П. Кабанова, Н.А. Прушинская, Э.П. Кемппинен, Н.В. Чикина, О.П. Кошкина. Петрозаводск: 1974, 1978, 1989, 1994, 2010, 1011.

Борисов И.В.

Самуэль Алопеус – первый краевед Приладожской Карелии («Северной Карелии»)

(230 лет выхода в печати книги С. Алопеуса «Краткое описание мраморных и других каменных ломок, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии»)

Самуэль (Самуил) Алопеус (Alopaeus) родился, по одним данным, в 1720 году (4), по другим - 9 января 1721 года (7) в Санкт – Петербурге, в семье восточных финнов, потомственных священников. Прародитель рода Туомас Кеттунен был крестьянином. В конце XVII века его правнук пастор Магнус Мянссон (1644-1692) перевел свою фамилию Кеттунен (от фин. ketu-лис) на латинский язык и стал Алопеус (от греческого alopeeks – лисица).

Отец Самуэля – Йоханнес Самуэльссон Алопеус – был настоятелем ингерманландской церкви в Купанитсе. Еще в 1712 году его рукоположили в священники и в качестве пленного привезли в Санкт-Петербург. Мать – Анна Мария Майделин – была дочерью санкт-петербургского настоятеля ингерманландской церкви.

Самуил Алопеус в 1739-1744 годы обучался в академической гимназии города Або (Турку), в Санкт-Петербурге и Германии. С 1745 по 1750 годы, работал учителем иностранных языков (немецкого и русского) в кафедральной школе города Выборга. В школе на пять классов приходилось семь учителей. Количество учащихся постоянно росло, но финансирование оставляло желать лучшего.

В 1751 году в Нарве С. Алопеуса рукоположили в сан священника евангельско-лютеранской веры, и направили от Выборгской консистории проповедником финско-шведского прихода в Санкт-Петербург. С 1752 года пастор служил настоятелем в деревянной церкви Св. Анны (построена в 1734 году), у Невского проспекта. На ее месте с 1805 года стоит каменный храм Св. Марии (Мариинкиркко).

В мае 1755 года Самуэль Алопеус был направлен проповедником евангельско-лютеранской веры в Сердоболь (Сортавала) Кексгольмской провинции, где стал настоятелем Сортавальского прихода. Как писал сам пастор, Сортавала в те годы представлял из себя небольшой «худо выстроенный», деревянный городок с почти заглохшей торговлей. В 1764 году в нем проживало 420 человек, занимавшихся продажей пива и вина. Также имелось у хозяев 39 коров и 29 лошадей. На мысу Кирккониеми (в переводе с финского – «церковный») стояла небольшая бревенчатая, крестообразная в плане лютеранская церковь, построенная в 1740 году под руководством мастера Эскила Коллениуса. Видимо, когда ее строили, спешили, не укрепили,

как следует глинистый грунт, поэтому церковь быстро ветшала, «гуляла», и к 1775 году пришла в такое плохое состояние, что ее не имело смысла и чинить (7).

По инициативе Самуэля Алопеуса было принято решение о строительстве в Сердоболе новой церкви и о сборе для этого пожертвований. Пастор Алопеус, капеллан Мелатопаус и земский комиссар Хенрик Меларт подготовили в правительство прошение, и вскоре необходимое разрешение было получено. На строительство новой кирхи прихожане собрали 256 гривен и 33 копейки. Вполне вероятно, что неутомимый Алопеус, мечтая о новой церкви, сам составил и её чертежи. Но возведение храма отложили в связи с начавшейся войной со Швецией (1788 - 1790 годы). Только в 1801 году под руководством мастера Матти Салонена в Сердоболе (Сортавала), на горе Кисамяки, была построена новая кирха.

Сердобольский лютеранский приход был малочисленным и бедным, и пастору Самуилу Алопеусу предстояло немало потрудиться во славу Бога для укрепления христианской веры среди населения.

Много усилий Алопеус приложил и для приведения в порядок церковных документов. Он был третьим по счёту пастором в Сортавальском приходе, но раньше церковные учётные записи велись беспорядочно. При Самуиле Алопеусе стали тщательно записывать крещение, венчание, обручение, конфирмацию, вести протоколы церковно- приходских собраний. К сожалению, все церковные архивы погибли во время русско-шведской войны.

Благодаря стараниям нового пастора в сортавальской церкви появились Библия и другие церковные книги, которые были привезены из Таллина и Турку – всего 116 экземпляров. По приказу управления церкви С. Алопеус для финноязычных прихожан перевел с русского языка на финский «Краткий Катехизис», который был напечатан в Санкт-Петербурге в 1780 году (7).

При Самуэле Алопеусе стали регулярно проводиться приходские собрания, на которых решались главные вопросы быта и жизни прихожан. Когда управляющие господскими имениями пытались вмешиваться в дела церкви и оказывать давление на крестьян, Алопеус защищал своих прихожан от произвола.

В Карелии представители лютеранского духовенства играли важную роль в жизни своих приходов. Пасторы были наиболее уважаемыми и образованными людьми, но на их плечи ложились не только церковные заботы.

Самуэль Алопеус, будучи в прошлом учителем, начал с рвением поднимать образование в Сортавала (Сердоболе). Он даже выделил под школу помещение в своём служебном жилье. Благодаря его стараниям в 1786 году в Сердобольском приходе открылась 2-х классная школа, где работали два учителя. Самуэль Алопеус не только много внимания уделял проблемам школы, но и преподавал в ней Библию и немецкий язык, т.к. найти учителя долгое время не

могли. Только в 1792 году в сердобольскую школу из Санкт-Петербурга приехал учитель немецкого языка – Йохан Шумахер.

В 1765 году С. Алопеус был избран асессором Выборгской консистории, а в 1770 году ему присвоили звание губернского протоиерея (пробста).

Самуэль Алопеус был не только хорошим священником, но и пытливым до всего исследователем, интересовался естественными науками. Особенно его увлекала минералогия. Самуил с юности полюбил минералы и в течение своего служения Церкви всегда интересовался возможностью их практического применения на благо государства.

Пространный край, куда был послан пастор Алопеус, оказался благодатной почвой для дремавших в нем способностей пытливого до всего исследователя. Девственная природа края, нетронутые горные, водные, лесные и земные ресурсы его пробуждали интерес и толкали на поиски любознательного священника. Особенно его манили своей таинственностью минералы, которыми так была богата Карелия. Алопеус признавался, что еще в юности полюбил «царство камней», что и «побудило его упражняться в познании свойств гор и каменных пород не только в пределах его прихода», но и в других местах, по которым он разъезжал «и как член Выборгской консистории, и часто по собственному желанию» (1).

Совершая поездки к своим прихожанам, даже на далекие Петровские заводы, пастор Алопеус собрал ценные сведения о природе, хозяйстве и населении края, которые он впоследствии обобщил в своей единственной книге под названием: «Краткое описание мраморных и других каменных ломок, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии», изданной на немецком, а потом и на русском, языках в Санкт-Петербурге в 1787 году. Эта книга вышла в печати благодаря рекомендации президента Вольного экономического общества, генерал-поручика и шефа Финляндского егерского корпуса графа Фёдора Евстафьевича фон Ангальта (1733-1794 годы), который в 1785 году, во время инспекторской поездки по России, посетил Сердоболь. В приватной беседе Ф. Е. Ангальт был поражён обстоятельным рассказом Самуэля Алопеуса о каменном богатстве края и собранной пастором богатой коллекцией горных пород и минералов. Именно эта встреча подтолкнула Самуэля Алопеуса к написанию книги, которую можно заслуженно считать первым краеведческим исследованием Северной Карелии. По возвращении в столицу, граф Ф.Е. Ангальт представил императрице Екатерине II доклад о поездке по России, за который был награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного.

Книга Самуэля Алопеуса, посвященная графу Ф.Е. Ангальту, получила высокую оценку у академика Н.Я. Озерецковского и других исследователей края. Выдержки из нее в 1798 году публиковались в одном германском периодическом журнале.

Книга сортавальского пастора является первым краеведческим исследованием Приладожской Карелии (Северной Карелии), но содержание ее значительно шире названия. Она состоит из пяти отделений, посвященных определенным темам, и насчитывает 86 страниц. По высказыванию А.Ф. Бояринской, «книга написана увлекательно; автор как бы путешествует по прекрасной, полной загадок стране гор, озер, лесов и камня. Все замечает внимательный глаз пастора, а любознательный ум пытается объяснить» (3).

В первом и втором отделениях книги подробно описываются события, связанные с поисками, разведкой и организацией добычи мрамора в Рускеала, Йоенсу и Тивдии. Ценно то, что Самуэль Алопеус был непосредственным участником этих событий. Многие исследователи приписывают пастору Алопеусу открытие им в 1765 году Рускеальского месторождения мрамора. Но на самом деле первые разработки мрамора начались в Рускеала еще при шведах, в середине XVII века. Заслуга сортавальского пастора в том, что он сумел обратить внимание чиновников и специалистов на известные ему залежи мрамора в Рускеала и Йоенсу, что привело к началу их промышленной разработки.

Уже в первые годы царствования Екатерины II по предложению академика М.В. Ломоносова на всей территории России начались астрономо-географические исследования, в ходе которых проводилось межевание земель, составлялись планы многих городов, собирались «Исторические и топографические описания» местностей. В этой работе на благо Отечества приняли участие не только ученые и землемеры, но и местная интеллигенция – чиновники, учителя, священники и прочие просвещенные любители из разных слоев населения. Самое пристальное внимание исследователей привлек Русский Север и Карелия, как ближайший к столице регион. Строительство Санкт-Петербурга требовало большого количества природного камня, в том числе, мрамора и гранита. Уже в начале 1760-х годов вновь отправляются экспедиции на Урал для изучения заброшенных месторождений мрамора. Не осталась без внимания и Выборгская губерния, расположенная в непосредственной близости от столицы (2).

В 1764 году Екатерина II подписала указ Сената «Об учинении новой ревизии в Финляндию». Посланные в Выборгскую губернию ревизоры под руководством советника правления Гибертовского нашли эту область в крайне бедственном положении, отметив низкий уровень хозяйства, недород хлеба, бедность населения, практически не обратив внимания на ее лесные и каменные богатства. В том же году, выполняя правительственную программу по сбору информации в регионах, а также желая процветания Северной Карелии (территории Приладожья к северу от Кексгольма), Самуэль Алопеус подготовил записку под названием «Краткая история естественного свойства древностей и хозяйства сей земли», которую он отправил господину Гибертовскому. В этом документе священник особое внимание обратил на значительные запасы строительного камня в районе Сердоболя, в том числе и в Рускеала, тем

самым, опровергнув официальное мнение о бедности края. Получив от земских эмиссаров и проповедников точные топографические описания каждого прихода Выборгской губернии, господин Энгельгард составил полное описание своей губернии и предоставил его Екатерине II.

Это способствовало тому, что в августе 1765 года из Экспедиции строения Санкт-Петербургской Императорской Академии Художеств в Сортавала был направлен подмастерий каменного дела Андрей Пилюгин - для осмотра выходов мраморов, о которых годом раньше сообщал в своем письме Самуэль Алопеус. Сортавальский пастор подробно рассказал Андрею о залежах мрамора в Рускеала и на островах Ладожского озера «Ареазааре» и «Амбарзааре» в Йоенсу и дал ему толмачей. Пилюгин тщательно осмотрел выходы мраморов и, отобрав небольшие пробы камня, в начале сентября 1765 года вернулся в столицу, в Экспедицию Строения Академии Художеств (1).

Рускеальский мрамор понравился проектной комиссии, и уже в октябре 1765 года Андрей Пилюгин вновь приехал в Рускеала для проведения дополнительных исследований, взятия новых проб и определения мест закладки опытных карьеров. Самуэль Алопеус оказывал подмастерье всяческую помощь – давал ценные советы, помогал людьми, и вообще относился к начатому делу с большим вниманием. Сбывалась мечта сортавальского пастора – наконец-то карельский камень понадобился людям, да не просто для рядового строительства, а для украшения богатых столичных зданий!

В конце января 1766 года Самуэль Алопеус отправил в Выборг письмо со своими предложениями по организации добычи камня в Рускеала и Йоенсу. Приехав следующей весной в столицу, пастор убедился, что его предложения были приняты к сведению, и на их основании Пилюгину от Канцелярии Строения дана была инструкция по дальнейшей организации работ.

В конце июня 1766 года Андрей Пилюгин вновь приехал в Сердоболь, но уже не один, а с четырьмя каменотесами. На выданные Канцелярией Строения 800 рублей, он с помощью Самуэля Алопеуса нанял двадцать работников для ломки мрамора в Рускеала и Йоенсу (Хийденселька). Вначале экспедиция отправилась в Йоенсу на небольшой островок Ареасаари (Иоен, Ювень, Калккисаари), где была заложена опытная каменоломня. Мрамор также пытались ломать на соседнем островке Амбарсаари, но он был столь мал и невысок, что выработка заливалась водой, и дальнейшие работы здесь скоро прекратились. 11 сентября первые пробы мрамора с острова Ареасаари (Иоен), были отправлены в столицу. В начале октября следом за ними Алопеус отправил в Канцелярию Строения еще один сойма-бот, груженный девятью мраморными блоками (1).

В Рускеала мрамор стали добывать 9 августа 1766 года, лишь после того, как закончили работы на острове Ареасаари (Иоен). В конце октября работы на мраморных ломках были

приостановлены по причине израсходования выделенных для этого средств. Позже директор Канцелярии Строения, президент Академии Художеств, действительный тайный советник И.И. Бецкой выдаст пастору Алопеусу за понесенные им «великие труды, поездки, издержки, переписки» 100 рублей (сам Алопеус пишет о 300 рублях). Андрей Пилюгин также был отмечен – в 1767 году он был произведён в мастера каменных дел (6).

Последний раз Андрей Пилюгин побывал в Рускеала в феврале 1767 года. Тогда вместе с ним приехал машинист Какс, который тщательно осмотрел реку Русколку (Тохмайоки) на предмет установки на ней «пильной и шлифовальной машины с другими строениями».

13 сентября 1767 года в Сердоболь из столицы с инспекторской проверкой приехали горные чиновники – гвардии капитан Кожин и полковник Иван Васильевич Зверев. Они встретились с пастором Алопеусом и попросили его сопровождать их на начатые мраморные ломки в Рускеала и Йоенсу. Тогда же Самуэль Алопеус показал гостям выходы зеленоватого мрамора в пяти верстах к югу от Сортавала, в Таруниеми, на территории современного парк-отеля «Дача Винтера». Итогом поездки столичных инспекторов стала составленная ими «Обстоятельная ведомость», которую они, по возвращении в Санкт-Петербург, преподнесли генерал-поручику графу Якову Алексеевичу Брюсу.

На основании доклада генерал-поручика, гвардии подполковника и кавалера графа Я.А. Брюса, 20 января 1768 года императрица Екатерина II подписала указ Сената: «Об изготовлении мрамора и дикого камня на строение Исаакиевской церкви в Кексгольмском уезде погостах Сердобольском и Рускеальском с устройством там шлифовальных мельниц». Краткое содержание указа следующее: 1. начать добычу мрамора и «дикого камня» (гранита) в Рускеальском («Рускольском») и Сердобольском («Сардопольском») погостах Кексгольмского уезда, а также в других местах по берегам Ладожского (в Йоенсу) и Онежского (в Тивдии) озер для украшения Исаакиевской церкви и других зданий Санкт-Петербурга; 2. на месторождениях мрамора необходимо построить пильные и шлифовальные мельницы для обработки камня и обеспечить их мастерами и смотрителями офицерского чина; 3. отходы от добычи камня продавать в счет строительства Исаакиевской соборной церкви; 4. местные власти должны оказывать всяческое содействие горным работам; 5. для производства работ по мрамору с Екатеринбургских заводов в Карелию необходимо направить мастеров и подмастерьев (5).

В конце июня 1768 года в Рускеала вновь приехал капитан Кожин, а вместе с ним - машинный мастер Генрих Дункель, которому поручалось поставить на реке Русколке «машину для пиления и полировки камней». В течение месяца Кожин наблюдал за добычей мрамора в Рускеала и Йоенсу, и установил, что с глубиной качество камня становилось лучше. Из самых хороших кусков мрамора, добытых в каменоломнях, мастер Бергер изготовил «постамент, где

должны были храниться медали и надписи в память заложения Соборной Исаакиевской церкви», несколько мраморных столов и «другие малые работы для опыта» (1).

Находясь в Рускеала, капитан Кожин «учредил при ломках дальнейшую работу», заложил строения для пильных машин, дом с квартирами для офицеров, мастера и надзирателя, казармы для рабочих и солдат и многие другие сооружения. 21 июля он выехал в столицу, взяв с собой изготовленные Бергером мраморные работы. Екатерина II высоко оценила труд капитана Кожина и пожаловала ему титул Статского Советника.

В августе 1768 года Статский Советник Кожин опять приехал в Сердоболь и привёз с собой четырех итальянских каменотесов, которые должны были остаться мастерами при мраморных каменоломнях. Мастером в Рускеала был назначен Минзиахи, в Йоине - Бианхи. Экспедиция мраморных каменоломен осталась для удобства и безопасности в Сортавала.

Осенью того же года в Сердоболе (Сортавала) по распоряжению Кожина были построены: экспедиционный дом с квартирами для капитана, прапорщика и казначея, казармы для унтер-офицеров и солдат, разные хозяйственные строения, магазин. И с этого времени все три мраморные каменоломни Карелии – в Рускеала, Йоенсу и Тивдии – стали давать камень для украшения столичных дворцов и храмов, и в первую очередь, для Исаакиевского собора, строившегося по проекту А. Ринальди.

Добыча мрамора в Йоенсу закончится в начале 1800-х годов и будет ненадолго продолжена для нужд Валаамского монастыря во второй половине XIX века. Разработка мрамора в Тивдии и ее окрестностях прекратилась практически в начале XX века. Дольше всех давали мрамор каменоломни Рускеала – до конца 1980-х годов. Теперь на их месте работает Горный парк Рускеала – известнейший в России рекреационно-развлекательный и культурно-туристический центр.

Во втором отделении книги Самуэль Алопеус дает очень краткое описание геологического строения и горных пород Рускеальского месторождения мрамора. Он выделяет четыре разновидности мрамора, встречающихся здесь: 1. «пеплосерый волнистый с желтыми и зеленоватыми жилами», который добывался на горе Белой; 2. «зеленый мрамор», похожий на итальянский «Верд-Антик»; 3. мрамор с серыми, белыми и черными волнистыми прожилками и пятнами; 4. темно-серый с белыми крапинками. Из всех разновидностей тогда добывался только «пеплосерый» (светло-серый полосчатый) мрамор, который пошел на облицовку стен Исаакиевского собора, на изготовление дверных и оконных панелей Мраморного дворца и столбов в Гатчине. Глубина Рускеальской каменоломни на горе Белой уже составляла 15-17.5 м (1).

На мраморной каменоломне Йоен, заложенной на острове Ареасаари, по данным Алопеуса, добывали «мрамор сероголубоватый», с белыми, желтыми, черными и зеленоватыми волнами

и пятнами, рисунок которого менялся в зависимости от направления спила. Здешний мрамор, например, использовался в украшении Чесменской колонны в Царском Селе. Ломка Йоен уходила на глубину более 4 м ниже уровня воды в озере.

В Тивдийских каменоломнях, где пастор Алопеус бывал не раз, встречался мрамор разных цветов: темно-каштанового с белыми жилками; «кровавого мясного цвета» с белыми пятнами и причудливыми разводами; «светло-красный телесный»; «белый исчерченный», беловатый и темно-голубой, из которого, например, был выполнен столб Чесменской колонны в Царском Селе.

Во втором отделении книги С. Алопеус также подробно описывает процесс добычи мрамора, который был практически одинаков во всех трех каменоломнях Карелии (Рускеала, Йоене и Тивдии). Вначале вдоль подошвы уступа карьера, «под горой» рабочие проходили горизонтальный ров («подкоп») глубиной 6-8 м, шириной 1.5-1.8 м. Для этого в мраморной толще с помощью железных буров («бурав») длиною до 0.7 м и толщиною 25 мм, с наваренными на конце стальными наконечниками, бурили отверстия-шпуры («дыры»). Делалось это так: один рабочий держал и поворачивал бур, а другой бил по буру большим молотом. Для удаления пыли (шлама) и охлаждения металла в шпуры непрерывно заливали воду. В день двое рабочих высверливали в мраморе отверстие глубиной от 2 до 2.8 м. Затем пробуренные шпуры высушивали, заряжали порохом и затем зажигали фитилями. В результате взрыва от скалы отламывались большие куски мрамора. Эту работу продолжали до тех пор, пока «подкоп» в горе не достигал нужных размеров.

Затем сверху уступа каменоломни, над «подкопом», рабочие сверлили глубокие скважины «на кос одну против другой». Для этого использовали буры вначале короткие, потом длиннее и, наконец, 6-ти - 8-ми метровые. Эти «дыры» также высушивали, заполняли порохом и подрывали. В результате взрыва от подкопанной внизу массы мрамора отваливались огромные «отломки», которые затем разбуривались и раскалывались железными клиньями на нужных размеров куски, и по моделям обсекались долотами.

Алопеус пишет, что в Рускеала, на речном пороге, машинным мастером Дункелем была заложена «пильная и шлифовальная мельница», которая обошлась казне в приличную сумму. После отъезда мастера в Тивдию, эта машина вместе с плотиной была повреждена паводком, и больше не восстанавливалась.

Перевозка мрамора с каменоломен до Санкт-Петербурга дорого обходилась казне. Особенно была дорогой и трудной доставка камня с Тивдийской каменоломни, удаленной от столицы на многие сотни километров. Мрамор везли плотами, карбасами, соймами, перетаскивали волоком. Из Рускеала блоки мрамора весом в несколько тонн везли сначала зимником 30 верст до деревни Хелюля (Гелилу). Для этого использовали специальные сани, в которые впрягалось

от 10 до 80 лошадей. В Хелюля камни оставляли на берегу реки до весны. С наступлением навигации блоки мрамора перегружали на специально построенные для этого галиоты. Они приходили в Сортавала с хлебом и другими товарами из столицы, а обратно увозили мрамор. На момент написания книги перевозкой мрамора из Рускеала в Хелюля занимался санкт-петербургский купец Семен Тимофеев, а из Хелюля и Йоенсу по воде – петрозаводский купец Павел Каратаев (1).

В третьем отделении книги С. Алопеус пишет о других горных породах Северной Карелии, которые либо разрабатывались, либо намечались к разработке.

Так, на острове Тулолансаари, в 7 км от города Сердоболя (Сортавала), в 1784 году продолжали ломать «голубоватый чистый гранит», позже названный «сердобольским». Этот серый прочный камень, например, пошел на облицовку стен и изготовление колонн Круглого зала великолепного Мраморного дворца (архитектор А. Ринальди) в столице. В XIX веке сердобольский гранит с острова Тулолансаари и других мест Приладожской Карелии весьма широко применялся в архитектуре Санкт-Петербурга (Михайловский замок, Казанский собор, Эрмитаж, Николаевский дворец и т.д.).

По данным пастора, в Импилахтинском погосте, вблизи дер. Сумерия, примерно в 1770-е годы ломали красные граниты для цоколя Исаакиевского собора, строившегося также по проекту А. Ринальди.

В том же Импилахтинском погосте в 1771 году и позже Самуэль Алопеус исследовал горы, сложенные кристаллическими сланцами («флецом»), которые, по его мнению, могли бы применяться в строительстве. Он даже отобрал несколько проб камня и, отполировав с одной стороны, отправил их вместе с описанием в столицу, в Контору Строения, графу Якову Александровичу Брюсу. После этого каменотесный мастер Минзиахи, находившийся в Рускеала, получил указание изучить «флецовую гору», но тот, не проведя нужных исследований, сделал вывод о незначительных запасах и низком качестве камня. Алопеус с этим не согласился, и продолжал доказывать необходимость проведения разведочных работ. Только в 1777 году надзиратель Рускеальских каменоломен Давид Дункель еще раз осмотрел сланцевые горы в районе Импилахти и Суйстамо. Он отобрал несколько проб и отправил их в столицу. Специалистам образцы сланца понравились, особенно из района Керисюрья. Вскоре из Санкт-Петербурга Дункелю пришло указание немедленно выломать 12 столовых досок (плит) для опыта. Плиты добыли ручным пилением, и после шлифовки отправили в столицу. Камень оказался слоистым, но по мнению пастора был «хорош для письма».

По данным Алопеуса, в Суйстамском погосте, в дер. Сарки, крестьяне кустарно добывали сланцевый камень для изготовления точильных брусков («оселков»), которые продавались в деревнях, а поначалу, и в городе Выборге.

Сортавальский пастор не просто описывает минералы и горные породы Северной Карелии, но и пытается объяснить их происхождение, исходя из общепринятых на тот момент естественнонаучных представлений. В каких-то вопросах, он был прав, но в каких-то – глубоко заблуждался, как и любой другой исследователь-натуралист того времени. Например, Алопеус дает правильное объяснение происхождения загадочных «котлов» в скалах, которые были им встречены на острове Путсаари, к северу от Яккимаа и на реке Вуоксе.

В четвертом отделении своей книги, занимающей всего несколько страниц, Самуэль Алопеус пишет о известных ему проявлениях руд железа, меди и свинца. В Импилахтинском приходе, при деревнях Ялонваара и Лаитиас (Лайя) еще в 1772-1773 годах бил разведочные шурфы санкт-петербургский купец Павел Посников. Он истратил много средств, но добыл совсем немного медной и свинцовой руды. Ялонваарские медно-свинцовые прииски будут разведываться и позже, в 1780-е годы, в XIX веке и даже во второй половине XX веков, но промышленной руды в них так и не будет найдено.

Алопеус также упоминает о магнитном (железном) песке, который намывается ладожскими волнами на берегу острова Валаам. Этот песок собирали летом, во время ярмарки, крестьяне и продавали на материке для «засыпания письма».

По данным пастора в Рускеала и Яккимваара имеется много красной земли, обогащенной железом. Эту землю крестьяне собирали и готовили из нее краску. Вероятно, по этой причине и возникло название местности Рускеала, что в переводе означает «красный». Здесь также много железистых источников.

Однажды, во время поездки в Суоярви, Самуэлю Алопеусу крестьяне передали кусок богатой железной руды, которую он позже отправил в Петрозаводск бергмейстеру Фрейгольду. После опытной плавки мастер подтвердил высокое качество суоярвской руды.

Судя по всему, Алопеус интересовался рудой в меньшей степени, чем строительным камнем. Может быть по этой причине в его книге содержится так мало сведений о рудном сырье. Не исключено, что в то время в Северной Карелии, действительно очень мало было известно рудных приисков. Последний вывод подтверждает и книга академика Н.Я. Озерецковского, изданная в 1792 году. Только в начале XIX века в ходе научных исследований В.М. Севергина (1804 г.) и горного инженера А.Ф. Фурмана (1810 г.) станут известны новые рудопроявления, о которых С. Алопеус просто не мог знать. Но и тогда еще не будут известны медные и оловянные месторождения Питкяранта, которые станут разрабатываться шахтами только с начала 1840-х годов.

В последнем, пятом отделении книги Самуэль Алопеус кратко пишет о жемчуге, драгоценных и поделочных камнях Северной Карелии. В некоторых реках и ручьях, впадающих в Ладожское озеро, крестьяне издавна ловили жемчуг. Особенно хорошие

жемчужины попадались в Яккимваарском погосте, в реке Ихалаоя. Лучшие из них в свое время отправлялись императрице Елизавете Петровне. Но пастор сожалеет, что из-за хищнического промысла лов жемчуга в регионе практически прекратился.

В Импилахтинском погосте, в дер. Кителя в прошлые годы, в XVII веке, добывали темно-красные гранаты, которые шведы почему-то называли «кителакскими рубинами». Недалеко от деревни в скалах сохранились старые выработки, где брали самоцветные камни. Во времена, когда жил Алопеус, специальной добычи граната в Кителя уже не было; изредка в здешней земле при вспашке полей попадались неплохие гранаты, которые местные крестьяне собирали и продавали скупщикам.

На острове Пизааре (Пиисаари) Ладожского озера и на материке напротив острова Укзаломпа, по данным Алопеуса, встречались «черные и синеватые агаты величиною от грецкаго ореха до гусинаго яйца». Крестьяне собирали их для кремней, а знатоки шлифовали как поделочные камни. В 1769 году пастор набрал на острове Пиисаари множество таких камешков, между которыми попадались черные «агаты» с желтоватыми полосами и даже карнеол. Вероятнее всего, тамошние «агаты» на самом деле являются разновидностями кремня. Несколько черных и непрозрачных «агатовых камней» С. Алопеус нашел в 1773 году на берегу Онежского озера, во время поездки в Петрозаводск.

Пастор упоминает о белом «голыше» (кварце), который в 1776 году он обнаружил в районе дер. Соанлахти. Этот камень, как и залежи кварцевого песка, вполне мог бы использоваться для производства стекла. В окрестностях Сердоболя уже шла добыча такого «голыша», который отправляли на фарфоровые и фаянсовые фабрики.

В конце книги Самуэль Алопеус подробно описывает странной формы иматровские камешки, которые встречаются ниже известного порога Иматра на реке Вуоксе. Эти камни, по мнению автора, являются затвердевшей глиной. Необычные фигурные камни, состоящие из твердой глины, песка и железа, пастор также находил на берегах рек и Ладожского озера в районе Сердоболя.

Завершая книгу, Алопеус замечает, что описал лишь те камни, которые ему удалось найти и изучить во время своих поездок по региону. Пастор пишет, что наверняка много других минералов и пород сокрыто в недрах Северной Карелии, но их можно найти, проведя специальные исследования специалистами и учеными (1).

Через год после выхода книги, в 1788 году в доме С. Алопеуса в Сердоболе побывал профессор Н. Шультен. Он характеризовал пастора как человека тихого, приветливого, с хорошим характером.

За выпуск столь интересной и познавательной книги, опять же по инициативе Ф. Е. Ангальта, в 1789 году Самуэль Алопеус был принят в члены Вольного экономического

общества, созданного в 1765 году в Санкт-Петербурге с целью развития хозяйственной деятельности страны. В трудах ВЭО в 1790-1794 годах было опубликовано 12 небольших работ пастора Алопеуса по истории, природе и экономике края - три статьи и 9 коротких сообщений: 1. Сочинение о печах, дрова сберегающих (1790 г.); 2. О лечении заразы паровою банею (1792 г.); 3. Косуля сердобольская (1792 г.); 4. Известие о приготовлении и пользе можжевелового дерева (1792 г.); 5. Описание сердобольского рыболовства и разных родов рыб в тамошних водах находящихся (1792 г.); 6. О хозяйственном употреблении можжевельника и о варении из можжевеловых ягод пива (1792 г.); 7. Легкий домашний способ от скотской заразы, который в разных местах и в Выборге весьма удачно употреблен был (1792 г.); 8. Описание местоположения Кексгольмской провинции Карелии (1792 г.); 9. Описание вод Карелии (1793 г.); 10. Об употребительной охоте в Карелии (1793 г.); 11. О весеннем севе и о жатве и сенокосе в окрестностях Сердоболя (1793 г.); 12. Донесение об итогах 1792 года, в котором были обрисованы состояние демографии, здравоохранения и сельского хозяйства в Сердобольской округе (1794 г.).

В своей статье «Описание местоположения Кексгольмской провинции, иначе Карелией называемой» (8), Самуэль Алопеус на 18 страницах дает краткое географическое описание указанной территории: ее границ, лесных и водных ресурсов, сельского хозяйства, города Кексгольма, Валаамского и Коневецкого монастырей. В статье есть неточности научного характера, например, в описании истории создания герба Карелии. В целом данное произведение содержит мало конкретных фактов, и в настоящее время не представляет существенной пользы для формирования объективного образа Северной Карелии конца XVIII века.

В статье «Описание вод в Карелии» (9) объемом 19 страниц, Алопеус в первую очередь приводит краткое описание Ладожского озера: его границ, природных особенностей, живущих в нем рыб, судоходства. Пастор обращает особое внимание читателя на странные колебания уровня воды в Ладожском озере, которые по его мнению, происходят каждые 14-15 лет, с амплитудой в 3 аршина и более. Алопеус пытается объяснить причины такого изменения уровня воды в Ладоге, и в этом вопросе добился определенных успехов.

В данной статье описываются также река Вуокса, озера Суванто, Питеярви и другие. Упоминается о речках, впадающих в Ладогу в районе Сортавала (Сава, Кишес, Гелиле, Кирьявалакс и Янанус). Приводятся интересные сведения о русских батареях-шанцах в Кивиниеми и Тайпале. Пастор пишет о ранее предпринятых попытках строительства канала в Тайпале для осушения берегов озера Суванто и налаживания торгового пути из Ладоги в Выборг. В целом в данной статье можно почерпнуть немало ценных сведений.

Коротенькая публикация на 7 страниц «Известие о приготовлении и пользе можжевелового дерева» (10) рассказывает о практическом применении ягод, смолы, корней и древесины можжевельника в народной медицине, кухне и быту. Приведенные в ней сведения могут быть весьма полезны и современному читателю, интересующемуся народными средствами лечения недугов.

У Самуэля Алопеуса была большая семья. От первого брака с Анной-Марией Сигфен у него родилось 11 детей. После ее смерти (1781 год) он женился второй раз на вдове пастора Анне Хелене Даннеберг, которая умерла в 1788 году. Третьей женой Алопеуса стала Ульрика София Урсинус, скончавшаяся в 1833 году (7).

Умер С. Алопеус в Сердоболе 14 октября 1794 года, дослужившись до старшего пастора (губернского пробста) Северной Карелии. Могила его неизвестна, хотя на «Старом финском кладбище» имеется семейное захоронение Алопеусов (Алопаеусов).

Имя Самуэля Алопеуса, как активного участника событий, связанных с организацией добычи строительного камня в Карелии, нередко упоминается краеведами и исследователями истории горного дела. Имя сортавальского пастора звучит во время экскурсий по Горному парку Рускеала. В Финляндии С. Алопеусу посвящено несколько статей. Имя этого человека упоминается и в Русском библиографическом словаре. Памятниками Самуилу Алопеусу являются Мраморный дворец и Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге, а также триумфальные колонны в Царском Селе, украшенные светло-серыми рускеальскими мраморами, замеченными сортавальским пастором еще в конце 1750-х годов.

Список литературы:

1. Алопеус С. Краткое описание мраморных и других каменных ломок, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии. Санкт-Петербург, 1787 г., С. 86.

2. Борисов И.В. Рускеальские мраморные каменоломни / Дорога горных промыслов. Институт геологии КНЦ РАН. Петрозаводск, 2014 г., с. 115-146

3. Бояринская А.Ф. Пастор С. Алопеус (рукопись). 1995 г.

4. Русский биографический словарь. Под редакцией А.А. Половцева. Типография Главного Управления уделов. Санкт-Петербург, Т. 2, 1900, 796 с.

5. РГИА. Ф. 1310, оп. 1, п. 50, л. 18-19, 1768 г.

6. РГИА. Ф. 789, оп. 15, д. 84, л. 4

7. Karjalainenelamakerrasto. Porvo. 1961 (Карельская биография. Порво. 1961 г., перевод Кяхконен Э.Э., 2012 г.)

8. Труды ВЭО, ч. 15, 1792 г., с. 185-202
9. Труды ВЭО, ч. 17, 1793 г., с. 268-286
10. Труды ВЭО, ч. 15, 1792 г., с. 343-349